АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. НЕЧКИНА

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. В. НЕЧКИНА

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

Ответственный редактор

академик | *Е. В. ТАРЛЕ* |

„Не пропадет ваш скорбный труд“.

А. С. Пушкин

„...их дело не пропало“.

В. И. Ленин

ОТ АВТОРА

В настоящей работе автор предлагает вниманию читателя монографическое исследование о движении декабристов, результат многолетнего труда.

Первое русское революционное движение, закончившееся восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. и выступлением Черниговского полка на Украине, давно требует монографического изучения: последние исследовательские работы обобщающего характера, ему посвященные, написаны почти полвека назад (небольшая работа М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» — в 1906 г., обширный труд В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» — в 1909 г.). С тех пор накопилось много новых материалов. Великая Октябрьская социалистическая революция широко открыла исследователям ранее запретные царские архивы. Советские декабристоведы исследовали разнообразные вопросы декабристского движения. Многие доселе не изученные стороны борьбы декабристов и обобщение всего движения в целом стали на очередь.

Предлагаемая работа не претендует на исчерпывающий характер. Великое множество материалов, сохранившихся от первого этапа русской революционной борьбы, и богатство их содержания, естественно, вызывают и вызовут к жизни многочисленные работы. Если настоящее исследование поможет дальнейшему изучению вопроса, автор будет считать свою цель достигнутой.

Автор приносит благодарность всем товарищам, принявшим участие в обсуждениях рукописи настоящей работы, организованных Институтом истории Академии наук СССР.

Глава I

ДЕКАБРИСТЫ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

1

Декабристы — первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г., всегда привлекали внимание историков России. Поистине огромна посвященная им литература. Она содержит немало крупных монографий, освещающих отдельные стороны движения, и отличается обилием детальных исследований, посвященных его частной проблематике. В ней нет недостатка и в небольших общих очерках популярного характера. Однако отличительной чертой этой обширной литературы является отсутствие обобщающих монографий, которые обрисовали бы историю движения в целом, с его истоков до его исхода. Наиболее крупное из позднейших исследований — работа В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» — посвящена только, как отмечает сам автор в предисловии, «политическому и общественному миросозерцанию» деятелей движения. История самой декабристской организации, внутренние этапы ее развития и даже восстание 14 декабря 1825 г., как и выступление Черниговского полка, были отнесены В. И. Семевским к «внешней истории тайных обществ» и оставлены вне замысла исследования [1].

Советская марксистско-ленинская историческая наука включает вопрос о декабристах в систему основных проблем русского революционного движения. Дворянские революционеры, выступившие в декабре 1825 г., открывают своею деятельностью историю русской освободительной борьбы, начинают, согласно ленинской периодизации, ее первый этап. В силу этого попытка дать обобщающий труд о движении декабристов с позиций марксистско-ленинской методологии получает свое обоснование.

Невозможно характеризовать в полном объеме всю домарксистскую историческую литературу, насчитывающую тысячи работ. Подобная характеристика и не нужна для нашей цели. Необходимо проанализировать основные общие концепции движения, создававшиеся в обстановке все обострявшейся классовой борьбы, и характеризовать накопление материала. Марксистская историография декабристов вырастает не на пустом месте, а на основе многолетнего развития исторических знаний в предшествующий период [2].

Каковы же интересующие нас концепции движения декабристов? В каком состоянии находилось исследование темы до применения к ней марксистско-ленинского метода? Как продвигалась передовая историческая мысль к завоеванию истинного понимания движения? Как мешала этому продвижению реакционная идеология, пытавшаяся исказить и затушевать истину?

Историография декабристов делится на два коренным образом отличных друг от друга этапа — домарксистский и марксистский. Появление ленинской концепции в исходе XIX — начале XX в. размежевывает эти этапы.

Первый из них — домарксистский — в свою очередь делится на внутренние периоды, в основном совпадающие, как мне представляется, с этапами русского революционного движения.

Историография декабризма возникла сейчас же после того, как прогремели пушки на Сенатской площади. Первое русское революционное выступление было разгромлено царской картечью, и основные контуры реакционной правительственной концепции только что побежденного восстания ясно выступили из петербургского тумана на следующий же день. Правительственное толкование событий как бы овладело на первых порах полем историографической битвы. Враг был повержен и заперт в тюрьмы, ему, казалось, было не до исторических концепций. Из битвы нового со старым, развернувшейся на Сенатской площади, старое по видимости вышло победителем. Однако в разгар своего торжества победители испытывали и холодящий душу страх, который не могло пересилить никакое видимое ликование. Страх возникал прежде всего из смутного, но тем не менее неотвратимого чувства неодолимости нового: разбитый, но не убитый на Сенатской площади враг вновь смотрел изо всех углов. Опасность ощущалась живою и не устраненной до конца, как бы усердно ни скоблили петербургские дворники следы крови на Сенатской площади, как бы ни были прочны засовы Петропавловской крепости, как бы громко ни скрипели перья усердного Следственного комитета.

Как это ни странно с первого взгляда, но правительственное представление о характере происшедших событий, оформлявшееся в Зимнем дворце, кое в чем существенно отличалось от правительственной концепции — от официальных газетных сообщений, подписанного царем манифеста и позднейшего «Донесения» Следственной комиссии. Этот вопрос заслуживает разбора [3].

Николай I начал свои «Записки» о вступлении на престол через шесть лет после картечи — в 1831 г., но он оформил в них свое реальное представление о событиях, отраженное еще раньше в дневнике и переписке с родными. Третью тетрадь «Записок» он дописал лишь к 1835 г., т. е. растянул писание первых трех тетрадей на четыре года. Четвертую же тетрадь он закончил только в феврале 1848 г. Его интерес к избранной теме надо признать стойким. Конечно, он успел несколько «успокоиться» в первые годы царствования, но престол опять, хотя бы с одного угла, колебнулся под ним в начале 1831 г., когда восставшая Польша детронизировала Романовых. Не поэтому ли он и испытал внутреннюю необходимость начать свои «Записки», чтобы в какой-то мере разобраться в повторяющейся обстановке? Вместе с тем он чувствовал необходимость заняться «доказательствами» своих прав на российский престол, полученный несколько необычным образом. Кроме Николая, восстановили свое тогдашнее ощущение действительности и другие представители романовской семьи и сановной России в многочисленных дневниках и мемуарах на ту же тему. Все эти писания лиц царствовавшего дома имеют своеобразный историографический интерес. Династическая и сановная семейно-романовская концепция, возникшая за линией артиллерийского огня на Сенатской площади и литературно оформленная в кабинетах царских резиденций, оказывается далеко не во всем совпадает с позднейшей официальной концепцией. Реальная опасность революционного восстания была

хорошо понятна лагерю защитников старого. Во-первых, там впервые задрожали от народа: даже картечь пустили в ход с ясной мотивировкой — чтобы волнение «не передалось черни». А «подлая чернь», как выразилась знавшая правила этикета жена победившего самодержца, «была вся на стороне восставших». Николай, сознавая значительную опасность происшедшего, искренне удивлялся, почему его вместе с братом Михаилом Павловичем не пристрелили на площади, и был убежден, что мятежники могли победить. Он, несомненно, признавал роль народа в событиях; усердно доказывая в «Записках» свои «законные права» на российский престол, он приписывает свое и царского трона спасение одному господу богу. Для Николая декабристы вовсе не ничтожные «мальчишки», а вполне взрослые «изверги». В письме к матери он откровенно пишет, что если бы Чернышев не арестовал Пестеля, на юге были бы еще худшие события, нежели в Петербурге [4]. Таким образом, он, дрожа от страха, все же отражал некоторые существенные стороны реальной действительности, хотя отражал их злобно и искаженно. При личном свидании с прусским военным деятелем Леопольдом фон Герлах Николай признался, что в день восстания около него не было, по его мнению, ни одного преданного человека, «кроме жены». Уже участники восстания были арестованы, а Николай все еще каждый день считал за «дар неба», так как его наверно «не пощадят», — везде его может настигнуть убийца.

Из описанной ситуации и родился правительственный заказ на обратную реальным и устрашающим сторонам явления официальную концепцию. Заказ исходил от победившего старого строя: необходимо было создать как можно скорее такое понимание случившегося, которое как раз полностью маскировало бы реальную опасность побежденного восстания, а «подлую чернь», сочувствовавшую восставшим, изображало бы, наоборот, в виде доброго и преданного царю народа, с отвращением взиравшего на бунтовщиков. Взрослых же «извергов», которые как раз и вызывали у обитателей Зимнего дворца удивление, почему же, собственно, они не пристрелили претендента на престол, надо было представить «ничтожными» и «развратными мальчишками». Всему происшедшему необходимо было придать вид «случайного» и не свойственного русскому народу события — наносного, не имеющего никаких исторических корней происшествия, чуждого строю дворянско-крепостной жизни, навеки неколебимому и благословенному господом богом. Поскольку реальная опасность для самодержавия глянула в лицо самодержцу, необходимо было представить эту опасность как раз несуществующей.

Давая свое распоряжение изъять из «Донесения» Следственной комиссии все, что касалось проектов отмены крепостного права, «разделения земель» и сокращения срока службы солдатам, т. е. реальных и полных жизни декабристских лозунгов, Николай проявил отличное понимание того, какие требования были для него особенно опасны. Об основных лозунгах восстания народ не должен был знать ничего. «Донесение» должно было стать основным документом правительственной информации [5].

Реакционная правительственная концепция была наскоро сколочена уже в царском манифесте, возвещавшем о восшествии Николая на престол, и в ряде последующих правительственных сообщений о самом умысле «переворотного взрыва» и «мятежа», о развитии событий дня 14 декабря, ходе следствия, а также в извещении о казни. «Не в свойствах и не во нравах русских был сей умысел, — утверждалось в царском манифесте 13 июля 1826 г.— Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную, но в десять лет злонамерных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно» [6].

Реакционная правительственная концепция в изданном правительством «Донесении» Следственной комиссии получила детализированный и развернутый вид. Первых русских революционеров, людей, осмелившихся выступить с оружием в руках против самодержавия и крепостничества, «Донесение» рисовало «злодеями» и «извергами», отребьем человеческого рода. Образованнейших людей своего времени оно выставляло неучами и невеждами, нахватавшимися западных идей и бессильными в них разобраться; в конституционном проекте умнейшего и образованнейшего Пестеля усматривалось «едва вероятное и смешное невежество». Не останавливаясь перед самой грубой ложью, подтасовками и прямым вымыслом, «Донесение» давало пространный и тенденциозный рассказ об истории тайных обществ, событиях 14 декабря и восстании Черниговского полка. Реакционная концепция усматривала особое проявление «божьего промысла» в разгроме восстания: «туча мятежа взошла как бы для того, чтобы потушить умысел бунта» [7]. Не было упомянуто, как мы уже говорили, ни слова о программе декабристов, об их намерении ликвидировать крепостное право, разделить землю, уменьшить срок солдатской службы.

«Донесение», получившее широкое распространение, отразилось в официальной учебной литературе, например в курсе Н. Устрялова, посвященном царствованию Николая I. Однако тема о восстании, даже в официальной трактовке, не проникла в среднешкольное преподавание: ее окружило полное молчание, на нее был наложен правительственный цензурный запрет.

Царизм широко распространил за границей «Донесение» Следственной комиссии и использовал каналы дипломатической информации для насыщения европейского «общественного мнения» своим толкованием декабрьских событий 1825 года. Реакционная версия оказалась довольно широко популяризованной и в заграничной прессе. Наиболее ранние французские отклики 1826—1830 гг. базируются главным образом на «Донесении», добавляя к нему долю слухов и анекдотов, почерпнутых в петербургских кругах. Выступление декабристов рисуется в духе правительственной концепции, как заговор горстки дворян, не встретивший поддержки ни у солдат, ни у народной массы (C.-L. Lésur, позже J. Esneaux et Chennechot), как спор аристократов и даже «гордых потомков бояр» с самодержавием за власть, причем утверждалось, что об освобождении крестьян от крепостного права у декабристов не было и речи (M. Ancelot). Выступивший вскоре после восстания английский автор A. B. Granville также держится «Донесения» и изложения Ancelot [8].

Ложь императорского «Донесения» была хорошо известна самим декабристам и узкому кругу лиц, знавших об их замыслах. Нет сомнений, что в прогрессивной общественной среде толковали о «Донесении» в глубокой тайне и опровергали его лживые утверждения. Но было невозможно предать этот документ гласному разоблачению. Реакция свирепствовала. Трупы пяти повешенных были тайно похоронены, более 120 человек брошено в сибирские казематы и ссылку. Легальная печать была наглухо закрыта даже для беглых упоминаний о случившемся. Казалось, в таких условиях не могла возникнуть и оформиться противоправительственная концепция движения, разоблачавшая официальную ложь. Однако, несмотря на невероятные трудности, официальной концепции все же было противопоставлено иное понимание событий и в те же тяжелые годы было положено основание революционной традиции.

Революционная традиция реабилитировала дело декабристов как исторически важное и нужное. Историография движения не может в этом отношении пройти мимо имени А. С. Пушкина. «Послание в Сибирь» (1827), появившееся через полгода после царского «Донесения», необходимо рас-

сматривать в этом плане как первый общественного характера документ о новом понимании событий, фиксированный письменно и получивший распространение. «Не пропадет ваш скорбный труд», — обращался к декабристам Пушкин. К этому же документальному ряду надо отнести и более скорбный по замыслу пушкинский «Арион», особенно интересный для нас свидетельством о роли самого поэта как продолжателя дела декабристов («я гимны прежние пою...»). «Арион» написан в том же 1827 г., но появился в печати лишь в 1830 г. без подписи поэта. К первым попыткам письменного оформления революционной традиции надо отнести и сожженную Пушкиным X песнь «Евгения Онегина», дошедшую до нас во фрагментах. Пушкину же принадлежит замысел написать «Повесть о прапорщике Черниговского полка», но она осталась незаконченной [9]. Все это пушкинское наследие имеет свой историографический аспект. Было крайне важно, что сейчас же вслед за «Донесением» в непревзойденно прекрасной поэтической форме прозвучало, что «скорбный труд» декабристов не пропадет, что они именно поэтому должны хранить «гордое терпенье» перед лицом победившего их самодержавия. Их опороченная «Донесением» идеология раскрывалась как «дум высокое стремленье». Разоблачая ложное утверждение «Донесения» о полном одиночестве «безумцев», пушкинские строки утверждали, наоборот, что за стенами тюрьмы остались их «братья» и что обязательно «придет желанная пора» свершения их надежд, когда рухнут темницы и поднятый на Сенатской площади меч будет возвращен борцам, подготовившим грядущую победу. Если «Донесение» опорочивало вождя движения Пестеля, то пушкинский «Арион» говорил, напротив, о «кормщике умном», который умел направлять в бурном море «тяжелый челн».

В то время как официальная концепция не только ни в малейшей мере не преследовала цели разобраться в реальном смысле происшествий, но старалась скрыть истину, — революционное понимание стремилось восстановить именно историческую правду. Поэтому научное значение сохраняет за собой только революционная концепция. Декабристы для официальных лжецов ни в малейшей мере не были «исследовательской проблемой».

К первым революционным историкам декабристов необходимо отнести и самих декабристов — тех, которые и в сибирских рудниках сохранили верность революционным идеям. Их понимание совершившегося было ограничено классовым сознанием революционеров-дворян, но именно они из глубины сибирских руд дали отпор ложному «Донесению» и запечатлели для потомства верное освещение совершившихся событий.

На первом месте тут надо поставить декабристов М. С. Лунина и Никиту Муравьева. Лунин развил революционное понимание движения во «Взгляде на русское тайное общество с 1816 до 1826 года», в «Разборе донесения тайной следственной комиссии», написанном совместно с Никитой Муравьевым, и в ряде других замечательных работ. «Тайный Союз обвиняют в том, что в продолжение десяти лет он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле, таково было его назначение»,— заявляли декабристы в последней из упомянутых работ [10]. Авторы справедливо и убежденно утверждали, что тайное общество «рассеяло едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего, порядка, и убедило народ, что раболепство перед лицами должно замениться повиновением закону...». Лунин полагал, что «тайное десятилетнее существование при подозрительном и враждебном правительстве доказывает, что тайное общество руководилось мудростью и было по сердцу народу». Вообще положение о соответ-

ствии дела декабристов назревшим историческим задачам и народным потребностям пронизывает представление Лунина и Н. Муравьева о деятельности тайного общества и наносит с этой стороны удар правительственной концепции. Авторы не закрывали глаза и на ошибки движения, но видели их преимущественно в организационной и тактической сторонах — в слабости внутренней дисциплины и недостатке необходимого единства в действиях. Лунин и Н. Муравьев первые отмежевали тайное общество от дворцового заговора. Действенное влияние тайной организации на политическую жизнь России едва ли не преувеличено ими, однако они первые смело поставили вопрос о том, что это влияние существовало еще в процессе многолетней тайной деятельности декабристского общества. Конечно, мысль о классовой ограниченности тайного общества не свойственна дворянским революционерам, оказавшимся в роли историографов декабризма, но идея закономерности возникновения их движения и связь с нуждами народа заявлена Луниным очень отчетливо: восстание 14 декабря 1825 г.— это, по его мнению, «первое официальное выражение народной воли в пользу представительной системы и конституционных идей, распространенных Русским тайным обществом». Связь новых идей с задачами жизни была для него ясна: «От людей можно отделаться, но от их идей нельзя... Желания нового поколения стремятся к сибирским пустыням, где славные изгнанники светят во мраке, которым стараются их затмить. Их жизнь в заточении постоянно свидетельствует об истине их начал... У них отняли все: звание, имущество, здоровье, отечество и свободу, но не могли отнять у них любовь народную»,— писал Лунин. В других своих записях Лунин полагал, что «народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание...». «Из вздохов, заключенных под соломенными кровлями, рождаются бури, низвергающие дворцы» [11].

Таким образом, из глубины тюрем и сибирских казематов все же прозвучало, хотя и поздно дошедшее до широкого круга русских людей, слово опровержения официальной лжи правительства. Но кроме прямого разбора и опровержения правительственных материалов, возникала борьба с правительственной концепцией и в другой форме.

Еще в сибирских рудниках и казематах возникла у декабристов мысль писать мемуары (у Якушкина, Горбачевского, некоторых членов Славянского общества и ряда других); мемуары возникали после амнистии и в более позднее время. Некоторые из воспоминаний декабристов развивают либеральную версию и дают неполную, а иногда и искаженную картину действительности, но воспоминания Якушкина, Басаргина, Горбачевского, Ал. Поджио, И. И. Пущина (о А. С. Пушкине) являются ценными образцами революционной концепции движения, исходящей от самих его участников. Авторы стремятся в своих воспоминаниях выявить закономерность возникновения декабристского движения, вскрыть его исторические корни и раскрыть его смысл. Долгое время все эти произведения вели лишь рукописное существование: так, возникшая в 40-х годах рукопись об Обществе соединенных славян (так называемые «Записки Горбачевского») увидела свет лишь через четыре десятка лет — в 1882 г. Под цензурным гнетом николаевского времени нечего было и думать о публикации этих произведений; друзья декабристов в силу тех же условий не могли писать о них. Однако надо отметить, что, несмотря на немыслимо трудные условия возникновения революционной историографической традиции (Сибирь, каторжная тюрьма, ссылка или условия поднадзорного существования), она все же возникла и начала свою работу. Революционная концепция утвердила новую оценку движения, противопоставленную правительственной версии, и запечатлела для потомства ряд истинных фактов, оставшихся в памяти деятелей.

Этот первый историографический узел борьбы двух концепций — правительственной и революционной — надо отнести ко времени с конца 20-х примерно до рубежа 50-х годов.

Заметим, что в этот период раздались отдельные голоса, критиковавшие официальную версию царского правительства и в заграничной прессе. Во французской печати в 1827—1828 гг. появилось несколько работ, вступивших в спор с «Донесением». Прогрессивные авторы указывали на деспотизм российского самодержавия, на угнетение народных масс и закономерность протеста передовых людей России (Aubernon). Опровергался аристократический характер заговора, слышались свидетельства о сочувствии восставшим собравшегося на площади народа (Niellon Gilbert). После подавления польского восстания 1830—1831 гг. выходивший в Париже польский журнал также опубликовал сочувственную статью о декабристах [12].

Обострение революционной «опасности» в конце 40-х годов выросло в тесной связи с новыми явлениями в самой исторической обстановке: крепостной строй России давал в фундаменте новые трещины, разложение строя продвигалось вперед, усиливались признаки кризиса всей крепостной хозяйственной системы. «Письмо Белинского к Гоголю» пронеслось по России предгрозовым ветром. Вести о революционном взрыве 1848 г. на Западе довершили представление о грядущей опасности, а разгром общества петрашевцев, где чтили декабристскую традицию, еще раз напомнил о ней. Правительству и его охранительным органам было ясно, что культ декабристов получал широкое распространение, память о них сохранялась в революционном движении как память о мужественных борцах за свободу. Раскрытые правительственной слежкой подпольные кружки 30-х годов агитировали именем декабристов, восставшая Польша почтила их память. Поэтому имело особый смысл то обстоятельство, что накануне революционной волны 1848 г. барон М. Корф, статс-секретарь Николая I, по особому заданию императора и наследника престола — будущего императора Александра II, принялся за тщательный ремонт и обновление правительственной клеветы на первых русских революционеров.

Правительство Николая I, наряду с удушением революционного движения грубыми репрессиями, тюрьмами и виселицами, довольно усердно занималось и «идейной» реакционной работой — агитацией в пользу реакционных лозунгов самодержавия. Именно в правительственных кругах того времени возникла теория, получившая в литературе название «теории официальной народности». Прославление «уваровской троицы» («православия, самодержавия и народности») противодействовало основному завоеванию революционного опыта — пониманию роли народа в революционной борьбе. Разгром восстания 14 декабря показал основную слабость движения — его отдаленность от народа. Последующее развитие революционной идеологии выдвинуло необходимость опоры на народ в качестве руководящего принципа. В обстановке нараставшего революционного движения царизм был заинтересован в составлении книги, которая рассматривала бы движение декабристов с позиций правительственной «теории» и «доказывала» бы исконное «царелюбие» русского народа. Махровый цветок «охранительного» течения — книга барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» сначала появилась якобы для самого узкого круга читателей — членов царской семьи (два ее первых издания имели тиражи лишь по 25 экземпляров). Это был, так сказать, «макет» книги, проверка концепции. Когда творение Корфа было тщательно оценено царствовавшим домом и верхами правительственной аристократии, можно было рискнуть и на его более широкое

распространение. Одним из доводов наследника (будущего Александра II), мотивировавшего правительственный заказ на книгу Корфа, был такой: «События эти (т. е. восстание 14 декабря.— *М. Н.*) так важны, что им не должно умирать для истории или, что еще хуже, переходить в неискаженными от превратных толков». Подчеркнутые слова, конечно, не являются установкой для предполагавшегося «узкого» круга читателей из царского дома! Речь явно шла о широком круге читателей, о каком-то противоядии той революционной устной традиции, которая, стало быть, существовала, если ее боялись. «Толки» утверждали правоту декабристов и требовали правды об их выступлении, — эти «толки» и надо было по возможности обезвредить. «Я люблю Корфа без души и сам его вывел», — аттестовал Николай I своего любимца. «Этот человек в наших правилах и смотрит на вещи с нашей точки» [13].

Сам Корф выразительно определил историческую обстановку, в которой он водил пером по бумаге, описывая события восшествия на престол Николая I: шла революция по Европе — «некоторые нескрытно проповедывали о наступлении времени каждому готовиться к последнему часу и к мученической смерти», — вот до чего доходил страх защитников старого режима! Корф закончил свои писания «среди жгучей тревоги, вдруг овладевшей всеми нами, вследствие парижских вестей», — так сам он определял обстоятельства 1848 г.[14]

В 1857 г. вышло третье издание книги Корфа — «первое для публики». Нужда правительственных кругов в развенчании декабристов была в тот момент еще более остра. Революционное движение в России усиливалось, стали ясно чувствоваться признаки приближения революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов, которая вырвала у правительства крестьянскую реформу. Разгром в Крымской войне усилил недовольство народа и дал дополнительный толчок революционному движению.

В 1856 г. в связи с коронацией декабристы были амнистированы и получили разрешение вернуться в Европейскую Россию. Это опять оживило в общественных кругах интерес к декабристам. В этой обстановке и вышла впервые «для публики», в качестве противоядия против декабристских идей, гнусная книга барона Корфа. Нужно было «поддержать монархическое начало» в России и доказать, что к «покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России» не может привиться чуждое, западное революционное начало.

«...В то время, когда большая часть войск присягала в совершенном порядке и огромное большинство народонаселения столицы с умилением произносило или готовилось произнести обет вечной верности монарху, с таким самоотвержением и с такими чистыми помыслами решившемуся возложить на себя венец предков, скопище людей злонамеренных или обольщенных, обманывающих или обманутых, стремилось осквернить эти священные минуты пролитием родной крови и дерзким, чуждым нашей святой Руси преступлением» [15], — вот наиболее подробная формула о восстании в книге Корфа, которую Герцен метко назвал «подлым произведением придворного евнуха, достойным византийского ритора или бонапартистского префекта» [16]. Правительственный агент столь же лживо, как и раньше «Донесение», замалчивал программу декабристов: из книги Корфа читатель не мог узнать, чего, собственно, хотели декабристы, каковы были их цели. Попрежнему ни слова не было ни об освобождении крестьян, ни о дележе земель, ни о военной реформе. Дважды упомянутое мельком слово «конституция» один раз фигурировало в анекдоте о том, что солдаты считали его именем жены цесаревича Константина, другой — в

рассказе о переговорах генерала Сухозанета с «бунтовщиками», когда «несколько офицеров и посторонних людей распутного вида с ругательством спрашивали, привез ли он конституцию и грозились на него». Больше о конституции не было сказано ни слова и содержание ее было полностью утаено от читателя. «Изолировать» декабристов от сочувствующей общественной среды, показать их якобы полную разобщенность с солдатами, доказать, что «помыслы горстки злоумышленников совсем не были помыслами массы» — такова цель барона Корфа. Организация декабристов — это «горсть молодых безумцев, незнакомых ни с потребностями империи, ни с духом и истинными нуждами народа». Русский же народ якобы обладает врожденной ему «царелюбивостью». В духе теории официальной народности, борясь с революционной идеей о враждебности русского народа царизму, Корф утверждал: «Народ наш гнушается всяким преступным замыслом против царственной семьи, искони являющейся предметом его любви и благоговения» [17].

В правительственной версии имелись резкие противоречия. Оставалось прежде всего неясным, почему так волновали правительство действия «горстки молодых безумцев», бессмысленность мятежа которых якобы была очевидна сама по себе? Почему, например, при первом сообщении о якобы столь ничтожном заговоре Николая I, по словам Корфа, «объял несказанный ужас»? Ведь речь шла о кучке «шалунов», чей бессмысленный поступок будто бы был лишен корней в русской действительности [18]. Концепция Корфа ни в малой мере не опиралась на факты и бесстыдно искажала их.

Однако концепция Корфа оказалась не единственным пониманием событий, возникшим по ту сторону революционной баррикады. Еще в то время, когда не закончилось следствие над декабристами, стала складываться другая концепция движения декабристов — трусливая и ложная либеральная концепция. Она, правда, не клеймила декабристов злодеями и извергами, как это делали «Донесение» и книга барона Корфа, она не воспевала столь грубо и откровенно благодетельности царизма для русского народа, но она совершала более опасную работу: она выхолащивала исторический смысл из идей декабристов и их выступления.

Основоположником либеральной концепции явился старый член Союза Благоденствия и Северного общества Николай Тургенев. Его фальсификация была сделана в личных целях самооправдания перед победившим царизмом. Во время следствия Н. Тургенев был за границей и отказался вернуться по требованию царского правительства, вслед за этим и он и его семья приняли все меры для реабилитации «государственного преступника». Уже в первом своем оправдании, присланном брату Александру Ивановичу в январе 1826 г. для передачи Николаю I, Н. Тургенев стал на точку зрения своей полной «невиновности» и пытался доказать, что в собраниях декабристов и в их планах не было ничего противозаконного. Аналогичную точку зрения он развивал в своем разборе «Донесения» Следственной комиссии и в трехтомной работе «Россия и русские», вышедшей в свет за границей (в Брюсселе) в 1847 г.

Однако концепция Н. Тургенева противоречива. Ее можно сжато передать следующим образом. В тайном обществе не было ничего противоправительственного, оно защищало те же реформы, которые правительство склонно было провести в жизнь, но, собственно, тайного общества никогда не было. Никто не хотел цареубийства, но нельзя наказывать за намерения (стало быть, намерение было?). 14 декабря не было действием тайного общества, но само правительство хотело того же, что тайное общество. Хотя тайное общество после закрытия Союза Благоденствия и не возникало, но он, Николай Тургенев, с ним размежевывается (зачем же

размежевываться с тем, что никогда не возникало?). Редко в каком «свидетельстве» современника столь спутаны, перемещены и затемнены факты декабристского движения, как у Николая Тургенева.

По существу своих утверждений либеральная концепция движения декабристов находилась по ту же сторону баррикады, что и правительственная концепция Корфа, хотя имела ясно выраженное своеобразие и подчас раскрывала отдельные стороны движения. Когда революционная историография двинулась в бой за подлинный смысл декабристского движения, она нанесла удар не только правительственному, но и либеральному его пониманию.

На первом этапе историографической борьбы («Донесение» — с одной стороны, устная традиция, Пушкин, Лунин — с другой) концепция передового лагеря, в силу победы реакции и невероятно тяжелых условий борьбы, должна была оставаться потаенной, скрытой и существовать лишь в революционном подполье. Отсюда не следует, конечно, что она не была действенной, — она совершила огромную работу. Но все же «Послание в Сибирь» Пушкина было переписано чужим почерком и тайно передано через забор сибирского острога, «Арион» опубликован неподписанным, X песнь «Евгения Онегина» осталась зашифрованной чуть ли не на столетие, а разбор «Донесения», сделанный Луниным,— конспиративным документом, известным сравнительно узкому кругу. Мемуары декабристов еще не увидели света и существовали лишь в замыслах или в записях конспиративного характера. Новый этап историографической борьбы начался накануне и в годы революционной ситуации, в конце 1850-х — начале 1860-х годов, имея уже совсем иной характер: он стал гласным. Против книги Корфа возвысила свой голос вольная русская пресса за границей, в защиту исторической истины выступили представители революционной демократии.

Голосом А. И. Герцена говорила не только Русь Сибири и рудников, но и молодое передовое поколение, работавшее внутри России и не имевшее объективной возможности гласного выступления.

Петрашевцы чтили память декабристов и с живым интересом расспрашивали связанного с Сибирью Р. А. Черносвитова об их теперешнем «образе мыслей». Студент Н. А. Добролюбов посвятил декабристам целый номер своей рукописной газеты «Слухи», дав ему название «Тайные общества в России 1817—1825 гг.». Как указывает он сам, статья написана на основе фактического материала работы И. Г. Шницлера «Histoire intime de la Russie sous Alexandre I et Nicolas I». Высоко оценив борьбу декабристов «за благо общественное», республиканизм и антицаристские позиции, Добролюбов отдает должное «благородным начинаниям истинных сынов отечества». Но неуменье декабристов разъяснить свои цели солдатской массе вызывает его обоснованное критическое замечание: «с такими деятелями нельзя было ждать успеха». Газета «Слухи» осталась потаенной публицистикой, она ходила по рукам студентов и близких им лиц, но читалась и за стенами Педагогического института [19].

Таким образом, передовое общественное движение России тайно хранило память о первых русских революционерах и обсуждало их опыт в конце 40-х и в 50-х годах. А. И. Герцен и Н. П. Огарев могли выступить гласно и начать открытый бой с реакционной концепцией. Им принадлежит честь ее дальнейшего развития и оформления.

Н. П. Огарев и А. И. Герцен — блестящие представители того революционного поколения, которое было разбужено «громом пушек на Сенатской площади». «Нашими устами,— писал Герцен,— говорит Русь мучеников, Русь рудников Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева».

Свою концепцию движения декабристов Герцен и Огарев развивали неоднократно, посвящая первым русским революционерам отдельные произведения или попутно останавливаясь на них в своих многочисленных работах, написанных на другие темы.

Работа Герцена «Du développement des idées revolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России») появилась в свет в 1851 г. и потом неоднократно переиздавалась. Если в этой работе, уделяя немалое место декабристам, Герцен был сосредоточен на общей картине русского революционного движения, то через шесть лет — в 1857 г. — он выпустил уже специальную работу, посвященную только декабристам: «La conspiration russe de 1825» («Русский заговор 1825 г.»), кончив ее в день памяти декабристов 14 (26) декабря 1857 г., ровно через 32 года после восстания. В обширной декабристской историографии это первая специальная книга о движении декабристов, написанная с революционных позиций. Вслед за нею появился принадлежащий перу Н. П. Огарева разбор книги барона Корфа, вышедший отдельным изданием в 1858 г. под заголовком: «14 декабря 1825 и император Николай» (издание редакции «Полярной звезды», Лондон, 1858). Замечательные характеристики движения декабристов и отдельных его участников, включенные в текст «Былого и дум», возникают также в конце 50-х и в начале 60-х годов. Герцен и Огарев немало потрудились, чтобы «вырвать из забвения», спасти и опубликовать документы первого русского революционного движения, многие из которых, до сих пор необходимые исследователю, напечатаны в «Полярной звезде» и «Исторических сборниках». Герцен и Огарев приступили к осуществлению серии «Записок декабристов», в которой увидели свет воспоминания Трубецкого, письмо Штейнгеля из крепости к Николаю I, описание дня восстания 14 декабря, принадлежащее И. Д. Якушкину (оно было опубликовано под именем И. И. Пущина), воспоминания о восстании Черниговского полка («Белая Церковь» Ф. Вадковского), записки Николая Бестужева, Цебрикова. Там же были опубликованы ценные материалы о событиях эпохи декабристов, например материалы о выступлении Семеновского полка. На основе собранного материала Герцен и Огарев задумали создание серии специальных исследовательских работ о декабристах под заглавием «Etudes historiques sur les héros de 1825 et leur prédécesseurs d'après leur mémoires»; Герцен написал для этой серии этюды о Якушкине, о Рылееве и Бестужеве [20].

Герцен и Огарев были страстными пропагандистами декабристов. Прославляя их подвиг, они вместе с тем довольно подробно характеризовали предпосылки движения, показали закономерность и неизбежность протеста против самодержавия и крепостного права, с большой ясностью оттенили разницу между дворцовым переворотом и тем, что произошло на Сенатской площади, дали яркую формулировку исторического значения тех, кого они правильно считали первыми русскими революционерами.

«До тех пор, — писал Герцен, — не верили в возможность политического восстания, идущего с оружием в руках для нападения в самом центре Петербурга на гиганта — императорский царизм. Было известно, что время от времени убивали во дворце то Петра, то Павла, чтобы заменить их другими. Но между этими таинственными операциями, напоминающими бойню, и торжественным протестом против деспотизма, сделанным на площади и запечатленным кровью и страданиями этих героических людей, — не было ничего общего». Герцен указал и на значение выступления декабристов для последующих борцов за революцию, связал с ними новое поколение борцов, к которому принадлежал сам, и связь эта прочно утвердилась в революционной традиции и научной литературе: «Пушки на Исаакиевской площади разбудили целое поколение». Герцен

правильно указал и на то, что было самым слабым в декабризме: «декабристам на Исаакиевской площади нехватало народа». Герцен отметил важное значение Пестеля и Рылеева в движении, высоко оценил их. Будучи правы в основном — в утверждении революционности декабристов, Герцен и Огарев пустили в оборот ряд верных по существу исторических положений о декабристах, оставшихся в науке.

Но в яркой революционной концепции Герцена — Огарева было немало ошибок, тесно связанных со слабыми сторонами самого Герцена и Огарева как дворянских революционеров. Революционная концепция Герцена — Огарева идеалистична, и в этом ее главный недостаток. Остановившийся, как говорит В. И. Ленин, «перед историческим материализмом» Герцен не мог понять декабристов во всей сложности породивших их социальных условий, проанализировать классовую природу движения и его классовый смысл. Не видя классового существа движения, Герцен и Огарев идеализировали своих героев, создали приподнятый облик «рыцарей с головы до ног, кованных из чистой стали...». Герцен объявил Пестеля «социалистом», что также не соответствовало действительности, причем несуществующий «социализм» Пестеля был в известной мере скопирован Герценом с собственного утопического социализма народнического толка. Эти слабые, ошибочные стороны понимания декабристов Герценом и Огаревым очень существенны, но они не лишают их концепции, взятой в целом, большого исторического значения.

Пущенное М. Н. Покровским и подхваченное его «школой» выражение «революционная легенда» незакономерно по отношению к революционной историографии декабристов и, в частности, по отношению к концепции Герцена — Огарева. Легенда — вымысел, не соответствующий действительности или даже вообще утверждающий нечто несуществовавшее; в силу этого выражение «революционная легенда» было бы правильно, если бы в действительности декабристы не были революционерами, а Герцен ошибочно провозгласил их таковыми. Но подлинное научное понимание как раз утверждает революционный характер движения.

Из изложенного ясно, что лишь революционная традиция готовила пути к истинному пониманию вопроса, постепенно открывала существенные стороны явления, приближалась к вскрытию его закономерностей и берегла его реальный фактический материал.

Пропаганда А. И. Герценом революционной концепции движения декабристов имела значение не только для России, но и для передовой Западной Европы, поскольку еще было живо влияние реакционных авторов 20-х годов, искажавших значение декабристов в духе «Донесения» (Lésur, Esneaux et Chennechot, Ancelot и др.). В 40-х годах за границей выходили и новые работы, рисовавшие движение как аристократический заговор, сохранявший крепостное право, как выступление честолюбцев и крепостников под маской западноевропейского либерализма (Лакруа, отчасти Ж. Б. Мэй[21]). И. Г. Шницлер, в «хладнокровных компиляциях» которого А. И. Герцен справедливо усматривал некоторые места, достойные интереса, посвятил декабристам значительную часть своей работы, использовав «Донесение» и собственный дневник (он был очевидцем восстания). Его концепция всецело принадлежит «Донесению». По его мнению, революционный путь декабристов преступен, а республиканские идеи безумны. Вышедшая несколько ранее книга маркиза де Кюстина хотя и содержала немало разоблачительного материала об империи Николая I, но автор ее — легитимист и консерватор — не мог понять смысла движения декабристов, которые оставались для него «преступниками»[22].

Работы А. И. Герцена о русском революционном движении резко размежевывают в 50—60-х годах два историографических лагеря. Заметим,

что с его идейным воздействием и с его информацией связана, повидимому, и глубоко сочувствующая декабристам статья о них в чартистской прессе, появившаяся в 1851 г. в журнале «Друг народа» («Пестель и русские республиканцы»). Особенно же важна роль работ А. И. Герцена и Н. П. Огарева о декабристах во время революционной ситуации 1859—1861 гг. и в последующие годы. Однако их голоса звучали не одиноко: в самой России, в тяжелых условиях сдавленного цензурой передового слова, о декабристах не забывали нелегальная подпольная печать и устная пропаганда революционных демократов, соратников Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Прокламационная литература 60-х годов высоко подняла память о декабристах. «К молодому поколению», прокламация Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова, открывалась рылеевским эпиграфом и завершалась торжественным напоминанием о «тенях мучеников 14 декабря», ведущих русских людей на борьбу за спасение отчизны. Непревзойденное по силе стихотворение М. Л. Михайлова «Пятеро», посвященное пяти казненным декабристам, звучало как революционный призыв [23].

После того как реакционные силы отбили в России первый демократический натиск, получила дальнейшее серьезное развитие и либеральная концепция движения декабристов. Наиболее полным образом она отражена в работе А. Н. Пыпина «Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I», впервые напечатанной в «Вестнике Европы» в 1870 г. и вышедшей отдельной книгой в 1871 г. вскоре после смерти Герцена. Правда, существующее представление, что довольно большая книга Пыпина будто бы целиком посвящена декабристам, неточно: из восьми глав, ее составляющих, декабристам отведено лишь две последние, остальные посвящены воспитанию и характеру Александра I, преобразовательным планам первых лет царствования, Сперанскому, Карамзину, масонским ложам, ланкастерским школам. Для написания последних двух глав Пыпин привлек не только «Донесение», но и мемуары декабристов; книга Н. Тургенева «La Russie et les russes» явилась едва ли не главным его источником. Таким образом, либеральная концепция Пыпина генетически тесно связана с первым выражением либеральной трактовки движения в писаниях «раскаявшегося» декабриста и несомненно продолжает его линию.

А. Н. Пыпин поставил своей задачей доказать непричастность декабристов к революции. Он пытался доказать, что декабристы — лишь продолжатели тех самых начинаний, которые характерны для первых лет царствования Александра I: идей Негласного комитета, Сперанского, одним словом, самого правительства, некогда выдвигавшего якобы те же идеи. Поэтому ничего революционного в деятельности декабристов будто бы и не могло быть. Либеральная концепция пыталась их представить невинными мечтателями о тех же реформах, над которыми размышляло и благодетельное самодержавие. По мнению Пыпина, не было «никакой опасности ни от семеновской истории, ни от лож, ни от ланкастерских школ, ни от мирных профессоров Петербургского университета». Репрессии правительства давали основание думать, что «действительно в русском обществе есть опасное волнение, и оправдывали тех, кто вопил о «разрушительных учениях» и вызывал правительство на меры преодолевания»,— писал Пыпин. Конституции Никиты Муравьева и Пестеля, согласно Пыпину, вовсе не были проектами конституций, а просто «рассуждениями о разных формах правления». Они якобы не имели «никакой обязательности для членов общества и обе оставались частным мнением и предположением». Совещания о революционных выступлениях, планы этих выступлений были «простым разговором без всякой особенной цели». Пыпин испытывал большие затруднения при объяснении республиканизма

«Русской Правды» Пестеля и стыдливо оговаривался, что «основная мысль» конституции Пестеля, «если действительно Пестель хотел республики, была, конечно, фантастическая, но нельзя думать, чтобы он считал свои предположения немедленно применимыми». Революционность Южного общества Пыпин называл «политической экзальтацией» и упорно твердил, что «никакого принятого плана» выступления не существовало. «Нетерпеливый либерализм» Рылеева также не шел, по мнению Пыпина, «дальше умеренных желаний». Самое выступление 14 декабря было будто бы «минутным взрывом отчаяния в немногочисленном кружке». Декабристы представляются Пыпину «каким-то исключением, не имеющим связей с целой массой общества». Либеральная фальсификация движения декабристов была тем вреднее, что она обставляла себя многочисленными ссылками на материал и подкрепляла свои положения квазинаучной аргументацией. Ее разоблачение для неподготовленного читателя было во много раз труднее, нежели опровержение грубой лжи правительства в «Донесении» или в книге барона Корфа. А. Н. Пыпин привлек значительный по сравнению с его предшественниками фактический материал, опубликовал некоторые документы, в том числе текст «Зеленой книги» — устава Союза Благоденствия [24].

М. И. Богданович, продолжатель корфовских тенденций, в том же 1871 г., что и А. Н. Пыпин, выпустил VI том своей обширной работы — «История царствования императора Александра I и России в его время». Тут в духе «Донесения» и Корфа, но уже с привлечением новых документальных материалов биограф Александра I рассказывал и об истории тайного общества. Печати со следственного дела декабристов были вторично (после Корфа) сняты для Богдановича, но «Русская Правда» Пестеля осталась ему недоступной; некоторые цитаты из «дел» декабристов, впервые появившиеся в печати, были призваны подкреплять «охранительную концепцию» движения.

В обстановке 70—80-х годов фальсификаторские концепции не встретили серьезного отпора. Теоретический уровень революционной борьбы явно снижался. Господство народнических течений на революционной арене было неблагоприятно для передовой декабристской историографии, и с того момента, как выпало перо из рук А. И. Герцена и Н. П. Огарева, революционная традиция в исследовании декабристов заметно снижается и глохнет. Замалчивание декабристов или высокомерная трактовка их как исторической случайности преобладает в официальной университетской науке. «Декабристы — историческая случайность, обросшая литературой»,— говорил о декабристах В. О. Ключевский. В статье «Евгений Онегин и его предки» (1887) Ключевский писал о декабристах как о людях, не знавших «русской действительности» и принадлежавших к разряду «умных ненужностей». «Катастрофа 14 декабря» и ее деятели относились им к числу «ненормальных явлений»: по его мнению, «это были неестественные позы, нервные судорожные жесты, вызывавшиеся местными неловкостями общих положений» [25]. Таким образом, к концу изучаемого периода революционная традиция декабристской историографии замирает и период с 70-х до 90-х годов в историографическом отношении представляет тяжелую картину. Положение декабристской темы — один из многочисленных признаков кризиса дворянско-буржуазной историографии.

Глубочайший перелом коренного значения произошел в декабристской историографии лишь на рубеже XIX—XX вв., с началом пролетарского периода русского революционного движения. Именно в это время с новым пониманием движения декабристов, принципиально отличным от всех выдвигавшихся ранее, выступил В. И. Ленин. Историография декабристов вступила в марксистско-ленинский этап своего развития.

3

В. И. Ленин создал цельную и полную глубокого содержания концепцию движения декабристов. Им указано место декабристов в истории русской революционной борьбы и дан классовый анализ декабристского движения.

Рассмотрим ленинские положения о декабристах в историческом порядке их возникновения. Первое упоминание о декабристах у Ленина можно отнести к декабрю 1900 г.— к моменту появления ленинской «Искры» [26]. Ленин выбрал для нее в качестве эпиграфа строку стихотворения А. И. Одоевского, который от имени декабристов отвечал А. С. Пушкину на его послание в Сибирь («Во глубине сибирских руд»). В ответ на строки Пушкина «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье» прозвучали слова Одоевского:

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя...

Последнюю строку Ленин сделал эпиграфом «Искры» и подписал под ним: «Ответ декабристов Пушкину» [27].

Выбором эпиграфа Ленин утвердил положение о революционном характере декабристского выступления и о глубокой связи поколений русских революционеров, сменявших друг друга в русском революционном движении. Революционное значение деятельности декабристов восстанавливалось вновь после чуть ли не тридцатилетнего историографического перерыва, но на основе нового, единственно научного мировоззрения. Это восстановление носило общественный характер: мысль о связи революционных поколений должна была промелькнуть у каждого читателя ленинской «Искры». Надо, кроме того, отметить, что Ленин подписал под избранной им строкой не отдельное декабристское имя (А. И. Одоевского), а дал обобщенную подпись: «Ответ декабристов», подчеркнув этим общественный смысл стихотворной строки.

Эпиграф «Искры» прокомментирован в «Истории ВКП(б)»: «В декабре 1900 года за границей,— говорится там,— вышел первый номер газеты «Искра». Под заголовком газеты было изречение (эпиграф): *«Из искры возгорится пламя»*. Эти слова взяты из ответа декабристов поэту Пушкину, который послал им приветствие в сибирскую ссылку.

И действительно, из зажженной Лениным «Искры» разгорелось впоследствии пламя великого революционного пожара, которое сожгло дотла дворянско-помещичью царскую монархию и буржуазную власть» [28].

Через три дня после выхода в свет первого номера ленинской «Искры» на русском собрании в Женеве выступил Г. В. Плеханов с речью, посвященной памяти декабристов (отмечалось 75-летие первого русского революционного выступления). Яркая речь Плеханова не давала ничего нового по сравнению с герценовско-огаревской концепцией и не содержала классового анализа движения, но тем не менее выступление Плеханова было существенным событием в декабристской историографии: революционная традиция изучения восстания восстанавливалась после длительного перерыва, причем на основе обильного фактического материала и в блестящей форме. Вопрос о декабристах возник, таким образом, на новом — марксистском — этапе историографии, и если сразу не удалось дать его марксистский анализ, тем не менее он уже оказался в орбите исследовательского внимания и был поставлен перед перспективой нового развития.

Следующее известное нам высказывание Ленина о декабристах находится в его работе «Гонители земства и аннибалы либерализма», напи-

санной в 1901 г. Характеризуя в ходе изложения пореформенную политику царизма по отношению к общественному движению, Ленин приходит к выводу, что, с одной стороны, это была тактика беспощадной расправы с революционерами, а с другой — тактика запугивания и одновременно подкупа реформами массы недовольных. Эта политика была усвоена царским правительством в результате длительного опыта борьбы с революционным движением как внутри страны, так и в Западной Европе. Перечисляя те события революционной истории, в ходе которых российское правительство приобрело этот опыт, Ленин указывает и на подавление восстания декабристов, приводя его дату — 14 декабря 1825 г.

«...Несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14 декабря 1825 г. и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—1849 годах. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику» [29].

Эти положения Ленина дают возможность сделать несколько важных выводов. Ленин рассматривал восстание декабристов не как обособленный факт, а как явление, стоящее в ряду событий революционного движения,— декабристы упомянуты между Радищевым и революцией 1848 г. Упомянута дата восстания на Сенатской площади, а не какого-либо другого проявления деятельности тайных обществ. Следовательно, именно это событие считал Ленин основным по значению в движении декабристов. Наконец, восстание декабристов указано как узловое революционное событие, на подавлении которого царское правительство приобрело свою первую «полицейскую выучку» для борьбы с революционным движением.

В следующем, 1902 г. Ленин вновь пишет о декабристах и сосредоточивает свое внимание на их программе, поднимая важнейшую проблему — о декабристах и республиканской традиции в русском революционном движении. В своей работе «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин останавливается на огромном значении лозунга республики для революционной социал-демократии. «Нам нужно шире распространить идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать* и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих...»[30]. При слове «создать» Ленин делает пояснительную ссылку, в которой указывает на республиканские идеи декабристов:

«Мы говорим: «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим» вопросом,— народники, бунтари и пр. потому, что с пренебрежением анархистов относились к политике, народовольцы потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров» [31].

Это указание Ленина ставит перед исследователем задачу внимательного изучения республиканских положений декабристской программы. Высоко ценя политическое значение лозунга республики, Ленин указывает на декабристов именно как на первых носителей лозунга. Высоко оценены декабристы и с точки зрения их отношения к вопросам политики: у них нет «анархистского» пренебрежения к этим вопросам, свойственного народникам. Наконец, черта отрицательного порядка, напоминающая о классовой ограниченности движения: республиканские идеи декабристов оказались давно забыты, декабристы были далеки от народа. Революционная социал-демократия должна, несмотря на наличие этого старого исторического этапа жизни революционного лозунга, как бы вновь создать республиканскую традицию среди русских революционеров, среди революционных масс.

В январе 1905 г. Ленин набросал конспект, тезисы и план статьи «Рабочая и буржуазная демократия», позже напечатанной в № 3 «Вперед». Материалы эти относятся к периоду до 9 января. В их состав входит документ, озаглавленный «С[оциал]-д[емокра]тия и либерализм». Документ этот начинается со следующего текста Ленина:

«0. Тема — вкратце познакомить
I. Либ[еральное] дв[ижение] в России.
(Дворянское: декабристы)
Земское. 60-е годы и после.

Анарх[ически]-народн[ическое] и с[оциал-д]емократическое отн[ошение] к «б[уржуа]з[ной]» свободе.

(Цитаты из «З а р и», с[тр] 61, 62, 63, 66, 73, 79) х[а]р[ак]т[е]р земск[ого] дв[ижения] и отн[ошение] к нему с[оциал]-д[емократов] (в отличие от старых рев[олюционе]ров)» [32].

Ссылка на «Зарю» относится к статье Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма»,— там имеется лишь один текст о декабристах, только что разобранный нами выше. Ленин, следовательно, связывал план своей темы с недавно написанной работой. Однако в статье Ленина «Рабочая и буржуазная демократия» прямых упоминаний о декабристах нет, декабристы остались лишь в черновых ленинских материалах к статье и в окончательный ее текст не вошли [33]. Сопоставление текста, опубликованного в «Ленинском сборнике», с окончательным текстом статьи, опубликованным в Собрании сочинений, показывает: 1) декабристы интересовали Ленина в разрезе вопроса о смене этапов русского освободительного движения, в разрезе изучения исторического генезиса либерализма и буржуазной демократии [34]; 2) декабристы и тут анализировались Лениным по линии направленности движения против самодержавия и крепостничества, но в то же время и по линии классовой ограниченности движения.

В этой связи важно учесть мысль Ленина о сущности буржуазного демократизма: представители последнего — демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества, но их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм [35].

В дни революции 1905 г. Ленин опять вспомнил о декабристах. К маю 1905 г. относится его заметка к опубликованной в «Пролетарии» программе занятий крестьянских кружков, где в лекции по истории борьбы за политическую свободу упоминаются декабристы [36]. Этим вновь ставится задача изучения движения декабристов как революционного явления.

В революционные дни 1905 г. восстание декабристов было отмечено большевистской газетой «Кавказский рабочий листок» («Елисаветполь-

ский Вестник»), руководимой учеником и соратником В. И. Ленина И. В. Сталиным. Передовая статья газеты указывала на восьмидесятую годовщину восстания декабристов, приходившуюся как раз на декабрь 1905 г. «Восьмидесятая годовщина восстания декабристов,— говорилось в передовой,— совпадает с моментом всеобщей политической стачки, когда воспрянувшая от сна Россия, охваченная революционным пожаром, мобилизует свои силы для последней и решительной схватки с грозными твердынями самодержавия и тем самым исполняет завет героев 14 декабря 1825 года» [37].

Мысль Ленина вновь вернулась к декабристам в 1906 г.; Ленин ставит теперь новый — важнейший — вопрос об отношении декабристов к народу, к массовому революционному движению, к революционной борьбе народа. В работе «Политический кризис и провал оппортунистической тактики», опубликованной в «Пролетарии» 3 сентября (21 августа) 1906 г., речь идет о «двух тактиках» социал-демократии. Разоблачая тактику меньшевистского ЦК, призывавшего заключать соглашения с кадетами, Ленин писал:

«Неужели ЦК настолько утратил элементарный революционный инстинкт, что для него неясна разница между дворянской революционностью декабристов,— разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев,— и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века? Неужели ему никогда не бросалась в глаза коренная разница между революционностью офицеров в эпоху Народной Воли при полном почти равнодушии солдатской массы и теперешней реакционностью офицерства при могучем движении именно серой военной массы?» [38]

Отсюда ясно, что движение декабристов, взятое в целом, в связи с их эпохой и с точки зрения их соединения с движением народа, Ленин рассматривает как движение классово-ограниченных дворянских революционеров, далеких от народа. Ленин впервые приводит здесь термин «дворянская революционность», столь важный для анализа движения декабристов. Нельзя смешивать эту революционность с глубокой подлинной демократической революционностью пролетариата, ведущего за собой в революционной борьбе угнетенные массы. Дворянское революционное движение далеко от народа, ему чужд лозунг массового вооруженного восстания, оно не стремится сознательно опереться на народное восстание. Эти указания Ленина ставят перед исследователем задачу анализа отношения декабристов к народу, их классовой ограниченности и непоследовательности их демократических идей, однако речь идет тем не менее о революционном явлении. Если мы поставим в связь только что приведенный ленинский анализ дворянской революционности декабризма с предыдущей ленинской мыслью о забытых республиканских идеях декабристов, бросится в глаза, что одно поясняет другое. Большевики заново создали республиканскую традицию в среде русских революционеров, на новом, в корне отличном от предыдущих революционном этапе, когда огромной мощной волной поднялось массовое движение под гегемонией единственного до конца революционного класса — пролетариата.

Мы подходим к знаменитому тексту Ленина в статье «Памяти Герцена», опубликованной в «Социал-демократе» от 8 мая (25 апреля) 1912 г. Ленин суммирует тут важнейшие выводы предыдущих работ и раскрывает новые стороны декабристского движения. В этой статье Ленин трижды останавливается на декабристах, и все три его формулировки сосредоточены на одной мысли — на определении места декабристов в общем ходе российского революционного движения. Но каждое из его высказываний дает вместе с тем анализ внутренних особенностей движения декабристов,

ставит перед исследователем-марксистом важнейшие задачи их изучения. Ввиду важности этих положений для поставленной темы приведем ленинский текст, несмотря на его общеизвестность:

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века,— писал Ленин.— Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними — писал Герцен — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». К числу таких детей принадлежал Герцен»[39].

Мы видим, что, несмотря на классовую ограниченность декабристов, Ленин высоко оценивает их революционную суть и без оговорок применяет к декабристам герценовские образы. Для сравнения приведем тут же цитируемый Лениным текст Герцена в полном виде, чтобы оттенить, какие именно части этого текста выбрал для цитации Ленин. Герценовские цитаты, заключенные им в кавычки, Ленин берет из произведения Герцена «Концы и начала», опубликованного в «Колоколе» 2 октября 1862 г. (№ 148). Несомненно, текст «Концов и начал» находился перед глазами Ленина, когда он писал статью «Памяти Герцена»,— обе цитаты взяты Лениным из пятого письма «Концов и начал» (подчеркиваем взятые Лениным цитаты). Герцен пишет, что из особенностей жизни дворянской России вышли все ее «колоссальные уродства» «...со всеми неистощимыми вариациями *пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников*. В их числе там и сям изредка попадался помещик, сделавшийся иностранцем для того, чтоб остаться человеком, или «прекрасная душа» Манилов, горлица-дворянин, воркующий в господском доме близ исправительной конюшни».

«Казалось бы, что могло зародиться, вырасти, окрепнуть путного на этих грядах между Аракчеевыми и Маниловыми? — что воспитаться этими матерями, брившими лбы, резавшими косы, колотившими прислугу, этими отцами, подобострастными перед всеми высшими, дикими тиранами со всем низшим? А именно *между ними развились люди 14 декабря, фаланга героев, вскормленная, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя*... Оно им пошло впрок! *Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-пророки, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»*. В цитатах Ленина есть, как видим, некоторые замены герценовского текста,— так, «воины-пророки» заменены выражением «воины-сподвижники». Но в целом Ленин отправляется от самых ярких герценовских формулировок, характеризующих, с одной стороны, паразитическую среду крепостников-тиранов, а с другой — пафос революционного подвига вышедших из этой среды декабристов. Весь этот ленинский текст ставит перед исследователем задачу изучения декабристов как революционеров и дает высокую оценку их подвига. Именно это как раз и отрицала либеральная концепция. Ленин прямо ставит вопрос о формировании мировоззрения декабристов в сложной классовой обстановке, затрудняющей развитие передовой идеологии: декабристы вышли из того же дворянства, чьи привилегии хотели ограничить. В ленинских словах указана и длительная хронологическая протяженность периода дворянской революционности («первая половина прошлого века»). Во весь рост поставлена задача изучения связи декабристов

и Герцена, связи революционных поколений. Определяя значение этой связи, Ленин пользуется формулировкой самого Герцена, применяя и в дальнейшем герценовское слово «разбудили», чтобы определить значение дела декабристов для революционного поколения Герцена (ср. у Герцена: «Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение» [40]). Декабристы противопоставлены косному и реакционному дворянскому сословию, помещичьему классу,— это надо подчеркнуть. Использованные в характеристике полюбившиеся Ленину герценовские образы кладут отчетливую грань между дворянскими революционерами и прочими дворянами.

Другое положение Ленина о декабристах в той же работе посвящено важнейшему лозунгу буржуазного преобразования — ликвидации крепостного права. Ленин подчеркивает его огромное историческое значение: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867 гг.) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [41]. Эти слова Ленина ставят перед исследователем-марксистом первостепенную задачу изучения взглядов декабристов на освобождение крестьян от крепостного права. Их борьба за крестьянское освобождение высоко оценена Лениным. Ленин указывает и на огромное агитационное значение лозунга, звавшего на борьбу с крепостничеством, нарушившего «рабье молчание» николаевской России. Ленинская мысль вновь возвращается тут к теснейшей связи революционных поколений в борьбе с крепостничеством. Декабристы вновь упоминаются здесь не обособленно, а в тесной связи с последующей борьбой. Вместе с тем подчеркнута и новая сторона вопроса — борьба с самодержавием,— ведь «рабье молчание было нарушено» не только Герценом, но и декабристами, выступившими против царизма.

Знаменитый ленинский текст о трех поколениях революционеров, обошедший всю литературу о декабристах, завершает статью «Памяти Герцена», является ее итогом:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури»,— звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян.

Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий растет на наших глазах» [42].

В этом замечательном ленинском тексте, дающем развернутую периодизацию русского революционного движения, определено место декабристов в общем ходе русской революционной борьбы. Декабристы — первое поколение революционеров, связанное общими нитями с последующими поколениями революционного движения. Исследователь призывается к изучению реального дела декабристов в русской революционной борьбе, к выяснению того, в чем же состоит то дело, агитацию за которое развернул разбуженный декабристами Герцен, а затем революционеры-разночинцы. Вместе с этим ставится задача исследования классовой ограниченности декабристов, революционеров-дворян, страшно далеких от на-

рода. Подчеркнем, что Ленин не сказал — «враждебны» народу, в этом случае и речи не могло быть о революционности декабристов; Ленин сказал — «далеки», т. е. оттенил лишь классовую ограниченность движения. Эпигоны «школы» М. Н. Покровского подчас пытались ложно истолковать этот текст и тем свести на нет существо ленинских положений.

Два ленинских текста — только что приведенный из статьи «Памяти Герцена» и разобранный ранее текст из работы «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» — перекликаются между собой. И тут и там проведена отчетливая грань между этапами революционного движения до 1905 г. и последующим периодом. Все, что было до революции 1905 г.,— это еще не была сама буря, поскольку бурей является лишь движение самих масс. Восставшие массы миллионного крестьянства были подняты к открытой революционной борьбе своим гегемоном — пролетариатом, единственным до конца революционным классом. Это и есть основной рубеж в истории революции в России; «глубоко демократической», единственно последовательно-демократической является только одна революционность — революционность пролетариата, возглавляющего массовое движение; буржуазный же демократизм предшествующих периодов и особенно демократизм декабристов классово ограничен, хотя и имеет глубоко прогрессивное значение для своего времени.

Статья «Памяти Герцена» ставит перед исследователем еще одну важную задачу. Герцен и декабристы тесно объединены Лениным в одном — «дворянском» — периоде революционного движения. Поэтому в известной мере высказывания Ленина о Герцене могут быть отнесены и к декабристам. Вместе с тем мысль Ленина о том, что при всех колебаниях Герцена демократ все же брал в нем верх над либералом, говорит о возможности перехода с позиций дворянской революционности на позиции более последовательного разночинского демократизма. Один этап революционной борьбы подготовил последующий, один переходит в другой. Коль скоро мы сопоставляем революционность декабриста с революционностью демократа, стоящего по одну сторону баррикады вместе с Чернышевским и Добролюбовым, мы, разумеется, не стираем грани между этими двумя типами революционности, но констатируем и важнейший признак — отсутствие между ними антагонизма. Перед нами не два противостоящих общественных лагеря, а две силы, из которых одна открывает путь другой, более высокой по типу общественной силе, содействует ей и, встретившись с нею в реальной исторической обстановке совместной борьбы (Герцен и Чернышевский), становится вместе с нею по одну сторону революционной баррикады, служит одному революционному делу.

В следующем же 1913 г. Ленин опять вернулся к вопросу о декабристах в работе «Роль сословий и классов в освободительном движении», вызванной статьей Як. Бермана «Влияние социально-правового и экономических факторов на государственную преступность». Отметив неполноту данных Як. Бермана, Ленин приводит цифровую таблицу государственных преступлений по эпохам и приходит к следующим выводам:

«...ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 г.г.)—полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890) — дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство и купечество, то полу-

чаем 49%, т. е. *почти половину*. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек.

Третья (1901—1903) и четвертая (1905—1908) эпохи — эпохи крестьянской и пролетарской демократии. Роль дворянства совсем малая. Мещане и крестьяне дают $^{8}/_{10}$ перед революцией и $^{9}/_{10}$ во время революции. Проснулись массы. Отсюда два итога: 1) возможность добиваться кое-чего серьезного и 2) ненависть либералов к движению (появление контрреволюционного либерализма)» [43].

Этот текст по своей основной тематике совпадает с только что разобранным текстом из статьи «Памяти Герцена» и прежде всего дает основание выделить те же исследовательские задачи. Указано на бессилие дворянского революционного движения без поддержки народа, подчеркнута задача изучения классовой ограниченности движения. Замечательные слова Ленина о том, что дворяне-революционеры «помогли разбудить народ», позволяют еще раз ясно понять, какую глубокую ошибку совершают те, которые произвольно подменяют прямое и ясное значение предыдущих ленинских слов «страшно далеки от народа» понятием «враждебны народу». Вновь ставится перед исследователем задача изучения отношения декабристов к народу и его нуждам.

В мае 1914 г. Ленин вновь возвращается к вопросу о декабристах, поднимая тот же широкий круг связанных с ними проблем, который интересовал его и был им проанализирован в статье «Памяти Герцена». Это сделано в работе «Из прошлого рабочей печати в России», опубликованной в «Рабочем» 5 мая (22 апреля) 1914 г.

«Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время.

Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего *класса* из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» *сословия* не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский. Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» [44].

В этом тексте В. И. Ленина проходит отчетливое разделение пролетарского демократизма от других видов демократизма и опять поставлена для всех трех периодов проблема массового движения и отношения к нему революционера; даже для такого отдаленного периода, как дворянский период, поставлен вопрос о пролетариате и дано разъяснение причин отсутствия его как класса. Год самого восстания декабристов — 1825 год — выделен Лениным; это еще раз подчеркивает важность открытого вы-

ступления декабристов против царизма, ставит перед исследователем задачу проанализировать самое выступление первых русских революционеров. В приведенном тексте вновь встречается формулировка «декабристы разбудили Герцена», уже встретившаяся нам в статье «Памяти Герцена».

В конце того же 1914 г., во время первой мировой войны, Ленин вернулся к вопросу о декабристах в статье «О национальной гордости великороссов», напечатанной в «Социал-демократе» 12 декабря 1914 г.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [45].

Здесь Ленин во весь рост ставит задачу изучения революционного патриотизма декабристов и его значения в революционной борьбе. Вновь подчеркнута революционность декабристов и определяется их место в русском освободительном движении. Сконцентрирована же эта цитата на мысли о революционном протесте, об отпоре «насилиям, гнету и издевательству», которым подвергают Россию царские палачи, дворяне и капиталисты, т. е. опять-таки на вопросе борьбы с царизмом и крепостничеством. Задачи изучения декабристов как борцов против крепостного права и самодержавия отчетливо поставлены перед исследователем. Именно за борьбу с самодержавием и крепостничеством заслуживают декабристы названия революционеров.

Последнее по времени высказывание Ленина о декабристах относится к 1917 г. Ленин вспомнил о декабристах накануне февральской революции. В день памяти о 9/22 января 1905 г. Ленин прочел в Цюрихе, в народном доме, «Доклад о революции 1905 года», на собрании, организованном рабочей молодежью. В этом докладе он дважды останавливается на декабристах.

«В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами. С того момента и до 1881 года когда Александр II был убит террористами, во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть.

Это удалось только революционной борьбе пролетариата» [46].

Чрезвычайно важна тут мысль Ленина о том, что декабристы в п е р в ы е в русском революционном движении выступили против царизма, т. е. являются зачинателями русского революционного движения. Этот текст дает ответ на нередко задаваемый вопрос, почему ленинская периодизация революционного движения начинается не с Радищева или даже не с Пугачева или Разина. Ленин, очевидно, считает решающим наличие сознательной революционной идеологии и политической программы, а также самый факт открытого выступления против царизма с оружием в

руках, наличие революционной организации, подготовившей это выступление. Этих существенных критериев нельзя применить к великому идейному предшественнику декабристов — Радищеву и тем более к крестьянским восстаниям. Величайшее прогрессивное значение последних несомненно, но они имеют серьезное отличие от сознательного революционного движения.

Вновь видим мы тут установленную Лениным периодизацию революционного движения и уже знакомое нам по предыдущим цитатам определение места декабристов в этом движении. Декабристы — первые деятели, представляющие революционное движение против царизма. Вновь заострено внимание на протесте декабристов против царизма, поставлена задача изучения борьбы декабристов против самодержавия. Вновь дан в качестве основной даты самого восстания 1825 год.

Второе высказывание Ленина, содержащееся в этой статье, ставит перед нами задачу изучения тактики декабристов и особенностей их военного восстания:

«...Интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно.

История 1905 года дает нам совершенно обратную картину. Офицеры, за небольшими исключениями, были тогда настроены или буржуазно-либерально, реформистски, или же прямо контрреволюционно. Рабочие и крестьяне в военной форме были душой восстаний; движение стало народным. Впервые в истории России оно захватило большинство эксплуатируемых» [47].

Обратим внимание на то, что идеи декабристов отнесены — в широком смысле — к идеям демократическим. Это необходимо иметь в виду всем тем, кто пытается отделить непроходимой пропастью, сделать антагонистическим движение декабристов и движение революционных демократов. Подобное понимание вопроса было бы глубоко неверным. Демократия, как известно, в переводе означает правление народа. Авторитарному режиму неограниченной единоличной власти абсолютного монарха противопоставляется идея активной и верховной роли народа в управлении страной, его верховной власти, «народодержавия», как говорили декабристы. «Источник верховной власти есть народ»,— формулировала эту идею «Конституция» Никиты Муравьева и почти теми же словами «Русская Правда» Пестеля. Это противопоставление дает возможность в плане буржуазной революционности и борьбы с самодержавием назвать передовые идеи декабристов в общем смысле слова демократическими. Об отличии демократизма декабристов от более последовательного демократизма революционеров-разночинцев и об ином, единственно последовательном, подлинном демократизме пролетарской революционности говорилось выше. Все это ставит перед исследователем задачу изучения особенностей политической идеологии декабристов и прежде всего того, каким образом представляли они себе осуществление идеи о верховной власти народа в конкретной политической системе.

Отметим в приведенном тексте Ленина существенное для исследования декабристов понятие военного выступления в замысле государственного переворота. Попытка реализации этого плана — попытка неудавшаяся, рухнувшая, разгромленная — имела место 14 декабря 1825 г. Ленин отмечает тут классовую ограниченность замысла [48].

Из всего сказанного ясно, что широко распространенное «школой» М. Н. Покровского в последующей исторической литературе отрицание революционности декабристов не имеет ничего общего с ленинскими положениями. Оно прочно связано с либеральной концепцией движения декабристов и восходит именно к ней.

4

Хотя ленинские положения о движении декабристов были известны почти во всем их объеме еще в дореволюционный период, историческая наука не сразу усвоила их и применила к делу. Картина дореволюционного изучения декабристов оставалась сложной и противоречивой,— через декабристскую историографию проходила острая классовая борьба.

В 1903 г. реакционная правительственная концепция вновь довольно громко заявила о себе выходом I тома работы Н. К. Шильдера о Николае I, где было использовано известное количество новых архивных документов, доступ к которым официозные историки получили ранее других. В 1902 г. началась публикация работы Н. Ф. Дубровина «Русская жизнь в начале XIX века», в состав которой должны были войти материалы о декабристах (работа осталась незаконченной за смертью автора, который довел рассказ лишь до Союза Благоденствия). Либеральная концепция говорила громче всех и спешила пустить в оборот архивные данные следствия над декабристами, доступ к которым приоткрыла революция 1905 г. В революционные годы резко повысился интерес к прошлому русского освободительного движения. М. В. Довнар-Запольский выпустил одну за другой три работы: исторический очерк «Тайное общество декабристов» (1906), сборник документов следствия, почему-то озаглавленный «Мемуары декабристов» (1906), и через год «Идеалы декабристов» (1907). Работы (особенно первая и третья) изобиловали фактическими ошибками и несли печать большой спешки, но они все же дали в руки читателя гораздо более значительный фактический материал, чем книга А. Н. Пыпина, и хоть в какой-то мере познакомили широкие читательские круги с материалами следственного фонда. Ответом на возросший интерес к истории революционной борьбы, вызванный к жизни 1905 годом, были и первые публикации конституционных проектов декабристов, важнейших идейных документов движения: в 1906 г. М. В. Довнар-Запольский опубликовал в «Мемуарах декабристов» тюремный вариант Конституции Никиты Муравьева, а В. Е. Якушкин — более ранний вариант того же документа, принадлежавший И. И. Пущину и сохраненный П. А. Вяземским. В том же 1906 г. по списку академика Н. Ф. Дубровина была опубликована П. Е. Щеголевым «Русская Правда» П. И. Пестеля. Но того, чего как раз уже можно и нужно было ожидать,— появления марксистских работ, которые реализовали бы намеченную Лениным проблематику,— все еще не было. Более того, на пути марксистской историографии возникли новые препятствия: появились работы, авторы которых, субъективно считая себя историками-марксистами, строили ложную, антиленинскую концепцию движения декабристов. В 1907 г. появилась работа М. Н. Покровского и К. Левина «Декабристы», написанная для многотомной «Истории России в XIX веке», издательства бр. А. и И. Гранат. Третий отдел статьи («Идеология декабристов») написан М. Н. Покровским единолично. Полное отрицание революционности декабристов — основная характерная черта концепции; борьба с «революционной легендой» понимается как основная задача, «легенде» этой противопоставлен «корыстный» характер якобы ущемленных самодержавием дворян (ошибочная трактовка клас-

совой природы самодержавия лежит в основе концепции). Классовые черты дворянской ограниченности движения выдаются за его сущность. Генетически декабристы восходят, по мнению Покровского, к попытке «верховников», пытавшихся своими «кондициями» ограничить самодержавие Анны Иоанновны в 1730 г.,— декабристы лишь довели до логического конца дворянские попытки обуздать деспотизм самодержавия в пользу дворянского сословия. Заметим, что позже, в дни столетнего юбилея декабристов (1925), Б. И. Сыромятников обновил этот вариант концепции Покровского в работе «Последний дворцовый переворот»,— в развиваемых положениях нет ничего оригинального.

Важным элементом концепции М. Н. Покровского являлось отрицание значения лозунга об освобождении крестьян от крепостного права в идеологии декабристов. По Покровскому, трагедией декабристов было именно их желание «сохранить социальные у с т о и порядка, разбив его политическую форму». В силу этого начисто отрицался и буржуазный характер декабристской идеологии. Их борьба с самодержавием, взятая вне социальных лозунгов, превращена в борьбу за власть группки «обиженных» дворян, желающих сохранить в неприкосновенности весь аристократический строй государства. Как видим, эта ложная концепция движения декабристов имеет то несомненное сходство с либеральной, что также отрицает революционность декабристов; она лишь, так сказать, выворачивает наизнанку ее оценочную часть: в то время как либеральные историки на основании этого отрицания строили апологию декабристов, Покровский на этой же основе строит свою отрицательную оценку движения. Покровский повертывал декабристов лицом в прошлое, полностью затушевывая их прогрессивное значение. Если он полагал, что «аристократический строй общества они оставляли неприкосновенным», то что же оставалось от декабристского лозунга вооруженного восстания и учредительного собрания? С глубоким внутренним подчинением «либеральной легенде» Покровский соединял «левую фразу». В те годы он пренебрежительно относился к революционному прошлому России и не только не был занят изучением поставленного Лениным вопроса о связи революционных поколений, но прямым образом отрицал эту связь.

Так вступила в жизнь антиисторическая концепция М. Н. Покровского, которая явилась серьезной помехой утверждению и развитию ленинского понимания декабристов. Декабристская историография, таким образом, еще практически не двинулась по ленинскому пути, и наиболее крупные исследовательские работы о декабристах попрежнему принадлежали чуждым концепциям.

В 1909 г. появилась в свет наиболее обширная монография, написанная с либерально-народнических позиций,— книга В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». Семевский широко использовал следственное дело о декабристах, привлек к изучению их идеологии значительный круг новых первоисточников. Появление такого обширного монографического труда об отдельном революционном движении стало возможным лишь после революции 1905 г. — до нее выход в свет подобной книги был бы немыслим. Концепция Семевского, мировоззрение которого характеризуется народническими установками, являлась сложной и противоречивой. С одной стороны, им были усвоены элементы революционной концепции Герцена — это сказывается в общем сочувственном отношении к движению, в высокой оценке Пестеля, в авторском внимании к мировоззрению декабристов. Но одновременно в концепции Семевского имеются многочисленные черты либеральной трактовки: преобразовательные планы декабристов он преемственно связывает с реформистскими

замыслами царского правительства, не усматривая между ними никакой принципиальной разницы; декабристы трактуются как движение внеклассовой интеллигенции. Вся концепция Семевского насквозь идеалистична; критерий его оценок субъективен (так, он говорит о «симпатичных» ему и «несимпатичных» чертах движения). Народнический субъективизм сказывается и в пронизывающем монографию положении о выдающихся личностях, двигающих историю при непробудно спящих массах.

В. И. Семевский пришел к изучению декабристов от исследования истории крестьянства — отсюда его серьезный интерес к разрешению декабристами крестьянского вопроса, что выгодно отличает его монографию от работ либеральных историков. Отличали его и другие черты общего облика: он был «опальным» профессором, побывал в Петропавловской крепости за участие в делегации, пытавшейся предупредить «Кровавое воскресенье» — 9 января 1905 г., был стеснен правительственными преследованиями в своей преподавательской деятельности, многократно подвергался обыскам. Максим Горький, возложивший венок на его гроб в 1916 г., отдавал дань его демократизму. Работы Семевского, посвященные декабристам, сыграли значительную роль в дореволюционной историографии и возбудили интерес к декабристам у многих читателей, справедливо критиковавших народническую концепцию автора. Интересно отметить, что Семевский выступил против М. Н. Покровского, хотя и критиковал его вульгарно-материалистическую схему с идеалистических позиций: «Стремления декабристов к политическим преобразованиям,— писал Семевский,— объясняются отнюдь не их классовыми интересами: юные борцы за политическую свободу в огромном большинстве случаев во время их принадлежности к тайным обществам не были даже владельцами имений, которые принадлежали тогда их отцам, и скорее должны быть отнесены к внеклассовой интеллигенции, чем к числу представителей дворянских интересов» [49].

В 1911 г. вышел в свет третий том «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского, где декабристам была посвящена особая глава. По сравнению с первой работой Покровский несколько пересмотрел старые позиции, «обновив» свою концепцию в смысле еще более последовательного выражения установок «экономического материализма». Отрицание объективности человеческого знания, проповедовавшееся А. А. Богдановым, целиком применено Покровским к исторической науке. Он решительно отвергал объективность исторических знаний, история была для него «политикой, опрокинутой в прошлое». Тот бой дворянско-буржуазной историографии, который Покровский намеревался дать в своем пятитомнике, развертывался не с марксистских позиций и в сущности был проигран. Если в своей первой работе Покровский трактовал декабристов как обиженных самодержавием дворян, в силу своих сословных интересов организовавших особого вида дворцовый переворот — выступление 14 декабря на Сенатской площади, то в «Русской истории с древнейших времен» он обрисовал первых русских революционеров уже иначе: как корыстных дворян, идеология которых была грубо и непосредственно связана с «тривиальным фактом» — повышением хлебных цен на мировом рынке в 1820-х годах (которые, кстати, пали в это время). В силу выгодности для помещиков торговли хлебом с заграницей дворяне-декабристы будто бы и стали требовать ликвидации крепостного права. Как и в первой работе, в пятитомнике М. Н. Покровского полностью отсутствует понимание декабристов как дворянских революционеров. Характернейшей чертой концепции Покровского явилось нигилистическое отношение к русскому революционному прошлому. Покровский ставил своею целью разоблачить «легенду о декабристах», понимая под «легендой» именно их револю-

ционное значение. Уничтожая последнее, Покровский опять-таки прикрывал свою разрушительную работу «левой фразой», выдавая ее за разоблачение дворянско-буржуазной историографии. На деле получилось иное. Щедро раздавая налево и направо уничижительные эпитеты, Покровский далеко ушел от истины и исказил историческое значение движения. Союз Благоденствия оказался созданным по прототипу «черносотенного» Тугендбунда, волнение Семеновского полка стало чисто «профессиональным» выступлением, восстание декабристов — дворцовым переворотом. От движения декабристов, собственно, ничего не осталось, истина ускользнула от автора.

Последующие работы М. Н. Покровского относятся уже к послереволюционному периоду: почти ежегодно с 1920 по 1926 г. он останавливался на декабристах в своих вновь выходящих работах, посвятив им особенно много внимания в юбилейный 1925 год. Здесь Покровский уже несколько иначе расставляет акценты и вносит видоизменения в концепцию. Южное общество резко отрывается от основного ствола «дворянского» движения, П. И. Пестель характеризуется как «якобинец» и одновременно «монтаньяр в полковничьем мундире». Кроме Пестеля, к числу «подлинно-революционных» явлений движения относится еще восстание Черниговского полка. Движение декабристов лишается единой обобщающей оценки и общей связи с определенным историческим этапом развития. Северное дворянское и Южное мелкобуржуазное общества противопоставляются друг другу. При этом «революционное крыло» движения обрисовывается Покровским как приближающееся то к революционному народничеству, то даже к большевикам, а «дворянское» крыло попросту сбрасывается со счетов революционного движения. Выдвинутое Лениным понятие «дворянской революционности» попрежнему остается чуждым Покровскому, как остается ему чужд и подлинный историзм, характеризующий ленинскую концепцию [50].

М. Н. Покровский снижает движение декабристов, трактует его в целом с пренебрежением как «корыстное», «аристократическое», игнорирует революционный патриотизм первых русских революционеров, очерняя важный этап в революционном прошлом нашей родины и не понимая его. В противоположность этому Ленин считает, что мы можем гордиться декабристами; он связывает понимание значения выступления декабристов с нашим национальным сознанием, с революционным патриотизмом, с любовью к родине.

Концепция М. Н. Покровского была антиисторической, рисовала декабристов как застывшее, неподвижное явление и, опрокидывая политику в прошлое, грубо подменяла исследовательскую проблематику надуманными разоблачениями или восхвалениями, в основе которых лежали критерии, не имевшие научного исторического характера. Большинство молодых декабристоведов испытали в те годы воздействие ложного метода «школы» Покровского и неправильно освещали декабристское движение. Немало этих ошибок было совершено в свое время и автором этой книги. Не избежали подчас этого воздействия и историки старшего поколения (например, проф. А. Е. Пресняков в книге «14 декабря 1825 года» и др.). Таким образом, советское декабристоведение несло на себе в первый период своего развития печать глубоких ошибок.

Однако было бы неправильно весь этот период рисовать темными красками и констатировать сплошные заблуждения. Ленинская концепция прорывалась в исследовательское сознание сквозь оковы мертвящей схемы и руководила теми существенными явлениями науки, которые мы должны и сейчас признать несомненными достижениями советского декабристоведения. Отнесем к ним, например, появление в свет семи томов

документального издания «Восстание декабристов» (Центрархив). Этот значительный документальный комплекс, который навсегда останется драгоценным материалом для декабристоведения, был вызван к жизни вовсе не ложными установками «школы» Покровского. Если Северное общество, по мнению последнего, не имело ничего общего с революцией и представляло собой корыстную дворянскую группировку, заинтересованную лишь в выгодном сбыте хлеба, то зачем же издавать целых три тома следственных дел членов этого общества и предлагать издание в качестве «революционного памятника»? Предисловие М. Н. Покровского не только противоречило общему ленинскому эпиграфу, взятому для издания в целом, но и само было полно внутренних противоречий. Документальных изданий о революционном прошлом требовала вступившая в период культурной революции страна, на них настаивал советский читатель — активный участник Великого Октября, советский гражданин, желавший знать революционное прошлое своей родины. Поэтому и издание декабристских документов было в числе тех научных мероприятий, которые вызывались к жизни изнутри, силой общественного развития, ленинской линией направления науки. Отметим большой труд, вложенный в подготовку документальных публикаций старейшим архивистом-декабристоведом А. А. Покровским, работу в этой области С. Н. Чернова, Ю. Г. Оксмана, Б. Е. Сыроечковского, Н. П. Чулкова.

Период 1917—1934 гг. вообще богат документальными изданиями, многие из которых вызвал к жизни столетний юбилей со дня восстания, отмеченный в 1925 г. (ценные документы, в частности относящиеся к восстанию Черниговского полка, изданы на Украине).

В эти же годы появились исследования о декабристах, ряд которых хотя и отмечен известным общим воздействием схемы М. Н. Покровского, однако в основном комплексе своих научных выводов остается значительным вкладом в советское декабристоведение. Значительное место занимают здесь работы Н. М. Дружинина, основная монография которого в данной области посвящена декабристу Никите Муравьеву. В этой же монографии опубликован наиболее точный текст всех дошедших до нас вариантов муравьевской Конституции и дан их тонкий текстологический анализ. Беря историю жизни Муравьева с начального периода формирования мировоззрения до самого конца жизни, Н. М. Дружинин создал ценное исследование не только об отдельном декабристе, но и в значительной мере о развитии Северного общества, к которому тот принадлежал. Декабристская организация была охарактеризована с истоков движения и ранних форм общества (Союз Спасения, Союз Благоденствия) до Северного общества и его открытого выступления. Труд Н. М. Дружинина явился значительным вкладом в советское декабристоведение и послужил для многих молодых историков школой научной работы. Работа Н. М. Дружинина «Масонские знаки Пестеля» далеко выходит за пределы заглавия, освещая внутреннюю жизнь ранних декабристских организаций. Опять-таки вопросы движения, взятого в целом, характерны для узко-специальной, на первый взгляд, работы Н. М. Дружинина о роли семейства Чернышевых в движении декабристов [51].

История отдельных крупных декабристских организаций, анализ особенностей их идеологии и структуры стал ведущей проблематикой первого этапа советского декабристоведения. Если изыскания Н. М. Дружинина сосредоточились более всего на истории северной организации, то внимание других исследователей отдавалось Союзу Благоденствия, Южному обществу или Обществу соединенных славян. Вместе с тем исследовательский интерес к отдельным деятелям движения был характерной чертой этого этапа исследования. Исключительное значение для декабристове-

дения имеют работы С. Н. Чернова, принявшего значительное участие в подготовке к печати «Русской Правды» Пестеля и всегда основывавшего свои изыскания на тонком анализе наиболее трудных первоисточников. Его работы посвящены Московскому съезду Союза Благоденствия в 1821 г., роли в нем Михаила Орлова, движению в армии тех лет, отголоскам семеновского восстания 1820 г. и вообще связи выступления декабристов с массовым движением времени. Темой специальных изысканий С. Н. Чернова явился и вопрос о поисках царским правительством «Русской Правды» Пестеля, а также о следствии по поводу московских событий 1825 г. и ряд других[52]. А. Е. Преснякову принадлежит несколько работ, освещающих хозяйственную и политическую обстановку России эпохи декабристов. Им же положен почин монографического изучения дня восстания 14 декабря, работа о котором вышла к столетнему юбилею декабристов. Правда, на работе лежит особенно отчетливая печать «школы» Покровского: не объективное значение восстания, а узко взятое «разоблачение» дворян-неудачников, совершивших «революцию-выкидыш» — основная внутренняя тема монографии. Узок и круг первоисточников, которые легли в основу изучения, — это главным образом мемуарные материалы; следственные же дела участников выступления остались почти не привлеченными. Однако в свое время работа все же сыграла положительную роль, ответив хоть в малой мере живому интересу читателя к событиям знаменитого дня и пробудив критические споры и читательские размышления над проблематикой выступления. Вместе с работой А. Е. Преснякова опубликована ценная монография Г. С. Габаева о гвардии в декабрьские дни 1825 г. В этой же области работал Е. Сказин, которому принадлежит одно из наиболее интересных исследований о ходе восстания 14 декабря 1825 г.[53]

Необходимо отметить тщательные, основанные на тонком изучении первоисточников, работы Ю. Г. Оксмана. Его интересует проблема Общества соединенных славян, история Южного общества, восстание Черниговского полка, документы которого были им подготовлены для специально посвященного этой теме VI тома издания «Восстание декабристов». Им уже, при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, выпущена в свет документальная хрестоматия, в которой некоторые ценные документы о декабристах опубликованы впервые. Она сыграла значительную роль для молодых декабристоведов. Следует указать принадлежащую Ю. Г. Оксману публикацию воспоминаний Катенина о Пушкине, которые ранее считались утраченными. В этом документе, а также в обширном комментарии публикатора имеется немало важных сведений для ранних этапов движения декабристов, в частности для Военного общества — промежуточного звена между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия[54].

Б. Е. Сыроечковский, один из видных знатоков движения декабристов, издал и прокомментировал чрезвычайно интересный комплекс первоисточников о восстании 14 декабря 1825 г., посвященный изображению междуцарствия и восстания на Сенатской площади в мемуарах семьи Романовых. Он сделал достоянием советских декабристоведов и ценнейший первоисточник истории Общества соединенных славян — так называемые «Записки И. И. Горбачевского», вышедшие двумя изданиями. «Русская Правда» Пестеля и сложная проблематика Южного общества декабристов входят в тематику его исследования. Общественные отклики на восстание декабристов и общие вопросы мировоззрения (религиозное вольнодумство декабристов) также явились предметом его исследовательского интереса[55].

Чрезвычайно широк был диапазон декабристоведческих интересов П. Е. Щеголева, исключительно много сделавшего для изучения движе-

ния в целом. Пожалуй, из всех исследователей дореволюционного поколения он менее всего испытал на себе воздействие «школы» Покровского и в смысле общей концепции, «отстав от века», довольно плодотворно разрабатывал в те годы герценовскую традицию. Неутомимый искатель новых архивных документов и несравненный их препаратор, он посвящал свои исследования главным образом отдельным деятелям движения, а также проблеме Пушкина и декабристов. Собранные воедино исследовательские статьи П. Е. Щеголева о «первом декабристе» Вл. Раевском, П. Г. Каховском и других участниках движения представляют собой разносторонний труд о декабристах, а пушкиноведческие изыскания исследователя, тесно связанные с декабристской тематикой, дают чрезвычайно много ценного об отдельных сторонах движения и, в частности, о ранних его этапах (например, работа П. Е. Щеголева о «Зеленой лампе»). П. Е. Щеголев начал свое изучение декабристов еще накануне первой революции. Именно ему декабристоведы обязаны первым изданием «Русской Правды» Пестеля (1906 г.; по дубровинскому списку), о котором уже упоминалось выше [56]. В этом же разрезе много сделал Б. Л. Модзалевский. Особо надо отметить обнаруженные им и впервые прокомментированные материалы архива «Зеленой лампы», считавшегося утраченным. Как известно, членом «Зеленой лампы» был А. С. Пушкин, и изучение «пушкинского» вопроса привело к интереснейшим новациям в области движения декабристов. В особенности надо отметить опубликованную Б. Л. Модзалевским политическую утопию «Сон», сохранившуюся в архиве «Зеленой лампы», драгоценный документ идеологии раннего декабризма. Работа Б. Л. Модзалевского «Роман декабриста Каховского» под условным названием узкого характера публикует ценную в исследовательском отношении переписку П. Г. Каховского с Софьей Салтыковой, первоисточник для изучения формирования декабристского мировоззрения. Б. Л. Модзалевскому (совместно с А. А. Сиверсом) декабристоведы обязаны изданием важного справочника — «Алфавита декабристов» («Восстание декабристов», т. VIII), сопровожденного обширным фактически насыщенным указателем, который, несмотря на отдельные неточности, несет очень полезную подсобную службу при работе исследователя [57]. Назовем имя И. Н. Розанова, много потрудившегося в области изучения поэтического творчества декабристов и близких к ним поэтов [58]. Ряд декабристоведческих работ принадлежит Н. К. Пиксанову [59]. Вопросам связи Пушкина с декабристами посвятили специальные работы Н. Л. Бродский и Д. Д. Благой [60]. Работы М. П. Алексеева в области истории литературы освещают проблемы декабристоведения [61]. Ценные декабристоведческие публикации о работах декабриста Лунина, В. Л. Давыдова принадлежат М. К. Азадовскому, касавшемуся и других тем декабристоведения, собранных в сборнике того же автора «Декабристы. Историко-литературные опыты». В последнее время издание произведений братьев Бестужевых, собранных с большой полнотой, также является заслугой М. К. Азадовского. Характеристика затерянных и утраченных произведений декабристов явилась последним крупным вкладом в науку этого исследователя [62].

В области публикации декабристских документов и изучения отдельных вопросов движения многое сделано С. Я. Штрайхом, который подготовил советское издание воспоминаний о Пушкине декабриста И. И. Пущина, а также важное для изучения эпохи декабристов переиздание «Записок» Вигеля; он дал специальный очерк об основателе общества декабристов Александре Муравьеве и о близком А. С. Пушкину и вообще кишиневскому кругу декабристов И. П. Липранди, а также о провокации среди декабристов [63].

Необходимо отметить внимательные и насыщенные фактическим материалом работы Н. П. Чулкова — специальное исследование о Москве и декабристах, а также краеведческое изыскание о декабристах-москвичах [64]. Изданы сборники о декабристах на Украине. Работы Б. Кубалова осветили вопрос о декабристах в Сибири, той же теме был посвящен сборник статей о Сибири и декабристах [65]. К числу незаменимых справочников относится и библиография Н. М. Ченцова «Восстание декабристов», до сих пор, несмотря на отдельные недостатки, являющаяся ценнейшим пособием для декабристоведа. Она охватывает литературу лишь до 1929 г., и в настоящее время имеется настоятельная нужда в ее продолжении [66].

Таким образом, и в первый период советского декабристоведения было сделано немало. Прежде всего был накоплен большой фактический материал, объем которого несравненно превышал все то, что знало скудное дореволюционное источниковедение декабристов. Революция распахнула перед исследователями двери архивов, и оттуда потоком полились документальные данные. Декабристоведение как специальная отрасль исторического исследования русского революционного движения возникло именно после Октября. При всем обилии новых хлынувших в науку фактов, оно не носило, однако, характера узкого фактоописательства. Наоборот, оно было проникнуто значительным, подчеркнутым интересом к обобщению и ярко выраженным субъективным стремлением применить к фактическому материалу марксистскую методологию. В силу этого советское декабристоведение было уже тогда насыщенно крупной, хотя нередко и неправильно трактованной проблематикой, стремилось к осознанию изучаемого исторического процесса в целом. При всех ошибках М. Н. Покровского и его «школы» эта сторона дела сыграла в свое время известную положительную роль. Однако ложные установки, порочный метод и укрепившаяся антиисторическая схема омертвляли исследование, вели научные обобщения по ложному пути.

Ошибки «школы» Покровского были указаны партией и правительством. Отставание исторической науки и общее ее неблагополучие указывалось в специальных постановлениях Центрального Комитета, в замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспекты исторических учебников. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. раскрыло ошибочность «школы» Покровского, в сущности упразднившей историческую науку. Марксистско-ленинское понимание движения декабристов становится с этих пор руководящим в научном исследовании. С 1935—1936 гг. начинается новый этап марксистско-ленинской историографии декабристов. Мы имеем все основания говорить в настоящее время о ряде существенных достижений советской историографии в области декабристоведения на этом новом этапе.

Новый период советского декабристоведения отмечен в первую очередь глубоким научным интересом ко всей системе исследовательских задач, поставленных Лениным. Советские декабристоведы — как старшее, так и молодое поколение — внимательно размышляют над этими задачами и руководствуются ленинским пониманием движения как в выборе тем, так и в постановке избранных вопросов. Прежде всего прочно восстановлено понимание декабристов как представителей революционного движения. Учитывается его неразрывная, органическая связь с последующим русским революционным движением, первым этапом которого оно является. Современная марксистско-ленинская историческая наука выдвигает на первый план антифеодальный характер идеологии декабристов, их борьбу против крепостного права и самодержавия, против всего феодально-крепостного строя царской России. Тем самым она рассматривает их идейную работу и открытое выступление как органический элемент

смены общественно-исторических формаций — смены феодализма капитализмом. Современные историки понимают декабристов как представителей нового в борьбе со старым и подчеркивают революционное значение открытого выступления декабристов против царизма. Высоко оценивается и агитационная сила поднятых декабристами лозунгов борьбы против крепостного права и самодержавия для последующей революционной борьбы. Изучаются республиканские идеи декабристов, впервые появившиеся как политическая программа в истории русской революции. Подчеркивается связь революционных поколений (положение о декабристах, «разбудивших Герцена»), отчетливо характеризуется место декабристов в истории русского революционного движения: они стоят в начале русской революционной борьбы, ими начинается ленинская периодизация русского революционного движения. Опираясь на марксистско-ленинское понимание декабристов как дворян-революционеров, оттеняя этим термином революционный характер движения, историки вместе с тем подчеркивают классовую ограниченность революционности и демократизма декабристов. Ограниченность эта носит дворянский, помещичий, классовый характер; первые русские революционеры, содействовавшие своим выступлением гибели устарелой феодально-крепостной общественной формации, вместе с тем не были свободны в своей идеологии и в своем движении от печати как раз того старого, против которого они боролись. Особое внимание историков привлекает вопрос об отношении декабристов к народу. Декабристы «страшно далеки» от народа, они не обратились к массе, к народу как к активной силе движения, они боялись самостоятельного участия народа в революционной борьбе. Однако объективное значение дела декабристов прогрессивно и необходимо для разрешения назревших исторических задач буржуазного преобразования страны. Декабристы послужили истории освобождения России и движению ее вперед: они принадлежали к тем «лучшим людям из дворян», которые «помогли разбудить народ» [67].

Таким образом, марксистско-ленинское учение поставило перед историками исследовательскую проблему движения декабристов как живую систему сложных и разносторонних научных задач. Работа над разрешением этих задач объединила большой коллектив историков-декабристоведов.

Если за интересующий нас период не появилось крупных обобщающих работ исследовательского характера, то вышел из печати ряд сборников, объединивших документальные публикации и исследования декабристоведов, работающих над различными вопросами движения. В числе таких коллективных работ можно указать на сборники Рукописного отделения Библиотеки им. В. И. Ленина, «Летопись Государственного литературного музея» и особенно на сборник «Декабристы и их время», выпущенный под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха (1951). Последними вышедшими трудами такого типа являются сборник «Очерки по истории движения декабристов» под редакцией Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского (1955) и сборник «Декабристы», выпущенный Библиотекой им. В. И. Ленина под редакцией М. К. Азадовского (1955) [68]. Чрезвычайно широк круг вопросов, охваченных советским декабристоведением после историографического рубежа 1935—1936 гг. Новое понимание движения в целом отразилось в исторических учебниках, предназначенных для средней и высшей школы. Выходили и небольшие популяризации, освещающие движение в целом [69]. Тема о декабристах исследовательски трактована в лекционном курсе проф. С. Б. Окуня [70].

Большое внимание привлекают программные вопросы декабристского движения. Н. М. Дружинин посвятил специальную работу программе Северного общества, Г. Г. Кричевский — Конституции Никиты Муравьева,

Л. Г. Гусаков и С. М. Файерштейн — взглядам П. И. Пестеля на аграрно-крестьянский вопрос, В. М. Тарасова и П. Ф. Никандров — социально-экономическим и политическим взглядам П. И. Пестеля, И. П. Дементьев, В. Соколов и И. В. Алешина — декабристам и крестьянскому вопросу. Опубликована диссертация К. Д. Аксенова о Северном обществе. Найденные и комментированные М. А. Брискманом агитационные песни декабристов имеют исключительное значение для характеристики не только их литературного творчества, но и для первостепенной проблемы — отношения декабристов к народу. Южное общество в целом явилось темой докторской диссертации С. М. Файерштейна, Каменская управа — тема диссертации Н. С. Захарова, Васильковская — Л. А. Медведской-Басовой. Восстанию Черниговского полка посвящены диссертация И. В. Пороха и статья М. М. Лисенко [71]

Немало сделано для декабристоведения украинскими исследователями, из которых надо отметить В. М. Базилевича [72], М. М. Лисенко, а также Д. Косарика, работающего преимущественно по тематике украинского пушкиноведения и в силу этого связанного с темой о Южном обществе [73].

Изучению восстания 14 декабря 1825 г. посвящены работы Н. М. Дружинина, Г. Р. Кузьмина, М. В. Нечкиной [74]. «Записки» декабриста Ю. Люблинского, разысканные Н. П. Чулковым (опубликованные после его смерти), являются новым ценным источником по истории Общества соединенных славян. Процесс декабристов и уголовная политика Николая I освещены М. Н. Гернетом. Взаимоотношения декабристов и революционной Польши разрабатывались рядом исследователей (И. Беккер, Л. А. Медведская, А. И. Бортников, И. С. Миллер, У. А. Шустер); наиболее подробная работа принадлежит польскому историку Л. Баумгартену. П. Ангрaну принадлежит работа об отголосках восстания декабристов во Франции [75]. Появились работы, характеризующие предисторию декабристских организаций — «Священную артель» офицеров Генерального штаба (М. В. Нечкина) и общество М. Орлова и М. Дмитриева-Мамонова (Ю. М. Лотман) [76]. Союз Спасения — первая декабристская организация — также стал предметом специального исследования [77].

Серьезное внимание исследователей привлекает и эпоха декабристов. Вл. А. Федоров посвятил свою еще не опубликованную диссертацию солдатскому движению в годы декабристов и специальную статью — введению военных поселений, З. Григорян — Отечественной войне 1812 г. и декабристам [78]. Ценную работу о Вольном обществе любителей российской словесности опубликовал В. Г. Базанов [79].

О. И. Поповой принадлежит публикация материалов о Марии Волконской и исследование, посвященное истории ее жизни. Новые материалы о Е. Трубецкой (ее поездка в Сибирь) опубликованы Е. П. Федосеевой [80]. А. В. Предтеченский выпустил книжку, посвященную современнику декабристов — вольнодумцу Т. Г. Боку [81].

Обширна и новая литература о сибирском периоде жизни и деятельности декабристов. Специальную книгу «Декабристы в Сибири» выпустил В. Н. Соколов, эту же тему освещал Л. А. Сокольский. Н. М. Дружинин детально разработал тему о декабристе И. Д. Якушкине и его ланкастерской школе, П. Г. Рындзюнский — о декабристах братьях Борисовых в годы жизни на поселении. Е. Владимирову принадлежит работа о декабристах в Заполярье, Ф. Шориков и Г. Федоров опубликовали документы о пребывании декабристов в Туринске, А. Малютина — в енисейской ссылке. Педагогическая деятельность декабристов в Сибири освещена также в работе В. Г. Базанова и Н. Г. Казанского, медицинская — в работах Н. П. Федотова и Ю. Молис. Л. К. Чуковская выпустила книгу о декабристах — исследователях Сибири. Николаю Бестужеву как худож-

нику, а также как первому краеведу и этнографу Бурятии посвящены работы М. Барановской, пребыванию того же декабриста в Бурят-Монголии — работа Р. Тугутова. А. Прибыткова-Фролова осветила архитектурную деятельность декабриста Батенькова в Томске. Менее внимания уделено пребыванию декабристов на Кавказе — тут надо отметить ценные работы А. В. Фадеева, книгу Л. И. Барамия «Декабристы в Грузии» (на грузинском языке) и публикацию А. Адамяна, посвященную новым материалам о пребывании декабристов в Армении [82].

Особенно характерной чертой советской историографии последнего времени является исследование декабристов представителями других отраслей гуманитарных наук. Декабристов стали изучать философы и экономисты, литературоведы и языковеды, искусствоведы и юристы. Это придало значительную разносторонность и глубину современному представлению о движении. Интерес к декабристам у представителей других общественных дисциплин встречался и раньше, однако масштаб этих исследований не идет ни в какое сравнение с современной наукой, а общее марксистско-ленинское понимание движения создает единство установок. Мировоззрение декабристов получило прочное место в общих трудах по истории марксистской философии. Философы издали ценный трехтомник, сконцентрировавший богатый материал по общественно-политическим и философским взглядам декабристов, этому же посвящена монография Г. Габова. Две диссертации отдельно посвящены общественно-политическим и философским взглядам декабристов — Северного общества (Н. Ф. Седых), Южного общества (В. И. Русин) [83]. Исторические взгляды декабристов явились предметом исследования С. С. Волка и Б. Г. Кокошко. Г. И. Яворский осветил исторические взгляды А. С. Пушкина, во многом перекликающиеся с историческими взглядами декабристов [84]. Равным образом и в обобщающих трудах по истории экономической мысли в России декабристы получили свое устойчивое место (например, в коллективном труде Института экономики, а также в работе И. Блюмина «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в.»). Специальные работы посвящены экономическим воззрениям декабристов (К. А. Пажитнова, а также упомянутые выше работы В. М. Тарасовой, В. Соколова, Л. Г. Гусакова). М. А. Астапович принадлежит работа об экономических воззрениях Н. И. Тургенева. Книга декабриста М. Орлова о государственном кредите явилась предметом специальных работ С. Я. Борового и Ф. М. Морозова [85]. Уделили внимание декабристам и представители юридической науки (работы Н. Ф. Закревского о государственно-правовых взглядах П. Пестеля и Б. С. Ошерович о его уголовно-правовых воззрениях [86]). Историки и специалисты по военным наукам провели детальные изыскания о декабристах-новаторах в теории и практике военного дела. В этом отношении надо отметить диссертацию Е. А. Прокофьева «Военные взгляды декабристов», открывающую совершенно новую страницу декабристоведения. В ней охарактеризован огромный вклад, внесенный декабристами в военную науку. Этим восполняется значительный пробел в истории русской передовой военной мысли, — эпоха декабристов в этом отношении ранее представляла собой «белое пятно» [87]. Г. Е. Павлова нашла считавшийся утраченным труд декабриста Николая Бестужева по истории русского военного флота и опубликовала о нем специальную работу [88].

Но особенно много сделали советские литературоведы, исследовательская работа которых все теснее связывается с исторической тематикой. В этой области заметно сближение специальностей: если литературоведы дают работы с историческим уклоном, то и историки за последнее время начали ставить литературоведческую проблематику на историческую почву

и включать ее в общий круг проблем истории русской культуры. Особое место тут по праву занимают работы М. А. Цявловского и Т. Г. Зенгер-Цявловской. Специальные изыскания, которые М. А. Цявловский посвящал связям Пушкина с декабристами, превращались под его пером в детальные исследования по истории декабристов; особо надо отметить вопрос о взаимоотношениях Пушкина и Владимира Раевского, работу о новой эпиграмме Пушкина на Аракчеева, превратившуюся в специальное исследование о чугуевском восстании военных поселений 1819 г., и комментарий свидетельств о Пушкине во вновь найденном источнике — дневнике П. И. Долгорукова, а также великое множество разнообразных комментаторских текстов к произведениям Пушкина, богатых данными, касающимися декабристов. «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», первый том которой уже находится в распоряжении исследователей, также содержит ценные данные о Пушкине и декабристах [89]. Работы таких пушкинистов, как С. М. Бонди, Б. В. Томашевский, И. Н. Медведева, оказывают значительную помощь декабристоведам. Писатель Ю. Тынянов, автор ряда исторических романов, хотя и создал посвященную А. С. Грибоедову «Смерть Вазир-Мухтара» в духе ошибочной концепции Н. К. Пиксанова, но как исследователь может быть заслуженно назван в ряду тех, кто много сделал для изучения движения декабристов. Им опубликованы многочисленные материалы о декабристе В. К. Кюхельбекере, друге Пушкина, а его работа «Пушкин и Кюхельбекер» является ценной монографией, в частности посвященной лицею — одному из гнезд формирования декабристского вольнодумства [90]. Тема о Пушкине и декабристах неоднократно освещалась в работах сводного характера (Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана, Н. Л. Бродского, Б. С. Мейлаха, И. С. Зильберштейна, В. Смирнова-Ульянинского, И. Боричевского, М. В. Нечкиной). Б. С. Мейлах затронул ряд важных для декабристоведения вопросов в своих работах о Пушкине, — им изучен лицейский период с точки зрения формирования передового мировоззрения, общего и Пушкину и декабристам, и вопрос о Пушкине в литературных объединениях декабристов [91]. Ф. Н. Кудрявцев осветил тему о Пушкине и декабристах в сибирской ссылке [92]. Специальная работа посвящена А. С. Грибоедову и декабристам (М. В. Нечкина), отдельные вопросы этой же темы освещали на основании новых документальных материалов Вл. Орлов, О. И. Попова и О. И. Маркова. Много материала о том же вопросе содержит грибоедовский том «Литературного наследства» [93].

Творчество и революционная деятельность поэтов-декабристов получает широкое признание и вызывает стойкий интерес исследователей. Появились две крупные антологии декабристской поэзии — одна под редакцией Вл. Орлова, другая — Б. С. Мейлаха [94]. Богатыми собраниями исследовательских матéриалов и новых документальных данных о декабристах-литераторах являются специальные томы «Литературного наследства» [95]. В многотомной «Истории русской литературы», издаваемой Академией Наук, писателям-декабристам посвящены содержательные главы [96]. Интересная попытка обобщения сделана Л. И. Сперанской в работе о борьбе писателей-декабристов за создание русского литературного языка [97]. На новую тему — отражение освободительного движения в народном творчестве — написана диссертация Л. В. Домановского (ранее этот вопрос далеко не полно разбирался в работе Н Е. Ончукова) [98].

Из отдельных писателей-декабристов особое внимание исследователей привлекли К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, Вл. Ф. Раевский, Александр и Николай Бестужевы и Федор Глинка.

К. Ф. Рылеев постоянно был в орбите внимания литературоведов, преимущественно с точки зрения его поэтического творчества. Собрания его

сочинений подготовлены — одно А. Г. Цейтлином, другое — Ю. Г. Оксманом. Рылеевской группе Северного общества декабристов посвящена диссертация Н. М. Лебедева. Жизнь и творчество К. Ф. Рылеева освещены в нескольких обобщающих работах (К. Пигарева, Б. В. Неймана). Новые тексты К. Ф. Рылеева опубликованы Ю. Г. Оксманом, Н. И. Мордовченко, неопубликованные показания К. Ф. Рылеева на следствии собраны Т. Г. Снытко. Новые воспоминания о Рылееве изданы В. В. Даниловым, А. Г. Цейтлином, Ю. Г. Оксманом. Последним двум принадлежат также существенные изыскания текстологического характера о песнях К. Ф. Рылеева. Этим не исчерпывается список многочисленных публикаций о поэте-декабристе [99].

Особенно успешно работают декабристоведы в области изучения Владимира Раевского. Эта тема как бы заново создана в последние годы, так глубоко обновлен ее фактический материал, так смело поставлена новая проблематика (работы В. Г. Базанова, П. С. Бейсова, С. Коваль, М. А. Цявловского, А. В. Попова, Л. Сперанской). В. К. Кюхельбекеру, кроме упомянутых выше работ Ю. Тынянова, посвящены публикации В. Н. Орлова и Б. В. Томашевского, М. К. Азадовского и ряда других исследователей. Лекция В. К. Кюхельбекера о русской литературе и языке, прочитанная в Париже в 1821 г., является ценнейшим вкладом в источники раннего декабризма (подготовлена П. С. Бейсовым, прокомментирована П. С. Бейсовым и Б. В. Томашевским) [100].

Множество работ посвящено Александру Бестужеву, особый интерес к нему — стойкая черта историографии последних лет. Кроме обобщающей работы Я. А. Назаренко в коллективном труде «История русской литературы XIX века», можно указать подготовленные Г. В. Прохоровым собрания стихотворений и публикацию неизданных писем А. Бестужева, специальное исследование о нем Т. В. Толстой, публикацию его писем к братьям Полевым, Ксенофонту и Николаю, с предпосланным ей предисловием Вл. Орлова, издание избранных повестей А. Бестужева, комментированное Г. В. Прохоровым и снабженное его предисловием, специальную работу Б. Жеребцова «Писатель-декабрист А. Бестужев и Сибирь», литературоведческий разбор романтических повестей Бестужева, сделанный Н. Степановым, статью В. Васильева «Бестужев-Марлинский на Кавказе». Исследовательское значение имеет беллетристическая работа С. Н. Голубова, посвященная А. Бестужеву; упомянем также о главах из романа Р. Фатуева «Рядовой Бестужев (писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский в Дербенте)». А. А. Богданова рассматривает А. Бестужева как переводчика, рецензента и критика, другая ее работа посвящена А. Бестужеву в Сибири. Появились исследования кавказского периода в работах К. Чернова и А. В. Попова. Большинство работ сконцентрировало внимание на А. Бестужеве как писателе или на периоде жизни декабриста после восстания. Работа С. Овсянниковой сосредоточена на роли Александра Бестужева — революционера; этот подход к Бестужеву заслуживает всяческого внимания. Если к этому добавить публикацию Б. С. Мейлаха, извлекшего из забвения одно из самых замечательных бестужевских стихотворений, то мы получим внушительный ряд имен авторов, занимающихся А. Бестужевым [101].

Как бы заново открыт Николай Бестужев, исследован его вклад в литературу и искусство. Выше упоминалось исследование о нем как историографе российского флота. Ценна работа И. С. Зильберштейна, посвященная Н. Бестужеву как художнику. Федор Глинка был предметом исследовательского внимания В. Г. Базанова, опубликовавшего ряд его произведений и посвятившего работы его поэтическому наследию и пребыванию ссыльного декабриста в Петрозаводске [102].

Ряд новых работ освещает деятельность декабриста А. О. Корниловича, незаслуженно оставленного в тени предшествующей историографией. После обстоятельной статьи А. Грум-Гржимайло, освещающей деятельность этого декабриста преимущественно как историка, и уже упомянутой выше публикации Б. С. Мейлаха подготовлена работа Б. Б. Кафенгауза, появилась работа Р. М. Тонковой о декабристе А. О. Корниловиче и Н. А. Полевом [103].

Извлечен из забвения прекрасный поэт той же плеяды — декабрист Н. Чижов, активный участник восстания 14 декабря 1825 г.,— он заслуживал бы и более подробного освещения [104].

О литературной деятельности декабристов в Грузии рассказывается в работе Вано Шадури [105].

В последние годы за рубежом вопрос о движении декабристов освещался в буржуазной американской литературе. Наиболее подробным исследованием является книга А. Мазура «Первая русская революция» (A. Mazour. The first russian Revolution, 1825), вышедшая в 1937 г. в Калифорнии. Автор довольно подробно знаком с дореволюционной и советской литературой и опубликованными первоисточниками. Мазур рассматривает декабристов как некий непосредственный пролог к революции 1917 г. и считает, что движение имеет глубокие исторические корни. Книга содержит критические замечания по адресу старой историографии, уделяет внимание экономическим вопросам и даже украшена (в числе других) ленинским эпиграфом. Однако ей присущ налет компилятивности и в общей концепции автор сохраняет тип социолога, идущего от политических явлений исторического процесса как от основных и ведущих. Перу того же автора принадлежит работа о Дмитрии Завалишине как «мечтателе о Русско-Американской империи» [106].

A. E. Adams недавно посвятил специальную статью идеологии Пестеля, D. M. Lang — английским свидетельствам о восстании декабристов.

Возвращаясь к советской литературе и подводя итоги приведенному выше сжатому обзору, не претендующему на исчерпывающую полноту, нельзя не отметить богатства декабристоведческой тематики в советской историографии последнего времени. Никак нельзя сказать, что декабристы забыты или являются случайной темой. Нет, труды о них насчитываются многими десятками. Декабристы приковывают внимание советских исследователей. Когда-то накануне 14 декабря 1825 г. юный декабрист-поэт Александр Одоевский восклицал в квартире Рылеева: «О нас в истории страницы напишут!». Сейчас можно с уверенностью сказать, что А. Одоевский ошибся — историки написали о движении декабристов не «страницы», а многие томы и интерес к ним не иссякает. Проблема движения декабристов растет вместе со всей советской историографией, обогащается в своем содержании и развивается дальше. Из этой восстановленной в общих чертах картины советского декабристоведения ясно, в частности, что советское декабристоведение — коллективное дело многочисленных историков.

В советской историографии обращает на себя внимание не только обилие и разносторонность работ, но также их «географическое» распределение. Они появляются в Москве и Ленинграде, в Киеве и Ереване, в Краснодаре и Иркутске, в Ставрополе и Новосибирске, в Пятигорске и Харькове, в Верхнеудинске и Ульяновске, в Дмитрове и Минусинске, в Чите и Пскове. Интерес к декабристам очень широк. Широк и «диапазон» авторских возрастов: от представителей старшего поколения, начавших публикацию своих работ перед революцией, до студентов-дипломников, защищающих и частью публикующих свои работы о декабристах. Старшее поколение советских декабристоведов обучило младшее по-

коление исследователей, часть которых уже получила первые ученые степени.

Но советское декабристоведение имеет и серьезные недостатки. Дробность исследовательской тематики, недостаточная сконцентрированность сил на основных магистралях темы, недостаточно планомерная работа над решением ведущих проблем и подчас фактография нередко являются слабыми сторонами исследований. Иногда дают о себе знать пережитки либерально-буржуазного понимания и концепции «школы» Покровского. Имеет место и упрощение сложных проблем, например, вопрос об основном единстве декабристского движения иногда подменяется прямолинейным игнорированием его внутренних противоречий. Подчас нарушается правильное понимание связи революционных поколений и декабристы ошибочно рисуются антагонистами революционеров следующего этапа русского освободительного движения. Некоторые важные стороны проблемы ускользают от исследовательского внимания,— примером может служить роль декабристов в формировании русской нации.

Длительное тяготение к обособленному изучению декабристских организаций (особенно действовавших в тесной связи Северного и Южного обществ) выросло из особенностей схемы М. Н. Покровского и его «школы», резко разрывавшей движение на классово-антагонистические течения, игнорировавшей их основное единство и противопоставлявшей одно декабристское общество другому. В свете этой неправильной схемы отдельные декабристские общества казались совершенно самостоятельными темами, изолированное изучение которых методологически вполне оправдано. Между тем это не соответствует действительности: движение декабристов, несмотря на многочисленные боровшиеся внутри него противоречия, представляет собой движение единое в основном. Лишь эта точка зрения дает возможность уяснить себе фактические взаимоотношения отдельных декабристских организаций и последовательный исторический ход их тесно переплетающегося развития. Порожденное «школой» Покровского искусственное вычленение той или другой организации из общего процесса нанесло, на мой взгляд, советскому декабристоведению немало вреда,— рецидивы его встречаются и в настоящее время.

Не ставя перед собой цели подробного критического разбора всей советской историографии, я в дальнейших главах останавливаюсь в необходимых случаях на вопросах полемического характера.

6

Формальный перечень сохранившихся и дошедших до нас архивных фондов и содержащихся в них дел, на изучении которых основывается исследователь движения декабристов, может создать видимость полного благополучия и чрезвычайного обилия первоисточников темы. Может показаться, что единственной «трудностью» является для исследователя лишь выбор наилучшего из огромного богатства архивных данных. Но такое представление не соответствует действительности.

Архивные данные, так или иначе связанные с декабристами, действительно чрезвычайно обильны. В одном Центральном государственном историческом архиве в Москве хранится не менее 30 архивных фондов, имеющих отношение к движению декабристов, с общим объемом около полумиллиона листов. На первом месте тут стоит фонд Следственного комитета (позже переименованного в Комиссию) и Верховного уголовного суда по делу декабристов, затем фонд III отделения собственной его величества канцелярии, содержащий «дело» в 264 частях, фонд рукопис-

ного отдела библиотеки Зимнего дворца и богатая коллекция рукописных материалов, собранная декабристом Якушкиным и его потомками («фонд Якушкиных»). Тут же сконцентрированы богатые личные фонды декабристских фамилий: фонд Муравьевых, который один содержит около 40 тыс. листов, фонды С. П. Трубецкого, потомков Волконского, Шаховских, фонд А. и Н. Тургеневых, большой личный фонд предателя Я. Ростовцева и ряд других. Немало декабристских материалов хранят фонды лиц, имеющих то или иное отношение к декабристам: Сабуровский фонд, фонды Н. Р. Ребиндера и Н. Д. Свербеева, связанных с С. П. Трубецким семейными узами, фонд участника следствия — генерала В. В. Левашова и многие другие. Центральный государственный военно-исторический архив хранит немало данных, главные из которых сосредоточены в фонде канцелярии дежурного генерала, где находится большое количество дел о надзоре за декабристами на каторге и ссылке, дело о восстании на Зерентуйском руднике и другие документы, преимущественно сибирского периода. Государственный военно-исторический архив содержит дела аудиториата и ряд других (в составе его фондов находится дело о волнениях Семеновского полка в 1820 г. и многотомное дело «первого декабриста» Владимира Раевского) [107]. Длинный ряд именных фондов лиц, связанных с декабристским движением или так или иначе причастных к декабристам, хранится в Рукописном отделении Госбиблиотеки им. В. И. Ленина; тут находятся один из вариантов конституционного проекта Никиты Муравьева, рукописи воспоминаний декабристов и о декабристах и целое море эпистолярного материала, особенно сибирского периода, а также сохранившиеся тексты некоторых литературных произведений декабристов. Хранилищем материалов о декабристах является и Рукописное отделение Библиотеки Академии наук СССР. Тут, в частности, находится фонд Дубровина, одного из ранних исследователей декабристов, упоминавшегося выше. В Пушкинском доме — Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук сосредоточено большое богатство декабристских документов, главным образом из частных архивных фондов и относящихся преимущественно к отдельным участникам движения: тут фонды И. А. Анненкова, Бестужевых, Волконских, М. С. Лунина, Митьковых, Артамона Муравьева, Е. П. Оболенского, К. Ф. Рылеева, А. и Н. Тургеневых и других декабристов. В находящиеся тут же обширные собрания П. Я. Дашкова и Михаила Семевского, издателя «Русской старины», также входит немало декабристских документов. Основная масса документального материала, сосредоточенного в Пушкинском доме, относится ко времени после восстания декабристов. Эта черта вообще характерна для декабристского материала наших архивохранилищ, особенно рукописных отделений крупных публичных библиотек государственного значения. В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся архив Н. К. Шильдера, фонды Бестужевых, Г. С. Батенькова, О. К. Булановой-Трубниковой, Д. И. Завалишина и др.; имеются декабристские материалы и в находящемся тут «собрании автографов» [108]. Отдел письменных источников Государственного исторического музея в Москве также владеет ценными материалами по движению декабристов как официального, так, преимущественно, эпистолярного и мемуарного характера. Исторические архивы Украины содержат ценные документы движения, в том числе материалы о восстании Черниговского полка, представляющие переписку местных властей с центром, и донесения низовой администрации о событиях декабря 1825 г. Богаты данными о декабристах областные сибирские архивы, хранящие многочисленные дела, касающиеся декабристской каторги и ссылки, например частично сохранившиеся

фонды генерал-губернатора Восточной Сибири и Нерчинской каторги; здесь находится большое количество эпистолярного материала, в частности относящегося к пребыванию жен декабристов в Сибири [109]. Вообще в редком областном архиве не содержится тот или иной материал о декабристах.

Из этого далеко не полного перечня, казалось бы, можно сделать только один вывод — констатировать обилие документальных данных, которыми располагает исследователь. И все же неполнота, недостаточность документального материала — наибольшая трудность, с которой встречается исследователь.

Дело в том, что в этом море материала огромная часть не имеет никакого отношения к теме движения декабристов. Имея ту или иную связь с декабристами, подавляющая часть материалов не связана непосредственно с внутренней жизнью тайного общества. Бытовые документы, семейная переписка поднадзорных лиц и лавина материалов об организации репрессивных мероприятий царизма против участников движения ничего не говорят о внутреннем развитии их идеологии или о событиях, непосредственно относящихся к движению, не относятся ни к замыслам выступления, ни к его организации. Два противника впервые в истории России столкнулись у революционной баррикады. Нас интересует революционная сторона, развитие русского освободительного движения. В течение десяти лет — с 1816 по 1825 г. — оно развивалось втайне, конспирация была одним из условий его существования. Мы хотим проникнуть именно за эту конспиративную завесу. Ясно, что в плане интересующей нас проблематики все письменные источники, на которые мы можем опираться, делятся на два типа: во-первых, конспиративные документы движения, возникшие по революционную сторону баррикады, написанные участниками движения для собственных идейных и организационных нужд, вне учета царской цензуры или слежки; во-вторых, документы царского следствия, свидетельствующие о внутренней жизни тайной организации, показания об этом, данные на допросах после разгрома восстания. Далеко не всегда автор этих показаний стремится воспроизвести точную картину развития движения и особенностей его идеологии. Как правило, лицо, дающее показание, скрывает истину — это основная трудность в изучении следственных материалов, количественно преобладающего источника для истории декабристов.

Ясно, что документ первого типа обладает исключительной ценностью для изучения движения. Несмотря на конспирацию и решение «не иметь ничего письменного», декабристам приходилось создавать рукописные документы, отражающие идеологию движения и внутреннюю жизнь тайного общества. Источник второго типа нуждается в строгой критической проверке, сопоставлении с другими данными, выяснении истинности свидетельств. В составе декабристских первоисточников очень редок первый — драгоценнейший — тип документа. Прежде всего это рукописи конституционных проектов декабристов, дошедшие до нас. Сохранилось три варианта конституционного проекта Никиты Муравьева, которые позволяют восстановить в основных чертах его творческую историю. Утрачен, правда, предпоследний, наиболее важный ее вариант, предшествовавший так называемому «тюремному». Рукопись «Русской Правды» П. И. Пестеля — конституционный документ Южного общества декабристов — крупнейший идеологический памятник русского революционного движения. Спасенная от уничтожения самими декабристами, зарытая около украинского села «под берег придорожной канавы», она была обнаружена и извлечена из земли уже в процессе следствия. Являясь документальным комплексом чрезвычайно сложного состава, представляя собой

переплетение более ранних и более поздних вариантов, она нуждается в подробном источниковедческом исследовании, результаты которого излагаются далее в соответствующей главе. Самая первая декабристская конституция — проект декабриста М. Н. Новикова, — к сожалению, не дошла до нас [110].

Для исследования идеологии движения и внутренних этапов его развития имеют большую ценность и насчитываемые единицами письма отдельных участников движения, отражающие внутреннюю жизнь движения и написанные до его разгрома. Многие сотни писем декабристов, написанные после этой даты, в самых редких случаях содержат данные о движении декабристов, о внутренней жизни тайного общества. Сохранилось известное количество писем декабристов, относящихся ко времени до восстания, но носящих бытовой или служебный характер (в том числе даже письма П. И. Пестеля и ряда других выдающихся деятелей движения); этот материал доставляет подчас драгоценные данные для датировок и итинерария, но не отражает и не может отражать явлений самого движения.

Между тем когда-то существовало множество документов первостепенного значения, возникших в революционном лагере и отражавших реальную жизнь декабристских организаций. Существовали программные документы и уставы, конспиративные письма о делах общества и программных вопросах, дневники и доклады, зафиксированные письменно переговоры и записанные поручения. Но, как правило, подобные документы были уничтожены самими декабристами. Частью они были уничтожены в процессе развития общества, при образовании его новых форм: основывая новую организацию, декабристы обычно постановляли уничтожить документы предшествующей. Но большей частью документы этого рода запылали в печах и каминах в декабрьские дни 1825 г.— накануне арестов. «Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля»,— свидетельствует его друг декабрист Н. И. Лорер, говоря о днях, предшествовавших аресту, и эта фраза не выходит из сознания исследователя Южного общества. Колоссальное количество документов было уничтожено уже после восстания в процессе работы Следственной комиссии по приказу Николая I, в частности все рукописи вольнолюбивых стихотворений, записанных в порядке показаний или отобранных при аресте. Таким образом, утрачена огромная часть некогда богатого и разнообразного комплекса письменных источников движения декабристов, причем, как правило, исчезали особо ценные для исследования документы.

Отсюда проистекают большие трудности для исследователя, которому приходится пользоваться преимущественно следственными материалами. Как и всегда в подобных случаях, исследователь должен воздерживаться от применения argumentum ex silentio: отсутствие документального свидетельства не может при подобном состоянии источников доказывать отсутствие какого-либо явления; отсутствие это должно аргументироваться какими-либо позитивными данными [111].

Чрезвычайно богат круг мемуарных первоисточников декабристского движения. Десятки декабристов оставили свои воспоминания. Некоторые из них освещают последовательные этапы развития тайного общества, поскольку их авторы прошли через сменившие друг друга формы тайной организации — Союз Спасения, Союз Благоденствия и одно из последующих обществ (мемуары И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого). Авторы других мемуаров освещают преимущественно какой-либо один этап в истории организации — Южное общество (мемуары Н. И. Лорера, Н. Басаргина, С. Г. Волконского) или Северное общество (воспоминания Бестужевых, В. Толстого). Однако преобладающая часть

мемуаров написана с учетом царской цензуры и лишь приглушенным голосом говорит о революционных событиях и жизни тайного общества. Написанные часто через много лет после событий, мемуары нередко отражают ошибки памяти мемуаристов и страдают от внутренней цензуры авторов. Нередко мемуары подвергались редакционной «обработке» издателями тех журналов, в которых печатались, их тексты сокращались и переделывались. Так, П. Бартенев произвел ряд изъятий в мемуарах Н. И. Лорера, цензура внесла произвольные изменения, искажавшие смысл изложения, в «Записки неизвестного из Общества соединенных славян» (так называемые «Записки Горбачевского»). Существенно и то, что воспоминания о деятельности тайного общества, как правило, занимают меньшую часть мемуаров, немалая доля их текста относится к сибирскому периоду или вообще ко времени после восстания. Иногда воспоминания, преследуя цели самореабилитации, сообщают заведомо искаженные или явно неполные данные о деятельности декабриста в тайном обществе (случай с «Записками» С. П. Трубецкого [112]). Все эти особенности требуют осторожного обращения с мемуарными данными и критической их проверки. Что же касается дневников декабристов, то они крайне редки, так как этот вид рукописного наследия декабристов постоянно подвергался уничтожению. В тех редких случаях, когда мы являемся обладателями дневников, мы все же не можем почерпнуть из них непосредственных данных по истории тайной организации. Так, в богатом идейном памятнике — дневнике Николая Тургенева, члена Союза Благоденствия и Северного общества декабристов, не содержится никаких прямых данных о тайном обществе: вопрос был конспиративным, и запись связанных с организацией фактов в дневнике была бы опасной и для автора и для общества.

Все изложенное говорит о трудностях исследования избранной темы. Исследователь движения декабристов, располагающий с первого взгляда великим множеством источников, в действительности крайне затруднен именно их неполнотой, необходимостью по крупицам выбирать нужные данные из массы материалов, прямо не относящихся к вопросу исследования, работать в условиях утраты важнейших памятников.

7

Темой настоящего исследования является именно д в и ж е н и е д е к а б р и с т о в, а не какой-либо другой вопрос декабристоведения. Из каких корней выросло движение и какая историческая почва его питала? Какие стадии развития прошло движение, как развивалась его идеология, какие особенности имели сменявшие друг друга или сосуществовавшие декабристские организации, тесно сплетавшиеся в общем движении? Как было подготовлено восстание декабристов, как вырос замысел восстания в истории движения, в чем состоял этот замысел и каков был ход и исход восстания? В чем состоит объективное значение дела декабристов в истории русского революционного движения? Эти основные вопросы входят в состав исследовательской задачи.

Рассматривая движение декабристов как исследовательскую проблему марксистско-ленинской исторической науки, мы должны прежде всего констатировать коренное отличие ее содержания от задач, которые ставили перед собой авторы историко-идеалистических концепций, развитых в домарксистской историографии. Движение декабристов с методологических позиций марксизма — тема, органически связанная с проблемой смены общественно-экономических формаций. Принадлежа к высшей

форме классовой борьбы — революционному движению, декабристское движение должно изучаться в связи с законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Россия вступала в это время в эпоху кризиса феодально-крепостной формации, классовая борьба, участниками и выразителями которой были первые русские революционеры, говорила о резком столкновении нового со старым. Возникновение революционного движения уже само по себе является существенным признаком кризиса старой формации и развивается в конце ее «нисходящей» стадии. Борьба передовых классов объективно пробивает дорогу новому и дает возможность реализации закона обязательного соответствия производственных отношений новым по характеру производительным силам. Декабристы совершили первую атаку на самодержавно-крепостной строй. Они потерпели неудачу и были разбиты, но дело их не погибло. Они внесли свой вклад в расшатывание старого, в сокращение срока его господства, приблизили час его падения. Они положили начало революционному опыту в русском освободительном движении. Они содействовали подъему задач освободительной борьбы на новую высоту. Революционное выступление декабристов объективно послужило ликвидации отживающего феодально-крепостного строя, на смену которому шел новый — в тот момент прогрессивный — капиталистический строй.

Таким образом, основные лозунги декабристов — уничтожение крепостного права и самодержавия — являются лозунгами буржуазной революционности. Они принадлежат той революционной идеологии, которая идет на борьбу с отживающим феодально-крепостным строем, чтобы дать возможность развиться и укрепиться новому общественному строю — капитализму, сменяющему отжившую феодальную формацию.

Такая постановка вопроса влечет за собой изучение органической связи движения с породившим его базисом. Декабристы выросли на русской почве, исторические задачи, которые они пытались разрешить, порождены внутренним развитием русского исторического процесса. В силу классовой ограниченности дворян-революционеров эти задачи не могли осознаваться ими во всей глубине и полноте. Но в революционной борьбе против феодализма была объективно заинтересована основная масса народа, слагавшейся русской нации, прежде всего закабаленное крестьянство России. Ликвидация феодально-крепостного строя, тормозившего развитие страны, становилась очередной исторической задачей.

Дворянские революционеры, боявшиеся опереться на народ и ограниченные идеологическими пережитками своего класса, не имели, разумеется, сил разрешить эту грандиозную задачу. Однако они впервые поставили ее и пошли во имя ее разрешения на открытую революционную борьбу. Отсюда необходимость изучения как объективной, так и субъективной сторон движения во всей их сложности и противоречивости.

Движение декабристов развивалось в течение десяти лет и значительно созрело в процессе своего развития. Оно прошло ряд своеобразных и насыщенных содержанием этапов. Программа и тактика декабристов также развивалась и созревала в процессе их внутреннего роста,— конституционные проекты декабристов имеют творческую историю, неотделимую от истории их организации.

В движении декабристов было немало внутренних противоречий, сказывавшихся в идейных столкновениях и тактических разногласиях, однако, несмотря на это, движение было в основных вопросах внутренне единым и его тяготение к единству — отличительная черта, выдающаяся по историческому значению. Революционный патриотизм декабристов —

волнующая особенность движения, несущая в себе национальные русские черты.

В процессе изучения движения исследователь встречается с конституционными проектами декабристов,— этой теме в настоящей работе уделено много внимания. Конституционные проекты — это вопросы декабристской программы, они составляют живой и направляющий идейный элемент всего движения декабристов в целом, отражают столь важную для исследования идеологию борьбы. В силу их органической связи с развитием движения автор настоящей работы счел неправильным обособить конституционные проекты от хода движения. Этапы их творческой истории тесно сплетены с движением декабристов, являются его компонентом, возникают в его ходе и обусловлены в своем появлении особенностями развития движения на данном этапе. Поэтому анализ конституционного творчества отнесен хронологически именно к тем этапам, которым он принадлежит, к той обстановке, которая его питала.

По ходу изложения подчас приходится полемизировать с теми или иными работами о декабристах. Однако автор не мог поставить перед собой полемических целей исчерпывающего характера — этому мешал недостаток места. Поэтому к полемике пришлось прибегать лишь в самых необходимых случаях и ограничиваться основными аргументами.

Изложенная задача обусловила структуру работы. Не предполагая, разумеется, исчерпать тему, которая чрезвычайно обширна, работа не преследует и целей справочного характера — полного перечня имен или исчерпывающего восстановления хронологического ряда событий. Автор ставит перед собой одну основную задачу — характеристику и анализ *движения декабристов*,— как это пояснено выше. Та тематика декабристоведения, которая не имеет к данной проблеме прямого и органического отношения (условия жизни декабристов в Сибири, каторга, поселение), характеризуется кратко или вовсе исключается. В целях сокращения объема книги пришлось отказаться от освещения многих интересных, но все же второстепенных вопросов декабристоведения.

Глава II

ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1

Движение декабристов выросло на почве русской действительности. Оно порождено кризисом феодальной формации и уходит своими корнями в ведущий процесс эпохи — разложение стареющего феодально-крепостного общественного строя и возникновение новых, капиталистических отношений. Декабристы были борцами против крепостного права и самодержавия, и задачи, которые они пытались разрешить, были кровными для русского народа задачами, выросшими из русской действительности. Без разрешения этих задач страна не могла двигаться вперед — ей грозили застой и деградация.

Отсюда следует необходимость разобраться в существе и происхождении тех исторических задач, которые вызвали к жизни декабристское общественное движение и стали перед ним как цель борьбы.

Процесс разложения феодально-крепостной формации и развитие капиталистических отношений многократно были предметом изучения в советской исторической науке, но вопрос о конфликте производственных отношений с новыми по характеру производительными силами для интересующей нас эпохи ставится в современной советской литературе по-новому и имеет различные решения [1]. Остановимся на понимании вопроса, которое является исходным для последующего изложения. Нужно хотя бы кратко осветить существо проблемы, чтобы обосновать положение о глубокой органической связи декабристов с русской действительностью, о вырастании движения из русской жизни. Декабристы не были случайным, «наносным» или «подражательным» явлением — они были движением, органически выросшим в историческом развитии России и оказавшим свое воздействие на последующий исторический процесс.

Вопрос о соответствии производственных отношений характеру производительных сил является основным в разрезе поставленной темы. Известно, что каждая общественно-экономическая формация проходит две стадии своего развития: на первой стадии ее производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, свойственному данному способу производства, содействуют поступательному развитию производительных сил; на второй стадии данные производственные отношения перестают соответствовать изменившемуся характеру производительных сил, начинают тормозить их развитие, наконец, становятся их оковами,— «тогда наступает эпоха социальной революции» (К. Маркс) [2]. В результате утверждается новая общественно-экономи-

ческая формация, являющаяся следующей, высшей ступенью в истории человечества. Ф. Энгельс в «Антидюринге» говорит о «восходящей» и «нисходящей» стадиях общественной формации, полагая, что длительность последней довольно значительна: «Лишь когда данный способ производства прошел уже порядочную часть своей нисходящей стадии, когда он наполовину пережил себя, когда условия его существования в большей своей части исчезли и его преемник уже стучится в дверь,— лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения представляется несправедливым...» [3]. Применяя образное выражение Ф. Энгельса, мы можем сказать, что в годы возникновения и развития движения декабристов «преемник» феодализма — капитализм уже громко стучался в дверь и феодализм находился почти в самом конце своей «нисходящей» стадии. Поскольку падение крепостного права в России (реформа 1861 г.) является конечным рубежом существования феодализма как формации (далее существуют лишь пережитки феодализма в капиталистической системе), то стало быть лишь какие-нибудь 35 лет отделяют восстание декабристов от конца феодальной формации в России. Возникшее революционное сознание первых русских революционеров надо, применяя формулу К. Маркса, объяснить в конечном счете «...из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [4].

Разрешение спорного вопроса, с какого именно времени этот конфликт стал развиваться в истории России, не входит в нашу задачу [5]. При любых его решениях эпоха декабристов падает на конец «нисходящей» стадии феодализма. Поэтому самое существование указанного конфликта в эпоху декабристов не вызывает сомнений,— необходимо лишь раскрыть его содержание и характеризовать степень остроты конфликта.

Мануфактурный период вызревает в недрах феодальной формации на «нисходящей» стадии развития последней. Во многих случаях именно он оказывается временем к р и з и с а феодальной формации и последующего взрыва буржуазной революции. Английская революция XVII в. возникла на мануфактурном этапе капиталистического развития. В истории Англии мануфактурный период не закончился, однако, рубежом революционного взрыва и продолжался после революции еще более столетия, завершившись лишь во второй половине XVIII в. промышленным переворотом. Победа машины над ручным станком знаменовала переход к новому этапу капиталистического развития. Во Франции, вступившей в период буржуазной революции почти полтораста лет спустя, революционный взрыв произошел также в мануфактурный период, но не в начале его, а в его исходе: через одно-два десятилетия после революции Франция вступила в эпоху промышленного переворота. Таким образом, крупнейшие буржуазные революции вызрели в мануфактурный период,— уже отсюда можно сделать вывод о большой остроте социальных противоречий, развивающихся в это время. Таким образом, попытка революционного переворота в России, предпринятая декабристами, не является в указанном отношении исключением,— она вызрела в исходе мануфактурного периода, накануне начала промышленного переворота в России.

Мы исходим при этом из положения, что «нисходящая» стадия феодализма одновременна с периодом «подымающегося капитализма». Это — две стороны одного экономического процесса. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»,— писал К. Маркс в «Капитале» [6].

Простая констатация факта развития производительных сил еще не дает в руки исследователя критерия для выявления конфликта между

производительными силами и производственными отношениями. Ведь производительные силы — самый подвижный и революционный элемент производства — развиваются не только в новых, наиболее прогрессивных, но и в старых, стесняющих их развитие формах, разлагая или надламывая их, ища новых, соответствующих им производственных отношений. Отсюда проистекает необходимость говорить не просто о развитии производительных сил, а прежде всего об их характере. Каждому способу производства свойственен особый характер производительных сил, имеющий свои отличия на разных этапах существования этого способа производства. Нам необходимо проанализировать взаимозависимость производительных сил и производственных отношений с точки зрения соответствия характера первых типу вторых. Не теряя ни на минуту представления о цельности процесса, мы должны, очевидно, сопоставить ту и другую сторону способа производства для ответа на вопрос, какой же степени остроты достиг конфликт между производительными силами и производственными отношениями в эпоху декабристов.

Конечно, обмен и распределение относятся к области производственных отношений, однако было бы нецелесообразно с них начинать изучение проблемы. Вопросы производства материальных благ должны стоять на первом месте. В чем же состоял конфликт между производственными отношениями и характером производительных сил в промышленности в эпоху декабристов?

2

Чтобы проанализировать интересующий нас конфликт, необходимо прежде всего определить характер производительных сил, проявлявшийся в ведущих явлениях промышленного развития эпохи, и затем сопоставить его с типом производственных отношений, внутри которых развивались производительные силы. Только таким образом можно выяснить интересующее нас взаимоотношение двух сторон способа производства, определить наличие конфликта и степень его остроты. Ведущим явлением промышленного развития была в изучаемое время мануфактура. Хотя ремесленное производство играло еще немалую роль в создании обращавшейся на рынке товарной массы, мануфактура уже давно — много ранее возникновения движения декабристов — приобрела руководящее значение в промышленном производстве. На первом месте стояла тогда молодая, пользовавшаяся почти исключительно вольнонаёмным трудом текстильная (хлопчатобумажная) промышленность; более отсталой была металлургия, но и там и тут характер производительных сил не вызывал сомнения — это был мануфактурный тип развития.

К. Маркс в «Капитале» уделил огромное внимание анализу характера производительных сил в мануфактуре: он остановился и на орудиях труда, в ней применяемых, и на производственных действиях главного элемента производительных сил — человека, работающего в условиях мануфактуры, на том производственном опыте, который приобретается людьми в процессе мануфактурного труда. Технические средства мануфактуры, рассматриваемой со стороны ее производительных сил, остаются в сущности теми же или очень близкими по техническому уровню к орудиям труда, применяемым в ремесленной мастерской. Прежний ручной станок и «веками нажитое ручное искусство мастера», его навыки и опыт — исходный момент мануфактурного производства. Конечно, эта ремесленная техника совершенствуется в мануфактуре, где упрощаются и дифференцируются многие трудовые операции, специализируются орудия труда и, пройдя через горнило мануфактурного периода, вырабатыва-

ются предпосылки для последующего торжества машины. Мануфактура готовит, таким образом, машинный период, техническую революцию, но это — лишь конечный результат ее развития. К. Маркс замечает, что мануфактурный период упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты путем приспособления их к обособленным функциям частных рабочих. Именно в этом плане он создает «одну из материальных предпосылок машины, которая представляет собою комбинацию многих простых инструментов». Но все же мануфактурный период не создает принципиального изменения в старой технике производства, которая остается усовершенствованной техникой ремесла. Откуда же берется тот огромный скачок в производительности труда, который наблюдается в мануфактуре и выявляет в ней тот принципиально новый характер развития производительных сил, который столь отличает мануфактуру от ремесленной мастерской средневековья? К. Маркс исчерпывающим образом разъясняет этот основной вопрос: в мануфактуре исходной точкой переворота в развитии производительных сил является сам человек, по-новому работающая рабочая сила[7].

Главный и решающий элемент развития производительных сил — трудящийся человек — оказывается в условиях мануфактуры в принципиально новом положении, в новой производственной связи с другими, работающими бок о бок с ним непосредственными производителями, в результате чего получается значительный подъем развития производительных сил человеческого труда. Кооперация порождает новую производительную силу общественного труда. Когда простая кооперация переросла в мануфактуру с характерным для нее дифференцированным разделением труда, производительные силы продвинулись далее в своем развитии. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные частичные операции и закрепляет каждую из них за отдельным рабочим в качестве его специальной профессии. В противоположность старому процессу производства раздробленных, независимых ремесленников или мелких хозяйчиков, в котором один работник выполнял все производственные операции, мануфактура достигает невиданного ранее и нового по характеру скачка в развитии производительных сил. Существенно отличаясь от классического феодального производства объединением усилий многих одновременно работающих рабочих и концентрацией средств производства, мануфактура является крупным промышленным предприятием. Капиталистический способ производства и призван был сконцентрировать, укрупнить раздробленные мелкие средства производства феодализма и тем превратить их в могучий рычаг подъема производительности труда. Мануфактура выполняет эту важнейшую функцию капиталистического производства: существуя еще в недрах феодального общества и развиваясь внутри феодализма, она уже является крупным, концентрирующим производительные силы предприятием по сравнению с мелкими мастерскими средневековья[8]. Напомним, что Ф. Энгельс давал высокую оценку развитию производительных сил на этапе простой кооперации и мануфактуры, называя это развитие «переворотом в промышленности» (не смешивать с термином «промышленный переворот»). Согласно общепринятой периодизации, мануфактурный период является вторым этапом развития капиталистического способа производства (первый — простая кооперация)[9].

Анализируя российские мануфактуры интересующей нас эпохи в разрезе характера производительных сил, мы констатируем все типичные черты развития, свойственные капиталистическому способу производства на его мануфактурном этапе. Мы находим в них технику ремесленного типа, но сконцентрированную и совершенствуемую, концентрацию

значительного количества рабочих около одного производственного процесса, детальное — типично мануфактурное — разделение труда, резко повышающее его производительность. Эти особенности ярко выявлены в наиболее передовой отрасли — хлопчатобумажной мануфактуре. В селе Иванове на предприятиях Ямановских, Гарелиных, Гандуриных работали сотни вольнонаемных рабочих. Но возьмем пример из далеко не передовой отрасли — суконной мануфактуры. Известное предприятие Осокина в Казани являлось в 1801 г. крупным промышленным заведением, где непосредственно в сукноделии работало 987 человек. На мануфактуре протекал весь процесс изготовления сукна — от сортировки шерсти до отделки и окраски готового продукта. Этим процессом были заняты рабочие многих специальностей — шерсторазбиратели, подстригатели у шерсти верхов, скребольщики, картельщики, прядильщики, шпульники, бабенщики, сновальщики, рабочие «при клеении основ», ткачи, сукновалятели, красильщики, ворсельщики, рабочие «при прессах», наконец, «нашиватели на суровые сукна литер и номеров» [10]. Мануфактура работала на принудительном труде (рабочие находились на положении поссессионных). На суконной мануфактуре Барышникова в Смоленской губернии, целиком работавшей на принудительном труде собственных вотчинных крестьян владельца, не прибегавшей к вольному найму и основанной еще в XVIII в., мы встречаем детальное разделение труда, ничем не уступающее вольнонаемным суконным мануфактурам. Тут перед нами сортировщики и чистильщики шерсти, трепальщики, прядильщики, размотовальщики, присучальщики, ткачи, сновальщики, скребольщики, шпульники, кромошники, баранщики и др. [11] Небольшая и тщедушная суконная мануфактура Лунина — и та реализовала принцип разделения труда куда глубже, чем в ремесленной мастерской или в мелкой деревенской промышленности, где многие операции сосредоточивались в руках одного ремесленника. В отличие от типичного ремесленного производства сукна, где производитель сам готовил и прял шерсть, а часто сам и ткал ее на раскинутом в избе стане,— на суконной мануфактуре Лунина «Егор Еремеев бьет шерсть на решетке», а «Матвей Никифоров чешет шерсть на картах»; пряли шерсть исключительно женщины (дворовые), ткали ткачи, отделывали работники других специальностей [12]. Характер развития производительных сил в России интересующей нас эпохи принадлежал капиталистическому, а не феодальному способу производства.

Важным показателем развития производительных сил является и рост числа мануфактур. В первой четверти XIX в. их количество неуклонно возрастает,— страна производит все больше жизненных благ и производит их во все более значительной доле по-новому. К концу XVIII в. в России было около 1160 промышленных предприятий. По официальной статистике, в 1804 г. их насчитывалось уже 2423 с 95 202 рабочими; в 1814 г. это число возросло до 3731 предприятия со 109 530 рабочими, а в 1825 г. количество промышленных предприятий в России дошло до 5261 с 210 568 рабочими. Приведенные официальные данные подсчитаны без горнозаводской промышленности и поэтому неполны; они несовершенны и по методу подсчета, поскольку учитывают не только более или менее крупные мануфактуры, но подчас примешивают к ним и мелкие ремесленные мастерские, в которых работало по одному-два рабочих. Проверка этих данных предпринята М. Злотниковым, который произвел учет лишь более или менее крупных предприятий (исходя из числа не менее 16 рабочих, занятых в отдельном производстве). Учитывая и горнозаводскую промышленность, Злотников установил, что в России 1804 г. насчитывалось 1200 предприятий с 224 882 рабочими, а к 1825—1828 гг.— 1800 предприятий с 340 568 рабочими. Развитие промышленности ясно видно и из этих

цифровых данных. Из них можно сделать еще два существенных вывода. Во-первых, в начале XIX в. мануфактуры были довольно крупным предприятием; в их число входили столь значительные, что среднее количество рабочих на одну мануфактуру достигает в 1804 г. 187,4 человека. Во-вторых, к 1825 г. и мануфактура в среднем стала несколько крупнее: среднее количество рабочих на одно предприятие немного возросло (189,2 человека). Особо примечателен рост применения в русской промышленности наемного труда: в 1804 г. наемные рабочие составляли 48%, а в 1825 г. их численность возросла уже до 54% [13].

Это развитие казалось современникам «неимоверным»: экономист, учитель многих декабристов К. И. Арсеньев, лекции которого пользовались большим вниманием передовой молодежи, полагал в 1822 г., что царствование Александра I «отличается необыкновенным приращением числа различного рода фабрик и быстрым, неимоверным усовершенствованием изделий мануфактурных» [14]. Быстрее других развивалась наиболее передовая в те времена хлопчатобумажная промышленность: в 1804 г. она насчитывала 199 бумаготкацких мануфактур, а в 1825 г.— 484. В эпоху декабристов произошло дальнейшее развитие специализации промышленных районов страны — Московская и Владимирская губернии усилили свое значение как центры легкой промышленности, Приуралье и Петербургский район продолжали концентрировать тяжелую индустрию. Но вопрос о характере производительных сил в первой четверти XIX в. не ограничивается мануфактурным типом их развития. Указанное время — преддверие промышленного переворота в России. Его начало падает на 30-е годы, т. е. немного выходит за рамки интересующей нас эпохи. Но первая четверть XIX в. полна примет переходного времени, отдельных признаков вызревания предпосылок нового этапа. Мы не вправе поэтому обойти молчанием отдельные случаи введения машин на промышленных предприятиях, так как это явление дает особый оттенок характеру развития производительных сил. Пусть эти случаи были отдельными «ласточками», еще не «делавшими весны», но они, несомненно, свидетельствовали о тенденции развития.

В 1805 г. в Петербурге был впервые применен паровой двигатель в хлопчатобумажной промышленности. Первый механический ткацкий станок был установлен в 1808 г. на Александровской мануфактуре. В 1809 г. на ней же появились английские льнопрядильные машины. Несмотря на отсталость русской металлургии, рост продукции которой в это время начинает приостанавливаться, заторможенный крепостными отношениями, именно в эпоху декабристов появляются первые признаки существенных технических нововведений. В 1803 г. мы видим паровую машину на Петровском железоделательном заводе купца Бутыгина в Сибири, в 1808 г. паровая машина начинает применяться на казенном Кушвинском доменном заводе, а около 1810 г. построена «своими средствами» первая паровая машина на Верхне-Исетском заводе, в 1815 г. к ней добавилась вторая. В том же 1815 г. местные механики Лукин и Ястребов построили и установили паровую машину для доменного дутья на Выксунском заводе. Добавим, что в 1817 г. на Пожве, на доменном заводе Всеволожских (кстати сказать, тесно связанных с декабристами), был построен первый речной пароход, ходивший по Каме, а за ним еще ряд других пароходов [15].

Однако архивное дело 1811 г. «О свободном пропуске в Россию разных фабричных инструментов и машин» почти сплошь заполнено отрицательными ответами губернаторов, полагавших, что ввоза машин в Россию пока что не требуется. Близорукий министр внутренних дел Козодавлев в официальной записке придерживался мнения, что гибель машинного

предприятия в России будто бы неизбежна ввиду наличия дарового ручного труда крепостных людей. Его пророчество было незамедлительно опровергнуто действительностью. Херсонский военный губернатор дюк де Ришельё в следующем же 1812 г. осматривал в Екатеринославе «сделанные машинистом из числа колонистов Иоганном Фейном двух родов машины, употребляемые для пряжи шпанской шерсти, во-первых прядильные о 40 нитках, во-вторых чесальную, заступающую карды и скреблы». Машины не были простыми образцами — они уже работали и на мануфактуре княгини Прозоровской и на екатеринославской казенной суконной фабрике [16].

Не замедлили появлением первые случаи внедрения машин в передовом хлопчатобумажном производстве. Как указывает А. Семенов, владелец ямбургской ситцепечатной фабрики Либ обязался в 1816 г. печатать ситцы цилиндрами. В 1817 г. владельцу крупной московской мануфактуры Михаилу Веберу была выдана привилегия на использование цилиндровой ситцепечатной машины, приводимой в движение паром. Привилегия оформлялась, кстати сказать, тремя годами позже реального введения машин. Аналогичное разрешение получил в следующем же 1818 г. обладатель ситцевой мануфактуры близ Петербурга. В 1821 г. такое же разрешение получил московский мануфактурист Гребенщиков. В 1826 г. уже действовала цилиндровая ситцепечатная машина на предприятии ивановского мануфактуриста Д. Спиридонова,— в одном из своих писем 1826 г. он упоминает о производимых им «машинных ситцах». В 1819 г. продольная стригальная машина была установлена на суконной фабрике графа Разумовского в Батурине. В 1818 г. крупнейший крепостник и в то же время владелец мануфактур Н. Б. Юсупов уплатил крупную сумму «за сделанную паровую машину для валяния сукон» и отправил ее на одну из своих украинских мануфактур (заметим, что машина была отечественного производства). В 1819 г. в юсуповском бюджете значился новый крупный расход «по машинам и фабрике», связанный с устройством нового суконного предприятия в селе Архангельском, а в апреле 1820 г. сверх большой суммы, уплаченной за «купленную для сукноделия английскую паровую машину», Н. Б. Юсупов платит и за материал для «делания машин» на месте механиком Тулем. В Полном собрании законов в декабре 1821 г. был опубликован именной указ «О дозволении составившейся в Москве из некоторого числа помещиков компании устроить паровую машину для действия сукновальни, мучной мельницы и разных мастерских для металлических изделий». В сентябре 1822 г. поперечная стригальная машина уже работала на московской мануфактуре Кожевникова, а продольная ворсостригальная машина была пущена в действие на московской фабрике Рыбникова. В том же 1822 г. Александровская мануфактура уже устанавливала жаккардов станок для тканья узорчатых тканей, аналогичный шелкоткацкий станок появился в 1825 г. в Москве на предприятии Гейтена. Как ни отставала задержанная в своем развитии применением крепостного труда металлургия, однако и тут в годы движения декабристов продолжали появляться некоторые технические сдвиги, которые прибавляли новые черты к давно установившемуся мануфактурному характеру производительных сил, свойственному старейшей отрасли русской промышленности — металлургии. Известный Е. А. Черепанов построил первую паровую машину на нижнетагильских заводах Демидова в 1824 г. Список металлургических заводов, которые обзавелись первыми паровыми машинами в интересующие нас годы, можно умножить, но в этом нет нужды: при сохраняющемся господстве мануфактурной техники тенденция к введению машин и силовых установок очевидна даже в этой наиболее отсталой отрасли [17].

Интересно, что уже в первом десятилетии XIX в. в докладах управления уральских горных заводов при ассигновании значительных сумм на обновление техники высказывалась надежда на то, что в дальнейшем «то, что теперь делается руками, тогда будет производимо машинами» [18]. Привоз машин в эпоху декабристов возрастает: от общей суммы в 7214 руб. (в сер. рублях) в 1820—1821 гг. он поднимается до 48 389 руб. в 1824—1826 гг. М. Злотников, пересчитавший и проверивший эти данные, приведенные А. Семеновым, пришел к сравнительно немного отклоняющейся сумме в 42 529 руб. сер. для 1824—1828 гг. [19] Тариф 1822 г., разрешивший беспошлинный ввоз машин, облегчил приобретение заграничных механизмов. Однако далеко не все машины ввозились из-за границы, многие, как указывалось выше, делались в России. Еще в конце XVIII в. в Петербурге был основан механический завод Берда, изготовлявший паровые и прядильные машины; в Москве существовал уже упоминавшийся завод Ивана Гейтена, производивший машины для текстильной промышленности,— в 1823 г. он построил 356 чесальных, прядильных, ворсовальных и других машин. Изготовлялись машины и на казенной Александровской мануфактуре, на Ижорском и Александровском чугуноплавильном и механическом заводах и ряде других [20]. Конечно, продукция этих заводов была еще крайне несовершенна и незначительна по объему, но начало отечественному машиностроению все же было положено.

Таким образом, новый, принадлежащий не феодальному, а капиталистическому способу производства характер развития производительных сил в промышленности вне сомнений. При господстве особенностей, принадлежащих мануфактурному периоду капиталистического развития, изучаемые годы пронизаны уже первыми разрозненными признаками еще не победившей, но уже приближающейся замены ручного станка машиной, явственной как тенденция развития. Уже налицо приметы приближающегося начала промышленного переворота, в преддверии которого находится эпоха.

Таковы в изучаемое время особенности той стороны способа производства, которая выражает отношение трудящихся людей к предметам и силам природы; совокупность этих особенностей и составляет характер развития производительных сил. Как видим, дело не только в простой констатации их роста, а в наличии их определенных качеств, свойственных в данном случае мануфактурному периоду в стадии его преддверия к промышленному перевороту.

Соответствовали ли производственные отношения России того времени описанному выше характеру развития производительных сил? Нет, не соответствовали. Будучи в своем преобладающем массиве феодальными по существу, они принадлежали старому способу производства, старой общественной формации и резко противоречили новому характеру производительных сил, находились с ним в конфликте. Конфликт этот возник не в эпоху декабристов, а гораздо ранее,— ряд исследователей относит его возникновение к XVII в., другие — к половине XVIII в. В эпоху декабристов он достиг уже большой степени остроты.

Этот конфликт состоял прежде всего в том, что закрепощенность основной массы непосредственных производителей, их феодальная зависимость от помещика — феодального собственника земли — резко противоречила назревшей необходимости в свободном формировании основного класса капиталистического общества — пролетариата. Огромная, все возрастающая масса рабочих «вольного найма» состояла в подавляющем количестве из феодально-зависимого крестьянства. Она слагалась прежде всего из оброчников, отпускаемых помещиком для заработка оброка, отчасти из барщинников, получавших от помещика разрешение уйти на

заработки в зимние месяцы. Входило в эту массу и оброчное казенное крестьянство, также находившееся в феодальной зависимости от феодального землевладельца (в данном случае — крепостнического государства). Встречались в этой массе и ушедшие на заработки удельные крестьяне. Доля мещан и других разрядов городского некрепостного населения, находившихся в принципиально ином положении, в рабочей массе вольного найма была значительно меньшей.

Перед лицом фабриканта, с которым все эти пришлые, ищущие работы люди заключают договор о найме, вся эта масса феодально-зависимых отходников предстает как бы свободным владельцем своей рабочей силы. В этой сделке о найме их рабочая сила приобретает характер товара. Однако в глубоком противоречии с новым характером найма властвующее крепостничество тяжело сковывает со всех сторон это новое по своему типу социальное явление. Купля-продажа рабочей силы в этих условиях опутана крепостническими общественными отношениями: этот «вольнонаемный» рабочий отягощен старым классовым антагонизмом барина и крестьянина, скован старыми производственными отношениями феодального порядка. Он не может пустить свой заработок полностью на восстановление своей рабочей силы: барин запускает руку в его карман, извлекая оброчные суммы из его заработной платы. Многие стеснения феодального принуждения вторгаются и в самый рынок труда — ивановские фабриканты не могут нанять кого хотят, а обязаны шереметевской конторой нанимать преимущественно оброчных крестьян его же, шереметевских, вотчин. На следующий год, если угодно барину, он не выдает желающему уйти в отход крепостному крестьянину паспорта. Крепостной отходник крепко и насильственно связан с землей. Остающаяся в деревне семья, а подчас и он сам частично кормятся не от промышленного, а от земледельческого труда. Более того, крепостной отпечаток непосредственно ложится и на его «свободный» договор с ивановским, шуйским или каким иным хозяином-нанимателем: задержка заработной платы, произвол и бесправие, замаскированная завесой «патриархальности» ручная расправа, предельно тяжелые формы кабальной эксплуатации характеризуют этот с виду вполне вольный наем [21]. Но и этого мало,— Ивановская мануфактура сама по себе вступает в конфликт со всем противоречащим ей крепостным строем, в недрах которого она выросла. Хотя характер ее производительных сил в основном соответствует новым производственным отношениям, она находится в резком конфликте со всей окружающей ее системой феодально-крепостных отношений, которым она противоположна, противостоит по существу. Ее владелец, какой-либо Гарелин, Гандурин или Ямановский, сам является крепостным Шереметева, и если даже ему удается вырваться на волю за большой выкуп, свое фабричное обзаведенье, сырье, продукцию — все он должен оставить у барина «за рекой» и гол, как сокол, начинать на том берегу новую жизнь.

Другим по форме и, пожалуй, еще более резким по существу был конфликт производственных отношений с новым характером развивающихся производительных сил в так называемой «крепостной мануфактуре», т. е. в предприятии, использующем феодально-зависимую от владельца рабочую силу (на вотчинной фабрике, поссессионном предприятии или на заводе, где работали приписные крестьяне) [22].

Характер развития производительных сил в мануфактуре с принудительным трудом стоит в непримиримом противоречии с ее производственными отношениями.

Ни в вотчинной, ни в поссессионной мануфактуре, ни в мануфактуре, работающей на труде приписных крестьян, труд рабочего еще не стал товаром, рабочий не располагает возможностью свободного найма, он

феодально-зависим, принадлежит владельцу, рассматривается им как составная часть средств производства, ему принадлежащих, и отношения эти закреплены законом. Феодальная собственность на землю, являющаяся вместе с неполной собственностью на крепостного крестьянина основой феодального способа производства, определяет здесь характер производственных отношений. Свободная купля-продажа рабочей силы еще не укрепилась как основная и ведущая форма взаимоотношений между владельцем рабочей силы и владельцем средств производства, вольнонаемный труд еще не стал ведущей и определяющей формой производственных отношений. Следовательно, в феодальном характере производственных отношений на мануфактуре, применяющей феодально-зависимый труд, нет сомнений.

Этот основной феодальный характер производственных отношений ничуть не меняется в силу того, что вотчинная фабрика заполняется помещичьими крепостными крестьянами, а на другую, частновладельческую или казенную, мануфактуру гонятся крестьяне из приписанных к ней деревень для отработки податей, поссессионная же обслуживается работниками, прикрепленными к мануфактуре на поссессионном праве. Во всех этих случаях основные производственные отношения остаются феодальными по существу. Даже существенные особенности поссессионного владения не дают тут основного качественного различия, хотя рабочие на поссессионном предприятии «крепки» фабрике, а не владельцу, будь то купец или дворянин (дворяне также могли владеть мануфактурой на поссессионном праве). Производственные отношения основаны во всех перечисленных формах попрежнему на феодальной собственности, рабочая сила еще не стала товаром.

Отсюда ясно, что внутри мануфактуры, основанной на принудительном труде, какую бы форму она ни имела, наличествует глубокий конфликт производительных сил, ею представляемых, и производственных отношений, внутри которых эти силы развиваются. В то время как характер производительных сил принадлежит в них уже капиталистическому способу производства (на ранней, мануфактурной стадии его развития), их производственные отношения остаются феодальными по существу. Этот конфликт тем глубже, что та самая человеческая рабочая сила, которая, по словам К. Маркса, является в мануфактуре «исходной точкой переворота в способе производства»[23] и особо явственно и наглядно выступает в мануфактуре как основной элемент развития производительных сил,— эта рабочая производительная сила является феодально-зависимой, закрепощенной, отягощенной старым феодальным гнетом, принадлежит старым производственным отношениям. Этот глубокий внутренний конфликт, присущий любому виду мануфактуры с принудительным трудом, и ведет ее к конечной гибели. Здесь воочию видно, как старые производственные отношения тормозят новые производительные силы. Несмотря на все строгости владельца и любые формы внеэкономического принуждения, несмотря на попытки усовершенствовать технику, несмотря на введение нового элемента — денежной оплаты за труд, производительность труда «крепостных мануфактур» оказывалась недостаточной и не могла выдержать конкуренции с вольнонаемным капиталистическим предприятием. Ее глубоко ранило несвободное состояние непосредственного производителя, перевесить которое оказывались не в силах ни кооперация сил большого предприятия, ни выгоды, присущие мануфактурному разделению труда. Раздираемая этим внутренним противоречием, мануфактура с принудительным трудом шла к своей гибели. Ее губило глубокое внутреннее несоответствие характера

производительных сил производственным отношениям. Маломощная суконная мануфактура Лунина гибла из-за невозможности оплатить не такой уж значительный для владельца гильдейский взнос — ее низкая доходность не допускала выделения такой суммы, и, узнав о взносе, управляющий приостановил производство на мануфактуре, даже не спросив барина[24]. Любопытен своеобразный эксперимент «Сенатской комиссии», касавшийся производительности труда подневольных рабочих. Возникшая еще в конце XVIII в., вотчинная мануфактура Венедикта Фатова в Бельском уезде Смоленской губернии специализировалась на выделке необходимого сельскохозяйственного орудия — кос. Железо для кос получали с Урала, косы целиком шли на вольную продажу. На «заводе» было три кузницы и два вододействующих горна, два молота, построенная из кирпича плавильня, механическое зубило для рассечения железа. В техническом отношении и в отношении типичного для мануфактуры разделения труда «завод» Фатова не отставал от других мануфактур. Однако производительность труда была непомерно низкой и не шла в сравнение с вольнонаемным трудом. Сенатская комиссия в 1804 г., заинтересовавшаяся мануфактурой, нашла ее производство «в плохом состоянии» и сделала специальное наблюдение, касавшееся производительности труда: «Все крепостные его, Фатова, работают плохо и не выделывают такого количества кос, какое могли бы сделать». При этом дело было не в квалификации рабочих,— та же комиссия находила, что рабочие Фатова «достаточно на первый случай обучены». Мануфактура выделывала всего 5931 косу в год, тогда как могла выделывать в несколько раз больше. Комиссия произвела опыт — заставила 96 мастеровых и подсобных рабочих два дня работать под своим наблюдением (при рабочем дне в 14 часов в сутки) и подсчитала, что мастеровые при новом навязанном им темпе могут выработать 20 250 кос в год[25].

Низкая производительность труда связывалась с нежеланием рабочих работать на заводе подневольно. Значительные волнения мастеровых и подсобных рабочих на крепостных мануфактурах говорят за себя. Уральские заводы были потрясены сильнейшими восстаниями еще в первой половине XVIII в. Еще в момент своего вступления на престол Екатерина II нашла немало мастеровых «в прямом ослушании и бунте». В ряды пугачевского восстания влилось немало рабочих уральских заводов. Хотя крепостной предпролетариат еще не был классом и смешивался в своих выступлениях с общим потоком крестьянских восстаний, он уже имел известную специфику и воспитывал у рабочей массы навыки возрастающего сопротивления. Волнения крепостных рабочих гораздо многочисленнее волнений рабочих вольнонаемных. Этот общеизвестный факт находит свое объяснение в изложенных выше соображениях. Все это и выражает интересующий нас глубокий конфликт между производительными силами и производственными отношениями, глубокое несоответствие вторых характеру первых в мануфактурах, работающих на принудительном труде.

Этот конфликт заключен внутри явления, устарелые производственные отношения стесняют развитие производительных сил. На примере всех типов мануфактур — вотчинной, поссессионной и мануфактуры с приписными крестьянами это видно воочию: указанный конфликт тут прямо осязателен и может быть наблюдаем в исключительно яркой конкретной форме.

Особенно явственен процесс разложения старой феодальной формы, если проанализировать такую важную сторону дела, как процесс воспроизводства рабочей силы на крепостном промышленном предприятии.

Каждая общественно-экономическая формация имеет свою типичную классическую форму для этого важнейшего процесса. Если характерные для формации производственные отношения уже не могут обеспечить это воспроизводство, а надламываются, видоизменяются, включают в себя противоречащие их существу элементы иных производственных отношений, это — несомненный показатель разложения старых отношений, показатель того, что формация, их несущая, вступила в нисходящую стадию развития и уже не вмещает в свои производственные отношения нового развития производительных сил.

В первой половине XIX в. чрезвычайно редка «чистая» форма феодального воспроизводства закрепощенной рабочей силы, т. е. воспроизводства через обработку выделенного помещиком земельного надела. Случаи, когда пашущий свой надел и на это существующий крестьянин ходил бы отбывать барщину не на помещичье поле, а на помещичью фабрику, встречаются крайне редко. Как правило, в этом случае помещик перенапрягает сельскохозяйственный труд остающихся членов семьи, вынужденных кормить фабричного работника, не работающего, в силу невозможности, на крестьянской запашке и просто не вносящего своей доли в феодальное воспроизводство рабочей силы. Уже этот момент нарушает классическую форму воспроизводства, свидетельствует о том, что последняя дала трещину. Естественным результатом нарушенного соотношения является следующий шаг: помещик-фабрикант приплачивает своим барщинникам, иначе он не может добиться повышения производительности труда, чтобы тянуться за своими конкурентами — вольнонаемными мануфактурами. Рассматривать эту плату как «поощрение» или «чаевые» более чем наивно. Близорукое утверждение, что эта плата не имеет «никакого» отношения к производственному процессу, не выдерживает критики. Это «поощрение» служит целям воспроизводства рабочей силы, недостаточно обеспеченного классической феодальной формой. Именно поэтому оно и возникает, иначе крепостное предприятие даже на первых порах не выдержит конкуренции с капиталистическим. Появление элементов заработной платы — свидетельство разложения феодальных отношений. Совмещение работы на земельном наделе с частичной денежной оплатой проходит явственным признаком и через поссессионную мануфактуру. Там и тут воспроизводство рабочей силы происходит отнюдь не в типичной, свойственной феодализму, форме, а в форме, образно говоря, надтреснутой, утерявшей феодальную характерность, включившей в себя чуждый ей элемент заработной платы. Нередка уже на этом этапе казенная или владельческая продажа хозяйских продуктов рабочим. Так, на вотчинной бумажной фабрике Барышниковых в Смоленской губернии в XVIII — первой половине XIX в. мы встречаем принудительную продажу рабочим мануфактуры барского хлеба,— иначе говоря, помещик делает своих же крестьян-рабочих собственным рынком сбыта. Он использует их нужду в сельскохозяйственных продуктах, чтобы создать из них собственных покупателей и сбыть им свой, полученный с барщинных полей, феодальный продукт. Действительно, зачем везти из имения барский хлеб куда-то в Смоленск на рынок, когда можно его не без выгоды сбыть у себя же в имении своим же рабочим, да еще в принудительном, обязательном порядке?

Все эти явления принадлежат феодальному способу производства, но отнюдь не феодальному «вообще», а феодальному на его нисходящей стадии. Эти явления свидетельствуют о борьбе старого с новым и о силе «подымающегося» капитализма. Он «подымается» в живых капиталистических отношениях, развивающихся в недрах старого общества и соответствующих тем производительным силам, которые они облекают. Прежде

всего он виден в росте крестьянской мануфактуры. Но он отражен и в факте разложения старого. Старые формы в период «подымающегося капитализма» отнюдь не остаются стабильными,— они претерпевают серьезные изменения, они разлагаются. О разложении старого способа производства свидетельствует не только самый видный и громкий свидетель — возникшая в его недрах вольнонаемная, особенно крестьянская мануфактура, но и разлагающееся, постепенно деградирующее, стесняющее производительные силы, противоречивое в своей сути феодальное предприятие.

Между тем развитие производительных сил протекает все интенсивнее в исходе XVIII — первой четверти XIX в. Именно в это время возникают все новые предприятия, появляется более отчетливая специализация промышленных отраслей, возникают новые отрасли (в том числе даже, как указано, слабые начатки машиностроения), закладываются основы крупных предпринимательств (Мальцева, Семиренко).

Значительно укрепляются центры крестьянской промышленности. Уже первая половина XVIII в. знает борьбу с «неуказными производителями» крестьянского происхождения, которые, несмотря на запрет царского законодательства, прорывались в промышленность и заводили свои предприятия. Этот процесс развивается далее прогрессирующими темпами и стоит в тесной связи с общим промышленным развитием страны. В первой четверти XIX в. еще более значительно вырастают крестьянские промыслы. Расширяются и укрепляются старые средоточия крестьянской промышленности: шереметевская вотчина село Павлово в Горбатовском уезде Нижегородской губернии, славное своими металлическими изделиями; село Кимры Тверской губернии — центр сапожно-кожевенного промысла. Село Иваново Владимирской губернии, известное ткацким и набоечным промыслом, становится, по мнению современников, «русским Манчестером». В 1802 г. владелец села Павлова граф Шереметев был обеспокоен тем, что его крестьяне, преимущественно занятые промышленной деятельностью, забросили хлебопашество и даже стали сдавать свои земли в наем; владелец приказал поэтому «запретить въезд посторонним промышленникам в павловскую вотчину со съестными припасами» и «понудить» всех семейных павловских крестьян «сверх своего мастерства производить и хлебопашество, понеже в Павлове земля за необрабатыванием ее своими отдается в наем посторонним крестьянам по дешевой цене». Распоряжение помещика шло наперекор новому в общественном развитии и представляет собой конкретный пример попытки затормозить развитие новых отношений. Рост капиталистических элементов внутри крепостного хозяйства и тут наталкивался, таким образом, на стесняющие его рамки крепостничества.

Крестьянам-промышленникам иногда удавалось выкупиться на волю,— это также является показателем роста новых экономических отношений. Широко известен пример Саввы Морозова, который в 1820 г. выкупил себя на волю у помещика Рюмина за 17 тыс. руб. Выкупаются и другие крупные крепостные предприниматели. В. И. Ленин указывает, что крупнейшие фабриканты Иванова — Куваевы, Фокины, Зубковы, Кокушкины, Бобровы — вышли из кустарей [26].

Разрешить углубляющийся конфликт между старыми производственными отношениями и новыми по характеру производительными силами, установить соответствие между ними можно было лишь ликвидацией феодально-крепостного строя. Эта насущная, кровная задача вырастала из глубин народной жизни. Если она с чрезвычайной отчетливостью видна из анализа промышленного развития России той эпохи, то не менее ясна она и в процессах, протекающих в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство конца XVIII — начала XIX в. с его обостряющимся конфликтом между старыми производственными отношениями и новыми по характеру производительными силами не может рассматриваться изолированно от развития промышленности. Оно было теснейшим образом с нею связано,— ни мануфактура, ни фабрика не могут существовать без деревни. Воспроизводство рабочей силы непосредственных производителей, стоящих у мануфактурных станков и фабричных машин, требует больших количеств сельскохозяйственных продуктов в товарной форме. Растущий город потребляет все больше сельскохозяйственных товаров. Многочисленные виды промышленного сырья поставляются сельскохозяйственным производством. В изучаемое время товарный характер сельского хозяйства является его отличительной и все более усиливающейся чертой. Хлеб-товар становится непосредственной целью сельского хозяйства. «Если от трудов и избытков земледельца,— писал «Земледельческий журнал», издававшийся Московским обществом сельского хозяйства,— ожидают города своего продовольствия, то те землепашцы, которые ничего не продают, но сами покупают на торгах хлеб для прокормления себя, должны почитаться бесполезными членами общества. Даже и тот поселянин, который в состоянии прокормить токмо себя, приносит столь же мало пользы, как цеховые ремесленники в городах, например портные и сапожники, когда они успевают одеть и обуть только себя и семейство свое» [27]. Эта мысль буквально была общим лозунгом: побольше бы продать. «Сбыт составляет душу промышленности. Как пламень, не находя для себя исхода, уничтожается, так и промышленная деятельность, не изливаясь произведениями своими по рынкам, останавливается и умирает» [28]. Подводилась и общая теоретическая база под это требование: «Избыток в хлебе составляет внутреннюю силу монархий и привлекает к себе богатства извне» [29]. Помещик всячески стремился стать предпринимателем. Рвущийся из крепостных пут крестьянин также стремился свободно торговать, вступить в непосредственную связь с рынком.

В эпоху восходящего феодализма помещик, как правило, не торговал значительными и все возрастающими массами хлеба и прочих сельскохозяйственных продуктов. Производство последних преследовало цель обслуживания домашнего обихода помещика, а не рынка. В основном помещичье хозяйство было натуральным и вполне возможные, отдельно встречающиеся продажи — спорадичными и не менявшими основного характера производства. Натуральным было и крестьянское хозяйство, также собиравшее хлеб и другие продукты со своей земли для прокормления работника и его семьи и для воспроизводства своего несложного хозяйства. Основной источник получения помещиком все возрастающих товарных масс хлеба и сельскохозяйственных продуктов — один и тот же вплоть до падения крепостного права. Это прежде всего усиление феодальной эксплуатации.

Источник получения товарного хлеба крестьянином — его личный труд на надельной земле. Но все дело в том, что при всех условиях товарный продукт — результат одного и того же крестьянского труда, лишь разделенного феодализмом в пространстве и во времени. Напомним, что основанное на крепостном крестьянском труде помещичье хозяйство феодального времени — отнюдь не крупное производство. Ф. Энгельс с уничтожающей иронией разоблачил соответствующее заблуждение господина Дюринга. Вообще феодальное общество характеризуется мелким индивидуальным производством [30].

Производителем обращающихся на всероссийском рынке сельскохозяйственных товаров является в конечном счете мелкое крестьянское хозяйство, с барской ли запашки или с надельной земли, предоставленной барином крестьянину, течет на рынок товарный хлеб. Ведение хозяйства помещиком при посредстве крепостных крестьян означает обработку вовсе не крупных, а именно мелких участков земли [31].

Перед нами, таким образом, два «хлебных» товарных потока: один идет на рынок из помещичьих амбаров и житниц, набитых барщинным и оброчным хлебом, другой — на тот же рынок из тощего крестьянского мешка, куда сложены результаты напряженного труда на надельной земле. Как ни микроскопичен в последнем отдельно взятом случае объем на копейки и полушки продаваемого товара,— умноженный на сотни тысяч и миллионы мелких и мельчайших крестьянских продаж, объем этот вырастает до очень заметной на внутреннем рынке величины: продажа на рынке своего хлеба и других сельскохозяйственных продуктов крестьянином, усилившаяся в первой половине XIX в.— факт, давно отмеченный источниками и литературой. К ничтожным продажам с наделов прибавляется все более развивающееся в изучаемое время крестьянское торговое землевладение (земля, как правило, покупалась на барское имя) и крестьянская вненадельная аренда у барина,— на этом мы еще остановимся ниже. С этих участков поток товарного хлеба соперничает с барщинным имением.

Эти два хлебных потока — барский и крестьянский — приходят во все большее столкновение именно в интересующую нас эпоху. Увеличение первого наносит ущерб второму и наоборот. В самом деле, увеличение массы продажного хлеба у помещика, предельно нажавшего пресс крепостнической эксплуатации, достигается за счет подрыва основы феодального способа производства — мелкого крестьянского хозяйства. Подрывается воспроизводство рабочей силы непосредственного производителя, и подрывается воспроизводство самого крестьянского хозяйства.

Непосильная барщина, удлиненный против традиционного рабочий день, усилившиеся наказания за невыполненный урок и вообще резкое обострение внеэкономического принуждения наносят сильнейший удар по собственному крестьянскому хозяйству. Для своего хозяйства у крестьянина остается все меньше и меньше сил и времени. С одной стороны, крестьянское хозяйство ухудшается, хиреет, воспроизводится в суженном размере. Если к этому добавить наступление помещика на крестьянскую надельную землю, захват барином у крестьянина какой-то доли надела, а в ряде случаев и вообще сгон крестьянина с его надельной земли, характерный как раз для изучаемой эпохи, перевод его на месячину,— мы воочию увидим, что феодальному воспроизводству крестьянской рабочей силы и воспроизводству феодального крестьянского хозяйства в целом наносится в сущности смертельный удар. Разложение феодальной формы воспроизводства рабочей силы налицо, как налицо и суженное воспроизводство всего крестьянского хозяйства. С другой стороны, находятся крестьянские хозяйства, производящие накопления, однако последние, как правило, происходят не в сфере сельскохозяйственного производства, а в сфере операций скупщика или эксплуататора своих односельчан. Об этом типе вырастающего в феодальной деревне местного богатея мы еще скажем ниже, а сейчас остановимся на основной крестьянской массе, которая под натиском помещика должна спасать хотя бы простое воспроизводство своего хозяйства.

В указанной сфере вырастал глубокий антагонизм: крестьянин стремился с развитием обмена к накоплению и расширенному воспроизводству своего хозяйства, а помещик-феодал — к максимальному присвое-

нию труда своего крепостного, к интенсифицированной барщине, к повышенному оброку. Это антагонистическое противоречие было формой движения производительных сил и несло в себе глубокий конфликт производительных сил и производственных отношений.

Предельно завинченный пресс феодальной эксплуатации вел к постепенной деградации и последующему разорению крестьянского хозяйства,— это имело неисчислимые последствия.

Для нашей цели достаточно рассмотреть две основные проблемы, раскрывающие конфликт между развитием производительных сил и производственных отношений в сельском хозяйстве. Первая — разрушение воспроизводства крестьянского хозяйства в его типичной феодальной форме, свидетельствующее о глубоком разложении феодальной формации, вступившей в пору своего кризиса. Вторая — стремление крестьянина к повышению товарности и к расширенному воспроизводству своего хозяйства, что приходит в конфликт со стремлением феодала к максимальному присвоению прибавочного труда крестьянина. Эта сторона дела рисует этап подымающегося, восходящего капитализма, развивающегося пока что в недрах старой формации. Это — две стороны одного и того же процесса.

В исходе XVIII — первой четверти XIX в. мы наблюдаем неуклонное возрастание массы товарного хлеба (и вообще сельскохозяйственных продуктов). Она слагается из двух указанных выше «потоков», находящихся между собой в остром конфликте. Увеличение массы товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов у помещика, получившего этот хлеб через интенсификацию барщины, есть показатель такого роста производительных сил, который получен за счет подрыва основных устоев феодального способа производства и говорит о его деградации, разложении. Предельно интенсифицированная барщина отнюдь не является прогрессивной формой поступательного развития производительных сил. Недаром В. И. Ленин указал на то, что производство хлеба помещиками на продажу было предвестником распадения старого режима [32]. Всякий нажим феодального пресса, разрушающий простое феодальное воспроизводство, подрывает устои старой хозяйственной формы своим выжиманием товарного хлеба и разрушает возможность воспроизводства феодального крестьянского хозяйства. Барин прежде всего наступал на крестьянскую надельную землю в целях увеличения производства товарного хлеба. Барщина в изучаемое время, как правило, сопровождается расширением барской запашки. По общепринятым цифровым данным, крестьяне перед реформой сохранили лишь треть надельной земли [33].

Исследователь вотчин М. М. Голицына, находившихся в важном районе хлебной торговли — около Орла и Мценска, приводит из письма управляющего следующую красочную характеристику недостатка пахотных земель у крестьян (письмо от октября 1801 г.). Он пишет, что в деревне очень много крестьянских душ, которые «имеют землю только на одно тягло», хотя в доме такого крестьянина душ пятнадцать: «выходит, что у него едунов много, а хлеба мало. Ежели ж этого мужика спросить, для чего он только на одно тягло землю взял — у него семья большая, он бы взял тягла два, то, верно, в ответ скажет: я бы рад, кормилец, хотя целое гнездо взять, да где ж ее взять — ни у кого лишнего нет, всякий ищет нанимать, да лишь бы добыть» [34]. В этих условиях управляющий продолжал наступление на крестьянскую землю — заново разверстал наделы, сократил на треть размер земельного обеспечения тягла и отрезал у крестьян в пользу князя в общей сложности 201 десятину. Крестьяне жаловались, что управляющий «обрезал выгоны по самые огороды», что

не только скотину, «но и птицу выпустить некуда». Управляющий, кроме того, «распахал землю между конюшнями и церквами». Общее обеднение крестьян, даже разорение «первостатейных», было результатом наступления барина на землю. Зато князь продал в одном только 1823 г. 1261 четверть ржи, 1134 пуда муки, 167 четвертей пшеницы, 3132 четверти английского овса, более 1187 четвертей овса русского и более 880 четвертей гречихи. В воронцовских центрально-промышленных вотчинах наряду с деревенскими богатеями встречались в первой трети XIX в. группы «затягольных» крестьян, вообще лишенных какого бы то ни было земельного надела; воронцовские крестьяне горько жалуются на малоземелье. Общеизвестен перевод крестьян с пашни во двор и образование так называемых «месячников», особенно усилившееся в исходе XVIII — начале XIX в. Трудно ограничиться в данном случае характеристикой «месячничества» как рецидива рабства,— не точнее ли сравнить месячников с безземельным батрачеством, приравненным крепостниками к положению раба по условиям существования. Аналогичному полному обезземелению подвергли своих крестьян помещики, переселяя их на фабрику (например, помещица Брискорн, переселившая крестьян на свою суконную фабрику в 1822 г. с лишением их земли) [35]. Процесс первоначального накопления находит свое выражение в этих явлениях.

Непомерно тяжелые барщинные «уроки», выколачиваемые при помощи жестоких наказаний, увеличение рабочего дня, работа «от зари до зари», невозможность нормально обработать свою крестьянскую пашню при постоянно растущем числе барщинных дней, увеличившихся с 3 до 4, 5 и 6 в неделю,— общеизвестные способы интенсификации барщины в исходе XVIII — первой четверти XIX в. Возьмем характерный пример конца XVIII в.— случай под Любанью, описанный А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Автор встретил тут пашущего крестьянина. Напряженность его труда поразила Радищева: воскресенье, самый жар, а он без перерыва пашет, якобы «не уставая». Соху поворачивает «с удивительною легкостью». Рядом ждет сменная лошадь,— она отдыхает, а мужик пашет без отдыха. Он рассказывает Радищеву, что работает даже ночью («Не одни праздники — и ночь наша»). Это он работает на своей, крестьянской запашке («Нива, конечно, не господская»). «Так ли ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно бы было так же работать». У пашущего крестьянина семья в семь человек, шестеро малых детей («Три сына и три дочки. Первинькому то десятый годок»). Да, разумеется, так работать на хозяйской ниве было бы «грешно». За один воскресный день путем напряжения всех сил крестьянин пытается наверстать то, для чего он раньше — при прогрессивном феодализме — располагал по меньшей мере тремя днями, а то и больше. Вот эту-то бóльшую производительную силу и хочет перетащить помещик на свою барскую запашку, на эту-то возможность увеличения ее производительности и щелкает зубами барин, стремящийся палками и розгами присвоить ее себе. Он тоже хотел бы, чтобы земледелец, выбиваясь из сил, работал на его пашне втрое быстрее и в праздник и ночами, а рядом чтобы стояла вторая, сменная, отдохнувшая крестьянская лошадь и ждала бы своей очереди впрячься в соху, на этот раз для барина. Но такая работа не для барина, а для своей, крестьянской запашки.

Между тем совершенно ясно, что ни за один день безумно напряженного труда, ни ночами не сможет крестьянин держать свое хозяйство на том же уровне, что и при прогрессивном феодализме. Следующая трещина в классической феодальной форме — распад нормального рабочего тягла.

Уже в случае, описанном Радищевым, мы видим начало этого распада: дети малы, они еще не помощники, но что делает хозяйка? Она тоже лишена своего праздничного дня, а следовательно, уменьшается ее участие в воспроизводстве крестьянского хозяйства. Она должна ходить в воскресенье в лес по грибы да по ягоды для платежа натурального оброка (указано в тексте «Путешествия»). Барин, кроме шести рабочих дней на барщине, еще требует баранов, кур, холста, масла — все это в значительной мере результат труда крестьянки. Ее доля в воспроизводстве рабочей силы тягла также предельно уменьшена барином. Другое последствие — продажа рабочей силы зимой. У радищевского крестьянина, не платящего денежного оброка («пашущий крестьянин принадлежит... помещику, который оброку с него не берет»), одна надежда: зимой уйти в город «в извоз» или «в работу». Крестьянин, встреченный Радищевым, говорит о том ущербе, который наносит арендатор имения крестьянскому хозяйству, если «зимою не пускает в извоз, ни в работу, в город». Это дает ему не только платеж подушных, но и какую-то поддержку его личному хозяйству. Оно уже подорвано — он не может воспроизводить его в классической феодальной форме через обработку своего земельного надела, он должен добавлять сюда ресурсы от «свободной» продажи своего труда. Следовательно, перед нами уже глубокое противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Тысячи крестьян, нанимавшихся на работу в городах, уходивших на промыслы, являлись покупателями, новым элементом рынка в эпоху разлагающегося феодализма: они пытались, добыв денег, залатать изъяны в хозяйстве, нанесенные непомерной эксплуатацией со стороны барина, а более всего — прокормить себя и семью. Продаст ли такая, уже идущая к хозяйственному упадку, крестьянская семья нужного ей самой жеребенка или теленка, выделит ли она из тягла и отошлет в город члена семьи, по найму работающего человека, продаст ли она якобы «лишний», в бессонные ночи сотканный хозяйкой кусок холста,— ее пути на нисходящей стадии феодализма идут к рынку — к продаже ли продукта простого товарного хозяйства, к продаже ли рабочей силы. Эти процессы, сохраняя тесную связь с феодальной основой (крестьянин остается феодально-зависимым барщинным помещичьим крестьянином, его летом опять погонят на барское поле, его баба опять понесет на барский двор оброчный холст, кур и ягоды), объективно идут навстречу капиталистическим отношениям, хотя еще не являются таковыми. Эти феодальные хозяйственные формы порождены разлагающимся феодализмом в его нисходящей стадии, феодализмом, который уже не может воспроизвести себя в прежней классической форме. Производительные силы крестьянства стеснены феодальной оболочкой, она тормозит их развитие. Пахавший на своей пашне крестьянин втрое, если не больше, увеличил бы производительные силы труда, если бы был свободен,— ведь успевал же он в одно воскресенье сделать многодневную работу. Когда В. И. Ленин развивает мысль о том, что алчное прусское юнкерство в течение XVII и XVIII вв. превратило крестьянина в голодающего нищего, он формулирует вывод, который во многом может быть перенесен и на русский исторический процесс [36].

Описываемый процесс носит в себе элементы первоначального накопления. Они выражаются далеко не в классической английской форме полного отделения непосредственного производителя от средств производства, но они используют образовавшийся надлом в типичной феодальной форме воспроизводства крестьянского хозяйства, влекущий необходимость промыслов и частичной продажи рабочей силы для его восстановления. Рабочая сила начинает становиться товаром.

В оброчной деревне нарастал тот же конфликт. Непрерывный рост оброка и увеличение количества оброчников-недоимщиков — стойкая черта процесса.

В условиях чрезмерной эксплуатации мелкое крестьянское хозяйство разлагалось, деградировало. Оно ярко свидетельствовало о кризисе феодализма. При прогрессивном феодализме оно могло воспроизводить себя простым воспроизводством и существовало много веков подряд. В это время оно было органически связано с помещичьим имением, заинтересованным в этом воспроизводстве и на нем державшимся. Помещичье имение в своей хозяйственной жизни принимало кое-какие меры для обеспечения этого простого воспроизводства. Давая крестьянину необходимой величины надел, оно восстанавливало это хозяйство и в случае стихийных бедствий (посевное зерно от помещика в голодные годы, иногда скот) и было в этом заинтересовано. Положение существенно меняется в годы кризиса. Помещику выгоднее продать зерно, скот, бревна, нежели дать их разоряющемуся крестьянину. Если крестьянин хочет восстановить свое хозяйство, он уже в создавшихся условиях не может ограничиться работой на наделе,— он должен достать откуда-то денег не для платежа оброка барину, а для подкрепления собственного разоряющегося хозяйства. Следовательно, оба процесса — увеличение количества товарного хлеба в руках помещика-барщинника и крестьянское разорение — процессы, глубоко связанные причинной связью и антагонистические по своему классовому существу. Вместе с тем феодальная, разоряющаяся деревня самим фактом своего разорения толкается к рынку, связывается с ним многими нитями, влечется к промыслам, изделия которых становятся товаром.

В описанной атмосфере на другом полюсе деревни в эпоху деградирующего феодализма создавался деревенский крепостной богатей, начинавший, помимо барина, сосать своих же разоряющихся односельчан, оставаясь таким же крепостным мужиком, правда, чаще всего платящим оброк, а не пашущим барскую землю. В этой обстановке в деревне появлялся скупщик, концентрировавший в своих руках товары — результаты крестьянских промыслов.

В этой же обстановке в интересующее нас время развивается упомянутое выше внефеодальное крестьянское товарное земледелие, которое является существенным источником товарного хлеба в стране. Аренда земли крепостными крестьянами у барина или у своих односельчан, покупка крестьянами-богатеями земли у помещиков — существенные явления времени. В 1801 г. издается закон о праве крестьян, казенных купцов и мещан приобретать ненаселенную землю [37]. Последовавший закон о свободных хлебопашцах (1803) продолжает уже начатую робкую законодательную линию в пользу перевода на некрепостное положение какой-то доли непосредственных производителей,— конечно, по желанию помещиков (доли крайне незначительной). Объективно, в разрезе нас интересующем, этот закон также немного содействовал внефеодальному производству товарного хлеба. Разоряющееся крестьянство отдает в наем даже надельную землю. Воронцовы и Голицыны сдают в аренду собственным крестьянам за плату пахотные угодья, сенокосы, рыбные ловли, выпасы, мельницы, харчевни, их примеру следуют и многие другие помещики. Купцы жалуются на конкуренцию крестьян в торговле пенькой, конопляным маслом, зерном. Барин также выступает на рынке конкурентом крепостного мужика и силой феодального принуждения заставляет крестьян сначала везти на рынок его, барский хлеб, потом крестьянский [38].

Отчетливо виден конфликт производительных сил и производственных отношений на примере помещичьего сельскохозяйственного предпринима-

тельства. Первая четверть XIX в. отмечена большим интересом помещиков к передовой сельскохозяйственной технике и новым приемам научной агрономии. За опытным применением «молотильного орудия» Бабичева (1789) вскоре следуют другие «новые и удобнейшие инструменты» для сельского хозяйства, возникают первые попытки организовать производство сельскохозяйственных машин. В 1802 г. завод Вильсона выпускает «молотильную машину» своего производства. У некоторых — редких — хозяев идет в ход железный «плужок» Павлова, новые веялки, «орало» Гусятникова. Ф. В. Растопчин не только выписывает английскую сельскохозяйственную технику, но и приспособляет английские плуги к русской пахоте, внося в них технические усовершенствования, а также хлопочет об организации производства сельскохозяйственных машин. С ним конкурируют Мальцев и Чесменский, которые, как пишет он в письме к князю П. Д. Цицианову (1803), завели «фабрику для делания машин» и продают акции по тысяче рублей. В 1806 г. был разрешен беспошлинный ввоз в Россию сельскохозяйственных машин. В 1820 г. Д. М. Полторацкий организовал заводское производство усовершенствованных плугов и других машин для сельского хозяйства. Кое-где в море старой крепостной рутины находились помещики, вводившие «плодопеременение», регулярное удобрение полей и усовершенствованные приемы скотоводства. К интересующему нас периоду относятся первые попытки заведения тонкорунного овцеводства. М. И. Кутузов в короткие промежутки между войнами и ратными подвигами отдавал дань новым веяниям,— в переписке 1802—1803 гг. отразились его агрономические опыты («вчерась ночью только прошел хороший дождь, и яровое поправится, особливо мой канжут и сезам, маслячные семена, которыми я очень занимаюсь, для того что сеется оно в Индии и в Египте»). Но новые по характеру производительные силы — сельскохозяйственная техника нового типа, новые системы полеводства — приходили в столкновение со старыми производственными отношениями. Остро чувствовалась необходимость вольнонаемного рабочего,— барщинного крепостного мужика нельзя было приставить к новым сельскохозяйственным машинам. Для введения новой техники не хватало капиталов. «Показательные» помещичьи имения Полторацкого, Шелехова, Румянцева, Апраксина, пытавшиеся держаться на техническом уровне капиталистического сельскохозяйственного предпринимательства, прибегали к наемному труду или вводили денежную оплату крепостных работников. Наличие даровой феодально-зависимой рабочей силы тормозило применение усовершенствованных орудий. Передовое по технике имение никак не могло стать капиталистическим предприятием без изменения производственных отношений и вовсе не являлось маленьким островком капитализма в море феодально-крепостного сельского хозяйства: оно оставалось носителем острого конфликта между феодально-крепостными производственными отношениями и новыми по характеру производительными силами. И уж, конечно, не эти усовершенствованные островки новой сельскохозяйственной техники — румянцевский «Кагул», апраксинское «Ольгово» или «Авчурино» Полторацкого — были основным источником товарного хлеба, в котором все более нуждалась идущая к капитализму Россия. Этот товарный хлеб производило или барщинное имение, или конкурирующий с ним представитель простого товарного производства, трудившийся на надельной земле, а подчас уже арендовавший землю у барина, или капиталистый мужик, купивший землю на барское имя или выступавший крупным арендатором земли [39].

Весь описанный процесс, взятый в целом, дает основания сказать, что время декабристов относится к эпохе первоначального накопления. Как известно, немалая доля этого процесса падает на пореформенное время и

связывается с результатами крестьянской реформы 1861 г. Реформа, ограбив крестьянство и лишив его в значительной степени средств производства, создала условия для накопления капитала и для формирования нового класса капиталистического общества — пролетариата. Однако процесс первоначального накопления должен быть продлен в глубину предшествующего периода «подымающегося капитализма»,— без этого будет непонятно самое утверждение капитализма в России. Необходимо сразу подчеркнуть, что процесс первоначального накопления протекает в России в своеобразной форме, отличаясь от английского прототипа, проанализированного К. Марксом в знаменитой 24 главе «Капитала». Однако отличия процесса не касаются его существа: и там и тут «...так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства» [40]. Только в России в эпоху «подымающегося капитализма» преобладает не полное, как в Англии, а частичное отделение производителя от средств производства; в большинстве случаев у него отнимают не всю землю, а значительную ее долю (уже в XVII в. ведется наступление помещика на крестьянскую землю), резко сужая возможности воспроизводства его хозяйства и толкая к продаже своей рабочей силы в привязанном к наделу состоянии. Не порывая связи с землей в силу наличия надела, хотя все уменьшающегося, такой крестьянин, имеющий в деревне недостаточное хозяйство, в то же время нередко оказывается наемным рабочим, периодически возвращающимся к своему земельному клочку. Как крестьянин, встреченный А. Н. Радищевым в Любани, этот непосредственный производитель уже не может существовать без подспорья заработной платы, которую он ищет далеко не только для уплаты оброка (он может быть и барщинным крестьянином), но и для себя, для воспроизводства собственной рабочей силы и для воспроизводства своего крестьянского хозяйства. Наряду с этим существует, разумеется, и крестьянин, полностью лишаемый средств производства, но при господстве крепостного права это более редкий случай. Вместе с этим в разоряемую деревню рано внедряется скупщик продуктов крестьянского сельского хозяйства и крестьянского ремесла, сколачивающий немалые капиталы. Заметим, что указанная выше характерная черта присуща и более позднему процессу первоначального накопления, хотя уже и в изменившейся обстановке победившего после реформы капитализма. Ведь крестьяне в России были освобождены с землей, а не без земли. При реформе была отрезана в общем пятая часть крестьянской надельной земли. Если вспомнить, что до реформы в течение только XVIII — первой половины XIX в. крестьянский надел уменьшился более, чем наполовину (50% надельной земли), а в других случаях на две трети, то надо признать, что постепенное ограбление непосредственного производителя в годы «подымающегося капитализма» в общем своем результате даже превзошло реформу и сохранило в основном тот же механизм действия. К этому надо, разумеется, добавить несколько других специфических для России форм накопления (откупа и пр.), однако указанная выше форма остается существом процесса.

Из всего изложенного ясно, что историческая задача сокрушения устоев крепостного строя — помещичьей собственности на землю и крепостного права выросла из русской действительности и по мере усиления кризиса феодализма становилась все более настоятельной в русском историческом развитии. В эпоху декабристов она была очередной, ведущей задачей истории. Основой феодализма является феодальная собственность на землю. Феодальное владение землей предполагало обладание трудом непосредственного производителя. Своей революционной борьбой декабристы, несомненно, наносили удар по этой основе. Крепостное право, против кото-

рого они боролись, отражало положение непосредственного производителя как собственности помещика: живой человек входил в состав помещичьих средств производства, которыми владел барин-феодал. Феодальная эксплуатация рождалась на указанной основе феодализма. «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,— крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»,— говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»[41]. Феодальная собственность на землю теряла свою существеннейшую сторону с потерей права помещика на обладание трудом своего крепостного, на его феодальную эксплуатацию. Но мало этого,— идеология декабристов в своем поступательном движении пришла и к вопросу о самой земле. Пестель и его единомышленники, а также и другие представители декабристских организаций с разных сторон подходили к вопросу о земле и предложили решение о частичной передаче крестьянину помещичьей земли. По проекту Пестеля, получаемая крестьянином часть земли превышала тот крестьянский надел, который получал крестьянин от феодала из состава его феодальной собственности. Классовая ограниченность декабристов не позволила им пойти дальше по этому пути, но все же их земельные проекты выводили из состава феодальной собственности не только прикрепленного к ней крепостного работника на земле — крестьянина, но отчасти и его надел. Феодальная собственность на землю приобретала в силу этого новые и теряла существенные старые черты, меняясь в своем существе. Если бы проекты декабристов были реализованы, феодальная собственность на землю стала бы буржуазной собственностью на землю.

В силу этого декабристы — объективно — содействовали тому, чтобы закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробивал себе дорогу через разлагающийся феодально-крепостной хозяйственный строй к утверждению новой, капиталистической формации. Декабристская идеология работала на этот важнейший исторический процесс, способствовала победе нового над старым. Таким образом, объективно декабристы наносили удар основе старого строя.

4

Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил пробивает себе дорогу в историческом процессе путем классовой борьбы. Основной силой антифеодальной борьбы явилось крестьянство. Промышленная буржуазия не сложилась в России в революционный класс. В условиях позднего вступления страны на путь капиталистического развития слабая русская промышленная буржуазия особо нуждалась в защите самодержавия и антагонистическое противоречие ее интересов с интересами феодального дворянства вызревало в замедленной и ослабленной форме. За стеной заградительных пошлин, охранявших ее от иностранной конкуренции, в обстановке успехов внешней политики XVIII в., расширявшей возможности буржуазного предпринимательства, урвав отдельные немаловажные привилегии феодального типа в праве владения посессионными предприятиями и заводами, работавшими на труде приписных крестьян,— русская промышленная буржуазия уютно устроилась под крылом двуглавого орла и не вступала в распри с самодержавием. Время от времени в лице своих значительных представителей получая доступ в дворянское сословие и покрывая дворянским гербом незнатное происхождение, русская буржуазия находилась еще на той ступени развития, когда вступление в дворянское сословие

рисовалось ей заманчивой перспективой. Политическая темнота русского купечества, купцов-заводовладельцев и мануфактуристов была производным явлением незрелости класса. Вдумываясь в препятствия, мешавшие вызреванию освободительной идеологии в буржуазной среде, нельзя не учитывать опасности непрекращавшихся волнений поссессионных и приписанных к заводам крестьян, все возраставших по мере развития кризиса феодальной системы. Самодержавие было силой, усмирявшей эти волнения, противопоставлявшей восстававшему крестьянству всю систему своего мощного воздействия — от мероприятий управленческого аппарата до вмешательства вооруженной силы. В этих условиях буржуазии приходилось ладить с самодержавием.

В описанной обстановке борющееся против феодализма крестьянство оставалось на исторической арене основной антифеодальной силой. Его сильнейшие восстания падают на нисходящую стадию феодальной формации, приобретая невиданный ранее массовый характер и охватывая огромные территории (восстания Разина, Булавина, Пугачева). Разрозненное, политически темное, скованное «наивным монархизмом» крестьянство не могло самостоятельно свалить феодализм, хотя удары по старому строю, наносимые крестьянской борьбой, расшатывали его основы и сокращали сроки его существования. Крестьянство не имело руководителя: пролетариат — будущий гегемон революционной борьбы народа еще не сложился в класс в изучаемое время, буржуазия была слаба и нереволюционна. На первом этапе революционное дворянство возглавило движение.

Массовое движение эпохи декабристов слагается из крестьянской борьбы, в которой принимают участие как помещичьи, так и казенные и удельные крестьяне, из сплетающегося и сливающегося с крестьянской борьбой движения закрепощенных рабочих людей (главным образом феодально-зависимых) и из солдатского движения, тесно связанного с крестьянским.

Выразительным показателем растущего сопротивления крестьянской массы является рост волнений крепостных крестьян. За первую четверть XIX в., по далеко не полным подсчетам И. И. Игнатович, произошло 281 волнение. Из указанного количества двадцать волнений не поддаются точной датировке, остальные 261 могут быть распределены по годам. Приведенные указанной исследовательницей данные по пятилетиям таковы:

1801—1805 гг.	— 45 волнений
1806—1810 „	— 38 „
1811—1815 „	— 36 „
1816—1820 „	— 87 „
1821—1825 „	— 55 „
Итого	261 волнение[42]

Данные эти явно неполны: в них не учитывается движение военных лет — Отечественной войны 1812 г. и широкие волнения на Дону в 1818—1820 гг., а также многочисленные волнения, зафиксированные в провинциальных губернских архивах и не отразившиеся в центральных фондах, использованных для подсчета. Как правило, не учтены тут и крестьянские волнения отдельных народов России. Неполны данные и по линии казенного и удельного крестьянства. Нельзя забывать, что приведенная выше общая численность является лишь одним из слагаемых общей картины движения угнетенных народных масс, не содержа в себе цифровых данных по волнениям рабочих людей и солдат. Но приведенные выше данные интересны наличием двух внутренних кульминаций, одна из которых падает на начальные годы столетия, другая — на пятилетие 1816—1820 гг.,

как раз на те годы, когда слагалось и создавало свои ранние организации движение декабристов. Заметим, что этот последний подъем совпадает с формированием западноевропейской революционной ситуации, завершившейся южными революциями 1820—1821 гг.

Анализируя даже неполные данные, приведенные выше, надо подчеркнуть общую тенденцию к возрастанию движения, несмотря на то, что борьба закрепощенного крестьянства пережила незадолго до изучаемого нами времени тяжелейшие удары репрессий, усмиривших как движение Пугачева, так и последующий подъем крестьянской борьбы при Павле I. Крестьянские волнения, возглавленные Емельяном Чернодыровым в павловское время, были задавлены при помощи военной силы, применявшей даже артиллерию. Несмотря на беспощадность репрессий, движение поднялось вновь. Обращают на себя внимание длительность и упорство волнений в деревне, значительное число продолжающихся и возобновляющихся волнений. Борьба против помещичьего землевладения и права эксплуатации феодально-зависимого крестьянина — основной мотив народного движения. Исследования Н. М. Дружинина о государственных крестьянах дали новый материал о крестьянских выступлениях в государственной деревне первой четверти XIX в.: попытки уменьшить крестьянский надел, отобрать у крестьян землю — едва ли не основная причина крестьянских волнений, к этому присоединяется протест против непомерной эксплуатации (волнения 1802 г. в Малороссийской губ., волнения 1811 г. и последующих лет в Рязанской губ., волнения 1815—1817 гг. в Псковской губ. и др.). В 1818 г. волновались государственные крестьяне в Слободско-Украинской и Гродненской губерниях, в 1820 г.— в Тверской и опять Гродненской, в 1822 г.— в Воронежской, в 1823 г.— в Минской, в 1825 г.— в Нижегородской, Костромской и Черниговской. Зависимость от барина не дает крестьянину развернуть самостоятельную хозяйственную деятельность, острая необходимость в которой особенно ощутима для крестьянского хозяйства в пору кризиса феодальной системы и развития капиталистических элементов. Отечественная война 1812 г. отнюдь не была временем исчезновения антифеодального массового движения,— официальные данные отмечали «беспорядки» и «замешательства» в Вологодской, Костромской, Архангельской, Екатеринославской, Тобольской, Лифляндской, Саратовской, Пермской, Казанской, Московской, Орловской, Нижегородской и Калужской губерниях; если к этому присоединить известное волнение ополченцев Пензенской губ., резкое усиление бродяжничества и разбоев в Вятской и «зажигательства» в Ревеле, то не менее 16 губерний были охвачены в 1812 г. разными формами социального брожения. Война сильно ухудшила материальное положение трудовых масс, усугубила их нужду и бедствия. В этих условиях перевод с оброка на барщину крайне суживал возможности самостоятельного крестьянского хозяйства и вызывал резкое сопротивление (волнения крестьян в имении мелкопоместного помещика Бахарева Ярославской губ. в 1814 г., волнения против перевода на барщину в имении Ранского в Калужской губ., в 1816—1819 гг. и в 1820 г. в Петрозаводском у. Олонецкой губ. в имении Лачиновой). Крестьяне усердно «ищут воли» и жалуются на неправильное удержание в крепостном состоянии. Особенно усилились эти жалобы в 1818—1820 гг. Крестьяне стремятся использовать и все легальные способы для освобождения себя от крепостной зависимости (иски о воле на основании выморочности имения крестьян села Благовещенского Костромской губ. в 1814—1817 гг., аналогичные попытки легального выхода «на волю» в имении Вишневских Кашинского у. Тверской губ. в 1815 г., в имении помещицы Обалдуевой в Тамбовской губ. в 1816—1820 гг.). Особо своеобразно волнение крестьян в воронежском имении

княгини Касаткиной в 1816—1817 гг.,— зная, что княгиня купеческого происхождения, крестьяне заявляли об отсутствии у нее прав на владение крепостными. Борьбу крестьян против переселений нельзя не связать с борьбой за обжитую, распаханную землю, за хоть какую-то устойчивость и так со всех сторон стесненного хозяйства, за возможность воспроизводства своего хозяйства (волнения 1814—1818 гг. в Клинском у. Московской губ.— крестьяне не желали переселяться в Саратовскую губернию, волнения крестьян Касимовского у. Рязанской губ. против переселения в другое имение владельца в 1817 г.) [43].

Всеми силами борются крестьяне против переселения на заводы (усмиренные войсками волнения крестьян помещика Яковлева в Вятской губ. в 1816 г. и др.). Своеобразны волнения крестьян, выражающиеся в самовольном переселении целых деревень. В 1824 г. в Тверской губернии крепостные крестьяне и дворовые люди многих помещиков Ржевского и Зубцовского уездов, продав «секретно» свое имущество, двинулись в соседние уезды, где, по пущенным кем-то слухам, давали паспорта для проезда в какие-то «поселения»; как докладывало начальство, бегство крестьян происходило с такой быстротой и скрытностью, что в Тверской губернии полиция не успела перехватить никого из беглецов и переловила их только в Смоленской губернии. В том же году распространились слухи о разрешении вольных поселений возле Моздока. Своеобразны случаи (1824) бегства многих крестьян из одного имения — крестьяне перехватывались и объявляли на допросе, что у них мало земли для хлебопашества, поскольку помещица теснит их, и они надеются в бегах найти, где есть свободные для поселения земли, и тем «освободиться от помещичьей власти» [44].

Сильнейшие донские волнения (1818—1820), о которых еще придется говорить ниже, отмечены яркой печатью протеста против крепостного права и возникновения новоявленного «донского дворянства» [45].

Волнения исхода XVIII — первой четверти XIX в. захватили обширную территорию и коснулись многих губерний. Если сосредоточиться непосредственно на интересующем нас десятилетии (1816—1825), на которое падает возникновение и формирование движения декабристов, то в эти годы волнения крестьян произошли не менее чем в 42 губерниях, причем во многих из них возобновлялись в разные годы. Не какие-либо местные, а именно общие условия вызывали к жизни эту картину повсеместного брожения: вспыхивали волнения и в районах с преобладанием барщины и с преобладанием оброка: с одной стороны, волновались губернии Слободско-Украинская (1816—1818, 1823, 1825), Черниговская (1816, 1818—1820, 1825), Киевская (1817, 1820, 1823, 1825), Екатеринославская (1817, 1820), Волынская (1817, 1818), Курская (1816—1818, 1822, 1824), Тамбовская (1816—1821), Орловская (1816, 1819—1821), Воронежская (1816—1822), Калужская (1816—1820, 1823), Пензенская (1817, 1819), Тульская (1818—1820), Рязанская (1816—1820), Казанская (1820, 1823), Саратовская (1818, 1822, 1823, 1825), Симбирская (1816, 1818—1821, 1824, 1825), с другой — Костромская (1816—1822, 1825), Новгородская (1816, 1817, 1818, 1823, 1825), Ярославская (1816—1821, 1825), Тверская (1817, 1818, 1820, 1822—1824), Нижегородская (1817, 1818, 1825), Псковская (1816—1819, 1823). Происходили волнения в губерниях, являвшихся средоточием промышленного развития: Московской (1816—1818, 1820, 1824), С.-Петербургской (1816—1819, 1821), Владимирской (1817, 1822—1824) и в губерниях со слабым развитием промышленности: Витебской (1816—1818, 1822, 1823), Могилевской (1820), Минской (1817, 1818, 1820, 1821, 1823, 1824), Подольской (1818—1820, 1823, 1824), Гродненской (1818, 1820), Олонецкой (1820, 1822), Астраханской (1823),

Херсонской (1818—1820, 1821, 1822, 1823). Волновались старые районы феодально-зависимого заводского труда — губернии Вятская (1816 и сл.), Оренбургская (1817, 1818), Пермская (1819, 1820, 1822, 1823, 1825). Волновалась Прибалтика, получившая в эти годы «освобождение» прусского типа, бросившее трудовое сельское население в худшую кабальную зависимость. Волнения происходили в Эстляндской (1816, 1817, 1818), Курляндской (1818, 1819) и Лифляндской (1817—1819) губерниях, причем недовольство связывалось именно с введением новых крестьянских положений; для реализации последних понадобилась даже военная сила. Происходили волнения и в только что присоединенной Белостокской области (1817) и в старой русской Смоленской губернии (1822). Один этот перечень может служить подтверждением убеждения П. И. Пестеля в том, что существовала «общая картина народного неблагоденствия».

Анализ волнений крепостных рабочих людей того времени, являвшихся предпролетариатом и еще не сложившихся в класс, также приводит к характеристике требования ликвидации крепостного угнетения как основного и ведущего лозунга. Выдаются своей интенсивностью и организованностью волнения на уральских заводах Расторгуевых (1822) и на владимирских заводах Баташовых.

Брожение в армии, которое можно связать и с ярко вспыхнувшим движением военных поселений, является едва ли не новой стороной массовой борьбы, появившейся в изучаемое время. Во всяком случае его сгущенность в интересующую нас эпоху, особенно в десятилетие движения декабристов (1816—1825), является отличительной чертой этих лет. Центральными событиями, на которых мы остановимся ниже по ходу изложения, являются тут восстание Чугуевских военных поселений (1819) и волнения Семеновского полка, вспыхнувшие в самой столице (1820). Если военные поселения восставали против невиданных форм аракчеевского угнетения, непомерного обременения принудительными работами, урезки земли и стеснения крестьянской торговли, то столичная гвардия в октябре 1820 г. выражала своим выступлением протест против тех же крепостнических форм угнетения в войсках — непомерного произвола командиров-крепостников, глумления над личностью человека, крепостнического угнетения как в армии, так и в деревне,— о солидарности с борьбой крепостного крестьянства свидетельствовали прокламации, разбрасываемые в соседних казармах в дни семеновских волнений. Последние исследования (Вл. Федорова) покончили с неправильным представлением об «одиноком» характере выступления семеновских гвардейцев: установлено не менее 20 солдатских выступлений того же времени, проходивших под сходными лозунгами. С. Чернов, исследовавший солдатские настроения интересующего нас десятилетия, выявил брожение в армейской массе, также тесно связанное с крепостническим угнетением, протестом против безудержного аракчеевского произвола, с вдохновляющим массу примером семеновцев и с волнующим воздействием западноевропейских революционных событий, в которых (особенно в испанской революции 1820 г. и в неаполитанском выступлении) столь значительную роль играла армия [46].

Конечно, в свете последующего роста массового движения значение характеризованной выше картины массового движения не должно преувеличиваться. В движение была приведена все же незначительная по численности часть трудового населения всей страны и солдатской массы. Но нет никаких сомнений в остром антифеодальном характере движения угнетенных масс первой четверти XIX в., движения, направленного против крепостного права и помещичьего землевладения. Это массовое движение было — объективно — почвой, питающей возникновение русской

сознательной революционной борьбы, как бы ни был классово ограничен ее характер на первом этапе развития, отмеченном дворянской революционностью.

На страже феодальной собственности на землю и крепостного права стояло российское самодержавие. Оно поддерживало и охраняло стареющий феодальный базис, опираясь на разветвленную и проникшую во все поры жизни систему бюрократических учреждений монархического управления и выдвигая перед собой мощные военные силы. Под одним крылом самодержавного орла привольно разместилось российское дворянство, под другим пригрелась покорная и угодливая российская буржуазия, зависевшая от его милостей. Для уничтожения крепостного строя надо было идти против твердынь самодержавия. Оно являлось сильнейшей преградой для установления соответствия между производительными силами и производственными отношениями.

5

Как же относилось российское самодержавие к обострившемуся в годы кризиса феодализма конфликту старых производственных отношений с новыми по характеру производительными силами? Какую позицию занимало оно в споре старого с новым в русском историческом процессе?

Самодержавие явилось защитником и опорой старой феодально-крепостной системы производственных отношений. Оно охраняло привилегии помещичьего класса и стояло на страже устарелых и тормозящих историческое движение вперед форм собственности и преимуществ дворянского сословия. Самодержавие было важнейшим элементом старой надстройки, охранявшей и поддерживавшей феодализм на его нисходящей стадии развития.

В годы кризиса феодальной системы самодержавие уже давно не играло той прогрессивной творческой роли, которая была ему свойственна в период создания Русского централизованного государства и позже — в эпоху петровских реформ. Изучаемое нами время глубоким и принципиальным образом отличается от всех этих давно пройденных самодержавием этапов. Если в России нисходящая стадия феодализма близилась к своему концу, то в передовых странах Западной Европы, задолго до этого вступивших в «эпоху социальной революции» (К. Маркс), с феодальной формацией уже в основном было покончено — началась эпоха капитализма. Самодержавие давно чувствовало колебания почвы под ногами. Толкуя о революционной заразе и стремясь истолковать новые явления, развивающиеся в России, или как воспроизводящие старую основу, или как «наносные» с Запада, оно вступало в годы декабристского движения в ту раннюю пору кризиса, когда ему еще представлялось возможным справиться с новыми процессами и повернуть их себе на пользу.

Стремясь сохранить равновесие и не выпустить руководство политикой из своих рук, самодержавие не могло по-своему не реагировать на новые явления, но линия на полную охрану и неприкосновенность дворянской феодальной собственности — основы старого строя — остается его ведущей линией. Ни в обширном законодательстве эпохи, насчитывающем многие сотни законодательных актов, ни в обильных проектах реформ, являвшихся отражением кризиса и прекрасным доказательством его существования, мы, конечно, не найдем признания за крестьянином права владеть землей и серьезных попыток перевести феодальную земельную собственность в плоскость собственности буржуазной. Закон 1801 г., давший право купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенную землю, был едва ли не самым решительным актом царского

правительства, не имевшим, однако, ровно ничего общего с колебанием устоев в области феодального землевладения. Конечно, этот закон пытался в крайне ограниченной сфере юридически оформить буржуазную собственность на землю, но в количественном отношении его результаты были совершенно ничтожны. Он не распространялся на крепостных крестьян, и приобретаемая ими земля попрежнему оформлялась на имя барина и юридически оставалась пополнением личной феодальной земельной собственности данного дворянина-душевладельца. Антагонизм между самостоятельным крестьянским хозяйством и помещичьей системой ни в малейшей мере не снимался и не разрешался этим законом. Вся деятельность «негласного комитета» первых лет царствования Александра I, хорошо отражавшая дворянскую реакцию на раннюю стадию кризиса феодализма, также насыщена решениями незыблемо сохранить дворянскую земельную феодальную собственность. Закон о свободных хлебопашцах 1803 г. обязывал помещика наделять крестьянина землей в том случае, если помещик сам пожелает отпустить своих крестьян на волю. Реализация этого закона (на его основе было освобождено всего около 47 тыс. крестьян — ничтожное количество по сравнению со всей огромной массой закрепощенного крестьянства) не дала значительных результатов. Однако и тут создание новой формы земельной собственности не только было всецело зависимо от соизволения владельца, но было обусловлено еще и серьезным денежным выкупом, с лихвой возмещавшим помещику понесенные потери (выкуп превосходил рыночные цены на землю). Какое бы то ни было освобождение крестьян на другой основе пресекалось правительством (так, декабристу Якушкину не удалось в 1820 г. освободить крестьян на других основаниях). Требование обязательного наделения землей при добровольном помещичьем освобождении крестьян отражало отнюдь не заботу о крестьянине, а страх правительства перед беспокойным безземельным батраком — источником всевозможных беспорядков и волнений. Реакционный манифест 1810 г., разрешавший продажу населенных государственных имений в частные руки, интересен лишь как полуприкрытый возврат к раздаче казенных земель дворянам и умножению массы помещичьего крестьянства, попадавшего в гораздо худшее положение, нежели крестьянство казенное. Одной рукой правительство приоткрывало законами 1801 и 1803 гг. едва заметную узенькую щелку для образования крохотных крапинок буржуазной земельной собственности в море собственности феодальной, а законом 1810 г. укрепляло феодальную помещичью собственность. Превалировала, разумеется, вторая тенденция, но наличие колебаний характеризовало сознание общей неустойчивости положения, противоречий надвигающегося кризиса и невозможности управлять по-старому. Законы об освобождении крестьян в Прибалтике (1816—1819) особенно отчетливо свидетельствовали о политике сохранения феодальной собственности; земля, основное средство производства, оставалась в руках помещичьего класса [47].

Сохраняя и всесторонне охраняя помещичью собственность на землю — основное средство производства в земледельческой стране, царизм охранял и теснейшим образом связанное с этой собственностью, входящее в ее органический состав крепостное право. Оно ни малейшим образом не было поколеблено ни в планах и проектах «Негласного комитета», ни в крестьянском законодательстве александровского царствования. Закон о свободных хлебопашцах 1803 г., предоставляя самую инициативу выкупа соизволению помещика, получавшего за землю дорогую плату, не колебал основного института. В «Плане государственного преобразования» М. М. Сперанского обходился вопрос о крепостном праве,— оно молчаливо сохранялось и при предполагавшемся представительном

правлении. Негласный комитет с разных сторон пытался подойти к вопросу о крепостном состоянии, но каждый раз обжигался и бросал проблему нетронутой. Проекты освобождения крестьян возникали в разных общественных кругах и некоторые даже связывались с правительственными поручениями, однако они свидетельствовали лишь о кризисе феодализма и попытках правительства сохранить устои старого строя, а не о реальных изменениях политики в пользу новых требований жизни: одной рукой подписывая законы, укреплявшие крепостное право, Александр I другой рукой перелистывал проекты освобождения крестьян П. Д. Киселева, Е. Ф. Канкрина и даже А. А. Аракчеева, с тревогой ища выхода из создающегося противоречивого положения [48].

Если закон 1807 г. и освобождал некоторые группы крестьян от приписки к заводам для исполнения подсобных работ, то одновременно он и закрепощал за заводами часть приписных крестьян. Запрещение в дальнейшем покупки крестьян к мануфактурам в 1816 г. не поколебало существовавшего до этого поссессионного владения. Если закон 1824 г. разрешал увольнение фабричных крестьян в другие звания, то он обусловливал это обязательной просьбой о том фабриканта, причем на просьбу (каждый раз особо) должно было следовать разрешение министра. Поссессионное право как институт от этого не поколебалось и, надломившись лишь в 1830—1840 гг. под напором купеческих прошений, было совсем отменено как юридическое установление только в годы крестьянской реформы [49].

Конкурентная борьба торгующего крестьянина и помещика-барщинника также вызвала вмешательство правительства,— разумеется, в пользу помещика. Обострявшееся в годы кризиса феодализма противоречие между простым товарным хозяйством крестьянина и помещичьим барщинным предпринимательством перерастало в антагонизм. Реакционное творение Канкрина — гильдейские постановления 1824 г. наносили почти смертельный удар по крестьянской торговле, идя против естественного хода экономического процесса [50].

Но кроме реакционного экономического законодательства, дававшего ясный ответ на вопрос, на чьей стороне было самодержавие в конфликте между производительными силами и производственными отношениями, кроме рассуждений в Негласном комитете и явных консервативных тенденций правительственных реформ, самодержавие поддерживало и охраняло стареющий базис ежедневной практикой применения старого законодательства, косным бюрократическим аппаратом управления. В миллионах конкретных решений бюрократии оно ежечасно соблюдало дворянские выгоды, теснило и угнетало крестьянство и непривилегированные сословия. Сотнями ежедневных решений сословных судов оно поддерживало помещичью собственность и крепостническое угнетение. Направлением работы культурных учреждений оно не допускало трудовой народ к просвещению. Весь строй государственной жизни пытался сковать новые отношения, воспрепятствовать их развитию. Жесточайшие репрессии, которые самодержавие обрушивало на массовое движение народа, освободительную идеологию и революционную борьбу, довершают общую картину. Военные усмирения крестьянских волнений — нередкий вид расправы в царствование Александра I. Кровавое усмирение донских волнений, невиданное по жестокости подавление восстаний военных поселений, проведенное лично Аракчеевым, расправа с восставшим в столице гвардейским Семеновским полком — все это характернейшие проявления аракчеевского режима, закономерно развивавшейся формы самодержавного произвола. Особыми законодательными актами царское правительство напомнило помещикам в годы движения декабристов о праве ссы-

лать крестьян в Сибирь. Аракчеевский режим был системой резкого усиления крепостнического гнета, попыткой в условиях кризиса феодализма путем грубейшего насилия укрепить крепостнический строй.

Таким образом, в конфликте старых производственных отношений с новыми производительными силами царизм, являвшийся помещичьей диктатурой, принимал все зависящие от него меры, чтобы отстоять старые, феодальные производственные отношения. В самом насущном и назревшем вопросе эпохи — необходимости ликвидации крепостного права — правительство занимало резко консервативные позиции, защищая крепостничество как основной устой старого строя. Царизм был защитником сословного строя — важнейшей формы существования феодального общества. Сокрушение сословного строя становилось насущной общественной потребностью. Не было иного выхода, как сокрушить царизм — главнейшее звено старой надстройки, поддерживавшее со всей силой своего могущества старый базис. Лозунг свержения самодержавия и замены российского абсолютизма представительным правлением также рос из глубин развивающейся русской жизни.

На борьбу с самодержавием и крепостничеством и стали собираться передовые общественные силы. Передовой лагерь русской политической борьбы, освободительной русской идеологии, несмотря на тюрьму, в которую царизм бросил Новикова и Радищева, несмотря на ссылки и репрессии последующих лет, существовал, рос и копил свои силы. В первой четверти XIX в. в России возникли и стали действовать организации революционеров-дворян — декабристов. Декабристы пошли в атаку именно на основные устои феодального строя — крепостное право и самодержавие.

Таким образом, наряду с группировкой сил реакционного лагеря, создавались предпосылки для группировки лагеря революционного. Они медленно, но верно созревали в глубине тех же дворянских усадеб, школ, лицея, университетов, которые сами, по мнению власти, должны были представлять собой вернейшие хранилища старой идеологии. Но исторические задачи созрели и вызвали появление тех сил, которые первыми взялись за их решение.

6

Вдумываясь в связь движения декабристов с общим ходом освободительной борьбы человечества в XVIII—XIX вв., мы замечаем, что оно занимает в ней свое вполне определенное место. Декабристы были борцами против крепостного права и самодержавия, они нанесли революционные удары феодальной собственности, и поэтому они не могут не входить в общий исторический процесс борьбы человечества против отживающего феодально-крепостного строя. Движение декабристов относится к периоду, когда борьба эта стремилась разрешить важнейшую, очередную историческую задачу и сосредоточивала все передовые силы человечества. Этот исторический период открывается французской буржуазной революцией 1789 г. и завершается 1870 годом — преддверием Парижской Коммуны. В. И. Ленин не раз указывал на историческое значение этой эпохи: «...эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных, в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»,— так писал В. И. Ленин в работе «Под чужим флагом» [51].

Таким образом, декабристское движение относится к периоду расцвета буржуазной революционности, к периоду, когда задачи буржуазной

революции стояли на очереди в истории человечества. Декабристы занимают свое место во всемирно-историческом процессе.

Общность основных задач обусловила широкое и благотворное воздействие на передовую Россию освободительной идеологии, выработанной народами, раньше нее вступившими на путь буржуазной революции. Большое значение имела работа русских деятелей над просветительной философией революционной Франции, над Вольтером, Руссо, Дидро, Монтескье, Даламбером. Изучение конституций Франции, Англии, США было прекрасной школой для крепнущего политического сознания. Конечно, идеи Западной Европы и Америки не являлись причиной, породившей русскую освободительную идеологию, но они ускорили ее появление и углубили работу над нею. Феодальному принуждению было противопоставлено право на свободный договор. Якобы «прирожденному» праву дворянина на эксплуатацию крестьян и «исконной» обязанности крестьянина работать на барина была противопоставлена идея о природном равенстве всех людей и необходимости уничтожения феодальных сословий. Неограниченной власти монарха — абсолютизму — была противопоставлена идея власти, принадлежащей народу. Феодальной религии и суеверию была противопоставлена идея о верховенстве человеческого разума и просвещения.

В первые десятилетия XIX в. происходило немало революционных выступлений, шедших под лозунгами буржуазной революционности. После открывшей этот период французской революции 1789 г. произошли: испанская революция 1820 г., восстания в Неаполе 1820 г. и в Пьемонте 1821 г., греческое восстание 1821 г., революция 1830 г. во Франции, бельгийская революция 1830 г., революционные восстания в некоторых германских государствах (Саксония, Бавария и др.) и итальянских государствах (Парма, Модена, Романья) и в ряде других стран. Революционное разрушение отжившего, феодального строя и установление новой системы буржуазно-демократических учреждений было в то время повсюду основной задачей революционных движений. Россия не представляла собой исключения. В ней также назрела необходимость ликвидации старого строя. Однако задачи буржуазного преобразования, ставшие перед Россией, отличались особой сложностью. Надо было сломать старый феодальный строй на территории огромнейшей страны, в условиях давнего и прочно укрепившегося крепостного права и сильного централизованного самодержавного государства, при отсутствии революционной буржуазии. В силу этого историческая задача сокрушения феодализма в России была чрезвычайно трудна и своеобразна. Но не слабое государство стонало под игом старого строя,— могучая и полная огромных возможностей страна билась в его путах. Ликвидация крепостного права и уничтожение самодержавия стали основными лозунгами времени. Восстание декабристов и явилось тем первым русским революционным восстанием, которое написало эти призывы на своих знаменах и попыталось решить важнейшие объективные задачи, выросшие в русском историческом процессе.

Глава III

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕДОВОГО ЛАГЕРЯ. РАННИЕ ПРЕДДЕКАБРИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

1

Созревавшая в историческом процессе задача ликвидации крепостничества и самодержавия вызвала к жизни антифеодальную борьбу народных масс и явилась глубокой первопричиной возникновения русского революционного движения.

К. Маркс формулировал положение о том, что человечество ставит себе только такие задачи, которые может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что самая задача возникает лишь тогда, когда «...материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1]. В годы формирования и развития декабристского движения материальные условия для решения возникшей перед ним задачи находились в процессе становления. Задача постепенно осознавалась одними как неотложная и подлежащая скорейшему разрешению, другими — как опасность, угрожающая их благополучию и требующая скорейших оградительных и предупредительных мер. В обществе были явственны признаки поляризации: передовые силы стягивались к одному лагерю, охранительные и реакционные — к другому. Сломать преграды, мешающие торжеству нового, переустроить общественную жизнь во имя его победы — вызревало решение у одних; сохранить устои старого, подавить и уничтожить новое, задержать развивающийся процесс и тем самым снять с очереди обозначившуюся задачу — к этому стремились другие.

Процесс поляризации общественных сил развивался постепенно и лишь к 1816 г. дошел до той степени зрелости, в атмосфере которой могла возникнуть первая русская революционная организация — Союз Спасения, с которой и начинается в собственном смысле этого слова движение декабристов. Выяснение ее ближайших предпосылок и обстановки, в которой она возникла, взятой в разрезе общественного движения, и является темой настоящей главы. Она посвящена, следовательно, непосредственно самому процессу формирования революционного лагеря.

Возникшее во второй половине XVIII в. общественное брожение, идеология которого пыталась осознать назревший в базисе конфликт и обеспечить победу нового, было объективно связано с антифеодальной борьбой закрепощенных масс, оно не могло бы возникнуть без этой борьбы. Но зародившись в силу исторических условий России преимущественно в дворянской, а не крестьянской или буржуазной среде, оно стягивало к себе передовых сторонников из дворянского сословия, отягощенных

классовой помещичьей ограниченностью, которая не давала возможности ни до конца осознать конфликт, ни предложить исчерпывающие и радикальные меры к его разрешению. Подобные меры были бы в то время исторически невозможны. Однако поистине изумительно это возникшее в истории России сознательное и насыщенное высоким патриотизмом движение передового дворянства, понявшего необходимость нанести революционный удар тому самому строю, который обеспечивал ему положение главенствующего в политической жизни сословия, давал возможность неограниченной эксплуатации крестьян, создавал условия для обеспеченной и привилегированной барской жизни.

Принадлежа в большинстве к поколению, родившемуся на рубеже XVIII и XIX вв., декабристы наблюдали сложную и полную социальных противоречий русскую действительность. Нужно отметить большую широту их жизненных впечатлений. Сами они никогда не были удовлетворены своим кругозором, им постоянно хотелось еще учиться, еще глубже познать все их окружающее, делать новые наблюдения, всесторонне знать свою родину. Но исследователь должен отметить богатство их осведомленности.

Представляя себе географическую карту основной оседлости декабристов и пути их последующих передвижений, поистине удивляешься, какую широкую территорию охватили они своими наблюдениями. Они действительно многое знали о своей стране; впечатлениями и сведениями они делились друг с другом, находясь в постоянном взаимном общении.

В движении декабристов представлено дворянство самых различных мест. Тут перед нами и жители Петербургской губернии в лице К. Ф. Рылеева, Бестужевых, Артамона Муравьева, Булгари и Аврамова и если не постоянные, то весьма частые посетители Петербурга, имеющие давнюю оседлость в северной столице,— Никита Муравьев, Свистунов, Пущин, Бригген. Сверх постоянных жителей Петербурга через него во время пребывания в гвардии в сущности прошли все декабристы. Но есть среди них и большое гнездо коренных москвичей, владельцев подмосковных имений: семьи Фонвизиных, Муравьевых (в их числе того же Никиты Муравьева), Мухановых, Нарышкиных, Оболенских, Норовых, Бестужевых-Рюминых, Загорецких, Шаховских, Поливановых, Голицыных, Анненковых, Барятинских, Акуловых, Кожевниковых, Толстых, Сутгофа, Вольфа, Штейнгеля. Богато представлен центр России — редкая губерния не дала своего обитателя в движение декабристов. С Калужской губернией тесно связаны Шаховской и Панов, с Тульской — Бобрищевы-Пушкины, Киреев, Бодиско, Лихарев, Аврамов, Чижов и Черкасов, с Рязанской — Муравьевы-Апостолы (через имения мачехи), с Владимирской — Кривцов, Митьков, Одоевский, Басаргин, Спиридов и опять-таки Мухановы и Панов; с Тверской — Мусин-Пушкин, со Смоленской — Пестель, Якушкин, Каховский, Кюхельбекер, Повало-Швейковский и столь близкий декабристам А. С. Грибоедов. Декабрист Тютчев — родом из Брянска, с Орловской губернией связан также Бодиско, с Тамбовской — Лунин, Черкасов, Вадковский и Веденяпины, с Пензенской — Беляевы, Анненков, Тучков, Горсткин, Громнитский, Панов, с Курской — Заикин и Краснокутский. Псковская губерния представлена Шаховским, Кожевниковым, Коновницыным, Назимовым,— добавим к этому ряду и А. С. Пушкина: друг декабристов и «друг человечества», как назвал он себя в «Деревне», Пушкин написал свое знаменитое стихотворное разоблачение крепостного права в 1819 г. именно на материале непосредственных впечатлений Псковской губернии. О Новгородской губернии много должны были знать жившие там Артамон Муравьев, Анненков, Андреев и тот же Бестужев-Рюмин. Богато было представлено знакомство с Поволжьем: в Ярославской губернии

жили семьи декабристов Голицына и Акулова (в «знаменитом» Пошехонье!), в Костромской губернии бывали Фонвизины, в Нижегородской — Шаховские и Крюковы, с Казанью связаны Вишневский, Дивов и Завалишин, с Симбирской губернией — Ивашев и Николай Тургенев, с Саратовской — отчасти Батеньков. Декабрист Фок живал в Вятской и Оренбургской губерниях. Сибирь была представлена Батеньковым, где в Тобольске осела его близкая родня. Сибирь по многочисленным рассказам знал, конечно, и сын сибирского генерал-губернатора Павел Пестель, а через него и широкий круг членов Южного общества, в течение чуть ли не пяти лет оживленно беседовавший с Пестелем на общественные темы. Правда, по должности своей отец жил в столице, но широкий поток информации о положении Сибири лился именно через его столичную канцелярию. Родом из Прибалтики был декабрист Розен (Лифляндия), из Белоруссии — Корнилович (Могилевская губ.), Пущин и Лаппа (Минская губ.), Витебск был местом жительства семьи декабриста Горбачевского, область войска Донского представлена Сухоруковым.

Богато была представлена Украина. С нею связаны родовые гнезда Муравьевых-Апостолов (Полтавская губ.), Давыдовых и Поджио (Киевская губ.); с Полтавской губернией связаны также Якубович, Шимков, Андреевич, Краснокутский, Бечаснов и Лисовский, с Черниговской — Мозгалевский, со Слободско-Украинской — братья Борисовы. Подольская губерния представлена Юшневским, Тизенгаузеном, Выгодовским; Люблинский жил в Новоград-Волынске. Иванов — житель Житомира, Булгари — Харькова. Представлено и Причерноморье с Крымом: с Херсонской губернией связаны Лорер и Пестов, с Феодосией — Мозган, с Керчью — Фролов, а в Одессе по службе в южной армии перебывало множество декабристов; появились тут и «северяне»—Никита Муравьев и Лунин. В Крыму побывали Никита Муравьев, Лунин, Оржицкий, А. С. Грибоедов, близкие декабристам А. С. Пушкин, Раевские и ряд других.

Этот длинный перечень далеко не исчерпывает источников знакомства декабристов со своей страной. Многие декабристские фамилии были по своим имениям связаны одновременно со многими районами страны; таковы были семьи богатых декабристов — Муравьевых (семья Никиты Муравьева), Трубецких, Волконских, Чернышевых, Норовых.

При своих служебных передвижениях внутри страны декабристы скопили много наблюдений над литовскими губерниями во время пребывания там гвардии на длительных маневрах, над Бессарабией, где в Кишиневе долгое время находились Михаил Орлов, Владимир Раевский, Охотников и ссыльный А. С. Пушкин. Добавим к этому длительные экспедиции Вольховского в прикаспийские степи и далее — в Хиву и Бухару, в то время еще не входившие в границы Российской империи. Много декабристских имен связано с Кавказом. Тут до восстания побывали Каховский, Якубович, Грибоедов, Вильгельм Кюхельбекер, Авенариус, Устимович и др. Декабрист Гангеблов (Гангеблидзе) — грузин по национальности. В ермоловском корпусе побывали основатели Славянского общества братья Борисовы.

«Географически» вся Россия была представлена в декабристском движении. Сведения о родине были у декабристов многочисленны, разнообразны, шли с разных сторон, освещали разные вопросы ее сложной жизни. Конечно, это была осведомленность революционеров-дворян, т. е. классово-ограниченная осведомленность. Она не отражала и не могла отразить в силу ограниченности философского и социально-политического мировоззрения всей глубины реальной действительности и особенностей ее развития. Однако наблюдения декабристов все же отметили основное противоречие эпохи — антагонизм помещика и крестьянина, самодержавия и

рвущихся к «свободной жизни» (слова А. С. Грибоедова) русских общественных сил.

Россия была в центре слагающегося мировоззрения декабристов.

Движение декабристов выросло на русской почве, уходило в нее глубокими корнями.

Но декабристы не были первыми носителями новой идеологии,— путь им расчистило не менее двух поколений идейных борцов за новый строй жизни, первым из которых было поколение А. Н. Радищева.

2

Применяя образное выражение А. И. Герцена, можно сказать, что «великая весна девяностых годов» XVIII в. и была первым — подготовительным — этапом формирования русского революционного лагеря[2]. В этот период он еще не созрел до возможности открытого организованного выступления, но завоевал высокое развитие революционной идеологии и предпринял первые попытки организации общественных сил для целей политической борьбы. Декабристы были уже третьим поколением, продолжавшим борьбу на более высокой ее ступени.

Последние исследования советских ученых опровергли легенду об одиночестве А. Н. Радищева. Он вырастал в обстановке нисходящего феодализма и подымающегося капитализма, накануне кризиса старой формации. Он сам со своей постепенно развившейся революционной идеологией был симптомом возникающего кризиса. Он сложился в живой человеческой среде, найдя первых единомышленников уже в том юношеском коллективе, в котором пробудились начальные формы его освободительного мировоззрения (Ф. Ушаков, П. Челищев, Янов). Далее, многообразный опыт знакомства с русской жизнью — от глуши провинциального имения до пышного двора Екатерины — дал ему богатейший материал для субъективного осознания выросшего в русской действительности конфликта и порожденной им задачи преобразования строя. Восстание Пугачева было сильнейшим элементом этой реальности, предметом глубокого осмысления. Правильное представление о ходе вещей углублялось и расширялось потрясшей всю Европу французской революцией. Гельвеций, Мабли, Вольтер и Монтескье могущественно помогали пониманию действительности и ускоряли созревание революционного миропонимания.

Ничего не родилось и не могло родиться только от французских книг в этой «огромной обстановке», но книги были ускорителями процесса и несли свет в понимание действительности. Во второй половине века дифференциация двух лагерей возникает и быстро углубляется на глазах почти что одного поколения. Отношение к устоям системы — пробный камень для определения того, на чьей стороне деятель. Отношение к феодальной собственности на землю, к органически связанной с нею феодальной эксплуатации непосредственного производителя, т. е. к крепостному праву, отношение к сословному строю и политической надстройке системы — самодержавию — определяет место деятеля в том или ином лагере. Однако время еще раннее, революционное движение не возникло, а лишь возникает, прогрессивный лагерь — в незавершенном процессе оформления. Поэтому надо следить за постепенным вызреванием сил, наносящих удары устоям. Вместе с тем надо понимать, что собирающий свои силы противоположный лагерь отнюдь не стоит на месте и не является неподвижной общественной массой, прикипевшей к якобы незыблемому феодальному массиву (такое понимание встречается в литературе). Нет, в идейном потоке, охраняющем старое и идущем в бой с подлинной преобразовательной идеологией, происходят существенные перемены, вы-

званные учетом изменившейся действительности. Учет этот виден из многочисленных проектов, предлагавших мелкие переделки в институте крепостного права. Такими проектами особо богата вторая половина XVIII в. По мере усиления конфликта производственных отношений с новыми производительными силами увеличивается и число разнообразных предложений, в которых современники — главным образом дворяне, т. е. лица, прямым образом заинтересованные в исходе вопроса,— в той или иной степени сознавали этот конфликт и боролись с ним. Немалое количество предложений исходило из консервативного лагеря, порождалось охранительным мировоззрением. Крепостное право казалось авторам предложений незыблемой основой, подлежащей лишь незначительному видоизменению, мелким поправкам. Предлагалось запрещение торговли рекрутами, ограничение права наказания крестьян помещиками, лишение помещиков права ссылать крепостных в Сибирь, разрешение крестьянам жениться по собственному желанию, право крестьянам жаловаться на помещиков, запрещение продавать крестьян в одиночку и рекомендация продажи лишь целыми семьями (П. Панин, Я. Сиверс, Д. Голицын). Не колебали института крепостничества и предложения примерно определить повинности крестьян (П. Панин) или признать за крестьянами право собственности на личное движимое имущество. Интересующий нас конфликт властно ворвался и в екатерининские законодательные комиссии 1767 г., где громко прозвучал «крестьянский вопрос», но подавляющее большинство голосов стоявшего у власти дворянства высказалось за сохранение крепостничества неприкосновенным. Самодержавие мобилизовало всю свою силу для охраны стареющего института, в том же десятилетии потрясенного движением Пугачева. Голоса Я. Козельского и Г. Коробьина, депутатов Уложенной комиссии 1767 г., высказавшихся за право крестьянина на получение в собственность помещичьей надельной земли и за определение законом крестьянских повинностей, уже звучали за гранью охранительного потока, тяготели к иному лагерю: их предложения затрагивали феодальное землевладение — основу старого строя. И ранее встречались сторонники наделения крестьян земельной собственностью в потомственное пользование, но это наделение ставилось в зависимость от соизволения помещиков (И. Елагин) или принимало форму наследственной аренды земли с определением оброка (Гр. Орлов). Все эти проекты не колебали устоев. Но такие предложения, как мнение Г. Коробьина и Я. Козельского, действительно размежевывали дворянство на противостоящие группы, чего нельзя сказать о мелких «улучшениях» отдельных деталей, не колебавших института в целом.

Профессор Московского университета С. Е. Десницкий, обращаясь к комиссии по составлению нового уложения, также принадлежал к другому лагерю: требуя для крестьян права владения землей и движимой собственностью, а также строгого ограничения повинностей, он наносил удар основе строя — феодальному дворянскому землевладению. В том же 1767 г. А. Я. Поленов, подавая решение конкурсной задачи Вольного экономического общества, требовал крестьянского наследственного владения землей, ограничения работы на барина одним днем в неделю и резкого снижения крестьянских податей и налогов. Отношение к феодальной собственности на землю во всех этих случаях решает вопрос о принадлежности деятеля к противостоящему потоку. Однако один удар по помещичьей земельной собственности еще не был решением задачи: к нему нужно было присоединить удар по политической надстройке, венчавшей всю систему,— по самодержавию. А. Н. Радищев — «рабства враг», противник самодержавия — и явился носителем революционной идеологии. Рядом с ним мы видим единомышленников, разделяющих его убеждения.

Процесс дифференциации двух рождающихся лагерей сложен и требует особенно внимательного подхода. Сохраняя основным критерием их размежевания колебание устоев строя, мы совершили бы ошибку, если бы отнесли к лагерю сторонников нового только тех, чье мировоззрение колеблет сразу все устои строя и уже содержит в себе революционное понимание дальнейшего пути. Такое мировоззрение лишь рождается. Критерий, содержащий совокупность всех этих черт, законен лишь для последующих этапов более зрелого развития. Тот, кто наносит удар по устоям старого строя с той или иной стороны, но именно удар по устоям — феодальному землевладению, крепостному праву, самодержавию, тот тем самым выводится за грани охранительного потока и включается в широкое русло противостоящего ему движения. Ни княгиня Е. Р. Дашкова, ни Н. И. Панин никак не выйдут из рамок охраняющего устои лагеря,— их политические проекты, несмотря на мелкие ограничения крепостничества, не колеблют основного института, не тревожат феодального землевладения; отдавая всю власть в государстве дворянскому сословию, помещичьему классу и тем якобы «ограничивая» самодержавие, они на деле оставляют и надстройку в полной власти феодалов-эксплуататоров. Но С. Е. Десницкий, подающий в 60-х годах XVIII в. конституционный проект ограничения самодержавия, Н. Колычев, заточенный Екатериной II в монастырь без права писать и даже иметь перо и чернила за проект государственного преобразования,— оба в разных формах наносили удар по устоям строя [3].

Н. И. Новиков, выступивший в 60-х годах XVIII в., не был субъективно сторонником революции и не являлся автором конституционных проектов об ограничении самодержавия. Но он был страстным и последовательным критиком всех сторон обветшалой основы политической надстройки — сословного строя, обличителем крепостного права, дворянского паразитизма и антинационального существа дворянства. Он сознательно противопоставил ему третье сословие. Следовательно, он — объективно — наносил удар системе феодальной эксплуатации и сословности. Весь объективный смысл сатирической и книгоиздательской деятельности великого просветителя готовил широкие круги читателей к расшатыванию крепостнических устоев,— вклад Н. И. Новикова в это дело чрезвычайно велик. Надо особо вдуматься в критерий оценки деятельности писателя — создателя художественного образа. Было бы ошибкой определять его местонахождение в том или другом лагере на основе изучения только осознанного писателем политического мировоззрения. Основной критерий размежевания на два лагеря тут применяется иначе. Прежде всего должно быть проанализировано объективное значение художественного произведения, его реальная историческая функция в общественном процессе. Она может совпадать, а может и не совпадать с политическим самосознанием автора, но решающее значение имеет именно она. Нельзя сомневаться в прогрессивном вкладе Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, Я. Б. Княжнина и В. В. Капниста в дело разрешения назревшей исторической задачи. Деятельность этих крупнейших русских писателей должна быть оценена по объективному значению их произведений, а не по тому, осознали они или нет классовую сущность самодержавия. Они и не могли еще осознать ее — это давалось не сразу. Самый характер их деятельности требует особого подхода. Объективно они, несомненно, находятся в русле противостоящего «охранителям» потока. Можно и должно проводить необходимую грань между вершиной освободительной идеологии, представленной творчеством А. Н. Радищева, и вольнолюбивыми писателями-просветителями вроде Я. Б. Княжнина или В. В. Капниста, но эти отличия законно остаются внутренними особенностями в рамках антифеодального

лагеря, где, разумеется, не все были равны по объективному значению, по радикальности позиции и по величине вклада в освободительную борьбу. Но стоит стать на точку зрения, что между революционером Радищевым и Я. Б. Княжниным — смелым борцом против тирании самодержавия «нет ничего общего» [4],— и у нас разрушится понимание возникновения двух противостоящих лагерей, созревающих для последующей открытой революционной борьбы. Общая картина идейной жизни страны, вступающей в период развития революционного движения, находящейся в преддверии кризиса феодальной формации, сейчас же рассыплется на множество разнообразных мелких струй и небольших узко характеризованных индивидуальных по облику течений. Возникает вопрос о трех, четырех и более «лагерях», т. е. затемнится процесс основной дифференциации течений на два противостоящие стана, столь важный особенно для ранней эпохи, содержащей лишь предпосылки возникновения русского революционного движения, первым этапом которого являются декабристы. Обратным ходом в понимание литературного процесса пробьется теория «единого потока», который окажется состоящим из большого количества разноречивых индивидуальных струй. Не отдавать же Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста и Я. Б. Княжнина старому лагерю только за отсутствие сознательной революционной идеологии. Это значило бы неосновательно отказываться от большого богатства, но, главное, погрешить против исторической истины. Но кто же скажет, что «Недоросль», «Бригадир», «Вадим» или «Ябеда» агитировали за классовую гегемонию дворянства, за произвол помещиков и самовластие царей только потому, что Фонвизин или Капнист не владели полным антифеодальным мировоззрением? Нет, эти произведения органически принадлежат лагерю борьбы за новое, хотя и существенно отличаются от такой его вершины, как творчество А. Н. Радищева.

А. Н. Радищев охватывает своим революционным мировоззрением всю совокупность основ строя. Он наносит удар по феодальной собственности на землю,— она несправедлива и подлежит уничтожению. Кто «к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?». Тот, кто ниву обработать может, тот имеет на владение ею право. Земля должна принадлежать тому, кто трудится на ней. Решительный противник крепостного права, Радищев — представитель радикальной антифеодальной идеологии, разрушающей феодальные производственные отношения. Революционный противник самодержавия — он сторонник уничтожения и могущественной надстройки старого строя. Он признает право народа на восстание и в народе видит движущую силу истории.

Заметим, что декабристы никогда не отрицали права народа на борьбу, хотя и боялись последней,— одно не противоречит другому. Беря на себя сознательную роль революционных преобразователей, они ошибочно полагали, что сами сумеют дать народу и без всенародного восстания тот строй, который явится для него благом. Они считали, что их революционное выступление будет в силу этого окружено сочувствием народных масс и удовлетворит нужды народа. Слова декабриста П. Г. Каховского — «народ, для которого мы восстали»,— полны глубокого объективного содержания. «Источник верховной власти есть народ»,— утверждали декабристские конституции. «А что силой отнято, силой выручим мы то»,— пелось в песне, сочиненной декабристами для народа. Тактический план декабристов, как и их программные установки, свидетельствует об их классовой ограниченности, но тем не менее носит революционный характер. Создав революционную организацию, разработав ее идеологию и выступив с первым в истории России революционным восстанием, декабристы положили начало русскому революционному движе-

нию, т. е. соединили освободительную идеологию с организованными общественными действиями, имеющими целью реализацию продуманной революционной программы, объективно — направленной на пользу народа. Именно это возносит их на следующую ступень развития. Поэтому антиисторичны и не выдерживают критики попытки рассмотреть декабристов как шаг назад от Радищева, а Радищева генетически связать лишь с Н. Г. Чернышевским [5].

Но приведенные выше данные не исчерпывают состава формирующегося передового лагеря. В исследованиях последнего времени справедливо подчеркивается радикально-демократическая позиция молодого И. А. Крылова и его борьба с правительственной идеологией и непосредственно с Екатериной II в сатирическом журнале «Почта духов», издававшемся в революционный 1789 год, и в «Зрителе». Деятельность Крылова была подорвана в 1792 г. правительственным обыском почти одновременно с преследованием Радищева и Новикова. Связь молодого Крылова с выдающимся вольтерианцем И. Г. Рахманиновым несомненна, имеются основания предполагать и личное знакомство его с А. Н. Радищевым. Наряду с молодым И. А. Крыловым надо упомянуть его друга — «величайшего безбожника» писателя А. Н. Клушина. Мелкий чиновник Гавриил Попов, схваченный Тайной экспедицией в 1792 г. и заточенный в монастырь, был сторонником естественного равенства людей и выводил отсюда требование немедленного освобождения крестьян. Он рассылал в правительственные инстанции и на имя царицы письменные требования ликвидации крепостного права. В 1793 г. Тайная экспедиция расследовала также дело разночинцев И. К. Стрелецкого и И. Н. Буйди, авторов рукописи «возмутительного содержания», полной тираноборческих мыслей, протеста против «величайшей неприятельницы» — Екатерины II и сочувствия французской революции. «Лучше умереть, нежели видеть погибшею вольность отечества»,— писали молодые свободолюбцы. Не молчала и Сибирь. Тайная экспедиция захватила в 1794 г. в Тобольске учителя семинарии П. А. Словцова (позже известного историка Сибири),— его арестовали за проповеди, полные горячих призывов к борьбе против неравенства людей и разоблачения паразитических нравов дворянского общества. К ученикам А. Н. Радищева надо отнести и майора В. В. Пассека, схваченного Тайной экспедицией в 1794 г. Сочинитель вольнолюбивых стихов, призывавший к сокрушению самодержавия и истреблению царского рода, молодой офицер гордо держался на допросах. У него нашли целых две копии «Путешествия из Петербурга в Москву», а собственные его стихотворения восходят к «Вольности» А. Н. Радищева как к высокому образцу. Случайно избежав печальной участи при первом аресте, он был арестован вторично в 1796 г. за распространение запрещенной литературы и по поводу подозрения в заговоре против Павла I. Вернула его амнистия при вступлении на престол нового императора, который не замедлил в третий раз арестовать его за противоправительственную переписку и сослать в Сибирь, где он провел более двадцати лет. Его сын был другом молодого А. И. Герцена [6]. Семья Пассеков связана с декабристами.

Но «великая весна девяностых годов» XVIII в. была отмечена и первичными попытками создания организаций,— это ее замечательная черта, вносящая ясность в важную сторону предпосылок декабризма. Общество Ф. В. Кречетова (1785), далеко не носившее легального характера, едва ли не предваряет эти попытки. Дважды арестованный — до и после процесса А. Н. Радищева, Кречетов обвинялся в желании «возвратить права народу» и «устроить в России вольность»; выдвигались обвинения и в республиканском образе мыслей. Общество друзей словесных наук,

сложившееся около редакции журнала «Беседующий гражданин» в атмосфере революционного 1789 г. и запрещенное в следующем же 1790 г., также носило полулегальный характер. Широкий размах пресеченной правительством издательской деятельности убежденного вольтерианца И. Г. Рахманинова (связанного с упомянутым обществом) трудно представить себе как действие одиночки (под полом его дома были скрыты и погибли значительные количества запрещенных изданий[7]). Несомненна связь И. Г. Рахманинова (репрессированного в 1793 г.) с молодыми И. А. Крыловым и Клушиным, с Обществом друзей словесных наук и редакцией журнала «Беседующий гражданин». По приказу Екатерины издания Рахманинова были конфискованы.

Но особенно замечателен в предистории декабризма смоленский офицерский кружок офицера суворовского штаба Александра Каховского и будущего «проконсула Кавказа» Алексея Ермолова (братья по матери). Кружок являлся конспиративной и довольно многочисленной организацией (по некоторым данным, насчитывал несколько десятков участников), существовавшей во второй половине 90-х годов (Т. Г. Снытко относит его расцвет к 1797 г.). Кружок был охвачен патриотическими настроениями и глубоко обеспокоен судьбами России, политическое преобразование которой считал очередным вопросом. В нем были сильны республиканские симпатии. Участники организации разрабатывали планы цареубийства и, повидимому, готовились к открытому выступлению. Просветительная философия предреволюционной Франции не просто была знакома, но изучалась членами кружка. Гольбах, Монтескье и Гельвеций были в числе предпочитаемых авторов. Трудно предположить, чтобы при этом живом интересе к освободительной идеологии члены кружка, разгромленного через восемь лет после процесса Радищева, не знали бы произведений последнего. Это тем более неправдоподобно, что особый интерес ко всему русскому, применение русского языка в общении и переписке с товарищами, возмущение иностранцами, втершимися в управление Россией,— стойкая характерная черта воззрений его членов, сохранившаяся и в более позднее время. Заметим к этому, что в смоленском гнезде Каховских находился буквально центр научного характера. Судя по описям утраченного в 1812 г. имущества, в имении были богатейшая библиотека и кабинет, богато оснащенный современными физическими и химическими приборами, настоящая научная лаборатория. Все это подверглось военному разгрому в 1812 г. Материалы, имеющиеся в архиве Ермолова, в том числе замечательная тетрадь вольнолюбивых стихов (исключительно на русском языке), характерны для его юношеского мировоззрения и свидетельствуют, что замыслы кружка опирались на богатую идейную основу. В идеологии кружка были ярко выражены требование равенства граждан, протест против сословного строя и резко антицерковное, пожалуй, даже атеистическое мировоззрение. Правда, при всем этом остается неясным отношение к крепостному праву, хотя идеи всеобщего равенства дают основание предположить антикрепостническое направление. Значительна агитационная деятельность кружка, распространявшего антиправительственные стихи и изречения. Агитация захватывала и солдат, перед которыми в сатирическом виде изображался сам император. Кружок, очевидно, возник еще в конце царствования Екатерины II. Замечательно, что планы политического выступления связывались тут, как и у декабристов, с переменой царей на престоле: об Александре Каховском доносили, что он имел «план к перемене правления» еще в момент вступления на престол Павла I и даже пытался склонить к этому Суворова. По показанию капитана В. С. Кряжева, Суворов подпрыгнул, перекрестил рот А. Каховского и сказал: «Молчи, молчи, не могу. Кровь сограждан!». Участники

заговора и позже думали опереться на военные силы. А. П. Ермолов был дважды арестован по связям со смоленским делом — в ноябре 1797 г. и в конце декабря 1798 г.; в январе 1799 г. был отправлен в ссылку (в Кострому), из которой его освободила смерть Павла I. Лишенный чинов и дворянства полковник А. Каховский был заточен в Динамюндскую крепость, прочие участники брошены в другие тюрьмы, более десяти членов сосланы на вечное поселение, остальные подвергнуты различным карам [8].

Описанная обстановка была идейной атмосферой эпохи, предшествовавшей возникновению декабризма. Одного ее существования было бы достаточно для понимания ближайших предпосылок декабристского движения. Но это положение дополнительно усиливается прямыми и непосредственными связями декабристов с деятелями этого первого круга русской освободительной идеологии. Отец декабриста Николая Тургенева Иван Петрович Тургенев тесно связан с Н. И. Новиковым (член новиковского Дружеского ученого общества), в частности близок и с другом последнего Гамалеей; сын-декабрист читает переписку отца с последним, слышит, очевидно, немало окружавших его отрочество и юность разговоров и живых воспоминаний об этих людях. В 17-летнем возрасте он уже знаком с запрещенной книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», анализирует в своем дневнике ее лучшие страницы. Круг А. Н. Радищева непосредственно связан с семьей Челищевых, давших во втором поколении своих представителей в движение декабристов. Друг А. Н. Радищева, П. Челищев — автор замечательного «Путешествия по Северу России», содержащего противоправительственные идеи [9]. Декабрист М. Н. Новиков, принявший в тайное общество П. И. Пестеля,— племянник знаменитого просветителя (сын Николая Васильевича Новикова, двоюродного брата писателя). Декабристы Михаил и Иван Фонвизины — племянники знаменитого автора «Недоросля» (сыновья подполковника Александра Ивановича Фонвизина — родного брата писателя). Отец декабриста П. Г. Каховского, майор Григорий Алексеевич Каховский (участник кружка А. Каховского — А. Ермолова), за связь с организацией уволен из армии. Надо думать, что семейные связи с «проконсулом Кавказа» (братом А. Каховского по матери) сохраняются и далее, так как декабрист П. Г. Каховский, разжалованный за вольнодумство в рядовые, попадает на некоторое время в «теплую Сибирь» к Ермолову. Вся семья декабристов Бестужевых, несомненно, хорошо знает И. Пнина, издававшего вместе с отцом Бестужевых Александром Федосеевичем «Санктпетербургский журнал», проникнутый освободительными идеями. Общение отца с выдающимися людьми времени и литературная его работа протекали на глазах сыновей. Декабрист Александр Бестужев после вспоминал: «Отец мой был редкой нравственности, доброты безграничной и веселого нрава. Все лучшие художники и сочинители тогдашнего времени были его приятелями: я ребенком с благоговением терся между ними» [10]. Автор знаменитой «Ябеды» В. В. Капнист умер на руках декабриста Сергея Муравьева-Апостола, друга его семьи [11]. Теснейшим образом связан с семьей Капнистов и декабрист Н. И. Лорер [12]. Декабрист Юшневский связан с Н. Гнедичем[13], его товарищем по пансиону Московского университета, близким приятелем и в зрелые годы. Общеизвестны оживленные и многочисленные связи декабристов с А. П. Ермоловым (П. Г. Каховский, В. С. Норов, П. Х. Граббе, В. К. Кюхельбекер, А. С. Грибоедов и др.) [14]. Все эти дружеские и родственные связи не только хранили богатство живых преданий и непосредственной осведомленности в судьбе и деятельности предшествующего свободолюбивого поколения, но создавали дополнительные каналы для передачи запретных книг и рукописей и дальнейшего их распространения в товарищеской среде.

Запретность основного сочинения А. Н. Радищева хорошо была известна декабристам. Одно дело было сознаться на допросе в чтении Монтескье, Беккариа, Гельвеция и даже Вольтера — все это были писатели, до недавнего времени отчасти разрешенные царской цензурой или вообще не подвергавшиеся официальному запрету, даже частично изданные не без содействия правительства в эпоху «дней александровых прекрасного начала». Но на «Путешествии из Петербурга в Москву» с 1790 г., т. е. с года выхода его в свет, лежал тяжелый правительственный запрет, и сознаться в его чтении значило отягощать вину и рисковать вопросом, от кого получена книга. Это особенно ясно сказалось на допросе декабриста В. Кюхельбекера: отвечая на анкету «о воспитании», содержащую традиционный вопрос — с которого времени и откуда заимствовал допрашиваемый «свободный образ мыслей» и не произошел ли последний «от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно», В. Кюхельбекер предпочел ни слова не сказать о запретной литературе, которой был столь богат воспитавший его лицей. И лишь по совсем другому поводу, на другом допросе, отвечая на вопрос: «какие причины побудили вас вступить в тайное общество и какое вы дали обещание на счет содействия намерениям оного?», он обвинил потаенную «рукописную словесность» и обмолвился в подстрочном примечании, что читал и Княжнина и Радищева, не преминув в угоду следствию очернить как того, так и другого: «Трагедия Княжнина Вадим, величайшая нелепица, которую я когда-нибудь читал, или Путешествие Радищева, в котором я мало что понял»[15]. Наивная ложь арестованного не нуждается в опровержении (как было не понять Радищева!), но говорит о сознании «государственным преступником» опасности даваемого показания и стремлении заранее его обезвредить. Ясно, кроме того, что «Путешествие» Радищева читалось лицеистами в рукописи, — печатный экземпляр был большой редкостью. Однако редкие печатные экземпляры запретных сочинений также побывали в руках декабристов. Вл. Штейнгель показывает: «Я читал Княжнина Вадима, даже печатный экземпляр, Радищева Поездку в Москву, сочинения Фонвизина, Вольтера, Руссо, Гельвеция...». Петр Бестужев, один из младших декабристов бестужевской семьи, заявил, что свободные мысли зародились в нем вследствие чтения разных рукописей, в числе которых упомянуто «Путешествие» Радищева и «О необходимости законов» Д. И. Фонвизина. Нет сомнений, что подобные признания могли бы быть повторены подавляющим числом декабристов. «Великая весна девяностых годов» напитала их передовыми идеями, оставив им живое, сразу воспринятое наследство[16].

Недостаточная изученность этой «великой весны» не дает возможности представить себе картину формирующегося в преддекабристскую эпоху антифеодального лагеря во всей ее полноте. Дальнейшие исследования, очевидно, внесут в эту картину много нового. Но и то, что раскрыли советские исследователи за последнее время, говорит о наличии сильного общественного брожения и огромной идейной работы. Лагерь антифеодальной борьбы формировался все интенсивнее, а развитие революционной идеологии свидетельствовало о начале кризиса всей системы.

Своеобразным соединительным звеном двух веков является принадлежавший к уже характеризованному молодому кругу вольнолюбивого офицерства знаменитый поэт-партизан Денис Давыдов, герой грядущего 1812 года, имя которого, по его собственному выражению, во всех войнах «торчит, как казацкая пика». Двоюродный брат А. Ермолова, он в курсе многих тайн политического брожения павловского времени и «дней александровых прекрасного начала». Его вольнолюбивые басни — «возмутительные» по духу с точки зрения правительства — явились агитационными документами политического брожения: басня «Орлица, турухтан и тете-

рев» носила антицаристский характер и советовала «не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов». «Голова и ноги», «Река и зеркало», возникнув в 1803 г., долго несли в русской литературе и общественном движении службу агитационных противоправительственных памятников большого таланта,— декабристы формировались под их воздействием. Служебные гонения, которым подвергался этот выдающийся военный деятель, воспитанный на традициях Суворова,— несомненный результат его антиправительственной пропаганды.

Деятельность поэтов-радищевцев в исходе XVIII и в первые годы XIX в. занимает в нарисованной картине свое определенное место. Плеяда «радищевцев» — Пнин, Борн, Попугаев (причислим к ним и В. Пассека) — почти сверстники участников кружка А. Каховского — А. Ермолова (последний годом старше Пнина) и всего на десяток с небольшим лет старше первого поколения декабристов — Михаила и Ивана Фонвизиных, Вл. Штейнгеля, Федора Глинки, Николая Тургенева. Выступления поэтов-радищевцев падают на ту эпоху, когда уже начинает формироваться мировоззрение старших декабристов.

Таким образом, представление, что в косной и неподвижной феодально-крепостной России внезапно выступили — первыми после одиночки-Радищева — дворянские революционеры-декабристы, надо оставить как совершенно несостоятельное. Декабристы выступили в родной стране, уже пришедшей в движение, подготовленные «великой весной» 90-х годов XVIII в., поднятые могучей русской освободительной идеологией — тем исторически значительнее их появление. Корни движения декабристов, уходящие в русскую почву, представляются теперь еще более крепкими и глубокими, а соки, их питающие, поднимаются к этим корням из широких просторов России. Декабристов вызвала к жизни не только объективная задача, созревшая в базисе, но и подготовила русская идейная жизнь предшествующих поколений.

3

Первое десятилетие нового XIX в. является своеобразным этапом в истории дальнейшего формирования двух общественных лагерей после «великой весны» 90-х годов минувшего столетия. Высокий взлет передовой идеологии вызвал невиданно тяжелую волну правительственных репрессий. В Петропавловской крепости оказались Радищев и Новиков. Тюрьма, допросы, заточения в казематы и монастыри, тяжкие палаческие расправы, кнутобойство Шешковского сделали свое дело. Чего не доделала Екатерина II — довершил Павел I. Ф. Кречетов был брошен в Шлиссельбургскую крепость, Т. Попов заточен в острог, Словцов — в монастырь, В. Пассек — в крепость, оттуда сослан в Сибирь, «Княжнин умер под розгами» (А. Пушкин). Кружок Каховского — Ермолова был разгромлен, участники разметаны по ссылкам и тюрьмам. Журнальная деятельность И. А. Крылова и Клушина грубо прервана, передовые журналы закрыты. Павел даже запретил слова «отечество», «граждане», «депутаты», прекратил ввоз иностранных книг, даже нот, сжег кипы чистой бумаги только за то, что на ней был «пагубный знак французской вольности». Когда заговорщики в ночь на 12 марта 1801 г. освободили отечество от деспота и началось «дней александровых прекрасное начало», общественное движение являло картину тяжелого разгрома. Самоубийство А. Н. Радищева в 1803 г. показало изнанку «прекрасного начала». Общественное движение еще не могло оправиться после палаческих ударов. Возвращенный Н. И. Новиков, сломленный, доживал свой век в Авдотьине под Москвой, не становясь центром движения; вернувшегося было из ссылки В. Пассека вновь бросили в тюрьму за «оскорбление ве-

личества» (1802), А. П. Ермолов, хотя и возвращенный из изгнания, безуспешно обивал пороги канцелярий, ища восстановления в армии. О многих других уже не было ни слуха ни духа. Великой заслугой поэтов-радищевцев И. Пнина, И. Борна, В. Попугаева было то, что они в эту тяжелую пору не дали умереть высокой традиции. Оживление, шедшее из правительственных кругов, и слухи о реформах, затеваемых «молодыми друзьями», и о деятельности «негласного комитета» были поверхностными и обманчивыми надеждами, не отразившимися в реальных преобразованиях, но ослаблявшими и замедлявшими рост передового лагеря. В условиях тяжелой утраты живых творческих сил требовалось время для сложения и развития новых молодых деятелей. Старшее поколение декабристов начало в этой тяжелой обстановке формирование своего мировоззрения.

Процесс формирования передового лагеря, однако, не прервался, линия дифференциации двух лагерей продолжала развиваться в явлениях общественной жизни, хотя слабо выраженных в эти годы. В обществе шло брожение. В самой столице среди военных в момент воцарения Александра I слышались требования конституционного ограничения самодержавия. Смерть Радищева прозвучала грозным доказательством обманчивости показного правительственного либерализма. Благородные стихи Ивана Пнина на смерть Радищева говорили о живой освободительной традиции: «Уста, что истину вещали, увы! — навеки замолчали...». Поэт не побоялся написать, что Радищев «смело правду говорил», но о публикации этих стихов нельзя было и думать. Появившийся в 1804 г. основной труд И. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» защищал смелую в тех обстоятельствах точку зрения, что земледельцы — эти полезнейшие из граждан — находятся в «злочастном состоянии», и решительно отстаивал ликвидацию крепостного права и право свободы и собственности для крестьян. Прежде чем говорить о просвещении крестьян, их надо освободить (консервативный лагерь ставил вопрос диаметрально противоположным образом и в лучшем случае заявлял о невозможности освобождения до тех пор, пока крестьяне не просветятся). Книга Пнина была запрещена цензурой, а автор ее стал объектом правительственных гонений.

Международные события 1805—1807 гг. сыграли немалую роль в дальнейшем вызревании процесса деления двух лагерей. Приход Наполеона к власти и объявление его императором вообще породили новую тематику для работы политической мысли. Но разгром союзных войск под Аустерлицем в 1805 г. и тяжелый Тильзитский мир 1807 г. резко поставили перед сознанием вопрос — что же случилось с Россией? До тех пор она, как правило, всегда была победительницей в столкновении с внешними врагами,— целый XVIII в. был насыщен ее военными триумфами, от петровских побед до блистательных успехов Румянцева и Суворова. Почему поколебалась мощь страны? Это резко поворачивало мысль к внутреннему состоянию государства. Москва занимала еще более резкую позицию в суждениях о неудаче Аустерлица, чем Петербург; об этом свидетельствует Вигель (1806): «Расположение умов нашел я в Петербурге иное, чем в Москве. Там позволяли себе осуждать царя, даже смеяться над ним и вместе с тем обременять ругательствами победителя его, с презрением называя его Наполеошкой...». Вопросы об Аустерлице и Тильзите были важным моментом в раннем развитии юношеского патриотизма декабристского поколения. Этот патриотизм вырастал из глубокой работы сознания и начинал существенно отличаться от «казенного» патриотизма. Аустерлиц, а затем Тильзит внесли свое влияние в формирование этой новой, протестующей против правительственной политики, любви к родине. Петр Чаадаев в слезах убежал в поле на весь день и спрятался

во ржи, когда его домашние служили молебен по случаю заключения Тильзитского мира: юноша не хотел присутствовать на таком молебне, считая Тильзитский мир национальным позором для России. Немного позже, вручая полицмейстеру, по его требованию, запрещенную реляцию об Асперноком сражении (полицмейстер приехал за нею на дом к Щербатовым), юный Чаадаев «поставил ему резко на вид, что недостойно русской политики раболепствовать Наполеону до такой степени, чтобы скрывать его неудачи». Будущие декабристы, что очень важно, формировались в более широком русле общественного недовольства, отражали настроения более широких слоев: в мемуарах С. Жихарева отразились взволнованные «вольные разговоры» и других молодых людей в Москве (Черемисинова, Зотова и Крюкова), критиковавших правительство,— их приводили для внушения к московскому полицмейстеру Беклешову. Известный сатирический листок 1806 г. излагал судьбу основных добродетелей в царствование Александра I,— критика внутренней политики крепостнического правительства и в нем была налицо («Правосудие — в бегах. Благодеяние — под арестом. Совесть сошла с ума, сидя на безмене правосудия. Честность — вышла в отставку. Кротость — взята в драке на съезжую. Закон — на пуговицах у Сената. Терпение — скоро лопнет»). Александр I посылал Уварова в Москву специально узнать о московских настроениях после Аустерлица. В 1806 г., по мнению С. Жихарева, в театре «меньше слушают пьесу, чем говорят о политике»; при встречах слышались толки, что все власть имущие состоят в России из трех разрядов: одни «хотят и не умеют», другие «умеют и не хотят», третьи «не хотят и не умеют», но что — увы! — таких, которые бы «хотели и умели» не встречается [17].

Закономерно возникли новые проекты, ставившие вопрос о крепостном праве, подкрепленные экономической аргументацией: диссертация А. С. Кайсарова «Об освобождении крепостных в России» (1806), сочинение Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами» (1808), переведенное человеком передовых взглядов библиографом Анастасевичем. Правда, если Кайсаров, требуя освобождения крестьян, хотя и робко, высказывался в пользу крестьянской собственности на землю, то Стройновский не шел дальше вопроса о желательности личного безземельного освобождения крестьян с последующим заключением договоров на аренду земли между крестьянином и помещиком. В той же обстановке резкого общественного недовольства правительственной политикой после Аустерлица и Тильзита и сознания усиливающейся революционной опасности возникает правительственный проект преобразований, разработанный в 1809 г. М. М. Сперанским. Представляя собой утопическую систему подробного, тщательно детализированного конституционного устройства самодержавной страны, учрежденного на «непеременяемом законе», Сперанский в чудовищном контрасте с принятыми им же принципами политического устройства сохранял крепостное право и феодальное землевладение, рассматривая то и другое как особую привилегию дворянского сословия. Отсюда проистекало и сохранение основ сословной структуры. Проект Сперанского буквально раздирался глубоким внутренним противоречием: социальные основы принадлежали концепции феодально-охранительной, политические носили новаторскую печать. Нет сомнений в том, что внутренне Сперанский был противником крепостного права и сословного строя — отсюда и его личная драма: он подавал правительству проекты охранительного в социальном отношении содержания, принадлежа внутренне к лагерю новаторов. В этом глубочайшее противоречие и в его общественной позиции [18].

К формирующемуся передовому лагерю уже в это раннее время, когда почти все декабристы еще сидят на школьной скамье, примыкает

старший по возрасту Федор Глинка, будущий член союзов Спасения и Благоденствия. В 1810 г. в Смоленске выходит в свет его трагедия «Вельзен или освобожденная Голландия», наполненная идеями борьбы с тиранией. «Страна, лишенная законов и свободы — не царство, но тюрьма: в ней пленники народы», — утверждал 22-летний автор [19]. Призывы к борьбе против чужеземного порабощения вырастали в общественно необходимый художественный образ в обстановке после Аустерлица и Тильзита. Ф. Глинка имел все основания заинтересоваться в те годы судьбой Нидерландов: в мае 1806 г. Наполеон превратил Батавскую республику в Голландское королевство, насильственно посадил там на престол собственного брата Луи и сделал когда-то независимую страну придатком наполеоновской Франции. Голландия превратилась в плацдарм для сосредоточения наполеоновских военных сил против главной соперницы Франции — буржуазной Англии. В тот год, когда трагедия Ф. Глинки увидела свет, Наполеон (в июле 1810 г.) лишил Нидерланды последних остатков суверенитета и включил их в состав Французской империи. Иначе говоря, Наполеон осуществил в Голландии то положение, которое готовил России в своих заносчивых завоевательных планах. Молодой автор выбрал поэтому не простой абстрактный псевдоним условной страны, а остановился на сюжете, остро интересовавшем его со стороны политической. Но проповедь незыблемости законов и права народа на управление своей страной объективно направлялась и против безграничного российского самодержавного произвола.

Позже в «Письмах русского офицера» Ф. Глинка издает путевой дневник своих служебных поездок в 1807—1811 гг. Россия курных изб, крестьянского горя и «буйного самовластия» помещиков отражена на его страницах [20]. Конечно, в тексте, подготовленном для печати, не было и не могло быть в реальной обстановке тех дней прямых политических выводов, еще и не созревших к тому времени. Но творчество Ф. Глинки органически входит в процесс формирования двух лагерей перед войной 1812 г., как раз незадолго до появления таких махровых цветов реакции, как «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина. Если вспомнить, что годом раньше было написано произведение почти что радищевской силы — «Путешествие критики» учителя Владимирской гимназии Савелия Ферельтца, конечно, оставшееся неопубликованным в создавшейся обстановке (оно появилось в свет восемью годами позже [21]), то процесс поляризации двух лагерей ощутится еще явственнее. Формирование мировоззрения первого поколения будущих декабристов протекало в этой обстановке. Оно само было элементом этого основного процесса.

Лагерь «охранительный» также был в это время в движении, мобилизуя свои силы после неудач внешней политики. Аракчеевщина уже начинала оформляться как закономерное развитие самодержавия в эпоху кризиса феодализма,— указ, где сказано: указы, объявляемые «генералом от артиллерии Аракчеевым величайше повелеваем считать именными нашими указами», датируется 1807 годом. «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, поданная Александру I в 1811 г., выражает квинтэссенцию охранительного направления, центром которого являлся реакционный тверской салон великой княгини Екатерины Павловны. Записка содержала неприкрытую программу реакции и требование ликвидации даже той слабой «реформистской» политики, которая ранее имела место. Неограниченное торжество самодержавия, опирающегося на непоколебимое в своих экономических и политических привилегиях дворянство и «пятьдесят хороших губернаторов», исчерпывало программу Карамзина.

4

Юношеские взгляды будущих деятелей тайного общества на жизнь складывались не только в узкой семейной среде, но и в больших коллективах, затронутых общественным брожением.

На первом месте тут по праву должен быть упомянут Московский университет. Здесь учились в разные годы не менее 37 будущих декабристов. Некоторые из них окончили университет «действительными студентами», другие, повидимому, лишь слушали лекции, но форма в данном вопросе имеет мало значения. В числе этих прошедших через университетские аудитории молодых людей мы находим имена будущих декабристов, которые сыграют значительную роль в движении. Среди них мы встречаем «первого декабриста» Владимира Раевского и активнейшего участника восстания Петра Каховского, 14 декабря убившего петербургского губернатора; будущего автора конституционного проекта Никиту Муравьева и будущего «диктатора» 14 декабря Сергея Трубецкого; будущего активного участника декабристского движения вдумчивого Ивана Якушкина; одного из основателей движения и секретаря Союза Благоденствия декабриста-разночинца Степана Семенова. Здесь учатся выдающиеся участники южной организации, близкие друзья Пестеля — братья Крюковы и Бобрищев-Пушкин, а также виднейший идеолог Союза Благоденствия и Северного общества Николай Тургенев. В университете воспитываются будущий участник восстания 14 декабря А. Якубович и активнейший деятель Союза Благоденствия Михаил Фонвизин. Здесь перед нами один из участников директории Южного общества декабрист Юшневский и активный член южной организации Повало-Швейковский. Укажем и на близких друзей декабристов — А. С. Грибоедова, Александра и Николая Раевских, на члена Союза Благоденствия П. Я. Чаадаева, на Ивана Щербатова, замешанного в деле о восстании Семеновского полка (друг Якушкина, двоюродный брат Чаадаева)[22].

В процессе формирования мировоззрения чрезвычайно важен период первоначального становления, когда молодое сознание постепенно завоевывает те основные положения, которые в дальнейшем становятся ведущими для зрелого деятеля. Желая характеризовать этот процесс, мы должны уловить первое пробуждение политического сознания у будущих декабристов в их отроческие и юношеские годы. Для этого нужны подробные сведения об их обучении, преподавателях, товарищах, нужны юношеские дневники, которые отразили бы вопросы, волнующие сознание будущих декабристов, ранняя переписка с родными и товарищами, подробные данные о чтении, а в особенности о характере окружавшей их обстановки и о воздействии на их сознание русской действительности. Но, к величайшему сожалению, в данном случае мы, как правило, почти не располагаем этими желанными для исследователя материалами. Этот период жизни декабристов очень неполно отражен в первоисточниках — преимущественно в скупых строках биографических анкет Следственной комиссии и служебных формуляров — и лишь изредка бегло обрисован в позднейших воспоминаниях о прожитом. Материал недостаточен, рассеян, его надо собирать по крупицам. Соединим воедино эти скупые основные данные, чтобы представить себе общую картину идейного развития первых русских революционеров.

По своему происхождению декабристы принадлежали как раз к тому сословию, политическое преобладание и привилегии которого они впоследствии хотели уничтожить. Это породило сложность и противоречивость в самом процессе формирования их мировоззрения.

Крепостное право, несомненно, было предметом непосредственных впечатлений детства и юности подавляющего большинства декабристов. Нет сомнений, что во многих случаях они сначала принимали его как вполне законное и справедливое положение вещей. Но существовали и такие дворянские семьи, в которых семена философского вольнодумства и политических сомнений были посеяны еще до появления на свет будущих декабристов в силу живых связей этих семей с «великой весной» последнего десятилетия XVIII в. (семьи Фонвизиных, Пассек, Каховских, Челищевых, Тучковых, Бестужевых, Тургеневых и др.). Крепостное право многим еще представлялось как нечто само собой разумеющееся, но вопрос о том, действительно ли оно справедливо, очень рано зародился в юношеском сознании будущих декабристов. Это легко можно проследить хотя бы по студенческому дневнику Николая Тургенева.

Учебные заведения, в которых обучались и воспитывались декабристы, оказывались нередко идейными центрами «вольнодумства» в стране.

Конечно, Московский университет трактовался в правительственных сферах как более или менее благополучный рассадник добронравных чиновников, хотя «безверие» студентов и тревожило Александра I. Линия деления профессуры на два стана — «хранителей» и «новаторов» наметилась в университете. Консервативная профессура, в немалой доле представленная учеными немцами, была связана с тверским салоном Екатерины Павловны и поддерживала «Записку» Н. М. Карамзина. Официальной линией преподавания наук и воспитания «верноподданных» была, разумеется, правительственная реакционная линия. Но в противоборстве с ней вырастала противоречившая официальному направлению молодая жизнь. Ее развитие было облегчено обстановкой начала нового царствования.

Реформа университетов (1804) ввела новый устав с некоторыми правами самоуправления и узаконила новые формы учебной и научной жизни— ученые заседания, диспуты, публичные лекции. При Московском университете возникают ученые общества. В мае 1804 г. учреждено Общество истории и древностей российских, в сентябре того же года — Общество испытателей природы, с 1805 г. начало действовать Физико-медицинское общество, в 1810 г. открылось Математическое общество, в 1811 г. организовалось Общество любителей российской словесности. Собрания ученых обществ университета посещались и студентами, будили охоту к самостоятельным размышлениям и научным наблюдениям. Будущий декабрист Н. Тургенев записал в своем дневнике 8 сентября 1807 г.: «Нынче был я в Университете, в годовом собрании общества испытателей природы». Все это свидетельствовало о явном оживлении научной мысли, которое отражалось и на студенчестве.

После введения нового устава в Московском университете появилось пятнадцать новых профессоров. Среди молодых русских ученых надо отметить Н. Ф. Кошанского (позже — учителя Пушкина в Царскосельском лицее), преподавателя «права естественного» Л. А. Цветаева, в то время еще занимавшего передовые позиции; профессора эстетики П. А. Сохацкого, историка М. Т. Каченовского, чьи «гиперкритические» сомнения в русских источниках, естественно, вызывали на споры. «Краса университета» профессор российской поэзии и красноречия А. Ф. Мерзляков, сам поэт и критик, пробуждал в своих слушателях живой интерес к литературе. Профессор Баузе преподавал римское право, историю и педагогику, Шлецер-сын был профессором политической экономии и дипломатии,— оба пользовались довольно широким признанием ученых заслуг. Декабристы помнят имена своих московских профессоров: Якушкин говорит о лекциях «российской словесности» Мерзлякова, «всемирной истории» — Черепанова, «российской истории» — Каченовского, «эстетики» — Сохац-

кого, вспоминает лекции по «теории законов и прав знатнейших народов» Цветаева, лекции по физике Страхова, Панкевича, Рейнгарда. Отрицательные отзывы декабристов об обучении в пансионе и университете единичны (Вл. Раевский). П. Я. Чаадаев, по свидетельству своего близкого приятеля М. И. Жихарева, вспоминал об университетской жизни «не без удовольствия» и всегда «с глубоким уважением и признательностью».

Изучая идейную атмосферу университетской юношеской жизни, ускользавшую от наблюдения начальства, мы услышим здесь толки о темных сторонах русской действительности, встретимся с чтением запретных Радищева и Княжнина, со страстным увлечением Вольтером, Монтескье и Руссо, заметим религиозное безверие. Отчетливо звучат ноты протеста против стеснений начальства, угнетающей родительской власти, схоластики официальной науки. И. Д. Якушкин к 14-летнему возрасту, т. е. к 1810 г., когда он был студентом Московского университета, по его собственному выражению, «порядочно эмансипировался в семье». Студент Московского университета П. Я. Чаадаев отличался в юности самостоятельностью поведения и имел постоянные столкновения с дядей — князем Щербатовым, причем «почти всегда брал верх над важным и строгим опекуном» [23].

Рано возникают сомнения в существовании бога и в догматах официальной религии, «безверие» становилось философской позицией, воспринималось как резкий перелом старых убеждений. Об этом говорит пансионский дневник Н. Тургенева,— в январе 1807 г. он записывает: «Мысли атеистические отравляли мое моление, беседование с творцом природы. Я рыдал, просил всемогущего, чтобы научил меня верить. Я говорил в величайшем волнении духа: тебе ли, о слабый смертный, испытывать неисповедимое? Ты ли, ты ли, ты ли, о слабый смертный! боже, боже!.. О, чрезвычайное волнение души моей! Никогда, никогда этого со мною не случалось». К этому месту — более поздняя приписка: «Случалось, да не помню». Тот же кризис пережил в юности декабрист Ив. Д. Якушкин,— он не причащался с 1810 г., т. е. со студенческих времен («Надо знать, что в молодости Якушкин имел несчастие не веровать»,— пишет близко знавшая Якушкина А. И. Колечицкая). В письме к П. Я. Чаадаеву от 1821 г. Якушкин называет себя «лишенным утешения молитвы», а Чаадаев позже вспоминает, что его друг еще в дни молодости был во власти «оледеняющего деизма» [24]. Декабрист П. Н. Семенов, сойдя со скамьи Московского университета (1808) и поступив в полк под начальство грубого солдафона капитана Мартынова, пишет в «честь» его пародию на оду Державина «Бог», причем к «богу» саркастически приравнивался тиран солдат капитан Мартынов, «известный службою единой», «источник страха роты смирной»,

Веленьем чьим колен не гнут,
Чей крик двор ротный наполняет,
Десница зубы сокрушает,
Кого Мартыновым зовут! [25]

Центральной темой слагающегося юношеского мировоззрения была, конечно, Россия. Горячий патриотизм — яркая отличительная черта идейной жизни мыслящей передовой молодежи. «Имея от роду 16 лет, когда поход 1812 года прекратил мое учение, я не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству», — позже писал Никита Муравьев, в те годы студент Московского университета [26].

Молодежь страстно хотела познать свою родину. Николай Тургенев мечтает о путешествиях, и как ни привлекательны для него предполагаемые посещения Западной Европы и Америки, он хочет отвести больше всего времени для путешествия по России: «Как бы хотелось мне поездить

по белу свету, побывать в Азии, Африке, Америке и вместе с этим в Европе, а более всего в Российском государстве»,— пишет он в своем юношеском дневнике. На путешествия Тургенев хочет «положить лет около пяти. Натурально, в Азии, Африке и Америке, естьли можно, пробыть очень немного... Но в Европе, и наиболее в России,— вот план мой...»[27]. Горячий патриот студент Тургенев разделял с другими молодыми товарищами любовь и интерес к русской истории. Еще до выхода в свет «Истории государства российского» Н. М. Карамзина Тургенев уже цитирует в своем студенческом дневнике его исторические работы (1806). Велик интерес и к русской литературе. Студенты самостоятельно читают «Вестник Европы», судят о новых литературных произведениях. Любопытно явно критическое отношение к журналам своего времени. «Вестник Европы» представляется скучным студенту А. С. Грибоедову: в его первой комедии «Дмитрий Дрянской» профессор Каченовский выходил читать свой журнал перед сражающимися партиями русских и немецких профессоров — и все засыпали[28].

Внимательное наблюдение, естественно, рождало критику. Меткие замечания об отрицательных сторонах русской жизни постоянно встречаются в дневнике студента Тургенева. Только что вышедший из университетского пансиона юноша, собирающийся на следующий год поступить в университет, остро замечает, что сенатор Беклешов подписывает бумаги, совсем не читая. Сенатор обедал у дядюшки Н. Тургенева, тот спросил его превосходительство о подписанном им же деле, а сенатор отвечает: «Не знаю». «То есть он подписал, не зная что»,— заключает студент Тургенев. Как не вспомнить грибоедовского: «А у меня что дело, что не дело — обычай мой такой, подписано, так с плеч долой». Юноша умеет и обобщить случай с сенатором: «Это несколько забавно, но не редко»; в том же году (1807) в дневнике Тургенева записано, что в Сенате «много дураков»[29].

Протест против русского крепостнического строя пробуждался и при слушании лекций. Положение спартанских илотов Н. Тургенев сравнивает в студенческом дневнике с положением русских крестьян. На пропасть между простым народом и привилегированным классом указывал на лекциях профессор Л. А. Цветаев. 7 мая 1808 г. Тургенев записал: «Цветаев говорил о преступлениях разного рода и между прочим сказал, что нигде в иных случаях не оказывают более презрения к простому народу, как у нас в России. (Хотя мне и больно, очень больно было слушать это, однако должно согласиться, что бедные простолюдимы нигде так не притесняемы, как у нас). Цветаев приводил в пример, что многие молокососы (так говорил он), скачущие в каретах, позволяют (приказывают даже, прибавлю я) своим форейторам бить (ненаказанно, говорит Цветаев) бедных простолюдимов на улицах, несмотря на то, что полицейские чиновники стоят сами на улицах». Это место лекции Цветаева вызывает у студента целую вереницу размышлений: он называет уже от себя этих молокососов «извергами рода человеческого», предлагает взыскивать с полицейских, возмущается суждениями иностранцев, говорящих о «грубости» русского народа. Он готов «первому таковому политику воткнуть в рот палку». Он с грустью замечает: «С сердечным соболезнованием должно признаться, что в России много подобных этому злоупотреблений»[30].

Незаметно и естественно возникает на страницах дневника революционная тема. Народ восстает, когда его притесняют. Всем сердцем и разумом надо осудить притеснение народа, но восставший народ страшен. «Вчера читал я новый манифест о составлении земских войск или милиции»,— записывает Н. Тургенев в своем дневнике 9 декабря 1806 г. «Теперь бы всякому, кто свободен и ни от кого не зависит, или всякому, кто

может, надобно идти на войну и участвовать в побеждении нарушителя общего спокойствия. Мне кажется все, что Бонапарте придет в Россию; я воображаю сан-кюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам московским». Не вредна ли революция? Записав в дневнике: «Философ, как мне случалось замечать из книг, никогда не был вреден ни обществу, ни вообще роду человеческому», Тургенев добавляет на полях: «Я не разумею здесь философов французской революции. Это особенный род философов!». Немного далее запись: «Вольтер и Руссо были причинами французской революции. Это очень может быть. Я заметил из сочинений Вольтера, что он много по крайней мере способствовал к сему». Первая фраза в дневнике подчеркнута. В то же время Вольтер — один из любимейших писателей [31].

Студенчество читает вольнолюбивых русских писателей — «друга свободы» Фонвизина, Княжнина, Пнина. Университет и пансион еще дышат новиковскими идеями. Студент Николай Тургенев — живой носитель этой связи по близости своего отца к новиковскому кружку. «Я читал покойного батюшки письмо к Гамалею, там, между прочим, нашел я следующую мысль: от человека все зависит, но от скольких безделиц и человек зависит. Совершенная правда»,— записано в его дневнике 5 июня 1807 г. Мерзляков, любимейший профессор молодежи, готовил издание собраний сочинений Радищева и постоянно виделся с его сыном. На квартире у Мерзлякова жил студент Якушкин, — мог ли он не знать об этой работе любимого учителя и не принимал ли он некоторого участия в этой подготовке? Правдоподобно предположение, что он мог видеться с приезжавшим сюда сыном Радищева и читать собранные у Мерзлякова сочинения его отца, в том числе и запретные. Едва ли при этих обстоятельствах ускользнуло от его внимания «Путешествие из Петербурга в Москву», которое оказалось невозможным включить в состав издания.

Университетские пансионеры и студенты, конечно, знакомы с запрещенной литературой. Позже Царскосельский лицей стал настоящим «складом» запрещенных изданий,— Московский университетский пансион и сам университет и в эти годы, повидимому, не представляли в этом отношении исключения. Доказательством знакомства декабристов еще в студенческом возрасте с запретными сочинениями А. Н. Радищева может служить одна из записей в юношеском дневнике Н. Тургенева. На балконе петербургского дома, расположенного против Таврического сада, естественно, вспомнился Тургеневу Потемкин, а от Потемкина мысль перешла к Радищеву: «Тут приходит мне на мысль «Сон» Радищева, когда он ехал в Москву». Одно из самых ярких мест радищевского «Путешествия», находящееся в главе «Спасская полесть», «Сон» повествует о царе, воображающем, что под его властью все дышит благополучием; но присутствующая тут под видом странницы Истина снимает бельма с глаз царя, и он видит страшную картину истинных страданий своих угнетенных подданных. Глава заключается смелыми словами: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается». Эта же глава разоблачает аристократию, «сию гордую чернь», прикрывающую «срамоту души» властителя. Собрание сочинений А. Н. Радищева (изд. 1807—1811 гг.) находилось и в библиотеке Никиты Муравьева. Бывала в руках московской студенческой молодежи и современная ей запрещенная политическая литература об Аспернском сражении, разоблачавшая Наполеона, которую московский полицмейстер лично отобрал у студента Петра Чаадаева [32].

Любовь к родине, вера в Россию, в ее силу, мощь, достоинство, любовь активная, горячая, влекущая к действиям, является характерной чертой

передовой молодежи того времени. Под 5 июня 1807 г. Николай Тургенев записывает любопытный разговор между ним и каким-то молодым человеком в кофейном доме. Тот с неуважением отозвался о русских,— это вызвало достойную отповедь будущего декабриста: «Ежели ты, повеса, осмелишься еще разинуть рот для хулы русских, которым ты быть не достоин, и чем я горжусь, то берегись; вызвать тебя на поединок будет для тебя много, и ты этого не стоишь, но вот взгляни на мою палку и знай, что она заставит тебя молчать, ежели слова мои на тебя не подействуют»[33].

В аудиториях Московского университета молодой дворянин встречался с разночинцем-поповичем, сыном мещанина, вольноотпущенником. Еще чувствовались сословные перегородки — гувернеры англичане и немцы нередко сидели рядом со своими дворянскими воспитанниками, общению молодежи ставились препятствия. Но все же и Никита Муравьев и Николай Тургенев побывали в разносословной аудитории, посидели на скамьях с прочим «народом», задумывались над его тягой к образованию.

В свете этих фактов понятно, какие настроения вызывал состоявшийся в университете диспут кандидата Малова на тему «Монархическое правление есть самое превосходное из всех других правлений», о котором рассказано в «Записках» Д. Свербеева. Как указывает Свербеев, в тезисах диссертации к слову «монархическое» был прибавлен эпитет «неограниченное», а к слову «превосходное» — слова: «в России необходимое и единственное возможное». На диспуте председательствовал декан факультета Сандунов. Старшие вольнодумцы подготовили к выступлению молодежь, которая заговорила первой, а после ее натиска перешли в атаку на диссертанта и вожаки во главе с будущим декабристом Степаном Семеновым, одним из редких представителей разночинцев в декабристской среде (из духовного звания, воспитанник Орловской семинарии). Свербеев рассказывает, как «молоденькие студенты» — в том числе и он— «открыли сражение восторженными речами за греческие республики и за величие свободного Рима до порабощения его Юлием Кесарем и Августом». После этого «вступила в бой фаланга наших передовых мужей и тяжкие удары из арсенала философов XVIII века посыпались на защитника монархии самодержавной». Декан Сандунов попробовал было потягаться со сторонниками республики: «Господа,— сказал он, обращаясь к оппонентам,— вы выставляете нам, как пример, римскую республику; вы забываете, что она не один раз учреждала диктаторство». «Мерною, спокойною, холодною речью» отвечал ему Семенов: «Медицина часто прибегает к кровопусканиям и еще чаще к лечению рвотным, из этого нисколько не следует, чтобы людей здоровых, а в массе без сомнения здоровых более, чем больных, необходимо нужно было подвергать постоянному кровопусканию или употреблению рвотного». Сандунов прибег к последнему аргументу: «На такие возражения всего бы лучше мог отвечать московский обер-полицмейстер, но как университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, как декан, закрываю диспут». Сторонники республики одержали, следовательно, полную моральную победу над монархистами.

Этот замечательный случай интересен с разных сторон. Во-первых, он говорит о процессе идейного брожения и развития среди молодежи передовых политических взглядов, враждебных самодержавию. Во-вторых, пример свидетельствует не о каком-нибудь мечтателе-одиночке, а о наличии многих вольнодумцев, причем сорганизовавшихся и рискнувших выступить открыто под предводительством будущего декабриста. В-третьих, он говорит о слабости политического надзора и снисходительном отношении начальства к подобному вольнодумству. Декан-монархист, возмущенный молодыми республиканцами и даже закрывший в силу этого

диспут, все же считал «неприличным» для университета прибегать к помощи полицмейстера. Позже нравы переменились, и после восстания декабристов московский полицмейстер становится необходимой опорой университетского начальства в борьбе с передовым общественным движением в стенах Московского университета. Эту любопытную демонстрацию республиканских симпатий, организованную будущим секретарем тайного общества декабристов Степаном Семеновым, согласно «Запискам» Д. Н. Свербеева, надо отнести к 1813—1814 гг. Наряду с Семеновым и Свербеевым в диспуте приняли участие кандидат наук Никольский, «законоискусник» Яковлев, некий Лидин и др. Все это были так называемые «patres conscripti», «слава и краса студенчества», руководители мнений младшего студенческого поколения, затронутые духом вольнодумства [34].

Другим — тоже московским — очагом воспитания декабристского мировоззрения была школа колонновожатых, основанная отцом будущих декабристов Александра и Михаила Муравьевых — Н. Н. Муравьевым. Семья Муравьевых, одно из культурнейших гнезд декабристского времени, была связана по родству не только с Муравьевыми-Апостолами, давшими движению трех братьев — Сергея, Матвея и Ипполита, но и с семьей Михаила Никитича Муравьева, отца декабриста Никиты Муравьева. Училище колонновожатых своеобразно по происхождению,— несмотря на то, что позже оно выросло в Академию Генерального штаба, в его возникновении лежала не правительственная, а общественная инициатива. Математическое общество, основателем которого оказался младший Михаил Муравьев, одаренный математик, возникло в московской квартире Муравьевых; тут читались бесплатные лекции по математике и военным наукам. Н. Н. Муравьев-отец был председателем общества, его сын Михаил — вице-председателем, родственник Муравьевых, будущий декабрист Никита Муравьев, состоял в числе слушателей. Из Математического общества и выросло знаменитое в летописях движения декабристов московское учебное заведение — училище для колонновожатых. Хотя ученый математик и знаток сельского хозяйства Н. Н. Муравьев-отец и был, повидимому, далек от каких бы то ни было политических преобразовательных планов, но его искренний интерес к передовым идеям, широкий кругозор и дружеское обращение с молодежью поощрили развитие вольного духа в среде воспитанников училища колонновожатых: из их среды только за семь лет муравьевского руководства (1816—1823) вышло двадцать четыре будущих декабриста. В их числе мы встречаем имена выдающихся членов Южного общества: друга Пестеля — Николая Крюкова, обоих братьев Бобрищевых-Пушкиных, Н. Басаргина, Артамона Муравьева, П. Муханова и др. Мы видим тут и В. Н. Лихарева — будущую живую связь Южного общества с военными поселениями, видного историка-декабриста А. О. Корниловича, братьев Льва и Василия Перовских — участников и основателей «Военного общества», которое послужило связью между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия. В числе воспитанников училища и декабрист Н. Ф. Заикин, который позже спрячет от царских сыщиков «Русскую Правду» Пестеля и зароет ее в селе Кирнасовке «под берег придорожной канавы».

Зимний учебный год длился в муравьевской школе с ноября до начала мая, в это время учащиеся находились в Москве. В мае колонновожатые отправлялись в село Осташево — имение генерала Муравьева (в 100 верстах от Москвы по Волоколамской дороге), где по-армейски размещались в деревнях на крестьянских квартирах. Тут начинались летние занятия, фронтовое ученье и геодезическая съемка, которой уделялось большое внимание. Для нас особо важны четыре примечательные черты училища: широкий диапазон культурных интересов, высокий культ товарищества,

поощрение самостоятельности и чувство равенства. Сам руководитель училища генерал-майор Муравьев разносторонностью своих знаний и высокой одаренностью поощрял учеников к занятиям науками и к широкому кругу чтения. Колонновожатые зачитывались новой политической литературой, вникали в серьезные философские труды, выписывали журналы. Высоко ценилась поэзия, проявлялось большое внимание к новой литературе, заучивалось наизусть огромное количество стихов. Книга была в почете. «С каким, бывало, удовольствием,— вспоминает Басаргин,— по окончании дневного труда и ходьбы, возвратишься на квартиру, напьешься чаю, поешь щей, каши, молока и уляжешься отдыхать с трубкою и книгою в руках». Понятие товарищества стояло высоко,— совместная работа, особенно в летнее время, когда все жили вместе, «сближала молодых людей между собою и способствовала к основанию самых прочных между ними связей. Многие из колонновожатых, находившиеся в одно время в корпусе, остались впоследствии на всю жизнь в самых близких и дружеских между собой отношениях, несмотря даже на различие их общественных положений». В другом месте Басаргин отмечает: «Надобно заметить здесь, что в нашем заведении между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердие помогать друг другу, что каждый с удовольствием готов был отказываться от самых естественных для молодости удовольствий, чтобы передавать или объяснять товарищу... когда [он] случайно пропускал лекцию». Самостоятельность взглядов не только не подавлялась, а поощрялась: генерал Муравьев «радовался даже, когда замечал проявление самостоятельной личности и, не стесняя юный рассудок, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное». Несмотря на то, что в школе Муравьева учились и богатые и бедные,— культивировалось чувство равенства, которое поддерживала сама молодежь: «Между нами самими богатство и знатность не имели особенного весу и никто не обращал внимания на эти прибавочные к личности преимущества»,— пишет Басаргин. Заметим, что семья основателя принадлежала к небогатому дворянству [35].

Жизнь на частных квартирах зимой и пребывание в крестьянских семьях летом давали молодежи широкую возможность наблюдать действительность. «Самая главная забота наша состояла в сохранении миролюбивых отношений между колонновожатыми и крестьянами»,— замечает Басаргин, ставший по окончании училища его преподавателем [36].

Такова была атмосфера, в которой зародилась идея «юношеского собратства», тайного общества, имевшего целью социальное преобразование общества, перевоспитание людей. Единственный источник, сохранивший об этом подробный рассказ,— «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского [37]. «Юношеское собратство», ранняя преддекабристская организация, во главе которой стал юный, всего-навсего шестнадцатилетний прапорщик Николай Муравьев, отмечена страстным увлечением идеей всеобщего равенства и республиканскими настроениями в духе Руссо. Обо всем этом автор записок рассказывает скупо и сдержанно. Приведем его рассказ.

«Как водится в молодые лета, мы судили о многом, и я, не ставя преграды воображению своему, возбужденному чтением Contrat Social Руссо, мысленно начертывал себе всякие предположения в будущем. Думал и выдумал следующее: удалиться через пять лет на какой-нибудь остров, населенный дикими, взять с собой надежных товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мне помощниками. Сочинив и изложив на бумагу законы, я уговорил следовать со мною Артамона Муравьева, Матвея Муравьева-Апостола и двух Перовских, Льва и Василия, которые тогда определились колонновожатыми; в собрании их я прочитал законы, которые им понра-

вились. Затем были учреждены настоящие собрания и введены условные знаки для узнавания друг друга при встрече. Положено было взяться правою рукою за шею и топнуть ногой; потом, пожав товарищу руку, подавить ему ладонь средним пальцем и взаимно произнести друг другу на ухо слово «ч о к а». Слово «чока» означало Сахалин. Именно этот остров и был выбран членами общества по совету Сенявина и Перовского-старшего для организации на нем республики по планам «Социального договора» Руссо. Николай Муравьев продолжает далее:

«Меня избрали президентом общества, хотели сделать складчину, дабы нанять и убрать особую комнату по нашему новому обычаю; но денег на то ни у кого не оказалось. Одежда назначена была самая простая и удобная: синие шаровары, куртка и пояс с кинжалом, на груди две параллельные линии из меди в знак равенства; но и тут ни у кого денег не оказалось, посему собирались к одному из нас в мундирных сюртуках. На собраниях читались записки, составляемые каждым из членов для усовершенствования законов товарищества, которые по обсуждении утверждались всеми. Между прочим постановили, чтобы каждый из членов научился какому-нибудь ремеслу, за исключением меня, по причине возложенной на меня обязанности учредить воинскую часть и защищать владение наше против нападения соседей. Артамону назначено быть лекарем, Матвею — столяром. Вступивший к нам юнкер конной гвардии Сенявин должен был заняться флотом». Все члены этого общества, за исключением основателя, позже оказались в рядах декабристов [38].

Из этого интереснейшего свидетельства можно сделать ряд заключений. Во-первых, мечтать о полном перевоспитании людей на основании новой морали и об образовании республики, как бы ни были наивны эти юношеские мечты, может лишь тот, кто недоволен окружающей его жизнью и строем. Не воспроизвести старый крепостной строй самодержавной России на отдаленном острове, не отправиться конквистадором на захват новых владений с целью приобретения несметных сокровищ, личного обогащения, любопытных авантюр — нет, иная мечта обуревала юношей: создать истинных граждан из диких жителей острова и образовать там республику в духе Руссо на основе равенства людей. Даже простая одежда будущих республиканцев с математическим знаком равенства из медных полос на груди символизировала основную задачу. Желание, чтобы каждый научился какому-нибудь ремеслу, также говорит за себя. Кружок русских шестнадцатилетних энтузиастов мечтал о том, чтобы создать истинных граждан из жителей далекого Сахалина. Обращают на себя внимание и принятые организационные формы, которым, судя по рассказу, уделялось большое внимание: наличие «законов», т. е., несомненно, писаной «программы и устава», принятие этих законов на собрании, выборы «президента» общества. Чтение членами товарищества на собраниях «записок», имевших целью «усовершенствование законов товарищества», причем «записки» эти (доклады) «по обсуждении утверждались всеми» (при этом Николай Муравьев подчеркивает, что «были учреждены настоящие собрания»),— все это характеризует стремление усвоить развитые формы общественной организации. Из всего видно, что общество было тайным. Это следует не только из наличия условного знака при встрече и шептания пароля на ухо, но и из того, что мемуарная литература не донесла до нас других свидетельств об этой преддекабристской организации.

Время ее возникновения определяется указанием возраста основателя — ему было тогда шестнадцать лет. Учитывая год рождения Николая Муравьева, мы должны отнести «Юношеское собратство», или «Чока», к 1810—1811 гг. Навстречу этому предположению идет как более или менее совпадающий возраст участников, так и другие их биографические

даты: Матвей Муравьев-Апостол не мог участвовать в «Юношеском собратстве» позже ноября 1811 г., когда уехал в Петербург, поступив подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк. Лев Перовский выпущен из муравьевского училища прапорщиком в январе 1812 г., следовательно, вступил в «собратство» ранее этой даты, так как был участником кружка именно в то время, когда, по словам Н. Н. Муравьева-Карского, «определился колонновожатым». Брат его Василий, упомянутый таким же образом, выпущен прапорщиком из училища колонновожатых в 1811 г. Все участники «Юношеского собратства», нам известные, родились между 1792 и 1794 гг., т. е. были очень близки по возрасту. Лишь Василий Перовский был на год моложе других, но это уравнивалось его более ранним выпуском из училища. Помогают дополнительно проверить время существования «Юношеского собратства» и даты биографии братьев Муравьевых-Апостолов. И Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы воспитывались в Париже и вернулись в Россию в 1803 г., поселившись в Петербурге для получения высшего образования. Но после смерти матери (1810) они на некоторое время переселились в Москву, где стали часто посещать родственный дом Муравьевых. Так как свидетельство Муравьева-Карского о привлечении к «собратству» Матвея Муравьева дается вообще в связи с учредительным моментом юношеского общества, то, повидимому, «Чока» образовалась не ранее весны 1810 г. и закончила свое существование с войной 1812 г.

Будущего основателя тайного общества декабриста Александра Муравьева в 1810 г. и начале 1811 г. не было в Москве, и он уже поэтому не мог принимать участия в организации «собратства»: молодой офицер уже получил производство и служил в Петербурге «в квартирмейстерской части свиты его величества». Он приехал в Москву из Петербурга, как пишет сам в своих записках, в 1811 г.; поскольку в том же тексте он говорит о своих братьях Николае и Михаиле как об оканчивающих курс наук, надо заключить, что приехал он в Москву в конце 1811 г., сравнительно незадолго до выпускных экзаменов колонновожатых, которые обычно происходили в феврале [39]. В тексте его записок тепло упоминаются и другие имена будущих декабристов — Ивана Бурцова и братьев Колошиных, будущий основатель общества декабристов здесь с ними и познакомился. Таким образом, семьи Муравьевых и Колошиных сблизились между собою еще до войны 1812 г. Александр Муравьев рассказывает в записках, что, приехав в Москву из Петербурга в 1811 г., он «очень обрадовался двум братьям своим, оканчивающим курс наук, особенно душевно обрадовался моему любезному брату Николаю, с которым мы были ближе по летам и понятиям. Занятия по математическому обществу шли с успехом; между членами оного познакомился я с достойными впоследствии товарищами Иваном Григорь[евичем] Бурцовым, Михаилом, Петром и Павлом Иванов[ичами] Колошинами (так!) и еще некоторыми другими; сблизился с почтенным домом Колошиных» [40].

Оказалось, что в Петербурге, в разлуке с братом Николаем старший брат Александр испытывал подобные настроения: он также искал какой-то тайной организации, в которой мог бы достичь высоких целей. Но, направленный в тот момент более к вопросам нравственного усовершенствования, он, в силу сложившихся в его жизни обстоятельств, втянулся в тот момент уже в нелегальное масонство и «уверовал» в него,— он стал масоном как раз незадолго до своего приезда в Петербург.

К масонам Александра Муравьева привело стремление к нравственному усовершенствованию и самовоспитанию. В «Записках» он рассказывает, как вступил в орден вольных каменщиков еще в 1811 г. через Павла Якимовича Сулиму, начальника молодых офицеров, работавших в

чертежной Генерального штаба. Генерал Сулима и указал ему «на удобнейшее по мнению его средство нравственного усовершенствования, на то, чтобы уклониться от пустых и суетных светских бесед и пристать к [зачеркнуто: тайному] такому обществу, которое поощряло бы к самопознанию, занятиям серьезным и общечеловеческим чувствам и мыслям... Наконец, все эти разговоры привели меня к масонству, и я просил этих нравственных друзей ввести меня в Орден свободных каменщиков... Меня приняли в первую степень масонскую — учеником — в Петербурге, в ложе Елизаветы к добродетели. На дверях ложи при самом входе начертаны были слова «Nosce te ipsem» *. Торжественно я был принят в такое время, когда запрещение, наложенное императрицею Екатериною на масонские ложи, еще не было снято, и официальные собрания братьев не дозволялись». Александр Муравьев остался на всю жизнь убежденным масоном. «Тогда масонство было в большом ходу,— показывал С. Трубецкой.— Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком, с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в масоны...» [41].

Близкая дружба братьев Муравьевых Александра и Николая с их родственниками Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами также началась еще до войны 1812 г. Александр Муравьев пишет в своих записках: «Когда дядя Николай Михайлович с семейством уезжал в деревню, то с согласия его перешли мы из флигеля в самый дом, где часто посещали нас дальние родственники наши Матфей и Сергей Иванович Муравьевы-Апостолы, одних с нами лет, приехавшие с матерью своею из Парижа, где воспитывались. Прекрасные, благородные, ученые молодые люди сии после войны вошли в состав политического общества, о коем будет говорено в своем месте. Мы с ними проводили время отчасти в чтении и научных беседах, отчасти в дружеских разговорах. Характер двух братьев был различен: Матфей был веселый и приятный товарищ. Сергей же сурьезный; первый определился в Семеновский полк, а второй в корпус путей сообщения, который в то время только что начал возникать и стал в соперничество с корпусом колонновожатых». О близкой дружбе с Муравьевыми-Апостолами пишет в своих записках и второй по старшинству брат — Николай Муравьев [42].

Замысел республики «Чока» оказался враждебен масонскому мистицизму: между масоном Александром Муравьевым и членами «Юношеского собратства» происходили постоянные споры. Республиканцы смеялись над масонством, в шутку уверяли Александра Муравьева, будто они — «члены обширного общества, давно учрежденного для истребления масонов». Когда в Вене убили видного масона, «какого-то графа Lichtenstein», то члены «собратства» заверяли Александра Муравьева, что граф этот был зарезан членами их общества, «потому что хотел открыть нашу тайну».

Война 1812 г. прервала жизнь тайного общества. И она же заставила сменить полудетские мечты о сахалинской республике на гораздо более зрелые планы, в которых местом деятельности тайного общества был уже не Сахалин-«Чока», а огромная крепостная Россия-родина.

Меньше всего материалов имеем мы о другом раннем замысле организации, принадлежащем декабристам Владимиру Раевскому и Батенькову. Наличие замысла засвидетельствовано их собственными показаниями. «По вступлении в кадетский корпус,— показывал Батеньков Следственной комиссии,— подружился я с Раевским (бывшим после адъютантом у генерала Орлова). С ним проводили целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года. Мы развивали друг

* Латинск.: «познай самого себя».

другу свободные идеи, и желания наши, так сказать, поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе яко о человеке и осуждать поступки с нами цесаревича». «Идя на войну,— писал позже Владимир Раевский о Батенькове,— мы расстались друзьями и обещали сойтись, дабы в то время, когда возмужаем, стараться привести идеи наши в действо». Батеньков был выпущен из 2-го кадетского корпуса (собственно, из Дворянского полка при 2-м кадетском корпусе), согласно формуляру, 21 мая 1812 г., в тот же день, что и Владимир Раевский. Таким образом, решение друзей встретиться, чтобы «привести идеи в действо», относится, очевидно, к периоду с 1811 г. по май 1812 г. В замысле этом приковывает внимание вопрос о царе, прямая критика, на него направленная; тут явно выражен противоцаристский элемент ранней преддекабристской идеологии [43].

Царскосельский лицей также был знаменитым и широко известным рассадником декабристской идеологии. Основанный в 1811 г., он воспитал только младшее поколение будущих декабристов, которое во время войны 1812 г. сидело еще на школьной скамье. Из его стен вышел «первый» и «бесценный» друг А. С. Пушкина декабрист И. И. Пущин, видный участник движения с ранних его этапов до самого восстания 14 декабря. Тут же учился лицейский «Суворочка» — декабрист В. Д. Вольховский, принятый в Союз Спасения вместе с И. И. Пущиным; Вильгельм Кюхельбекер, друг Пушкина и Грибоедова, участник восстания 14 декабря, также был лицеистом. Упомянем тут и имя Дельвига, члена декабристского филиала— «Зеленой лампы».

Московский университет, школа колонновожатых и лицей глубоко индивидуальны по общему облику, по типу сгруппированных в них юношеских коллективов, по истории и дальнейшей судьбе. Тем не менее бросаются в глаза многие общие черты: все три коллектива причастны к процессу дифференциации «охранительного» и «новаторского» общественных лагерей, и там и тут направление, противостоящее охранительному, отмечено передовым характером формирующегося мировоззрения, увлечением французской просветительной философией, верой во всемогущество разума, протестом против крепостничества, живым кипением юношеских умов, увлечением наукой, искусством, творчеством. Это совпадение чрезвычайно интересно и рисует и лицей, и Московский университет, и школу колонновожатых как индивидуальные проявления общего течения, широкого умственного брожения, охватившего страну. Лицей перестает быть замкнутым очагом, уже не представляется искусственно созданным исключением. Но есть и существенные отличия: в атмосфере Московского университета резче проявляются борьба, столкновения, антагонизмы. Университет лишен характера замкнутой интимности лицея, это не маленькая группа друзей-сверстников, убежденных, что «Отечество нам — Царское Село». Это — большой и разнообразный коллектив неоднородного социального состава: тут и дворяне и разночинцы, сидящие на одних скамьях. Лицей с виду более однороден: сплошь дворянский по составу, он, казалось бы, должен был обеспечить царизму когорту верных слуг. Но идейное расслоение коснулось и лицея. Оно выявилось позже, в послевоенный период,— ниже мы остановимся на этом в своем месте.

5

Итак, политическое сознание будущих декабристов начало пробуждаться еще до войны 1812 г. Уже в первом десятилетии XIX в. формирование их мировоззрения, несомненно, продвинулось вперед. Но огромнейшей силой этого формирования, его поворотным пунктом явилась «гроза

двенадцатого года». События великой войны содействовали созреванию социальных представлений и политических взглядов шедшего к революционной борьбе поколения. Война гораздо глубже, гораздо острее поставила перед молодым, пробуждающимся сознанием вопрос о родине, ее судьбе, путях ее развития. Война свела будущего декабриста лицом к лицу с русским народом, борющимся за независимость родины, но свела их не как барина и мужика, а соединила в общем подвиге защиты родной страны и заставила поэтому совсем по-иному вдуматься в вопрос о положении угнетенного крепостного народа и о будущей его судьбе. Мысль о народе как о крупнейшей исторической силе по-новому углублялась на полях сражений Отечественной войны. Декабристы стали смотреть на представителя народа — русского солдата не как на слепое орудие в руках высшего начальства, а как на сознательно действующего человека — защитника родины. Эти впечатления были неизгладимы, они оставили след на всю жизнь.

В ночь на 24 июня 1812 г. Наполеон без объявления войны вторгся в Россию. Четырьмя широкими потоками «великая армия» стала переливаться через Неман. В великих битвах войны мы встретим и бывших московских студентов, и недавно выпущенных колонновожатых муравьевского училища, и «старшее поколение» декабристов, у которого за плечами был опыт Шенграбена, Аустерлица и Прейсиш-Эйлау. Поручик Михаил Фонвизин, некогда участник Аустерлица, состоял теперь адъютантом при генерале Ермолове и прошел с ним через все битвы Отечественной войны, в том числе и Бородинскую, Артамон Муравьев, член республиканского «Юношеского собратства», еще с января 1812 г. находился в Дунайской армии, участвовал в ее движении на соединение с армией Тормасова, затем был зачислен в Западную армию Барклая де Толли. Семеновцы — Якушкин, Петр и Михаил Чаадаевы, князь Иван Щербатов — вместе с лейб-гвардии Семеновским полком участвовали в знаменитой «ретираде» Барклая, который от Дриссы вел свою армию к Смоленску на соединение с армией Багратиона. Вступивший в военную службу из «своекоштных студентов Московского университета» Михаил Муравьев с апреля 1812 г. состоял при штабе армии Барклая де Толли. И. Г. Бурцов, Л. А. Перовский, Владимир Раевский, Алексей Семенов начали службу в армии в 1812 г.

Во время Бородинской битвы, когда день уже клонился к вечеру, был тяжело ранен действовавший в отряде стрелков прапорщик гвардейского Литовского полка Павел Пестель. За два месяца до сражения ему исполнилось 19 лет,— только в ноябре 1811 г. он поступил на военную службу, окончив ученье в Пажеском корпусе. Служебный формуляр сжато сообщает: «1812 года в пределах России против французских войск находился во фронте лейб-гвардии в Литовском полку и с оным везде был до 26 августа, в который день в главном сражении при Бородине, действуя со стрелками, был ранен пулею в левое берцо, с раздроблением костей и с повреждением сухих жил. За отличную храбрость, оказанную в сем сражении, пожалована ему золотая шпага с надписью: «За храбрость». Имеет в память 1812-го года установленную серебряную медаль на голубой ленте»[44]. Отец Пестеля позже писал, что награду молодому герою вручил на поле Бородинского сражения сам Кутузов. Пестель высоко чтил память двенадцатого года и ввел его в ряд исторических событий, которые способствовали укоренению в нем революционного образа мыслей. Многим декабристам довелось участвовать в битве в решающие минуты Бородинского сражения. Семеновский полк, в составе которого находились Якушкин, Щербатов и Чаадаев, стоял до полудня в резервной линии под страшным огнем неприятельских батарей. Полк редел, неприя-

тельская бомбардировка вырывала одну жертву за другой, но семеновцы стояли, не дрогнув. После полудня по приказу Кутузова полк был брошен на защиту Курганной батареи Раевского. В 4 часа Коленкур, во главе 5-го французского кирасирского полка, и уланы корпуса Латур-Мобура стремительно ударили на семеновцев. Те приняли их в штыки, отбивая атаку за атакой. Курганная батарея была захвачена, но прорыва центра не произошло. Якушкин за участие в Бородинской битве получил георгиевский крест, Владимир Раевский — золотую шпагу «За храбрость»[45].

Многие другие декабристы также прошли по полям войны 1812 г. Участником Бородинского сражения являлся и будущий предводитель восстания Черниговского полка Сергей Муравьев-Апостол, тогда подпоручик корпуса инженеров путей сообщения, которому ко времени сражения не исполнилось еще и 17 лет. В его служебном формуляре значится: «1812-го года под начальством инженер-генерал-майора Ивашева находился в действительных сражениях июля 11, 12, 13-го чисел под городом Витебском, августа 24, 25, 26-го при селе Бородине, октября 6-го при селе Тарутине, 12-го под городом Малым Ярославцем. Отделен в отряд генерал-адъютанта графа Ожеровского и находился в сражениях 3, 4, 5 и 6 ноября под Красным, за что и награжден золотою шпагою с надписью: «За храбрость», при взятии Могилева и переправе через реку Березу *; за кампанию 1812 года произведен в поручики и награжден орденом св. Анны 4-го класса»[46].

Будущие декабристы участвуют во всех крупнейших по значению битвах 1812 г. Весть о Тарутинском сражении привез Александру I с поля битвы декабрист С. Волконский. Он же один из руководителей партизанских отрядов, как и декабрист Михаил Фонвизин,— эта деятельность особенно близко свела декабристов лицом к лицу с народом.

Основатель первого тайного общества декабристов Александр Муравьев — также активный участник Отечественной войны, в конце которой ему исполнилось всего лишь 20 лет. Был в сражении при Бородине, участвовал в деле под Тарутином, под Малоярославцем, под Красным, получил золотую шпагу с надписью: «За храбрость»[47]. Служебный формуляр сообщает об его участии «во всех авангардных сражениях в преследовании неприятеля». Декабрист В. Л. Давыдов за несколько дней перед сражением Бородинским назначен был адъютантом к господину Главнокомандующему 2-ю Западною Армиею генерал от инфантерии князю Багратиону». Он был свидетелем его смертельного ранения на Семеновских флешах. После его смерти декабрист «возвратился во фронт, где и пробыл до окончания войны. Он сам был ранен штыками в битве под Кульмом, вновь ранен пиками под Лейпцигом, где под ним была убита лошадь. Раненого захватили было в плен, но он был отбит «дней через двенадцать». Герой Отечественной войны и Михаил Орлов, кавалергард, в то время 24-летний штабс-ротмистр. Его служебный формуляр повествует, что в 1812 г. он «употреблен был при 1 Западной армии и находился в сражениях августа 4 и 5-го при г. Смоленске, того же августа 24 и 26-го чисел при селе Бородине начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова, при взятии города Вереи сентября 29-го, октября 11-го при Малоярославце, ноября 4, 5 и 6-го чисел под г. Красным, откуда был послан с легким отрядом для открытия сообщения с армией г.-адмирала Чичагова, что исполнил, прошедши сквозь неприятеля, и соединился с Молдавскою армиею во время нападения французов на оную»; в конце формуляра значится, что Михаил Орлов в марте 1814 г. находился в сражении при городе Париже и «заключил договор о сдаче сей столицы Французской

* Березину.

империи Союзным войскам». За подписание договора о капитуляции Парижа Орлов был произведен в генерал-майоры [48].

Война сплотила будущих единомышленников боевой дружбой. «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее и живее»,— говорил на следствии декабрист Трубецкой [49].

Представление декабристов о народе неизмеримо углубилось: его крепостническое порабощение и тяжелая жизнь теперь противопоставились его огромной роли в исторических событиях, в спасении отечества от поработителя.

В сентябре 1812 г., в момент вступления в Москву Наполеона, по Рязанской дороге, в рядах армии, окруженной толпой покидающего столицу народа, шагал восемнадцатилетний подпрапорщик Семеновского полка Иван Якушкин. «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании»,— записал он позже в своих воспоминаниях. «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгнувшихся в Россию галлов и с ними двунадесять языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По Рязанской дороге направо и налево поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла». В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле». Декабристы поняли, что народ участвует в защите родины сознательно, не как слепое орудие чьей-то воли, а как участник «великого дела». И такой народ — крепостной? В декабристском сознании все сильнее укреплялось кратко выраженное Якушкиным глубокое убеждение: «крепостное право — мерзость» [50].

«Народная война 1812 года вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, никакого предчувствия не имели»,— пишет декабрист А. Е. Розен [51]. Война заставила декабристов еще глубже размышлять над судьбой родины. Серьезные политические вопросы стали обычной темой разговоров. Конечно, обсуждались причины вторжения Наполеона, ход военных действий, позиция Александра I, обосновывалась невозможность заключения мира. Мысль работала над политическими вопросами первостепенной важности.

Однако нередко встречающееся в литературе представление о том, что все дело было в обострившемся после войны политическом зрении передовых деятелей, страдает односторонностью. Дело было не только в этом,— их поднимала волна народного недовольства. В послевоенной обстановке усиливалось движение масс, начинали складываться элементы революционной ситуации. Усиливается крестьянское движение: если за пятилетие 1806—1810 произошло 38 крестьянских волнений, то за послевоенное пятилетие 1816—1820 число их, по неполным данным, увеличилось до 87, т. е. выросло более чем вдвое. С войной народ связывал надежды на освобождение,— после войны они рухнули. «Еще война длилась,— писал декабрист Александр Бестужев Николаю I из крепости,— когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа» [52]. Этот знаменитый текст, обошедший все работы о декабристах,

свидетельствует не только о формирующемся мировоззрении первых русских революционеров и возрастающей зоркости их взгляда, но и о росте народного движения, а также о связи его с настроениями в армии. С этим же кругом новых впечатлений и размышлений о бедствиях народа-героя связан гениальный замысел пьесы А. С. Грибоедова — друга Александра Бестужева — о 1812 годе, возможно, восходящий генетически именно к приведенному выше свидетельству декабриста. Роль народа в войне и рост сознания народных масс — основная идея замысла Грибоедова. Героем пьесы был крепостной крестьянин-ополченец, защитник родины. Его мужество противопоставлено дворянской трусости, «всеобщему ополчению без дворян». Покрывший себя славой ополченец, возвратившись на родину, надеется на освобождение от крепостного права. Он оказывается вместо этого «в пренебрежении у военачальников», «отпускается во свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию», вынужден вернуться домой, «под палку господина», вновь столкнуться с «прежними мерзостями» крепостного права. В отчаянии он кончает самоубийством [53]. Этот круг впечатлений — общий и очень важный источник роста революционных настроений. «Я роптал на бога и царя,— показывает декабрист Я. М. Андреевич,— и в сем ожесточении старался исследовать источник всего неистовства, коим терзают моих соотечественников — еще в то время, когда не знал ни о каких обществах... вот причина весьма очевидная, которая побудила искать людей, кои бы могли внимать рыданию бедных жителей и стону нещастных солдат, которые так храбро и отлично дрались в кампанию 1812-го года, когда Отечество было почти порабощено неприятелем. Скажите, чего достойны сии воины, спасшие столицу и отечество от врага-грабителя, который попирал святыню? так они, [а] никто другой спас Россию. И это был долг их, они клялись престолу и отечеству и твердо выполнили оную [клятву]. А такое ли возмездие получили за свою храбрость? нет, увеличилось после того еще более угнетение. Я не говорил бы сего, если бы не был сын отечества верный...» Солдата-героя Отечественной войны, просившего милостыню под окнами, не мог забыть декабрист А. Поджио,— это впечатление было одним из сильнейших, побудивших его перейти на революционные позиции. Декабрист Аврамов поразившую его бедность крестьян относит к причинам своего вольномыслия. Декабрист Лунин глубоко заметил, что право тайного общества на преобразование России основывалось «на потребностях народа, которые надлежало удовлетворить». Яростная фигура реакционного лагеря, герцог Голштейн-Ольденбургский писал о новых настроениях крестьян Ярославской губернии после войны 1812 г.: «Народ... оставив свойственные ему домашние и полевые занятия и предавшись совершенно праздности (!) единственно толкует по своему о следствиях войны... Словом, всех сословий люди более, нежели гражданами и поселянами, как бы сделались политиками». После войны, по наблюдениям современников, возросла и грамотность крестьян. Повышение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов характерно для послевоенного времени. Как уже упоминалось, помещики стремились переложить на крестьян всю тяжесть военного разорения и усилили крепостническую эксплуатацию. Поэтому воздействие на декабристов войны 1812 г. и ее последствий — это прежде всего тема о народе [54].

Позже, в казематах Петропавловской крепости, когда декабристы отвечали на вопрос следствия о причинах развития в них духа вольномыслия, они вспоминали и 1812 год. «Великие события Отечественной войны, оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности»,— отвечает на следствии декабрист

Фонвизин. Пестель, не колеблясь, ставит 1812 год в один ряд с событиями революционного значения, приравнивая его к последним по степени силы политического воздействия. Правитель дел Следственной комиссии по делу декабристов А. Д. Боровков, составляя для Николая I «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», повторил там мнение декабристов о значении двенадцатого года для роста вольномыслия в России: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России».

«Мы были дети 12-го года»,— кратко и глубоко определил отношение декабристов к Отечественной войне декабрист Матвей Муравьев. Двенадцатый год стал поворотным моментом их политической жизни [55].

Война оставила свой след в сознании и более юных по возрасту декабристов, которые по молодости еще не служили в армии во время Отечественной войны.

В начале августа 1812 г., когда русская армия отступала от Смоленска, в окно крестьянской избы одной из подмосковных деревень постучался хорошо одетый 16-летний подросток и попросил есть. За кружку молока и кусок хлеба он заплатил золотой, явно показав этим, что не знает цены русским деньгам. Крестьяне заподозрили в нем французского шпиона, нашли при нем военные карты и списки наполеоновских маршалов, схватили его, связали и представили по начальству. Это был будущий декабрист Никита Муравьев, сын сенатора Михаила Муравьева, бежавший из дома на фронт, несмотря на запрещение матери. Захваченный общим патриотическим подъемом, он страстно желал поступить в действующую армию, не вынес «состояния бездействия» и бежал из родительского дома. Арестованный недалеко от столицы и приведенный в Москву, он по дороге «в яму» для шпионов повстречал своего гувернера и на беду заговорил с ним по-французски. Конвоиры прихватили и гувернера. Тот вырвался и, добравшись до дома, сообщил матери Никиты Муравьева об аресте сына. С трудом удалось вызволить юного патриота из «ямы». Поступок Никиты Муравьева был предан широкой огласке, и мать дала, наконец, свое согласие на поступление сына на военную службу [56].

Глубокий след оставили события Отечественной войны и в сознании лицеистов. Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер, Владимир Вольховский вместе с Пушкиным взволнованно переживали события войны, с захватывающим вниманием читали газеты, провожали идущих на фронт. «Жизнь наша лицейская сливается с политическою эпохою народной жизни русской»,— справедливо пишет И. Пущин в своих воспоминаниях. «Приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми: усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита» [57].

Пушкин писал об этом времени:

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

В другом стихотворении Пушкин вспоминал:

Сыны Бородина, о кульмские герои,
Я видел, как на брань летели ваши строи,
Душой торжественной за братьями летел...

Таким образом, 1812 год явился вехой в формировании мировоззрения не только старшего поколения первых русских революционеров, а всего движения декабристов в целом .

Заграничные походы 1813—1814 гг. сыграли свою роль в деле дальнейшего формирования мировоззрения декабристов и в развитии противостоящих друг другу лагерей в общественной жизни России. Они не только непосредственно познакомили декабристов со странами, где не было крепостного права и где в результате революции утвердился представительный конституционный строй,— они, кроме того, окружили их атмосферой шедшего к новому подъему демократического движения. Однако из всего уже изложенного ясно, что не пребывание за границей породило идеологию первых русских революционеров,— она начала возникать много ранее из условий русской жизни. Впечатления от заграничных походов лишь ускорили выросший на русской почве процесс, но не были его началом, первым его этапом.

Конечно, и ранее декабристы имели представление о конституционном строе, но теперь оно стало живым и конкретным. Декабрист А. Бестужев говорил потом, что прения во французской палате депутатов или в английском парламенте занимали его не меньше, чем француза или англичанина. Николай Бестужев показывал на следствии: «Бытность моя в Голландии 1815 года в продолжении 5 месяцев, когда там устанавливалось конституционное правление, дала мне первое понятие о пользе законов и прав гражданских; после того двукратное посещение Франции, вояж в Англию и Испанию утвердили сей образ мыслей» [58].

Самая сложность политической обстановки заграничных походов 1813—1814 гг. побуждала к размышлению. Всюду в Европе разгоралось национальное движение, враждебное как игу Наполеона, так и феодально-крепостническому угнетению и абсолютизму. Народы боролись против поработителя Европы, одновременно угрожая своим абсолютистским правительствам. Последние же руководили войной против Наполеона, жадно стремясь к дележу посленаполеоновского наследства и одновременно испытывая сильнейший страх перед натиском народных масс. С последними приходилось демагогически заигрывать, обещая им, что после войны и победы наступит якобы время свободы и социального переустройства. Эти обещания были обманом народа: правительства хотели одного — восстановления старого. Борьба европейских правительств и борьба европейских народов против Наполеона, объединившись внешне, были глубоко различны по существу. Народы и правительства сражались с Наполеоном во имя разных целей. Массы боролись во имя освобождения и от иноземного и от феодального ига, правительства же сражались против всеевропейского владыки во имя сохранения феодально-абсолютистского строя. Разницу в характере борьбы правительств и народов подчеркнул В. И. Ленин, анализируя тогдашнее международное положение в статье «Несчастный мир»: «Наполеон I был в течение ряда лет полнейшим победителем на континенте, его победа над Пруссией была много решительнее, чем победа Вильгельма над Россией. А через немного лет Пруссия оправилась и в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну свергла иго Наполеона» [59].

Оказавшись свидетелями реставрации во Франции, декабристы задумались над сложным вопросом о судьбе революционных завоеваний. По

их собственному свидетельству, им пришлось внимательно размышлять о значении тех передовых идей и учреждений, которые озлобленно атаковались реакцией. Они пришли к выводу, что революционные завоевания обладают, несмотря на натиск реакции, большой прочностью. Как бы ни желали этого реакционные монархи, они были бессильны попросту и без оговорок восстановить старый режим. В обстановке национального движения в Пруссии и вообще национального движения в Европе реакция не смела касаться многих революционных завоеваний и, как ни велики были ее силы, не могла, например, вернуть Бурбонов на французский престол в роли прежних неограниченных французских монархов: Бурбонам пришлось примириться с конституцией. Даже реакционный лагерь — от Талейрана до Жозефа де Местра, идеолога реакции,— ясно видел печальную для него невозможность полного возврата к старому порядку. Жозеф де Местр писал, что «проект перелить Женевское озеро в бутылки был бы значительно менее безумен, чем проект восстановления дореволюционного порядка» [60]. «Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать епохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей,— показывал Пестель,— ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных Революциею, были при Ресторации Монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против Революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что Революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений». Таким образом, зарождение у Пестеля революционных мыслей надо отнести к 1814—1815 гг. [61]

Во время заграничных походов передовую русскую молодежь оскорбляло пренебрежение царского правительства ко всему русскому, предпочтение иностранного. Александр I в Париже унижал национальное достоинство русских офицеров, сажая их на английскую гауптвахту. Царь явно превозносил все иностранное в ущерб русскому. Не любя воспоминаний о 1812 годе, когда он играл довольно незавидную роль, бездействуя или мешая ходу военных действий, царь упивался своей славой в заграничных походах 1813—1814 гг., ролью «освободителя Европы». Но и тут его привлекали не боевые действия,— более всего царь восхищался устроенным им парадом русских войск под Вертю, близ Парижа, он предпочитал это событие и Бородину и другим славным битвам 1812 г. Декабрист Якушкин с возмущением записал в своих воспоминаниях: «При смотре при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря о русских вообще, сказал, что каждый из них или плут или дурак». Все это несказанно оскорбляло национальное достоинство передового офицерства [62].

Вернувшись на родину, декабристы остро ощутили отсталость и крепостническое угнетение России. «Пребывание во время похода за границей вероятно в первый раз обратило внимание мое на состав общественный в России и заставило видеть в нем недостатки,— показывал на следствии декабрист Якушкин.— По возвращении из-за границы крепостное состояние людей представилось мне как единственная преграда сближению всех сословий и вместе с сим — общественному образованию в России». Крепостничество, полное бесправие населения, неограниченный произвол и

деспотизм начальников, отсутствие просвещения, продажность чиновников, хаос в местном управлении, взяточничество судей, палочный режим в армии — все это вызывало протест и стремление переустроить Россию.

30 июля 1814 г. Якушкин в штатском платье направился вместе с товарищем посмотреть на первую гвардейскую дивизию, вступающую в северную столицу. Он стоял недалеко от позолоченной кареты, в которой сидела императрица Мария Федоровна с великой княжной Анной Павловной, и любовался зрелищем торжественного въезда. «Наконец, показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей. Мы им любовались; но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет; я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая однакож не могла видеть мыши, не бросившись на нее» [63].

По возвращении из-за границы в усиленной степени возобновилась работа сознания над вопросом о положении родины. А вместе с этим резче обозначился дальнейший процесс дифференциации двух лагерей. Если до войны возникновение преддекабристских организаций наметилось лишь самым слабым образом, то после войны они возникли вновь в формах, гораздо более отчетливых, и наполнились новым содержанием.

6

Заграничные впечатления не породили новую идеологию, но они явились ускорителем начавшегося идеологического процесса. Горячая любовь к отечеству, высоко поднятая гордым сознанием международной роли России и славой одержанных побед, пронизывает процесс работы сознания. Тем резче и больнее для новаторов картина окружающего их угнетения и бесправия. Перед общественным сознанием встает уже далеко не абстрактный вопрос, какое правление вообще наилучшее — монархическое или республиканское, а какое правление наилучшее для России и как прийти к этому наилучшему правлению и когда может оно осуществиться. Возникает уже не общая тема для юношеских дебатов студенческой поры, равен ли один человек от природы другому, а практическая задача — как ликвидировать зло крепостного права в России и потрясти самодержавный строй.

Декабристы хорошо знали потаенную русскую политическую литературу и западную просветительную философию, сочинения Радищева, издания Новикова, произведения Вольтера, Руссо, Монтескье. Они изучали конституции революционной Франции, Испании, Америки, законодательство Англии. Им хорошо была знакома и политическая литература их времени,— из западных политических публицистов XIX в. они внимательно читали Детю де Траси, Бенжамена Констана. В области политической экономии их интересовал крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии Адам Смит, штудировали они также мелкобуржуазных экономистов Сэя, Сисмонди. Пестель советовал вновь вступившим членам читать труды Беккариа, Филанджиери, Гельвеция, Адама Смита; декабрист Николай Тургенев самостоятельно работал над научными экономическими проблемами. Труды по философии, политике, юриспруденции и политической экономии были кругом декабристского чтения, так как, по мнению декабристов, без этих сведений «нельзя быть полезным ни себе, ни обществу, ни отечеству».

Было бы неправильно преувеличивать значение этих идейных воздействий, чем в невероятной степени отличалась дворянско-буржуазная лите-

ратура о декабристах, вообще подменявшая «западными влияниями» всю проблему генезиса декабризма и в силу своих идеалистических в методологическом отношении и космополитических по политическому существу установок не видевшая более вообще никаких «истоков» движения декабристов. Однако наметившееся в последнее время в литературе стремление принизить, затушевать, а то и вовсе замолчать эту сторону дела надо признать глубоко неправильной тенденцией.

Французская просветительная философия XVIII в. и передовая политическая литература начала XIX в. оказали могущественную помощь формированию мировоззрения декабристов. Декабристы хорошо вооружились в идейном отношении для борьбы со старым строем. В их юные годы об этом позаботились Московский университет, лицей, школа колонновожатых, многие из них получили лучшее по тем временам образование. Но все же самообразование остается основным источником пополнения знаний. Молодые вольнодумцы стали усиленно заниматься, вникать в произведения просветительной философии, слушать «приватные» лекционные курсы у таких выдающихся ученых своего времени, как А. П. Куницын, А. И. Галич, К. Ф. Герман, К. И. Арсеньев и другие профессора, усиленно изучать новую зарубежную политическую литературу, тяга к которой была чрезвычайно велика.

Пестель усердно работал над самообразованием, составляя конспекты прочитанного, записывая прослушанные лекции, систематизируя свои знания. Памятником этой работы осталось конспективное изложение лекций по политической экономии (есть предположение, что это лекционный курс профессора Германа), которое известно в документальном наследии Пестеля под названием «Практические начала политической экономии». Рукопись эта (на французском языке) была забрана при обыске, сохранилась в архиве и многими исследователями принимается за авторскую работу Пестеля. Это мнение не выдерживает критики: «Практические начала» развивают иную систему взглядов, отличную от воззрений Пестеля.

Остановимся кратко на датировке этой рукописи. Первый ее публикатор С. С. Мильман высказал предположение, что она написана «под впечатлением и даже под влиянием» работы Сисмонди «Nouveaux principes d'économie politique», вышедшей в 1819 г. в Париже. Мильман полагал, что «Сисмонди настолько сильно овладел Пестелем, что в публикуемом документе очень часто можно встретить простой пересказ мыслей из «Nouveaux principes». Отсюда публикатор делал и ответственный вывод о датировке рукописи,— при данном положении дела она, конечно, не могла появиться ранее 1819 г. [64]

Однако этот довод не выдерживает проверки. Мильман привел в пользу своего тезиса сопоставление двух текстов Пестеля и двух выдержек Сисмонди, но расположил их таким образом, что они потеряли выразительность и даже невольно могут ввести читателя в заблуждение: перевод предшествует французскому тексту, и последний искусственно приобретает характер нового текста, действительно совпадающего с предшествующим. Воспользуемся поэтому в качестве примера теми же текстами, но отчетливо сопоставленными в параллельном чтении. Возьмем первый из приведенных Мильманом текстов:

Сисмонди «Nouveaux principes d'économie politique» (Париж, 1819):	Рукопись Пестеля «Практические начала...»:
«Торговля или промышленность страны не могут считаться процветающими лишь потому, что небольшое число купцов нажило огром-	«Но большие проценты, малое число капиталистов, имеющих большие доходы, служат всегда показателем

ное состояние; наоборот, их необычайные прибыли почти всегда свидетельствуют против общего благосостояния страны» (т. I, кн. 3, гл. II, стр. 161—162).

национальной бедности» («Красный архив», т. XIII, стр. 194).

Сопоставление этих текстов не свидетельствует о заимствовании. В общем своем виде приведенный в обоих текстах тезис часто встречался в экономической литературе того времени, связанной как с Адамом Смитом, так и со школой физиократов. Заключить отсюда, что изложение Пестеля является «пересказом» Сисмонди, и на этом построить его датировку, разумеется, нельзя. Что же касается прямого упоминания имени Сисмонди в рукописи Пестеля («Но как утверждает Симонд (т. е. Simonde de Sismondi.— *М. Н.*), Франция потеряла много своих производственных капиталов»), то это упоминание также не может быть основанием для датировки, ибо у Сисмонди, начавшего печататься с гораздо более раннего времени, чем 1819 г., имеются разнообразные работы, вышедшие значительно раньше «Nouveaux principes». Этим исчерпываются доводы первого публикатора; они явно недостаточны, поэтому датировку рукописи Пестеля, предложенную С. Мильманом, надо признать необоснованной.

Между тем в рукописи Пестеля имеются некоторые данные для ее датировки. Выделим два текста. Первый из них относится к освобождению крестьян, в частности касается Прибалтики. Автор текста рекомендует начать с того, что крестьянин «не может быть продан без земли», затем рекомендуется предоставить крестьянину право «оставить землю», т. е. уйти из данной местности, после того, как будет установлено, что он «ничего не должен хозяину» (следует ссылка на допетровское положение крестьян). «Разрешите затем землевладельцам отпускать крестьян на волю, если они найдут это нужным и на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми. Так делается в настоящее время в России» (очевидно, ссылка на закон о вольных хлебопашцах 1803 г.). Наконец, «...необходимо заняться уставом о земледелии, где были бы точно определены обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу и по отношению к государству. Комиссия по делам Лифляндии занимается чем-то в этом роде». Речь идет, очевидно, об основанной в мае 1803 г. комиссии по улучшению быта остзейских крестьян, которая готовила «освобождение», утвержденное 20 февраля 1804 г. и 27 августа 1804 г., распространенное на Эстляндию. Текст записи не оставляет сомнений в том, что для автора «освобождение» крестьян в Прибалтике — еще готовящееся и не завершенное дело. Но продолжение изложения, переходящее уже к другому вопросу, включает в себя и более позднюю дату, возможно, последующую приписку, носящую характер пополнения старого текста новым фактическим материалом: оно говорит об опасности богатства для богачей, ибо «рабам» от этого богатства пользы нет, а богатым хозяевам «необходимо будет их (т. е. рабов.— *М. Н.*) очень остерегаться. Война с рабами у римлян, недавний пример С.-Доминго и ряд других примеров новейшей истории подтверждают, что это не вымышленная опасность». Речь идет, несомненно, о восстании 1808 г. в Санто-Доминго (Гаити) против французского владычества. Едва ли можно сказать «недавно» о событии, которое совершилось 11—12 лет тому назад (если принимать датировку С. С. Мильмана). Более поздних включений материала в данный текст не удается обнаружить. Следовательно, Пестель работал над какими-то книжными или лекционными текстами, которые были оформлены много раньше 1819 г. и оформлены не Пестелем, так как события 1808 г. он не мог бы сам назвать «недавними», и работа комиссии для «улучшения быта» остзейских крестьян, предварившая проект 1804 г., не могла бы быть для него на-

стоящим, еще длящимся и не завершенным во времени явлением: Пестелю во время завершения работ этой комиссии было всего 10 лет, а во время восстания в Гаити — 14. Поэтому можно предположить, что Пестель конспектировал текст лекций, который профессор постепенно пополнял новейшими данными, закончив это пополнение фактами 1808 г., которые еще представлялись профессору «недавними».

Пестель воспитывался в Гамбурге и Дрездене под руководством Зейделя и, вернувшись в Россию в 1809 г., стал готовиться к поступлению в Пажеский корпус. «О политических науках,— показывает он на следствии,— не имел я ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться ко вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для вступления в верхний класс. Я им тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе». Чрезвычайно правдоподобно, что, готовясь ко вступительному экзамену, Пестель и составил в 1809—1810 гг. свой тщательный конспект по лекционным материалам своего профессора. Эти даты вполне соответствуют сделанным выше наблюдениям о внутренней датировке текста.

Зимою 1816/17 г. Пестель в числе многих других вновь слушал курс политических наук у профессора К. Ф. Германа «в его квартире на Васильевом острову» (добавим, по свидетельству декабриста Шипова, «на 5 линии, в казенном академическом доме...»). Но на этот раз «мало у него тогда почерпнул новых познаний, потому что он почти то же читал в лекциях своих, что прежде я от него слышал в Пажеском корпусе. Форма преподавания была другая, но существо предметов то же самое». Надо думать, что в силу этого Пестель едва ли бы стал столь тщательно конспектировать и оформлять в 1816/17 г. не очень интересный для него и уже хорошо знакомый текст. Поэтому рукопись «Практических начал» надо признать относящейся к 1809—1810 гг.

Что же касается воззрений Пестеля 1816—1817 гг., то они решительно расходятся с «Практическими началами». Последние проникнуты основной идеей: правительство должно с величайшей постепенностью освободить крестьян, оно уже успешно стало на этот путь, но ни о революции, ни о конституции в рукописи нет и намека. Весь ее текст пронизан надеждой на царское правительство. Записка составлена в монархическом духе — в ней допускается лишение владельца его земельной собственности в случае «оскорбления величества». Между тем мы знаем, что Пестель во время реставрации Бурбонов (1814—1815) стал переходить, по собственному признанию, на революционный путь, а к концу 1819 — началу 1820 г. в нем победил республиканский образ мыслей: в начале 1820 г. он уже делал доклад в Союзе Благоденствия о преимуществах республиканского способа правления. Эволюция Пестеля искренно рассказана им самим на следствии; одним из самых замечательных документов этого порядка является его знаменитый ответ на седьмой вопрос биографической анкеты — каким образом укоренились в нем революционные мысли. «Практические начала политической экономии», если трактовать их как авторский документ Пестеля, решительно противоречат этим показаниям, точность которых вне сомнений. Это еще раз подтверждает предположение, что «Практические начала» не являются авторской рукописью Пестеля.

7

Описанная идейная атмосфера эпохи содействовала образованию тесных товарищеских коллективов, объединенных общей идейной связью и политическими настроениями. «Дух времени» наполнял паруса эпохи,— она двигалась вперед с большой быстротой, и зорким молодым глазам все

отчетливее виднелся из тумана и вздымающихся волн «тот» желанный берег с усиливающейся четкостью очертаний. Все яснее осознавались назревшие задачи, которые хотелось разрешить. В насыщенной вольнолюбивыми идеями атмосфере глубоко дышалось после «грозы двенадцатого года». Все звало к концентрации сил и принятию практических решений, а стало быть, к организации, к сплочению единомышленников.

Первому тайному обществу декабристов предшествовало несколько более ранних организаций. Все они послужили школой будущего движения, его непосредственной предпосылкой. Изучение этих ранних преддекабристских организаций (назовем их так в отличие от ранних декабристских организаций — Союза Спасения и Союза Благоденствия) сопряжено с большими трудностями. Эти идейные товарищеские объединения оставили подчас чуть заметные следы в документальном материале,— приходится довольствоваться отрывочными сведениями. После войны 1812 г. в поле нашего внимания оказываются четыре ранние преддекабристские организации: две офицерские артели — в Семеновском полку и среди офицеров Главного штаба («Священная артель»), Каменец-Подольский кружок Владимира Раевского и «Общество русских рыцарей» Михаила Орлова и Матвея Дмитриева-Мамонова. Самая множественность организаций — важный симптом дальнейшего процесса формирования двух лагерей в общественной жизни России того времени. Начатки объединений возникали не случайно и не сами по себе, а в более широкой среде общественного брожения.

Создание офицерской артели в гвардейском полку было, вообще говоря, делом обычным: хозяйственные полковые артели вырастали из общих экономических интересов офицерства, а режим полковой жизни в условиях мирного положения легко соединял офицеров в коллектив с общим распорядком дня и одинаковыми жизненными потребностями. Новым было присоединение к этим обычным формам полковой жизни общения идейного характера и последующее возникновение черт политического объединения, столь встревожившего бдительное начальство.

Дружеские боевые связи, окрепшие на полях войны, легли в основу этого общения. В 1812 г. старейший русский гвардейский полк — Семеновский — находился в составе первой армии, состоявшей под командой Барклая де Толли. Он проделал вместе с нею всю знаменитую в летописях Отечественной войны «ретираду» — «от Вильны до селения Бородино». Завоевав новую боевую славу в Бородинском сражении, полк продолжал геройски участвовать и в последующих операциях: сражался при Тарутине и Малоярославце, бился в боях знаменитого кутузовского контрнаступления, активно участвовал в изгнании Наполеона из России. В составе авангарда русской армии полк пересек государственную границу и вступил в Пруссию в первый день нового — 1813 г., перейдя через замерзший Неман. Далее семеновцы двинулись через Одер и Эльбу и участвовали в сражениях при Люцене и Бауцене, вступили в Богемию, сражались под Кульмом и в «битве народов» под Лейпцигом. В январе 1814 г. Семеновский полк перешел за Рейн и вступил в пределы Франции, а в марте 1814 г. участвовал в битве под стенами Парижа и торжественно вступил во главе русских войск во французскую столицу. Здесь застал его конец войны.

В 1814 г. полк прошел через Нормандию до Шербура, где, погрузившись на суда российской эскадры, вернулся в Россию, прибыл в Кронштадт и торжественно, через триумфальную арку, вступил в Петербург 30 июля 1814 г.

То содружество, которое сложилось в полку в форме офицерской «артели», имело под собой крепкую почву длительных лет военного общения, боевого товарищества в огне общих опасностей, высокой школы патрио-

тизма. И. Д. Якушкин, оставивший основное свидетельство о Семеновской артели, датирует в своих записках ее начало 1815 годом; однако одновременно он (не вполне точно) именно этот год называет годом возвращения гвардии в Петербург. Поэтому остается открытым — к 1814 или к 1815 г. надо отнести возникновение Семеновской артели. В нее входило, по воспоминаниям И. Д. Якушкина, человек 15 или 20 семеновских офицеров, которые сложились, чтобы иметь возможность каждый день обедать вместе. Однако обедали «не одни вкладчики, но и все те, которым по обязанностям службы приходилось проводить целый день в полку. Напомним, что в полку в соответствии с его штатным составом было около полутора десятка старших офицеров (или «штаб-офицеров», по тогдашней терминологии,— от полковника до майора включительно) и около трех десятков обер-офицеров, или младших офицеров, в чине от капитана и ниже. Таким образом, Семеновская артель явно включала в себя не все офицерство Семеновского полка, а менее его половины. Но характернейшей чертой объединения оказалось, что меньшая часть явно притянула к себе бóльшую, сделала и ее фактически соучастницей объединения. Включая в себя прочее офицерство, она явилась ведущей в его среде. Напрашивается и другое соображение: если группа офицеров объединилась со скромной первоначальной целью вместе обедать, то можно предположить, что инициаторами объединения, вероятно, были не наиболее богатые, а наименее экономически обеспеченные офицеры. Участие в этой группе совсем небогатого смоленского дворянина в самом скромном чине прапорщика и лишь с января 1816 г. подпоручика — Ивана Якушкина говорит за себя. По всей вероятности, в первоначальную группу «артельщиков» и входили ему подобные; потом состав группы мог измениться, к артели притянулись в силу идейных соображений уже те, кто заинтересовался ее политическим направлением [65].

Резкую новизну явления отмечает и сам Якушкин: ранее, «в 1811-м году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходившись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую», теперь же все стало иначе — культурным и осмысленным. «После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе,— такое времяпрепровождение было решительно нововведение».

К сожалению, архивы не сохранили прямых хозяйственных или иных документов артели, которые, конечно, были. Ликвидированная в силу царского неудовольствия, артель едва ли имела желание хранить документальные данные о своем личном составе и денежных взносах. Мемуарная литература также не сохранила полного перечня участников Семеновской артели: ее явная и несомненная близость к последующему движению декабристов стерла эти перечни в последующих воспоминаниях,— упоминания имен «артельщиков» были в создавшихся условиях если не прямо опасны, то во всяком случае политически бестактны. Поэтому пока персональный список «артельщиков» Семеновского полка не поддается полному восстановлению. Несомненно участие в артели И. Д. Якушкина, служившего в полку с 1811 г.; правдоподобно предположение, что от близкого друга не отстал Иван Щербатов, за которым мог легко потянуться по близкому товариществу прапорщик Матвей Муравьев-Апостол, состоявший в полку с 1811 г. и проделавший с ним всю кампанию. Поручик Сергей Муравьев-Апостол, младший брат предыдущего (но старший его по чину) [66], вступил в Семеновский полк в марте 1815 г. и, будучи очень дружен с братом, едва ли стал бы обедать отдельно,— его вполне возможно причислить к этой же группе. Мог в конце концов втянуться в артель и князь Сергей Трубецкой, также очень близко и давно знакомый с пере-

численными лицами: Трубецкой был старым семеновцем — вступил в полк еще в ноябре 1808 г. и к интересующему нас 1815 г., когда существовала Семеновская артель, состоял в чине поручика. Все перечисленные офицеры были к тому же холосты и заинтересованы в организации артельного хозяйства. Вероятно, без ошибки можно причислить к артели и Ивана Николаевича Толстого — близкого и душевного друга Якушкина и Муравьевых-Апостолов, который в прежних изданиях «Записок» Якушкина наименован фантастическим словом «однопажник». Слова такого не существовало, и имеются все основания признать его простой опиской или, еще вернее, ошибкой чтения слова «однокашник» [67]. Если наша догадка верна, то последнее определение идет навстречу предположению, что Иван Толстой был членом Семеновской артели и обедал вместе с ее членами (отсюда — «однокашник»). Дополнительно подкрепляется это стихотворным свидетельством Федора Глинки, на котором мы остановимся ниже. Далее, основываясь уже на анализе политических настроений офицеров, привлеченных к дознанию по делу Семеновского полка, можно предположить, что офицеры-семеновцы Кашкаров, Ермолаев и Вадковский едва ли остались в стороне от такого начинания, как Семеновская артель: Кашкаров не выдал списка солдат — зачинщиков волнений в Семеновском полку в 1820 г. и, лишенный чинов и орденов, разжалован в рядовые. Ермолаев не остановился перед самым резким проявлением возмущения против полковника Шварца и составлением протеста в письменной форме. Вадковский покровительствовал восставшим семеновцам даже после приговора. Все эти офицеры были в службе не первый год. К моменту образования артели Вадковский был уже десяток лет на командных должностях [68], а в службу вступил еще в 1808 г. (из дворян Тамбовской губернии); к интересующему нас 1815 г. ему было 23 года. Кашкаров был родом из дворян Пензенской губернии, находился в службе с 1809 г. и к 1815 г. ему было 27 лет. Иван Щербатов в службе находился с 1811 г. (вступил в полк одновременно с Якушкиным) и к 1815 г. ему было всего 20 лет. Ермолаев (родом из дворян Саратовской губернии) в службе был с 1809 г. и к 1815 г. был в возрасте 24 лет. «Артельщики» были преимущественно военной молодежью.

Таким образом, отчасти бесспорно, а по отношению к другим именам предположительно, но все же с известными основаниями мы можем составить следующий список членов Семеновской офицерской артели: И. Д. Якушкин, Иван Щербатов, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Сергей Трубецкой, Иван Толстой, Кашкаров, Ермолаев, Вадковский — всего девять человек из общего числа «15 или 20 офицеров», указанного Якушкиным. Специальное исследование вопроса, надо надеяться, даст возможность установить дополнительно данные [69]. Возможно предположить еще одно: не бывал ли гостем Семеновской артели вездесущий Федор Глинка, адъютант Милорадовича? Это предположение напрашивается в связи с наличием прекрасного стихотворения Глинки, посвященного этому вопросу, которое будет приведено ниже. Что же касается возможности приглашать к столу гостей, то это всегда было неотъемлемым правом всех членов офицерских артелей.

Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин, как свидетельствует И. Д. Якушкин, покровительствовал артели и иногда обедал вместе с ее членами. Но «через несколько месяцев» после возникновения артели Александр I приказал полковому командиру «прекратить артель в Семеновском полку», сказав при этом, что «такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся». На основании этого текста надо признать весьма непродолжительным время существования Семеновской артели — всего «несколько месяцев» 1815 г.

Вдумываясь в весь контекст свидетельства Якушкина и в весь круг материалов, рисующих предисторию восстания Семеновского полка в 1820 г., мы легко нащупываем еще одну сторону деятельности артели: дело, очевидно, не ограничивалось только политическими разговорами,— артель явно давала направление самой практике управления полком и содействовала усилению связей офицеров с солдатами. В Семеновском полку палка была выведена из употребления, офицеры обращались с солдатами вежливо, говорили им «вы», поощряли грамотность. Надо думать, что Семеновская артель шла во главе этого движения.

Можно подметить еще одну сторону деятельности артели: сопоставляя свидетельство Якушкина с данными следствия и мемуаров, мы замечаем, что 1815 год уже был годом посещения офицерами научных лекций и усиленного самообразования. Лекции профессоров Германа, Куницына, Арсеньева и ряда других посещаются уже в это время, и среди посетителей мы встречаем семеновских офицеров. Поэтому есть основание связать эту ярко обозначившуюся струю самообразования и культурного роста также и с Семеновской артелью.

В 1856 г. в числе амнистированных декабристов вернулся в Москву и старый член Семеновской артели И. Д. Якушкин. Не прошло и нескольких дней, как с изумлением и чувством оскорбления узнал он, что ему, как и другим возвращенным из Сибири декабристам, запрещается жить не только в Москве, но даже и в Московской губернии. Сын Якушкина Евгений Иванович проживал постоянно в Москве, и вопрос о том, где же найти пристанище старому и больному отцу-декабристу, только что вернувшемуся из ссылки, был чрезвычайно тяжелым для малосостоятельной семьи. Близких родственников, которым было бы можно поручить попечение о больном отце, в других губерниях не было. Оскорбленный декабрист серьезно подумывал о возвращении в Сибирь. Тут на выручку пришел старый семеновец-однокашник Иван Николаевич Толстой: его имение Новинки находилось как раз на границе Московской губернии и избавляло декабриста от правительственных придирок. В старое толстовское гнездо, в «благословенную семью» Толстых, слетелись старые знакомые: семеновцы Матвей Муравьев-Апостол, Иван Якушкин, а также вездесущий Федор Глинка. Собравшиеся однополчане добром вспоминали Семеновский полк, и Федор Глинка отразил эти воспоминания в «Стихах о бывшем Семеновском полку». Слово «бывшем» подчеркивало, что речь идет о полке до его расформирования после «Семеновской истории». Конец стихотворения свидетельствовал как раз о том, кто присутствовал в Новинках. Поэт, предвидя будущее, пророчил сладость воспоминаний о текущих днях. Глинка писал:

...Вспомянем мы хоть про Новинки,
Где весело гостили Глинки,
Где благородный Муравьев *
За нить страдальческих годов
Забыл пустынную неволю
И тихо сердцем отдыхал;
Где, у семьи благословенной **,
Для дружбы и родства бесценной,
Умом и доблестью сиял
И к новой жизни расцветал
Якушкин наш в объятиях сына ***.

* Матвей.
** Т. е. у Толстых.
*** Сын декабриста, привезший его в Новинки,— Евгений Якушкин

Начало же стихотворения, несомненно, является поэтической передачей только что звучавших в Новинках разговоров и именно о Семеновской артели. Об этом говорит самая датировка упоминаемых в стихах событий: только что закончившаяся война (годы, когда офицеры еще могли носить фраки) и стихи лицейского Пушкина (Пушкин кончил лицей в 1817 г., следовательно, речь идет о более ранних годах). В связи с малой известностью стихотворения, еще не получившего в печати развернутого комментария, его начало необходимо привести в обширной выдержке: ведь оно — несомненный документ Семеновского полка в годы Семеновской артели, о которой сохранилось так мало данных.

СТИХИ
О БЫВШЕМ СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах «ура!»
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр, и свеж.
Пристрастье к форме пригасало,
О полке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...
Зато солдат, опрятный, ловкий,
Всегда учтив и сановит,
Уж принял светские уловки
И нравов европейский вид...
Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человечные манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом:
У них чело яснелось думой,
Из-за котоpой ум сиял...
Влюбивший от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сбираясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел, звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин.
И много было...— Все прошло!
Прошло и уж невозвратимо —
Все бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатило мимо... [70]

Включим на основании этого документа в историю Семеновской артели увлечение стихами молодого Пушкина и возникновение каких-то письменных сочинений членов артели («перо и книгу брали в руки»), но — увы! — каких именно, мы не знаем.

Перейдем теперь к интереснейшей преддекабристской организации, расположенной, так сказать, на самой основной магистрали декабристской предистории,— к «Священной артели» офицеров Генерального штаба.

«Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колошин и Семенов. С Колошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с им, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил» [71]. Так описывает И. И. Пущин свое вступление в тайное общество декабристов.

Мы видим, что посредствующим звеном, соединившим И. И. Пущина с Союзом Спасения, была артель, основанная молодыми офицерами Генерального штаба. Упоминание на первом месте в ряду ее членов основателя Союза Спасения Александра Муравьева и последующее участие всех упомянутых Пущиным членов артели в Союзе Спасения дает возможность прийти к выводу, что этот «мыслящий кружок» — непосредственный предшественник первой организации декабристов.

Источники для изучения этого «мыслящего кружка» немногочисленны, но все же вполне достаточны для бесспорного установления самого факта его существования и его первоначальной характеристики. Мы располагаем четырьмя мемуарными свидетельствами высокой достоверности, из которых три (И. И. Пущина, Н. Н. Муравьева, В. К. Кюхельбекера) принадлежат членам артели, а четвертое — их близкому другу декабристу А. Е. Розену. Мы имеем и два документа идейной жизни самой артели, возникших в процессе ее внутреннего развития: памятку «Постоянство», данную артелью Н. Муравьеву, и стихотворение П. Колошина «К артельным друзьям». Если к этому добавить эпистолярную запись А. С. Шишкова, то круг прямых свидетельств дополнительно расширится.

На первом месте среди источников, кроме уже приведенного свидетельства И. Пущина, стоят «Записки» брата основателя декабристского общества, Н. Н. Муравьева-Карского, которые сохранили наименование содружества — «Священная артель»: говоря о своем отъезде из Петербурга в 1816 г., Н. Муравьев пишет: «Священная артель наша проводила меня до Средней Рогатки...»; «Святое братство» говорится об артели в другом месте тех же «Записок» Н. Муравьева [72].

Долгое время приведенный выше текст воспоминаний И. И. Пущина казался исследователям единственным упоминанием о кружке Муравьева — Бурцова. Но публикация работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» добавила новый материал: Ю. Н. Тынянову удалось прочесть в дневнике В. К. Кюхельбекера густо зачеркнутые строки, находившиеся в конце следующего текста, записанного в Свеаборгской крепости 11 января 1835 г.: «...В Военном Журнале прочел я описание осады и взятия приступом Ахалцыха, статью покойного Ивана Петровича Бурцова, изданную по его смерти Вольховским. Оба они мне были хорошие приятели, особенно с Вольховским я был даже очень дружен: мы вместе выросли; в Лицее я почти одного его и слушал [73]. Где то время, когда у Бурцова

собирался кружок молодых людей, из которых каждый подавал самые лестные надежды? Сам Бурцов, братья Колошины, Василий Семенов, молодой Пущин (Конно-артиллерийский), Жанно Пущин, [одна фамилия не разобрана][74]. Александр Рачинский, Дельвиг, Кюхельбекер. Многие ли из них уцелели?».

Рассеянный Кюхельбекер запамятовал отчество Бурцова (не Иван Петрович, а Иван Григорьевич) и Алексея Васильевича Семенова назвал Василием Семеновым (Алексей Семенов, прикосновенный к тайному обществу, был хорошо знаком с И. И. Пущиным). Приведенная выше запись обогащает нас новыми ценными сведениями о кружке Муравьева — Бурцова. Мы узнаем, что в нем, кроме названных Пущиным лиц, участвовали еще Петр Колошин (брат Павла Колошина), Михаил Пущин (брат И. И. Пущина), Александр Рачинский, Дельвиг, Кюхельбекер и еще какое-то неизвестное лицо[75].

Если любое из названных имен в тексте В. Кюхельбекера влечет за собой какие-то ассоциации, то нельзя сказать того же об Александре Рачинском. Это одно из самых неясных лиц среди известных нам членов артели. Не Александр ли это Антонович Рачинский, произведенный в 1819 г. из подпрапорщиков в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка и после возвращения полка в 1820 г. переведенный в армию в Муромский пехотный полк штабс-капитаном? [76]

«Записки» декабриста А. Е. Розена также содержат свидетельство об этой офицерской артели и даже знакомят нас с еще одним ее участником — Демьяном Искрицким (или Искритским, как пишется в следственных делах декабристов). «Не имея никакой помощи из родительского дома, жил он (Вольховский.— *М. Н.*) чрезвычайно умеренно и расчетливо в артели с Бурцевым, Семеновым, Искрицким и Колошиным...» [77]

Имя декабриста Искритского неоднократно упоминается в следственном материале, имеется и особое следственное дело Искритского. Демьян Александрович Искритский, сын обер-секретаря Сената Александра Михайловича Искритского, также служил в гвардейском Генеральном штабе. Он позже был принят в группу Ф. Глинки — Перетца — в 1820 г., а накануне 14 декабря Рылеев поручил ему наблюдать за движениями полков, расположенных вдоль Фонтанки. После 14 декабря он около года содержался в крепости, затем был послан в Оренбургский гарнизон с приказом ежемесячно доносить о его поведении. По делу его видно, что он был хорошо знаком с Александром Бестужевым.

Итак, Священная артель состояла из братьев Муравьевых — Александра и Михаила, Ивана Бурцова, Петра и Павла Колошиных, Ивана и Михаила Пущиных, Владимира Вольховского, Вильгельма Кюхельбекера, Антона Дельвига, Алексея Семенова, Александра Рачинского, Демьяна Искритского и еще одного, пока не известного нам участника. К этим четырнадцати лицам необходимо добавить пятнадцатого члена кружка — Николая Муравьева, позже наименованного за военные подвиги Карским, брата Александра и Михаила Муравьевых. Николай Муравьев описал артель в своих «Записках» и сохранил для историка ее эпитет — «священная». Мы встречаем, таким образом, Николая Муравьева уже во второй преддекабристской организации.

Из «Записок» Александра Муравьева мы можем узнать об идейных настроениях членов Священной артели и о датах ее существования.

Уже упоминалось, что война питала молодежь разнообразными впечатлениями, толкала к первостепенным выводам социального порядка. Несколько раз встречаются у Муравьева записи о крестьянской нищете, об уроне, нанесенном войной крестьянскому хозяйству; с горечью пишет будущий основатель общества декабристов о вытоптанных крестьянских

полях, о помещиках, бегущих в колясках от врага в поволжские имения, о крестьянах, остающихся на месте, сжигающих свой хлеб, чтобы он не достался врагу, угоняющих скот в леса. Возмущает пышная жизнь некоторых военачальников, едущих на груде отчасти своих, а отчасти награбленных пожитков, поступки царя и самая его фигура внушают плохо скрытое презрение: «...Переправлено было через Неман французских и союзных войск 640 000 человек. Французские генералы были опытные в военном деле; начальником же их был сам Наполеон. С нашей стороны распоряжался государь; но на войне знание и опытность берут верх над домашними добродетелями». В 1816 г. Николай Муравьев посетил Бородинское поле, на котором храбро сражался во время битвы; он узнал, что в 1813 г. «некому было засевать Бородинское поле, что ни одно зерно не было брошено в землю, но что земля, столь, удобренная кровью и животным гниением, дала без всякой работы отличный урожай хлеба. Никакой памятник не сооружен в честь храбрых Русских, погибших в сем сражении за отечество. Окрестные селения в нищете и живут мирскими подаяниями, тогда как государь выдал 2 000 000 р. русских денег в Нидерландах жителям Ватерлоо, потерпевшим от сражения, бывшего на том месте в 1815 году» [78].

О материальной нужде семьи Муравьевых ярко свидетельствуют записки как Александра, так и Николая Муравьевых: «В то время,— пишет Николай о времени 1812 г.,— терпел я много нужды в жизни, ибо тогдашнее жалованье мое было очень малое. Все имение батюшки состояло тогда из 140 душ, а нас было шестеро: пять сыновей и одна дочь». Когда под Александром Муравьевым в Отечественную войну убили лошадь, ему долго пришлось охотиться за конным французом, чтобы захватить коня в качестве военного трофея: иного выхода у него не было, так как денег на покупку новой лошади он не имел. Николай Муравьев пишет: «Мундиры мои, эполеты, приборы были весьма бедны; когда я еще на своей квартире жил, мало в комнате топили; кушание мое вместе со слугою стоило 25 копеек в сутки; щи хлебал деревянною ложкою, чаю не было, мебель была старая и поломанная, шинель служила покрывалом и халатом... Так жить, конечно, было грустно, но тут впервые я научился умерять себя и переносить нужду». Бедность Муравьевых рисует одна из записей воспоминаний Николая Муравьева. В конце похода 1812 г. он, уже больной цынгой, зашел в одно из уцелевших жилищ и лег в углу на землю, думая о своем бедственном положении. «Я был без слуги, без лошади, без денег... Ноги мои болели ужасным образом, у сапог отваливались подошвы, одежда моя состояла из каких-то синих шаровар и мундирного сюртука, коего пуговицы были отпороты и пришиты к нижнему платью; жилета не было, и все это прикрывалось солдатскою шинелью с выгоревшими на бивуаке полами; подпоясывался же я французскою широкою кирасирскою портупеею, поднятою на дороге с палашом, которым я заменил свою французскую саблю. Голова покрывалась изношенною солдатскою фуражкою и башлыком, сшитым из сукна, подаренного мне братом. В таком одеянии случалось мне проводить морозные ночи, сидя у огня. Был на мне еще старый нитяный шарф, с оставшеюся одною кистью, которая служила мне вместо веника. Иногда я раздевался, садился спиною к огню, при коем парился шарфом и тем облегчал зуд, беспокоивший меня по всему телу. Давно уже не переменял я рубашки и давно спал, не раздеваясь. Платье мое было напитано вшами, которые мне покоя не давали и которых я, сидя у огня, истреблял сотнями. Закручивая рубашку, я по примеру солдат парил ее над огнем и радовался треску от сыпавшихся из нее насекомых» [79].

Тяжелое положение родины бросилось в глаза при возвращении. «Как ощутительна была разница при переходе в наши границы!— пишет

будущий член артели Николай Муравьев.— Деревни были разорены и неприятелем, и помещиками; жители разбежались, бедность и нищета ознаменовали несчастную Литву». Имея поручение приготовить дислокацию войскам около Стрельны, Николай Муравьев «был командирован на четыре дня в деревни его высочества для обозрения оных и приготовления дислокации для легкой гвардейской кавалерийской дивизии, которая постоянно там на квартирах стояла. Селения сии находились в крайнем положении; крестьяне были разорены от беспрерывных работ в Стреленском саду». Крепостное право встретило будущих членов артели уже на границе [80].

Александр Муравьев вместе со своим старым другом И. Г. Бурцовым приехали на корабле из Любека и поселились сначала отдельно от Михаила. Но скоро возникла мысль поселиться всем вместе и зажить артелью. «Однажды, сидя с братом и Бурцовым,— рассказывает Николай Муравьев,— нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя. С другого же дня все отправились ходить по улицам для отыскания удобного помещения. Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая; в хозяйстве соблюдался порядок под моим управлением в звании артельщика». Так было положено основание артели — во второй половине 1814 г. Это была сразу и хозяйственная и идейная организация. Небогатые Муравьевы почти не получали денег от отца и были крайне стеснены в средствах, жить артелью было дешевле и удобнее. Но друзья поселились вместе и для дружеского идейного общения, для совместных занятий, «для образования себя». «Мы старались исполнять службу свою самым ревностным образом, занимались между тем и дома в свободные часы...,— продолжает свой рассказ об артели Н. Муравьев.— Мы постоянно обедали дома, имея за столом нашим всегда место для двух гостей. Стол был не роскошный, по ограниченности наших средств, но мы жили порядливо и соразмерно своим доходам. Когда брат Михайла приехал с Кавказских вод, он поселился вместе с нами. Появились у нас учители»[81].

На этом этапе своего развития артель просуществовала всего несколько месяцев. Весной 1815 г. гвардия вновь спешно двинулась в заграничный поход, и жизнь артели на Средней Мещанской прервалась. Наполеон бежал с Эльбы и открыл свой триумфальный поход по Франции — начались знаменитые «Сто дней». Александр, Николай Муравьевы и Бурцов были прикомандированы ко второй колонне гвардейского корпуса, двинувшейся за границу.

Войска вернулись из второго заграничного похода в том же 1815 г., и артель возобновилась сейчас же, как бы сама собой. Она одновременно и возросла численно. «По прибытии нашем в Петербург, я нашел брата Александра и Бурцова уже возвратившимися. Они уже наняли квартиру для нас всех вместе, на Грязной улице, в доме генеральши Христовской. Для порядка в обществе нашем были приняты правила с общего согласия; я был избран в казначеи и артельщики. Мы обедали большей частью дома, жили порядливо, умеренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованием своим, мы проводили вечера вместе, в беседе... Общество наше состояло из старшего моего брата, меня, Михайлы, который возвратился с Кавказских вод, Бурцова и двух Колошиных. Я первый оставил священное братство наше, дабы удалиться в Грузию». Заметим, что на следствии Колошин также показал, что жил вместе с Бурцовым на одной квартире [82].

Таким образом, Священная артель возникла в 1814 г., на короткое время прервала свое существование в связи с заграничным походом и

возобновилась в 1815 г. До какого времени она существовала? Записки Пущина свидетельствуют, что она существовала и в 1817 г. Осенью этого года гвардия пошла походом в Москву, где оставалась, в связи с пребыванием там царя и его семьи, вплоть до осени 1818 г. Этот переезд в Москву, повидимому, и ликвидировал артель: сведений о ней после 1817 г. нет. Надо признать, что она оказалась довольно стойкой организацией, просуществовав в общем около трех лет, т. е. столько же, сколько существовал, например, Союз Благоденствия.

Священную артель и лицеистов связывали также общие учителя. Ученье в Священной артели не ограничивалось турецким, латинским и итальянским языками; ее членов интересовали и общественные науки, и черпали они свои знания из того же источника, откуда и лицеисты,— из лекций А. П. Куницына. Бурцов показывал на следствии: «Подобно многим гвардейским офицерам в свободные часы от службы я посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках». Слушал эти же лекции и Павел Колошин: «В том же [1817] или следующем году [брал я уроки] у Куницына политической экономии в квартире Г. Фридрихса [лейб-гвардии Московского полка]; для повторения служили тетради его». Естественно предположить, что и некоторые другие члены только что возникшего Союза Спасения были в числе слушателей Куницына [83].

Артель устроила свой внутренний быт на республиканский манер; в одной из комнат висел «вечевой колокол», по звону которого все участники артели собирались для решения общих дел: «Каждый член общества имел право в него звонить,— замечает Николай Муравьев.— По звуку все собирались и тогда решались требования члена». Расставаясь с «братьями и товарищами», Николай Муравьев горько оплакивал и этот колокол: «Зазвонит вечевой мой колокол, но по нем никто уже не соберется. Приятный звон сей проводит меня через места чужие, раздастся по обширной степи, эхо повторит его в горах; наконец, умолкнет он, когда строгий долг службы повелит мне оставить воспоминания».

Преклонение перед новгородской вечевой «республикой» — яркая характерная черта декабризма. Национальное чувство освящало желаемую форму политического бытия воспоминанием о славном историческом прошлом. И Пестель и Никита Муравьев позже назовут в своих конституционных проектах будущий парламент революционной России «Народным Вечом». Высокая оценка Новгорода характерна для декабристов. «Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей»,— говорил Пестель на следствии. Столь же серьезно думал над вечевой формой Великого Новгорода один из основателей Союза Спасения — Никита Муравьев. В «Любопытном разговоре» — «вольнодумческом катехизисе», сочиненном Никитой Муравьевым, встречаем мы такие вопросы и ответы:

«Вопрос: Какое было на Руси управление без самодержавия?

Ответ: Всегда были народные вечи.

Вопрос: Что значит вечи?

Ответ: Собрание народа. В каждом городе при звуке вечевого колокола собирался народ или выборные, они совещали об общих всем делах...; назначали, сколько где брать ратников; установляли сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новегороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

Вопрос: Почему же сии вечи прекратились и когда?

Ответ: Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти»[84].

Позже, на каторге, в сибирской артели декабристов имитировались любимые формы новгородского веча. Начало этому увлечению положила, как видим, Священная артель.

Дошедшее до нас в отрывках стихотворение «К артельным друзьям» (повидимому, принадлежащее П. Колошину) говорит о каких-то сокровенных политических замыслах артели и хорошо рисует атмосферу дружбы и идейной общности. Стихи рисуют разлуку автора с артелью и его переживания. Приведем их полностью ввиду их малой известности:

Друзья! вот стон души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая ранних дней
Еще от нас далеко!
Еще в тумане скрыта цель
Возлюбленных желаний!
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов златых,
Для щастия отчизны,
Кто, в шуме радостей пустых,
Мне заменит в сей жизни?
Я с вами — и в душе горит
Добра огонь священный;
Без вас — иной все кажет вид,
Столь низкий, столь презренный!

Но час пробьет: услышим мы
Отечества призванье!
Тогда появится из тьмы
Душ пламенных желанье:
Сплетенные рука с рукой,
На путь мы ступим жизни,
И пылкой полетим душой
Ко щастию отчизны.
И кто возможет положить
Преграды нам в полете?
Кто для отчизны алчет жить,
Тот выше бедствий в свете[85].

Необходимо обратить внимание на политический характер и конспиративные черты Священной артели. В ней велись разговоры не только о «зле существующего порядка вещей», но и о «возможности изменения, желаемого многими втайне» (Пущин). Артель ждет, что «час пробьет», жаждет услышать «Отечества призванье», а потом «появиться из тьмы» на этот зов отечества, «сплетенные рука с рукой». Охранитель самодержавных устоев А. С. Шишков имел основание всполошиться, прочтя эти строки. Обратим также внимание на факт непосредственной передачи членов артели в тайное общество (случай Пущина, Вольховского), а также и на то, что Священная артель существовала и после того, когда артель Семеновского полка уже была запрещена Александром I. Учтя все это, мы поймем, почему В. Кюхельбекер, записав через много лет несколько внешне совершенно невинных строк, содержащих в сущности только пере-

чень фамилий «кружка молодых людей, подававших самые лестные надежды», немедленно припомнил об этом кружке нечто такое, что заставило его густо зачеркнуть написанные строки.

«Зло существующего у нас порядка вещей» с предельной ясностью расшифровывается всей последующей историей декабристской идеологии. В «мыслящем кружке» беседовали о зле всей системы крепостного строя. Союз Спасения в основу своей программы положил лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием,— это основные требования декабристов, которые и остались основными на всем протяжении существования тайного общества. Таким образом, Священная артель органически вплетена в историю общественного движения времени и вместе с Семеновской артелью стоит на пороге первой тайной декабристской организации.

Со Священной артелью тесно связан довольно широкий круг ее посетителей. Особо надо отметить ее близость с лицеем. Четверо лицеистов — И. Пущин, В. Вольховский, В. Кюхельбекер и А. Дельвиг — гости и участники жизни артели. В этих условиях трудно отрицать осведомленность об артели А. С. Пушкина, ведь его друг И. И. Пущин «почти жил» в «мыслящем кружке». Законспирированность артели чувствуется в том, что она оставила после себя столь мало письменных источников,— отсюда можно заключить об остроте обсуждавшихся в ней политических тем. Проводниками влияния артели на Пущина были прежде всего четыре лицеиста — его друга. Но круг его связей с декабристами в это время еще шире.

Никита Муравьев, родственник братьев Муравьевых, основателей Священной артели, не может быть тут забыт. Он был старым знакомым Пушкина — они познакомились или до августа 1818 г., когда Никита Муравьев ушел в свой первый заграничный поход, или между сентябрем 1814 г. и апрелем 1815 г., когда он был в Петербурге между первым и вторым заграничными походами. «Что делает Пушкин? Бывают ли у вас Катенин, Гнедич, Крылов?»— спрашивает свою мать Никита Муравьев в письме из Вены от 7 мая 1815 г.[86] В хранящейся в Пушкинском доме «Ведомости о состоянии Лицея» записано, что 21 ноября 1814 г. лицей посетил «прапорщик Муравьев»,— правдоподобно предположение. что это не кто иной, как Никита Муравьев (ни один из известных нам Муравьевых не имел, кроме него, в тот момент чина прапорщика). Василий Львович Пушкин познакомил привезенного в лицей племянника со многими своими литературными знакомыми. В числе последних, конечно, находилась семья близкого к литературе куратора Московского университета Михаила Никитича Муравьева, умершего в 1807 г. С Екатериной Федоровной Муравьевой и ее сыном Никитой Василий Львович, конечно, видался и в 1812 г. в Нижнем Новгороде, где оба нашли убежище во время пребывания Наполеона в Москве[87].

В той же «Ведомости о состоянии Лицея» неоднократно упоминается фамилия Пестелей. 17 мая 1814 г. лицей посетил «действительный статский советник Пестель с фамилиею». Сибирский губернатор Иван Борисович Пестель мог, по правдоподобному предположению М. А. Цявловского, посещать лицеиста Илличевского, отец которого был помощником Пестеля по Сибирскому управлению. Семьи Илличевских и Пестелей, очевидно, были знакомы домами. 18 октября 1814 г. лицей посетила «генерал-майорша Пестель», она же третий раз значится в записи от 14 октября 1816 г. В «фамилию» Пестелей, конечно, могли входить и дети Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестель. Нет сомнений, что Пушкин видывал «фамилию» Пестелей в лицее и, возможно, был ей представлен.

Близкий Кюхельбекеру Федор Николаевич Глинка, в руках которого даже побывал заветный лицейский словарь, конечно, также старый знакомый Пушкина.

Никита Муравьев познакомился с Пестелем в 1816 г.: «В это время познакомился я с Пестелем и, найдя в нем те же мысли, сблизил его с Александром Муравьевым, который в то же время вступил в связь с князем Трубецким». В «Записках» Якушкина рассказано о частых встречах декабристов,— имена определяют круг близких знакомств членов Священной артели: «В это время (в 1816 г.— *М. Н.*) Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михайлом и Николаем... В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще» [88].

Обе рассмотренные нами артели — Семеновская и Священная — важнейшие ранние преддекабристские организации, обе они находятся непосредственно в предистории Союза Спасения.

Однако «дух преобразования», который заставлял «повсюду умы клокотать», сказывается во множественности образования разных преддекабристских организаций. Многие из них, несомненно, остались нам неизвестны, но следы некоторых дошли до нас. В их числе уже упоминался выше юношеский кружок Владимира Раевского.

Нет сомнений в том, что Владимир Раевский, вернувшись с войны 1812 г. и из заграничных походов, сейчас же начал работу над созданием политического кружка. Последний организовался около 1816 г. в Каменец-Подольске, где тогда находился декабрист. Нам известны в настоящее время имена его членов: в кружок входили подполковник Кисловский, штабс-капитан Приклонский, штабс-капитан Губин и губернский доктор Диммер. В знак товарищества члены кружка носили одинаковые железные кольца. Стихи Владимира Раевского, посвященные членам товарищества, являются идейным памятником этого кружка и свидетельствуют о его политическом характере. При аресте у Раевского отобрано было стихотворение «Мое прости друзьям К[исловскому] и П[риклонскому]» с пометой: «Каменец-Подольск». Раевский вспоминает о беседах политического характера, Кисловский едва ли случайно именуется «другом свободы». Стихи смело утверждают:

Прямое наслажденье —
Не блеск пустых честей,
Не славы шаткой сила,
Не милости царей...

Друзья вели беседы,

Где царства и народы
В кругу прямой свободы
За чашей пуншевой
При дыме трубок, сидя,
Пристрастье ненавидя,
Судили пред собой.

Особенно много говорит об идейной стороне содружества другое стихотворение — «Послание Петру Григорьевичу Приклонскому» (помета: «Ярмолинцы. 1817»).

Как часто видим мы невежду и глупца
С титу́лом княжеским, в заслугах возвышенья,
Который с гордостью бросает взор презренья
На долю скромную и бедность мудреца...
. . . .
Чем выше здание — тем ближе к разрушенью,
Опасен скользкий путь титу́лов и честей,
Опасны милости и дружество царей!
Кто ближе к скипетру, тот ближе к ниспаденью!

Тут видно противопоставление старого сословного мира владычеству разума и справедливости. Личные заслуги, честь и человеческое достоинство должны определять место человека в жизни.

Чины и почести и всех богатств собор,
Когда нет мудрости, нас скукой утомляют...
Страшилища ума — они в кругу своем
Нерона с Августом в величии равняют...
Сословие невежд, гордящихся породой,
Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой,
Но званьем в происках до степени высокой
Идет надменною и быстрою стопой.

Автор послания приходил к убедительному выводу, что «без истинных заслуг хвалы и чести нет», и ясно формулировал свою жизненную задачу: «Для пользы ближних жить есть сладкая мечта».

Довольно, милый друг, за призраком гоняться,
Не время у́ моря погоды ждать...

многозначительно кончалось послание. Позже это выражение явится условным обозначением приближающейся революции в переписке Раевского с Охотниковым в Кишиневской управе: «...На два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у моря жду погоды!» — писал Раевский Охотникову в ноябре 1820 г., когда друзья чувствовали себя «накануне».

Если добавить наличие стихотворного послания Раевского к Батенькову, относящегося уже к более позднему времени, то в плане дальнейшей деятельности первого декабриста Владимира Раевского его ранний замысел организовать содружество для приведения «в действо» противоцаристских идей приобретет несколько более ясные очертания.

8

Общество («Орден») русских рыцарей, замысел которого зародился в 1814 г. у молодого генерал-майора, активного участника Отечественной войны Михаила Орлова, возникло не сразу после того, как было задумано. Правда, в том же 1814 г. посредством переписки М. Орлов снесся с графом Матвеем Дмитриевым-Мамоновым, представителем той же богатой крупнопомещичьей знати, к которой принадлежал он сам. Страстный патриот, предложивший во время войны использовать все свои огромные доходы на нужды отечества, организовавший на собственные средства целый полк для борьбы с Наполеоном, М. Дмитриев-Мамонов оказался в тот момент уже готовым к политической конспирации. Хотя он несколько сомневался в успехе борьбы тайного общества против «внутренних вра-

гов» родины, под которыми разумел самодержавный произвол, бесчинства администрации и угнетение крепостных крестьян, он все же выразил свое согласие «относительно некоторых предположений», как свидетельствует об этом М. Орлов в своем письме к Николаю I после ареста [89].

Набросанные рукой Дмитриева-Мамонова «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения» содержат проект конституционного характера и являются в какой-то мере памятником этой ранней договоренности основателей общества. Однако все-таки трудно считать возникшим и существующим общество, состоящее всего из двух человек, договорившихся путем переписки. В течение более года мы не видим не только вновь принятых членов, но даже не можем с уверенностью утверждать, были ли личные встречи обоих корреспондентов. М. Орлов весной 1814 г. торжественно подписал акт о капитуляции Парижа и, получив вскоре после этого сложное дипломатическое поручение, отправился в Данию, Швецию и Норвегию, потом побывал в Лондоне и лишь в исходе 1814 г. оказался в Петербурге, откуда вновь поспешил в 1815 г. за границу для участия в военных действиях против бежавшего с острова Эльбы Наполеона. Его корреспондент находился в 1814 г. со своим полком в герцогстве Баденском, где после тяжелого столкновения с местными жителями и квартировавшими там австрийскими войсками полк был расформирован. После войны мы видим его в Москве в «обширном кружке недовольных». Возобновление своей дальнейшей работы над организацией «Ордена» М. Орлов относит далее в том же показании ко времени после основания Царства Польского, ярым противником возникновения которого он являлся. Эту деятельность, следовательно, надо отнести ко второй половине 1815 г. Знакомство М. Орлова с Н. Тургеневым, в то время русским комиссаром центрального административного департамента союзных правительств, произошло во Франции, в Нанси, раньше этого времени, поэтому сомнительно, что Тургенев сразу стал членом возобновляемого общества. Поскольку в феврале 1816 г. М. Дмитриев-Мамонов уже был уволен за границу для лечения развившегося психического заболевания, то период наибольшей деятельности «Ордена русских рыцарей» сжимается до времени менее года, обнимая вторую половину 1815 и начало 1816 г. Сам Н. Тургенев относит полученное им от М. Орлова приглашение вступить в «Орден» уже к петербургской встрече по возвращении из-за границы.

После отъезда за границу Дмитриева-Мамонова существование «Ордена» еще продолжалось,— М. Орлов пишет о 1817 г., когда он еще был деятелен как член организации. К «Ордену» «причастен» и М. Н. Новиков, племянник писателя-просветителя XVIII в. Поскольку в собственноручном письме М. Дмитриева-Мамонова еще до его отъезда за границу засвидетельствовано участие Давыдова в создании программных документов «Ордена», можно сделать вывод, что родственник М. Орлова — поэт-партизан 1812 г. Денис Давыдов также был причастен к организации. Его участие должно быть отнесено ко времени после окончания военных действий. То обстоятельство, что осведомленность Дениса Давыдова о политических замыслах М. Орлова и М. Дмитриева-Мамонова шла очень далеко, можно видеть из следующих слов об «идеологе» М. Орлове в письме Д. Давыдова к П. Д. Киселеву: «Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России» [90].

В рукописной тетради «Сочинения и мысли Максима Невзорова», хранящейся в Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, содержится сочинение «Краткие наставления Р[усскому] Р[ыцарю]», совпадающее по названию с документом, над которым в «Ордене» велась коллективная работа и который был издан М. Дмитриевым-Мамоновым отдельной брошюрой в количестве 25 экземп-

ляров перед отъездом за границу. Издание это, к сожалению, не дошло до нас, но его существование засвидетельствовано в сохранившейся переписке М. Мамонова с М. Орловым. Рукопись М. Невзорова, впервые обнаруженная и использованная исследовательницей масонства Т. Соколовской [91], не является тождественной брошюре, изданной «Орденом», представляя собой, вероятно, один из предварительных ее вариантов. Наличие этой рукописи ставит вопрос о какой-то причастности М. Невзорова — старого московского мартиниста, близкого друга семьи Тургеневых и давнего «брата» М. Дмитриева-Мамонова по масонским связям — к «Ордену русских рыцарей». Имеется свидетельство Н. Тургенева о том, что проект «Ордена» (и даже с рекомендацией ввести его в других масонских ложах) был передан председателю одной ложи, который пришел от него в восторг. Под этим неназванным масоном естественнее подразумевать старого друга семьи Тургеневых М. Невзорова, с которым тот мог быть вполне откровенен, нежели князя М. П. Баратаева, симбирского помещика, бывшего в 1817 г. членом ложи «Соединенных друзей» в Петербурге [92].

Таким образом, «Орден русских рыцарей» — самая многочисленная из известных нам ранних «преддекабристских» организаций — состоял из его основателей М. Орлова, М. Дмитриева-Мамонова и причастных к нему Н. Тургенева, М. Н. Новикова, Дениса Давыдова и, повидимому, М. Невзорова. Кроме того, по свидетельству Н. Тургенева, М. Орлов сказал ему, что в числе «приверженцев» «Ордена русских рыцарей» также находятся флигель-адъютант М. и Б., причем последний был соучеником Н. Тургенева по пансиону аббата Николя; в этом случае можно подразумевать не кого иного, как А. Х. Бенкендорфа, под первым же инициалом, очевидно, разумеется князь А. С. Меншиков,— о нем как о члене общества Орлова упоминает также в своих «Записках» декабрист С. П. Трубецкой [93].

Однако весьма сомнительно, чтобы указанная шестерка или восьмерка хотя бы один раз заседала вместе за одним столом: против этого — итинерарий постоянно передвигавшихся в разные стороны участников, о котором говорилось выше. Даже сравнительно более «оседлый» Николай Тургенев провел за границей почти три года — с ноября 1813 г. по сентябрь 1816 г., т. е. вернулся в Россию уже после отъезда за границу М. Дмитриева-Мамонова. Во всяком случае трудно счесть случайностью полное отсутствие сведений о каких-либо заседаниях «Ордена русских рыцарей» в документальном материале.

«Орден», несмотря на принятые им сложные масонские формы, является тайной политической организацией, преследовавшей цель государственного переворота и работавшей над конституционным проектом. В этом несомненный интерес ордена для историка декабристского движения.

«Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения», предположительно датируемые 1814 г., являются лишь первоначальным и быстро оставленным наброском М. Дмитриева-Мамонова. Они носят черновой характер и еще не сведены в единое логическое целое: мелкие вопросы (например, «размножение конских заводов») тут предшествуют формулировке кардинальных требований внешней политики, а большие принципиальные обобщения (например, «улучшение состояния солдат») почему-то следуют за частными вопросами («усовершенствование военно-сиротских заведений»). Выделяя основные черты общего замысла, мы обращаем внимание на требование «упразднения рабства в России» и «ограничения самодержавия». Последнее лишено права издавать новые и отменять старые законы, вводить налоги, объявлять войну, карать подданных. Самодержавие ограничено конституцией, императору противо-

поставлена власть Сената. Последний состоит из 1000 человек, из которых 200 являются наследственными «пэрами, магнатами и вельможами государства», 400 — представителями дворянства и 400 — представителями народа. М. Мамонову мерещится какая-то земельная реформа с «общим размежеванием земель в России» и раздачей их «по государственным уважениям частным лицам». Но самый отчетливый отпечаток владычества аристократии и сословной олигархии крупнейших землевладельцев пронизывает его проект. Он требует «дарования Ордену поместьев, земель и фортеций на подобие рыцарей Темплиеров, Тевтонических и прочих» и считает необходимым дарование двумстам наследственным вельможам государства «уделов городами и поместьями». Автор проекта, несомненно, сохраняет сословный строй,— дворянское сословие выделяет столько же своих представителей в ограничивающий монарха Сенат, сколько и «народ». Допускается пожалование дворянского достоинства тем купцам, которые учредят в Сибири «заведения» (очевидно, промышленные), которые приносили бы ежегодную «пользу» от 400 до 500 тыс. руб. (при этом оговаривается, что это — единственный для купечества способ приобрести дворянское звание). Из основных свобод М. Дмитриев-Мамонов упомянул лишь о «вольном книгопечатании». Свобода вероисповедания и прочие свободы в его проекте пока отсутствуют, в частности, он грозит «истреблением раскольников-скопцов» и вообще всех раскольников, отвергающих брачное состояние. «Пункты» характеризуются безудержной территориальной экспансией: они требуют «изгнания турков из Европы» и «восстановления греческих республик под протекторатом России», присоединения Венгрии, Сербии и всех славянских народов к России, «переселения гренландов в Сибирь», выгодной войны против персиян и даже вторжения в Индию. Вместе с тем воображению Мамонова смутно представляется своеобразная картина какого-то развития производительных сил и промышленного процветания: Волга соединена каналами с Доном и с Западной Двиной, возникла гавань при устье реки Амура, в Сибири построены купцами огромные промышленные предприятия, приносящие полумиллионные доходы. Очевидно, на земле работают свободные земледельцы, только неясно, принадлежит ли им земля... В Олонце обрабатывается золотая руда, размножились конские заводы, разводящие горских и черноморских лошадей. Учреждены торговые компании для торговли с Китаем и Японией. Отрывочность и непродуманность этой общей картины очевидна.

Разобранный набросок, конечно, отражает в какой-то мере общие вопросы, по которым было достигнуто согласие между двумя основателями общества, однако в целом «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения» остаются все же личным черновым наброском М. Дмитриева-Мамонова, поскольку в некоторых отношениях явно не совпадают с позицией М. Орлова; так, фантастическое предположение о «присоединении Норвегии к России» никак не могло разделяться Орловым, который в 1814 г., будучи в Норвегии с дипломатической миссией, вопреки воле пославшего его царского правительства, желавшего присоединения Норвегии к Швеции, увидел, что «дело норвежцев, восставших против присоединения их отечества к Швеции, справедливо и достойно уважения, и сообразовал с этим свое поведение» (свидетельство Н. Тургенева). Сохранившиеся дипломатические материалы подтверждают это. О той же позиции М. Орлова свидетельствует И. Д. Якушкин. М. Орлов способствовал утверждению политической самостоятельности Норвегии и установлению более демократической конституции, нежели ранее предполагалось. Поэтому набросок Дмитриева-Мамонова есть, очевидно, в ряде пунктов лишь его частное мнение.

В. И. Семевский прав, предполагая влияние на Мамонова реакционной французской «сенатской конституции» 1814 г., в которой провозглашались несменяемость сенаторов и наследственность их звания. Но одного литературного источника недостаточно,— существо дела тут, разумеется, в аристократической позиции Мамонова, желающего сохранить крупную земельную знать в качестве основы и командной силы будущего социального строя. Эту точку зрения в то время разделяли с Мамоновым и Орлов и Н. Тургенев. Последний, однако, вводит иное понятие пэрства: пэрами становятся дворяне, освободившие от крепостного права своих крестьян. Имеется свидетельство о разногласиях Н. Тургенева и М. Орлова по вопросу о Польше, а также о возражении Н. Тургенева против воинских и «завоевательных» теорий М. Орлова. В «Ордене русских рыцарей» шли споры по принципиальным вопросам и не было достигнуто общего согласия о программе.

Итак, установившееся в декабристской литературе представление о твердо принятой программе организации нуждается в уточнениях. Шла разработка программы, предлагались разноречивые проекты, и активнейший его участник Дмитриев-Мамонов накануне своего отъезда за границу в феврале 1816 г. был убежден, что его общество «существует только в идее» [94].

Из бумаг Мамонова того же времени мы видим, что он с увлечением разрабатывал даже внешние детали своего преобразовательного проекта; так, сенаторы должны были носить на руке «на четвертом пальце» золотое кольцо (как в древнем Риме), а на шее — крест на красной ленте «с золотыми каймами»; на кресте должна была находиться латинская надпись: «in hoc signe vinces» («сим знамением победиши»), а на обороте креста — слова молитвы за царя: «Спаси, господи, люди твоя»; в центре находился двуглавый орел. Все эти знаки сохранились и в графическом начертании, сделанном рукой Дмитриева-Мамонова. Страстный масон, он разрабатывает детальные ритуалы заседаний «Ордена» с бесконечным множеством обрядов, пишет «катехизисы» для каждой из трех проектируемых «степеней» «Ордена» и в особой рукописи распространяется о том, что «Орден» должен в окрестностях обеих столиц, а также во всех «главных пунктах империи» иметь обширные «дачи», принадлежащие его членам, где будут подземелья и комнаты со сводами для проведения «великих» масонских таинств («pour célébrer les grands mystères»). Сомнительно, чтобы вся эта масонская мистика находила отклик у трезвых М. Орлова и Н. Тургенева, хотя оба и были, по существовавшей моде, причастны к масонству.

Очевидно, последующее общение и переписка с М. Орловым, а также собственный рост авторов вносят много нового в проектируемую программу «Ордена». Программа общества эволюционирует к республиканизму. Следующий крупный программный документ «Ордена», повидимому, возникает позже предыдущего и носит название «Краткий опыт». Он представляет собой сшитую из синеватой бумаги большого формата отдельную тетрадь, на титульном листе которой и находится упомянутое заглавие. Тут же был расположен какой-то рисунок, а может быть, и надпись, занимавшие нижнюю половину страницы, оборванную и уничтоженную, возможно, из соображений конспирации (сохранился лишь незначительный верхний край рисунка, по которому нельзя установить его содержание). Никакой цифровой нумерации, воспроизведенной в публикации А. К. Бороздина, документ не содержит,— нумерация (I, II) привнесена публикатором. Эта тетрадь также является черновым автографом М. Дмитриева-Мамонова, но включает в себя элемент обращения к адресату, вероятно, к М. Орлову. Заметим, что в архиве Мамонова

имеется шифр для секретной переписки и объяснение, как им пользоваться; пример, поясняющий шифр, содержит имя Орлова — Михаил (в «Кратком опыте» сохранилось и обращение «видит любезный друг...»). Это говорит о совместности работы и известном разделении труда над конституционным проектом,— мы узнаем, например, что Мамонову поручено разработать положение о «Губернском учреждении». Проект коренным образом отличается от разобранных выше «Пунктов», о конституционной монархии уже и речи нет, перед нами — проект республиканского характера. Всюду применяются русские названия (вместо губернатора — «наместный посадник», вместо земской полиции — земская управа и т. д.; приведена и выразительная мотивировка: «J'ai mis des noms russes au lieu des allemends que me puent au nez»)*. Парламент носит название «Народная Веча» и делится на две палаты: палату вельмож и палату мещан. Палата вельмож состоит из 679 депутатов — 221 наследственного вельможи, владеющих «уделами неприкосновенными» в тех областях, от которых они являются «наследственными представителями и депутатами», 442 простых дворян — «не наследственных, но избранных представителей» (в том числе представители Царства Польского), сверх того, 10 депутатов «русского рыцарства» и шесть депутатов от «вольных городов», причем эти депутаты могут быть и «плебеянами». Мы видим, что в «палате вельмож» особо привилегированное положение занимают те же наследственные «пэры», что и в «Пунктах»; таким образом, аристократический характер проектируемой республики с крупным землевладением, присущий и «Пунктам», сохраняется. Палата мещан многочисленна, состоит из трех тысяч человек. Название ее условно, она включает не только мещан, но и купцов, духовных, мастеровых и поселян (однако духовенство как сословие депутатов не имеет). Возглавляет каждую палату посадник. Всего их по числу палат два: одному принадлежит, как в Риме, командование над войсками, другой ведает «судом и расправой». Удельная система древней Руси привлечена для формы административного деления и структуры областей, так называемых «царств», из которых указаны (якобы в соответствии со старинным делением) Московское, Владимирское, Киевское, Новгородское, Казанское, Астраханское, Грузинское, Сибирское, Польское, Таврическое. Несколько раз упоминается о суде присяжных.

Текст «Краткого опыта» не содержит внутренних примет датировки, кроме разве знаменитого «постскриптума» к отделу «Народная Веча», являющегося вместе с тем свидетельством общих, новых для автора, антимонархических установок всего текста. Находя, что «конституция гишпанских кортесов весьма мудро писана», автор делает внизу рукописи примечание: «но не вся годится для нас!». «...И видит любезный друг,— продолжает далее Дмитриев-Мамонов,— плачевный пример того, что épargner les T[yrans] c'est se préparer, se forger des fers plus pesants que ceux qu'on veut quitter. Что же Кортесы! разосланы, распытаны, к смерти приговариваемы и кем же? — Скотиною, которому они сохранили корону». Речь может тут идти лишь о событиях 1814 г., когда вернувшийся в Испанию Фердинанд VII восстановил абсолютизм и залил страну кровью конституционалистов. Бешеная реакция бушевала еще в 1815 г., — 15 декабря король собственноручно написал на 51 следственном деле жестокие резолюции. Живая форма замечания Дмитриева-Мамонова и употребленное им настоящее время («к смерти приговариваемы») говорят о близком, непосредственном впечатлении от события, только что ставшего известным. Он мог узнать о приговорах лишь в самом конце декабря 1815 г.

* Франц.: «Я заменил русскими названиями немецкие, которые мне претят».

Поскольку в феврале 1816 г. он уже увольняется в заграничный отпуск для лечения, «Краткий опыт», написанный до отъезда, надо датировать примерно январем 1816 г. Навстречу этому предположению идет и то обстоятельство, что водяной знак на бумаге «Краткого опыта» содержит дату «1815». Конечно, и этот документ отражает в какой-то мере общие установки участников «Ордена», но он также является лишь проектом М. Дмитриева-Мамонова, элементом общей работы над программой. Переписка сохраняет следы каких-то сильных разногласий: «Я теряю мою прекрасную память и мое воображение,— жалуется Дмитриев-Мамонов в письме к М. Орлову.— В этих обстоятельствах мне трудно бороться с вами (de lutter avec vous)» [95]. Дневник Николая Тургенева этих лет показывает, что он работал над другим проектом конституции, который хотя и содержал идею крупноземельного пэрства, но существенно отличался во многом, например предлагал однопалатный парламент. Конституция М. И. Новикова, в свое время оказавшая влияние на П. И. Пестеля, также была совершенно иной по своим основаниям, имея «много сходства» с американской. В силу этого работу над программой «Ордена русских рыцарей» никак нельзя считать законченной, как это принято в декабристской литературе. Возможно, что обнаружение изданных обществом «Кратких наставлений» дало бы возможность судить о новой ступени развития программы. Труд над брошюрой был коллективным, основной текст составил не Мамонов: он лишь сделал, по его собственному свидетельству, много существенных добавлений, ввел «степени», написал посвящение. Денис Давыдов также принял участие в составлении этого текста. Можно предположить, что какой-то его подготовительный вариант составлялся и М. Невзоровым. Но этой брошюрой мы пока не располагаем.

Архив М. Дмитриева-Мамонова, находящийся в бумагах Следственного комитета, заставляет думать, что московский генерал-губернатор Голицын едва ли не произвел его предварительную «чистку» в пользу М. Орлова. В самом деле, в целом ящике бумаг, присланных в Комитет не по его запросу, а, что очень важно, по инициативе Голицына, не нашлось почему-то ни одной строки М. Орлова, хотя об оживленной переписке последнего с Мамоновым имеется много свидетельств. Сохранился шифр этой переписки, но нет ни одного шифрованного письма. Самым же загадочным является то, что еще 22 декабря 1825 г. арестованный М. Орлов, доказывая свою невиновность, ссылается в письме к Николаю I на то, что ведь бумаги Мамонова «в руках правительства» и не содержат никаких улик против него. Между тем письмо Голицына с предложением переслать в Следственный комитет бумаги Мамонова датировано 4 января 1826 г., а ящик с бумагами получен в Комитете только 15 января. Таким образом, Орлов заблаговременно знал, что в бумагах сумасшедшего графа Мамонова, еще раньше опечатанных его опекой, не находится ничего, что могло бы его скомпрометировать [96].

Подводя итоги характеристике «Ордена русских рыцарей», мы видим, что он не оказался стволом, от которого впоследствии развились бы декабристские общества. Он кончил существование, встретившись с уже сформированным Союзом Спасения и уступил ему дорогу. Характерная для него черта — основанное на крупном землевладении «пэрство» — также отмерла, не дав своих рецидивов в последующем идейном развитии движения. Трое участников — М. Орлов, Н. Тургенев и М. Н. Новиков — вошли позже в декабристские организации, уже на втором этапе развития (Союз Благоденствия), и были увлечены новой программой декабристов. Поэтому невозможно считать «Орден русских рыцарей» первой, исходной декабристской организацией, послужившей началом всему дви-

жению. Первая организация возникла на основе деятельности более демократических объединений — двух офицерских «артелей» — и разработала свою самостоятельную программу.

В передовом лагере новаторов формирующееся революционное мировоззрение декабристов играло авангардную роль. Но вовсе не только члены тайного общества являлись представителями нового мировоззрения. Было бы глубокой ошибкой представлять себе Россию первой четверти XIX в. косной и неподвижной страной Фамусовых и Скалозубов, а молодую Россию — только теми несколькими сотнями лиц, которые включены в «Алфавит декабристов». Нет, против лагеря Аракчеевых, Фамусовых, архимандритов Фотиев, Скалозубов и «губящих просвещение» Голицыных стояли не только декабристы, а гораздо более многочисленная молодая Россия. В числе этих тяготевших к декабристскому лагерю деятелей были и молодые и убеленные сединами представители лагеря новаторов, многие имена которых, конечно, остались нам неизвестными. Эта сочувственная среда была общественной атмосферой формирования и движения декабристов. Невозможно понять самое формирование декабристского мировоззрения без этого процесса.

«Распространение... революционных мнений в государстве следовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо, если возбранить нельзя, чтобы общество не имело влияния на сие распространение, справедливо также и то, что если б мнения сии не существовали в России до рождения общества, оно не только не родилось бы, но и родившись, не могло ни укорениться, ни разрасти[сь]», — таково глубокое наблюдение Сергея Муравьева-Апостола [97]. Александр Бестужев выразил эту мысль несколько иначе, но заметил тот же процесс в его существе: «Во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили: к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над волканом».

Поистине замечательной чертой движения декабристов является понимание существа процесса: «Всемилостивейший государь! Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколь бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все же еще останется гораздо множайшее число членов, разделяющих те же идеи и чувствования», — смело и проникновенно звучал голос декабриста Штейнгеля из каземата Петропавловской крепости. В «Записке», поданной Николаю I, декабрист писал: «О, государь! Чтобы истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование» [98].

В России времени декабристов складывались элементы революционной ситуации, — она не вызрела окончательно, но к ней вело существо развивавшихся процессов. «Мы не составлялись в обществе, но совершенно готовые в него лишь соединялись. Начало и корень общества должно искать в духе времени и положении, в котором мы находимся, — глубоко заметил Каховский. — Смело говорю, что из тысячи молодых людей не найдется ста человек, которые бы не пылали страстью к свободе» [99]. Следователям Каховский бросил в лицо: «Довольно одного удара, чтоб заставить всех обратиться в нашу сторону» [100]. Пестель, оставивший яркую характеристику духа времени, приведенную выше, говорил на следствии: «А рассуждал не я один, но многие и почти все, что когда Революция возьмет свой ход, тогда, верно, много покажется людей, которые присоединятся к революции, особенно при хорошем успехе» [101].

«...Хотя и не в оправдение себе скажу, что едва ли не треть русского дворянства мыслила почти подобно нам, хотя была нас осторожнее», — вырывается на следствии у Александра Бестужева» [102].

Вынужденный упомянуть о противоправительственных настроениях человека из разночинцев — книгопродавца и типографщика Селивановского и других лиц, к дворянскому сословию не принадлежащих, декабрист Штейнгель замечает на следствии: «Из сих обстоятельств комитет по крайней мере усмотрит то, как в настоящее время люди различных состояний стремятся к одной цели и как, без всякого общества и обязательств, свободномыслящие имеют свои связи и сношения в одном и том же направлении» [103].

Позже А. И. Герцен писал: «Не велик промежуток между 1810 и 1820 гг., но между ними находится 1812 год. Нравы те же, тени те же; помещики, возвратившиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было» [104].

Сторонники нового, увлеченные борцы против обветшавшего феодально-крепостного строя стягиваются к одному полюсу. Против них консолидируется лагерь защитников старого, косного порядка. Процесс поляризации двух лагерей протекает интенсивно, все резче и резче обозначаясь к моменту восстания. Человек, примкнувший к лагерю сторонников нового, по-новому осознавал себя и свою роль в истории. Защита родины, заграничные походы, участие в освобождении европейских народов воспитали в нем и новое понятие чести. Оно состояло прежде всего в новом требовании к самому себе: быть деятельным участником исторических событий, быть преобразователем угнетенной родины. Франция пугала «ужасами французской революции»,— надо избежать их у нас — это было ясно для дворян-революционеров. Сознание дворянина противилось представлению о народной революции.

В спорах и кипении мысли протекали дни, заполненные в то же время военной службой. В ее привычной колее больно давало себя чувствовать существенное изменение: военная служба перестала быть наполненной привычным высоким историческим содержанием. Ранее она была освобождением своей родины от наглого иноземного захватчика и европейских народов от поработителя. Но громы битв отшумели, мирные договоры были подписаны, Европа освобождена от узурпатора. Военная служба мирного времени становилась служением самодержавному деспотизму и ненавистному старому строю. Уже был обнародован акт Священного Союза, уже громко говорили о подавлении того самого свободолюбивого духа, к которому европейские правительства сами взывали раньше во имя освободительной борьбы против поработителя. Служить в армии стало означать — подчиняться аракчеевским клевретам или самому становиться аракчеевцем. Новое понимание чести с презрением отвергало приспособление к реакционному строю и тупую фронтоманию, сопровождаемую заколачиванием солдат палками. Жить надо иначе. Перед передовым человеком кануна 20-х годов встает свое «что делать?».

Яркой отличительной чертой все отчетливее формировавшегося и численно возраставшего передового лагеря была любовь к отечеству, и не просто любовь, а «пламенная любовь к отечеству». Она была истинной, а не ложной или внешней к нему любовью, ибо она хотела глубокого преобразования родной страны в духе очередных исторических задач, выросших из глубины ее исторического процесса. Формирующееся революционное мировоззрение звало к действию. По словам декабриста Оболенского, молодые новаторы хотели увидеть «новую эпоху народную любимого ими Отечества» [105]. Они хотели действовать во имя блага родной страны, потому что они были «истинными и верными сынами Отечества».

Глава IV

СОЮЗ СПАСЕНИЯ, ИЛИ ОБЩЕСТВО ИСТИННЫХ И ВЕРНЫХ СЫНОВ ОТЕЧЕСТВА (1816—1817)

1

Исследовательская литература о декабристах уделила очень мало внимания первой организации тайного общества — Союзу Спасения. Небольшая глава в поспешно написанной и неточной с фактической стороны книге М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (1906) до последнего времени являлась наиболее подробным изложением вопроса. Даже В. И. Семевский посвятил Союзу Спасения не более трех страниц в своем обширном труде «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Касались первой декабристской организации и авторы монографий об отдельных декабристах, однако лишь в той мере и с той стороны, которая относилась к их специальным темам [1]. Между тем исследование о декабристах не может обойтись без специального изучения Союза Спасения: тут сосредоточены истоки движения, тут оно впервые заявило о себе, оформило свою первую программу и включило в себя тех главных деятелей, которые пройдут через все основные этапы декабристского движения — до Сенатской площади в день 14 декабря и до снежного украинского поля, на котором было разбито восстание Черниговского полка.

Исследователи, касавшиеся Союза Спасения, более всего, как правило, обращали внимание на масонские формы организации, на сложную систему соподчинения членов — «братий», «мужей», «боляр», на страшные клятвы и угрозу кинжалом и ядом. Но значение всех этих форм вторично, важнее другое,— каким общественным и политическим содержанием были эти формы наполнены? Какова была программа организации? Какие споры велись вокруг «способов действия»? По какой причине вводилось неравенство степеней «братий», «мужей», «боляр»? Во имя чего давались страшные масонские клятвы? На все эти вопросы обращалось недостаточно внимания.

Сравнительная скудость первоисточников способствовала неизученности вопроса. Первые декабристские организации, естественно, менее интересовали Следственный комитет, чем позднейшие Северное и Южное общества и восстания 14 декабря в Петербурге и Черниговского полка на юге. Мемуарная литература также уделила меньше внимания первым шагам тайного общества. Однако, несмотря на это, пристальное изучение следственных дел, мемуаров и эпистолярного материала позволяет в известной мере выяснить историю этой тайной организации и раскрыть ряд ее сторон, не изученных ранее.

Тщательно сопоставляя текст показаний на следствии и позднейший материал мемуаров, отметая явно неточные сведения, полученные из

третьих рук, исследователь приходит к выводу, что первое декабристское тайное общество — Союз Спасения — организовано инициативной группой из шести лиц, сложившейся следующим образом. Замысел создать тайное общество принадлежал 23-летнему подполковнику Гвардейского генерального штаба, участнику войны 1812 г. и последующих кампаний, упоминавшемуся выше Александру Николаевичу Муравьеву, сыну основателя школы колонновожатых Н. Н. Муравьева. В этой инициативе сознается и сам А. Н. Муравьев на следствии, о ней же говорит в показаниях на следствии и в позднейших мемуарах чрезвычайно точный И. Д. Якушкин, это же подтверждает Никита Муравьев [2]. Инициатор поделился своим замыслом со своим родственником и приятелем с детских лет, 20-летним прапорщиком Генерального штаба Никитой Муравьевым, а также с князем Сергеем Петровичем Трубецким, 25-летним поручиком Главного штаба, старым знакомцем и боевым товарищем по Отечественной войне и заграничным походам. Это совещание трех друзей — Александра Муравьева, Никиты Муравьева и Сергея Трубецкого — происходило в самом начале 1816 г. и было самым первым совещанием инициаторов [3]. Как видим, в лице Александра Муравьева выступает глава офицерской Священной артели, а в лице С. Трубецкого представлена к тому времени уже давно запрещенная императором Семеновская артель. Однако трое совещавшихся товарищей не считали свою инициативу достаточной, а первоначальную группу в должной мере полной: по общему решению они привлекли в инициативную группу еще трех прекрасно знакомых им лиц — своих родственников Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов и старого знакомого студенческих лет Ивана Дмитриевича Якушкина, также прежнего участника Семеновской артели.

Подпоручику лейб-гвардии Семеновского полка Матвею Муравьеву-Апостолу было в то время 22 года, а его младшему брату Сергею всего 19 лет, но он был уже поручиком того же Семеновского полка [4]. И. Д. Якушкину в момент основания тайного общества был 21 год, он служил подпоручиком в Семеновском полку. Все шестеро были боевыми товарищами, награжденными за Бородинскую битву, принимавшими участие не только в Отечественной войне 1812 г., но и в заграничных походах [5].

Пополнение инициативной группы произошло в интересной форме: сговорившийся еще ранее с Александром и Никитой Муравьевыми С. Трубецкой посетил вместе с Якушкиным братьев Муравьевых-Апостолов на их квартире в гвардейских казармах Семеновского полка. Сюда же приехали вслед за ними Александр и Никита Муравьевы. В целях конспирации, чтобы нащупать почву, они первоначально предложили Муравьевым-Апостолам и Якушкину «составить Тайное общество, цель которого, по словам Александра [Муравьева], должна была состоять в противодействии немцам, находящимися на русской службе». Якушкин давно знал, что братья Муравьевы «были враги всякой немчизне», но отвечал, что в «заговор против немцев» вступить не согласен, а вот если бы составилось тайное общество, имеющее более общую цель — трудов «для блага России», он в это общество вступил бы. Почти то же отвечали братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Тогда Александр признался, что его предложение было только «пробным»: и он сам, и Трубецкой, и Никита Муравьев имели в виду тайное общество, целью которого было бы «в обширном смысле благо России» [6].

Так произошло, по всей вероятности, второе по счету, собрание конспираторов, которое и можно назвать учредительным. На этом собрании «было положено составить устав для общества» и не иначе принимать в него членов, «как с согласия всех шестерых нас» [7]. Событие это было воспринято членами новой организации как важное и торжественное, о

чем говорит самый тон записок и Якушкина и Трубецкого, о нем повествующих. Трубецкой запомнил и через всю жизнь пронес и дату этого события — 9 февраля 1816 г.: он говорит о ней на следствии в 1826 г. и вновь точно воспроизводит ее в своих более поздних «Записках» [8]. Это и есть дата учреждения первого тайного общества декабристов. Очевидно, эта дата и относится к только что описанному заседанию шестерки инициаторов [9].

Важно отметить, что большинство инициаторов и не отрицали на следствии своей инициативной роли: в этом сознается не только Александр Муравьев, но и Якушкин; С. Трубецкой показывает, что был «сочленом общества» при его «первом начатии»; Никита Муравьев считает себя не «принятым» в общество («я не был принят никем»), а участником инициативного коллектива. Матвей Муравьев-Апостол обходит этот вопрос, но Сергей Муравьев-Апостол, постоянно старающийся чем только можно облегчить положение брата и выгородить его из беды, все же вынужден признать Матвея инициатором, «основателем», себя же считает не основателем, а «из первых принятых членов» [10].

Повидимому, вскоре после учредительного февральского заседания шестерки Союз Спасения, еще не имевший устава, пополнился тремя новыми членами — М. Н. Новиковым, М. С. Луниным, Ф. П. Шаховским. Михаил Сергеевич Лунин сам показывает, что стал членом тайного общества «при самом почти образовании оного», причем гордо заявляет: «Я никем не был принят в число членов Тайного общества, но сам присоединился к оному, пользуясь общим ко мне доверием членов, тогда в малом числе состоящих». Так как уже 10 сентября 1816 г. Лунин отплыл во Францию на корабле «Верность», то очевидно, что первоначально он участвовал в Союзе Спасения до этой даты. Вероятно, он был принят в Союз Спасения в конце зимы — начале весны 1816 г. Датировка его проекта цареубийства, на которой мы остановимся ниже, подтверждает это предположение. Правдоподобно и то, что Лунина первоначально вовлек в тайное общество его двоюродный брат Никита Муравьев, с детства к нему близкий и сохранивший с ним самые дружеские отношения до конца жизни. Другие инициаторы общества также давно и хорошо знали Лунина, поэтому необходимо принять во внимание и его первоначальное показание, что он узнал об обществе «от всех членов его, число коих тогда было весьма ограничено»; правда, такое показание может быть вызвано и нежеланием называть имена. Лунин был несколько старше других членов — в 1816 г. ему было 29 лет и, в отличие от других членов, в момент его принятия в Союз Спасения он был в отставке, оставив военное поприще в сентябре 1815 г. в чине ротмистра Кавалергардского полка (позже он вновь вступает в военную службу) [11].

Князь Федор Петрович Шаховской узнал об обществе, очевидно, в ранний период его существования. «По возвращении гвардии из походу в 1815 году, я узнал от Матвея Муравьева о намерении некоторых лиц составить общество»,— показывает он. Определяющим моментом датировки его вступления является то обстоятельство, что он выбирается в комиссию по выработке устава Союза Спасения и занимает в ней место секретаря. Утверждение устава, как показывает Пестель, относится к январю 1817 г. Следовательно, принятие в общество Ф. П. Шаховского надо отнести, несомненно, к 1816 г. и скорее к его середине или даже началу, нежели к концу: ясно, что члена общества надо было достаточно хорошо узнать, уяснить себе его отношение к основным вопросам, волновавшим общество, и привыкнуть к мысли о его наличии в обществе, чтобы дать ему столь ответственное поручение, как секретарство в комиссии по выработке устава. В момент вступления в общество Шаховскому было немно-

гим более 20 лет; в марте 1817 г. он был произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, в котором служил с января 1814 г., приняв участие в заграничном походе и во взятии Парижа. Матвей Муравьев-Апостол его хорошо знал как сослуживца по Семеновскому полку [12].

Особенно значительна в Союзе Спасения фигура Михаила Николаевича Новикова, двоюродного племянника знаменитого Н. И. Новикова. С ним особенно отчетливо входила в тайное общество прогрессивная традиция XVIII в., продвинутая вперед и обновленная в его собственном политическом творчестве: М. Н. Новиков был автором республиканского конституционного проекта (первого декабристского проекта), оказавшего большое влияние на П. И. Пестеля. Его штатская фигура среди военной молодежи резко бросается в глаза: в момент своего вступления в Союз Спасения он служил в департаменте министерства юстиции, окончательно покинув военную службу, повидимому, вскоре после 1812 г. Во время Отечественной войны Новиков был сотенным начальником Пензенского конного ополчения (в отставку с регулярной военной службы он уволился в чине штабс-капитана еще в 1802 г.) и должен был явиться свидетелем, а может быть, и участником подавления восстания ополчения в 1812 г.,— тяжелый случай, который, вероятно, и явился переломным в его мировоззрении. Он старше всех декабристов по возрасту: в момент вступления в Союз Спасения ему было уже около 40 лет (род. в 1777 г.). Неизвестно, кто именно его принял. Новиков умер до восстания 14 декабря (вскоре после 1822 г.), поэтому в следственных материалах его дело отсутствует и сведения об этом замечательном декабристе крайне скудны. По службе он не общался ни с кем из членов Союза Спасения, поэтому правдоподобнее всего предположить, что он был знаком с основателем Союза Спасения Александром Муравьевым по своим старым масонским связям. Сам он прошел через ряд масонских лож и в 1816 г. состоял в ложе «Избранного Михаила». Поскольку в конце 1816 г. Новиков уже уехал на Украину как правитель канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина и до своего отъезда успел принять в Союз Спасения не кого иного, как П. И. Пестеля, а еще ранее Пестеля — Федора Глинку, надо полагать, что сам Новиков был принят рано, вероятно, вскоре после учредительного заседания общества [13].

Таким образом, М. Н. Новиков, повидимому, вступил в Союз Спасения ранее переговоров Михаила Орлова с Александром Муравьевым о возможности слияния обоих обществ в одно целое. Не исключено, что именно он и свел с ним М. Орлова, естественно стремившегося пополнить состав «Ордена русских рыцарей», ослабленный после отъезда М. Дмитриева-Мамонова за границу. Очевидно, программа «Ордена» с ее аристократическими тенденциями не удовлетворяла М. Н. Новикова, если он не только согласился на вступление в новую организацию, но и проявил себя там активным членом, поскольку привлек к ней новых и чрезвычайно ценных участников.

Состоявшему при Гвардейском штабе штабс-капитану Апшеронского пехотного полка Федору Глинке в 1816 г. было 30 лет. Он был тогда уже известным в литературе человеком и в том же году возглавил Общество любителей российской словесности. Деятельный участник войны 1812 г. (он состоял адъютантом при графе Милорадовиче) и заграничных походов, Глинка был хорошо известен в военной среде. Новикова он знал по ложе «Избранного Михаила», где оба они состояли масонами, но Новиков был выше его по степени. Глинка сам показывает, что имел с Новиковым «многократные» разговоры и, очевидно, на политические темы, поскольку в результате их общения Новиков сказал Глинке, что «в масонстве только теории», а есть-де «другое общество избранных молодых людей...».

Так совершилось принятие Федора Глинки в Союз Спасения в 1816 г. Отметим, что Ф. Глинка бывал в доме Е. Ф. Муравьевой и хорошо знал ее сына Никиту Муравьева [14].

Обстоятельство, что Ф. Глинка был принят Новиковым в Союз Спасения ранее Пестеля, подтверждается тем, что сам Пестель, перечисляя членов тайного общества, от которых он впервые узнал о существовании такового, упоминает среди них и Федора Глинку [15]. Пестель ясно датирует этот первый разговор: «сие было осенью 1816 года» [16]. На этом основании и вступление Пестеля в Союз Спасения можно датировать осенью 1816 г. При этом имеется возможность дополнительно уточнить датировку: из показаний Пестеля видно, что Лунин при нем сделал свое предложение о цареубийстве в масках на Царскосельской дороге. Как датируется это предложение Лунина? Сам Лунин крайне, нарочито небрежен в показаниях, проявляя этим свое презрение к Следственному комитету. Он приблизительно датирует свое предложение 1818 или 1819 годом, оговариваясь, что не помнит точной даты: «Я не в состоянии по давности времени припомнить, ибо случайный сей разговор происходил, если не ошибаюсь, в 1818 или 1819 году в Петербурге» [17]. Пестель исправляет ошибку Лунина, указывая, что его проект цареубийства был первым, слышанным им, Пестелем, в тайном обществе, и даже под номерами, со свойственной Пестелю точностью и обстоятельностью, перечисляет последовательность проектов цареубийства, причем лунинское предложение помещает под первым номером, а «московский заговор» Якушкина — под вторым [18]. Московский заговор датируется вполне точно — осенью 1817 г., следовательно, дата лунинского предложения должна быть более ранней. Установлению даты помогает и показание Никиты Муравьева: «Я вспомнил, что в 1816 году незадолго до отъезда его во Францию Лунин говорил при Пестеле и при мне о возможности такого предприятия» [19]. Ясно, что подобный разговор мог происходить при Пестеле лишь тогда, когда он уже был принят в члены тайного общества. Отъезд же Лунина во Францию точно датируется 10 сентября 1816 г. Следовательно, Пестель стал членом тайного общества несколько ранее этой даты, вероятнее всего в августе 1816 г., что не противоречит и его собственному свидетельству об «осени» 1816 г. Заметим, что именно в августе 1816 г. Александр I выехал из Царского Села в большое путешествие по России, чтобы посетить Москву, Тулу, Калугу, Чернигов, Киев, Варшаву, Ригу. Император вернулся в Царское Село лишь в октябре 1816 г. Слухи о предполагавшемся царском путешествии могли послужить непосредственным поводом для предложения Лунина [20].

П. И. Пестель, которому суждено было сыграть в обществе столь выдающуюся роль, повидимому, был знаком с Новиковым также по старым масонским связям. В момент вступления в тайное общество Пестелю было 23 года, он был поручиком Кавалергардского полка. Вступив в общество, Пестель сразу начинает вербовать членов и успевает до принятия устава Союза Спасения, т. е. до января 1817 г., включить в организацию трех новых членов. Первым был принят давний друг Пестеля 23-летний капитан лейб-гвардии Преображенского полка Иван Павлович Шипов, а вслед за ним и его старший брат Сергей Павлович, полковник того же полка. Иван Шипов на следствии прямо показывает, что в тайное общество «введен я был в 1816 году полковником Павлом Пестелем». Воспоминания Сергея Шипова позволяют уточнить дату его приема. Сам Пестель вступил в тайное общество осенью 1816 г., а когда брат Ивана Шипова, Сергей, вернулся из четырехмесячного отпуска в Петербург 4 ноября 1816 г., он узнал, что его брат уже принят в тайное общество Пестелем, следовательно, И. Шипов принят в общество также осенью 1816 г.— до ноября.

В своих воспоминаниях Сергей Шипов прямо пишет, что вскоре после его возвращения из отпуска Пестель и ему предложил вступить в общество, но что он будто бы отказался. Однако последнее обстоятельство опровергается достоверными свидетельствами: старые члены общества С. Трубецкой, Матвей Муравьев-Апостол и Илья Долгоруков показывают, что Сергей Шипов тоже был членом первой декабристской организации. Заметим, что семья Шиповых была связана старой дружбой с семьей Никиты Муравьева (отец декабриста Михаил Никитич Муравьев был школьным товарищем отца декабристов Шиповых). Сергей Шипов в 1816 г. уже был полковником, «имел 26 лет от роду»[21].

Вслед за Шиповым Пестель принял 19-летнего князя Илью Андреевича Долгорукова. «Осторожный Илья», как наименовал его Пушкин в X песне «Евгения Онегина», был тогда поручиком лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады и с декабря 1815 г. был прикомандирован в качестве адъютанта не к кому иному, как к самому «змию» Аракчееву. С. Трубецкой называет Долгорукова «сочленом» при «первом начатии» общества, а сам Долгоруков в показаниях на следствии точно указывает 1816 г. как год своего вступления в общество, хотя далее несколько колеблется, не было ли это в самом начале 1817 г. Однако им самим даваемое указание, что его приняли тогда, когда общество еще не было «точно учреждено и не имело устава», дает основания предпочесть первую его дату как более точную: устав Союза Спасения был принят, по свидетельству Пестеля, в январе 1817 г. С другой стороны, вступив в общество, Долгоруков уже застал там братьев Шиповых, дату вступления которых можно, как мы видели выше, установить вполне точно. Отсюда можно сделать вывод, что Илья Долгоруков вступил в общество примерно между серединой ноября 1816 г. и январем 1817 г. Состоял он в Союзе Спасения недолго, так как весной 1817 г. заболел и в апреле уехал для лечения за границу, откуда вернулся лишь в августе 1818 г., когда Союз Спасения был уже давно ликвидирован[22].

Старший из братьев Колошиных, Петр, 22-летний прапорщик Гвардейского штаба, вступил в общество, по его собственному признанию на следствии, в 1816 г.: «В 1816 году,— показал он,— принадлежал я тайному обществу». Нет точных сведений о том, кто именно его принял, но все предположения восходят к Александру Муравьеву; именно он позднее принял в общество младшего Колошина, Павла. Муравьевы и Колошины, как уже упоминалось, были дружны с отроческих лет,— их семьи были знакомы в Москве еще до войны 1812 г. Петр Колошин был воспитан в школе колонновожатых у того же Н. Н. Муравьева и в марте 1812 г. в 17-летнем возрасте поступил на военную службу. Матвей Муравьев-Апостол указывает на старшего Колошина как на участника общества в самом начале его существования, об этом же показывает Якушкин. Так как А. Муравьев, основатель общества, хорошо знал Петра Колошина и по Священной артели офицеров Генерального штаба, в которую тот входил, то ранняя дата принятия — 1816 год — представляется правдоподобной. Вероятнее всего, речь должна идти скорее о конце этого года, нежели о его начале, так как хорошо знавший Петра Колошина А. Муравьев почему-то не включил его в число инициаторов, действовавших в феврале, очевидно, еще присматриваясь к нему[23].

Таким образом, до конца 1816 г., т. е. до момента принятия устава, в Союзе Спасения уже насчитывалось 14 человек: шестерка инициаторов во главе с Александром Муравьевым (Александр Муравьев, С. Трубецкой, Никита Муравьев, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы и Якушкин) и восемь членов, принятых позднее, в том же 1816 г., в таком при-

близительно порядке их принятия: М. С. Лунин, М. Н. Новиков, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель, И. Шипов, С. Шипов, И. Долгоруков и Петр Колошин. Мы видим тут старых участников Священной и Семеновской артелей, уже покипевших в политических спорах о «зле существующего порядка вещей», повидавших Россию, сражавшихся в битвах Отечественной войны. В сущности все перечисленные члены вновь возникшего союза — «дети двенадцатого года». Все побывали и в последующих заграничных походах. В их среде — участники живших кипучей умственной жизнью молодых коллективов (в шестерке инициаторов — трое студентов Московского университета) и представители старшего поколения, как бы символизирующие связи с «весной девяностых годов» XVIII в. (М. Н. Новиков). Перед нами тем не менее молодой офицерский коллектив: если не считать представителей старшего поколения — М. Н. Новикова и в некоторой степени Федора Глинку, всем остальным по двадцать с чем-то лет, а «осторожному Илье» — всего девятнадцать.

Однако это вовсе не кружок юнцов, не видавших жизни. Эпоха дала им уже не по летам большой опыт, а их живой и глубокий патриотизм вырос и окреп в боях за родину и в непрерывной работе рано пробудившегося сознания. Нужно было спасать родину,— по мнению молодых патриотов, она стояла на краю гибели. Союз Спасения стал работать над программой с первых же дней своего возникновения.

2

Уже указывалось, что решение написать устав или статут новой организации было принято членами-учредителями еще на первом заседании шестерки инициаторов. Иначе говоря, на учредительном заседании было решено создать документ, который фиксировал бы программу и организационную структуру нового общества. Важной идейной работе над созданием устава, несомненно, предшествовало и затем сопутствовало живое и частое обсуждение всех связанных с ней вопросов внутри только что возникшей тайной организации. Именно из этого постоянного и живого общения и родились основные идеи устава: члены общества вспоминают о «долгих разговорах», «постоянных разговорах», о «продолжении разговоров». По их показаниям, свидания и разговоры происходили «часто» или даже «весьма часто». Общей чертой настроения всех членов были «пламенный патриотизм» и «нетерпеливое желание» поскорее изменить угнетенное положение любимой родины. Якушкин ярко и жизненно передает основное содержание постоянных разговоров о положении России, о «главных язвах нашего отечества»: крепостном состоянии, жестоком обращении с солдатами, повсеместном лихоимстве, грабительстве и явном неуважении к человеку вообще. Вступивший в Союз Спасения несколько позже И. И. Пущин свидетельствует о том же, упоминая «постоянные беседы» «о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне». Дело происходило в эпоху, когда, по словам Пестеля, «дух времени» заставлял «везде умы клокотать». Сознание «недостатков в российских законах», убеждение в «горестном положении отечества», желание «благоденствия России» — вот что было двигательной силой в этих долгих разговорах. Особенно важно отметить сознание декабристами важности возрастающих крестьянских волнений. Именно их наличие укрепляло декабристов в убеждении, что в России назревает революция и что нужно торопиться с созданием организации, которая могла бы должным образом руководить движением. Один из основателей общества, Сергей Трубецкой, прямо говорит о создавшемся у него

убеждении, что «состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот со временем» причем это мнение он «особенно основывал... на частых возмущениях крестьян против помещиков и на продолжительности оных, равно как и умножении таковых возмущений». Всеобщие жалобы на лихоимство чиновников и борьба против военных поселений также представлялись ему «причиною переворота».

Рассматривая в целом исторический процесс, на фоне которого и в глубочайшей связи с которым развивалась деятельность первой тайной революционной организации в России, исследователь прежде всего отмечает прогрессирующее обособление двух общественных лагерей: лагеря новаторов, лагеря молодой России, с одной стороны, и лагеря «гасильников», или «староверов»,— с другой. Процесс этот замечен самими декабристами, занявшими в нем сознательную позицию,— это очень важная черта движения. Вернувшемуся из-за границы Якушкину бросилось в глаза еще в 1814 г. растущее размежевание, и расстояние между лагерями «стариков» и «молодежи» он образно измерял целым столетием: «В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно,— писал он в своих «Записках».— В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед». Прошло еще несколько лет, и замеченный Якушкиным процесс углубился, расширился: неизвестный член «Зеленой лампы» (побочной управы Союза Благоденствия) писал в литературном произведении «Письмо к другу в Германию», которое читалось на заседании «Зеленой лампы»: «Посещая свет в этой столице (Петербурге.— *М. Н.*) хотя бы совсем немного, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать правоверными (погасильцами),— сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — еретики, защитники иноземных нравов и либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в своего рода войне,— кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света» [24].

А. С. Грибоедов словами Чацкого выразил те же мысли: «Как посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший,— свежо предание, а верится с трудом». Коллизия двух лагерей, запечатленная задуманным в том же 1816 г. «Горем от ума», была рождена самой жизнью, а не придумана писателем. Лагерь Фамусовых и Скалозубов обособлялся, внутренне консолидировался, а против него собирал свои силы стан Чацкого — лагерь сторонников молодой России. Этот процесс явственно был заметен в дворянских кругах и в так называемом «просвещенном обществе», но к нему тяготели и менее выявленные процессы в разночинской среде тех же лет, в купечестве, мещанстве, разночинском студенчестве, в среде семинаристов. В целом консолидация сил молодой России объективно была связана с очерченным выше глубоким подспудным процессом народного брожения, направленного против твердынь крепостного права. Народ, прошедший через горнило освободительной Отечественной войны 1812 г., вырос и требовал освобождения. Настороженная позиция правительства вскоре перешла в открытую борьбу с «вольным духом», в бой против новых идей, за укрепление старых крепостнических устоев. Напряженность этой борьбы, несомненно, говорит о силе общественного брожения. Аракчеевщина возникла не в пустом пространстве и боролась не с призраками, а с реальным, молодым, полным сил врагом.

Усиление реакции в свою очередь стимулировало созревание лагеря молодой России. В этом отношении надо обратить внимание на следующие явления при изучении истории Союза Спасения. В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституционную хартию Польши, а Россия оставалась страной самодержавного произвола, лишенной конституции. Это оскорбило патриотов-новаторов, задело достоинство передовых русских людей, полагавших Россию достойной конституционного устройства (свидетельство М. Фонвизина). Взамен конституции Россия получила Священный Союз, аракчеевщину и военные поселения. В декабре 1815 г. был обнародован реакционный акт Священного Союза — организации реакционных правительств для угнетения пробуждавшихся народов; царский новогодний манифест 1816 г. был полон реакционно-мистических лозунгов и лишен каких бы то ни было обещаний реформ. 1816 год уже является годом всевластия Аракчеева, и даже Карамзин может выхлопотать себе царское покровительство лишь при посредстве «змия». В этом же году насаждаются военные поселения и вспыхивают крестьянские восстания против этой худшей формы крепостного угнетения. На этот процесс усиления реакции остро реагируют члены первого тайного общества Трубецкой, Якушкин, Матвей Муравьев-Апостол и др., взволнованно обсуждают линию правительственной политики, собирают сведения о военных поселениях. Кое-когда они оказываются даже в особо благоприятных условиях для сбора этих данных. Августовский указ 1815 г. о введении военных поселений на реке Волхове в Высоцкой волости прямо дан на имя новгородского гражданского губернатора Муравьева — родственника декабристов. Отсюда же, очевидно, получались подробности о первых крестьянских волнениях 1815—1816 гг., связанных с введением военных поселений. В мае 1816 г. было обнародовано учреждение об Эстляндии (а в 1817 г.— о Курляндии), которым эстляндским крестьянам давалась свобода от крепостного права, правда, по справедливому мнению декабристов, «мнимая». А проекты того или иного освобождения русских крестьян, известные декабристам (например, записка графа Киселева от августа 1816 г.), хотя и заказывались колеблющимся правительством, но лежали без движения. В августе 1816 г., когда Союз Спасения расширился численно и готовился приступить к выработке устава, Александр I посетил Москву и в речи, обращенной к дворянству, ни слова не сказал о преобразованиях; к величайшему удивлению истинных патриотов, он не посетил даже Бородинского поля. Но в том же месяце мистик Голицын был назначен на пост министра народного просвещения, а осенью следующего, 1817 г. произошел акт крайне реакционного значения — слияние министерства просвещения с министерством духовных дел.

Таков был основной общественно-политический фон, на котором возникла и образовалась первая русская революционная организация. К этому надо добавить усердную работу членов организации над своим политическим мировоззрением: члены Союза Спасения не только спорят между собой, не только жадно читают новую теоретическую и политическую литературу по интересующим их вопросам, но усердно посещают лекции выдающихся профессоров и страстно учатся. Пестель, Муравьевы, Глинка и многие другие посещают «курсы политических наук» профессоров Германа, Куницына, Галича. «Осторожный» Илья Долгоруков познакомился с Пестелем в 1816 г. именно на лекциях профессора К. Германа (позднее пострадавшего в результате «профессорского процесса», проведенного в 1821 г. мракобесом Руничем). К. Герман был одним из тех профессоров Педагогического института, чья деятельность

приводила в ужас княгиню Тугоуховскую в «Горе от ума» («там упражняются в расколах и безверьи профессоры!»). Те же лекции Германа одновременно посещали Никита Муравьев, Сергей Трубецкой, Федор Глинка. Как показывает Глинка, с ним «ежедневно» (!) слушал курс философии в это же время декабрист Оболенский; лекции Германа, Галича, Куницына слушал в это же время И. Г. Бурцов. Посещал лекции Куницына и других профессоров в том же году Павел Колошин [25].

Научную, идейную атмосферу, в которой развивалась первая революционная организация и в которой создавался ее устав, хорошо характеризуют слова члена Союза Спасения декабриста Ф. Глинки. Он показывает, что в те годы разговоры на политические темы происходили «не только у меня или в других квартирах, но заводимы были встречавшимися членами повсюду: на балах, на вечеринках, в театре, везде толковали о политике, и я помню, когда проходили политическую экономию, то часто встречные друг у друга спрашивали: «Вы физиократ или меркантилист?»» [26].

Важно отметить и сознательный учет опыта западноевропейского освободительного движения первыми русскими революционерами. Спорили об организациях революционной Франции, о карбонаризме, о шведских революционных обществах, о Тугендбунде. Последнее надо отметить, так как нередко в декабристской литературе опыт Тугендбунда внезапно выплывает лишь в момент организации Союза Благоденствия, как будто ранее декабристы ничего не знали о нем или почему-то не обращали на него внимания. Это неверно: опыт Тугендбунда был известен декабристам и обдуман ими еще при организации Союза Спасения — об этом свидетельствуют Александр Муравьев, С. Трубецкой, Ф. Шаховской, М. Фонвизин; любопытные данные об этом содержит и дело М. Орлова. Когда Пестель в 1816 г. склонял старшего Шипова — Сергея — к вступлению в Союз Спасения, он убеждал его, ссылаясь на пример Тугендбунда [27].

Вопрос о связи первого декабристского общества с масонскими организациями представляет несомненный интерес для историка декабристов, однако в литературе преобладает преувеличенная оценка этой связи. Наиболее интересен вопрос о взаимоотношениях Союза Спасения с масонской ложей «Трех добродетелей». Александр Муравьев показал на следствии: «Хотя я и не был начальником ложи называемой Трех Добродетелей, а был оным князь Лопухин, я же был вторым по нем в ложе сей; но сознаюсь, что имел преступное намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества; почему и старался привлечь в нее членов. Но сие происходило в Петербурге прежде выступления гвардейского отряда в Москву». В этом свидетельстве, на первый взгляд как будто вполне ясном, требует комментария характер связи общества и ложи. В самом деле, каким образом «под покровом» масонской ложи могли бы укрыться от опасности члены тайной политической организации? [28].

Чтобы ответить на этот вопрос, восстановим в памяти некоторые факты из истории ложи и сопоставим их с установленными выше событиями из истории Союза Спасения.

Ложа «Трех добродетелей» была основана небольшим кружком молодых гвардейцев, принадлежавших ранее к светской ложе «Соединенных друзей» («Des amis réunis») и выделившихся из нее. Инсталляция новой ложи произошла 11 января 1816 г., почти месяцем раньше основания Союза Спасения. Ни один из шестерки инициаторов первой декабристской организации не входил в число основателей новой ложи в момент ее инсталляции. Когда месяцем позже организовался Союз Спасения, этого не подозревал ни один из основателей и первых членов ложи «Трех добро-

детелей»,— ни С. Г. Волконский, который войдет в движение декабристов только через четыре года, ни П. П. Лопухин и И. А. Долгоруков, которые будут приняты в Союз Спасения годом позже, ни П. П. Трубецкой, который вообще никогда не принадлежал к тайному обществу. Таким образом, ложа «Трех добродетелей» возникла совершенно независимо от первой декабристской организации и раньше нее.

Лишь через две недели после инсталляции ложи — 25 января 1816 г.— в нее принимается в низшей масонской степени Сергей Трубецкой, который через две недели примет участие в основании Союза Спасения. В составе шестерки инициаторов первого декабристского общества было в момент его основания лишь три «вольных каменщика»: давний масон высоких степеней Александр Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, принятый в ложе «Соединенных друзей», и младший масон, «профан» с двухнедельным масонским стажем — князь Сергей Трубецкой.

Обнаруженный и описанный Н. М. Дружининым процесс завоевания ложи «Трех добродетелей» Союзом Спасения основан на следующих фактах: 5 октября 1816 г. в ложу принят член Союза Спасения князь Ф. Шаховской, 26 декабря—Матвей Муравьев-Апостол, 2 января 1817 г.— его брат Сергей Иванович, 30 января того же года — Никита Муравьев и 6 февраля — П. И. Пестель. Мало этого, члены тайной организации внедряются в руководство новой ложи: 1 февраля 1817 г. ее наместным мастером избирается П. П. Лопухин, в тот момент, возможно, уже причастный к Союзу Спасения; И. Долгоруков тогда же избирается в число надзирателей, С. Трубецкой — секретарем, а Ф. П. Шаховской — ритором. Заметим, что избрание другим надзирателем Сергея Волконского не имеет отношения к этому внедрению по указанной выше причине: С. Волконский не был тогда членом тайной организации, он войдет в нее лишь на этапе Союза Благоденствия. На новых выборах 14 апреля 1817 г. великим мастером ложи избирается П. П. Лопухин, а наместным мастером — старый масон Александр Муравьев. Вторым надзирателем стал Ф Шаховской, ритором — Никита Муравьев и церемониймейстером ложи — Сергей Муравьев-Апостол. Таким образом, Союз Спасения стал первенствовать в руководстве ложей. Однако отсюда никак не следует, что Союз Спасения на этом этапе слился с масонством; нет, он отчетливо отделял себя от него, пользуясь им лишь как средством конспирации. В те же месяцы конца 1816 — начала 1817 г., когда происходит разработка самого замысла внедрения членов тайного общества в масонскую ложу, а затем и само внедрение, Союз Спасения усердно работает над собственным уставом, созывает свои собрания, обсуждает и принимает свой устав и ведет самостоятельный прием членов. Его «статуты» содержат тексты торжественных клятв по масонскому образцу, и самые «степени» его членов сложились под влиянием масонских форм, однако основное содержание работы тайной организации имеет вполне самостоятельный характер. Собрания Союза Спасения, как свидетельствует хорошо осведомленный его член Ф. Шаховской, протекали без масонских обрядов и «представляли вид простого приятельского сообщества».

Девять масонов из Союза Спасения, вступившие в ложу, не исчерпывали состава первой декабристской организации; с одной стороны, свыше двух третей тайного общества оказывалось за пределами ложи, с другой — основной состав последней продолжал оставаться не имеющим отношения к движению декабристов. Таким образом, если Александр Муравьев и намеревался «облечь революционное общество в защитную оболочку масонской ложи» (Н. М. Дружинин [29]), то замысел его явно не удался. Он и не мог иметь успеха,— о причинах этого убедительно говорит Матвей Муравьев: «Он [Александр Муравьев] оставил скоро сию

мысль, потому что все время заседания ложи занято масонскими работами и что всякой масон имеет право приехать в ложу» [30]. Отсюда ясно, что и замысел-то был по существу неудачен: если всякий масон имел право появиться в ложе,— о какой же политической конспирации могла идти речь? Можно ли было при «всяком» масоне обсуждать вопросы о ликвидации крепостного права и самодержавия? Трудно представить себе, чтобы опытный масон Александр Муравьев не учитывал этих обстоятельств. Поэтому законны сомнения в том, что он действительно хотел облечь революционное общество в защитную оболочку масонской ложи. Если бы это было так,— что могло бы помешать ему сразу основать общество под видом ложи? Он не пошел по этому пути и сохранил самостоятельность новой политической организации. Поэтому им самим сформулированное намерение — «под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества» — представляется нам более точным, нежели другие свидетельства, и едва ли идентичным полному слиянию ложи с обществом. Частые встречи «бояр» — руководителей тайной организации действительно могли удобно прикрываться формой масонских заседаний и свиданий членов — руководителей ложи. Кроме того, привлекаемые в ложу новые братья могли бы в подходящих случаях вербоваться в общество, и ложа оказалась бы подготовительной ступенью для отбора новых членов тайной организации действительно в безопасной форме.

Но все эти замыслы не имели успеха. П. И. Пестель побыл в составе ложи всего около месяца и в начале 1817 г. уехал в Митаву. В руководство ложей он не входил и не мог входить, так как во время февральских выборов он еще не был членом ложи, а во время апрельских его уже не было в Петербурге. Александр Муравьев до похода гвардии в Москву побыл в руководящем составе ложи всего четыре месяца, из которых по меньшей мере три падали на летний период, когда деятельность ложи совершенно замирала.

Таким образом, взаимоотношения Союза Спасения с завоеванной им ложей «Трех добродетелей» свидетельствуют о неудаче применения масонских форм, о их нежизненности для политического тайного общества и раскрывают перед нами процесс постепенного, но верного изживания первыми русскими революционерами их ранних масонских увлечений.

3

Каковы же основные черты той программы, которую приняла первая русская революционная организация?

Пестель вспоминает, что в самом начале существования общества был краткий период, когда члены были заняты лишь одной идеей освобождения крестьян и способом достижения этого путем подготовки «просьбы» императору от всего дворянства. Он с большой отчетливостью свидетельствует об этом: «Настоящая цель первого общества было введение монархического конституционного правления, а одно освобождение крестьян от крепости было целью при самом первом начале и весьма короткое время». Очень скоро к этой цели присоединилась и другая: борьба против абсолютизма и требование конституционной монархии. О первом кратком периоде Пестель, очевидно, знал с чьих-то слов. Убедившись, что «нельзя будет дворянство склонить» к подобному акту (обращение к императору с просьбой об освобождении крестьян), тайное общество расширило свою программу. Оба лозунга — борьба против крепостного права и против самодержавия — с этого момента соединились прочно, вошли в идеологию декабризма и так и остались в ней до конца движения, переживая различные модификации, но никогда не меняясь в существе. Эти лозунги и были

завещаны первыми русскими революционерами последующим поколениям [31].

Таким образом, с первых же шагов существования тайного общества уничтожение крепостного права стало мыслиться как чрезвычайно важная часть общего конституционного плана. Представительное правление, введение в действие конституции, создание русского парламента стало в центре политической идеологии. Во имя этого предпринималось опасное дело тайной политической организации, во имя этого можно было и пожертвовать собой в случае необходимости, так как добывать все это нужно было открытой борьбой, это было уже ясно. Указанную цель не приходится подразумевать или улавливать из скупых намеков,— о ней с большой ясностью говорили сами декабристы. «Тайное общество, которое хотело составить в России конституционную монархию, существовало. . .»,— так начал свое самое первое показание на допросе С. Трубецкой. «Намерение общества было приготовить государство к получению конституции»,— показывает Александр Муравьев; «приготовить все сословия государства к представительному правлению»,— показывает Якушкин. О намерении готовить государство «к представительному правлению» свидетельствует и князь Лопухин. Очень точную формулировку дает Лунин; упомянув, что в России «по мере успехов просвещения» начали постигать и «выгоды конституционных или законно-свободных правлений», он пишет далее: «Но невозможность достигнуть сего политического изменения явно, понудила прибегнуть к сокровенным средствам. Вот, как я полагаю, причины, которые предшествовали и родили мысль основания тайных политических обществ». По свидетельству Сергея Муравьева-Апостола, молодые люди, основавшие Союз Спасения, «восчувствовали желание видеть в отечестве своем представительное устройство». Матвей Муравьев-Апостол прямо говорит, что членами руководила «мысль составить общество для введения представительного правления в России»; цель одна была во все периоды истории общества, повторяет он,— «введение Представительного Правления». «В продолжение 1816-го года Александр Муравьев предложил мне составить общество, имеющее целью введение в России монархического представительного правления»,— так начинает Никита Муравьев свое написанное в крепости повествование под названием «Историческое обозрение хода Общества». Доносчик на Союз Благоденствия М. К. Грибовский, осведомленный и о самом начальном моменте основания общества, пишет о его первоначальной цели: «Явная цель сих мнимых свободномыслящих (либеральных), точнее, своевольномыслящих, была введение Конституции». Никита Муравьев, составивший в Сибири, повидимому, совместно с Луниным, «Разбор Донесения Следственной комиссии», отчетливо пишет: «Тайный Союз обвиняют в том, что в продолжение десяти лет он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле, таково было его назначение». Эти свидетельства можно умножить, но в этом нет нужды: в центре декабристской программы стояла борьба за новый представительный строй, за конституцию, а важнейшим элементом этой системы идей было требование ликвидации крепостного права. Без этой ликвидации немыслимо было новое — представительное — устройство государства [32].

Таким образом, в Союзе Спасения ликвидация абсолютизма мыслилась в форме установления конституционной монархии. Как видим, личные республиканские симпатии членов Священной артели уступили место осторожному и более умеренному решению, когда дело дошло до практических установок политической программы создаваемой тайной организации. Единственным исключением является тут старейший член

общества — М. Н. Новиков, республиканец по убеждениям и автор первой республиканской конституции. Но Новиков уехал на Украину в конце 1816 г., как раз в то время, когда велись споры в связи с подготовкой устава. Республиканские убеждения Новикова не повлияли на устав. Пестель в то время также стоял на платформе конституционной монархии.

Если основные цели — освобождение крестьян и ликвидация абсолютизма — были в общем ясны членам общества, то средства достижения этих целей были далеко не так ясны. Декабристы страшились «ужасов народной революции» и с самого начала решили избегнуть этого пути. Как же действовать? Народ должен был получить необходимое, но из рук дворян-революционеров. В спорах об этом возникло мнение использовать перемену царей на престоле для «начала действий», для открытого выступления с предъявлением политических требований к новому императору. Но отсюда был уже один шаг до насильственного ускорения этой смены. Если самый момент смены царей на престоле столь благоприятен для введения конституции, то почему бы не ускорить «совершение ожиданий» страждущего отечества путем цареубийства? Повидимому, в этой логической связи и возник первый проект цареубийства, предложенный Луниным ранней осенью 1816 г., о котором мы уже говорили выше. Предложение заключалось в том, чтобы убить царя во время его многочисленных поездок — на Царскосельской или на какой-нибудь другой дороге — отрядом в масках. По свидетельству Пестеля, это был самый ранний проект цареубийства, возникший в истории тайного общества. Цареубийство тут было не самоцелью, а лишь способом начать действия: оно должно было совершиться, как свидетельствует Пестель, «когда время прийдет к действию приступить». Этот акт понимался как акт начала революции, и Пестель в свое время именно потому обратил мало внимания на это предложение, что считал «время начатия Революции... слишком еще отдаленным». Он полагал, в разговоре 1816 г., что прежде всего надо «приуготовить наперед план Конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием Революции новый порядок мог сейчас же быть введен сполна...». Лунин в ответ на это «с насмешкой» отвечал, что Пестель-де предлагает «наперед Енциклопедию написать, а потом к Революции приступить» [33].

Из сказанного ясно, что предложенный Луниным план не имел ничего общего с замыслом дворцового переворота, а был самым непосредственным образом связан с планом начала революции и борьбы за конституционный строй [34].

4

Члены Союза Спасения усердно обдумывали вопрос о создании устава своей организации. По их мнению, «статут» или «устав» должно было выработать и ввести «для порядка и формы в действии». Для «успешнейшего действия нужен порядок и формы»,— справедливо полагал С. Трубецкой [35].

«Статут первоначального общества нашего,— показывает Пестель,— был не мною одним составлен, но Комиссиею, обществом назначенной из трех членов и секретаря. Члены были: князь Сергей Трубецкой, князь Илья Долгоруков и я, а секретарь князь Шехавской» [36].

О выборе комиссии для написания устава и о вхождении в нее Трубецкого, Долгорукова и Пестеля свидетельствует в своих «Записках» сам Трубецкой, сообщающий и о том, как члены распределили свои обязанности: Пестель будто бы был занят «формою принятия и внутренним образованием», Долгоруков — «целью общества и занятиями его для ее достижения», а Трубецкой — «правилами принятия членов и порядком дей-

ствия их в обществе». Нельзя счесть это свидетельство вполне ясным: трудно дифференцировать «форму принятия» от «правил принятия» и «порядок действий» членов общества от «занятий общества» для достижения цели, но сознательное желание разработать уставные формы перед нами налицо [37].

На следствии Трубецкой свидетельствует, что «устав был написан Пестелем», и делает лишь оговорку, что вступление или предисловие к уставу было написано Ильей Долгоруковым. Мнение о выдающейся роли Пестеля как основного автора устава часто повторяется на следствии и, повидимому, соответствует действительности [38].

При обсуждении программы вопросы ставились широко: обсуждались «права для народа», иначе говоря, мысль уже начинала работать над важнейшими принципами конституционного устройства, над какой-то их конкретизацией. Илья Долгоруков, уехавший по болезни за границу 10 апреля 1817 г., общался с Пестелем и Муравьевым лишь в пору выработки устава первого декабристского общества. Он показывает: «Полковник Пестель, Муравьевы часто говаривали о образе правления, о необходимости прав для народа, о стремлении к достижению такой цели,— я сам участвовал в сих разговорах, но каждый оставался при своем мнении».

Устав первого декабристского общества не сохранился, он был сожжен самими декабристами в конце 1817 или в начале 1818 г. при образовании новой организации — Союза Благоденствия [39]. Поэтому представляет особый интерес попытаться, хотя бы в схематической форме, восстановить по сохранившимся источникам основное содержание этого важнейшего декабристского документа.

Статут давал Союзу Спасения новое наименование: «В генваре 1817 года составилось в Петербурге общество Истинных и Верных сынов отечества»,— показывает Пестель и поясняет в ответ на вопрос Комитета: «Я называл первоначальное общество, составившееся в 1816 году, обществом Истинных и Верных сынов отечества, потому что Устав оного общества, принятой в начале 1817 года, сие имел заглавие». Отсюда уясняется, что название общества «Союзом Спасения» было, очевидно, принято еще в 1816 г., на первом учредительном собрании и было в ходу преимущественно среди самих учредителей (его употребляет, например, Никита Муравьев). Членам же, вступившим в общество позднее, это название иногда даже оставалось неизвестным (например, Пестелю). При принятии же устава в 1817 г. организация усвоила и другое наименование — «Общество истинных и верных сынов отечества» [40].

Смысл того и другого названия заслуживает внимания: Союз Спасения — чьего спасения? Кто должен быть спасен? Очевидно, члены общества считали, что Россия стоит на краю гибели, ее нужно спасать и тайное общество призвано это сделать. И позднее у других декабристов, например у Н. Тургенева, М. Орлова, мелькает та же мысль. Так, когда М. Орлова хотели вовлечь в тайное общество, ему, как он показывает, говорили, что «Россия стоит на краю пропасти, что надобно всем честным людям иметь прочную связь, дабы при случае раздался Отечественный отголосок». Пестель придумал для общества новое название, составляя его устав: двумя эпитетами «истинный» и «верный» он оттенил тот особый род сынов отечества, которые противостояли другим «сынам отечества» — не истинным и не верным, а лишь называющим себя таковыми, ложным патриотам. «Слова «сын отечества» давно были в ходу в русском политическом языке; так, автор одной из старинных биографий М. И. Кутузова называет его «достойным сыном отечества»; с 1812 г. стал выходить журнал «Сын отечества». И еще ранее, в XVIII в., это же название жило в русской политической речи и толкнуло Радищева на создание

«Беседы о том, что есть сын отечества». Основной темой «Беседы» является именно проблема дифференциации понятий, установление того, кто есть истинный и кто не истинный «сын отечества»: «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота)»,— писал Радищев. Нельзя поэтому исключить влияние радищевской «Беседы» на сознание автора или авторов устава, выбиравших название для нового общества. Важно подчеркнуть, что рождалось сознание нового, подлинного преобразовательного патриотизма, который, сознавая себя иным — истинным и верным в отличие от неистинного и неверного, противопоставлял себя патриотизму казенному, консервативному, реакционному. Весь этот ряд мыслей был в русле «духа времени», работавшего над новым осознанием действительности и над путями ее перестройки. Люди прошли через горнило таких событий, которые способствовали дифференциации «истинных» сынов отечества от «неистинных», проверяли их, ставили на разные стороны баррикады. Подобная оценка рождалась в самом ходе событий тех взволнованных и бурных лет. Даже генерал Кикин писал в 1812 г. своему родственнику, что усматривает выгоду Отечественной войны в том, что «мы научились распознавать истинных сынов отечества от тех, кои покорствовали силе, ожидая удобного случая отторгнуть себя от оного». И позднее, когда название «истинных и верных сынов отечества» уже не применялось в тайном обществе, среди его членов вновь и вновь возникала та же проблема времени — отграничение истинных сынов отечества от неистинных: «Нет, не Отечества сыны питомцы пришлецов презренных»,— писал позже К. Ф. Рылеев в стихотворении «На смерть Чернова» [41].

Таково было новое название общества, написанное, как свидетельствует Пестель, в заглавии нового устава или «статута». Далее шел текст введения или предисловия, составленный И. Долгоруковым. Логически можно предположить, что оно поясняло смысл наименования и отражало постоянную мысль о деятельности на благо России, которой были проникнуты горячие патриоты — истинные и верные сыны отечества. С. Трубецкой, рассказывая о первом чтении составленного статута, прямо упоминает о формулировке этой цели: «Устав был написан Пестелем. Собрались для прочтения его. Цель была — подвизаться на пользу общества всеми силами...». Это изложение явно выглядит как передача читаемого текста. «Главная цель общества вообще есть благо России»,— показывает Якушкин, именно для этого объединились и действуют истинные и верные сыны отечества [42].

5

Сохранившиеся свидетельства о содержании устава с несомненностью говорят о том, что борьба за конституционное устройство России и за уничтожение «рабства крестьян» входила в устав и стояла там на первом плане: «Вместе с принятием Устава об устройстве общества, принята и цель Конституции»,— отчетливо свидетельствует Пестель. Якушкин не присутствовал на совещаниях, связанных с выработкой устава в Петербурге, так как к этому времени уже уехал на службу в полк; но он получил устав в Москве и, вспоминая свои впечатления от первого чтения, показал: «Сколько могу припомнить, в сем уставе предполагалось четыре степени, имеющие разные объявленные цели, постепенно сближающиеся с главной целью — приготовить Государство к принятию представительного правления, последняя цель сия предполагалась быть известной одним только членам высшей степени...». Это ясно свидетельствует о том, что вопрос о конституции был включен в текст устава. Как ни отговаривался

М. А. Фонвизин давностью времени и запамятованием, он все же признается на допросе: «Якушкин действительно сообщил мне Устав тайного общества г. Пестеля... Цель, сколько я припомню, долженствовала быть правление Конституционное, представительное»[43].

Не приходится сомневаться, что вопрос об освобождении крестьян, о ликвидации «рабства» включался в эту основную цель конституционного государственного переустройства России. Этот вопрос в доуставный период, по уже приведенному свидетельству Пестеля, некоторое время был единственным в программе общества. Возмущение «рабством крестьян» вообще было стимулом создания общества, идейной предпосылкой декабризма: «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало»,— показывал основной автор устава Пестель. «Крепостное состояние людей представилось мне как единственная преграда сближению всех сословий и вместе с сим общественному образованию в России»,— показывал один из инициаторов Союза Спасения, И. Д. Якушкин. Александр Муравьев, несомненно, излагающий в своих позднейших воспоминаниях сведения, почерпнутые от своего старшего брата Никиты, одного из инициаторов общества, ставит вообще на первое место при изложении программы ранних организаций «L'abolition de l'esclavage» (уничтожение рабства). Поэтому мы приходим к выводу, что пункт об отмене «рабства крестьян» входил в текст устава наряду с конституционной целью[44].

В уставе, несомненно, существовал пункт об открытом выступлении тайного общества с требованием конституции в момент смены императоров на престоле. Излагая содержание устава, Якушкин, непосредственно после указания на наличие конституционной цели, говорит и о намерении тайного общества «в случае смерти царствующего в то время императора не прежде принести присягу наследнику его императорского величества, как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено представительством»[45]. Решение это врезалось в память Якушкина именно как пункт устава. В своих «Записках» он прямо пишет, что в уставе Пестеля было «замечательно» одно обстоятельство: «Было сказано, что если царствующий император не даст никаких прав независимости своему народу, то ни в каком случае не присягать его наследнику, не ограничив его самодержавия». В неопубликованном деле декабриста Лопухина, члена Союза Спасения, указывается, что данный вопрос обсуждался на совещании у Александра Муравьева. Из этого свидетельства мы узнаем, что первый инициатор декабристского общества был горячим защитником изложенного выше требования: «более Александр Муравьев утверждал, что можно со временем [зачеркнуто: принудить] какими бы то средствами ни было [зачеркнуто: правительство], а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление». Собственно говоря, это и пытались выполнить декабристы на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Поэтому существенна преемственность идей устава Союза Спасения и последующей декабристской идеологии[46].

Одним из последующих пунктов устава была обязанность «умножения членов»; она входила в круг действий высшего разряда членов — «боляр» и некоторым образом «мужей» (на этом мы остановимся ниже). Это требование, очевидно, и было формулировано в уставе как функция каких-то категорий членов. Описывая первое чтение только что законченного устава, С. Трубецкой прямо указывает, что в перечисленные обязанности членов тайного общества входило, между прочим, «приискивать людей способных и достойных войти в состав общества, о таковых давать заранее обществу знать, чтоб можно было собрать о них каждому члену сведения, не удостоверяться о достоинствах их и доброй нравственности по одним слухам, но стараться изыскивать средства испытать их».

Тот же Трубецкой в другом месте показывает, что члены первого тайного общества «старались увеличить [число] сочленов елико возможно». Отсюда следует, что Союз Спасения, несмотря на свою малочисленность, отнюдь не мыслил себя как организацию замкнутую, как узкую группу конспираторов, берущую целиком на себя выполнение какого-то замысла. Нет. Союз Спасения с самого начала запланировал привлечение новых членов, численное расширение своего состава «елико возможно» [47].

Как вспоминает Якушкин, в уставе был еще один «замечательный» пункт: «На вступающих в тайное общество возлагалась обязанность ни под каким видом не покидать службы, с тою целью, чтобы со временем все служебные значительные места по военной и гражданской части были бы в распоряжении Тайного общества». Конечно, при этом условии, если бы оно было осуществлено, решение отказать в присяге новому императору и открыто выступить с требованием конституции было бы значительно облегчено. Это решение, записанное в уставе, надо поэтому рассматривать как важный момент подготовки переворота [48].

Повидимому, в устав входило также и требование «отстранения иноземцев от влияния в Государстве». Правда, Якушкин показывает об этом вне непосредственной связи с изложением содержания устава, но это требование столь хорошо согласовывается с духом раннего декабризма и соответствует настроениям столь значительных его членов (например, основателя — Александра Муравьева), что можно предположить наличие в уставе и этого пункта. Положено было, как показывает Е. П. Оболенский, «не принимать иностранцев в число членов (общества)» [49].

В устав, несомненно, входило требование работать над созданием в стране общественного мнения, благоприятного преобразовательным планам общества и содействующего приближающемуся перевороту. «Исторгнуть конституцию» у правительства, «принудить» правительство дать конституцию можно было, лишь опираясь на широкое общественное мнение, которое надо было заранее подготовить. Способы создания общественного мнения были многообразны: излагая содержание устава, Трубецкой пишет об одной из целей общества: «Подвизаться на пользу общую всеми силами и для того принимаемые правительством меры, или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально, а когда имеется возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу, и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения общества. Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими». По свидетельству Трубецкого, это создание «общественного мнения» входило в цель общества. В одном из показаний Никиты Муравьева говорится еще об одном «правиле» Союза Спасения, что вызывает предположение, не дополняло ли это «правило» данный пункт устава: «На 22-м году жизни моей я вступил в Союз Спасения, которого правила возбраняли членам говорить свои мнения и сближаться с людьми чиновными и пожилыми, полагая их уже наперед противными всякой перемене того порядка, к которому они привыкли и в котором родились». Если так, то данный пункт «правил» надо рассматривать как особую форму конспирации при работе над созданием «общественного мнения». С этим интересно сопоставить одно показание секретаря комиссии по составлению устава — Шаховского: «Стремление же общества к распространению мнений своих вынуждено было общим влечением прибавить круг оного». Этот вопрос оживленно обсуждался на собрании Союза Спасения. Сергей Муравьев вспоминал об одном заседании Союза Спасения, происходившем в Семеновских казармах на квартире С. Трубецкого, где «было поло-

жено, что так как мы не имеем никаких средств к введению представительного порядка в России, то и должны ограничиться действием на умы и приобретением членов, впредь, пока общество усилится»[50].

Отсюда ясно, сколь занимал декабристов вопрос о «средствах к введению представительного порядка в России»; отсюда же ясно и то, что создание общественного мнения и численное расширение Союза рассматривалось лишь как средство; общество должно «усилиться», а когда усилится, тогда найдутся и другие средства,— так раскрывается дальнейший логический ход мысли.

Есть еще одно интересное свидетельство, восстанавливающее содержание устава. Ниже будет идти речь об одном письме С. Трубецкого к членам общества, собравшимся в 1817 г. в Москве в связи с пребыванием там гвардии и двора. Письмо передавало чрезвычайно важные политические слухи об отделении от России бывших польских губерний и о присоединении их к Царству Польскому. Сообщение это было воспринято декабристами как исключительно важное и даже послужило поводом для проекта цареубийства, выдвинутого Якушкиным. Объясняя Следственному комитету причины, которые побудили его написать столь ответственное письмо, С. Трубецкой показал: «Писал я потому, что по уставу общества полагал себя обязанным уведомить о том членов...». Отсюда следует, что в уставе Союза Спасения очевидно был какой-то пункт, который обязывал отдельных членов информировать руководящую группу «боляр» общества о всех важных политических новостях[51].

Были ли в Союзе Спасения денежные взносы членов и не было ли соответствующего пункта в уставе? Есть лишь одно свидетельство Оболенского, относящееся к данному вопросу: «Для исполнения планов общества с самого начала составления оного положено было каждому члену сделать добровольные взносы по состоянию каждого и по обстоятельствам, в которых он находился». Так как Оболенский — несомненный член Союза Спасения, причем вступивший в организацию после принятия устава, то его свидетельство о взносах в тайном обществе «с самого начала составления оного» есть свидетельство о «правилах» Союза Спасения[52].

6

Теперь перейдем к организационной части устава, на которую комиссия, его составившая, с Пестелем во главе, обратила особое внимание.

Разряды членов, введенные в Союзе Спасения, и разработанные правила внутренней субординации преследовали две важные цели: во-первых, они вносили ясность в определение функций как общества в целом, так и отдельных его членов, и, во-вторых, обеспечивали строгое соблюдение конспирации. Общество создавалось как тайное, ставило перед собой цель государственного переворота, и один неосторожный шаг мог все погубить. То обстоятельство, что первая в истории русского революционного движения конспиративная революционная организация просуществовала около двух лет и не была обнаружена агентами правительства, говорит о том, что принятые конспиративные меры оказались действенными.

Естественно, что шестерка учредителей рассматривала свои функции как особо важные и стремилась их сохранить и оформить. Считалось (и не без основания) неосторожным и опрометчивым сообщать сразу любому новичку о полном объеме революционной цели,— о том, что общество хочет «исторгнуть конституцию» для России, «принудить» к ней правительство, в нужный момент выступить с этими требованиями открыто. Цель «исторжения» конституции и решение выступать открыто в момент

смены монархов на престоле считались сугубо конспиративными вопросами и открывались лишь проверенному члену самой старшей степени; членам, к этой степени принадлежавшим, было присвоено старинное русское название «боляр» («бояр»). Члены-учредители получили эту высшую степень, но они не предполагали ограничивать число «боляр» лишь своей шестеркой, наоборот, в состав «боляр» принимались и новые члены; так, вскоре после принятия устава был принят прямо в высший разряд новый член — князь П. Лопухин. Замечателен уставный пункт, о котором свидетельствует С. Трубецкой: боляре «обязаны были когда число их каким-нибудь образом уменьшится, стараться о пополнении оного новыми достойными членами, дабы общество от убыли членов разрушиться не могло...». Кроме того, «сказано было, что если б каким-нибудь образом случилось так, что из всех боляр один только остался, то он должен также стараться о восстановлении вновь общества». Наименование «болярина» должно было оставаться тайной для младших членов. Это упраздняет подозрение некоторых историков, что термин вводился из желания старших «величаться» перед младшими. «Величаться» не приходилось уже потому, что «имя боляр, то-есть название Болярин, должно было быть тайною для других членов» (свидетельство Трубецкого) [53].

«Совет боляр», или «Дума», руководил тайным обществом, Трубецкой называет его также «Верховным Собором Боляр» и поясняет термин простыми словами: «Главное управление». Во главе «Совета боляр» стоял «старейшина», избранный на определенное «срочное время» и по истечении срока заменявшийся другим. Этим декабристы хотели устранить возможность чьего-либо преимущественного влияния. Это правило было введено в действие: известно, например, что в момент выработки устава Пестель был «старейшиной», а после него в эту роль вступил Александр Муравьев. «Место старейшины было не только не бессменное, но часто должны были переменяться занимающие оное; именно для того, чтобы никто не мог приобрести власти, верха и управления над другими и над обществом и чтобы не мог наклонять и направлять членов к собственной цели»,— свидетельствует Александр Муравьев. Хотя он и был первым инициатором создания общества, но он справедливо указал на следствии: «Я наравне с другими зависел от законов общества и попеременно с другими занимал высшие и низшие места в оном». Старейшина «Совета боляр», или «Думы», означал то же, что председатель Совета. «Председатели были очередные»,— показывает С. Трубецкой. Александр Муравьев вспоминает, что старейшины сменялись ежемесячно [54].

Второй после «боляр» степенью (более низкой) был разряд «мужей». «Братья» были третьей, последней степенью членства. «Мужи» знали больше, чем открывалось «братьям», но не знали многого такого, что было известно «болярам». Поскольку «старейшины» избирались из числа «боляр», Якушкин считает их за особую степень и всего насчитывает, таким образом, четыре степени в нисходящем порядке («старейшин», «боляр», «мужей», «братий»), но это не вполне точно. Более соответствует действительности свидетельство Никиты Муравьева, который насчитывает лишь три степени: 1) «боляр», 2) «мужей», 3) «братий». «Брат» мог стать «мужем», «муж» мог передвинуться в «боляре» — в обществе должно было совершаться внутреннее передвижение членов от подчинения к руководству. С повышением разряда член общества узнавал цель его во все более и более полном виде и, наконец, став «болярином», узнавал и самую сокровенную — революционную — цель [55].

Устав требовал «слепого повиновения» «мужей» и «братий» «болярам», а каждого «болярина» обязывал беспрекословно повиноваться мнению большинства в «Совете боляр», хотя бы его личное мнение и расходилось

с принятым решением. Так обеспечивались конспирация и дисциплина тайного общества [56].

Как же должен был, согласно уставу, приниматься новый член в тайную организацию? Устав требовал, как показывает Никита Муравьев, «много времени для заведения знакомства». Предложить вступить в общество можно было лишь тому, с кем предлагающий был равно и хорошо знаком. Предварительно надо было согласовать намеченную кандидатуру с «Советом боляр» и, лишь получив его разрешение, делать избраннику предложение о вступлении в общество. Это требование выполнялось: когда Якушкин нарушил его при приеме М. Фонвизина и принял последнего в члены, не испросив разрешения у «Совета боляр», он получил от общества «строгий выговор»; «и я чувствовал, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужил такой выговор»,— добавляет Якушкин [57].

Поскольку лицо, приглашаемое к вступлению в общество, могло, узнав о его правилах и целях, отказаться стать членом организации, считалось необходимым сначала взять с намеченного кандидата клятву не разглашать того, что будет ему рассказано. Лишь после этого принимающий нового члена мог открыть ему существование общества. Если вслед затем вербуемое лицо давало согласие на вступление в общество, оно приносило вторую клятву — присягу вступления. Возможно, что именно к этой клятве относится свидетельство С. Трубецкого: «Была присяга, которая состояла, сколько я могу упомнить, в том, чтоб члены помогали друг другу по цели общества и чтоб повиновались Думе или, буде по какой причине сами приказания исполнить не могут, то передавали бы его далее». При переводе в разряд «мужей», «брат» давал третью клятву — верности. Когда «муж» переводился в «боляре», т. е. уже полностью узнавал сокровенную революционную цель общества, он давал новую, четвертую, клятву верности. «Старейшина», т. е. председатель «Совета боляр», хотя и выбирался на «срочное время», все же должен был давать еще одну клятву, уже пятую по счету [58].

Михаил Орлов, которому Александр Муравьев показал устав Общества истинных и верных сынов отечества, свидетельствует, что, согласно принятым в обществе правилам, вступивший в организацию новый член мог знать только то лицо, которое его приняло. Орлов прилагает особый чертеж, поясняющий это обстоятельство, и указывает на положительное значение принятой структуры: цепь разрывалась в случае ареста на том лице, которое называло себя председателем. Таким способом охранялась от провала вся организация в целом [59].

Клятва приносилась в христианской форме на кресте и евангелии. Биограф Михаила Муравьева (младшего брата основателя общества), очевидно, с его слов, рассказывает об обряде его приема в члены Союза Спасения. Старший брат Александр явился к нему с небольшим узелком подмышкой. Молча развязав узел, он вынул из него обложенное малиновым бархатом евангелие и крест, которые положил на стол. После этих приготовлений, «за которыми М. Н. Муравьев следил с некоторым и весьма естественным недоумением», Александр Муравьев «обратился к своему брату с краткой речью об обязанности его, как члена тайного общества, произнести клятву в безусловном повиновении высшим членам Союза Спасения и хранении тайны». Сложность клятвы и обрядов, которые были по душе масонам Александру Муравьеву и Пестелю, раздражала большинство членов [60].

Тексты пяти клятв были различны между собой, хотя все были написаны в духе масонских форм. Кроме обязательства соблюдения тайны, текст содержал также страшные угрозы нарушителю клятвы, грозя ему

даже смертью от яда или кинжала в случае измены обществу. Полковник Леман, позднее принятый в члены Южного общества, показал, что ему при вступлении будто бы грозили, что «малейшая измена или нескромность наказаны будут ядом или кинжалом. Некоторые из членов общества точно так же уверяли принимаемых ими, что яд или кинжал везде найдут изменника». Пестель в ответ на это показание заметил, что в Южном обществе таких угроз не было, но в Союзе Спасения они были: «В первом же обществе входили они в правила устава, будучи приняты из масонских статутов и форм» [61].

Поскольку предполагалось значительное численное увеличение общества и распространение его по разным районам, то потребовалось определить в уставе и организационные формы этого распространения. С. Трубецкой излагает этот пункт устава столь отчетливо, что не требуется комментария: «Для управления, когда бы число членов размножилось, полагалось сделать округи, из коих каждой управлялся бы одною Главною думою под председательством уполномоченного на то от верховного собора Болярина; под ведомством сих Главных дум были бы еще управы из членов второго и третьего разряда; а управляющие думами Боляре сносились бы с верховным собором посредством одного из его членов, избирая его по собственному произволу. Где Болярин полномочия не имел, там он если имел постоянное пребывание, то относился к полномочному и имел заседание в Главной Думе». Таким образом, общество рассчитывало сильно разрастись [62].

Что нам известно об «отраслях» Союза Спасения? Трубецкой полагает, что «отраслей» не было, и сомневается лишь в единственном случае: Пестель в 1817 г. уехал в Митаву, назначенный адъютантом графа Витгенштейна, и получил формальное полномочие от Думы завести в Митаве «отрасль», однако в дальнейшем никаких сведений от него об «отрасли» Трубецкой не имел. Давая это показание, Трубецкой прибавляет: «если и завел, то по крайней мере скрыл от меня». Можно без колебаний утверждать, что «отрасль» в Митаве была заведена. Никита Муравьев показывает: «Полковник Пестель, который писал статуты общества..., продолжал действовать по оным по прибытии своем в первый корпус в Митаву». Пестель дал на следствии подробное показание о митавской «отрасли» Союза Спасения и перечислил ее членов. Мы остановимся на этом свидетельстве в своем месте. Новикову, уехавшему на Украину, было поручено завести «отрасль» или Думу в Киеве, но С. Трубецкой, давший это показание, отозвался незнанием, была ли эта «отрасль» заведена. Интересно, что Пестель воспринял деятельность в Москве Якушкина в первой половине 1817 г. как заведение особого общества: «После отъезда моего узнало наше общество, что подобное составилось в Москве, в коем были Фонвизин, Колошин и Якушкин. Сей последний приезжал в Петербург для соединения обоих обществ в одно и имел о том прения с князем Лопухиным, как мне потом пересказывали. Каким образом сие соединение совершилось, я уже не знаю, но когда в конце 1817 года приезжал я в Петербург, то уже было оное сделано...» [63].

7

Таковы те свидетельства, на основе которых можно попытаться в схематическом виде восстановить содержание уничтоженного декабристского документа большой важности — устава первого тайного общества. Подведем итоги этой части нашей работы. Как видим, собранные свидетельства касаются разнообразных пунктов устава и позволяют представить его себе с известной полнотой. Отвлекаясь от масонских форм, можно следующим образом представить себе содержание утраченного устава [64].

1. Устав первого тайного общества, по свидетельству Пестеля, имел заглавие, в которое входило наименование организации: «Общество истинных и верных сынов отечества».

2. Уставу было предпослано введение или предисловие, написанное Ильей Долгоруковым. Оно содержало, повидимому, объяснение общей цели общества — «подвизаться на пользу общую всеми силами» во имя блага России, как то и надлежит истинным и верным сынам отечества. Главною целью общества было благо России.

Далее следовали пункты устава:

3. Главной целью тайного общества является введение в России представительного правления в форме конституционной монархии и уничтожение крепостного права. Обе цели тесно соединены: сведение правления представительного сопровождается уничтожением «рабства крестьян». Тут в какой-то форме конкретизировались положения об образе правления и необходимости «прав для народа».

4. Предложено исторгнуть у правительства конституцию путем открытого выступления тайного общества в момент смены монархов на престоле. Необходимо «принудить» правительство согласиться на представительное правление. Члены общества обязываются не прежде принести присягу новому императору, как по удостоверении, что в России единовластие будет ограничено народным представительством.

5. С этой целью члены общества обязаны приискивать людей, способных и достойных войти в состав общества, и «елико возможно» умножать число сочленов общества.

6. Для подготовки переворота члены общества обязуются ни под каким видом не покидать государственной службы с той целью, чтобы со временем все служебные значительные места как по военной, так и по гражданской части были бы в распоряжении членов тайного общества.

7. Тайное общество стремится к отстранению иноземцев от влияния в государстве. Положено не принимать иностранцев в члены общества.

8. Тайное общество, готовя переворот, стремится руководить в стране общественным мнением, для чего должно «воздействовать на мнения», поддерживая похвалой полезные предприятия и разглашая злоупотребления чиновников по службе и должностям и разного рода бесчестные поступки. Членам возбраняется сближаться с людьми пожилыми и чиновными, противными всякой перемене старого порядка, к которому они привыкли и в котором родились. Общество стремится к распространению своих мнений путем расширения круга своих сочленов.

9. Члены общества, получившие сведения о важных политических новостях, предполагаемых переменах в государственном правлении и прочее, спешат известить об этом руководство общества.

10. Для использования планов общества положено каждому члену сделать добровольные взносы, «по состоянию каждого и по обстоятельствам, в которых он находится». Собранная сумма хранится у казначея организации.

11. Члены общества делятся на три разряда: 1) боляр, 2) мужей, 3) братий. Брат по своим заслугам перед обществом может повыситься в степень мужа, а муж — в степень болярина.

Введение в России конституции и решение не прежде присягать наследнику, как удостоверившись, что в России единовластие будет ограничено народным представительством, является целью сокровенной и открывается лишь высшему разряду, а именно «болярам». Мужи и братья не знают сокровенной цели общества и имеют разные объявленные цели, постепенно сближающиеся с указанной главной целью.

12. Обществом руководит и управляет «Совет боляр» или «Верховный собор боляр» (Главное управление). Каждый болярин обязуется беспрекословно повиноваться воле большинства в «Совете боляр», хотя бы решение большинства и не совпадало с его собственным мнением. Совет возглавляется старейшиной, или председателем, выбранным на месячный срок и затем сменяемым другими болярами поочереди. Это делается для того, чтобы никто не мог приобресть власти, верха в управлении над другими и над обществом и не мог бы склонять и направлять членов к собственной цели.

13. Если бы каким-нибудь образом случилось так, что из всех боляр один только остался, то он должен стараться о восстановлении общества.

14. Новый член может быть принят лишь с согласия «Верховного совета боляр», или Главного управления.

15. Каждый намеченный к принятию в члены общества первоначально дает клятву не разглашать того, что будет ему сообщено, и лишь затем узнает о существовании общества. Если он не соглашается вступить в члены, он сохраняет сделанное ему предложение в глубокой тайне. Если он соглашается на вступление, он дает страшную клятву (вторую) быть верным тайному обществу, исполнять все возлагаемые на него обязанности, хранить в тайне все до общества касающееся, слепо и беспрекословно выполнять повеления мужей и боляр. Если он повышается из братий в мужи, он дает новую клятву верности, беспрекословного и слепого повиновения воле боляр. Если повышается из мужей в боляре, он дает четвертую клятву, при выборе в старейшины — пятую.

К Статуту прилагались пять форм клятв или присяг по масонскому образцу.

16. Члены давали обещание помогать друг другу в выполнении цели общества и повиноваться Думе; буде по какой причине член общества приказания сам исполнить не может, то передал бы его далее.

17. Измена обществу, разглашение его тайн, малейшая нескромность карается смертью. Яд и кинжал везде найдут изменника.

18. Каждый вновь принимаемый знает лишь принявшего его. В случае открытия общества правительством, арестов и допросов, один из допрашиваемых членов должен объявить себя председателем тайного общества, взять на себя таким образом всю основную вину и на этом прервать цепь розыска.

19. Когда бы число членов размножилось, полагается образовать «округи».

20. Округ тайного общества управляется Главной думой округа под председательством уполномоченного на то от «Верховного собора» болярина.

21. Главной думе округа подчиняются все отдельные управы данного округа, состоящие из членов 2-го и 3-го разрядов (мужей и братий).

22. Боляре, управляющие главными думами округов, сносятся с «Верховным собором боляр» через одного из его членов.

23. Если какой-либо болярин по обстоятельствам получает в каком-либо округе постоянное пребывание, он обязан снестись с уполномоченным болярином данного округа, председательствующим в Главной думе округа, и участвовать в заседаниях этой Думы как ее член.

Такова приблизительная, реставрированная по первоисточникам схема содержания устава, или статута, тайного Общества истинных и верных сынов отечества. Когда работа комиссии над его составлением была закончена, общество в январе 1817 г., как показывает Пестель, собралось на особое заседание для принятия устава. С. Трубецкой в своих «Записках»

называет это собрание «общим заседанием для прочтения и утверждения устава». Наличие такого заседания подтверждается и совпадающим свидетельством Трубецкого на следствии. Устав тайного общества был на этом заседании принят и вступил в действие. Однако именно на этом заседании,— повидимому, впервые,— обнаружилось расхождение некоторых политических представлений. Пестель на этом собрании делал вводный доклад («вступление», как пишет С. Трубецкой) и «поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе; в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость». В приведенном тексте С. Трубецкого есть некоторая противоречивость в формулировке: в начале приведенной цитаты сказано, что Пестель поселил к себе «некоторую недоверчивость» и лишь в «некоторых членах», а ниже речь идет уже о «всеобщем восстании» против Пестеля. Не подвергся ли первоначальный текст «Записок» позднее некоторой противоречивой правке? Беря это чрезвычайно любопытное свидетельство по существу, нельзя не отметить, что в 1817 г., когда Пестель читал свой вводный доклад, он еще не был республиканцем, а придерживался идеи конституционной монархии; не был он также еще сторонником диктатуры Временного правительства. Этих идей — республики и диктатуры — он, по собственному свидетельству, стал придерживаться позднее. Поэтому его речь о блаженстве Франции эпохи Конвента, очевидно, не содержала в себе ни той ни другой идеи, а восхваляла Комитет общественной безопасности с какой-то другой стороны, но с какой именно — установить не удается [65].

Так или иначе, устав, или статут, был принят, и первое тайное декабристское общество вступило в новый «поуставный» период своего существования.

8

В «поуставный» период своей жизни тайное Общество истинных и верных сынов отечества приняло не менее 11 новых сочленов и основало по крайней мере один филиал (в Митаве), в котором вместе с основателем Пестелем было пять человек. Иными словами, общество приобрело около половины общего своего состава именно в поуставный период. Это несомненно свидетельствует об активном характере общества.

В начале 1817 г. Пестель уехал из Петербурга, но до этого успел принять в общество князя П. Лопухина. Вообще в начале 1817 г. Пестель деятельно «устраивал» общество в качестве «старейшины», которым тогда состоял, и торопился закончить эту работу до своего отъезда в Митаву [66].

Князь Павел Петрович Лопухин, единственный сын светлейшего князя П. В. Лопухина, был значительно старше большинства членов общества и много выше их по чину: ему было уже почти 40 лет (род. в 1788 г.). Флигель-адъютант императора Павла I и «действительный камергер» при Александре I, он с 1806 по 1817 г. служил в Кавалергардском полку, где в октябре 1817 г. был произведен в генерал-майоры. В момент принятия его в общество он, очевидно, был в чине полковника. Как и прочие члены тайного общества, он был участником Отечественной войны. На допросе Лопухин был чрезвычайно скрытен и старался давать нарочито неточные и туманные ответы. Он якобы даже не мог точно сказать, от кого первого он узнал о тайном обществе, когда и кем был принят. В 1817 г. он узнал о тайном обществе будто бы сразу от троих: «от К[н]. Трубецкого, Долгорукова или Шаховского». Так как он был завербован после принятия устава, то несомненно, что он был принят по обрядам, давал торжествен-

ные клятвы и не одну; поэтому невозможно поверить, чтобы он запамятовал имя принявшего его лица, в присутствии которого он дал по меньшей мере три клятвы. Его колеблющийся ответ, называющий три имени на выбор, очевидно, был лишь приемом отвода Следственного комитета с правильного пути, способом избежать наименования того лица, которое вслед за этим могло быть привлечено к допросам о нем. Имя это называет за него Никита Муравьев, точно свидетельствующий, что Пестель через несколько дней после принятия устава «приобрел Обществу кн. Лопухина». Этому показанию можно поверить: и Пестель и Лопухин были в тот момент кавалергардами и, вероятно, постоянно общались в полку [67].

После принятия устава общество получило «устройство», организовалось, оформилось. Председателем Общества истинных и верных сынов отечества был избран князь С. Трубецкой, надзирателями, или блюстителями,— только что принятый князь Лопухин и Александр Муравьев, секретарем — Никита Муравьев [68].

Вскоре после этого в истории тайного общества произошло знаменательное событие — встреча с «Орденом русских рыцарей». В документальном материале нет расхождений по вопросу о времени этой встречи. Показание Никиты Муравьева, подтвержденное показанием Александра Муравьева, относит встречу с Михаилом Орловым и переговоры обоих обществ ко времени вскоре после отъезда Пестеля в Митаву. Следовательно, дело произошло примерно в феврале 1817 г. Переговоры вели между собой только Орлов и Александр Муравьев. Они «открылись друг другу», и каждый «стал уговаривать другого вступить в свое общество»,— показывает Никита Муравьев. Хотя конечные цели и были признаны обоими конспираторами в какой-то мере близкими, но слияние обществ не состоялось: «Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия»,— показывает Никита Муравьев. Его показание подтверждает и Александр Муравьев, ведший переговоры с Орловым. Однако после этой встречи «Орден русских рыцарей» прекратил свое существование, исчерпав себя, а перед Обществом истинных и верных сынов отечества лежал путь длительного и успешного развития.

Не Новиков ли свел Александра Муравьева и Михаила Орлова для переговоров друг с другом? Одно из показаний М. Орлова невольно возбуждает вопрос, не был ли М. Н. Новиков сначала членом организации М. Орлова и не перешел ли он затем в Союз Спасения. В самом деле, М. Орлов пишет в своей «Записке» о тайном обществе: «В 1816 и отчасти в 1817 г. вместе с Мамоновым я был занят одним делом. Но это дело осталось неосуществленным и вскоре было совершенно оставлено из-за его путешествия и болезни, а мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал. Именно, я узнал о сорганизовавшемся обществе молодых людей, большей частью гвардейских офицеров (речь идет о Союзе Спасения.— *М. Н.*); они также были в восторге от успеха Tugend Bund'a и работали в этом смысле. Не присоединяясь к ним, я с ними сблизился. Один Новиков вступил с ними в связь. Это была одна из организаций...». Новиков был сторонником республики. Однако его конституционный проект, о котором сохранилось свидетельство Пестеля, был явно иной, чем только что цитированный проект М. Орлова. Проект Новикова отличался демократизмом. Пестель свидетельствует: «Отличительная черта конституции Новикова заключалась в том, что она была республиканская, и Верховная Власть в оной находилась в особом сословии, коего председатель имел два голоса, а прочие члены только по одному. Прочие предметы определялись как и во всех почти республиканских конституциях. Много было сходства с Американскою» [69].

9

Вернемся теперь к вопросу о новых членах Общества истинных и верных сынов отечества, принятых после введения устава. После вступления князя Лопухина, о котором уже шла речь, был принят новый член — офицер Генерального штаба Иван Григорьевич Бурцов, которому суждено было сыграть немалую роль в истории раннего декабризма. В момент вступления в Общество истинных и верных сынов отечества ему было 23 года.

Пестель упоминает в своих показаниях о принятии Бурцова непосредственно перед указанием на свой отъезд в Митаву; можно предположить, что он был принят в начале 1817 г. Бурцов показывает, что его приняли сразу трое: «Трубецкой, Муравьев и Пестель», однако по точному контексту свидетельство это относится к приему Бурцова уже во вторую декабристскую организацию — Союз Благоденствия. Кто же принял его в первое тайное общество? Наиболее правдоподобно предположение, что Бурцова принял в общество его старый военный товарищ и однокашник — основатель общества Александр Муравьев, с которым тот был чрезвычайно дружен и с 1814 г. жил на одной квартире в основанной совместно с ним Священной артели офицеров Генерального штаба. На допросе Бурцов подменил свое показание о вступлении в первое тайное общество рассказом о своем вступлении в Союз Благоденствия, а следствие, не очень заинтересованное первыми декабристскими организациями, которые считало маловажными, не сопоставляло показаний и не уличило Бурцова. Факт вступления Бурцова именно в первое тайное Общество истинных и верных сынов отечества обосновывается не только показанием Пестеля, но также свидетельствами Якушкина, Пущина, Оболенского, Нарышкина и, что особенно важно, воспоминаниями Пущина о Пушкине, написанными вне обстановки следствия. Единственный намек на свое более раннее пребывание в обществе, который обронил Бурцов на следствии,— это его полупризнание о московском заговоре 1817 г.[70]

Летом 1817 г. Бурцов принял в общество двух новых членов: только что кончивших лицей И. И. Пущина и В. Д. Вольховского. И того и другого Бурцов знал еще по совместному знакомству в Священной артели, которую Пущин посещал, по собственному признанию, «еще в лицейском мундире», т. е. до лицейского выпуска 1817 г. С коллективом Священной артели Пущин сдружился и «почти жил в нем». «Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе»,— пишет Пущин в своих воспоминаниях. Ценно указание Пущина на то, что во время его вступления в общество его друга А. С. Пушкина не было в Петербурге; только что кончив лицей и поступив на службу в коллегию иностранных дел, Пушкин взял отпуск и уехал в деревню. Это дает возможность еще более точно датировать вступление Пущина в Общество истинных и верных сынов отечества: он вступил в него, следовательно, не ранее 10 июля и не позднее конца августа 1817 г. (конечные сроки пушкинского отпуска). «Первому» и «бесценному» другу Пушкина Ивану Ивановичу Пущину к моменту принятия в общество только что исполнилось 19 лет; в октябре того же 1817 г. он был произведен в прапорщики лейб-гвардейской конной артиллерии. Владимиру Дмитриевичу Вольховскому — лицейскому «Суворочке», приятелю и товарищу А. С. Пушкина по лицею, в момент вступления в тайное общество едва исполнилось 19 лет; он был прапорщиком Гвардейского генерального штаба [71].

Еще более важное приобретение сделал Бурцов, приняв, одновременно с лицеистами или несколько позднее, выдающегося члена декабристского движения князя Евгения Петровича Оболенского. Это произошло ранее похода гвардии в Москву на закладку храма Христа Спасителя на Воробьевых горах и прочих торжеств, связанных с длительным пребыванием в Москве царского двора. «Вступив в общество в 1817 г., я скоро отправлен был в Москву»,— показывает Оболенский об этом гвардейском походе. Конные части гвардии и артиллеристы, к которым принадлежал Оболенский, выступили в Москву из Петербурга 14 августа 1817 г., следовательно, Оболенский принят «незадолго» до этого срока. В деле Оболенского отсутствует показание о том, что его принял Бурцов,— Оболенский скрывал это обстоятельство елико возможно дольше, не желая выдавать старого товарища по артели. В силу этого Оболенский даже дал ложное показание, что его якобы принял Токарев, умерший в 1821 г. В том, что его принял в тайное общество именно Бурцов, Оболенский сознался позднее, лишь уличенный многими показаниями [72].

Выше уже упоминалось, что М. Фонвизин был принят Якушкиным с нарушением устава. Еще 5 июня 1816 г. Якушкин, которому служба в гвардии стала, по собственному его признанию, «несносна», перевелся в армию штабс-капитаном 37-го егерского полка. Приехав в середине сентября в Сосницы, где стоял полк, он познакомился со своим полковым командиром Михаилом Александровичем Фонвизиным. Полковнику М. А. Фонвизину в 1817 г. было уже почти 40 лет (род. в 1788 г.); он был старым участником войн с Наполеоном и в 1812 г. служил адъютантом у Ермолова. Якушкина он встретил «не так, как полковой мой командир, но, как самый любезный товарищ», и скоро их отношения перешли в «неразлучную дружбу». Друзья засиживались всякий день «далеко за полночь», и Якушкин убедился, что политические настроения и взгляды Фонвизина те же, что у него и у прочих членов тайного общества: «Все вопросы, занимавшие нас в Петербурге, были столько же близки ему, как и нам». В результате этих долгих разговоров Фонвизин объявил Якушкину, что лучшим средством против бедственного положения России было бы создание тайного общества и если бы такое общество существовало, состоя хотя бы из пяти человек, «то он тотчас бы вступил в него». Якушкин тут не смог удержаться, открыл Фонвизину существование тайного общества и принял его в члены. Он известил об этом «с первой почтой» (очевидно, с оказией или на условном языке?) Никиту Муравьева и надеялся «приобрести от общества благодарность» за принятие достойного и значительного члена, но вместо этого по справедливости получил строгий выговор за нарушение устава, поскольку новый член был принят без предварительного согласия Верховной думы. Когда гвардия пришла в Москву и центр тайного общества передвинулся из Петербурга в старую столицу, Фонвизин был принят вновь, уже по всей форме. Это случилось, следовательно, не ранее второй половины августа 1817 г. [73]

Уже указывалось, что братья Колошины были приняты разновременно. О приеме в общество старшего брата, Петра Колошина, в 1816 г. уже говорилось выше. Младший брат, Павел Колошин, по собственному признанию, вступил в тайное общество в 1817 г. по предложению А. Муравьева (вероятнее, нежели по предложению Бурцова). Правда, как и многие другие, он ошибочно или нарочито именует тайное общество «Союзом Благоденствия», но показания свидетельствуют, что его вступление произошло в 1817 г. в Петербурге,— это может относиться только к Союзу Спасения, так как Союза Благоденствия в то время вообще еще не существовало. Добавим, что с августа 1817 г. принявший Колошина Александр Муравьев вместе с гвардией передвинулся в Москву, следователь-

но, Павел Колошин принят в общество в 1817 г. до августа. По собственному его свидетельству, он до своей отставки жил все время в Петербурге. Надо заметить, что в декабристских кругах Павел Колошин ценился выше брата Петра (последнего упрекали в легкомыслии и постоянном «волокитстве»). Павел Колошин был человек умный, усердно посещал лекции петербургских профессоров, был преподавателем географии в офицерской школе, составлял по поручению Гвардейского генерального штаба журнал военных действий союзных войск в кампанию 1814 г. «от Рейна до Парижа» с многочисленными картами. Можно напомнить, что семья Колошиных состояла в родстве с Львом Толстым [74].

Трудно с точностью определить время вступления в Союз Спасения младшего брата Муравьевых — Михаила, принятого Александром Муравьевым, основателем общества. Дело Михаила Муравьева (будущего «вешателя», жестокого усмирителя Польши), несмотря на покаянный характер, чрезвычайно скрытно. Достаточно сказать, что Михаил Муравьев, участник составления устава Союза Благоденствия — «Зеленой книги», сумел в своих показаниях следствию скрыть это обстоятельство. Пестель свидетельствует, что Бурцов и Михаил Муравьев были членами первого тайного общества, и из его показания можно заключить, что они оба были приняты более или менее одновременно. О несогласии Михаила Муравьева и Петра Колошина с уставом Общества истинных и верных сынов отечества свидетельствовал Никита Муравьев. Сам Михаил Муравьев признался на следствии, что «в ноябре и декабре 1817 г. начало образовываться при мне тайное общество под названием Союза Благоденствия»,— подобный процесс образования мог наблюдать лишь член первой тайной организации. Особенно же важно свидетельство Никиты Муравьева, что Михаил Муравьев и Петр Колошин «оставили общество», вышли из него перед основанием Союза Благоденствия вследствие несогласия с его линией, иначе говоря, Михаил Муравьев был несомненным членом первой тайной организации. Вероятнее всего предположение, что Михаил Муравьев вступил в Общество истинных и верных сынов отечества в 1817 г. в Петербурге после принятия устава, но до похода гвардии в Москву, т. е. между февралем и августом 1817 г. Если же учесть, что имена Михаила Муравьева и Бурцова не случайно связались вместе в памяти Пестеля, то принятие Михаила Муравьева в общество надо отнести примерно к тому же времени, что и Бурцова, т. е. к концу зимы 1817 г. В это время Михаилу Муравьеву было 20 лет, он был поручиком Гвардейского генерального штаба [75].

С несомненностью можно утверждать, что младший брат Пестеля Владимир был членом первой декабристской организации, несмотря на очень пространное и крайне взволнованное отрицание этого, данное Павлом Ивановичем Пестелем на следствии. С. Трубецкой показывает Владимира Пестеля «сочленом» при «первом начатии общества», подтверждают его членство Матвей Муравьев-Апостол, М. А. Фонвизин, Никита и Александр Муравьевы. Последние два, повидимому, в полном соответствии с действительностью, подчеркивают бездеятельность Владимира Пестеля в тайном обществе: «Владимир Пестель считался в обществе в 1817 году, но не принимал в оном никакого участия»,— показывает Никита Муравьев. Как помнил Александр Муравьев, Владимир Пестель был принят Никитой Муравьевым: «Владимир Пестель был, кажется мне, принят еще в начале 1817 года капитаном Муравьевым в бывший прежде и разрушенный Союз Спасения. Он совершенно никакого участия в действиях общества не принимал и только считался членом и едва был когда в собрании»,— свидетельствует Александр Муравьев [76].

Павел Александрович Катенин — несомненный член первой декабрист-

ской организации. Отсутствие личного дела Катенина в следственном фонде декабристов затрудняет установление деталей, но несомненен следующий факт: Катенину была в 1817 г. поручена ответственная работа по организации Военного общества, т. е. промежуточной тайной организации, стоявшей между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия. Якушкин называет на следствии имя Катенина в числе тех лиц, которые присутствовали «в 1817-м году, по прибытии в Москву гвардии на совещаниях при учреждении приготовительного общества под названием военного». В «Алфавите декабристов» прямо говорится о Катенине: «принадлежал к числу членов первого общества, составившегося прежде Союза Благоденствия». П. А. Катенин в годы первого общества служил в лейб-гвардии Преображенском полку; чрезвычайно правдоподобна догадка Ю. Г. Оксмана о том, что Катенина приняли в общество его сослуживцы по полку братья Шиповы. Если это так, то Катенин мог быть принят в Союз Спасения или в Общество истинных и верных сынов отечества не ранее декабря 1816 г. и не позже лета 1817 г. Добавим, что П. А. Катенин — старый знакомый Никиты Муравьева [77].

Артамона Муравьева мы видим в Москве в 1817 г. среди членов Союза Спасения. Он очень активен, вызывается на цареубийство, участвует в жизни тайного общества, несомненно, еще до организации Союза Благоденствия. Это дает основания для предположения, что Муравьевы ввели своего родственника Артамона в уже рушившееся Общество истинных и верных сынов отечества еще до его ликвидации, иначе невозможно объяснить его активность и осведомленность в событиях. В июле 1815 г. Артамон Муравьев был назначен адъютантом к генерал-адъютанту графу де Ламберту и уехал вместе с ним во Францию, где был прикомандирован к оккупационному корпусу графа Воронцова, в котором провел около двух лет. Он вернулся с графом Ламбертом в Россию в 1817 г. и сразу оказался не в Петербурге, а в Москве, где в то время находились двор и гвардия. Таким образом, Артамона Муравьева можно считать последним членом, непосредственно принятым в первую декабристскую организацию [78].

Последнее имя, которое надо для полноты упомянуть, говоря о первой декабристской организации, это имя штабс-капитана лейб-гвардии Измайловского полка А. П. Полторацкого. Ему, как показывает Александр Муравьев, «было говорено мною об Обществе Союз Спасения в начале же 1817 года здесь в С.-Петербурге, но едва ли он был принят и естьл[и] был принят, то в самую низшую степень» и участия в делах «не брал». Это единственное показание о Полторацком не дает, как видим, твердой опоры для того, чтобы считать его в составе первого тайного общества, но говорит лишь о некоторой близости к первой организации. Позднее мы встречаемся с ним как с членом Союза Благоденствия [79].

Выше упоминалось о митавском филиале, основанном Пестелем в течение 1817 г. и первых четырех месяцев 1818 г.,— время это с точностью определено Пестелем в его показании по данному вопросу. Ясно, что в это время Пестель мог совершать прием только в Общество истинных и верных сынов отечества, поскольку в 1817 г. Союз Благоденствия еще не существовал. Устав Союза Благоденствия оформился в начале 1818 г. в Москве, копии устава стали рассылаться затем из Москвы отсутствовавшим членам, очевидно, в том числе и Пестелю. Все это требовало какого-то времени. Сохранилось свидетельство Никиты Муравьева, что Пестель «по прибытии своем в первый корпус в Митаву» продолжал действовать по статутам первого общества и, «получа устав Союза Благоденствия», «отверг его»; Пестель, по словам Никиты Муравьева, будто бы только в 1820 г. решился «пожертвовать статутом 1817 года». Ниже будут изложены некоторые сомнения в достоверности свидетельства, но

все же надо признать митавский филиал Пестеля не чем иным, как филиалом Общества истинных и верных сынов отечества. Пестель показывает, что принял в этот филиал четверых членов: 1) командира Ольвиопольского гусарского полка полковника Петрулина, «который в том же году умер»; 2) майора Авенариуса, старшего адъютанта 25-й пехотной дивизии, позднее назначенного в 41-й егерский полк в кавказский корпус Ермолова; 3) подполковника Тимченко, позднее назначенного командиром 4-го морского полка; 4) полковника Свободского, дежурного адъютанта 1-го корпуса, назначенного потом командиром Тульского пехотного полка. «Кроме сих четырех никто принят не был»,— добавляет Пестель [80].

Таким образом, в первой декабристской организации, в доуставный период называвшей себя Союзом Спасения и в поуставный период наименовавшей себя Обществом истинных и верных сынов отечества, было не менее 30 членов с митавским филиалом Пестеля, или не менее 26, если не считать филиала [81].

10

Можно только удивляться интенсивности внутренней жизни первой декабристской организации: совсем не имея опыта конспиративной деятельности в условиях России, находясь в самом начале русского революционного движения, кладя первый камень в его фундамент, его молодые участники. впервые соединившие силы для совместной борьбы, упорно и с энтузиазмом работали над программными и тактическими вопросами. Работа эта, несомненно, была успешной. В течение совсем короткого времени — с 9 февраля 1816 г., т. е. со дня первого (учредительного) заседания, по август 1817 г., когда гвардия тронулась в поход из Петербурга в Москву, иначе говоря, всего за полтора года, общество разработало, обсудило и приняло не только основы программы, но и правила своего внутреннего устройства. Решения о борьбе с крепостным правом и самодержавием свидетельствуют о широком круге кардинальных для развития России проблем. Были разработаны сложные формы конспирации и внутреннего соподчинения, трезво обсуждены гарантии против возможностей захвата личной диктатуры, в первичной форме обдуман вопрос об открытом выступлении и принято решение действовать в момент смены императоров на престоле, сохранившее силу для всего последующего движения декабристов. Сознание горестного положения народа и неизбежности приближающейся катастрофы заставило молодых патриотов думать о спасении отечества. Исторический опыт борьбы других народов (невозможность возвращения Бурбонов во Францию в качестве конституционных монархов, кровавый террор Фердинанда VII против испанских конституционалистов, сведения о деятельности Тугендбунда в Пруссии и карбонарских организаций в Италии) давал пищу для размышлений, так как был самой современной темой. Обсуждение деятельности Комитета общественной безопасности было главным вопросом. Тема о России, недоверие к царскому правительству, со дня на день возраставшее, заставило переступить рубеж, за которым и начиналась революционная борьба. Нет сомнений, что значительная часть объединившихся молодых новаторов питала республиканские симпатии, но, перейдя на почву практических программных решений и определения реальных целей борьбы, общество заняло более осторожную, конституционно-монархическую позицию, всеми обсужденную и принятую. Возник и замысел цареубийства, едва ли не впервые обсужденный в конкретном предложении М. С. Лунина и, видимо, тут же отвергнутый. Вопрос о Польше еще не разрешенный, но непрерывно привлекавший внимание, очевидно, был темой постоянного обсуждения: существовать ли Польше самостоятельно или в составе обновлен-

ной революцией России? Если добавить к этому встречу с «Орденом русских рыцарей» и размышления о целесообразности соединения сил двух обществ, то идейное содержание жизни общества на протяжении первых полутора лет существования надо признать чрезвычайно насыщенным. А ведь мы располагаем лишь самыми отрывочными сведениями об этой жизни, действительность была богаче. К тому же если молодое общество при всей скрытности и осторожности своих действий и полной неопытности сумело за истекшее время не только разработать и принять «статут», но и завербовать около трех десятков человек, это тоже надо признать успехом и признаком его поступательного развития.

Вполне естественно, что в этой идейной жизни возникали свои внутренние противоречия. Через преодоление их тайная организация развивалась и шла вперед, все более отрываясь от старого дворянского массива и приближаясь к завоеванию демократических позиций. Споры о приемлемости масонских форм были едва ли не первыми спорами. Факт обособления Союза Спасения от масонских организаций и коллективное создание собственного оригинального устава надо считать в конечном итоге успехом сторонников самостоятельной линии, несмотря на сохранение некоторых внешних масонских форм (клятв и пр.). Споры о том, что предпочтительнее — республика или конституционная монархия, конкретно представлены разноречиями между республиканцем Новиковым и Пестелем, в тот момент сторонником конституционной монархии; хотя Пестель сначала и возражал Новикову, но доводы последнего глубоко запали в его память,— позже, Пестель станет их припоминать и с ними соглашаться, работая над «Русской Правдой». Устав, повидимому, был принят единодушно, однако речь Пестеля о благоденствии Франции под управлением Комитета общественной безопасности впервые выявила глубокое столкновение мнений, повидимому, касавшееся вопроса о революционной диктатуре. Но самым замечательным было в этих внутренних спорах внутреннее тяготение к программному и организационному единству. Оно не только вообще продолжало сохраняться, но выдерживало и своеобразные испытания; так, при встрече с тайным обществом М. Орлова Общество истинных и верных сынов отечества не пожелало слиться с ним и предпочло остаться вполне самостоятельным.

В этом же смысле знаменательны споры, вскоре разгоревшиеся в обществе. Идейный рост организации обнаруживается в почти всеобщем недовольстве принятым «статутом»,— организация уже в исходе первого поуставного года начинает перерастать его. Растет протест против отягощающих его масонских форм и клятв, требований слепой субординации. «Обряды и множество присяг, коим наполнены были сии статуты, были причиною, что успехи его были весьма медлительны — и то с нарушением форм, им самим предписанных»,— показывал Никита Муравьев. Принятые правила затрудняли и количественный рост общества, требуя очень длительного времени «для заведения знакомства». Особенно затруднительна сугубая конспиративность документа: он не может быть сразу открыт новичку, иначе говоря, его нельзя использовать как агитационный документ молодого движения. Новичок должен приносить клятву слепого повиновения старшим, почти ничего не зная о тайной организации, в которую вступает. Стеснение самостоятельной работы мысли, только что пробужденной, налагаемое молчаливой дисциплиной и безгласным повиновением неведомым болярам, да еще повиновением под угрозой кинжала или яда, воспринималось особенно болезненно.

Новички приняли оживленное участие в обсуждении наболевшего вопроса. Противоречия выявились вскоре после принятия устава, когда И. Бурцов и П. Колошин, как свидетельствует Никита Муравьев, «не

иначе согласились войти (в общество), как с тем, чтобы сей устав, проповедующий насилие и основанный на клятвах, был отменен и чтобы Общество ограничилось медленным действием на мнения». Комплекс идей, лежавших в основе протеста «новичков», был сложен и состоял вовсе не из простого либерального испуга перед насилием вообще. В него включалась жизненно важная для молодой организации мысль о необходимости ее значительного численного расширения, невозможного при клятвах слепого повиновения и неизвестности программы для вступающего. Было ясно, что надо добиваться конституции и уничтожения рабства крестьян, но каким образом? Ответ был неясен. «Новички» предлагали сделать основным уже имевшийся в уставе пункт о создании в стране общественного мнения. Во всей истории протеста П. Колошина — М. Муравьева — И. Бурцова нигде и ни разу не упомянуто о несогласии этой тройки с основными программными установками: очевидно, они не протестовали ни против необходимости конституции и уничтожения абсолютизма, ни против ликвидации рабства крестьян,— спор не затрагивал этих главных устоев. Насколько жизненны были затронутые протестантами вопросы, видно из того, что к ним примкнули многие из членов, в свое время принявших устав. Участники организации становились зрелее и отбрасывали старые решения. Об этом говорит Никита Муравьев, свидетельствующий, что в связи с протестом М. Муравьева — Колошина — Бурцова «бесконечные прения возникли, какое дать устройство обществу» [82].

Протест вызвал сочувствие лиц, которых отнюдь нельзя заподозрить в мирном «либерализме» и боязни решительных действий. В числе их был, скажем, Якушкин, который в это же время предлагал себя в цареубийцы; он «особливо вознегодовал против клятв и слепого повиновения», хотя, заметим, сам был «болярином», т. е. он не был повинующимся,— ему самому должны были «слепо» повиноваться. Его образ мыслей разделяли Фонвизин и, повидимому, П. Лопухин, еще до выступления гвардии в Москву, т. е. до августа 1817 г., доставший текст устава Тугендбунда и его пропагандировавший. Борьба мнений приобрела в какой-то момент острый характер, и М. Муравьев с П. Колошиным даже «оставили общество».

Выход из общества двух молодых, только что вступивших членов, конечно, не мог иметь никакого серьезного значения. Но он оказался существенным симптомом о б щ и х сомнений, общего недовольства. Якушкин не случайно показывает, что вскоре, во время московских совещаний 1817 г., устав, «сочиненный и принятый обществом в Петербурге после некоторых прений на совещаниях единогласно всеми членами, находящимися тогда в Москве, был найден неудобным для хода общества и потому уничтожен» [83].

Очевидно, летом и осенью 1817 г. жизнь общества приобрела особо напряженный темп. Кипели страстные прения. И вокруг общества бурлила идейная жизнь. Лицеисты, только что вышедшие из царскосельского затворничества, жадно участвовали в политических спорах и литературной деятельности. Глухие отголоски о возрастающем брожении в военных поселениях проникали в столицу. Гвардейская молодежь сравнивала русскую жизнь с жизнью передовых конституционных стран и страстно обвиняла косный строй российского деспотизма. Где деятели? Где граждане России?

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?

писал юный Пушкин, только что сошедший с лицейской скамьи. Молодой Грибоедов, поселившийся после войны в Петербурге, уже работал над первыми текстами «Горя от ума», — он задумал его еще в 1816 г., как свидетельствует его лучший друг Степан Бегичев.

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве...

гневно восклицал Чацкий. Это был вопрос эпохи, возмущенный протест молодой России, ковавшей силы для спасения отечества. Столкновение со старым миром передового молодого человека, жаждущего быть деятелем во имя блага своей родины и страстно мечтающего об изменении ее отсталого строя,— основная коллизия времени и основной тематический стержень «Горя от ума». Юный Пушкин в те же годы в надписи к портрету Чаадаева иронически противопоставлял судьбу человека, рожденного быть подлинным деятелем,— в древних Греции и Риме, с одной стороны, и в александровской России — с другой: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес, а здесь он — офицер гусарский».

Пушкинская ода «Вольность» выросла из этого общественного кипения. Ф. Вигель свидетельствует, что ода была написана Пушкиным в квартире братьев Тургеневых: «К меньшому Николаю собирались нередко высокодумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи». В Михайловском дворце, видном из тургеневских окон, заговорщики убили императора Павла в ночь на 12 марта 1801 г. Пушкин в тот момент был близок не только с братьями Тургеневыми, но и с Пущиным, Катениным, Вольховским, Никитой Муравьевым — членами Союза Спасения. Политические идеи оды вызрели у него не в одиночестве и не только в тургеневской квартире, но в том широком кругу молодой России, с которым так жадно общался юный поэт, только что вышедший из лицейских стен.

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Сопоставляя оду «Вольность» и настроения Общества истинных и верных сынов отечества, мы находим разительную близость идеологии. Она была не только в общем свободолюбии и приверженности к высокой общественной тематике, но и в убежденном признании «зла существующего порядка вещей»:

Увы! куда ни брошу взор,—
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений

Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть...

Идеал представительного строя, ликвидация абсолютизма, требование законов, ограничивающих всевластие монарха, были характерны и для «Вольности» и для молодого тайного общества.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье.

Лозунг борьбы за представительный строй — за крепкое сочетание «мощных законов» со «святой вольностью» не был, таким образом, замыслом узкого кружка конспираторов, он являлся лозунгом молодой России, широкого передового круга людей. Он тем крепче роднил тайное общество с окружающей его общественной средой, с идеями людей, озабоченных судьбой страны, ее движением вперед.

Но путь дворцового переворота вызывал омерзение. Действия дворцового заговора клеймились как «бесславные удары»,— действовать надо иначе, с опорой на «общее мнение». Обо всем этом громко говорил молодой пушкинский голос,— и ода разлетелась по всей стране, переписанная многими сотнями рук.

Вопросы, тревожившие тайное общество, волновали сложившийся и крепнувший передовой лагерь. Знаменательно, что юный Пушкин написал свою оду в том же 1817 г. и даже именно в конце этого года, когда тайное общество горячо обсуждало вопрос о цареубийстве [84].

Основным событием, которое помогло выявить всю остроту противоречий и поставить тайную организацию на новый путь, были, несомненно, споры вокруг «московского заговора» 1817 г.

11

Александр I вместе со всем двором уже давно собирался посетить Москву и остаться в ней на длительное время,— общественное мнение требовало особого внимания к героическому городу, столице, столь пострадавшей в 1812 г. от Наполеона и спасшей Россию. Двор переехал в Москву осенью 1817 г., вместе с ним двинулась туда и гвардия.

Гвардейцы пошли в Москву в составе четырех сводных полков: двух пехотных, сформированных из первых батальонов шести гвардейских пехотных полков, и двух кавалерийских, составленных из первых эскадронов шести кавалерийских полков; сверх того, в Москву пошли первая батарейная гвардейская рота, первая легкая конная рота и дивизион казаков. Гвардейская пехота выступила в поход из Петербурга в Москву 5 августа 1817 г., а кавалерия — 14 августа. Это было сделано для того, чтобы в пути кавалерия могла догнать пехоту и одновременно с ней торжественно вступить в Москву. С этим гвардейским походом передвинулось в Москву основное ядро тайного общества.

Это подлинно было путешествие истинных и верных сынов отечества «из Петербурга в Москву». Оно, несомненно, сыграло свою роль в созревании мировоззрения декабристов. Деревни и города сменяли друг друга, как главы книги А. Н. Радищева,— это были те же места. Пехотинцы и кавалеристы останавливались на ночлег и на дневки в тех же селениях, где жили задавленные крепостным гнетом герои радищевского «Путешествия». Мало что изменилось за истекшие годы, разве что еще хуже

стало в этих местах в александровские времена. Молодые гвардейцы пришли в Москву, обогащенные новыми мыслями и наблюдениями о тяжелом положении отечества.

Дворянская Москва заранее захлебывалась от восторга, предвкушая приезд двора, приход гвардейцев, непрерывный поток балов и увеселений, орденов и новых пожалований. Гвардейцев встречали с неописуемым воодушевлением, и именно эту встречу с убийственным сарказмом запечатлел А. С. Грибоедов в «Горе от ума»: «Когда из гвардии иные от двора сюда на время приезжали, кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». Все это создавало резкий контраст с только что запечатлевшимися в сознании картинами тяжелой крестьянской жизни в Любани, Едрове, Хотилове, Медном, Пешках, Черной Грязи...

Гвардия расквартировалась в Хамовнических казармах. Гвардейский обер-квартирмейстер Александр Муравьев получил удобную квартиру в шефском корпусе казарм. Преимущественно тут и стало собираться передвинувшееся в Москву тайное общество. В Москве к тому времени уже находились и Якушкин и принятый им М. Фонвизин (в связи с переформированием их полка). Московский дом Фонвизиных также оказался местом конспиративных совещаний, собирались, по свидетельству И. Д. Якушкина, и у Никиты Муравьева. Сам Якушкин в это время жил у Фонвизиных. В совещаниях общества, кроме Александра Муравьева, М. Фонвизина и И. Д. Якушкина, участвовали Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев и Ф. Шаховской. В Москву в порядке служебного перевода еще раньше переехали П. Колошин и М. Муравьев. Последнего Ф. Шаховской также называет участником заседаний. Позже в Москву по требованию общества приехал из Петербурга Сергей Трубецкой. Отметим, что в ходе московских совещаний Никита Муравьев встречался с П. Катениным, но последний участником совещаний не был[85].

Москва стала местом рождения нового декабристского общества — Союза Благоденствия и крушения старой организации — Общества истинных и верных сынов отечества.

Члены Союза Спасения, уже охваченные сомнениями и встревоженные спорами вокруг вопросов нового внутреннего устройства и «способов действия» общества, жаждали быстрого свершения своих основных чаяний — уничтожения рабства крестьян и установления представительного строя. Но как именно добиться этого, оставалось далеко не ясным. Между тем откладывать было нельзя, так как положение в стране становилось все напряженнее. Чувство, что Россия стоит на краю гибели, еще более обострилось у декабристов во время пребывания в Москве. В разгоряченную атмосферу страстных прений, как пылающая головня в сухой хворост, попало пришедшее из Петербурга и написанное в согласии с «правилами» устава письмо члена общества Сергея Трубецкого, извещавшее о страшной опасности, грозившей России. Александр I, как передавало письмо, только что имел конфиденциальный разговор с князем П. П. Лопухиным о своем намерении, восстанавливая Польшу под своим владычеством в границах 1772 г., не посчитаться с историей и отторгнуть от России Правобережную Украину и Белоруссию, которые декабристами, естественно, рассматривались как исконно русские земли. По всем данным, разговор на тему, близкую к изложенной, действительно имел место, так как Александр I в это время был вплотную занят вопросами польского устройства и проектировал территориальное расширение Польши. В тюремных свидетельствах декабристов о письме С. Трубецкого к изложению нередко примешивается вопрос о предполагавшемся освобождении крестьян в отторгаемых областях и об ответном восстании русских крестьян, оставленных в крепостном состоянии. Для подавления предполагавшихся волнений

закрепощенного русского населения и будто бы организовалась полоса военных поселений, прорезавшая Россию от северной столицы до юга. Отторжение от России ее огромных исконных областей, сопровождаемое оскорбительным законодательством и неминуемым народным бунтом, в хаосе которого, по мнению декабристов, вообще все могло бы погибнуть, вызывало их страстное возмущение и требование немедленного выступления тайного общества («начинать немедленно действие»,— требовал основатель общества Александр Муравьев). Для них стало еще яснее, что царь «ненавидит Россию». Не могло быть лучшего повода для «ускорения» смены императоров на престоле путем цареубийства и последующего предъявления требований о всеобщем освобождении крестьян, уничтожении абсолютизма и представительном строе. Вопрос о цареубийстве стал поэтому в порядок дня на бурных заседаниях в Хамовнических казармах. Живой их облик отражен в показаниях Александра Муравьева: «Преступный разговор сей был общий, был шумный, происходил в беспорядке..., многие говорили вместе, не слушая и не выслушивая других. Иной... курил табак, другой ходил по комнате». Совещание, по свидетельству Сергея Муравьева, длилось «пять или шесть дней» [86].

Приобретает особое значение свидетельство участника московских совещаний Матвея Муравьева-Апостола о той роли, которую сыграли в «московском заговоре» вести об уже начавшихся волнениях новгородских военных поселений. Рассказывая на следствии о «московском заговоре» 1817 г., Матвей Муравьев-Апостол показывает, что «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлением, которое [крестьяне] делали в Новгородской губернии военным поселениям», т. е. предложил опереться на крестьянское восстание. Это чрезвычайно любопытная черта «московского заговора». Пестель (отсутствовавший в Москве) был осведомлен, что решение открытого выступления в 1817 г. возникло среди декабристов «по случаю известий, ими полученных, о тех ужасах, которые якобы происходили в Новгородской губернии при введении военных поселений» [87].

В Петербург от Московского совещания спешно направили письмо с извещением о назревающих решениях и с вызовом остальных членов в Москву. По свидетельству Пестеля, в тот момент находившегося в Петербурге, С. Трубецкой «в тот же день» испросил себе отпуск и отправился в Москву [88].

В напряженной атмосфере собраний в Хамовнических казармах предложение прибегнуть к цареубийству нашло несколько откликов. По данным следственных дел и мемуаров, можно установить по меньшей мере четыре имени декабристов, вызвавшихся быть цареубийцами: Якушкин, Никита Муравьев, Артамон Муравьев и Федор Шаховской, причем первым заявил о своем решении Якушкин. Эти имена всплыли, повидимому, не на одном, а на нескольких заседаниях тайного общества. Федор Шаховской так настаивал на своей кандидатуре в цареубийцы, что получил даже прозвище тигра («le tigre»). Сохранились свидетельства, что он демонстративно покинул заседание,— не оттого ли, что Якушкин не хотел «уступить ему этой чести?» (на допросах и очных ставках Шаховской отрицал эти обвинения). По свидетельству Фонвизина, вообще все присутствовавшие члены решили «посягнуть на жизнь монарха» [89].

Наиболее красочное описание первого заседания мы находим в «Записках» Якушкина: «Александр Муравьев перечитал вслух еще раз письмо Трубецкого, потом начались толки и сокрушения о бедственном положении, в котором находится Россия под управлением императора Александра. Меня проник дрожь (sic!); я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме

Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора». Все уверили в том Якушкина, а Александр Муравьев предложил бросить жребий, «чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести». Якушкин собирался совершить цареубийство во время выхода Александра I из Успенского собора. Он намерен был взять с собою два пистолета: из одного убить царя, а из другого — себя, чтобы акт цареубийства походил на дуэль со смертельным исходом для обеих сторон [90].

Заметим, что контекст показаний о предложении Якушкина говорит о том, что приезд Александра I в Москву ожидался со дня на день. Поскольку император, по сообщению «Московских ведомостей», прибыл в Москву «30 сентября в 10-м часу пополудни», это помогает датировать московский заговор 1817 г. второй половиной сентября [91].

Предложение Якушкина вызвало бурное обсуждение. Большинство декабристов высказалось против его проекта. Фонвизин в продолжение целой ночи отговаривал его, находя, что принятое им решение безрассудно и возникло у него в «лихорадочном состоянии»: «Я уверял Фонвизина, что я совершенно спокоен, в доказательство чего предложил ему сыграть в шахматы и обыграл его»,— пишет Якушкин в «Записках» [92].

Совещание возобновилось на следующий день; ряд членов решительно выступил против намерения Якушкина, а больной Сергей Муравьев-Апостол через брата Матвея прислал обществу письменное возражение против принятого Якушкиным решения. В результате долгих и страстных споров решение о цареубийстве было отвергнуто, а Якушкин отказался от участия в обществе [93].

Трудно сказать, в силу каких именно причин было отвергнуто предложение Якушкина. Письменное возражение Сергея Муравьева-Апостола было, разумеется, уничтожено и не дошло до нас, а оно могло бы, повидимому, дать исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. В нашем распоряжении имеется лишь предельно краткое изложение на следствии существа возражения самим его автором Сергеем Муравьевым-Апостолом. Может быть, цареубийство отвергается как акт, несовместимый с присягой подданного или вообще противный человеческому чувству? Нет, таких доводов Сергей Муравьев-Апостол не приводит даже в каземате Петропавловской крепости, хотя с точки зрения следствия они прозвучали бы весьма уместно (Сергей Муравьев-Апостол и позднее соглашался на цареубийство). Он выдвигает иные доводы: «На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим остановлял предпринятое действие, показывая скудность средств к достижению цели». Проект цареубийства отвергался, следовательно, вовсе не потому, что царя вообще нельзя убивать, а по той причине, что средство это не обеспечивает достижения основной цели, очевидно — представительной системы и уничтожения крепостничества [94].

Надо отдать должное первым русским революционерам: несмотря на всю незрелость движения, отдельно взятый террористический акт в описанной обстановке был ими сочтен не обеспечивающим конечной цели борьбы и потому отвергнут. Позднее Грибоедов с горечью говорил о 100 прапорщиках, которые хотят перевернуть государственный быт России. На этот раз можно было говорить лишь в лучшем случае о 30 «прапорщиках»... Общество истинных и верных сынов отечества, убежденное в правильности борьбы за ликвидацию абсолютизма, представительный строй и уничтожение рабства крестьян, осознало в «московском заговоре»

1817 г. «скудность средств». Оно осознало это с такой остротой, что принятый менее года назад статут стал под сомнение и оказался пройденной ступенью. Та же мысль видна в формуле Трубецкого: первое тайное общество, по его мнению, было ликвидировано в силу того, что члены видели «малые его успехи и неудобства». К обществу охладели потому, что его «действие было затруднительно и незначуще» [95]. Организация не могла обеспечить достижения целей, следовательно, надо было коренным образом ее перестроить. Члены первого тайного общества энергично и незамедлительно принялись за эту перестройку.

Она протекала в опасных условиях. Какие-то тревожные признаки говорили о настороженном недоброжелательстве правительства к членам тайного общества. Во время богоявленского парада Александр I лично (что бывало крайне редко) арестовал Александра Муравьева по поводу мелкого служебного упущения. Теперь мы располагаем свидетельством не кого иного, как Николая I, которое может несколько пояснить это событие. Делая свои замечания на рукописном экземпляре первоначального текста книги барона М. Н. Корфа, Николай написал на полях против того места, где Корф говорил о первых сведениях о тайном обществе, «омрачивших» последние годы жизни Александра I: «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818 году в Москве после богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство». Значит кто-то донес Александру I о «московском заговоре 1817 года». Не связан ли с этим взволновавший декабристов арест А. Муравьева? Если предположить в свидетельстве Николая I лишь одну небольшую неточность: не п о с л е, а д о богоявления Александр I узнал о предложении Якушкина и собрании заговорщиков на квартире Муравьева, а в богоявленский парад и арестовал его,— то события приобретают логическую связь. Однако ничего более точного об аресте мы не знаем и должны ограничиться лишь осторожным предположением [96].

12

Разработка основ новой организации требовала времени. Между тем недовольство вокруг так и кипело, молодежь рвалась к действию, обстановка похода соединила близких людей в живущий вместе дружный коллектив, в котором было немало лиц, подходящих для тайного общества. Нельзя было поэтому упускать возможность завербовать новых членов тайной организации и терять ценных людей только потому, что время уходило на разработку устава. В связи с этим было решено создать промежуточную организацию под скромным и не привлекающим внимание названием «Военного общества», которое сосредоточило бы в себе всю эту ценную молодежь и подготовило бы ее в духе тайного общества, с тем, чтобы в дальнейшем передать ее в состав новой организации, когда та разработает свой устав и «воспримет начало действия». Решение это замечательно само по себе: оно показывает, что члены первой декабристской организации — Союза Спасения рассматривали свою малочисленность как серьезную помеху в достижении целей. Они полагали, что настоящая тайная организация должна опираться на какую-то более обширную базу, нежели малочисленная конспиративная группа.

Таким образом, вторая тайная организация декабристов, так называемое «Военное общество», возникла и оформилась в Москве в 1817 г. И. Д. Якушкин показывает об этом на следствии так: «...Было устроено подготовительное общество под названием военного, которого цель была приготовлять членов для главного общества, не имеющего еще тогда настоящего своего образования» [97].

Очевидно, количество подходящих для целей тайной организации молодых военных было так значительно, что новое «Военное общество», согласно свидетельству Пестеля, разделили на два «отделения»: во главе одного из них стал декабрист Никита Муравьев, во главе другого — П. А. Катенин, блестящий офицер-гвардеец Преображенского полка, известный литератор и знаток театрального искусства, друг А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова. П. А. Катенин, член Союза Спасения — одна из ярких фигур раннего декабризма. Заподозренный царским правительством, он рано был изъят из столичной среды, что помешало ему принять участие в позднейших декабристских организациях. Революционный гимн Катенина, сохраненный лишь в одной своей первой строфе в «Записках» злобного Ф. Вигеля, говорит о значительном радикализме его политической идеологии. Передавая с большей энергией и полнотой как убежденный республиканизм певца, так и уверенность в правоте революционной борьбы за свободу, песня эта действительно стала как бы гимном декабристов, проводив их до Сибири. Она близка к одной из песен французской революции.

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о Злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй над нами.
Ах! Лучше смерть, чем жить рабами,—
Вот клятва каждого из нас.

Уволенный из гвардии в сентябре 1820 г. («замечен был неоднократно с невыгодной стороны») и высланный из Петербурга в 1822 г. с запрещением въезжать в обе столицы, Катенин был изъят из движения тем же довольно обычным способом, каким в пору ранних тайных обществ правительство расправлялось с «неблагонадежным элементом».

Никита Муравьев в то время находился в расцвете своих революционных настроений. К тому же хорошо известный в ученой военной среде как автор работы о Суворове и специалист в области военных наук, он особо подходил к «Военному обществу», заявившему о своих научных и военно-теоретических занятиях как об основной цели.

Так как «Военное общество» принадлежало к ранним декабристским организациям и было ликвидировано самими декабристами, когда в нем миновала необходимость, Следственная комиссия не занималась специально расследованием его истории и деятельности. В силу этого до нас дошло чрезвычайно мало свидетельств о его составе и содержании его работы. Мы знаем имена лишь немногих его членов-организаторов из того же показания Якушкина на следствии: «В 1817 году, по прибытии в Москву гвардии, на совещаниях при учреждении приготовительного общества под названием военного, сколько припомнить могу, бывали, кроме названных уже мною лиц (т. е. Александра и Никиты Муравьевых, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов и С. Трубецкого), двое Перовских, бывший Преображенского полка капитан Катенин и князь Федор Шаховской» [98].

Никита Муравьев в своих показаниях называет «Военное общество» «довольно многочисленным» и указывает, что во главе его, объединяя оба его отделения, стоял один из инициаторов первого декабристского общества Александр Муравьев. «Записки» И. Д. Якушкина (документ, созданный все же в менее стесненной обстановке, чем показания на следствии)

дают высокую оценку деятельности «Военного общества». По словам мемуариста, целью «Военного общества» было не только расширение тайной организации и пропаганда ее идей («распространение Общества»), а также «соединение единомыслящих людей». «У многих из молодежи,— продолжает И. Д. Якушкин,— было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством, и потому немудрено, что все порядочные люди из молодежи, бывшей тогда в Москве, или поступили в Военное общество, или по единомыслию сочувствовали членам его».

«Военное общество» обыкновенно собиралось на квартире у М. А. Фонвизина в Староконюшенном переулке или в Хамовнических казармах у Александра Муравьева. Собрания его, как отмечает И. Д. Якушкин, «все более и более становились многолюдны». Важно свидетельство В. А. Перовского, что «Военное общество» имело свой устав, который читался вновь поступающему; устав требовал сохранения дел общества в безусловной тайне («молчании»). Можно установить и некоторые темы, обсуждавшиеся на собраниях. «...В течение вечера много говорено было о правительстве,— рассуждали вольно»,— свидетельствует В. А. Перовский. Из одного свидетельства И. Д. Якушкина можно заключить, что, кроме обычных разговоров о крепостном праве, самодержавии и вообще о «зле существующего порядка вещей», в «Военном обществе» много говорили об Аракчееве и военных поселениях, о волнениях в них, о «бессмысленном деспотизме» Александра I. На клинках шпаг у членов «Военного общества» была вырезана надпись «За правду».

«Военное общество» выявляет широкие связи декабристов с военной средой и их заботу о «кадрах» организации. Оно сыграло положительную роль как соединительное звено между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия.

Дальнейшее развитие тайного общества будет богато разнообразными формами культурного творчества декабристов — созданием поэтических памятников движения, произведений художественной прозы, философскими и историческими работами. Однако и годы Союза Спасения уже отмечены примерами такой деятельности, тем более интересной для нас, что следующая организация — Союз Благоденствия — сосредоточит на ней свое особое внимание. Предвестником этого нового направления явились в годы Союза Спасения работы Никиты Муравьева, Ф. Глинки, Николая Тургенева, М. Орлова.

«Рассуждение о жизнеописаниях Суворова» Никиты Муравьева опубликовано в «Сыне отечества» в 1816 г., т. е. в том же году, когда возникла первая декабристская организация. Посвященная военной историографии, эта работа предварила позднейший разбор Никитой Муравьевым «Истории» Карамзина,— она давала отпор фальсификаторам дела великого русского полководца. Проникнутая высоким национальным чувством, насыщенная любовью к родине и ее славным деятелям, работа молодого автора действительно была произведением «истинного и верного сына отечества». Глубоко обоснованы были его требования создать, наконец, исследовательские труды по истории русского военного искусства: «Недостаток хороших исторических книг особенно чувствителен для военных, беспрестанно поучающихся в истории браней. Россия имела Румянцевых, Суворовых, Кутузовых, но дела их не описаны — они как бы достояние чужого народа». Никита Муравьев критически разобрал современную иностранную литературу о Суворове, предъявил высокие требования к жизнеописаниям военных деятелей. Они должны показываться в связи с «состоянием борющихся народов», выяснять «причины действий», давать «пищу уму»; рассказ о них надо подкреплять размышлениями, сопро-

вождать продуманной критикой и в то же время книга не должна быть «лишенной красок». Дав справедливую критику Антинга и Фукса, которые были прижизненными биографами великого полководца и вызвали его недовольство, Никита Муравьев раскрывает слабые стороны Бошана как историка итальянского и швейцарского походов Суворова, Лаверня, недобросовестно исказившего как его облик, так и существо русского военного искусства. Сопоставляя Суворова и Фридриха Прусского, Никита Муравьев показывает превосходство первого и несостоятельность тактических приемов второго. С большим проникновением в существо вопроса молодой автор обосновывал свой вывод, рассматривая Суворова как основоположника нового военного искусства. «Суворов основывал свое искусство на быстроте и тактике сосредоточенных сил»,— писал декабрист. Суворов противопоставил свои новые тактические принципы особенностям прусской военной школы: «Надлежит иметь битвенный порядок, который был бы надежнее, сильнее и удобнее к движению деплоированных линий — тут нужны батальонные колонны, подкрепленные большими отрядами конницы и многочисленной артиллерией. Сии соображения принадлежат к новейшей тактике, употребляемой Суворовым». Никита Муравьев приходил к выводу, что эти же принципы были вслед за Суворовым применяемы французскими полководцами и, наконец, Наполеоном [99].

Близкие положения о военном искусстве А. В. Суворова развил Ф. Глинка еще в годы Союза Спасения. В своей работе «Краткое начертание «Военного журнала»», вышедшей также в 1816 г., Ф. Глинка также доказывал, что Суворов был основоположником нового военного искусства, подчеркивая оригинальность русского полководца в изобретении им новых средств и правил «воевать всегда с успехом». Показывая, что Суворов открыл эти способы и средства ранее Наполеона, приводя убедительные ссылки на мнение последнего, «теперь уже ясно,— пишет Ф. Глинка,— что многие правила военного искусства занял Наполеон у великого нашего Суворова. Этого не отрицают и сами французы, в этом сознается сам Наполеон: в письмах из Египта, перехваченных англичанами, он ясно говорит Директории, что Суворова до тех пор не остановят на пути побед, пока не постигнут особенного его искусства и не противопоставят ему его собственных правил» [100].

Попытка завоевания «Арзамаса» также относится к годам Союза Спасения. Вступивший в «Арзамас» в феврале 1817 г. Николай Тургенев, так же как и принятый туда в апреле того же года М. Орлов, не были членами Союза Спасения. Оба принадлежали к еще существовавшему формально, но уже дышавшему на ладан «Ордену русских рыцарей». Вступление в «Арзамас» члена Союза Спасения Никиты Муравьева принято относить к 25-му заседанию «Арзамаса», которое датируется 13 августа 1817 г. Если это так, то как раз на следующий день — 14 августа — сводный конный гвардейский полк — последняя гвардейская часть — двинулся из Петербурга по направлению к старой столице в связи с переездом двора в Москву. Генеральный штаб, к которому имел прямое отношение подпоручик Никита Муравьев, отправился в Москву едва ли не раньше. Во всяком случае, если Никита Муравьев буквально накануне похода гвардии в Москву стал членом «Арзамаса», он не мог принимать в нем активного участия ранее августа 1818 г., когда гвардия вернулась из Москвы в Петербург [101].

Известное выступление в «Арзамасе» М. Орлова с предложением переменить его направление относится к лету 1817 г. (июнь—август). «Арзамас» должен был отныне рассматривать как главную свою цель «пользу отечества», состоящую в «образовании общего мне-

н и я». Ф. Вигель, совместивший в свидетельстве об «Арзамасе», как на это справедливо указывает М. К. Азадовский, впечатления не об одном, а о ряде заседаний, писал в своих «Записках», что «Орлов, осыпав всех нас похвалами, с горестию заметил, что превосходные дарования наши остаются без всякого полезного употребления. Дабы дать занятие уму каждого, предложил он завести журнал, коего статьи новостью и смелостью идей пробудили бы внимание читающей России. Расширив таким образом круг действия общества, он находил необходимым умножить число его членов; сверх того предлагал каждому отсутствующему члену предоставить право в месте пребывания его учреждать небольшие общества, которые бы находились в зависимости и под руководством главного». Развивая на 20-м заседании «Арзамаса» (июнь 1817 г.) программу журнала, тут же конкретизированную П. А. Вяземским, М. Орлов («Рейн») сделал к ней блестящее вступление, которое протоколировавший заседание В. А. Жуковский, не без дружеской иронии, назвал лишь «вратами» светлого здания, но еще не самим зданием; только все разохотились слушать, что же будет дальше, как врата исчезли...

Тут осанистый Рейн * разгладил чело, от власов обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул — и явилося нечто
Пышным вратам подобное, к светлому зданью ведущим.
Звездная надпись сияла на них: Журнал Арзамасский.
Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели
В светлом хао́се призра́ки веков; как планеты смотрели
Лики славных из сей оживленные тучи; над нею
С яркой звездой на главе гением тихо неслося
В свежем гражданском венке божество — просвещенье
К грозной и мирной богине свободе. И все арзамасцы,
Пламень почуя в душе, к вратам побежали... Все скрылось...
Рейн сказал: «потерпите, голубчики! я не достроил.
Будет вам дом, а теперь и ворот одних вам довольно».
Члены, зная, что Рейн искусный строитель,— утихли,
Сели опять по местам...

Далее рассказано о предложении П. А. Вяземского, наметившего структуру журнала, принятую всеми. Решение издавать журнал было единодушным. Из всего смысла речи М. Орлова ясно, что она не была последней,— он собирался и далее развивать свои мысли, на этот раз о самом содержании журнала, а не только об общем его характере. Дальше в программе журнала, набросок которой дошел до нас, мы видим имя «Адельстана» (Никиты Муравьева), берущего на себя вместе с рядом других арзамасцев разработку второго отдела журнала, посвященного обозрению современных происшествий. В этом же документе — наброске программы журнала — фигурирует характеристика отдела «Политика»; она как бы предваряет направление будущего Союза Благоденствия, соответствуя духу его взглядов на открытое вольное общество: «Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее. Образцы общественного мнения» [102].

Однако пестрая литературная среда «Арзамаса», составленная не из одних «либералистов», а также из лиц, тесно связанных со старой идеологией, не могла всецело воспринять новые идеи. Внедрение членов тайного общества в «Арзамас» не столько завоевало, сколько раскололо его. С точ-

* Рейн — арзамасское прозвище М. Орлова.

ки зрения развития всего общественного процесса никак нельзя считать это «неудачей»; скорее это именно успех тайного общества, оказавшегося деятельной силой созревания общественной идеологии. Работа членов тайной организации выявила в «Арзамасе» процесс формирования двух лагерей, так сказать, внедрила его в сложившееся литературное содружество. Не просто Михаил Орлов или Николай Тургенев, а эпоха, нужды времени потребовали сильной и открытой общественной деятельности и более широкого круга объектов борьбы, вдохновленной высокими общественными целями.

Последний этап жизни «Арзамаса» в 1818 г. уже связан с работой Союза Благоденствия. Задуманный как противовес шишковской «Беседе любителей русского слова», «Арзамас», конечно, по самой основной своей идее принадлежал к лагерю новаторов, но жизнь ушла вперед, и рамки спора с Шишковым и шишковистами оказались недостаточными. Предложенная ему новая программа была настолько обширнее реальных вопросов, когда-то его объединивших и державших его единство, что оказалась ему не под силу. Предложение о новом направлении разломало «Арзамас» и, властно втянув его в общий процесс формирования двух лагерей, привело его к распаду [103]. Михаил Орлов в Москве вступил в Союз Благоденствия в первой половине 1818 г., Николай Тургенев последовал его примеру по возвращении гвардии в Петербург, т. е. во второй половине года. Об «Ордене русских рыцарей» тогда уже не было речи: оба друга действовали как члены новой организации — Союза Благоденствия. Последние протоколы «Арзамаса», относящиеся к 1818 г., не дошли до нас. Вопрос об издании журнала, поднятый еще в 1817 г., обсуждался и позднее; замыслы статей, предложенные для журнала, и их обсуждение свидетельствуют о бурной жизни «Арзамаса». Лишь его последние заседания 1818 г. имеют отношение к деятельности Союза Благоденствия. Предложение участвовать в создании передового общественного мнения и устраивать филиалы организации на местах разительно совпадает с требованиями «Зеленой книги» и соответствует ее духу.

Идеи будущего Союза Благоденствия, стало быть, носились в воздухе, когда декабристы, уничтожив Союз Спасения и предав сожжению его «статут», сели в Москве за разработку программы и устава новой организации — Союза Благоденствия.

Глава V

ОСНОВАНИЕ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ. ЕГО ПРОГРАММА И УСТАВ (1818)

1

Новая организация, основанная декабристами,— Союз Благоденствия — просуществовала три года: с 1818 по 1821 г. Эти годы были временем нараставшего революционного подъема как в России, так и в Западной Европе. Процесс формирования двух лагерей в русском обществе развивался с возрастающей интенсивностью. Именно эта особенность стимулировала развитие и рост Союза Благоденствия и являлась своеобразием той обстановки, в которой он возник.

В указанные годы несомненен дальнейший рост крестьянских волнений против крепостного права, к ним присоединяются выступления крепостных рабочих и солдат. Некоторые проявления этой борьбы приобрели характер резких вспышек, сильно испугавших правительство Александра I. К ним надо отнести чугуевское восстание военных поселений 1819 г., огромные донские волнения 1818—1821 гг. и выступление Семеновского полка в 1820 г. в Петербурге. Раннее русское революционное движение объективно отражало движение угнетенных масс, хотя и в сложной, опосредствованной форме; оно в какой-то мере выражало его интересы и свидетельствовало о нем. Первые русские революционеры не могут быть поняты вне борьбы порабощенного народа за свое освобождение, с которой они — объективно — неразрывно связаны. Они не сознавали всей глубины этой связи и субъективно представляли себе свою борьбу за победу нового над старым прежде всего как результат своего личного решения, своей чести и работы своего сознания. Однако их движение нельзя понять без живой общественной борьбы, которая развивалась вокруг них и ярким проявлением которой были они сами. Существенным элементом обстановки была сложившаяся на Западе революционная ситуация 1818—1819 гг., которая переросла в революцию в январе 1820 г. и охватила ряд южноевропейских стран; революции вспыхивают одна за другой в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте, Греции. Элементы революционной ситуации вызревают и в России.

Естественно, что новая, только что сформировавшаяся тайная организация, столь жадно искавшая действенных связей с жизнью и воздействия на ее ход, быстро эволюционировала в создавшейся обстановке. Союз декабристов не только рос и развивался в процессе прогрессировавшей дифференциации двух лагерей — новаторского и реакционного, но и сам был живым и наиболее ярким элементом этого процесса: к Союзу тянулись новаторы, ряды членов тайного общества пополнялись сочувствующими, одновременно отпадали колеблющиеся.

Дальнейший рост освободительной идеологии сказывался в подъеме пушкинского творчества. Молодой поэт, друг декабристов, именно в это время создал выдающиеся вольнолюбивые произведения: «Послание к Чаадаеву» (1818), «Noël» (1818), «Деревня» (1819), «Кинжал» (1820). Грибоедов продолжал работу над задуманным ранее «Горем от ума», и первые два акта комедии, в которых так остро дается конфликт молодой России с силами старого мира, завершены именно в это время. Вольнолюбивая поэзия К. Ф. Рылеева (тогда еще не члена декабристского тайного общества) уже поднимает свой громкий голос: сатира «К временщику» создается в годы существования Союза Благоденствия (1820). Все это говорит о напряженной и богатой событиями жизни передовой России, которая не могла не воздействовать и на дальнейшее развитие программы тайного общества.

Настойчивая и непрерывная работа над программой, постоянное обдумывание тактической линии и поиски новых организационных форм — замечательная черта декабристского движения. Оно не застывало на пройденном этапе, не закрывало глаз на свое несовершенство, а все время упорно искало улучшений и путей к подъему. Оно стремилось к реальному воздействию на ход событий и требовало наилучших форм для приближения к поставленной цели.

В историографии декабристов с «легкой» руки А. Н. Пыпина обжилось неправильное и необоснованное представление о Союзе Благоденствия как о «легальной» или «полулегальной» организации. Пыпин считал, что первоначальные тайные общества декабристов отличались «самым невинным либерализмом», и полагал, что Союз Благоденствия механически скопировал свою программу с уставов немецкого «Союза добродетели» (Tugendbund), «характер которого состоял именно в таком же мирном воспитании и поддержке гражданской добродетели и которого программа была скорее сентиментально-наивная, нежели опасная политическая». Пыпину все эти определения были весьма необходимы как существенный элемент его общей либеральной концепции: декабристы, по его мнению, не являлись революционным движением, а были порождены ранними либеральными увлечениями самого Александра I, генетически восходили к реформаторским настроениям верховной власти и никогда не теряли соглашательского характера «содействия» благим правительственным начинаниям. Первым сосредоточив внимание на тексте «Зеленой книги» (эта заслуга принадлежит, несомненно, ему), Пыпин черпал из нее особенно обильные «доказательства» для своего несостоятельного представления о Союзе Благоденствия [1].

Вслед за Пыпиным некоторые последующие исследователи повторили его доводы, не прибавив к ним никаких новых, а большинство историков (особенно популяризаторы) и не утруждали себя доводами, просто без аргументов утверждая, как «общепринятую», формулу о «легальности» или «полулегальности» Союза Благоденствия. Пыпинская точка зрения была усвоена и популяризована М. Н. Покровским: Союз Благоденствия был, по его мнению, полуоткрытой организацией, рассчитывавшей главным образом на добрую волю правительства. В эту же ошибку впал ряд советских авторов. Надо думать, что влияние М. Н. Покровского и его концепции сыграло тут не последнюю роль [2].

Казалось бы, утверждение о легальности Союза Благоденствия должно было требовать особо тщательных и веских доказательств,— ведь утверждалась чрезвычайно странная линия эволюции тайного общества: оно возникает в 1816 г. как революционная, противоправительственная организация, обдумывающая планы внезапного, решительного государственного переворота и цареубийства; потом — на этапе Союза Благоден-

ствия — общество декабристов внезапно становится почему-то мирным легальным объединением для содействия «видам правительства», затем в 1821 г. оно опять вдруг оказывается конспиративной революционной организацией. В концепции Пыпина этих зигзагов не было, — общество было все время «мирным» и «легальным», стоявшим на почве царских законов. Зигзаги появились лишь у позднейших историков, не преодолевших влияния либеральной историографии при изучении этого звена декабристской истории. Легкое перерождение революционной организации в «мирную» и обратно — в революционную, разумеется, принижает движение декабристов, искажает его существо и внутренние закономерности развития и явно не соответствует фактам. Цепкость и живучесть этого понимания чрезвычайно значительны.

Название новой организации декабристов — Союз Благоденствия — звучало более «мирно», нежели Союз Спасения. Но надо предостеречь тех, кто сразу доверится этому первому впечатлению, и напомнить, что в старинное русское слово «благоденствие», т. е. в понятие «благих», добрых дией, благой жизни, декабристы вкладывали, разумеется, свой смысл, а не обывательское понятие безоблачного жития. О чьем благоденствии шла речь? О благоденствии России. Вот, например, каково содержание понятия «благоденствия» у Пестеля: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего Благоденствия и высшего Блаженства для России, как в республиканском правлении». Понятно в силу этого, что Пестель считал уместным называть именно этим глубоким и значительным для декабристов словом также и позднейшие Северное и Южное общества, организовавшие восстание декабристов. Он объединял этим старым названием оба общества в одну организацию, подчеркивая этим единство декабристского движения: «из всех же членов теперешнего Союза Благоденствия...», — пишет Пестель о Северном и Южном обществах вместе, имея в виду период накануне восстания. В этой же связи значительно название «Южный округ Союза Благоденствия», которое дает Пестель Южному обществу, говоря о событиях 1824 г., т. е. того времени, когда Союз Благоденствия, по мнению историков, уже давно был уничтожен. Для Пестеля тайное общество с 1818 г. и до конца своего существования называлось Союзом Благоденствия, и название это воспринималось им и его товарищами как соответствующее революционному существу их организации [3].

Союз Благоденствия был конспиративной организацией, противопоставлявшей себя правительству. Видный член Союза Благоденствия Николай Тургенев даже в своем дневнике, не предназначенном для печати, ни словом не выдал существования Союза Благоденствия. Конечно, не все участники одинаково соблюдали требования конспирации, но все же в продолжение трех лет правительство не открыло Союза Благоденствия.

Критикуя пыпинскую концепцию, прежде всего необходимо спросить: зачем же понадобилось создавать тайную организацию для содействия правительству? Почему, собственно, легальное общество, якобы не преследовавшее никаких секретных целей, оставалось тайным? При этом конспиративность его действий была столь выдержана, что правительственные агенты не могли открыть общество в продолжение трех лет, с 1818 по 1821 г., и лишь в 1821 г. во время московского съезда декабристам стало известно, что в их среду проникла тайная агентура и сведения о Союзе Благоденствия дошли до правительства. Осторожный Никита Муравьев обронил в своем показании такое замечание: «Долгое существование общества при крайней нескромности, свойственной характеру русскому, доказывает более слов моих крайнюю осторожность всех

членов». Под «нескромностью» Никита Муравьев разумел неумение сохранять тайну, свойственное, по его мнению, широте и откровенности русского национального характера.

Очевидно, декабристам на этапе Союза Благоденствия было что скрывать от правительства, иначе тайная форма общества не могла бы возникнуть [4].

Если Союз Благоденствия был легальной организацией, то почему тогда декабрист И. Д. Якушкин полагает, что вступление в общество «ненадежных членов» «подвергало ход оного беспрестанным опасностям»? О каких, собственно, «опасностях» идет речь и в силу чего члены общества должны были быть особо «надежными» людьми, если организация преследует легальные цели? И почему тогда сжигались обе расписки, которые давал при своем вступлении в организацию член Союза Благоденствия?

Большинство доводов в пользу «легального» перерождения революционной организации сторонники пыпинской трактовки Союза Благоденствия черпают из первой части «Зеленой книги»,— того списка «Законоположения» Союза Благоденствия, который дошел до нас под этим заглавием, данным ему по цвету переплета. «Зеленая книга» была переработкой устава прусского «Союза добродетели» (Tugendbund), возникшего в эпоху порабощения Пруссии Наполеоном. Как уже отмечалось выше, «Союз добродетели» был давно известен декабристам, некоторые из них познакомились с его членами еще в годы заграничных походов. Его пример даже отчасти подкреплял для декабристов необходимость устройства тайного общества в России. Устав Тугендбунда пригодился им во время пребывания в Москве в 1817 г., в момент кризиса организации. Никита Муравьев показал, что член Союза Спасения князь Лопухин в Петербурге, еще до отправления гвардейского отряда в Москву, получил книжку немецкого журнала «Freimüthige Blätter», где был опубликован устав немецкого Союза добродетели. Петр Колошин перевел его на русский язык. Михаил Муравьев, Фонвизин и Якушкин законно потребовали «применения» устава к состоянию России и народному характеру. Комиссия в составе Никиты Муравьева, С. Трубецкого и Михаила Муравьева с последующим участием Петра Колошина переделала устав и составила текст декабристской «Зеленой книги», работа над которой заняла у них «около четырех месяцев». В отличие от немецкого текста, в русской программе, с одной стороны, вовсе не упоминалось о необходимости освободить крестьян, но с другой — был отброшен ряд параграфов, в которых высказывалась преданность монарху, говорилось о защите царствующего дома и формулировалось требование доносить правительству о замеченных злоупотреблениях и государственной измене. Были отброшены также, как справедливо указал В. И. Семевский, требования устава Тугендбунда о защите существующего политического строя [5].

Ни малейших упоминаний о необходимости конституции, о борьбе против самодержавия и требовании ликвидировать крепостное право в «Зеленой книге» не было. Поэтому первой и очень существенной задачей исследователя Союза Благоденствия является ответ на вопрос: действительно ли на этапе Союза Благоденствия в 1818—1821 гг. тайное общество утратило эти важнейшие и характернейшие для движения декабристов цели или сохранило их? И если сохранило, так почему же не упомянуло о них в своем программном документе? Ответить на этот вопрос, очевидно, надо на основе существенных фактов из жизни тайного общества и мнений самих декабристов о характере их организации. Обычно в декабристской литературе силлогизм строится таким образом: «Зеленая книга» — устав Союза Благоденствия; в этом уставе нет формулировок,

говорящих о борьбе против самодержавия и крепостного права; следовательно, Союз Благоденствия не занимался этими вопросами и его надо признать организацией нереволюционной. Такое построение является логической ошибкой: оно постулирует вывод, как раз и подлежащий доказательству. Поставим вопрос иначе. Спросим себя сначала, сохранились ли в это время в организации декабристов программные требования ликвидации крепостного права и самодержавного строя, требование борьбы за представительное правление в России, т. е. те программные требования, которые не упомянуты в «Зеленой книге?» Сохранилась ли как цель организации борьба за ликвидацию крепостного права? Очевидно, если они не сохранились и были утрачены декабристами, то Союз Благоденствия в 1818—1821 гг. надо признать легальной, нереволюционной организацией. Наоборот, если эти основные цели сохранились, то «Зеленую книгу», о них не упоминающую, нельзя признать полной программой и уставом организации. Лишь эти два вывода надо счесть логически законными и последовательно принять или тот или другой, в зависимости от фактического положения вещей.

Итак, сравним содержание «Зеленой книги» с мнением самих декабристов в интересующие нас годы об основной цели их тайной организации, носившей название «Союз Благоденствия».

Начнем с самого уклончивого и осторожного свидетельства декабриста С. Трубецкого. Приступив к показаниям о Союзе Благоденствия и всячески стремясь затушевать истинный характер организации, С. Трубецкой все же показывает, что члены Союза Благоденствия «должны были истолковывать незнающим, что такое конституционное правление и изъяснять необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния». Однако в «Зеленой книге» нет ни слова ни о конституционном правлении, ни о необходимости освобождения крестьян от крепостного состояния. Следовательно, даже показание осторожнейшего Трубецкого о требованиях Союза Благоденствия к своим членам, к содержанию их агитации уже включают эти не отраженные «Зеленой книгой» цели. Тот же С. Трубецкой показывает о декабристе Михаиле Орлове, что хотя последний и отошел от тайного общества, однако «образ мыслей г. Орлова на счет превосходства конституционного правления» не переменился. Так как Орлов принадлежал только к Союзу Благоденствия, то, очевидно, наличие желания ввести представительное конституционное правление вместо самодержавного характеризовало идеологию Союза Благоденствия, и Трубецкой говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

От Трубецкого прямо перейдем к наиболее радикальному представителю декабристской идеологии — П. И. Пестелю. В данном случае полностью совпадает с показаниями Трубецкого свидетельство Пестеля, что вопрос о представительном образе правления, о конституции был в числе центральных вопросов и «суждения и разговоры о сем продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы»; последние два года из названных Пестелем принадлежат, как известно, Союзу Благоденствия. Декабрист Михаил Фонвизин, отнюдь не склонный к преувеличению революционного характера общества, так показывает на следствии о целях Союза Благоденствия: в конце 1817 г. ему сообщили «о учреждающемся тайном обществе» (таковым мог быть только Союз Благоденствия), «которого крайнею целию должно быть достижение наших тогдашних любимых идей: Конституции, Представительства Народного, свободы книгопечатания...». Однако в «Зеленой книге» нет, как известно, ни слова ни о конституции, ни о народном представительстве, ни о свободе книгопечатания. Следовательно, «Зеленая книга» не отражает главных, «любимых» идей декабри-

стов, осознанных ими как цель тайного общества Союза Благоденствия. Заметим, что тот же Михаил Фонвизин горько кается на следствии в том, что в годы ранних тайных обществ его действия были «безрассудными и законопротивными», противоречили «гражданским законам» и были направлены «к нарушению существующего порядка». Совершенно ясно, что эта точка зрения Фонвизина на Союз Благоденствия существенно отличается от точки зрения историков, придерживающихся концепции Пыпина — Покровского. Кратко и отчетливо формулирует Лунин цель Союза Благоденствия: «введение конституции или законно-свободного правления». Лунин же — декабрист, весьма осведомленный в истории ранних декабристских организаций, член Коренной управы Союза Благоденствия. В 1819 г. Охотников принял Василия Львовича Давыдова в члены Союза Благоденствия. При приеме цель тайного общества была определена как «перемена правления» (в другом показании: «изменение правительства»). Эта формулировка говорит за себя. Ничего подобного ей мы не находим в «Зеленой книге» [6].

«Общество в Измайловском полку», по неоднократным показаниям декабристов, принадлежало к Союзу Благоденствия как «одна из отраслей Союза»; его целью, по определению весьма осведомленного декабриста Е. П. Оболенского, являлось «постепенным распространением просвещения достичь Конституционного правления». Опять-таки и в этом случае мы не найдем даже приблизительных текстуальных совпадений с «Зеленой книгой»: в ней нет ничего подобного. В другом показании Оболенский пишет подробнее: «Дальная цель общества было образование конституционного правления в Государстве. Ближняя цель: распространение просвещения, улучшение нравственности молодых людей, занятие должностей гражданских...» и т. д. В этой связи существенно учесть и свидетельство И. Пущина, что он «всегда» (в том числе и в Союзе Благоденствия) «был того мнения, что Отечество наше должно быть управляемо ограниченною монархиею». Декабрист Лаппа был принят в общество в 1819 г. Эта дата, бесспорно, говорит за то, что он был принят в Союз Благоденствия. Пригласили его в тайное общество именно потому, что он «восхищался представительным правлением»,— таково его собственное свидетельство. На следствии он показал, что принадлежал к тайному обществу, «коего цель состояла в приуготовлении народа к принятию Конституции». При этом Лаппа «восхищался представительным правлением» [7].

Тайное общество «Зеленая лампа» было побочной отраслью Союза Благоденствия. Ниже мы остановимся на значении побочных управ, сейчас же скажем кратко, что они должны были приготовлять будущих членов к вступлению в тайное общество. В числе произведений, прочитанных в «Зеленой лампе» и принятых как общее мнение, характерное для всех ее членов, была политическая утопия Улыбышева «Сон»; она описывала под видом увиденного автором «сна» послереволюционную Россию. В утопии шла речь о конституционной монархии, которая утверждается в России после революции и в результате революции. Ясно, что этого не могло бы быть в побочной управе Союза, если бы основная организация — сам Союз Благоденствия — не стремилась к конституции, достигаемой революционным путем [8].

Доносчик на Союз Благоденствия Грибовский, сам бывший членом его Коренной управы, т. е. человек, весьма осведомленный в его основной цели, вполне определенно и ясно повествует: «Явная цель сих мнимых свободномыслящих (либеральных), точнее своевольномыслящих, была введение Конституции...». Заканчивая свой донос о Союзе Благоденствия, он стремится утешить правительство тем, что опоры в окружающем их

дворянском обществе члены организации, конечно, не найдут, ибо «утвердительно можно сказать, что внутри России и не мыслят о конституции». Отсюда еще раз следует, что Грибовский считает борьбу за представительный конституционный строй основной целью общества. Грибовский доносит также, что в Союзе Благоденствия «первым шагом для привлечения низшего состояния почиталось: освобождение крестьян». Между тем в «Зеленой книге» об освобождении крестьян нет ни слова.

О том же говорит показание весьма осведомленного в истории ранних декабристских организаций И. Д. Якушкина. Он свидетельствует, что целью образования Союза Благоденствия было «сближение дворянства с мыслию освободить крепостных людей». Сам Якушкин, вышедший из тайного общества в результате столкновения, вызванного московским заговором 1817 г., вновь вступил в организацию в 1819 г., т. е. стал членом Союза Благоденствия; сделал он это, в частности, потому, что его в то время особенно интересовал вопрос об освобождении крестьян, к которому он в те годы приступил практически, начав хлопоты по освобождению собственных крепостных людей. Якушкин свидетельствует, что именно в это время «все члены в Петербурге, с которыми я был в сношении, почти единственно занимались разного рода предположениями относительно освобождения крепостных людей в России, что совершенно согласовалось с тогдашними моими занятиями». Следовательно, «Зеленая книга», в которой ничего не было об освобождении крестьян, почему-то не отражала основного интереса всех, по свидетельству Якушкина, петербургских членов Союза Благоденствия [9].

Весьма осведомленный член Союза Благоденствия Павел Колошин также показывает, что в числе целей Союза Благоденствия было освобождение крестьян и что даже существовали об этом какие-то писаные «законы», только не он, Павел Колошин, их писал, а писали другие. Штабс-капитан Кутузов, вступивший в Союз Благоденствия «в исходе 1819 года», прямо показывает, что стал членом тайного общества, которое «хотело освободить крестьян» [10].

Составляя в Сибири свой «Разбор» «Донесения» Следственной комиссии, разоблачая «Донесение» и находясь, стало быть, не на следствии и вне условий цензуры, декабристы Лунин и Никита Муравьев писали: «Тайный Союз обвиняют в том, что в продолжении 10 лет он постоянно стремился к изменению отечественных постановлений и к водворению нового устройства, основанного на системе представительной. В самом деле, таково было его назначение». В этой общей характеристике чрезвычайно отчетливо говорится о всей политической линии тайного общества декабристов и нет ни намека на какой-либо зигзаг или перерыв, когда эта цель в обществе уничтожилась. Следовательно, эта характеристика целиком относится и к Союзу Благоденствия. Между тем в «Зеленой книге» почему-то нет ни слова о водворении нового устройства, «основанного на системе представительной» [11].

Необходимо напомнить и о том общеизвестном факте, что в 1820 г. на совещании у декабриста Ф. Н. Глинки именно Союз Благоденствия, а не какая другая организация изменил свою конституционно-монархическую программу на республиканскую. Кажется, отсюда с полной ясностью следует, что борьба против самодержавия, против абсолютизма за представительный строй, за конституционно-политическое устройство России была в центре внимания тайного общества, а самый характер представительного правления вызывал оживленное обсуждение и не случайно был поставлен на повестку дня.

Наконец, в августе 1820 г., т. е. в то время, когда существовал именно Союз Благоденствия, а не какая иная декабристская организация,

ранний набросок конституции Пестеля был передан для ознакомления Никите Муравьеву, проезжавшему в Одессу и по пути увидевшемуся с Пестелем в Тульчине. В этом же плане очень важно показание Пестеля, что Барятинский знал о республиканской цели Союза Благоденствия еще до отъезда Бурцова и Комарова в Москву в 1821 г. на съезд членов Союза Благоденствия [12], о чем нам еще придется говорить ниже. Поэтому либеральная пыпинская концепция, трактующая Союз Благоденствия как легальное общество, отказавшееся от борьбы с крепостным правом и абсолютизмом и лишь «содействующее видам самодержавной власти», грубо противоречит и такому значительному факту из истории Союза Благоденствия, как петербургское совещание 1820 г. о республиканской форме правления.

Можно и далее умножать эти бесспорные доказательства, но в этом нет нужды, так как вопрос уже совершенно ясен: основной целью Союза Благоденствия была ликвидация в России крепостничества и абсолютизма, самодержавия, введение политического строя, основанного на твердых и неизменяемых законах и народном представительстве, введение конституции. Значительнейшим моментом будущей конституции было освобождение крестьян. Такова была политическая программа Союза Благоденствия. Отражена ли эта программа в так называемом «Законоположении» Союза, в «Зеленой книге»? Нет, не отражена. Следовательно, «Зеленая книга» не излагает полной программы Союза Благоденствия. Она излагает ее наименее конспиративную часть, те программные установки и тактические положения, которые можно было не только открыть, но и дать в письменном виде каждому вновь вступающему.

В связи с этим надо напомнить о том, как понимали сами декабристы общий характер своей организации. Рассматривало ли руководящее ядро общества свою цель — достижение представительного строя при обязательном освобождении крестьян — как цель, достижимую без революционной борьбы? Ответ на этот вопрос дает замечательное показание Пестеля в деле члена Союза Благоденствия Хотяинцева: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного устройства и положительнейшего изъявления его цели, которая всегда пребывала Революционная. И потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз не надеялся именно для произведения Революции, содействия ее успехам или участия в ней». Напомним и о другом показании Пестеля: «Революционные... мысли существовали в тайном обществе прежде еще учреждения оного на Юге и в них-то состояло главное средство, обществом предполагаемое для достижения своей цели. Сии мысли все члены без всякого изъятия в ровной степени разделяли, ибо в них-то и состояла сущность тайного общества». В точном соответствии с этими утверждениями Пестеля стоит показание декабриста Лунина: «Революционные мысли или желание нового порядка вещей были с самого начала основою общества» [13].

Таким образом, нет никаких оснований констатировать в истории тайного общества декабристов некий непонятный зигзаг — отказ на три года от борьбы против крепостного права и самодержавия, за представительный конституционный строй, внезапную потерю революционного характера и переход на легальное положение. Этот зигзаг — пережиток буржуазно-либеральной концепции, вымысел, цепко держащийся в сознании некоторых декабристоведов, в частности и в силу того обстоятельства, что Союз Благоденствия, несмотря на всю сложность и богатство своей истории, не был еще предметом монографического изучения.

2

Определив основные цели Союза Благоденствия, мы можем перейти к более детальному исследованию его программы и тактики. Декабристы хотели активно воздействовать на ход истории, направить его к более высоким формам общественной жизни. Это желание они осознавали не как свое произвольное решение, зависящее от доброй воли филантропа, а как содействие «естественному» ходу вещей, реальному, обозначившемуся с ясностью направлению исторического процесса. Всю совокупность явлений, говоривших об этом «ходе вещей», о направлении исторического процесса, они называли обычно «духом времени». Считая себя передовыми представителями «духа времени», воплотителями той правды (а они горели ею!), к которой идет весь ход истории их родины, они полагали, что ходу этому и нужно активно содействовать. Каковы же были, по их мнению, рычаги естественного продвижения к передовым формам общества? Каковы силы, овладение которыми обеспечивает продвижение вперед любимой родины? На этапе Союза Благоденствия декабристы были убеждены, что основной силой, двигающей вперед человеческое общество, является общественное мнение [14].

Таким образом, новое тайное общество — Союз Благоденствия — существенно отличалось от Союза Спасения или Общества истинных и верных сынов отечества. Первая организация была узкой, заговорщической, она искала «способов действия» в выступлении замкнутой конспиративной группы, по уставу слепо повинующейся воле «боляр», и пришла к отрицанию этого способа, осознав его бессилие. В поисках силы, на которую революционное общество могло бы опереться, оно и обратилось на этом этапе к активному формированию «общественного мнения». Это и был рычаг, которым можно было, по мнению декабристов, руководить историей, помогать ее закономерному движению вперед. С этой точки зрения и революция — французская, например,— представлялась декабристам результатом действия «общественного мнения». Характерно и ходившее среди декабристов определение революции — «общее развержение умов» [15].

Пестель прямо формулировал тезис о роли общественного мнения в «Русской Правде»,— он считал, что «отличительная черта нынешнего столетия» ознаменовывается явной борьбой «между народами и феодальною аристократией», и находил далее, что феодальная аристократия «общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит» [16].

Думая так, авангард молодой России — декабристы были для своей эпохи на высоком уровне понимания исторического процесса. «Мнение правит миром»,— утверждала передовая просветительная философия XVIII в. Несмотря на всю ошибочность и идеализм этого положения, оно в свое время сыграло огромную прогрессивную роль: вместо старого, характерного для феодальной идеологии положения о том, что миром правит бог и дополнительно заместитель бога на земле — король, абсолютный монарх, выдвигалось новое положение, утверждавшее роль не королей, а всех разумных, силу разума в человеческом обществе: человеческое мнение правит миром. Человек (а не бог!) становился, таким образом, решающей силой исторического процесса.

Вольтер считал общественное мнение «королевой мира» («La reine du monde») и рассматривал историю человечества как историю в значительной мере «человеческих мнений» («L'histoire est en partie le recit des opinions des hommes»). Тезис «миром правят мнения» («c'est l'opinion qui gouverne le monde») был тогда последним завоеванием человеческого

разума, последним словом науки. Идеалистический по существу, этот тезис не позволял добраться до глубины общественных отношений, однако он был прогрессивен для своего времени, являясь шагом вперед по сравнению с идеологией феодального периода. Противопоставленный положению о боге — двигателе истории, тезис «миром правят мнения» двигал мысль вперед, сбрасывал иго клерикального мировоззрения, выбирался к простору понимания человеческих отношений и их развития без вмешательства потусторонней силы.

Французская революция с ликованием вынесла вперед тезис об общественном мнении, правящем миром. Этот лозунг был написан на победном знамени, которое революция водрузила над обветшалым миром деспотизма королей, владычества дворян и попов. Еще Дюкло писал: «L'opinion publique tôt ou tard renverse toute espèce de despotisme» («Общественное мнение рано или поздно опрокидывает любой деспотизм»). Конвент установил даже день Праздника Мнения («Fête de l'Opinion»).

Провозглашенное решающей силой, общественное мнение глубочайшим образом интересовало мыслящих и активных современников. Интерес этот возник и в России. Проект Сперанского (1803) ставил своей сознательной целью усилить «народное мнение» и его влияние на власть. Профессор Герман, тот самый, чьи лекции слушали по возвращении из-за границы декабристы (в том числе Пестель) и кого позже судил Рунич, утверждал: «Мнение народа (opinion publique) есть царь царей; оно дает законам более или менее силы в материальном пространстве». Лицеисты, слушавшие лекции Куницына, горячо воспринимали эти же суждения, и Кюхельбекер записал в знаменитом лицейском «Словаре»: «Пусть общее мнение решает гражданские несогласия...». Сила общественного мнения была предметом упорного размышления декабристов [17].

«В разговорах наших мы соглашались, что для того, чтобы противодействовать всему злу, тяготевшему над Россией, необходимо прежде всего противодействовать староверству закоснелого дворянства и иметь возможность действовать на мнение молодежи»,— писал Якушкин в своих «Записках». Лопухин вспоминает о двух совещаниях у Трубецкого, на которых «было трактовано о составе общества и о правилах его. Средство достижения цели было поддерживать во мнении общем всех людей, имеющих мысли, согласные с обществом, а напротив тех, кои оказались бы противными оным, сторониться, сколько возможно, [и] во мнении общем отнять весу и зделать менее значущими» [18].

Таким образом, «общему», или общественному, мнению декабристы приписывали роль решающей исторической силы. Отсюда курс на создание «общественного мнения» в их второй организации — Союзе Благоденствия.

Союз Спасения не мог остановиться ни на каких активных методах действия и убедился в бессилии узкого сговора малочисленных конспираторов, теперь же декабристы решили пойти по определенному практическому пути — по линии активного создания в стране того «общего мнения», которое будто бы само по себе имело силу потрясти феодальный строй. Сила эта была самостоятельной: она, как были убеждены декабристы, не зависела от правительства и развивалась помимо него. «Общее мнение не батальон,— ему не скажешь «смирно!» — острили в литературных кругах эпохи декабристов [19].

Декабристы отнюдь не чувствовали себя одинокими и на первом этапе существования тайного общества. «Распространение революционных мнений в государстве следовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо если возбранить нельзя, чтобы [тайное] общество не имело влияния на сие распространение, справедливо также и то, что если б

мнения сии не существовали в России до рождения общества, оно не только не родилось бы, но и, родившись, не могло [бы] ни укорениться, ни разрасти[сь]»,— справедливо полагал Сергей Муравьев-Апостол. Декабристы находили людей, сочувствующих преобразованию России, и среди дворянства, в котором были представлены не только закоснелые зубры крепостничества, по словам декабриста Николая Тургенева,— «печенеги английского клоба». Декабристы были убеждены в возможности найти единомышленников и в других общественных группах — среди русской, хотя еще слабой и не оформившейся буржуазии, среди купечества, духовенства, в мещанской среде. Организовать все эти общественные элементы, создать, таким образом, в стране силу «общественного мнения» — такой стала задача на новом этапе развития общества. Тайная организация должна была, по мысли декабристов, содействовать созданию передового «общественного мнения», затем управлять им и в своей деятельности опираться на него. Из замкнутого и малочисленного революционного союза общество должно было стать широкой и многочисленной организацией. За сравнительно короткий, трехлетний, срок существования Союза Благоденствия число его членов превысило 200, т. е. во много раз увеличилось по сравнению с Союзом Спасения. Члены Союза Благоденствия надеялись, что лет через 20 (т. е. примерно около 1839 г.) «общественное мнение» будет настолько подготовлено их работой, что потрясет основы феодальной аристократии и обеспечит успех революционного переворота в России [20].

Понятно, что новый способ действий требовал сложной и продуманной тактики. Создать передовое общественное мнение огромной страны — России — и незаметно (ведь общество было тайным, а не явным!) управлять им, причем управлять всесторонне и так, чтобы подвести страну к государственному перевороту,— для этого были нужны весьма сложные «способы». Они и развернуты в первой части «Зеленой книги». Эта первая часть, как выяснено выше, не была полной программой общества, ибо не отражала его основных целей. Она была более всего системой его практических мероприятий для создания в стране «общественного мнения». Она была, если допустимо это условное сравнение, как бы схемой рычагов и приводных ремней от основного тайного замысла к явным действиям, результатом которых должно было явиться овладение той силой, которая, по мнению первых русских революционеров, правила миром.

В. И. Ленин назвал декабристов людьми, осуществлявшими «руководство политическим движением» своего времени. Он писал: «Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам и именно дворянским офицерам...» [21]. Каким образом хотели первые русские революционеры осуществить это руководство на этапе Союза Благоденствия,— это и показывает первая часть «Зеленой книги». Она является поэтому чрезвычайно важным тактическим документом в истории тайного общества. Главной темой его анализа должно явиться исследование вопроса, как предполагали декабристы сформировать в стране «общественное мнение» и управлять им [22].

Прежде всего спросим себя: чье именно «общественное мнение» подлежало созданию, организации и управлению? Мнение ли только «просвещенных дворянских кругов», передового дворянства или вообще всего дворянства в целом, или еще чье-либо? На основе «Зеленой книги» можно со всей точностью утверждать: Союз Благоденствия предполагал организовать общественное мнение новаторов всех свободных сословий России. Согласно правилам «Зеленой книги», в члены Союза Благоденствия должны были приниматься не только дворяне: «Союз не взирает на различие состояний и сословий: все те из российских граждан, дворяне,

духовные, купцы, мещане и вольные люди, кои соответствуют вышеозначенному, исповедуют христианскую веру и имеют не менее 18-ти лет от роду, приемлются в Союз Благоденствия». Общество такого состава должно было бы представить при своем развитии силу, заменяющую «третье сословие» французской революции. «Общее мнение» этих объединившихся групп и должно было «потрясти» феодальную аристократию. В «Зеленой книге» был даже особый пункт: «Члены дворянского состояния обязаны поддерживать членов купеческого, мещанского и земледельческого; а члены сих сословий должны так же поступать между собою относительно дворян». В соответствии с этим один из последующих параграфов гласил: «Различие гражданских состояний и званий в Союзе уничтожается и заменяется подчиненностью властям Союза» [23].

Представителей непривилегированных сословий, несомненно, предполагалось сделать активными членами Союза Благоденствия. Так, например, проектировалась особая функция священников — членов Союза Благоденствия: «Преимущественно духовные особы, в Союзе находящиеся, обязаны просвещать прихожан своих нащет их обязанностей, не исключая из сего никакого сословия». В «отрасль» Союза, которая должна была заниматься общественным хозяйством, должны были особо приглашаться «служащие по торговой части», а таковыми, конечно, были преимущественно не дворяне. В отрасль «человеколюбия» Союза Благоденствия предполагалось, в частности, особо приглашать «состояние имеющих жителей городов», иначе говоря городскую буржуазию, а также врачей, т. е. представителей интеллигенции преимущественно из непривилегированных сословий. В этой же связи важно намерение распространять истинные правила добродетели «во всех сословиях народа» и утверждение, что права на «общее благо» принадлежат в равной степени каждому человеку, «какого бы он сословия ни был». Конечно, эти намерения не были полностью реализованы,— Союз Благоденствия фактически остался почти исключительно дворянской организацией, и «разночинцы» в нем насчитывались единицами. Но для анализа тактики и связи ее с основной целью программы важно учесть принципиальные установки «Зеленой книги» в указанном отношении [24].

Гораздо слабее отражен в «Зеленой книге» вопрос о населяющих Россию народах. Хотя в члены Союза Благоденствия принимались только исповедующие христианскую веру, что сужало круг привлекаемых в Союз лиц, но обязательной принадлежности к русской нации для вступления в Союз не требовалось, и «Зеленая книга» этого не оговаривала. В Союз Благоденствия принимались представители всех населявших Россию народов, все «российские граждане», соответствовавшие приведенному выше ограничительному условию — религии. Под «российским гражданином», очевидно, могли разуметься лица разных национальностей, населявших Россию, за исключением лиц нехристианского вероисповедания. Представитель любого народа, принявший христианство и принадлежащий к свободным сословиям, мог стать членом Союза Благоденствия.

Независимо от этих ограничений в «Зеленой книге» все же проявилась некоторая «забота» и о разных «племенах», населяющих Российское государство: в полном соответствии с особенностями идеологии буржуазной революционности Союз Благоденствия должен был стараться «примирить и согласить все сословия, чины и племена в государстве». § 60 отрасли «правосудие» гласил, что члены Союза Благоденствия, пожелавшие работать по этой отрасли, «соглашают различные племена, состояния, сословия и роды службы, в отечестве находящиеся,— представляя, что оные одинаково полезны, и всех к одной цели направляют,— к благоденствию России» [25].

Союз Благоденствия исключил крепостное крестьянство из состава лиц, привлекаемых к активному преобразованию России,— он привлекал лишь свободные состояния. Это — явная черта классовой дворянской ограниченности, характерная для «Зеленой книги». Хотя в основную цель тайной организации, как показано выше, несомненно, входило освобождение крестьян, крепостные крестьяне не могли, по замыслу преобразователей, вступить в организацию, замыслившую их освобождение; вся подготовка последнего должна была пройти без активного участия крепостного крестьянства. Однако все же некоторые члены Союза Благоденствия, несомненно, думали о каком-то весьма и весьма отдаленном участии крепостных крестьян, получивших просвещение, в работе «общественного мнения». Об этом ясно говорит показание на следствии декабриста Якушкина, так пояснявшего задачи Союза Благоденствия: цель общества «есть Благо России», а главными средствами «к достижению оной были следующие: сближение дворянства с мыслию освободить крепостных людей, образование сих последних и вообще людей низшего состояния распространением школ и, наконец, образование общего мнения, обратив внимание всех к пользе общественной». Как видим, образование, просвещение всех людей «низшего состояния», в том числе и крепостных крестьян, является, по Якушкину, конечной предпосылкой создания в стране «общего мнения»[26].

Как же именно оно создавалось?

В состав Союза Благоденствия, согласно «Зеленой книге», входили четыре «главных отрасли» деятельности: 1) человеколюбие, 2) образование, 3) правосудие, 4) общественное хозяйство. Каждый член Союза Благоденствия должен был зачислиться в одну из этих главных отраслей для практической деятельности, в результате которой в стране должно было создаться всепобеждающее «общественное мнение» новаторов[27].

Отрасль Союза Благоденствия, носившая название «человеколюбия», имела целью поставить «под надзор Союза» все «человеколюбивые заведения» в государстве, например больницы, сиротские дома, а также места, «где страждет человечество», как то: «темницы, остроги и проч.». Заметим, что ни о каких «исправительных» функциях тюрем или о «справедливости» тюремной кары преступников «Зеленая книга» не упоминала,— для членов Союза Благоденствия тюрьмы были прежде всего местом, где «страждет» человечество, а правонарушители самодержавного государства, томившихся в тюрьмах, были просто «страждущими людьми». Союз Благоденствия в этой скромной формуле не становился, как видим, на сторону самодержавия.

Члены отрасли «человеколюбия» обязаны были вступить во все (в «Зеленой книге» так и сказано — «во все») уже существующие «человеколюбивые» общества и заведения и «составлять» новые. А так как в России того времени был целый ряд «человеколюбивых» филантропических и богоугодных обществ, включавших представителей разных сословий, в том числе купеческого, то данная отрасль Союза Благоденствия должна была получить в свои руки довольно могущественный рычаг к воздействию на общественное мнение под видом наиболее невинным — благотворения бедным.

Но этим не исчерпывался вопрос. Особенно интересна другая функция отрасли «человеколюбия» — это забота о том, чтобы найти работу многочисленным безработным, которые могли бы своим трудолюбием «принести пользу отечеству». Для достижения этой цели Союз Благоденствия должен был снабжать «праздношатающихся людей работами, стараясь помещать их сообразно их способностям и учреждая рабочие заведения, в которых бы упражняющиеся находили верное и безнуждное пропита-

ние». «Заведения», о которых говорит данный параграф, являются, конечно, промышленными заведениями. В «Зеленой книге» имеется параграф, гласящий, что во всех губернских и вообще больших городах Союз Благоденствия должен завести особые «приказы для безработных из свободных состояний» для определения их на работу. Эти своеобразные «приказы», задуманные декабристами, интересны и как свидетельство о наличии резервных сил вольного найма, характерных для формировавшихся капиталистических отношений. Что же касается «праздношатающихся» (т. е. не могущих найти себе работы) крепостных крестьян, то члены отрасли «человеколюбия» должны были вмешиваться и в этот вопрос — обращать на это внимание помещиков и подвергать общественному осуждению тех, у кого особенно много этих просящих подаяния скитающихся крепостных [28].

В одном из параграфов «Зеленой книги», поясняющем функции данной отрасли союза, прорвалась и общая антикрепостническая предпосылка, коренным образом противоречившая «Жалованной грамоте дворянству»: в «Зеленой книге» указывалось, что крепостные крестьяне — «такие же люди» и что «никаких в мире отличных прав не существует, которые дозволили бы властителям жестоко с подвластными обходиться». Любой крепостник как раз мог бы указать на десятки этих «отличных прав» дворян, прямым образом формулированных в российском законодательстве, но Союз Благоденствия тут, несомненно, спорил с российскими законами и под флером субъективного «человеколюбия» противопоставлял старым устоям главный принцип мировоззрения новаторов — природное равенство всех людей. Жестокие помещики ставились под удар «общественного мнения» [29].

Представляя себе деятельность отрасли «человеколюбия» в действии (как она рисовалась воображению членов Союза Благоденствия), мы должны представить довольно широкую утопическую картину. Вся сеть существующих в России благотворительных обществ, существенно пополненная вновь организованными, находится в руках тайного общества. К ней тяготеют и все «облагодетельствованные» тайным союзом — все устроенные им на работу безработные, все заключенные в тюрьмах, все получившие от Союза помощь, все выздоровевшие больные, которым Союз оказал поддержку, все крепостные крестьяне, за которых он заступился перед жестоким барином... Круг людей, «нечувствительным образом» привлеченных к Союзу Благоденствия, как опора его дальнейших — политических — целей, становится чрезвычайно широким. Круг этот существенно расширяется также ветеранами войны 1812 г., которым эта же отрасль «человеколюбия» должна была оказывать особую помощь: устраивать «пристанища» для изувеченных и дряхлых воинов, находить работу для ветеранов и инвалидов. Правительство не заботилось о ветеранах войны, что вызывало общественное возмущение. Широкий круг участников наполеоновских войн, преимущественно солдатского разряда, вовлекался, таким образом, в орбиту воздействия Союза Благоденствия, поддерживал его и служил его целям [30].

Вторая «отрасль» Союза Благоденствия, носившая название «образование», привлекла к себе особенно много членов и ставила чрезвычайно обширные цели. Члены этой отрасли должны были «тщательно» заниматься распространением знаний, просвещения и истинной нравственности «во всех сословиях народа». Воспитание юношества и распространение познаний, естественно, были тут основным полем деятельности. Под надзором членов данной отрасли должны были находиться «все без исключения народные учебные заведения»,— так прямо и сказано в «Зеленой книге». И частное воспитание не было забыто: члены данной отрасли

должны были «нечувствительным образом» побуждать родителей воспитывать детей в нужном Союзу Благоденствия духе. Данная отрасль, в частности, должна была особенно внимательно наблюдать за воспитателями-иностранцами, которые «внушают детям презрение к отечественному и привязанность к чужеземному», и препятствовать их вредному влиянию. С этой же целью полагалось «отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях». Чувство национального достоинства отличало новаторов Союза Благоденствия[31]. Союз выражал консолидацию русской нации.

Отрасль «образования» должна была также заниматься изданием «повременных сочинений» — иначе журналов, посвященных вопросам воспитания, образования и распространения знаний. При этом предполагалось издание различных журналов, соответствующих образовательной подготовке читателей из разных сословий. Пропагандируя просвещение и распространяя познания, Союз должен был обращать умы к полезным занятиям и к «водворению» истинного просвещения, особенно «познания отечества». Высокая цель воспитания национального сознания, цель, трактованная в духе новаторов, вновь предстает перед нами.

Члены отрасли «образования» должны были также сами сочинять полезные научные книги и учебники, переводить с иностранных языков произведения, соответствовавшие направлению тайной организации. Вредные, противоречившие духу новаторов книги должны были, наоборот, предаваться общественному посмеянию с целью отвратить от них читателей. Особо указывалась необходимость распространения грамотности в «простом народе» [32].

Правила поведения и способы воздействия на общество наиболее подробно разработаны в «Зеленой книге» именно по отрасли «просвещения». Тут указаны способы воздействия на молодое поколение, на характер воспитания юношества. Именно в этой отрасли находился рычаг, который вовлекал и женщин в дела Союза Благоденствия. Хотя женщины и не принимались в Союз Благоденствия, но последний должен был все время воздействовать на них, «отвращать женский пол от суетных удовольствий и предоставлять ему новое поприще действий в распространении возвышенных чувствований, как то: любви к отечеству и истинному просвещению» [33].

Члены, работавшие по отрасли «просвещения», должны были также вступить во все уже имевшиеся общества, пекшиеся о нравственности и распространении образования. Они обязаны были воздействовать на направление этих обществ в духе Союза, сочинять книги о воспитании юношества, участвовать в намеченных повременных изданиях, переводить на русский язык намеченные для издания иностранные сочинения. «Зеленая книга» содержала даже особые параграфы о том, что именно надо хвалить и превозносить и что именно «охулять» в разговорах об учебных предметах. Тут же были изложены принципы критики выходящих в свет художественных произведений: «Сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих». Таким образом, и литературная критика вовлекалась в орбиту деятельности Союза Благоденствия как рычаг, воздействующий на «общественное мнение» [34].

Самое распространение научных сведений должно было захватить все отрасли человеческого знания: мы видим тут требование сочинять и переводить книги и по «умозрительным наукам» и по «естественным наукам»

(причем требовалось особенно «прилагать их к отечеству»), а также по «государственным наукам» и по «словесности» [35].

Нравственный идеал, подлежащий пропаганде в Союзе Благоденствия, отнюдь не совпадал с официальным, правительственным «идеалом». В идеале Союза не было, разумеется, ни слова о святости самодержавия и незыблемости крепостного права,— были, наоборот, рассуждения о всеобщем равенстве людей от природы; резко и возмущенно осуждались лихоимство, жестокое обращение с крестьянами, слепая приверженность ко всему чужеземному.

Из сказанного видно, какими мощными рычагами воздействия на общественное мнение предполагала овладеть «отрасль образования»: тут управление умами всей учащейся молодежи, всех учителей, воздействие на все учебные заведения, издание многих журналов, выпуск в свет учебной литературы, создание широкого круга новых книг, литературная критика, распространение знаний в народе. Наконец, тут управление умами женщин-патриоток. Поистине гигантский круг деятельности.

Третья отрасль Союза Благоденствия — «правосудие» — имела не меньший круг действия и также должна была формировать общественное мнение. Именно тут «Зеленая книга» дает наиболее широкую формулировку, явно нарушающую все рамки якобы легального облика Союза: «Все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли». В силу этого члены Союза Благоденствия, этой отрасли принадлежащие, не должны отказываться от должностей по дворянским выборам, «но, напротив, ищут таковых мест». Они обязаны наблюдать за чиновниками, «вне Союза находящимися», вникать во все дела, «соглашать», как уже указывалось, «различные племена, состояния, сословия и роды службы в отечестве находящиеся». Союз Благоденствия даже брал на себя вознаграждать тех чиновников, которые понесли «убытки» за правду, бесчестных же лихоимцев из чиновничьей среды не только делать предметов посмешища в обществе, но и изыскивать способы лишить их возможности делать зло. Указывалось, что отрасль «правосудия» столь обширна по своим задачам, что требует наибольшего числа членов по сравнению с прочими. Основной целью отрасли была борьба за победу справедливости и искоренение злоупотреблений (члены отрасли даже назывались «от Союза поставленными блюстителями справедливости»). Отметим, что в числе их обязанностей было «истреблять» продажу крепостных людей в рекруты или вообще продажу крепостных поодиночке, причем надлежало «вразумлять» помещиков, что «люди не суть товар», в полном противоречии с существовавшим царским законодательством. Вникать в дела военных судов также входило в обязанности членов этой отрасли. Если учесть, как тесно сплеталась с этой деятельностью работа членов отрасли «человеколюбия», обязанных «надзирать» за тюрьмами, то широта задуманного круга действий Союза Благоденствия станет особенно ясной. Идеал «справедливости» у членов Союза Благоденствия явно и резко спорил с правительственными нормами, что было видно и в деятельности других отраслей [36].

Учтем еще, что именно в эту отрасль рекомендовалось поступать лицам, живущим в отдалении «от столиц и больших городов», иначе говоря, через эту отрасль Союз Благоденствия протягивал нити своего воздействия в глубокую провинцию. Все огромное количество чиновничества должно было, таким образом, втянуться в сферу влияния Союза или как объект разоблачения, или как сознательный участник организации. Исправление правительственных «злоупотреблений» и «несправедливости» широко вербовало благодарных Союзу и сочувствующих ему лиц из массы населения [37].

Отрасль «общественного хозяйства» ставила своей целью «надзор» за хозяйством, собирание о нем сведений, борьбу с монополиями, заведение «страховых приказов», учреждение вольных обществ для усовершенствования хлебопашества, издание литературных трудов на экономические темы. Тут особенно широко ставился — объективно — вопрос о развитии производительных сил родины. Декабристы, конечно, не употребляли этого привычного для нас выражения, но близкое содержание вкладывалось в основную формулировку занятий отрасли: изыскание «непреложных правил общественного богатства» и способствование «усовершенствованию всякого рода полезной промышленности». Описание отечественной промышленности, торговли и состояния земледелия входило в круг занятий членов данной отрасли. Она должна была сообщать посредством сочинений и журнальных статей о новых и полезных открытиях, а также основывать вольные общества «для усовершенствования хлебопашества и прочих родов промышленности». Если добавить сюда обязательство заводить «страховые приказы» от несчастных случаев, например от пожара, то рычаги связей с населением дополнительно умножаются. Следовательно, формирование общественного мнения захватывало и тут весьма широкий людской массив, связанный с общественным хозяйством.

Союз Благоденствия не только должен был образовать указанные обширные «отрасли», но он намерен был, кроме того, окружить себя сетью легальных, разрешенных правительством вольных обществ — литературных, просветительных (предполагалось устройство ланкастерских школ взаимного обучения), женских, обществ молодежи. Все эти организации также должны были содействовать основной линии Союза Благоденствия: «нечувствительно» готовить единомышленников для борьбы с крепостным правом и самодержавием, формировать общественное мнение в стране — силу, на которую Союз должен был опереться.

Таким образом, «благомыслящие сограждане», объединившиеся в Союз Благоденствия для весьма общей цели «истребления пороков и распространения добродетели», фактически вложили в эту «легальную» первую часть «Зеленой книги» далеко не легальную цель. Если даже не выходить за рамки этой первой части и доверять лишь прямому ее смыслу, и то нужно признать довольно точной формулировку доносчика Грибовского, который сообщал правительству, что всеми этими правилами «прикрыта была цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присваивать не могут». Было задумано создание некоего государства в государстве,— за каждым шагом правительства следил бы новатор, то разоблачающий несправедливый закон, то препятствующий выполнению правительственного распоряжения, то по собственному усмотрению направляющий жизнь по новому руслу. Не было бы уголка в обширной стране, где не формировалось бы новаторское «общественное мнение», где не вызревал бы протест против царских законов, где не оспаривалась бы правительственная линия, деятельность всей бюрократической махины самодержавия. По грандиозности своего размаха план был явно утопичен, по смыслу своему — явно антисамодержавен. Член Союза Благоденствия В. Л. Давыдов имел основание для своего каламбура, сказанного в горькой обстановке допроса на следствии, что он, Давыдов, был «членом не Тугендбунда, а просто бунта». Декабрист Фонвизин, кстати сказать, тоже придерживался мнения, что Тугендбунд был организацией, приготовившей восстание в Пруссии. Историк В. И. Семевский собрал фактический материал, опровергавший эти представления декабристов о Тугендбунде, но для нас важно не то, насколько фактически точны были их представления, а то, как сказывалось в последних их собственное понимание вопроса. А. И. Герцен совершенно

прав, назвав «пошлой» беспомощную идейку о слепом «заимствовании» декабристами западных образцов. Они ничего не брали «взаймы» и не были механическими копировщиками или бессильными подражателями. Они по-своему глубоко и вдумчиво подошли к реальным организационным формам руководства политической борьбой. А ведь политическая борьба и должна была решить важнейшие, кровные задачи, органически выросшие в историческом развитии их родины. Русские тайные общества составились не из подражания западным тайным обществам, пишет А. И. Герцен, «а потому, что русский ум искал выхода из невыносимого общественного положения» [38].

Так широко был задуман план работы Союза Благоденствия, план подготовки в стране «общественного мнения» в пользу нового строя. План работы имел грандиозный размах, и замысел был чрезвычайно обширен.

Конечно, дворянские революционеры на этом этапе их работы задумали явно неисполнимое, утопическое по существу дело. Но замысел говорил о широте и глубине их намерений и о жажде практических действий на пользу любимой родины. В этом отношении он очень ценен для истории тайного общества и вообще для историка русского революционного движения. Если теперь представить себе весь план Союза Благоденствия в действии и сопоставить его с основной целью общества — добиться введения в России ликвидации крепостного права и установления представительного правления, конституции, то сразу уясняются некоторые важные черты в программе общества. Положим, составлены и действуют все задуманные «отрасли» Союза Благоденствия. Все общественные учреждения и организации заполнены членами Союза и действуют в его духе, во всех отраслях государственного правления раздаются освободительные речи членов Союза Благоденствия, все школы и университеты, частные пансионы и педагогические общества, даже больницы и богоугодные заведения находятся под их влиянием. Общественное мнение полностью формируется под воздействием Союза и управляется им. Вся литература, как научная, так и художественная, находится под его мощным руководством, все учебники полны его идей, журналы — также. Итак, в стране сформировалось невероятное по мощности «общественное мнение» новаторов. Но каким же образом рухнет самодержавие и весь старый строй, как восторжествует конституция, «представительное правление»? Совершенно очевидно, что при всей силе передового общественного мнения необходим какой-то государственный переворот, захват власти новаторами. Как же этот переворот происходит?

Этот переворот рисовался члену Союза Благоденствия в сравнительно радужных и мягких тонах — ведь огромная сила многочисленнейших, сплоченных, организованных новаторов смогла бы более или менее безболезненно устранить обветшавший, старый самодержавно-крепостной строй. Переворот, разумеется, мыслился членами Союза Благоденствия, дворянскими революционерами, без каких бы то ни было «ужасов французской революции», кровавых насилий и народных выступлений. Его основной движущей силой должны были быть убежденные новаторы — члены Союза Благоденствия. Решение выступить в момент смены императоров на престоле никогда не покидало декабристов, считалось приемлемым и в Союзе Благоденствия. Имеются документы, в которых отразились некоторые характерные черты этого предполагаемого переворота — наступления «минуты вольности святой», несомненно, ожидаемой всеми членами Союза Благоденствия «с восторгом упованья».

Ценные данные в этом отношении сообщает Записка Грибовского, члена Коренной управы. В своем доносе на Союз Благоденствия он

характеризует Николая Тургенева, который «готов всем пожертвовать в надежде выиграть все при перевороте». Поясняя, какие средства избрал Союз Благоденствия для переворота, Грибовский указывает на распускание слухов, рассказы «об обществах», сочинения, особенно журнальные статьи, «дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия»,— тут стоит точка, фраза кончается. К чему приготовить? Приведенный выше текст о Николае Тургеневе дает основание для ответа: к перевороту [39].

В этом же отношении ценна данная Грибовским расшифровка несколько таинственного параграфа «Зеленой книги» о каком-то особом начальнике, «главе» Союза. В третьей части «Зеленой книги» был § 6, который гласил: «Председатель Совета именуется Главою». Еще А. Н. Пыпин, публикуя текст «Зеленой книги», обратил внимание, что в немецком уставе ни такого параграфа, ни такого «Главы» не имелось,— это была специфика русского текста. Грибовский поясняет: «Главу положено было избрать, к о г д а б ы л о б ы у ж е в с е г о т о в о, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством» [40]. Подчеркнутые слова явно говорят о перевороте. Характерно, что так расшифровывается параграф из весьма «мирной» по внешности первой части «Зеленой книги». Ниже мы еще вернемся к вопросу о «Главе». Вторым свидетельством о характере переворота является замечательный политический документ Союза Благоденствия — «Сон», авторство которого предположительно приписывается А. Д. Улыбышеву. Ниже мы также остановимся на нем более подробно, когда будем говорить о «Зеленой лампе», побочной управе Союза Благоденствия, сейчас же отметим только, что, рисуя будущую Россию, автор, несомненно, предполагает ее предпосылкой государственный переворот с элементами революционного насилия: «Как видите, мы изменили герб империи», сказал старец: «Две головы орла, которые обозначали деспотизм и суеверие, были отрублены и из пролившейся крови возник феникс свободы и истинной веры». Старец говорит о «триумфальной арке» нового строя, как бы воздвигнутой «на развалинах фанатизма». «Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы...». «Леса, поддерживавшие деспотизм, рухнули вместе с ним...». Политический документ «Сон» относится к раннему времени — 1819 г., но мы видим, что и в это время в побочной управе Союза Благоденствия идет разговор о революционных элементах государственного переворота, даже о «пролившейся крови» и «разбитых оковах» [41].

3

Теперь рассмотрим вопросы устава тайного общества, отраженные в первой части «Зеленой книги». Необходимо проанализировать организационную структуру тайного общества и уяснить себе, как обеспечивала эта структура, по мысли декабристов, проведение в жизнь основной цели тайной организации. Уставным вопросам уделено немало внимания в первой части «Зеленой книги».

Выше по ходу изложения нам уже пришлось останавливаться на том, кто мог стать членом Союза Благоденствия. Поэтому сейчас мы перейдем прямо к внутренним организационным моментам Союза. При вступлении в Союз Благоденствия вступающий давал две подписки. Первая давалась еще до знакомства с сущностью Союза Благоденствия и гарантировала неразглашение тайны даже в том случае, если цель и законы Союза не вызовут сочувствия данного лица и оно не пожелает вступить в общество. Расписка эта по своей функции, как видим, вполне аналогична первой расписке, дававшейся при вступлении в Союз Спасения. Вторая расписка

давалась членом, согласившимся вступить в Союз. Тексты обеих расписок сохранились в составе первой части «Зеленой книги» и заслуживают внимания.

Первая расписка гласила:

«Я нижеподписавшийся, полагаясь на уверение, что ни в цели, ни в законах Союза Благоденствия нет ничего противного вере, отечеству и общественным обязанностям,— честным моим словом обязуюсь, если мне оные по прочтении не понравятся и я в Союз не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его».

Вторая расписка была такова:

«Я нижеподписавшийся, находя цель и законы Союза Благоденствия совершенно сходными с моими правилами, обязуюсь деятельно участвовать в управлении и занятиях его,— покоряться законам и установленным от него властям: и сверх того, даю честное слово, что даже по добровольном или принужденном оставлении Союза, не буду порицать его, а тем менее противодействовать оному. В противном случае добровольно подвергаюсь презрению всех благомыслящих людей» [42].

Обе данные расписки затем (тайно от их давшего) сжигались в интересах конспирации.

Анализируя текст этих расписок и их роль в уставе, необходимо подчеркнуть конспиративные моменты. Тайну Союза охраняла уже первая расписка, аналогичная, как мы отметили, первой клятве в Союзе Спасения. Вторая расписка также оговаривала конспиративность организации, указывая на молчание и тайну даже при исключении члена из организации («принужденное оставление»). Уничтожение обеих расписок без ведома вступившего говорит за себя. Самые тексты в обоих случаях ни в малейшей мере не свидетельствуют о «легальности» Союза,— они оговаривают лишь, что в «цели и законах» Союза нет ничего противного «вере, отечеству и общественным обязанностям». Ни о самодержавии вообще, ни о царе в частности, ни о присяге не упоминается ни словом. В понятие отечества и общественных обязанностей вкладывался смысл, желательный для тайного общества,— сами по себе эти понятия не содержали ничего заранее данного, но взяты были, несомненно, из лексикона новаторов. Таким образом, и эти документы не свидетельствуют ни в малой мере о «легальности» организации.

Расписки эти действительно брались от вступающих членов и действительно уничтожались, об этом сохранились ряд свидетельств (Александра Муравьева, Трубецкого, М. Орлова, Басаргина и др.) [43].

Принимать новых членов мог не каждый желающий, а лишь тот член, который имел для этого особое письменное «полномочие». Мы можем поэтому констатировать наличие в Союзе Благоденствия еще одного важного организационного документа [44].

Каждый член Союза Благоденствия, согласно «Зеленой книге», платил членские взносы, равные 4% своего дохода. «Всякой член обязан, вступив в Союз, вносить ежегодно в общественную казну двадцать пятую часть своего дохода»,— это свидетельство относится к 1818 г. Показания, относящиеся к концу существования Союза Благоденствия, говорят о 10%-ном членском взносе. Проверки, точно ли вычислен отдельным членом его взнос, не производилось,— здесь Союз полагался совершенно «на честность» каждого вступающего. Никита Муравьев вспоминает о случаях «несостояния», бедности, когда члены не могли делать нужные взносы, а также о затруднениях со взносами у молодых членов Союза, еще не вступивших в управление своим имением. В этих случаях считалось возможным взносов вообще не взимать. Бывали и пропуски платежей, неаккуратные уплаты, но вообще о факте платежа взносов и о на-

личии кассы общества имеется ряд свидетельств. Однако показание скептического и уклончивого в показаниях Никиты Муравьева заставляет задуматься: «Положено было собирать деньги с членов, но сие по разрушении Союза Благоденствия вовсе не соблюдалось». В этом свидетельстве обращает на себя внимание, во-первых, явное несоответствие последних слов с последующим текстом, в котором говорится, что Северное общество собрало 6 тыс. руб. членскими взносами. Стало быть, какие-то взносы собирались и в Северном обществе. Во-вторых, свидетельство в целом, несомненно, говорит о том, что в Союзе Благоденствия до разрушения взносы собирались более регулярно, нежели в последующее время [45].

Основную руководящую роль в Союзе Благоденствия играл «Коренной союз» (Союз в Союзе! — термин «Зеленой книги»). Коренным союзом Союза Благоденствия являлось «соединение первых членов», согласившихся действовать по вышеизложенным постановлениям, иначе говоря, Коренной союз был организацией членов-учредителей. В силу этого никто из новых членов Союза Благоденствия, вступивших в него позже основания, не мог претендовать на участие в Коренном союзе и давать организации руководящее направление. Исключение из этого правила делалось лишь для того времени, когда Союз сильно разрастется. Из этих общих условий совершенно ясно, что именно от членов-учредителей только и зависело общее направление работы тайной организации. За этим правилом чувствуется и какое-то некоторым образом торжественное заседание членов-учредителей, утвердивших первую часть «Зеленой книги» своими подписями и впервые применившими печать Союза Благоденствия — улей, окруженный роем пчел с литерами С. Б. Несомненно, что первая часть «Зеленой книги» рассматривалась членами-учредителями после того, как она была составлена на особом совещании. Работа над нею кончилась в начале 1818 г. в Москве, тогда же имело место и первое собрание новой организации. О дате основания Союза Благоденствия и о Москве как месте его основания имеется ряд свидетельств. Есть указания, что учредительное заседание Союза Благоденствия состоялось на квартире Александра Муравьева, т. е. в тех же Хамовнических казармах, «за несколько времени перед обратным выступлением гвардии из Москвы» [46].

Однако Коренной союз Союза Благоденствия (именно таково его наименование) не оставлял за собой непосредственного, практического управления организацией. Для этого он избирал из своего состава шестерых членов, которые являлись Советом Коренного союза и осуществляли повседневное управление. Пять членов из шести именовались заседателями, а шестой — блюстителем; должность последнего состояла «в особенном наблюдении за сохранением постановлений Союза» [47]. Но чтобы дать возможность и всем остальным членам Коренного союза участвовать в практическом управлении организацией, каждые четыре месяца двое заседателей по жребию выходили из состава Совета и заменялись двумя новыми из состава Коренного союза. Таким образом, всему Коренному союзу в целом и каждому его члену предоставлялась возможность участия в повседневном управлении Союзом. Эта преднамеренная, уставом обусловленная текучесть состава того ядра, которое управляло Союзом Благоденствия, очевидно, преследовала цель устранить опасность личной диктатуры, устранить возможность захвата руководства в Союзе каким-либо одним из членов-основателей.

Союз Благоденствия делился на управы. Совокупность Коренного совета и остальных членов Коренного союза и составляла Коренную управу Союза Благоденствия. В силу этого можно отсюда сделать вывод, что Коренной союз Союза Благоденствия и Коренная управа Союза Благо-

денствия совпадали в своем личном составе и поэтому в сущности являлись понятиями тождественными. Но «Зеленая книга» тем не менее ревниво охраняла термин «Коренной союз» и с его раскрытия начала изложение организационной структуры тайного общества. В силу этого необходимо придти к заключению, что членам-основателям она придавала особое значение и хотела отличить их и терминологически от будущих многочисленных «управ» Союза Благоденствия, которыми должна была покрыться Россия.

Из всех этих особенностей следует, что Союз Благоденствия был строго централизованной организацией. Руководство осуществлялось Коренной управой. Когда Пестель оповестил Тульчинскую управу о постановлении Петербургского совещания Коренной думы в 1820 г., он сделал это, как сам указывал на следствии, на основании правил «Зеленой книги», которые обязывали руководителей отдельных управ сообщать своим управам постановления Коренной управы, являвшейся, по точному выражению Пестеля, «Законодательною Властью Союза».

Каждый член-основатель, т. е. член Коренной управы Союза Благоденствия, был обязан организовать новую управу Союза, и отказ составить такую управу влек за собой немедленное исключение из Коренного союза [48].

В следственном фонде декабристов сохранился особый документ — «Список членов Коренного Совета Союза Благоденствия» [49]. Поскольку в списке содержится не более не менее как 29 имен, легко установить ошибку следователей при наименовании списка: совершенно ясно, что речь шла не о Совете Коренного союза Союза Благоденствия, который, согласно «Зеленой книге», мог состоять только из пяти заседателей и одного блюстителя, т. е. всего из шести человек, а, очевидно, именно о Коренном союзе Союза Благоденствия. Список этот представляет собой большой интерес. Он должен совпадать с перечнем членов-учредителей Союза Благоденствия и перечнем тех, кто присутствовал на первом учредительном собрании Союза Благоденствия в начале 1818 г. Правда, здесь необходимо сделать ту оговорку, что § 12 третьей части «Зеленой книги» допускал в исключительных случаях причисление к составу Коренного союза и отсутствующих членов. Это делалось в том случае, если члены пользовались «доверенностью Коренного Союза». Можно догадаться, что это правило и было внесено в «Зеленую книгу» в силу того, что какой-то член или какие-то члены, которых Коренной союз желал видеть в своем составе, не могли быть на собрании членов-учредителей. Этот пункт мог быть применен к упомянутому в списке Пестелю и ряду других лиц, присутствие которых в Москве в начале 1818 г. пока не поддается документации. Не шла ли тут речь и о Якушкине, который вышел в тот момент из тайной организации, отказался вступить в члены Союза Благоденствия и вступил в него лишь потом, по настоянию членов? Он, несомненно, пользовался «доверенностью Коренного Союза» и, несомненно, отсутствовал на учредительном собрании Союза Благоденствия [50].

Вот перечень членов Коренного союза, согласно названному списку (сохраняем порядок имен, данный в документе): 1. Фонвизин генерал-майор. 2. Фонвизин отставной полковник. 3. Александр Муравьев. 4. Князь С. Трубецкой. 5. Илья Долгоруков. 6. Иван Шипов. 7. Федор Глинка. 8. Бурцов. 9. Михайло Муравьев. 10. Сергей Муравьев-Апостол. 11. Матвей Муравьев-Апостол. 12. Никита Муравьев. 13. Лунин. 14. Якушкин. 15. Пестель. 16. Михаил Орлов. 17. Граббе. 18. Фон дер Бригген. 19. Николай Тургенев. 20. Федор Толстой. 21. Семенов титулярный советник. 22. Павел Колошин. 23. Князь Федор Шаховской. 24. Новиков. 25. Колошин Петр. 26. Грибовский. 27. Шипов генерал-

майор. 28. Семенов (очевидно, Алексей, «служивший в лейб-гвардии егерском полку, а ныне надворный советник»). 29. Князь Лопухин [51].

Анализируя приведенный выше состав Коренного союза, мы видим в нем прежде всего почти что всех членов Союза Спасения: из 29 человек, помещенных в списке, членами Союза Спасения являются 22 человека. Новых членов-учредителей, по сравнению с составом Союза Спасения, в приведенном списке только восемь (Михаил Орлов, Граббе, Бригген, Николай Тургенев, Федор Толстой, оба Семеновых и, наконец, Грибовский, позже оказавшийся предателем) [52].

По первоначальному замыслу основателей, которых было, как видим, около 30 человек, предполагалось, в соответствии с «Зеленой книгой», основать сразу 30 управ Союза. Возможно, что один член Коренного союза остался в списке неотмеченным. Конечно, 30 управ организовано не было, но самый замысел имел, как видим, большой размах.

Коренной союз Союза Благоденствия имел законодательную власть в организации, право «верховного судилища» и право «выбора чиновников», т. е. в данном случае выборных лиц, несущих функции внутри Союза. В число последних, как следует из VI главы «Зеленой книги», входили лица, занимавшие выборные должности в Союзе (председатель, блюститель и др.). Был еще параграф об учреждении «временной Законодательной палаты Союза», назначаемой Коренным союзом для «рассмотрения, пояснения и исполнения законов Союза». Но в документах декабристов нет данных о функционировании этого органа, поэтому мы на нем и не останавливаемся.

Как уже указывалось, члены Коренного союза были обязаны учредить и возглавить по одной управе. Число членов управы должно было быть не менее 10 и не более 20. Управы делились на деловые, побочные и главные. Как только в управе набиралось 10 членов (для этого ей предоставлялся срок в шесть месяцев), она именовалась деловой и получала список первой части «Зеленой книги». Рукописных экземпляров первой части «Зеленой книги» было, по показанию Бурцова, 30 «или больше»,— она давалась каждому вновь вступающему на руки для ознакомления, потом возвращалась в управу. Показание о 30 экземплярах косвенным образом подтверждает установленное выше число членов Коренного союза (также 30 человек),— иначе говоря, экземпляров «Зеленой книги» было заготовлено столько же, сколько было человек в Коренном союзе и сколько управ предполагалось организовать в первое же время [53].

Каждая деловая управа могла учредить побочную управу, наблюдать за ней, давать ей «наставления» и «вообще наблюдать, чтобы оная действовала в смысле Союза». Права общения с Коренной управой побочная управа не имела и в целях конспирации должна была общаться лишь с управой, ее основавшей (правда, особо оговаривались исключения из этого правила для «непредвидимых» случаев) [54].

Если побочная управа сама учреждала «таковую ж» и эта последняя возрастала до 10 членов, то она становилась самостоятельной, независимой от той управы, которая ее основала. Та управа, которая учреждала три побочные управы или вольные общества, получала название Главной и ей вручался список со второй части «Зеленой книги».

Основание первых 10 управ — следовательно, значительный численный рост Союза — должно было внести глубокое изменение в состав руководящего Коренного союза Союза Благоденствия: он переставал быть незыблемым руководящим ядром и состав его начинал пополняться; каждые четыре месяца треть всего Коренного союза должна была выходить из него и по жребию размещаться в управы, а состав самого Коренного союза пополняться новыми членами. Это правило было подробно детали-

зировано, но изложение деталей структуры Союза Благоденствия вообще не входит в нашу задачу,— настоящее изложение лишь преследует цель выяснения главных моментов его организационной структуры [55].

Мы видим, что в сложной структуре Союза Благоденствия главное, так сказать, ее душа — быстрый численный рост организованных новаторов, развивающих самую широкую и всестороннюю агитацию и быстро, из всех сословий, пополняющих ряды сторонников нового. Мощное общественное мнение создается на основе живого функционирования отдельных «отраслей» Союза и проникновения их во все поры общественной и государственной жизни.

Конечно, этот огромнейший по размаху замысел не мог быть проведен в жизнь и остался любопытной утопией, памятником ранней идеологии декабризма. Но он полно отражал мысль дворянских революционеров, мечтавших о победе нового над старым без «ужасов французской революции». Замысел был грандиозен, возбуждал энергию и звал к действию.

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что несовпадение программы Союза Благоденствия с первой частью «Зеленой книги» доказывалось выше без каких бы то ни было ссылок на ее вторую часть. Действительно, нет никакой необходимости ссылаться на нее, чтобы доказать революционный характер Союза. Простое сопоставление первой части с свидетельствами участников организации об основных задачах Союза, во имя выполнения которых они в него и вступили, говорит за себя. Перейдем теперь к разбору вопроса о второй части «Зеленой книги», который значительно обогащает наше представление о программе Союза Благоденствия и его революционном характере, позволяет судить о замысле организации со значительно большей полнотой.

Уничтожение старого абсолютистско-крепостнического строя путем государственного переворота и замена его строем представительным, опирающимся на твердый основной закон — конституцию, разумеется, было «сокровенной», тайной целью Союза Благоденствия. Оно и не могло быть явной целью, это самоочевидно. Декабрист Лунин показывает с большой ясностью: «Общество имело две цели: явную — распространение просвещения и благотворительности — сокровенную — введение Конституции или законно-свободного правления». О том же свидетельствовали и другие декабристы. В своих воспоминаниях рядовой декабрист Н. В. Басаргин пишет: «Так называемая Зеленая Книга — плод юношеских, но чистых побуждений первых учредителей объясняла явную цель общества. Тайная же подразумевалась и необходимо дополняла то, чего не сказано было в ней прямо, что было известно сначала только одним учредителям, а потом главным членам общества». О том же говорят Фонвизин, Пестель, Александр Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы и многие другие члены. Свидетельствуют они об этом как на следствии, так и в мемуарах, т. е. в более свободной обстановке. Да и на основании всего вышеизложенного не приходится сомневаться в существовании сокровенной цели [58].

Никита Муравьев и Лунин в своем разборе Донесения Следственной комиссии, написанном в Сибири, прямо указали на то, что первая часть «Зеленой книги» есть «отрывок из устава тайного союза, не дающий полного понятия об устройстве оного» [57].

Оповещался ли вновь принимаемый член, которому вручалась для ознакомления первая часть «Зеленой книги», о том, что в его руках находится документ, неполно излагающий цель Союза Благоденствия, и о том, что имеется другой, более важный документ тайного союза? Иначе говоря, давала ли первая часть «Зеленой книги» возможность новичку понять, что уже существует или должна существовать еще и вторая часть

«Зеленой книги», содержащая особо важные положения? Несомненно, да. Самое существование второй части, ее наличие не было тайной и для новичка,— оно сообщалось каждому вновь вступающему, это видно из содержания той же первой части «Зеленой книги». Так, в § 24 ее третьего раздела новичок читал: «Управа, основавшая три побочные управы или вольные общества, получает название главной управы и с оным список окончательного образования Союза, т. е. второй части Законоположения». Следовательно, законно умозаключал новичок, вторая часть «Зеленой книги» даже важнее первой, ибо содержит «окончательное образование», т. е. наиболее важные законы тайного союза. Собственно, новичок даже не имел особой нужды умозаключать это при чтении указанного параграфа,— он уже мог догадаться об этом в первый момент знакомства с «Зеленой книгой», вникая в содержание ее титульного листа. В подзаголовке крупными буквами значилось: «часть первая», что, естественно, влекло за собой мысль о части второй. В самом тексте неоднократно, кстати говоря, подчеркивалось, что читаемый документ есть лишь первая часть [58].

Многочисленные свидетельства декабристов показывают, что изложение «сокровенной цели» общества было сделано в письменном виде и проект второй части «Зеленой книги» существовал, подвергался обсуждению, но так и не успел получить официального утверждения. Тайное общество в 1821 г. перешло в новую стадию своего существования, организовались Южное и Северное общества декабристов, по-новому оформившие свою программу.

Александр Муравьев сообщает, что вторая часть «Зеленой книги» «сочинена была в Москве», другими словами, относит возникновение ее проекта к тому же 1818 г., когда был образован и Союз Благоденствия. Получил он ее от Сергея Трубецкого, причем сохранил ее в «списке», т. е. снял с нее копию. Иначе говоря, вторая часть «Зеленой книги» была размножена и имелась у руководящих членов в «списках», копиях, что было необходимо для ее обсуждения. Процесс этот не был завершен, так как вторая часть «Зеленой книги» не была утверждена. Отсюда можно предположить, что представленный ее проект не удовлетворил всех членов и вызвал разногласия среди руководящей группы Союза. «Подлинного экземпляра» второй части, как показывает тот же Александр Муравьев, «не было и быть не могло, потому что она не была утверждена. Она не была прошнурована, как первая часть, и при ней не было ни печати ни подписи». Иными словами, под «подлинным экземпляром» Александр Муравьев разумеет экземпляр, официально утвержденный обществом, и еще раз свидетельствует, что предложенный проект утвержден не был. Наличие же самой рукописи второй части «Зеленой книги» подтверждается и доносом Грибовского, который сообщал, что «Зеленая книга» имела две части, причем последняя была разделена «на четыре отделения». Членение какого-то текста на четыре отдела говорит о том, что текст оформлен, имеет внутреннюю структуру. О существовании второй части «Зеленой книги» знал и Е. Оболенский, хотя, как «простой член», не читал ее. Прямое свидетельство о существовании второй части «Зеленой книги» принадлежит и Матвею Муравьеву-Апостолу [59].

На том основании, что «черновой экземпляр был у князя Сергея Трубецкого», а Александру Муравьеву пришлось снять для себя копию, можно предположить, что Сергей Трубецкой участвовал в создании проекта, входил в число его авторов. Поскольку и устав Союза Спасения и первая часть «Зеленой книги» разрабатывались не единолично, а комиссией, можно законно предположить, что и вторую часть разрабатывала комиссия и что входил в эту комиссию С. Трубецкой. В силу этого категори-

ческое показание Трубецкого, что вторая часть «Зеленой книги» «никогда не была написана» и что ему о ней вообще ничего не известно, воспринимается в свете изложенного выше, как убедительное доказательство того, что именно Трубецкой был причастен к ее составлению. Навстречу этому идет и показание осведомленного Михаила Фонвизина: «Вторую часть Законоположения Союза Благоденствия, сколько я припомнить могу, взялся изложить князь Сергий Трубецкой и что-то написал, но не кончил...». Столь же категорично, как и Трубецкой, отрицают малейшую возможность существования второй части «Зеленой книги» Никита Муравьев и Сергей Муравьев-Апостол,— не по той же ли причине? Последний, возбуждая сильные подозрения, отрицает даже возможность, чтобы кто-нибудь «трудился над сочинением оной», а Никита Муравьев с подозрительной категоричностью утверждает, что «оная вовсе не была написана», что явно и бесспорно неверно: она была написана и обсуждалась, но еще не была утверждена. Наличие ее проекта вне сомнений, равным образом вне сомнений и то, что и С. Трубецкой и Никита Муравьев не могли не знать о наличии проекта [60].

Существует еще одно показание Александра Муравьева, приподнимающее завесу над самим содержанием второй части. «Зеленой книги». «Помню, что управы каждого города,— свидетельствовал Александр Муравьев,— пришед в определенное свое многолюдство, кажется в сто-пятьдесят человек, должны были составить палаты. Что должен был один быть правитель общества. Что между ним и палатами, в городах находящимися, должен был находиться совет какой-то. Но какие их всех права, взаимные отношения и должности, того не помню». Это драгоценное свидетельство несколько уясняет, каким образом должен был осуществиться силами одного Союза Благоденствия предполагаемый государственный переворот. Очевидно, момент переворота приблизится тогда, когда в каждом (!) городе будет не менее 150 членов Союза Благоденствия,— если учитывать численность управ, указанную в «Зеленой книге», можно заключить, что в каждом городе должно было образоваться примерно 10—15 управ. Из этих управ должны образоваться какие-то общегородские палаты. Вместе с тем тайное общество должно было выбрать вместо постоянно чередующихся председателей впервые какого-то единоличного «главу», а между этим «главой», главным руководителем и палатами должен был находиться какой-то «совет». Можно догадаться, что совет этот и выбран палатами в городах. Речь тут идет уже непосредственно об организации государственного переворота, это не может вызвать сомнений. Об этом с неопровержимой ясностью свидетельствует и донос Грибовского. Последний, как уже указывалось выше, доносил об этом таинственном верховном начальнике — «Главе» (которого, напоминаем, не было в уставе Тугендбунда, он появляется лишь в русской «Зеленой книге»!): «Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством». Замечательно, что далее Грибовский сообщает и о надеждах на особое международное положение, которое, как надеялись члены Союза Благоденствия, облегчит русский государственный переворот: «Общество с нетерпением ожидало, что в Пруссии последует насильственный перелом правления, после чего Польша не замедлила бы тому последовать, и таким образом надеялись подать руку с севера беспокойному югу» [61].

Теперь свидетельство Александра Муравьева дополнительно уясняется. Мы видим, что во второй части «Зеленой книги» речь шла не только вообще о цели борьбы за конституцию, за «законно-свободное правление». Речь шла о каком-то из четырех отделов этой второй части или

даже о нескольких отделах, посвященных способу государственного переворота. Для этого решающего периода уже, разумеется, не годился механически меняющийся каждые два месяца председатель Союза Благоденствия, да еще избираемый по жребию! Для государственного переворота нужен был постоянный и всем известный в государстве человек, руководитель, диктатор, начальник, одним словом,— «Глава с большой буквы. Безобидные и мирные на первый взгляд управы Союза Благоденствия, сливаясь воедино в каждом (как далеко вела фантазия дворянских революционеров!) городе, образовывали палаты, палаты выбирали общегосударственный орган — Совет. Глава опирается на Совет и руководит переворотом. А так как палаты уже, допустим, имеются в каждом городе и Союз Благоденствия «нечувствительно» овладел всеми общественными организациями и всеми государственными учреждениями страны, то государственный переворот совершается совершенно безболезненно и проходит при всеобщем ликовании без «ужасов французской революции».

Таким образом, во второй части «Зеленой книги» мирные управы Союза Благоденствия мыслились как опора государственного переворота на местах. Весь переворот в целом представлялся как строго централизованный акт, а члены Союза Благоденствия, новаторы из разных сословий, теперь уже организованные в общегосударственном масштабе, являлись основной движущей силой государственного переворота. Таков был утопический план Союза Благоденствия, таков был начертанный во второй части «Зеленой книги» блистательный проект переворота. На его подготовку отводилось 20 лет [62].

Но проект этот не вызвал всеобщего одобрения Коренной управы и остался только проектом. Повидимому, нашлись декабристы, усомнившиеся в его реальности. План не удовлетворил какую-то часть руководящего ядра тайного общества, внутри которого разгоралась борьба мнений. Победу в этой борьбе одержало, как увидим далее, наиболее передовое — революционно-республиканское — направление, возглавленное П. И. Пестелем и взявшее верх на Петербургском совещании Коренной управы в 1820 г., на квартире Федора Глинки. В этом отношении вопрос о второй части «Зеленой книги», о проекте, не получившем утверждения, является как бы непосредственным введением в вопрос о республиканском совещании 1820 г. «...Наружная цель Союза Благоденствия была и без того за наружную известна, и никаким действиям Союза не мешала, чему служит доказательством заключение Коренной Думы в начале 1820 г. о Республиканском Правлении»,— справедливо говорит Пестель [63].

Но раньше чем подойти к этому совещанию, необходимо изучить практическую деятельность Союза Благоденствия, ту его работу, которая заполнила живые и бурные 1818—1820 годы. Этой практической работе Союза — «Зеленой книге» в действии — и посвящена следующая глава.

Переходя к ней, заметим кратко следующее: справедливость требует сказать, что наряду со значительным различием между Союзом Спасения и Союзом Благоденствия имелись и черты сходства. О различии достаточно сказано выше, остановимся на сходстве. Основное сходство — сохранение основной программной цели: борьба с самодержавием и крепостничеством. Горячий преобразовательный патриотизм — другая черта сходства. Члены Союза Благоденствия, как говорилось в «Зеленой книге», объединялись во имя того, чтобы «на вечных и незыблемых основаниях утвердить величие и благоденствие российского народа», и называли себя они в этой же «Зеленой книге», так же как и в первой организации, «истинными сынами отечества». Заметим, что и Якушкин находил

нужным подчеркнуть сходство Союза Спасения и Союза Благоденствия, показывая на следствии о новом уставе — «Зеленой книге»: «Цель, изложенная в сем новом уставе, приближалась к той, которую предполагали при самых началах общества, то-есть Благо России»[64]. И в первом обществе декабристов борьба за конституцию называлась «сокровенной» целью, как и в Союзе Благоденствия. И в Союзе Спасения предполагались «отрасли» и численное его расширение. Сергей Трубецкой показывает о Союзе Спасения: «Отраслей никаких завести не могли; и так оно оставалось до 1818 года, когда положили истребить устав и составить что-нибудь удобнейшее в исполнении». В письме П. Лопухина к Левашову, хранящемся в следственном деле Лопухина, сообщается, что после ликвидации Союза Спасения Никита Муравьев пригласил Лопухина во вновь образованное тайное общество, т. е. в Союз Благоденствия, поясняя ему, что цель нового общества та же; иными словами, Союз Благоденствия ставит перед собой задачу «обеспечить классу народа более независимое существование» и приготовить со временем нацию к «менее самодержавному» (!) правительству («à un gouvernement moins autocrate»). Последняя — предельная по осторожности — формулировка рождена, разумеется, обстановкой следствия[65].

Союз Спасения ничуть не отвергал, а, наоборот, обдумывал способы «действовать на умы», т. е., очевидно, приближался к мысли о создании «общественного мнения». Сергей Муравьев показывает, что в самом начале действия Союза Спасения в казармах Семеновского полка на квартире у С. Трубецкого состоялось однажды заседание, где «было положено, что так как мы не имеем никаких средств к ведению представительного порядка в России, то и должны ограничиться действием на умы и приобретением членов — впредь, пока общество усилится». Это заседание — несомненная связь Союза Спасения с Союзом Благоденствия[66].

Глава VI

РАБОТА СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ (1818—1821)

1

Несмотря на крайне незначительное внимание, которое следствие уделило Союзу Благоденствия, мы все же можем по слабым следам, оставшимся в документальном материале, попытаться дать краткий обзор практической деятельности этой организации и характеризовать ее влияние на общественную жизнь своего времени. И то и другое было, разумеется, гораздо скромнее обширных планов, задуманных Союзом Благоденствия, но все же Союз реально влиял на окружавшую его жизнь и успел кое-что сделать. Конечно, не все правила «Зеленой книги» выполнялись, задуманное в значительной доле осталось лишь в замысле, но все же надо оттенить факт выполнения хотя бы части задуманного. Союз Благоденствия вовсе не был организацией только «в идее»,— он действовал.

Прежде всего Союз Благоденствия оформился организационно. Он стал усиленно вербовать новых членов и создал ряд своих отделов — «управ». Наибольшее количество управ Союза Благоденствия находилось в Петербурге. Сергей Муравьев-Апостол показывает, что главные управы (т. е., согласно «Зеленой книге», управы, учредившие по три побочных управы или вольных общества) «находились в Петербурге, в Москве и Тульчине». Трубецкой, Долгоруков и Никита Муравьев названы им как главные петербургские члены Союза Благоденствия [1]. Московская управа Союза Благоденствия, согласно показанию П. И. Пестеля, вообще была первой управой, основанной Союзом [2]; она оформилась под руководством Александра Муравьева, как только возник Союз Благоденствия: «Московская управа основалась прежде еще петербургских, ибо и Зеленая Книга была в Москве составлена». Руководящими членами в Москве были Александр Муравьев (до 1819 г.) и оба Фонвизины. После отхода от общества Александра Муравьева в мае 1819 г. председателем Московской управы стал Петр Колошин. Имеется показание и о второй Московской управе, возглавленной Ф. Шаховским [3]. Сведений о третьей Московской управе нет, и была ли она, мы не знаем. Из петербургских управ надо прежде всего указать на Коренную управу Союза Благоденствия, управлявшую организацией в целом; даже столь отдаленные управы, как Тульчинская с Бурцовым и Пестелем во главе, признавали своим центральным органом Коренную управу, решения которой выполняли. Все петербургские управы были особо тесно связаны с Коренной, — как говорит Пестель, состояли под ее «непосредственным ведением». В активности

Коренной управы не приходится сомневаться. Она засвидетельствована многими данными, среди которых на первом месте надо указать на два большие совещания принципиального значения: Петербургское совещание 1820 г., голосовавшее за республиканскую программу, и Московский съезд 1821 г., который принял чрезвычайно ответственное решение о роспуске организации и формировании нового общества под покровом этого роспуска. Оба совещания были созваны Коренной управой. Деятельность последней проявлялась и в даче поручений, касавшихся организации других управ в разных городах,— об этом имеется показание С. Трубецкого. Важно и свидетельство Оболенского о проведении в жизнь устава «Зеленой книги»: она требовала определенной численности членов управы, и в соответствии с этим, «к нашим двум управам часто причисляли новых членов и от нашей управы также перемещали в егерскую, дабы более сблизить членов между собой и пополнить недостаток одной управы, излишеством другой». Коренная управа, очевидно, следила за жизнью подчиненных ей управ, воздействовала на ход их работ и улучшала их организацию и состав в соответствии с правилами устава. Сам Оболенский возглавил свою управу уже в последние месяцы ее существования. Заметим, что правила «Зеленой книги» о регулярной смене председателей и блюстителей Союза Благоденствия выполнялись. Об этом имеются многие свидетельства: «Многие исполняли поочередно обязанности блюстителей, председателя и начальников управ», — свидетельствует М. Лунин. Павел Колошин показывает, что председателями и блюстителями Коренного совета были С. Трубецкой, Илья Долгоруков, Ф. Толстой, Ф. Глинка, причем «они перменялись, так как и члены»; в числе последних он называет С. Трубецкого, Никиту, Александра и Сергея Муравьевых, И. Бурцова, А. Ф. Бриггена [4].

В Петербурге, кроме Коренной, существовало еще несколько управ; одна из них была возглавлена адъютантом петербургского генерал-губернатора Милорадовича полковником Федором Глинкой, входившим еще в Союз Спасения, в управе Московского полка председательствовал Нарышкин, в Егерском полку — Алексей Семенов. Сам Сергей Муравьев-Апостол показывает, будто бы не составил своей управы, хотя и был обязан это сделать. В этом показании можно несколько усомниться: в Семеновском полку, где служил Сергей Муравьев, управа, повидимому, все же была,— о ней свидетельствует в своем доносе весьма осведомленный Грибовский; принадлежность к ней Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов и некоторых других семеновских офицеров весьма вероятна. Но всякое упоминание о ней на следствии, очевидно, связалось бы с «семеновской историей» — волнением Семеновского полка в 1820 г., в причастности к которому подозревалось передовое офицерство. Не поэтому ли Сергей Муравьев столь решительно отрицает на следствии ее существование? Крайне уклончивый и осторожный при ответах на допросе Никита Муравьев многократно вынужден был останавливаться на деятельности Союза Благоденствия, но избегал темы об управах до конца марта 1826 г., пока, наконец, сам Следственный комитет не задал ему вопроса об этом. Н. Муравьев признал существование Московской управы и трех петербургских: управы Бурцова (а «по нем», т. е. после него, Павла Колошина), Горсткина и Челищева — офицеров лейб-гвардии Егерского полка, а также управы полковника Мирковича в Конногвардейском полку, хотя отрицал деятельность управ и проведение в жизнь чрезмерно многосложного устава («Зеленой книги»). Декабрист Е. П. Оболенский подтверждает существование управы Бурцова (он сам состоял в ней) и перечисляет ее членов: в управе, по его словам, состояли Павел Колошин, Нарышкин; Иван Пущин, Алексей Семенов (казначей Егерского

полка) и Е. Оболенский. По отъезде Бурцова управу возглавил Павел Колошин, как и он — член Коренного союза. Управа эта, по свидетельству Оболенского, уделяла большое внимание самообразованию, бо́льшую часть свободного времени отдавала посещению лекций и чтению книг. Оболенский подтверждает и существование управы Союза Благоденствия в Егерском полку, упоминая ее членов — Норова, Панкратьева, Челищева, Шляхтинского, Дребуша, Горсткина и Ростовцева [5].

Создание побочных управ и «вольных обществ» Союза Благоденствия, внедрение Союза в открытые общества, уже существовавшие ранее, также могло реализоваться лишь с разрешения Коренной управы. Оно рекомендовалось членам и было одним из типичных видов деятельности Союза Благоденствия. К этому роду работы относится энергичное содействие Е. Оболенского, а также Ф. Глинки, И. Бурцова и П. Колошина делу организации новой — Измайловской — управы. Последняя возникла как самостоятельное тайное общество и имела «особенные свои законы, принадлежа к Союзу Благоденствия»; целью Измайловской управы, как уже указывалось выше, было «достижение конституционного правления». Очевидно, это было особенностью ее «законов», ибо в первой части «Зеленой книги» ничего не говорилось о конституции. С Союзом Благоденствия Измайловское общество было в «нераздельном соединении», сносясь с ним через Оболенского, а также через членов управы Семена Капниста и, повидимому, Миклашевского. Возникновение Измайловской управы, таким образом, само по себе никак не могло свидетельствовать о распаде Союза Благоденствия,— оно предписывалось его законами. Но самостоятельный политический характер Измайловского общества — не открытый, а конспиративный — и занятие вопросом государственного переустройства свидетельствовали об активизации революционной идеологии. Измайловское общество сразу переросло рамки, намеченные «Зеленой книгой», так как не носило открытого и с виду легального характера. Это совпадало с существом эволюции всего Союза Благоденствия в целом, который ко времени организации Измайловского общества сам уже перерастал рамки старого устава.

Что касается петербургских «побочных управ» Союза Благоденствия, то нам известна лишь одна из них — «Зеленая лампа», на деятельности которой мы остановимся ниже.

С. Трубецкой, предпочитавший свидетельствовать не о петербургских управах, к которым имел прямое отношение, а об управах более отдаленных, показал, что управы Союза Благоденствия по поручению последнего (очевидно, по поручению Коренного союза) были основаны в Полтаве, Тамбове и Нижегородской губернии. В Полтаве поручено было завести управу Новикову, правителю канцелярии малороссийского генерал-губернатора князя Репнина, давнему члену Союза Спасения, о котором уже говорилось выше, автору первого проекта республиканской конституции. Аналогичное поручение получил знакомый Новикова тамбовский помещик Левин, а также нижегородский помещик Василий Иванович Белавин. Всем троим вручили для этой цели по «Зеленой книге». Трубецкой признался, что уже в конце 1818 г. получил письмо от Белавина, где сообщалось, что он «несколько человек принял»,— иначе говоря, реально основал управу. К сожалению, ни имен принятых, ни сведений о деятельности управы у нас нет. Можно лишь вспомнить в этой связи о нижегородском гнезде семьи Чаадаевых и о таком выдающемся нижегородце, как А. Д. Улыбышев, активный член «Зеленой лампы». Что касается Левина, то возникает вопрос о семье Левиных, с которой дружил молодой Н. П. Огарев, страстный поклонник декабристов: недавно найденная «Ис-

поведь» Огарева, в которой упоминается об этой дружбе, невольно возбуждает надежду исследователя — не повлекутся ли за этой нитью данные и об этом почти не известном члене Союза Благоденствия? Та же «Исповедь» Огарева дает еще одно предположение о связи мало известного в декабристской литературе имени Челищева с фамильным гнездом Петра Челищева — друга Радищева. От какой-то старухи Челищевой мальчик Огарев узнал в дни, последовавшие за восстанием, что декабристы вовсе не преступники, а «истинные приверженцы отечества». Очевидно, в годы Союза Благоденствия в семье Челищевых были живы старинные свободолюбивые традиции. Заметим, что Челищевы были в родстве и большой дружбе с Никитой Муравьевым, что видно из переписки его с матерью [6].

Активной и своеобразной жизнью жили две южные управы Союза Благоденствия — Тульчинская и Кишиневская. Надо решительно подчеркнуть, что Тульчинская управа действовала в общей системе Союза Благоденствия, а не отдельно от нее. Некоторые исследователи пошли в этом вопросе за показанием Никиты Муравьева, давшего категорическое свидетельство об обратном. Действительно, Никита Муравьев показывает: «Получа устав Союза Благоденствия, он (Пестель.— *М. Н.*) его отверг и в 1820-м году завел Южную управу в том уже виде, как она до конца находилась, решившись пожертвовать статутом 1817 года». В этом показании есть несомненные неясности: как известно, Союз Благоденствия был основан в 1818 г., а Пестель, по Никите Муравьеву, завел свою Южную управу лишь в 1820 г. Что же было в двухлетнем промежутке — между 1818 и 1820 гг.? Можно лишь догадываться, что Пестель, как полагает Никита Муравьев, действовал в эти годы по статуту 1817 г. Но утверждение Никиты Муравьева о том, что Пестель будто бы уже в 1820 г. завел Южную управу в том виде, в каком «она до конца находилась», явно неправильно. Последние слова могут относиться лишь к Южному обществу, которое основалось не в 1820 г., а в марте 1821 г. после постановлений Московского съезда,— эта дата не вызывает сомнений. Неточно и дальнейшее показание Никиты Муравьева. Он пишет: «Пестель, как я уже выше упомянул, не признал новый Союз и действовал отдельно, прежде в Митаве, потом в Тульчине». Между тем в Митаве Пестель находился с начала 1817 г., и никакого «нового Союза», т. е. Союза Благоденствия, в то время вообще еще не было,— «Зеленая книга» оформилась в начале 1818 г. Каким же статутом мог Пестель «законно» руководствоваться в 1817 г. в Митаве, кроме статута Союза Спасения? Ведь вообще тогда не было никакого другого статута. Между тем Никита Муравьев — человек весьма осведомленный в истории тайного общества, особенно в его ранней истории, поэтому остается предположить, что его явно колеблющиеся и не вполне точные в фактических деталях, но категорические по общему смыслу утверждения нарочиты: они призваны что-то скрыть и сами нуждаются в анализе и комментарии. Можно предположить, что Никита Муравьев (в 1820 г. — единомышленник Пестеля) был заинтересован в том, чтобы размежеваться с ним на следствии по отношению к этому особо опасному для Н. Муравьева времени. Он предвидел, что показания Пестеля об их общении в 1820 г. могут осложнить его положение, и заранее отмежевывал Пестеля этих лет от будто бы вполне умеренного и легального Союза Благоденствия [7].

В момент основания Союза Благоденствия Пестеля, как уже указывалось, в Москве не было, он находился в Петербурге. Тут он, как и прочие бывшие в Петербурге члены тайного общества, получил «Зеленую книгу» и принял ее к руководству. С полной ясностью и категоричностью Пестель свидетельствует: «Учредили в Москве Союз благоденствия с Зеленою

книгою, которую и к нам в Петербург прислали. Мы ее приняли и с того времени начал действовать Союз благоденствия, а прежнее устройство с его статутом было уничтожено». В точном соответствии с этим показанием Пестель, перечисляя управы Союза Благоденствия и назвав известные ему петербургские и московские управы, добавляет: «В Тульчине была управа учреждена мною и полковником Бурцовым». Он сам, стало быть, рассматривает свою Тульчинскую управу как управу новой организации — Союза Благоденствия. Управа Пестеля и Бурцова, очевидно, была в ведении петербургской Коренной управы Союза Благоденствия, что следует из слов Пестеля: «Число управ, в Петербурге бывших, совершенно мне неизвестно: ибо я ни раза ни с одною из них никакого не имел сношения и знал только одну Коренную...». Список членов Коренного союза, который подробно цитировался в предыдущей главе, содержит перечень фамилий всех членов-учредителей Союза Благоденствия, и Пестель, как и отсутствовавший на учредительном собрании Якушкин, числится в этом перечне. Следовательно, Пестель считался не только рядовым членом Союза Благоденствия, но рассматривался, несмотря на свое отсутствие, как входящий в число членов-учредителей. Этому полностью соответствует то обстоятельство, что в 1820 г. на собрании Коренного союза на квартире Ф. Глинки Пестель, а не кто иной, делал доклад о республиканском правлении,— на этом совещании Коренного союза Пестель присутствовал и делал свой доклад как член последнего. Следовательно, Пестель и учредил Тульчинскую управу как член Коренного союза, в полном соответствии с требованием «Зеленой книги», по которой все члены-учредители были обязаны основать управы [8].

Общеизвестно, как был возмущен Пестель постановлением Московского съезда 1821 г. о ликвидации Союза Благоденствия. Почему же он возмущался этим постановлением и принимал протестующие решения, если, по утверждению Никиты Муравьева, он, Пестель, еще в 1818 г. вышел из организации, действовал сепаратно и основал особое общество? Какое же было ему дело до решений организации, из которой он уже будто бы вышел три года тому назад? Но он протестовал и не принял постановления Московского съезда,— отсюда ясно, что он вовсе не вышел из организации, а считал себя ее членом и поэтому столь энергично реагировал на неправильное с его точки зрения постановление.

Наконец, выразительное показание доктора Ф. Вольфа, принятого Пестелем в сентябре 1818 г. в Тульчинскую управу Союза Благоденствия, дополнительно свидетельствует о неправильности утверждения Никиты Муравьева. Вольф показывает: «Вскоре после моего прибытия в м. Тульчин в 1818 г. в сентябре месяце во время сопровождения г-на главнокомандующего при его осмотре войск познакомился я с адъютантом, нынешним полковником Пестелем». Пестель стал оказывать ему особое внимание, вести разговоры, посещать его и, наконец, однажды, оставшись с ним наедине, стал читать некоторые места из «Зеленой книги». Речь пока что шла лишь о распространении просвещения и гражданских добродетелей. Наконец, всю «Зеленую книгу» Пестель дал Вольфу на дом. Дальнейшие разговоры стали осложняться новыми темами: «С течением времени мы говорили часто о Союзе Благоденствия, о распространении просвещения, о свободе крестьян». Следовательно, Пестель полностью действовал по правилам Союза Благоденствия и в соответствии с его программой: он давал новичкам именно «Зеленую книгу», а не что-либо иное и, включив нового члена в организацию и уверившись в нем, начинал разговоры о «сокровенной цели», например об освобождении крестьян; в дальнейшем показании Вольфа, на котором мы остановимся ниже, разговор пойдет уже о «добывании» конституции и даже о республике [9].

Еще один пример. Декабрист С. Волконский, по собственному показанию, вступил в Тульчинскую управу Союза Благоденствия «в 1819 или в 1820 году». Вступив, он получил ту же самую «Зеленую книгу», а не что-либо иное. Через некоторое время после этого ему открыли и сокровенную цель или по крайней мере ее значительную часть, сказав, что «главная цель общества — принятие мер к прекращению рабства крестьян в России». Несколько позже последовало и открытие ему республиканской цели. Было известно Волконскому и то, что Тульчинская управа ведается Коренной управой Союза Благоденствия в Петербурге [10].

Таким образом, не может быть никаких сомнений: Тульчинская управа была управой Союза Благоденствия и действовала по его законам. Пестель входил в число членов-учредителей Союза Благоденствия, принял «Зеленую книгу», знал о «сокровенной цели». Пестель глубоко и творчески работал в эти годы над кругом именно тех вопросов, которые относятся к этой «сокровенной» цели Союза Благоденствия, и при ее обсуждении высказывался весьма радикально.

Итак, Тульчин стал колыбелью одной из наиболее последовательных и далеко пошедших декабристских организаций. Тут образовалась активная управа Союза Благоденствия — та, из которой впоследствии разовьется Южное общество декабристов.

Тульчин — подольское местечко — отошел к России по второму разделу Польши (1793) и принадлежал графу Мечиславу Потоцкому. Великолепный дворец Потоцких, выстроенный архитектором Лакруа, возвышался в центре местечка; около него был раскинут затейливый, тенистый парк, вход куда был доступен квартировавшим в Тульчине офицерам,— парк служил членам тайного общества надежным местом конспиративных свиданий. Самое местечко было населено ремесленниками, мещанами, трудовой украинской и еврейской беднотой, мелкой польской шляхтой и еврейской мелкой буржуазией. «Над местечком высился большой костел, воздвигнутый в 1817 году..., сохранились развалины доминиканского монастыря. Тульчинские ярмарки дважды в год собирали окрестную шляхту, крестьян и купцов» [11].

В Тульчине уже в течение ряда лет находилась главная квартира 2-й армии. Это делало его военным центром армии, местом, куда постоянно приезжали с различными поручениями и по многообразным полковым делам расквартированные в окрестных селениях офицеры. Декабрист Басаргин, описывая в своих «Записках» общество главной квартиры, рисует его очень обширным и оживленным. Перечисляя лиц, его составлявших, он называет 43 фамилии; это были преимущественно лица, имевшие непосредственное отношение к главному штабу, и их семьи. Уже в то время наметился ряд домов, в которых особенно часто собиралась передовая тульчинская офицерская молодежь. Кроме квартир Пестеля и генерал-интенданта 2-й армии А. П. Юшневского, можно указать еще несколько подобных домов, например дом семьи Горленко, полковника гусарского полка, женатого на А. К. Снарской, племяннице жены главнокомандующего графа Витгенштейна. «В доме у госпожи Горленко мы кой-кто собирались вечером»,— показывает декабрист Н. Бобрищев-Пушкин (полковник Горленко позже будет принят в тайное общество). Все перечисленные выше дома являлись местами встреч декабристов — членов Тульчинской управы и их конспиративных переговоров; не составляет исключения и дом главнокомандующего П. Х. Витгенштейна, сын которого Лев позже станет членом тайного общества, и дом генерала П. Д. Киселева: «на софе» в гостиной последнего Пестель будет получать от членов общества отчеты о выполненных ими тайных поручениях [12].

«Направление этого общества,— пишет в своих «Записках» декабрист

Басаргин о Тульчинской управе,— было более серьезное, чем светское или беззаботно-веселое. Не избегая развлечений, столь свойственных в летах юности, каждый старался употребить свободное от службы время на умственное или нравственное свое образование. Лучшим развлечением для нас были вечера, когда мы собирались вместе и отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали (подобные отчеты требовались «Зеленой книгой».— *М. Н.*). Тут обыкновенно толковали о современных событиях и вопросах. Часто рассуждали об отвлеченных предметах и вообще делили между собою свои сведения и свои мысли» [13].

Тульчинская управа Союза Благоденствия была довольно многочисленна. По показанию Пестеля, в 1819 г. были приняты: «свитской подполковник Комаров, доктор Вольф, полковник, что ныне генерал-майор Кальм, полковник, что ныне обер прокурором в Сенате Краснокутской, а потом Юшневской, полковник Аврамов и адъютант Ивашев; через генерал-майора же Кальма [приняты] полковник Непенин и подполковник Хотяинцов. Я сих членов называю первоначальными, потому что они приняты были в продолжении 1819 года». В течение же 1820 г., от июля до сентября, были приняты А. П. Барятинский, князь С. Г. Волконский, братья Н. и А. Крюковы и Н. В. Басаргин. Показание И. Г. Бурцова о составе Тульчинской управы Союза Благоденствия не разделяет членов на группы по году приема, а дает общее перечисление, так же поступает в своем показании и Н. Комаров. Сверх перечисленных выше лиц, Бурцов упоминает еще полкового командира Тарутинского пехотного полка Р. В. Любимова, полкового командира Екатеринбургского пехотного полка А. Ф. Астафьева, сына главнокомандующего П. Х. Витгенштейна — Льва Витгенштейна, М. А. Фонвизина, Н. И. Филипповича, Е. В. Руге, майора Вл. Ф. Раевского, Ф. А. Бистрома, Сурнина, Чумпалова, Алимского, А. Г. Великошапкина, Подпалимова, И. Н. Хотяинцева, И. М. Юмина (позже заподозренного в предательстве). В своем показании Н. Комаров добавляет еще несколько членов [14].

Таким образом, Тульчинская управа насчитывала не менее 30 человек, т. е. была самой многочисленной из известных нам управ Союза Благоденствия. По количеству членов она одна равнялась всему Союзу Спасения. Если сопоставить ее численность с требованиями «Зеленой книги», то она явно превышает уставную управу, в которой должно было быть не менее 10 и не более 20 человек. Очевидно, в условиях Тульчина и прилегающих сел и местечек было неудобно делить управу, да, сверх того, состав ее несколько изменялся: одни члены включились, как видим, в работу управы раньше (Комаров, Вольф), другие — позже (Волконский, Барятинский), некоторые отходили совсем; были случаи перемещения членов в Кишиневскую управу Михаила Орлова (Вл. Раевский) и в Московскую (М. Фонвизин — коренной «москвич» в декабристском движении). Краснокутский позже передвинулся в Петербург, где в конце концов прочно осел как обер-прокурор Сената (мы встретимся с ним накануне 14 декабря 1825 г. и в самый день восстания). Все эти перемещения очень важны для историка Союза Благоденствия,— они говорят о живых человеческих связях между его управами, а также и между позднейшими организациями декабристов.

Группу наиболее последовательных и стойких членов, повидимому, можно выделить по безошибочному признаку — переходу члена в будущем в Южное общество декабристов: именно группа Пестеля стояла за дальнейшую деятельность тайного общества и не согласилась с постановлением об его уничтожении в 1821 г., в то время как сторонники Бурцова оказались в числе отошедших. Наиболее активным ядром Тульчинской управы Союза Благоденствия можно считать Пестеля, Юшневского, Давы-

дова, Филипповича, Вольфа, Аврамова, Ивашева, Барятинского, Волконского, обоих Крюковых и Басаргина.

Мало исследованная Кишиневская управа Союза Благоденствия, которой руководил генерал-майор М. Ф. Орлов, представляет большой интерес для историка декабристского движения. Это — одна из самых активных, живущих напряженной жизнью организаций тайного общества, деятельно готовившаяся к выступлению. Она раньше других повела пропаганду среди солдат. Тут вместе с Михаилом Орловым работали такие выдающиеся члены тайного общества, как Владимир Федосеевич Раевский, генерал Павел Сергеевич Пущин, адъютант Орлова ротмистр К. А. Охотников, полковник А. Г. Непенин и ряд других. В тесном общении и дружбе с ними был находившийся в 1820—1823 гг. в Кишиневе в политической ссылке А. С. Пушкин, член масонской ложи «Овидий», возглавленной генералом П. С. Пущиным; масонская ложа была связана с Кишиневской управой [15]. «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и с Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи»,— писал позже А. С. Пушкин В. А. Жуковскому, исчисляя все свои вольнодумческие «вины» и находя, что «мудрено» требовать ему заступничества Жуковского перед государем [16].

В 1820 г. Орлов получил командование 16-й дивизией, 10 июля выехал в Кишинев, где быстро основался и стал центром притяжения для политических вольнодумцев. Они сгруппировались там ранее приезда М. Орлова, тяготея к Тульчинской управе. Повидимому, кишиневская группа членов Союза Благоденствия организовалась через полковника Ф. А. Бистрома, который в главной квартире в Тульчине дал «Зеленую книгу» полковнику А. Г. Непенину, позже ставшему командиром 32-го егерского полка в 16-й дивизии М. Ф. Орлова. По следственным материалам, Непенин вступил в Союз Благоденствия в 1819 г., по другим данным, он был принят в Тульчине П. И. Пестелем (показание М. Орлова). Так или иначе, Тульчинская управа Союза Благоденствия была матерью первой кишиневской ячейки, еще не включавшей в себя М. Орлова. Непенин подписал «Зеленую книгу» и принял в Союз Благоденствия майора И. М. Юмина. Владимир Раевский был принят в Союз Благоденствия в марте 1820 г.— также до появления М. Орлова в Кишиневе.

Сопоставляя все эти разрозненные данные, можно восстановить следующую наиболее правдоподобную картину: вступив в 1818 г. в Союз Благоденствия и числясь в его Коренной управе в составе членов-учредителей, М. Орлов, переехав в Киев, был деятелен как член Союза. Хотя в своих показаниях Орлов и стремится отнести свое вступление в Союз к поздним датам (1820 г.), чтобы сдвинуть конечные грани своего пребывания в обществе и доказать незначительность периода общения с его членами, действительной датой его вступления в Союз Благоденствия все же приходится признать 1818 г. Расставшись в 1817 г. с Александром Муравьевым на том, что Союз Спасения и «Орден русских рыцарей» будут действовать самостоятельно, лишь помогая друг другу, М. Орлов вскоре убедился, что его общество распалось. Свидетельство Никиты Муравьева убедительно обрисовывает создавшуюся для него обстановку: «Г[енерал] Орлов не успел в своем намерении составить общество. Представитель его в Петербурге Николай Тургенев вступил в С[оюз] Бл[агоденствия] и он сам последовал сему примеру в Москве, где принял его Александр Муравьев, вышедший в отставку и поселившийся там». Отсюда следует, что Орлов дал расписку о вступлении в Союз во всяком случае не позже начала сентября 1818 г., так как вышедший в отставку Александр Муравьев, по собственному показанию, в начале сентября уже уехал из Москвы в деревню [17].

Перевод М. Орлова на юг, в армию, был чем-то вроде почетной ссылки. Назначенный еще в 1815 г. начальником штаба 7-го пехотного корпуса, Орлов в 1818 г. (т. е. как раз в тот год, когда был основан Союз Благоденствия, в списке учредителей которого он состоял) был переведен на ту же должность в Киев. Два года Орлов прожил в Киеве, занимая должность начальника штаба при 4-м корпусе, которым в то время командовал герой 1812 г. генерал Н. Н. Раевский [18].

Существовала ли в 1818—1820 гг. Киевская управа Союза Благоденствия? Вопрос этот не исследован и заслуживает внимания. Во всяком случае Орлов обязан был как член Коренной управы организовать ее. Не об этом ли говорит его чрезвычайно активная деятельность по распространению начального образования среди народа (по ланкастерской системе) — прежде всего среди солдат, которая имела место уже в Киеве? Об этом свидетельствует и дошедшее до нас письмо Орлова из Киева от 11 марта 1818 г. к членам Комитета общества начального образования в Париже. В этом письме Орлов писал: «Мы нуждаемся более, чем всякая другая страна, в либеральных учреждениях, которые распространяют просвещение, но их последствия у нас будут более, чем где-либо, чувствительны». Уже в 1819 г. у М. Орлова в киевской школе обучалось около 800 человек; в 1820 г. число учеников его школы дошло до 1500 человек. Учителя, воспитанники орловской школы, потом преподавали в ланкастерских школах Москвы, Могилева и Херсона. Трудно не счесть эту деятельность вполне реальным выполнением задач Союза Благоденствия [19]. Но мало этого — знаменитое письмо М. Орлова к Д. П. Бутурлину, являющееся одним из самых ярких агитационных документов раннего декабризма, также относится к 1819 г. (мы остановимся на нем ниже). Еще ранее, будучи там же, в Киеве, М. Орлов выступает критиком «Истории государства Российского» Карамзина в переписке с П. А. Вяземским (1818). Его выступление стало известно петербургским членам Союза Благоденствия и слилось с общим натиском на Н. М. Карамзина, предпринятым декабристами с Никитой Муравьевым во главе. Едва ли все эти действия М. Орлова «случайны»,— они складываются в слишком явную картину деятельности члена Союза Благоденствия, полностью отвечая его программным установкам и идя навстречу показанию Никиты Муравьева о принятии М. Орлова в тайное общество еще в Москве в 1818 г. Если так, то не случайно появление М. Орлова и в Тульчине в обществе Фонвизина, Пестеля и Юшневского летом 1820 г. при проезде его в Кишинев (он выехал туда из Киева 10 июля 1820 г.). Это было свидание членов Союза Благоденствия. М. Орлов, нарочито относя свое вступление в Союз именно к этой встрече, сам свидетельствует о ней: «В 1820 году, будучи назначен начальником 16 пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня обрушились Фонвизин, Пестель и Юшневский... меня стали увещевать, что если я знаю все их тайны, то не великодушно мне самому оставаться вне опасности. Я поддался этому доводу» [20]. Знать «все тайны» из одного свидания с Александром Муравьевым в 1817 г., во время основания Союза Спасения, уже давно ликвидированного к моменту тульчинской встречи, М. Орлов, явное дело, не мог. Он знал новые «все тайны», уже касавшиеся другой, недавно возникшей организации — Союза Благоденствия. Тульчинская встреча представляется поэтому установлением обязательной для члена тайного общества при его перемещении связи с существующей на месте управой Союза. Очевидно, уговорившись о дальнейшей совместной деятельности, М. Орлов и двинулся в Кишинев. Тут он немедленно устанавливает новые связи с тамошними членами Союза Благоденствия, о чем свидетельствует сам: «Приехавши в Кишинев, я нашел там Охотникова и вскоре потом явился ко мне

майор Раевский (тогда еще капитан), который дал мне знать, что он также член Общества... Я нашел еще полковника Непенина, также члена Общества, посвященного Пестелем...». Спрашивается, с чего бы это подчиненные офицеры явились к незнакомому начальнику представляться как члены тайного общества? Совершенно очевидно, что в Тульчине и были даны нужные явки и установлены связи. Офицеры были поставлены в известность, что их новый начальник — член того же тайного общества, к которому принадлежат они сами, и свидание членов организации состоялось. С этого момента М. Орлов и входит в кишиневскую организацию Союза Благоденствия, которая окончательно оформляется с его приездом в самостоятельную Кишиневскую управу. Управа жила бурной, насыщенной идейной жизнью, центром которой стал дом М. Орлова.

«Прискорбно казалось не быть принятым в его доме, а чтобы являться к нему, надобно было более или менее разделять мнение хозяина...», — писал в своих злобных записках реакционер Ф. Ф. Вигель. «Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор Раевский с жаром витийствовали. Тут был и Липранди... На беду попался тут и Пушкин, которого сама судьба всегда совала в среду недовольных. Семь или восемь молодых офицеров генерального штаба известных фамилий, воспитанников Московской Муравьевской школы... с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут западный либерализм. Перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти... Все это говорилось, все это делалось при свете солнечном, в виду целой Бессарабии»[21].

Незаконченный набросок Вл. Раевского «Вечер в Кишиневе» живо рисует широкий круг тем, интересовавших декабристов и Пушкина, горячие дружеские споры о поэзии, языке, истории, археологии — обо всем, до существования Атлантиды включительно. Молодой Пушкин много вносил в это общение и сам многое получал от него. Между ним и Вл. Раевским, по словам И. Липранди, спор шел «всегда о чем-либо дельном». Вл. Раевский «много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией». Пушкин был для М. Орлова «юным Аруетом» (Вольтером). До нас дошли совместные письма Пушкина и Орлова к арзамасским друзьям. Принятый в доме М. Орлова как близкий друг, Пушкин был неотъемлемым участником сборищ кишиневских вольнодумцев.

Таким образом, на основании следственного материала мы можем констатировать наличие около полутора десятка управ Союза Благоденствия; сведения о некоторых из них предположительны, существование же других не вызывает сомнений. И все они образовались в течение всего двух лет после возникновения Союза. В этом выразилась активная деятельность вновь созданного декабристского общества.

2

С образованием управ стала, естественно, возрастать и общая численность Союза Благоденствия, что являлось очень важным условием его работы. План деятельности был задуман так широко и требовал столь разнообразных и всесторонних усилий, координированных между собой, что без большого количества членов нельзя было и думать об его выполнении. Точное число членов Союза Благоденствия неизвестно. В доносе Грибовского говорится, что в 1818 г. «число членов возросло более двухсот», но сколько членов в нем состояло в конце деятельности, доносчик не указывает. Эту же цифру для 1819 г. передает и Якушкин («к участию

в обществе привлечено более двухсот лиц»). Лунин показывает, что в Союзе Благоденствия находилось «множество членов», а Долгоруков признался на допросе, что в 1819 г. его стало настолько тревожить «умножение» членов, что он будто бы именно по этой причине стал отдаляться от общества. В мемуарах декабристов неоднократно указывается, что многие члены Союза Благоденствия счастливо избежали следствия (Никита Муравьев и Лунин в своем разборе «Донесения» Следственной комиссии даже говорят о «значительных членах», счастливо избежавших внимания следственных органов). Можно назвать ряд несомненных или весьма вероятных членов Союза Благоденствия, не попавших в известный «Алфавит». Так, Грибовский свидетельствует о таких членах, как Реад, Крижевский. С. Г. Волконский называет в своих «Записках» членов Союза Благоденствия Клейна и Бухновского. Н. В. Басаргин в своих воспоминаниях пишет о члене общества Бруннере, пригласившем его в Союз Благоденствия. Н. И. Лорер вспоминает о докторе Меере (Мейере). Всех этих имен нет в известном «Алфавите», не попали они и в следственные показания. Сильное подозрение падает на Куницына, вместе с Николаем Тургеневым организовавшего Вольное журнальное общество Союза Благоденствия. Существовали документальные данные о причастности к обществу Барышникова — родственника С. Н. Бегичева, члена Союза Благоденствия и друга Грибоедова; семейное предание утверждает, что миллионер Барышников «откупился» от следствия ценой огромной взятки Бенкендорфу. В нашу задачу не входит установление точного персонального списка, что потребовало бы слишком много места, но можно сказать с уверенностью, что Союз Благоденствия был по тем временам многочисленной организацией и возрос по сравнению с Союзом Спасения во много раз [22].

За три года своего существования Союз Благоденствия развил значительную деятельность [23]. Она не может быть ограничена непосредственной работой самих членов Союза: она пробуждала вокруг себя активность широкого круга сочувствующих, в известной мере направляла ее, а в иных случаях усиливала ее или содействовала деятельности, вызванной не их усилиями, а родившейся самостоятельно из «духа времени». Эта широкая сочувствующая среда, их окружающая, была одновременно сферой их работы и влияния и в какой-то мере результатом этой работы. Особенно стремились члены Союза Благоденствия воздействовать на молодежь, оторвать ее от старого лагеря: Якушкин и его товарищи понимали, что надо противодействовать «староверству закоснелого дворянства» и иметь возможность действовать «на мнение молодежи» [24].

Индивидуальную деятельность членов Союза Благоденствия, конечно, очень трудно учесть, но по слабым следам, оставленным в документальном материале (устная агитация и не могла отразиться сильнее) все же можно составить о ней известное представление. Члены Союза Благоденствия громко протестовали против крепостного права, возмущались Аракчеевым, военными поселениями, жестокой расправой с восстанием военных поселений 1819 г., мобилизовывали общественное мнение против Магницкого и Рунича, защищали передовую науку своего времени, предавали позору жестоких помещиков, освобождали из крепостной неволи талантливых крепостных самоучек, ратовали за распространение ланкастерских школ. Они были, говоря словами Чацкого, сторонниками «свободной жизни», ненавидели деспотизм и произвол царизма, разоблачали старый строй со всей страстностью глубокого убеждения, считали это разоблачение делом своей чести. «Горе от ума» нарисовало нам художественный образ молодого вольнодумца в его вдохновенной борьбе против сплоченного старого мира, яростно мстящего новатору за его смелое слово.

Сохранилась записка активного члена Союза Благоденствия Ф. Н. Глинки о том, что он должен был порицать, чего желать и что хвалить в разговорах, преследуя цель создания «общественного мнения». «Порицать: 1) А[ракчее]ва и Долгорукова, 2) военные поселения, 3) рабство и палки, 4) леность вельмож, 5) слепую доверенность к правителям канцелярий (Ге[тгу]н и Ан[нен]ский), 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты, 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях. Желать: открытых судов и вольной цензуры. Хвалить: ланкастерскую школу и заведение для бедных у Плавиль[щикова]». Такова беглая запись, случайно дошедшая до нас памятка о том, что должен делать один член Союза Благоденствия в течение какого-то дня или дней. А их было не менее двухсот и действовали они в течение трех лет и не только в столицах [25].

Союз Благоденствия организовал выкуп крепостного поэта Сибирякова у рязанского помещика Маслова, который потребовал огромную сумму в 10 тыс. руб. за своего кондитера («в отечестве — поэт, кондитер в барском доме»,— писал с негодованием П. А. Вяземский, привлеченный к участию в этом деле и написавший стихи в защиту Сибирякова; А. С. Пушкин «бесился», что П. А. Вяземский перехватил у него эту тему и отнял «такой богатый сюжет»). Чтобы скопить нужную сумму и принять участие в выкупе Сибирякова, небогатый декабрист Ф. Глинка отказался от чая и пил вместо него только горячую воду, откладывая сэкономленные деньги на выкуп поэта [26].

Можно вспомнить еще несколько случаев из практики декабристов, показывающих их живое и сочувственное отношение к угнетенным крепостным и приемы, которыми они вырывали людей из крепостной неволи. В 1820 г. член Тульчинской управы Союза Благоденствия Н. Басаргин (вступивший в Союз в 1819 г.) принял активное участие в освобождении от крепостного права двух беглых дворовых девушек, спасавшихся от грозившей им участи стать наложницами богатого и жестокого барина, их собственного отца (случай почти «радищевский», как бы выхваченный из «Путешествия из Петербурга в Москву»). Помещик не поддавался ни на какие уговоры и отказывался дать девушкам отпускные. Тогда при посредстве графини Орловой-Чесменской было решено предать дело огласке и даже довести его до сведения вдовствующей императрицы, прося ее заступничества. Испуганному помещику пришлось отступить и выдать отпускные. Обе девушки получили освобождение от крепостного права. Для члена Союза Благоденствия Н. Басаргина этот эпизод был не частным поводом к филантропии, а понимался им глубоко — как проявление страшного, давящего личность и права человека института крепостного права; притязания барина не воспринимались им как результат злого и развращенного характера последнего,— его поведение как притеснителя было, по мнению декабриста, «грустное следствие крепостного состояния, одно из тысяч ему подобных», как пишет он в своих «Записках»; разбирая этот случай, он полагает, что «виною всему само учреждение, а не люди, которые действуют в нем...» [27].

Эпизод с выкупом на волю одаренного юноши А. В. Никитенко, ставшего затем профессором Петербургского университета, также говорит за себя. Правда, он относится к более позднему времени (выкуп состоялся в 1824 г.), но центральным лицом в нем является декабрист Е. П. Оболенский, в свое время член Союза Благоденствия, и способы воздействовать на неумолимого владельца Никитенко, блестящего кавалергарда графа Д. Шереметева,— совершенно те же, что применялись в Союзе Благоденствия, поэтому они заслуживают внимания. Граф отказал образованному, рвущемуся в университет крепостному отпустить его на волю (обязатель-

ное условие для поступления в университет) под циничным предлогом, что такой образованный секретарь и ему самому нужен. К. Ф. Рылеев, в то время уже идеолог и вдохновитель Северного общества, поднял членов Северного общества на защиту юноши. Биография Никитенко произвела большую сенсацию в кружке кавалергардов, товарищей Шереметева. Декабристы составили «настоящий заговор» в пользу Никитенко. Всех энергичнее действовали старший адъютант 2-й гвардейской пехотной дивизии Е. П. Оболенский и молодой кавалергардский корнет Александр Муравьев, брат Никиты Муравьева. Широкая огласка смутила графа, обещание освободить юношу было у него вырвано, но аристократ не торопился с выдачей отпускной и затягивал дело. Декабристы широко распространили слухи об этом деле и собирали вокруг него «новые силы». Очевидно, через члена тайного общества Захара Чернышева они втянули в свой «заговор» и графиню Чернышеву, которая, по уговору с ними, применила такой прием: во время большого собрания гостей в ее доме она подошла к графу Д. Шереметеву и «во всеуслышание» стала благодарить его за то, что он совершил благородный поступок — дал свободу крепостному человеку с выдающимися дарованиями... Что было делать графу? Заговорщики создали в столице такую атмосферу, что граф «не мог ступить шагу» без того, чтобы не услышать имени Никитенко. Не оставалось иного выхода, пришлось дать отпускную. Этот случай раскрывает приемы «общественного мнения», выработанные еще в Союзе Благоденствия. Выйдя на волю, А. В. Никитенко жил на квартире у Оболенского вплоть до восстания; его дневник этих лет мог бы послужить источником для истории декабристского движения, но по понятным причинам был уничтожен после 14 декабря 1825 г. Сопоставление сохранившихся январских записей 1826 г. дает основания предполагать, что и активнейший член Союза Благоденствия Федор Глинка, в то время уже «отставший» от общества, был участником описанного выше заговора [28].

Особым полем деятельности Союза Благоденствия было противоборство с беззакониями царского суда; на этом поприще изумительную активность развил Ф. Глинка, который по должности адъютанта у петербургского генерал-губернатора имел непосредственное соприкосновение с судебными решениями, наблюдая за делопроизводством присутственных мест и тюрьмами. В числе лиц, работавших по «отрасли человеколюбия», назовем также бывшего члена Союза Спасения, за год до этого предлагавшего себя в цареубийцы декабриста Ф. П. Шаховского [29]. Вот несколько примеров деятельности членов Союза Благоденствия по «отрасли человеколюбия» в красочном повествовании Федора Глинки: «Некто Михаил Васильев, крепостной человек помещика Е..., был посажен, находясь в здравом разуме, в дом сумасшедших, где и сидел несколько месяцев (до 4-х месяцев). О сем проведал как-то Н. Годейн и, рассказав мне сие, с большим желанием советовался, как бы избавить сего несчастного. О сем снесено было с другими, и положили так, чтобы одни взялись через знакомых постыдить деликатно помещика и сказать, что дело уже известно, что о сем говорят уже в городе, а потому — не лучше ли ему вынуть (т. е. извлечь из заключения.— *М. Н.*) своего человека и помиловать его. Другие (кажется, о сем просили Перовского) обещали довести до сведения в[ел.] к[н.] Николая Павловича; а я взялся рассказать о сем графу Милорадовичу. Через несколько времени помещик не смягчился, а е. и. в. Николай Павлович изволил отдать однажды во дворце Милорадовичу кусочек бумаги с именем: «Михайло Васильев». И видно, при том что-то Милорадовичу сказал, потому что он, приехав домой, начал шуметь и говорить: «Вот, что у нас делается!» и хотел было, увидя меня, рассказывать, но я дал ему знать, что про это уже знаю, и пояснил дело.

И так тотчас послали в дом сумасшедших, вынули оттуда человека, призвали медицинский факультет и нашли, что он здоров и совсем не сумасшедший!»

О том, что подобные случаи были множественны, можно судить далее из красочных слов того же Ф. Глинки: «Таким образом, кажется, для пользы общей и правительства многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем и, между прочим, целая толпа сидевших по оговору воровского атамана Розетти; иные, уже высеченные (по пересмотрении дела), прощены и от ссылки избавлены; духовный купец Саветьев уже с дороги в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семействе; а другой костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу, когда успели сделать, чтобы дело о нем было пересмотрено, разумеется по высочайшему повелению, Московским сенатом, был (сей мещанин) найден невинным и освобожден от крепостной работы и возвращен восвояси, и отдано ему честное имя».

Вся эта деятельность Союза Благоденствия не была работой одиночек, а носила объединенный характер, о чем можно судить на основании последующего рассказа того же Ф. Глинки: «Для показания за образец, каким образом совершали в совокупности какое-либо доброе предприятие, я укажу на одно из собраний нашего отделения: в квартире Кошкуля собрались однажды: Кавелин, Миркович, Годейн, я, Кошкуль, Башуцкий, еще не помню кто. Толковали о том, как помочь целому бедному семейству, кажется чиновника Баранова (Кавелин вернее о сем знает, ибо, кажется, он о помощи и предлагал). Дело состояло в том, что сей чиновник сидел шесть лет на гауптвахте под судом, а когда кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство лишилось всего и не имело ни угла, ни хлеба куска. А потому они и взялись довести до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о пострадании сего человека; Кошкуль вызвался выпросить денег у гр. Потоцкого, я взялся составить записку, а некоторые положили стараться в городе о помещении двух малюток сего бедняка и хотели послать доктора к больной их матери. Успех сего был таковой, что когда свиделись не то у меня, не то у Годейна, то оказалось: что чиновник получил от своего начальства некую награду за пострадание; Кошкуль привез от Потоцкого (граф Александр) 200 рублей денег, да из общественных приложили столько же (200 рублей); матери помог доктор; а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благополучие сего семейства» [30].

Стоит изолировать эти факты от основных положений программы Союза Благоденствия, как они приобретут характер узких актов личной благотворительности. Но достаточно их ввести в принадлежащий им контекст основных программных решений Союза о создании антиправительственного «общественного мнения»,— силы, призванной, по мнению декабристов, потрясти старый общественный строй,— как вся описанная выше деятельность членов тайного общества приобретает совсем другой смысл. С. Н. Чернов справедливо отметил объективное противоправительственное значение подобной деятельности членов Союза Благоденствия,— недаром участник Следственной комиссии генерал-адъютант Голенищев-Кутузов прикрикнул на Ф. Глинку во время приведенного выше ответа на допросе. Деятельность такого рода была далеко не только «филантропией», она разоблачала феодально-крепостной строй, подкапывала его устои, зароняла сомнение в его справедливости у одних, жажду противоправительственной активности у других, заставляла сравнивать и сопоставлять, искать аналогичных случаев и, главное, множить возмущенные

разговоры обо всех этих злоупотреблениях и их причинах. Обсуждение «зла существующего порядка вещей» усиливалось не только в дворянской, но и в разночинской среде, к которой вопросы эти имели непосредственное отношение[31].

Так сгущалась атмосфера общественного недовольства. Россия представлялась членам Союза Благоденствия страной «старого порядка», подобного тому, какой была Франция накануне революции. Описав в своем дневнике 1819 г. расстройство финансов России, казнокрадство, отсутствие правосудия, одним словом, «нахождение на краю гибели», Николай Тургенев завершил запись такими словами: «Все это представляла Франция XVIII века». Аналогия была достаточно прозрачной. Указав далее на неизбежность революции, он не согласился с мнением, будто принятием предупредительных мер и усилением репрессий можно было бы предотвратить революцию во Франции: «Неужели пустив корабль правления на произвол волн и бурей, при виде утеса, угрожающего гибелью, можно вдруг кормилом направить его к благополучной пристани? Неужели стремление десятилетий, целых веков можно вдруг остановить несколькими пушечными зарядами, кстати выстреленными?» Революция представлялась декабристам приближающейся и неизбежной. Агитация декабристов возбуждала жажду перемены существующего в России «старого порядка». Союз Благоденствия содействовал сгущению атмосферы резкого недовольства царским правительством.

Николай Тургенев писал в своем дневнике 1818 г. о том, как трудно ему жить в России — «в сем хаосе уничижения и мрака, без надежды светлых дней для отечества». «Бездна и хаос бедствий, от которых гибнет Россия, делает всякую надежду непостижимою»,— писал тот же Тургенев в том же дневнике 1819 г.: «...Я привык к мысли об отечестве, следственно — и к мысли о бедствиях... Явные, систематические преступления, самые ненавистные злоупотребления тяготят все пространство России. Стон народа раздается от Петербурга до Камчатки, но он теряется на неизмеримом пространстве». Пестель говорил на следствии, что «слышанное о военных поселениях, упадок торговли, промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупливость судов и других начальств, тягость военной службы для солдат» и многое другое, подобное этому, сложилось в его представлении в «целую картину народного неблагоденствия»[32].

3

В «Зеленой книге» указывалось на необходимость использования всех возможностей для развития передового общественного мнения и для уменьшения тяготевшего над Россией зла. Выше уже были указаны многие реальные попытки достичь этих целей. Упомянем теперь о записках против крепостного права, которые подавались Александру I членами Союза Благоденствия.

Наиболее ранней работой П. И. Пестеля, трактующей вопросы государственной политической системы, является «Записка о государственном правлении». К сожалению, в целом она не дошла до нас: сохранившаяся рукопись начинается лишь с седьмой тетради, а кончается четырнадцатой, следовательно, у нас нет, вероятно, целых шести тетрадей ее начала (каждая тетрадь состоит из шести полулистов). Очевидно, Пестель уничтожил начало рукописи, представлявшее довольно значительный по объему текст, а также и отдельные части последующего текста. Мы располагаем лишь фрагментом, составляющим в общей сложности около полусотни страниц, убористо написанных (черными чернилами), обычно беглой скорописью Пестеля (рукопись является его автографом).

Судя по имеющимся в тексте приметам целого, оно должно было во много раз превышать дошедший до нас осколок. Текст, которым мы располагаем, начинается с подведения итогов какого-то существовавшего, но не дошедшего до нас рассуждения об устройстве местной администрации («Итак в каждой области должны быть шесть управ...»). Далее, дав характеристику областных учреждений, автор этим завершает какое-то обширное «отделение первое», числа глав которого мы не знаем, но, судя по нумерации глав «второго отделения», оно должно было содержать их несколько. По смыслу развернутых тут сюжетов именно это «отделение» должно было включать в себя особенно интересные для нас главы о верховной власти, которые в данном фрагменте отсутствуют. Открывающееся далее «отделение второе» содержит довольно обширную главу 1-ю, посвященную образованию «Государственного Приказа Правосудия». Далее изложение передвигается к статье 12-й — образованию «Государственного Приказа благочиния», переходит к статье 13-й — «Образование Государственного приказа внешних сношений», затем перед нами обширная глава 4-я — «Образование Государственного приказа военных сил». Из этого перечня ясна как фрагментарность дошедшего до нас текста, так и обширность общего замысла. Трудно сомневаться, чтобы «первое отделение», состоявшее, очевидно, из нескольких глав, вообще не было написано: на него встречаются в последующем тексте столь конкретные ссылки, которые исключают это предположение. В последующем же тексте имеются ясные указания на дальнейшие, не дошедшие до нас главы.

«Записка о государственном правлении» поддается датировке. Помогают водяные знаки бумаги, на которой она написана,— 1817 и 1818 гг. Рукопись, следовательно, не могла возникнуть ранее этого времени. Кроме того, глава «Записки», посвященная военной тематике, трактует вопрос о рассыпном строе в таких формулировках, которые позволяют с убедительностью заключить, что «Записка» Пестеля возникла после появления «Правил о рассыпном действии пехоты», изданных штабом первой армии в 1818 г. (наблюдение Е. А. Прокофьева). Это позволяет предположительно датировать «Записку» Пестеля примерно второй половиной 1818 или началом 1819 г. Заголовок записки на обложке, вероятно, изготовленной после окончания рукописи, написан на бумаге с водяным знаком 1820 г.

Пестель предстает перед нами в этой «Записке» сторонником конституционной монархии. Главы или хотя бы какие-нибудь подразделения текста, которые специально раскрывали бы способ отмены крепостного права и вопрос о земле, в «Записке» отсутствуют, и мы не можем дать ответа на интересующий нас вопрос о том, как именно представлял себе Пестель на этом этапе аграрную реформу. Можно лишь констатировать, что предположена отмена крепостного права, но в какой-то особой, чрезвычайно замедленной форме; так, проектируя уменьшение срока обязательной военной службы, Пестель замечает по этому частному поводу, что такое сокращение «способствовало бы освобождению крестьян от рабства». В очень сдержанных выражениях положительно говорится о необходимости иметь основной государственный закон — конституцию. «Законы разделяются на два главных рода: первые выражают устройство и образование, вторые — порядок и круг действия. Законы первого рода составляют в гражданском обществе государственный устав или конституцию». Обращает на себя внимание сдержанность и «теоретичность» этой формулировки, не сопровожденной никакими общими политическими оценками. Пестель остается в этой «Записке» противником тирании и «зловластия», но эта мысль не выливается в яркие обличительные тирады, которыми богаты его позднейшие работы.

Особенно подробно разработаны в «Записке» вопросы о судоустройстве, организации государственной безопасности и военной реформе.

Пестель высказывается за введение суда присяжных и за гласный характер судопроизводства, но без защитительных речей адвокатов («не дозволять говорить на суде речей») и без момента выборности присяжных,— они должны вызываться по простому очередному порядку и охватывать все гражданское население. Присяжные рассматривают существо дела и признают подсудимого правым или виноватым, а судьи произносят приговор. Обширное рассуждение о «приказе благочиния» и вопросах государственной безопасности говорит о полной необходимости организовать такой приказ и глубокой тайне, в которой должно действовать «высшее благочиние» (оно «требует непроницаемой тьмы»). Пестель развивает мысль о необходимости иметь опытную тайную агентуру внутреннего надзора. Не стесняясь, он называет этих агентов «шпионами» и с большой проницательностью доказывает вред их излишнего количества: «тайные вестники не должны быть многочисленны, ибо тогда слишком дорого будут стоить и более вреда, нежели пользы принесут. Большое их число совершенно бесполезно для правительства справедливого и благодетельного и может только быть нужно хищникам престолов и правительствам жестоким и кровожадным».

Чрезвычайно подробен и насыщен конкретным материалом отдел, посвященный военному устройству. Раскрывая сферу действий «исполнительного благочиния», Пестель указывает, что в его компетенцию входит «рекрутский набор». Это может создать неправильное впечатление, что у Пестеля отсутствует важнейшая сторона военной реформы — новый бессословный способ набора военнослужащих и идея всеобщей воинской повинности. Но впечатление это рассеивается, когда мы переходим к изучению главы 4-й — «Образование Государственного приказа военных сил». Тут Пестель выступает глубоким и передовым для своего времени военным реформатором, предлагающим ряд крупных преобразований антифеодального характера. «Военная служба есть личная повинность, которую по настоящему каждой гражданин или член общества должен сам нести», — таково его исходное положение. Его практическое предложение формулировано опять-таки чрезвычайно осторожно: «Лучший способ набора ратников состоял бы по моему мнению в соединении правил французского набора (конскрипции) с правилами российского набора». Спокойно изложив невыгоды поселенной системы (для которой в свободном изложении Пестель подбирал самые яростные слова!), Пестель выдает свое новое предложение за нечто якобы «сходное» с «правилами российского набора». Между тем предложение Пестеля ничего общего с сословными по своей сути рекрутскими наборами не имеет: «...Берутся ратники из среды всего государства, в каковой повинности все сословия без изъятия должны участвовать, ибо все равномерно пользуются выгодами от внешней безопасности происходящими. Каждой гражданин, имея от роду 18 или 20 лет, должен подлежать набору». Глава изобилует ценными конкретными предложениями по военной реформе, включая предложения о расквартировании, питании и обмундировании войск. Своеобразны советы ввести новую военную форму — русское платье. Заметив, что одежда ратника должна ответствовать трем соображениям — сохранению здоровья, удобности сбережения и красивому виду войск, Пестель пишет: «Что касается до красоты одежды, то русское платье может служить тому примером» и предлагает сделать в армии формой русские кафтаны («покрой кафтана: нынешний российский»), «длинные штаны», сапоги с крагами и «шапки, подобные казачьим, но с пером», на зиму — полушубки.

В «Записке» все иностранные термины заменены русскими. Пестель оставил длинные списки слов, в которых указано, каким русским словом заменяется иностранный термин (вместо «касок» — шлемы, вместо «кадров» — основы, вместо «артиллерии» — брономет (в других случаях бронемет), вместо «жандармы» — рынды, вместо «инвалидных домов» — старостные дома, вместо «дивизии» — войрод и т. д.).

«Записка» о государственном правлении, как видим, решительно отличается по своему основному тону от остальных известных нам конституционных текстов Пестеля: она гораздо сдержаннее и умереннее. В изложении чувствуется какой-то внешний адрес, она написана не для себя и не для внутреннего употребления в тайном обществе. Это, впрочем, соответствует и ее названию, она именно «записка», «меморандум» о желательных правительственных мерах. Не входила ли и «Записка о государственном Правлении» Пестеля в ряд декабристских «записок», предназначенных для подачи правительству и для давления на царя после варшавской речи? Вопрос этот надо оставить пока открытым, но он имеет все основания быть поставленным.

Датировка «Записки» второй половиной 1818 — началом 1819 г. совпадает с периодом, когда возникли и другие декабристские «записки» подобного же характера. За это же говорит отсутствие резких формулировок в дошедшем до нас тексте и большое количество норм старого быта, которыми оперирует автор, не опротестовывая их (рекрутский набор, телесные наказания в армии, прогнание сквозь строй и т. п.). В отличие от ряда других документов Пестеля «Записка» ведется от первого лица, причем подчеркивается момент изложения личных соображений. На одной из обложек близких по времени рукописей Пестеля значится широко цитированная в литературе надпись, датированная самим Пестелем: «Краткое умозрительное обозрение государственного правления. Сочинение русского гусара. 1820». В обложке должна была находиться какая-то записка для подачи царю в предположении, что «его императорскому величеству угодно будет когда-либо учредить славяно-росскую империю». Гусаром Пестель стал по переводе его из кавалергардского полка в Мариупольский гусарский, что датировано в его формуляре 6 декабря 1819 г. Эта дата сближает обложку сочинения «русского гусара» с предшествовавшей «Запиской о государственном правлении». Авторская датировка обложки 1820 годом подкрепляет хронологическую близость документов, а совпадение некоторых текстов говорит об использовании более ранней рукописи для более поздней. Одно из двух: или эта обложка служила конспиративной ширмой для какой-то рукописи нелегального содержания, или она соответствовала легальности того документа, который был в нее заключен. Первое мало правдоподобно. Сближение указанных дат и неоднократное появление в это время декабристских записок, имеющих целью оказать давление на правительство, заставляет предпочесть второе объяснение. Повидимому, есть основания для постановки вопроса, не находится ли перед нами проект записки правительству, мысль о котором позже была отброшена, а текст в необходимых случаях использован для других работ.

По правилам «Зеленой книги», отдельный член тайного общества не имел права обратиться к правительству по собственному решению. В главе VI (§ 57) точно указывалось, что обращаться к правительству можно только по решению Коренного совета. Указанный параграф гласил: «Каждый член о замеченных им злоупотреблениях и неисправностях в отечестве должен для прекращения оных уведомить свою управу которая, буде сама помочь не может, доносит Коренному совету, дабы он мог довести сие до сведения правительства и тем прекратить зло или

беспорядок». Еще более категорично звучал § 24 отдела «Зеленой книги»: «Никакое злоупотребление в отечестве не доводится до сведения правительства частно от лица заметившего оное члена; но сие есть особенное действие правления Союза, которое берет для того самые благоразумные меры». Как видим, вопрос казался столь важным, что категорическое его решение повторено в «Зеленой книге» дважды [33].

Поскольку общеизвестно, что по меньшей мере два члена Коренной управы — Николай Тургенев и Александр Муравьев — обращались к правительству с записками о вреде крепостного права, можно поставить вопрос, не было ли решения Коренного совета о подаче правительству записок на эту тему. Действительно, дело Павла Колошина, члена-учредителя Союза Благоденствия, сохранило память о таком постановлении: «В дополнение прежде данного мною о предметах совещаний Союза Благоденствия ответа имею честь присовокупить об освобождении крестьянского сословия: о сем предлагаемо было каждому написать мнение об условиях для сего необходимых, но я не знаю, чтоб кто-нибудь представил таковое — я не видал ничего подобного. Сам же, живши в Петербурге, не управляв имением, не бывши в деревне, не имел ни мыслей, ни средств исполнить сего». Близкое к этому свидетельство находим мы и в деле члена Союза Благоденствия Н. И. Кутузова [34].

Разработка вопроса о крепостном праве и положении крестьян имела кардинальное значение для члена тайного общества, являясь ведущей темой. Во-первых, это была работа над коренным вопросом программы; во-вторых, это была организация «общественного мнения», т. е. активное служение основной задаче Союза Благоденствия; в-третьих, в обстановке 1818—1819 гг. еще было возможно предполагать, что давление на правительство изменит реальное положение дел. Конечно, официально подаваемые записки не могли быть вполне тождественными внутренним программным установкам тайного общества, но они интересны как открытые выступления тайной организации. Отметим, что ярким памятником идейной работы над вопросом крепостного права в Союзе Благоденствия является дневник 18-летнего его члена — прапорщика А. Тучкова (будущего отца жены Н. П. Огарева, Н. А. Огаревой-Тучковой). В тайное общество он был принят Александром Муравьевым. Воспитанник муравьевской школы колонновожатых и слушатель Московского университета, он прошел обычный для декабриста путь идейного формирования. Годы ученья и служба по квартирмейстерской части сблизили его с семьей Александра Муравьева и с самим основателем общества декабристов. Оказавшись после окончания ученья на съемке в Одоевском уезде Тульской губернии, он посвящает в своем дневнике 1818 г. много внимания тяжелому положению крестьянства, с которым столкнулся лицом к лицу. Придя к выводу, что «ни раба, ни господина быть не должно», он отражает в своем дневнике богатейший материал живых наблюдений декабриста над крепостнической действительностью [35].

Вопрос о способах ликвидации крепостного права непрерывно и глубоко занимал членов Союза Благоденствия. Основной вопрос для всех представлялся ясным: крепостное право надо ликвидировать. Но как? Вот это и было предметом раздумий и горячих обсуждений. Споры о способах уничтожения «рабства» чрезвычайно важны в идейной жизни Союза. Но лишь редкие предложения этого времени дошли до нас в письменной форме. Было бы ошибкой признать их окончательной программой Союза,— это было лишь. становление программы. Поэтому ни циркулировавшая в Москве записка Александра Муравьева (1818), ни «Нечто о барщине» Николая Тургенева (1820), ни попытка И. Якушкина освободить своих крестьян (1820), ни завещание М. С. Лунина не могут

трактоваться как выражение аграрной программы Союза,— ведь она еще не была принята, вторая часть «Зеленой книги» еще не была проголосована и подписана [36].

Родственник декабриста С. Г. Волконского — князь Н. Г. Репнин в начале 1818 г., держа речь перед дворянскими выборами в Полтаве, обратился к дворянам с призывом улучшить положение крестьян, «определив обязанности их». Речь эта получила широкую огласку и вызвала ярость крепостников, один из которых составил в порядке ответа Репнину ретроградную записку, защищавшую крепостное право и требовавшую вместе с тем созыва дворянских представителей и их голоса в центральном управлении для усиления политических позиций дворянства. Записка принадлежала предводителю калужского дворянства и свояку графа Кочубея — князю Н. Г. Вяземскому.

Основатель декабристского общества Александр Муравьев дал яркую и убежденную отповедь крепостнику. Его ответ Н. Г. Вяземскому датирован каким-то временем вскоре после 4 апреля 1818 г. (дата записки последнего) и является едва ли не первым действием декабриста как члена только что организованного Союза Благоденствия. Эта акция полностью отвечает требованиям «Зеленой книги» и должна рассматриваться вместе с тем как документ деятельности наиболее многочисленной Московской управы Союза Благоденствия. Записка анонимна — подписана «Россиянином». Остро-полемическая по форме, она проникнута высоким пафосом защиты свободы крестьян и глубокой убежденностью в правоте своих положений. В самом своем названии, начинающемся словами: «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами», автор заявляет о своей позиции. Записка во многом напоминает пафос и убежденность А. Н. Радищева. Крепостник вздумал, как обычно, прикрыться «патриархальностью» отношений помещика и крепостного. «Государь мой, ваше «патриархальное правление» никуда не годится и столь же неудобоприлагаемо к России, как и ко всем образованным обществам,— отвечал А. Муравьев.— Не нужно сие доказывать: есть такие в нравственном мире неоспоримые истины, что стараться образованного человека в оных уверить доводами было бы смешно. Хорош тот Патриарх, который покупает, торгует, продает себе подобных, меняет людей на собак, на лошадей; закладывает и уплачивает ими свои долги; вопреки воле их употребляет на свои удовольствия, прихоти; расторгает браки и часто, весьма часто удовлетворяет ими гнуснейшие свои страсти! Довольно!.. Упаси боже от таковых патриархов» [37]. Ошибочно и сравнение помещика с отцом семейства: отец печется исключительно о благе детей своих, «помещик же блюдет о своих выгодах... Отношение совершенно обратное». Особо примечательно в записке А. Муравьева его признание права крестьян на землю. Хотя записка и предназначалась для полугласной циркуляции в обществе и даже для подачи царю, об этом важнейшем вопросе ее автор сказал вполне ясно: «Чем же жаловали дворян?»— спрашивает Муравьев и отвечает, цитируя ответ крепостника и с жаром возражая ему: «Поместьями, дающими законное право»... Законное право (!!!) пользоваться чем же? Землями и трудами своих крестьян и располагать их участью! Если это право законное, что же беззаконное? Скажите: в каком столетии, в каком благополучном граде сие начертано? Мудрено поверить, чтобы в Москве, 4 апреля 1818 года. Желательно, чтобы по крайней мере 3 дня ранее (т. е. в день обманов — 1 апреля.— *М. Н.*) или в 1818 году до Р[ождества] Хр[истова]». Восклицательные знаки в скобках принадлежат автору, отражая его возмущение. Автор вторично возвращается к вопросу о собственности дворянства и смело пишет: «Самое уменьшение уверенности дворянства в вековечном его достоянии, осно-

ванном на беспрекословном распоряжении имуществом и особою крестьянина... не есть ли в самом деле сознание в несправедливости власти, в незаконной собственности его?»[38]. Несмотря на рассеянные то там, то тут похвалы мудрому Александру I (которого автор за несколько месяцев до этого хотел вообще уничтожить, — это заставляет понимать комплименты правительству как условный элемент легальной формы), автор безбоязненно коснулся и вопроса о революции, подчеркнув ее закономерность в создавшемся случае: «Не должно полагать, что начавшийся во Франции переворот в 1789 году имел другие причины, кроме притеснений и преимуществ дворянского и духовного сословий над народом. Ежели бы при первом созвании генеральных штатов дворянство и духовенство добровольно сложило с себя Готические феодальные свои преимущества, которые, впрочем, несравненно слабее были преимуществ и власти дворянства в России, то народное негодование подобно пружине, сильно натянутой, очень бы ослабилось и не произвело потоков крови и тех ужасов, кои теперь должны бы нам служить наукою и предосторожностью». В этом замечательном рассуждении не только слышишь живой голос и интонацию декабриста, но и признание исторической обусловленности народных восстаний, вызванных феодальным гнетом. Резкий отпор вызывает требование ретрограда созвать в «одной из столиц» представителей дворянства для расширения политических прав последнего,— «почему не должны в сем собрании участвовать и все прочие сословия?». Записка А. Муравьева — один из редких дошедших до нас идейных памятников ранней поры декабристского движения. Она была передана императору Александру I через князя Волконского, министра двора, и ответом просвещенного монарха автору были слова: «Дурак! Не в свое дело вмешался!»[39].

Другой попыткой обращения к правительству является записка Николая Тургенева «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России». Осторожный автор не отражает в ней полностью своих воззрений на крепостное право, которые в более радикальной форме отразились в его «Опыте теории налогов». Написана была записка Тургенева, вероятно, вскоре после записки Александра Муравьева или одновременно с ней: судя по его дневнику, он начал писать ее в 1818 г., в основном закончил летом этого года и окончательно завершил, как он сам отмечает, 12 сентября. В своей записке Николай Тургенев с убеждением писал: «Россия с горестию взирает на несколько миллионов сынов своих, которые не имеют даже прав человеческих. Всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся...». Как и все декабристы, вдумываясь в возникновение крепостного права, Николай Тургенев приходил к выводу о полной «незаконности» его возникновения и с жаром доказывал эту мысль в своем «Нечто» (так называл он сам в сокращенной форме свою записку): «Следует заметить, что никогда закон не водворял рабства в России, что еще за 150 лет все крестьяне были свободны; что сначала для порядка, которого тогдашнее правительство не могло утвердить иными, более справедливыми средствами, что для сего порядка крестьяне были приписаны к земле, но еще не отданы через то в собственность помещикам, которым принадлежала одна только земля, что впоследствии сие приписание к земле, мало-помалу, и совсем не по законам, а по праву сильного, обратилось в настоящее рабство. Если же сия часть истории нашего отечества обработана несовершенно и не в настоящем виде, то сие происходит только оттого, что историю пишут не крестьяне, а помещики». Нельзя не подчеркнуть последнюю мысль, поистине замечательную[40].

Конечно, записка, предназначенная для подачи правительству, содержала немало формулировок, расходящихся с уже сложившимся мировоззрением докабриста. Тут были замечания о спасительности самодержавия, восхваление освобождения крестьян в Прибалтике, к которому Н. Тургенев, как и другие декабристы, относился скептически, и даже замечание, что у Павла I, которого Тургенев считал деспотом, «в душе таилось глубокое чувство справедливости». Все это — вынужденные формулировки, легко снимаемые сопоставлением с дневником Н. Тургенева тех же лет. Важно убеждение автора в необходимости «освобождения наших братий от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного. Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже свободы естественной». Н. Тургенев предлагает правительству два варианта действий: можно облегчить положение крестьян рядом «далеких от совершенства узаконений», которые автор перечисляет с «недоверчивостью к самим себе»,— они все же послужат «хотя к некоторому облегчению участи людей, в крепостном состоянии находящихся». К таким мерам относятся: подтверждение закона Павла I о трехдневной работе на барина, причем все поборы натурой и какие-либо иные повинности при этом отменяются; дети до определенного возраста совсем освобождаются от работы на барина; повинности крестьян строго фиксируются, доводятся до сведения крестьян через чтение по церквам, их список для каждого имения утверждается министерством внутренних дел или «предается тиснению», дабы стать гласным. «Таким образом общее мнение сделалось бы судиею добрых и недобрых помещиков... гласность всегда бывает уздою для порока и защитою для невинности». Запрещается продажа крестьян по одиночке, допускается продажа лишь целыми селениями, продажа людей по казенным взысканиям не допускается вовсе; перевод в дворовые запрещается, вообще не допускается «отделять крестьянина от земли»; запрещаются всякие домашние наказания: право кары имеет лишь полиция, и если барин сам накажет крестьянина, то последний объявляется свободным. Наконец, правительство назначает особого «комиссара» от министерства внутренних дел, который наблюдает за исполнением законов и принимает жалобы крестьян; нарушение указанных выше правил помещиком влечет за собой немедленное освобождение крестьян. Нарисовав эту утопическую картину правительственных мероприятий, декабрист сам недоволен ими: «Здесь изложены токмо некоторые способы и притом в слабых чертах к отстранению самых явных недостатков теперешнего порядка вещей». Но есть более радикальный способ — всех крестьян обратить в «свободные хлебопашцы». Эта единовременная мера освобождения крестьян, однако, носит черты существенного классового ограничения и отличает проект Н. Тургенева от предложений записки А. Муравьева. В то время как последний признает право крестьянина на землю, Н. Тургенев полагает, что помещики, «удержав за собою собственность земли», должны заключить с живущими на ней крестьянами «добровольные условия». Таким образом, в работе Союза Благоденствия над способами освобождения крестьян проявились два направления: одно, представленное Н. Тургеневым, предполагало освободить крестьян без земли, другое, выраженное А. Муравьевым, полагало бесспорным право крестьян на землю. Окончательных решений принято не было — программа была в процессе выработки.

Может быть, результат подачи записки Муравьевым тормозил и без того медлительного Тургенева, может быть, были и другие причины, но так или иначе его «Нечто» было через посредство неутомимого Федора Глинки передано графу Милорадовичу для вручения царю лишь в начале

1820 г. «Вчера отправил к Глинке переписанное мое «Нечто»»,— записал в дневнике Н. Тургенев 5 января 1820 г. Известно, что «Нечто» действительно было передано Александру I, но... «Там и сéло»,— лаконически записывает он через некоторое время выразительный результат [41].

Тем не менее — в другой форме — Николай Тургенев (уже голосовавший к тому времени за республику!) возобновил тщетную попытку повлиять на правительство еще раз в том же 1820 г. 5 мая 1820 г. Н. и А. Тургеневы, П. А. Вяземский, М. С. Воронцов и князь А. С. Меншиков подписали прошение на имя императора, «предлагая дать волю крестьянам, принадлежащим каждому из нас, и умоляя его величество позволить нам предложить другим последовать нашему примеру». Общество по освобождению крестьян излагало в этом прошении свою цель как «изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, сие общество вступающим». Повидимому, что общество также должно было входить в систему вольных обществ Союза Благоденствия. Эта попытка вызвала резкое недовольство правительства и не получила осуществления [42].

Нельзя не вспомнить еще об одном исключительно ярком антикрепостническом документе, возникшем в те же годы не без связи с Союзом Благоденствия, получившем самое широкое распространение и, так же как и предыдущие записки против крепостного права, без успеха поданном правительству. Не входит ли он в ту же систему явлений? Эту «записку» царю о крепостном праве, возникшую в сфере воздействия тайного общества, всякий знает наизусть,— речь идет о «Деревне» А. С. Пушкина. Поэт к изучаемому времени уже давно и прочно вошел в круг декабристских связей, самые ранние из которых относились еще к лицейскому периоду и «Священной артели» (об этом уже упоминалось выше в связи с его одой «Вольность»). На этапе Союза Благоденствия связь эта становится еще теснее. А. С. Пушкин входит в «побочную управу» Союза Благоденствия — «Зеленую лампу» и в «Журнальное общество» Н. Тургенева. Но этого мало. Круг декабристских связей Пушкина в это время еще шире, нежели ранее: он общается не только с И. Пущиным, Н. Тургеневым, М. Орловым, но с Федором Глинкой, П. Катениным, П. Кавериным, Я. Толстым и другими членами Союза Благоденствия — не только по «Зеленой лампе». Он уже уверен, что существует тайное общество, и выражает И. Пущину в начале 1818 г. желание стать его членом. И. Пущин уверяет друга, что, и не вступая в общество, он действует своими стихами «как нельзя лучше для благой цели». В декабре 1818 г., написав свой знаменитый «Ноэль», который распевался чуть ли не на улицах, Пушкин продолжает антиправительственную агитацию. Описывая «сходки» членов Союза Благоденствия, он сам свидетельствует, что тут «читал свои ноэли Пушкин...». Уехав в отпуск в Михайловское в августе 1819 г., Пушкин привозит оттуда свою «Деревню», насыщенную живыми впечатлениями реальных псковских наблюдений и вместе с тем представляющую высокое и точное обобщение всей крепостной русской жизни. Сопоставляя ее текст с обычным ходом декабристских рассуждений, мы устанавливаем поразительное сходство. «Деревня» была разоблачением существа крепостничества, при этом разоблачением, проведенным с большой идейной глубиной, научной полнотой и высокой страстностью. Никак нельзя считать это стихотворение протестом лишь против злоупотреблений крепостников. С большой отчетливостью в нем говорится о том, что «дикое барство» присвоило себе «и труд, и собственность, и время земледельца»: формула крепостного права дана здесь во всей своей теоретической, научной полноте. Тягостный ярем рабства, который все крестьяне

должны нести «до гроба», «младые сыновья», оторванные от родной семьи и взятые в дворовые, юные девушки, расцветающие «для прихоти бесчувственной злодея»,— все это было обобщенным образом закабаленной крепостниками России и гремело против крепостного строя, до глубины раскрывая его антинародное существо. Стихотворение явно было написано для подачи царю, оно задавалось заранее этой целью, в чем нас убеждает его концовка; оно имело адрес — обращалось к императору с открытым настоянием немедленного освобождения. Дело назрело, зло — большой давности, нужно лишь движение царской руки, вопрос только в этом,— говорила «записка» А. С. Пушкина. В конечном его призыве, завершающем стихотворение, гораздо более требования к власти, нежели надежды на нее:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Стихи Пушкина были вручены императору членом Союза Благоденствия П. Я. Чаадаевым через Васильчикова [43]. Александр I просил передать Пушкину едва ли искреннюю благодарность за выраженные в стихах чувства. О движении же царской руки, подписывающей акт освобождения, не было, разумеется, и речи. Всего через несколько месяцев царь поставит вопрос о том, что Пушкина надо бы сослать в Сибирь, потому что «вся Россия» наводнена его возмутительными стихами.— «По манию царя» Пушкин был сослан в Бессарабию.

Таким образом, Союз Благоденствия пытался использовать легальные возможности, но вскоре убедился в крахе своих, правда, и ранее слабых надежд. Потерпела крах и попытка И. Д. Якушкина освободить своих крестьян. Она важна не только в плане реальных стремлений Союза воплотить в действительность свои требования о крестьянской свободе, но и для изучения эволюции взглядов декабристов на вопрос о собственности на землю. Через эту попытку Якушкин, стоявший в аграрном вопросе на одних позициях со сторонником безземельного освобождения Н. Тургеневым, преодолевает ограниченность дворянского революционного сознания и движется дальше — к признанию права крестьянина на землю.

Выше указывалось, что И. Д. Якушкин, покинувший было тайное общество в 1817 г. в связи с разногласиями по вопросу цареубийства, вновь вернулся в него в 1819 г. и вступил в состав членов Союза Благоденствия. Вопрос об освобождении крестьян от крепостного права в то время особенно занимал как его, так и всех членов тайного общества. Это и было одной из причин, побудившей его восстановить свою связь с тайной организацией. Таким образом, попытка Якушкина освободить своих крестьян от крепостной зависимости была предпринята им в бытность его членом тайной организации и не может рассматриваться вне общего круга идейного воздействия организации на ее членов. Вместе с тем хлопоты Якушкина по вопросу об освобождении крестьян своего смоленского имения не теряют и индивидуального характера: тайная организация не требовала от своих членов освобождения крестьян, им принадлежащих; она была заинтересована не столько в частных экспериментах или филантропии, сколько в завоевании такой конституции, такого представительного правления, по основному закону которого крестьяне были бы освобождены от крепостного права.

В июле 1819 г. И. Д. Якушкин написал письмо министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, в котором изъявлял желание освободить своих

крестьян Смоленской губернии Вяземского уезда в количестве 120 (в позднейших документах — 121) душ, предоставляя им их имущество, строения и землю, находящуюся под усадьбами, огородами и выгонами, без какого бы то ни было денежного вознаграждения. В своих «Записках» Якушин с большой искренностью поясняет, что руководствовался исключительно благом крестьян. Он еще реньше, вступив во владение и не считаясь со своими помещичьими интересами, наполовину уменьшил господскую запашку и отменил многие отяготительные поборы, но положение крестьян все же не улучшилось. Вдумываясь в причины этого, Якушкин пришел еще раз к выводу, что дело было в самом институте крепостного права. Крестьяне «не имели надежды расстаться с нуждою» и поэтому трудились и на себя и на барина, «никогда не напрягая сил своих». Якушкина занимала в предпринятой им попытке освобождения отнюдь не личная выгода, а желание повысить производительность труда крестьян, через их освобождение для них же самих улучшить их же собственное благосостояние. Объективно он брался, таким образом, за действительно ведущее звено проблемы — за вопрос о развитии производительных сил, однако его практическое решение носило на себе яркую печать дворянской ограниченности. Почти всю землю он решил оставить за собой, поделив ее пополам: одну половину он хотел обрабатывать вольнонаемными людьми, очевидно, нанимая их в деревнях, им освобожденных, а вторую половину предполагал отдавать в аренду своим же бывшим — ныне вольным — крестьянам. Освобожденный им крестьянин явился бы перед Якушкиным в новом обличье: в образе батрака капиталистического строя и в образе арендатора того же типа. Освобождение, которое предполагал Якушкин, несомненно, носило на себе черты прусского типа капиталистического развития. Но субъективно Якушкин был убежден в том, что крестьяне его, получив свободу, заживут новой, счастливой жизнью. На 121 ревизскую душу он предоставлял всего 27 десятин земли, лежавшей под усадьбами, огородами, гумнами и выгонами, в том числе засеянной отчасти помещичьим хлебом; на каждую из трех деревень (Истомино, Арефоново и Земщина) приходилось, таким образом, всего по 9 десятин. Считая в крестьянском дворе в среднем по пяти человек, приходим к выводу, что Якушкин проектировал предоставить на каждый крестьянский двор примерно по 1 десятине, т. е. даже меньше, чем Никита Муравьев в своем конституционном проекте. Правда, Якушкин предоставлял эти земли бесплатно и без каких бы то ни было повинностей [44].

Крестьяне, с которыми Якушкин советовался перед тем, как начать хлопоты, не согласились с его проектом. Узнав, что земля в основном останется за барином, а они будут вольны арендовать ее у него, крестьяне заявили: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому — мы ваши, а земля наша». На первых порах Якушкин не послушал крестьян и хлопоты продолжал. Проект его не получил осуществления, так как условия, им предложенные, расходились с законом о вольных хлебопашцах 1803 г., а, по точным указаниям правительства, отпускать крестьян на иных основаниях было сочтено невозможным. С точки зрения дальнейшей эволюции взглядов члена Союза Благоденствия важно, что позже Якушкин сам пришел к выводу о несостоятельности своего проекта почти что безземельного освобождения: «Впрочем вскоре потом я убедился, что освобождать крестьян, не предоставив в их владение достаточного количества земли, было бы только вполовину обеспечить их независимость»,— пишет он в своих «Записках». Необходимо тут же отметить, что сын Якушкина Евгений Иванович еще при жизни отца, бывшего в тот момент в сибирской ссылке, отпустил на волю своих крестьян в 1855 г.— за шесть лет до реформы — и отдал им всю землю вместе с помещичьей усадьбой [45].

Иногда встречающееся в литературе мнение о том, что закон о вольных хлебопашцах 1803 г. был куда прогрессивнее проекта Якушкина, потому что предоставлял крестьянам при освобождении землю, требует того существенного уточнения, что вольные хлебопашцы должны были выкупать эту землю от барина, причем практически по ценам на землю выше рыночных, а Якушкин предоставлял свой земельный надел крестьянам бесплатно.

Из этого индивидуального действия члена Союза Благоденствия, стремившегося в 1819 г. дать своим крестьянам свободу и искренно верившего в то, что почти безземельное освобождение будет благом для народа, можно сделать еще и тот вывод, что Союз Благоденствия в то время не разработал в своей «сокровенной» программе точного проекта освобождения крестьян; он лишь усердно трудился над этим вопросом, причем выявились разные течения. Принятие проектов было еще впереди, точные решения пока не созрели. Не об освобождении отдельных деревень, принадлежавших тому или иному декабристу, шла речь в тайной организации, а пока о приближении страны к государственному перевороту, результатом которого будет общее решение по этому важнейшему вопросу. Какое именно? Это еще надо было себе уяснить, и к принятию этих решений тайная организация быстро приближалась.

После неудачи своего опыта с освобождением крестьян И. Д. Якушкин задумал идти дальше: он написал адрес к императору, под которым должны были подписаться все члены Союза Благоденствия. «В этом адресе излагались все бедствия России, для прекращения которых мы предлагали императору созвать Земскую думу». Декабрист Фонвизин уже подписался под адресом, но мера эта была отвергнута другими членами Союза, ибо подобным адресом «за один раз уничтожалось тайное общество» и «это вело нас прямо в крепость» [46]. В одном ряду с попыткой И. Д. Якушкина и проектом Н. И. Тургенева идет духовное завещание М. С. Лунина, сделанное им в 1819 г. (одним из свидетелей по завещанию был Никита Муравьев). «Имея в виду благосостояние» своих крестьян, Лунин завещал имение двоюродному брату Н. А. Лунину с условием непременно уничтожить в его владениях крепостное право над крестьянами и дворовыми людьми, однако «не касаясь земель, строений, имуществ и прочих угодий» и сохраняя в целости «наследственное имение». Речь идет опять-таки о безземельном освобождении крестьян. Правительство не утвердило духовного завещания Лунина как противоречащего закону о вольных хлебопашцах 1803 г. и уничтожению указа о майоратах. Дальнейшая эволюция Лунина в земельном вопросе не только сходна с последующей позицией И. Д. Якушкина, но, повидимому, идет еще дальше, так как Лунин в позднейшее время выражает согласие с «Русской Правдой» П. И. Пестеля (последняя, как известно, предоставляла крестьянам не менее половины помещичьей земли) [47]. Однако характеристика попыток членов Союза Благоденствия побудить правительство к отмене крепостного права, создать вокруг этого вопроса передовое общественное мнение и выступить с личными акциями в пользу крестьянства была бы неполна без упоминания об их борьбе с голодом в 1820 г. Меры помощи голодающим в Смоленской губернии типичны для Союза Благоденствия,— это действительно «Зеленая книга» в действии.

В 1820 г. в Смоленской губернии, как пишет Якушкин, «был повсеместный неурожай». Крестьяне ели сосновую кору, умирали с голоду, земля осталась незасеянной, несчастье грозило повториться на следующий год. Особенно велики были бедствия в Рославльском уезде. Союз Благоденствия энергично вмешался в события, организовал широкую общественную помощь голодающим. Якушкин, Михаил Муравьев, Иван Фонвизин и

Бурцов сыграли тут наиболее активную роль. Участие первых трех в борьбе с голодом засвидетельствовано «Записками» Якушкина, роль последнего — его следственным делом. «Проезжая в 1820-м году через Смоленскую губернию, в коей был в то время ужасный голод, я участвовал в одной подписке в пользу нещастных жителей и которая, как я слышал, обратила на себя неблаговоление правительства»,— показывает Бурцов. Михаил Муравьев, давая в своем следственном деле показания об этой помощи, упоминает, что ею были «избавлены от смерти многие тысячи народа». Якушкин подробно рассказывает, как была организована помощь, закуплен хлеб, собраны средства. Широкие связи в московском обществе позволили членам Союза в несколько дней собрать через родных и знакомых немало пожертвований от разных лиц. «Дмитрий Давыдов, первый наш сахаровар, принимавший участие во всех увеселениях Москвы, на одном бале возбудил сострадание к умирающим с голоду знакомых ему дам; каждая из них тут же отдала ему в пользу бедных или турецкую свою шаль (Вяземская), или браслет, или серьги и т. д.»,— рассказывает Якушкин. Собрав таким образом довольно большие суммы, Якушкин и Фонвизин отправились в Рославль — центр бедствия, где уже находился М. Муравьев. «При въезде нашем в этот уезд беспрестанно попадались нам люди, совершенно изнеможенные», многие из них умирали от нужды. Фонвизин и Якушкин расположились на постоялом дворе с целым мешком медных денег. Нищие свободно входили к ним, Якушкин каждому давал пятак, а Фонвизин записывал имя помещика и название деревни, откуда был крестьянин. На собранные деньги был куплен хлеб и накормлены тысячи людей. Но Союз Благоденствия не удовольствовался этой мерой. В Рославле было собрано несколько десятков помещиков. Муравьев предложил им подписать бумагу о голоде в Смоленской губернии, которая пошла к министру «мимо» перепугавшегося уездного предводителя и даже «мимо губернатора», но зато произвела «сильное впечатление в Петербурге». Общественная инициатива и резкость обращения вызвали тревогу правительства, в Смоленск была наряжена сенаторская ревизия. Все это возбудило сильное недовольство правительства. Александр I, узнав позже из доноса о существовании Союза Благоденствия, говорил о том, что тайное общество, кормившее тысячи людей во время голода 1820 г., должно быть очень сильным. «Ты ничего не понимаешь,— сказал император П. М. Волконскому, желавшему его успокоить относительно тайного общества,— эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общем мнении; к тому же они имеют огромные средства; в прошлом году во время неурожая в Смоленской губернии они кормили целые уезды» [48].

Однако все сказанное еще далеко не исчерпывает работу Союза Благоденствия. Программа Союза требовала организации «общего мнения» через создание вольных обществ, «побочных управ» и завоевания имеющихся общественных объединений. Конечно, Союзу Благоденствия оказалось не под силу выполнить намеченную им невероятно обширную и вместе с тем утопическую программу. Но все же кое-что в этом отношении было реализовано, и «общественное мнение», особенно в обеих столицах, несомненно, испытало на себе известное воздействие работы тайной организации.

4

Литературное общество «Зеленая лампа», собиравшееся на квартире Никиты Всеволожского, в комнате, освещенной зеленой лампой (отсюда ее название), занималось не только литературной деятельностью, но и поли-

тическими вопросами. После того как Б. Л. Модзалевским были найдены частичные материалы ее архива, в этом не может быть никаких сомнений. Заметим кстати, что цвет «Зеленой лампы» совпадал с цветом «Зеленой книги» — «Законоположения» Союза Благоденствия [49].

В доносе Грибовского «Зеленая лампа» упоминается как побочная управа Союза Благоденствия. Грибовский был, как известно, членом Коренной управы Союза, т. е. принадлежал к его руководящей группе, поэтому фактические сведения, которые он сообщает в своей записке, заслуживают внимания. Другие свидетельства о «Зеленой лампе», как правило, уклоняются от определения характера ее связи с тайным обществом декабристов: данные на следствии, они лишь усилили бы вину декабриста, поэтому подчеркивание безобидного характера литературного кружка, на котором и следователи-то останавливались довольно бегло и без особой настойчивости, превалирует в следственном материале. Так, декабрист С. Трубецкой, сам бывший «лампист», отвечая 12 января 1826 г. на небольшую следственную анкетку, целиком посвященную «Зеленой лампе», утверждал: «Цель сего общества была просто собираться читать сочинения, которые члены приносили для чтения в оном; а Политической цели никакой, сколько мне известно, не было». Однако неправильность этого показания явно обнаруживается при сопоставлении с архивом «Зеленой лампы», в котором наличествуют документы как раз политического характера. П. Е. Щеголев и Б. Л. Модзалевский оба пришли к вполне правильному выводу, что общество «Зеленой лампы» было не только собранием друзой, читавших друг другу новые литературные произведения, но и обществом политического характера. Однако П. Е. Щеголев принимал «Зеленую лампу» за одно из тех «вольных обществ», учреждение которых предусматривалось в уставе Союза Благоденствия — «Зеленой книге». Открытые педагогические и литературные общества, организованные декабристами или взятые ими под свое воздействие, действительно известны (Вольное общество любителей российской словесности, находившееся под влиянием декабристов, и Общество взаимного ланкастерского обучения являются примерами подобных организаций). Но предположение П. Е. Щеголева едва ли приемлемо: «Зеленая лампа», собиравшаяся на квартире приятеля А. С. Пушкина Никиты Всеволожского, была закрытой организацией, доступ в нее не был свободен для каждого интересующегося, заседания ее не были гласными, вступающий в нее давал клятву хранения тайны. Все это противоречит особенностям вольных обществ [50].

Свидетельство М. К. Грибовского, ускользнувшее от внимания П. Е. Щеголева и Б. Л. Модзалевского, дает, на мой взгляд, ключ к разгадке характера интересующей нас организации: «Зеленая лампа» была «побочной управой» Союза Благоденствия,— член Коренной управы Союза не мог не знать этого совершенно точно.

«Зеленая книга» уделяет довольно много внимания «побочным управам», однако освещает их деятельность преимущественно с организационной стороны. Мы узнаем из нее, что каждая «деловая управа», т. е. управа, получившая копию «Зеленой книги» и числящая в своем составе не менее 10 человек, имеет право основать «побочную управу», давать ей «наставления» и вообще наблюдать, чтобы она действовала в «смысле Союза». «Побочная управа» может сноситься лишь с управой, ее основавшей, не имеет права вступать в непосредственную связь с центром общества — Коренной управой, даже, повидимому, не должна знать о существовании последней [51]. По существу деятельности «побочных управ» «Зеленая книга», как видим, хранит молчание, поэтому представляет особый интерес свидетельство об этом М. К. Грибовского. Последний доносит:

«Члены, приготовляемые мало по малу для управы или долженствовавшие служить только орудиями, составляли побочные управы под председательством одного из членов Коренной, назывались для прикрытия разными именами (Зеленой лампы и пр.)». Таким образом, «побочная управа» была, так сказать, «приготовительной» организацией, подготовлявшей кадры тайного общества и действовавшей в его духе. Из того же доноса мы узнаем, что «побочные управы» должны были «как можно чаще» собираться «под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ», что как раз соответствует характеру «Зеленой лампы». Принятие новых членов, как доносит М. К. Грибовский, происходило по тому же типу, что и принятие в тайное общество, «с меньшими только обрядами». Глухое упоминание о «клятве взаимной» в послании А. С. Пушкина к «Зеленой лампе» может быть отголоском этих обрядов. Мы узнаем далее от Грибовского, что председатели «побочных управ» получали от Коренной управы «наставления», чем «занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения, какие разглашать слухи и выдумывать карикатуры, кого из знатных стараться чернить в общем мнении, как судить о действиях правительства и пр.». В свете этих установок деятельность «Зеленой лампы» в системе Союза Благоденствия освещается под несколько новым углом зрения и получает особый интерес для историка движения декабристов. Она оказывается руководимой Союзом организацией, и направление ее политических интересов и настроений, очевидно, имеет известную связь с центром тайной организации.

Свидетельство М. К. Грибовского о «Зеленой лампе» не фигурировало на следствии по делу декабристов,— к тому времени его, очевидно, забыли. Это ясно из того, что специальная следственная анкета от 12 января 1826 г., посвященная этой организации, ошибочно именует ее «особым тайным обществом» и не упоминает ни словом об ее связях с Союзом Благоденствия [52]. Составленная М. К. Грибовским записка была подана Александру I в мае 1821 г., таким образом, ее отделяло от следствия более четырех лет. Первоначальные общества декабристов не стояли в центре внимания следствия, разбиравшего дела куда поважнее: о двух реальных восстаниях и о бесчисленных «намерениях цареубийства». Члены Союза Благоденствия, не принимавшие позже участия в жизни тайного общества, оставлялись, как правило, «без внимания». Поэтому следственный материал дает мало данных о «Зеленой лампе», и мы не представляли бы себе политических настроений ее участников, если бы не знаменитое пушкинское послание («Горишь ли ты, лампада наша»), несколько скупых упоминаний в переписке Пушкина да остатки ее архива, разысканные Б. Л. Модзалевским.

В численном отношении «Зеленая лампа» достигла верхнего предела, намеченного «Зеленой книгой»,— известен 21 «лампист». Среди них 11 человек упомянуты в известном «Алфавите декабристов»: С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, Ф. Н. Глинка, Н. В. Всеволожский, П. П. Каверин, А. Г. Родзянко, Д. Н. Барков, А. Д. Улыбышев, А. А. Дельвиг, А. А. Токарев, А. И. Якубович. Из числа лампистов не упомянуты в «Алфавите»: А. С. Пушкин, Ф. Ф. Юрьев, П. Б. Мансуров, В. В. Энгельгардт, И. Е. Жадовский, М. А. Щербинин, Н. И. Гнедич, Д. И. Долгоруков, М. Н. Загоскин, Л. С. Пушкин (причисление к лампистам последнего вызывает известные сомнения ввиду его слишком юного возраста).

Входившая в «Зеленую лампу» литературная молодежь между веселой шуткой и дружеским ужином читала новые стихи и прозаические произведения, в том числе статьи и доклады политического характера.

Общество «Зеленой лампы» тесно связано с биографией молодого Пушкина, входившего в ее состав. Таким образом, в период Союза Бла-

годенствия Пушкин был объединен с декабристским движением не только идейно, но и организационно,— он входил в состав одной из «побочных управ» Союза Благоденствия.

Члены «Зеленой лампы», как и члены Союза Благоденствия, должны были давать торжественное обещание в сохранении тайны; давал эту клятву и Пушкин. Достаточно познакомиться с политической стороной деятельности «Зеленой лампы», чтобы понять, почему подобная клятва была необходима: политические разговоры и доклады в «Зеленой лампе» касались чрезвычайно серьезных тем. Вот что скрывалось, например, под шутливой шарадой. Загадав слово «престол» и описав его составные части, автор (Ф. Глинка?) пояснял целое:

Что ж целое мое? — Всегда жилище власти,
И благо, где на нем, смирив кичливых страсти,
Спокойно восседит незыблемый закон:
Тогда ни звук оков, ни угнетенных стон
Не возмущают дух в стра́нах, ему подвластных...
. . . .
Но горе, где, поправ священные законы,
Забыв свой долг, презрев граждан права и стоны,
Воссядет равный им страстьми, а не закон.
Там в миг преобратит строптивой властью он
В ничто — обилья блеск; луга и нивы — в степи,
И детям от отцов наследье — грусть и цепи,
И землю окропят потоки горьких слез...

Остро сатирическое «Письмо к другу в Германию» разоблачало лагерь «погасильцев», ненавистников просвещения и сторонников «деспотического правления». Но наиболее интересно произведение «Сон» («Le Rêve»), на которое уже приходилось ссылаться раньше, при анализе политической программы Союза Благоденствия.

Декабристы, разумеется, не были утопистами в привычном для историка значении этого слова. Они не оставили после себя утопий,— историк изучает их реальные конституционные проекты, а не фантастические учения об идеальном общественном строе. Но среди идеологических документов раннего декабризма к «Сну» А. Д. Улыбышева как-то подходит это определение, несмотря на все сделанные оговорки. Живой, остроумный и несколько необыкновенный по своему содержанию, «Сон» в фантастической форме отражает представление декабристов об идеальном общественном строе, хотя и делает это неполно, обрываясь на самом интересном месте [53].

Рукопись «Сна» на французском языке занимает шесть листов и содержит авторские поправки. На основе анализа почерка и сопоставления ряда биографических данных Б. Л. Модзалевский пришел к выводу, что автором ее является А. Д. Улыбышев, служивший в то время в Коллегии иностранных дел, создатель ряда обличительных драматургических произведений, страстный защитник освобождения крестьян и свободы печати, он оставил заметный след в русской культуре также как музыкант и знаток истории музыки: ему принадлежит обширный труд о Моцарте. Рукопись «Сна» написана на бумаге с водяным знаком 1817 г., но ее можно и более точно датировать. На ней имеется в углу пометка карандашом о том, что относится она к 13-му заседанию «Зеленой лампы», что позволяет отнести ее к исходу 1819 г. Очевидно, «Сон» был прочитан в кругу членов организации. Неизвестно, присутствовал ли А. С. Пушкин при чтении рукописи А. Д. Улыбышева, можно лишь заметить, что он мог при-

сутствовать, так как в конце 1819 г. был в Петербурге, а пропуск заседаний «Зеленой лампы» как будто не был в его обычае.

Автор интересующего нас произведения решил рассказать товарищам «сон», который он будто бы видел в прошлую ночь. Сон должен был заинтересовать всех его сотоварищей по «Зеленой лампе», настолько он, по мнению его автора, согласовывался с их «желаниями и мечтами». Толкование снов вообще представлялось автору наиболее простительным из всех видов суеверий,— ведь в фантастических видениях сна можно увидеть и «прообразы нашего будущего». Автор увидел себя во «сне» на улицах хорошо знакомого ему Петербурга, но вокруг все до того изменилось, что трудно было поверить, что он находится в знакомом городе. Новые прекрасные общественные здания возвышались на «каждом шагу», а старые, хорошо знакомые дворцы и казармы имели совершенно новое назначение, которое было до странности не похожим на первоначальное. Раньше город был наполнен «бесчисленными казармами»,— теперь они были заняты «общественными школами, академиями и библиотеками всех видов». Вот мрачный Михайловский замок, в котором задушили Павла I. Теперь на нем надпись большими золотыми буквами: «Дворец Государственного Собрания». Вот Аничкин дворец,— через его большие стеклянные окна видно множество прекрасных статуй из мрамора и бронзы. Что же тут находится? Оказывается, это Русский Пантеон, иначе говоря, «собрание статуй и бюстов людей, прославившихся своими талантами или заслугами перед Отечеством». Автор входит в Пантеон, рассматривает статуи, но, к удивлению своему, не находит там изображения «теперешнего владельца» прекрасного здания, иначе говоря, великого князя Николая Павловича, тогдашнего обладателя дворца [54]. Выйдя из Пантеона, автор попадает на Невский проспект,— и тут картина изменилась. Ранее вдали рисовался силуэт монастыря, а теперь вместо него возвышалась триумфальная арка, «как бы воздвигнутая на развалинах фанатизма». В этот момент музыка необычайной гармонии и силы достигла слуха удивленного наблюдателя. Бесчисленное множество народа вливалось во врата гигантского круглого здания, увенчанного куполом,— именно оттуда слышались потрясшие его звуки. Размеры и великолепие здания превосходили все, что существовало до тех пор на земле, даже огромные памятники римского величия. Бронзовые двери «необычайной величины» открывались, чтобы впустить народ. Автор вошел вместе с толпой. Изнутри купол, поддержанный «тройным рядом колонн», представлял небо, покрытое звездами. Белый мраморный алтарь возвышался посреди залы, на нем горел неугасаемый огонь. Это — храм, догадывался автор, но какой же религии? Нет ни икон, ни священников — только народ, стоящий в глубоком молчании, слушает изумительную музыку. Минутная тишина воцарилась в храме, после того «несколько превосходных по правильности и звучности голосов» стали петь «гимн созданию» под музыку Гайдна. Впервые показалось автору исполнение достойным гения композитора, «я думал, что действительно внимаю хору ангелов». В необыкновенном богослужении участвует и старец, украшенный неизвестными знаками отличия. Торжественное зрелище не похоже ни на латинскую, ни на греческую обедню и вообще не носит следов христианства. В храме явно идет богослужение единому и всемогущему божеству, но оно решительно ничем не напоминает христианского культа. Автор потрясен всем виденным и одновременно озадачен своим непониманием действительности. Он решается от смущения прикинуться иностранцем, чтобы задать интересующие его вопросы; он забывает вдруг (чего не бывает во сне!) и свое имя и свою страну, приближается к старцу, только что перед тем обращавшемуся к толпе со ступеней алтаря, и спрашивает его: «Су-

дарь, извините любопытство иностранца, который, не зная, должно ли верить глазам своим, осмеливается спросить у вас объяснения стольким чудесам. Разве ваши сограждане не принадлежат к греко-католическому вероисповеданию? Но величественное собрание, которого я только что был свидетелем, равно не похоже на обедню греческую и латинскую и даже не носит следов христианства».

«Откуда же вы явились? — ответил старец.— Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз? Вот уже около трех веков, как среди нас установлена истинная религия, т. е. культ единого и всемогущего бога, основанный на догме бессмертия души, страдания и наград после смерти, очищенный от всяких связей с человеческим и суеверий. Мы не обращаем наших молитв ни к пшеничному хлебу, ни к омеле с дуба, ни к святому миру,— но к тому, кого величайший поэт одной нации, давней нашей учительницы, определил одним стихом: «Вечность имя ему, и его создание — мир». Среди простого народа еще существуют старухи и ханжи, которые жалеют о прежних обрядах. Ничего не может быть прекраснее, говорят они, как видеть архиерейскую службу и дюжину священников и дьяконов, обращенных в лакеев, которые заняты его облачением, коленопреклоняются и поминутно целуют его руку, пока он сидит, а все верующие стоят. Скажите, разве это не было настоящим идолопоклонством, менее пышным, чем у греков, но более нелепым, потому что священнослужители отождествлялись с идолом? Ныне у нас нет священников и тем менее — монахов. Всякий верховный чиновник по очереди несет обязанности, которые я исполнял сегодня. Выйдя из храма, я займусь правосудием. Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель бога, источника порядка во вселенной? Ничего нет проще нашего культа».

Музыка — единственное искусство, допускаемое при новом богослужении: «Она — естественный язык между человеком и божеством».

Старец приглашает автора сопровождать его. Он хочет рассказать ему о тех «переломах и реформах», которые произошли в России за последние 300 лет,— очевидно, его собеседник мало о них осведомлен.

Стало быть, автор увидел себя во сне в России через 300 лет после каких-то важнейших событий. Каких же? Каким путем совершились столь грандиозные изменения? Намеки дальнейшего рассказа прозрачны и ведут к одному выводу: 300 лет тому назад в России произошла революция. Проходя со старцем по Дворцовой площади, автор видит, что старый русский флаг вьется «над черными от ветхости» стенами дворца, но герб уже новый: вместо двуглавого орла «с молниями в когтях» автор видит изображение парящего в облаках феникса, который держит в клюве венок из оливковых ветвей и бессмертника.

«Как видите, мы изменили герб империи,— говорит старец своему спутнику.— Две головы орла, которые означали деспотизм и суеверие, были отрублены, и из пролившейся крови возник феникс свободы и истинной веры».

В тексте «сна» не упомянуто слово «революция», но самый образ двуглавого орла с отрубленными головами и заменившего его феникса — легендарной птицы, сгоравшей в огне и вновь возрождавшейся из пепла, конечно, свидетельствует о далеко не мирном характер переворота, говорит о происшедшей в стране революции. Старец поясняет создавшийся образ революционного переворота: «Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы».

В этом прекрасном Петербурге будущего, столице обновленной революцией России, царит изобилие и довольство; какой-то новый обществен-

ный строй, «согласующийся с законами человечности», обеспечивает общее благосостояние, и «бедняки», все же иногда встречающиеся в этом идеальном обществе, впадают в бедность лишь от случайных «несчастных» обстоятельств. Они немедленно получают самую щедрую помощь от своих сограждан и выходят из бедности. В конце описанного богослужения старец призывает присутствующих прославить божество не только музыкой, но и делами и «через несколько минут» получает от присутствующих для «нескольких» бедняков сумму, которой было бы достаточно, «чтобы десять семейств извлечь из нищеты». Очевидно, сумма эта даже превосходила потребные для данного случая средства.

Общее равенство граждан и отсутствие сословий — также очевидная черта того общественного строя, который обрисован автором «Сна». Россия, которую он увидал,— общество свободных сограждан. Они все равны перед законом. Это видно по надписи на том новом великолепном дворце, к которому приближается старец со своим собеседником: «Святилище правосудия открыто для каждого гражданина, где во всякий час он может требовать защиты законов». Здесь собирается «верховный трибунал», состоящий из «старейшин нации». Старец, выступавший в храме, как раз принадлежит к этому собранию старейшин. «Верховные чиновники», по очереди несущие свои обязанности, о которых упоминалось ранее, очевидно, являются этими «старейшинами нации». Исходя из перечисленных данных и из общих основ мировоззрения автора, противника крепостного права, мы можем с уверенностью предположить, что крепостничество рухнуло в фантастической картине А. Д. Улыбышева ровно 300 лет назад. Еще одна важная сторона вопроса: оборона государства в случае необходимости осуществляется всеми гражданами, способными носить оружие и призываемыми в случае необходимости к защите родины. Но постоянной армии вообще не существует в этом утопическом построении, и автор относится к ней крайне отрицательно. «Леса, поддерживавшие деспотизм, рухнули вместе с ним», а постоянная армия — источник насилия и огромных расходов, ложащихся на плечи народа, относится, по мнению автора, как раз к понятию этих «лесов». Что же касается службы внутреннего порядка, необходимой для спокойствия граждан, то в «утопии» А. Д. Улыбышева ею заняты «по очереди» все граждане империи, способные носить оружие.

В образе описанного выше религиозного служения легко разглядеть культ верховного существа из истории революционной Франции. Идеология французской буржуазной революции была воспринята и самостоятельно переработана автором «Сна»; предположенное им решение надо признать довольно смелым. Дворец Государственного собрания на месте бывшего царского дворца, очевидно, говорит о какой-то форме представительного народного правления. Немало слабых, ограничительных сторон дворянского классового мировоззрения ощущается в «Сне»: уже не говоря об обойденных молчанием многих вопросах социального строя, обращает на себя внимание наличие конституционной монархии, а мелькнувшее выражение о «простом народе», в котором еще встречаются «старухи и ханжи», сожалеющие о православной обрядности, говорит об остатках старого социального деления. Однако никак нельзя согласиться с Б. Л. Модзалевским, находящим какое-то сходство между «Сном» и «Путешествием в Землю Офирскую» князя М. М. Щербатова [55]. Последнее является явной «полицейской» дворянской концепцией реакционного характера, в передовом же декабристском характере «Сна» нет никаких сомнений.

В связи с тем, что общество свободных сограждан, возглавляемое мудрыми «старейшинами», представляется автору все же в каких-то фор-

мах конституционной монархии, надо напомнить, что Союз Благоденствия в те годы еще придерживался в своей программе конституционно-монархических требований. Правда, в «утопии» А. Д. Улыбышева совсем не развито положение о конституционной монархии, а лишь упомянуто о существовании какого-то безликого «государя», который едва ли живет в «черном от ветхости» Зимнем дворце.

Общество свободных сограждан, управляемое и судимое «старейшинами», является передовой *русской нацией*. Вопрос о передовой национальной культуре особенно любопытно разработан в «Сне» Улыбышева. Оказывается, «перед великими событиями», совершившимися 300 лет назад, русская культура была в упадке. Резко осуждается поспешность и насильственность реформ Петра I, насаждавшего учреждения, скопированные у иностранцев. Подражание иностранцам имело губительное воздействие: накануне революционных событий в фантастической картине, нарисованной автором, русская литература несла на себе печать упадка и ее будто бы можно было сравнить с плодом, который был зеленым с одной стороны и сгнившим с другой; это подходило, впрочем, и к заимствованным с Запада учреждениям. Но «великие события», разбив оковы народа, вдохнули новую жизнь в литературное творчество. «Стали вскрывать плодоносную и почти нетронутую жилу нашей древней народной словесности, и вскоре из нее вспыхнул поэтический огонь, который и теперь с таким блеском горит в наших эпопеях и трагедиях». С установлением новых нравов возникла и «хорошая комедия, комедия самобытная». Русская культура после «великих событий» достигает необычной силы и величия.

Одна деталь удивляет автора: «Проходя по городу, я был поражен костюмами жителей. Они соединяли европейское изящество с азиатским величием и при внимательном рассмотрении я узнал русский кафтан с некоторыми изменениями.

— Мне кажется,— сказал я своему руководителю,— что Петр Великий велел высшему классу Русского общества носить немецкое платье,— с каких пор вы его сняли?

— С тех пор, как мы стали нацией,— ответил он,— с тех пор, как, перестав быть рабами, мы более не носим ливреи господина. Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим».

Как тут не вспомнить защиты «величавой» русской одежды в «Горе от ума» и насмешек над неудобным европейским фраком («Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем, рассудку вопреки, наперекор стихиям, движенья связаны...»).

Но вернемся к старцу и его спутнику, которые готовятся вступить в «Святилище правосудия», открытое для каждого гражданина. Интересно, как же происходит суд в новой России. Дворец правосудия помещается на другом берегу Невы, к нему ведет «великолепный мост, наполовину мраморный, наполовину гранитный». Такого еще не было в Петербурге, очевидно, мост построен заново. Старец со спутником готовятся перейти через мост, но в эту минуту... автор просыпается. Его разбудили звуки рожка, барабана и вопли пьяного мужика, которого тащили в участок... «Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко...»

Так внезапно обрывается «утопия»...

Мы не успели узнать, как же производится суд в этой фантастической стране, не узнали мы многого другого. Ясно, что отсутствует характеристика ряда важнейших сторон социально-политической жизни новой России. Как ведется хозяйство, чем обеспечивается процветание и изобилие? Что происходит в стенах «Дворца Государственного Собрания»? Какое

отношение имеет это государственное собрание к неясному «государю» и в чем полномочия совета старейшин? Ответа нет. Но «утопию» пресек не случайный стук утренней приборки, не петербургский вставший купец, идущий разносчик и не извозчик, тянущийся на биржу, а появление марширующей царской армии, вероятно, шедшей на утренний парад под звуки «рожка и барабана», и не призрачный, а вполне реальный полицейский стражник, тащивший в участок пьяного мужика... Можно формулировать два предположительных ответа: допустим, автор еще не продумал поставленных только что вопросов о чрезвычайно существенных сторонах своей «утопической» России и не знал, что ответить, поэтому и проснулся. Но допустимо и другое: не символично ли появление полицейского и царской армии, прерывающих рассказ «утописта»? У него хватило смелости на религиозный протест, достало храбрости на рассказ о новом быте и новой культуре, но продолжать дальше у него не было духу даже в замкнутом кружке близких литературных друзей: далее следовали более опасные темы, и автор предпочел «проснуться».

Приведенных материалов более чем достаточно для того, чтобы политическая сторона деятельности «Зеленой лампы» была засвидетельствована с полной категоричностью. Попытка некоторых пушкинистов (В. В. Вересаев, Г. Чулков и др.) обрисовать «Зеленую лампу» как «оргиатическое» (!) общество молодых людей не выдерживает никакой критики. Незаконченное послание Пушкина к «Зеленой лампе» также говорит со всей ясностью о политической стороне деятельности этого тайного общества, упоминая о равенстве и о фригийском колпаке — символе революционной Франции [56].

...Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равéнство...

Организация «Зеленой лампы» была несомненным воздействием Союза Благоденствия на литературу [57].

Отметим довольно широкую известность «Зеленой лампы» в декабристских кругах,— очевидно, ее деятельность привлекала к себе внимание. О «Зеленой лампе» дали показания С. Трубецкой, Пестель, Бурцов, Митьков, Фонвизин, Кюхельбекер, П. Колошин и некоторые другие декабристы [58].

5

Идея создания ведущего литературно-политического журнала, который отражал бы основные требования Союза Благоденствия и концентрировал бы вокруг себя общественные силы, легла в основу попытки создать новое вольное общество — Журнальное. Оно явилось в некотором отношении преемником распавшегося «Арзамаса» по линии той основной идеи открытого журнала, к которой он пришел, но которую не смог поднять. Общество было задумано Н. Тургеневым осенью 1818 г. (запись в дневнике от 27 октября), когда распад «Арзамаса» был уже совершившимся фактом [59]. Предполагая полностью развернуть деятельность задуманной организации и осуществить журнал в следующем году, Николай Тургенев называл его «Обществом 19 года и XIX века». Новое объединение должно было с 1819 г. начать издание серьезного политического журнала под на-

званием «Россия начала XIX века» или «Архив политических наук и Российской словесности». Замысел был серьезнее возникшего в «Арзамасе» [60].

К работе над журналом Н. Тургенев вплотную привлек своего товарища по Геттингенскому университету — А. П. Куницына, лицейского учителя Пушкина и лектора декабристов, и совместно с ним составил проспект издания [61]. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, о чем свидетельствует донос Грибовского: «Тургенев, дававший главное направление, брался с профессором Куницыным издавать журнал по самой дешевой цене для большого расхода (т. е. широкого распространения.— *М. Н.*), полагая издержки на счет общества, в котором бы помещать статьи к цели Общества относящиеся» [62].

Сохранившийся проспект журнала говорит о том, что в нем должны были освещаться политические вопросы, даваться статьи на чисто научные темы самого широкого круга. Отдел, посвященный «философии», включал педагогический отдел, часть словесности (с примечанием на полях: «Здесь будут помещаться рассуждения в прозе, а также стихи всякого рода») и отдел «Описания нравов». В память просветителя XVIII в. Н. И. Новикова и для установления преемственной связи с прошлым русского общественного движения составители проспекта предполагали назвать этот отдел именем одного из сатирических журналов Новикова — «Живописец» [63].

В работе по организации Журнального общества предполагалось участие Никиты Муравьева, Федора Глинки, Грибовского, Бурцова, П. Колошина, Шаховского. Есть данные о том, что к журналу был привлечен и Илья Долгоруков. Было решено также привлечь А. С. Пушкина, что доказывается наброском журнальной программы. За исключением А. С. Пушкина, все указанные члены входили в состав Коренной управы Союза Благоденствия,— поэт включался, таким образом, в состав вольного общества, руководимого Союзом Благоденствия, и произведения его должны были публиковаться в очень серьезном политическом контексте. Содействовать журналу, согласно доносу Грибовского, обещал и Петр Чаадаев, которого в это время «испытывали» для принятия в общество [64].

Н. Тургенев взялся за дело с жаром, и сначала оно двинулось довольно быстро. 21 января 1819 г. на его квартире произошло первое заседание Журнального общества, 10 апреля — второе, причем здесь уже слушались написанные для будущего журнала статьи. В письме к брату Сергею Николай Тургенев писал: «Все статьи должны иметь целию свободомыслие». Позже было проведено еще несколько заседаний Журнального общества.

И. И. Пущин засвидетельствовал, что А. С. Пушкин присутствовал на одном из собраний Журнального общества, во время которого их лицейский товарищ Маслов читал свою работу о статистике, предназначенную для будущего журнала. Появление Пушкина на этом заседании Пущин рисует как случайное, но мы имеем основание усомниться в этом: ведь Пушкина намечено было пригласить в Журнальное общество и осведомить о проспекте журнала, почему же он не мог появиться на его заседании? И. И. Пущину могли не сообщить о предположениях инициаторов. Но впрочем его свидетельство не вызывает сомнений и рисует живую картину заседания и встречи с поэтом. Как раз во время чтения статьи Маслова о статистике Пущин почувствовал, что кто-то сзади взял его за плечо. Он обернулся — это был Пушкин. «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле»,— шепнул ему Пушкин на ухо. Он был убежден, что у Н. Тургенева собралось заседание того самого тайного общества, о существовании которого он давно догадывался. «Вер-

но, это ваше общество в сборе?» — спросил его Пушкин, когда чтение кончилось. Ясно, что прежние уверения Пущина о том, что тайное общество не существует, не убедили его друга: он остался при своем мнении. Повидимому, и на этот раз Пушкин не поверил объяснениям Пущина [65].

Пушкин был неправ в своем предположении,— он присутствовал не на заседании тайного союза: Журнальное общество было «вольным обществом» Союза Благоденствия, т. е. в точном соответствии с «Зеленой книгой» было задумано как легальное. Это обстоятельство помогает уяснить причину, почему его замыслы не были доведены до конца и журнал «Россиянин XIX века» не был осуществлен. Тайный замысел — «свободомыслие» всех статей — не мог, разумеется, вместиться в рамки требований день ото дня свирепевшей цензуры. В 1818 г. было запрещено печатать что бы то ни было о крепостном праве, как в пользу последнего, так и против него. Цензура ловила малейшие проявления свободомыслия даже в стихах и художественной прозе. Задумать такой журнал в конце года, в апреле следующего уже выслушать первые написанные для него статьи, а в мае того же 1819 г. записать в дневнике: «самодержавное правление... несогласно с счастьем гражданским»,— это говорило о том, что Николай Тургенев осознавал глубокое противоречие, которое сказалось между замыслом и обстановкой его осуществления. В тот момент (можно сказать, накануне «профессорского процесса», в обстановке бурной деятельности Магницкого и Рунича) невозможно было осуществить задуманное. Вместе с тем, как увидим ниже, в это же время протекала обостренная радикализация программы Союза Благоденствия, подготовка победы республиканских идей и более последовательной тактики насильственного переворота. Идеи тайного общества становились зрелее в революционном отношении, отразить их в журнале делалось все труднее. Таковы, повидимому, были причины того, что Вольное Журнальное общество не смогло осуществить своего замысла. Блестящий состав намеченных авторов вполне мог бы в дальнейшем справиться с задачей,— дело было не в авторах [66].

Однако было бы неправильно полагать, что Союз Благоденствия не выступил со своими идеями в печати. Действуя разными путями, он все же сумел, хотя и в крайне ограниченной мере, опубликовать ряд дышавших вольнолюбием произведений своих членов и содействовать изданию работ единомышленников [67].

Издание книги Николая Тургенева «Опыт теории налогов», вышедшей в 1818 и переизданной в следующем же 1819 г. в типографии близкого к Союзу Благоденствия В. Плавильщикова, также должно быть тут упомянуто. Именно издание «легальных» произведений такого рода было намечено «Зеленой книгой». Правда, Николай Тургенев работал над «Опытом» еще до того, как стал членом Союза Благоденствия, но его давняя близость к движению декабристов и идейная роль в его ранней истории дают основания указать его книгу в ряду интересующих нас произведений [68].

Работа Николая Тургенева «нечувствительным» образом доказывала вред и несостоятельность крепостного права, агитировала за освобождение крестьян. Автор работал над «Опытом» в течение нескольких лет, собирал материал для своего труда еще в годы ученья в Геттингене. Вникнув в систему наиболее глубокого прогрессивного буржуазного экономиста Адама Смита (позже он будет высоко оценен К. Марксом), Николай Тургенев творчески развил ряд положений классической буржуазной политической экономии. Избранный им вопрос о налогах был одной из существенных экономических проблем, изучение которых приближало

декабриста к пониманию нужд народной массы. Он рассмотрел в своем труде вопрос о происхождении налогов, исследовал главные правила их взимания, источники налогов и разные их «роды», изучил вопросы о собирании, уравнении налогов, общем их действии. Всю работу завершила глава о бумажных деньгах как о налоге. Декабрист ратовал против сословного строя, доказывал необходимость равного распределения налогов, настаивал на строгой определенности государственного налога, на собирании налога «в удобнейшее для населения время» и в умеренном размере и на необходимости взимать налог не с капитала, а лишь с чистого дохода. В целом идеология Н. Тургенева принадлежала прогрессивному в тот момент для России буржуазному мировоззрению. Враг крепостного права и сторонник представительного правления, Н. Тургенев сумел отразить в своем труде эти запретные в то время для подцензурной печати идеи. Позже в книге «Россия и русские» Н. Тургенев писал о своем «Опыте»: «...Оставаясь в пределах изложения теории налогов, я допускал много экскурсий в более широкие области политики. Подушная подать давала мне случай говорить о крепостном праве, и я не преминул воспользоваться этим случаем. Эти добавления имели в моих глазах гораздо большее значение, чем основной предмет моей работы. Клеймя ненавистное рабство, я делал это в достаточно понятных и сильных выражениях, и, по моему мнению, никогда еще на русском языке не было напечатано о крепостном праве ничего столь же ясного и определенного».

Завершая свой «Опыт», Н. Тургенев говорил: «Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного.— Да благословит Небо благие подвиги мудрых Правительств и преданных отечеству граждан» [69].

При всем значении книги Н. Тургенева судить об его мировоззрении только на основании «Опыта теории налогов» было бы большой ошибкой. Рано связав свою деятельность с русским освободительным движением, Н. Тургенев не будет правильно понят без учета его воззрений и действий как члена революционной организации.

В годы деятельности Союза Благоденствия вышел не только «Опыт теории налогов» Н. Тургенева, но ряд произведений декабристов. Особенно обильны работы неутомимого Федора Глинки. Он публикует в это время много стихотворений, в числе которых полное смелого политического содержания обращение к сосланному А. С. Пушкину, продолжает трудиться над изучением военной истории России. Только за три года существования Союза Благоденствия Ф. Глинка издает чуть ли не сотню произведений — стихов, статей, заметок, переводов. Он — активный деятель «Военного журнала», автор многочисленных работ военной тематики, проникнутых высоким духом патриотизма и устанавливающих правильную оценку русского военного искусства. Его работы о 1812 годе, в частности о Бородинском сражении, не потеряли значения доселе. Обращает на себя внимание совершенно новый жанр — популярные произведения Ф. Глинки для народа. Он пишет в эти годы «Подарок русскому солдату» (1818), народную повесть «Лука да Марья» (1818), народную сказку «Бедность и труд», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» (1818) и др. Деятельность эта отчетливо соответствует установкам Союза Благоденствия, который считал необходимым издание книг «для народа». Однако лишь 1818 г. богат подобными произведениями Ф. Глинки, далее линия эта явно глохнет, вероятно, в силу воздействия «недреманного» ока начальства и бдительной цензуры. А с 1820 г., после «семеновской истории», об издании подобной литературы, несмотря на

всю ее внешнюю «легальность», не могло быть и речи. Кроме работ Ф. Глинки, надо вспомнить тут о творчестве Федора Толстого, убежденного и активного члена Союза Благоденствия. Знаменитый медальер в эти годы не только создает ряд своих прославленных медалей в честь Отечественной войны 1812 г.,— тогда же выходит книга с их описанием [70].

Немало печатает в это время близкий Союзу Вильгельм Кюхельбекер, публикующий, в частности, в 1820 г. свои «Европейские письма». Нельзя не заметить, что насыщенная радищевской разоблачительной силой книга Савелия Ферельтца «Путешествие критики», о котором упоминалось выше, вышла именно в эти годы в издании чрезвычайно близкого к декабристам купца-издателя С. И. Селивановского.

«Зеленая книга», как мы помним, рекомендовала своим членам заниматься критикой выходящей литературы, хвалить достойные передовые произведения, соответствующие духу Союза Благоденствия, раскрывать несостоятельность ошибочных, разоблачать ретроградные, утверждающие старый порядок вещей. Этой благородной задаче полностью соответствовала та блестящая критика «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которую развернули члены Союза Благоденствия Никита Муравьев и Михаил Орлов. Нет сомнений, что декабристский круг, примыкавший к ним, был достаточно широк и устное обсуждение нашумевшего труда Н. М. Карамзина имело значительное число участников из среды Союза Благоденствия [71].

«История государства Российского» Н. М. Карамзина вышла в свет в феврале 1818 г.,— она застала уже завязавшийся бой между старой и молодой Россией. Союз Благоденствия сформировался месяцем раньше, и «охранительный» труд придворного историографа сразу оказался в орбите внимания членов молодой организации. «История» Карамзина сама послужила силой, выявившей столкновение двух лагерей и углубившей их размежевание. В этом процессе члены Союза Благоденствия заняли активную, наступательную позицию. Драгоценным свидетельством об этом мы обязаны Пушкину. Он оказался живым свидетелем и участником идейной борьбы старого с новым в русской историографии. На заре русского революционного движения молодой лагерь новаторов восстал против «охранительной» концепции Карамзина, направленной к прославлению самодержавия. «Молодые якобинцы негодовали,— писал Пушкин,— несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения». Мы не располагаем, разумеется, всей полнотой свидетельств об этих спорах, драгоценных для русской историографии. В печать они, по политическим соображениям, не могли проникнуть: опровергая официальную правительственную концепцию «благости» самодержавия для народа, свидетельства эти являлись тем нелегальным и опасным материалом, которому было заказано переступить порог печатного слова. Даже доверить свои возражения бумаге было далеко не безопасно, и декабрист Никита Муравьев, все же сделавший это, проявил несомненную смелость.

Обширное произведение Карамзина, бывшее единственным легко читаемым сводным трудом по истории родины, содержало самодержавно-крепостническую трактовку истории России. Спор двух концепций — декабристской и «охранительной» начался с первой же фразы только что вышедшей «Истории», которую все с жадностью читали и буквально рвали из рук, по словам Никиты Муравьева. Основное положение, открывавшее труд Н. М. Карамзина, гласило: «История народа принадлежит царю». Нет, возражал декабрист, «история принадлежит народам». Исходные положения спорящих сторон были разительно противоположны.

Уже этот момент не мог быть легальным: утверждение Н. М. Карамзина открывало текст посвящения всей работы царю, было обоснованием и его охранительной концепции и самого посвящения. Молодой полемист из противоположного лагеря колебал и то и другое. Карамзин, пропагандируя легенду о призвании варягов, утверждал мирный характер якобы по воле народа укрепившегося русского самодержавия, призванного к власти самим народом. Декабристы решительно отвергали эту фальсификацию и, опираясь на обширный фактический материал, утверждали исконный характер древнерусского вечевого строя, издревле утвердившегося на Руси народоправства. Возникал глубокий принципиальный спор, к которому молодой критик-декабрист стремился привлечь многих, призывая к созданию общественного мнения о труде Карамзина: «Честь писателю, но свобода суждениям читателей... Каждый имеет право судить об истории своего отечества». Голос декабриста Лунина присоединяется тут к Никите Муравьеву, утверждая, что «шайка Рюрика» была лишь наемным варяжским отрядом, поступившим на службу славян. Каково было рюриковичам слушать об этом? Карамзин ставил правителей над народом,— их мудрость «обуздывала» бурное стремление искони мятежных страстей подчиненной им народной массы. «Согласимся, что сии примеры редки»,— возражает декабрист. «...Весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы соображения наши противу естественного хода вещей». Тут противопоставлялись два принципиально противоположных понимания истории. Карамзин полагал царя демиургом истории и проповедовал, что царь «движением перста дает ход громадам». Декабрист противопоставлял этому понятие «естественного хода вещей», какого-то закономерного развития исторического процесса, не подвластного одному лицу, какою бы властью оно ни обладало. Существо представления о закономерностях оставалось идеалистическим, миром правили идеи. «Вообще — от самых первых времен — одни и те же явления,— утверждал Никита Муравьев.— От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система». При всем идеализме этих положений они были куда выше карамзинского убеждения о произвольной силе царя повернуть куда угодно ход событий. Никита Муравьев восставал против идеализации Карамзиным «азиатского деспотизма», признавал законным непрерывное «борение граждан» во имя общего блага. Карамзин идеализировал крепостнические порядки старой России,— Никита Муравьев находил невозможным примириться не только с угнетающим Русь татарским владычеством, но считал, что «еще унизительнее для нравственности народной эпохи возрождения нашего рабская хитрость Иоанна Калиты, далее холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV». Беззаконность самодержавия и неспособность его идти навстречу «естественному ходу вещей», «духу времени» разоблачались Никитой Муравьевым: «Кто дерзнет в высокомерии своем насильствами учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению?». Представительный строй, участие граждан в управлении государством — высший критерий оценки политического устройства для декабриста. Никита Муравьев отчетливо противопоставляет свое понимание критикуемой концепции: «Сравнивая историю российскую и древнюю, историк наш (Карамзин.— *М. Н.*) говорит: «Толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому — немного разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы траге-

дии и статуи Фидиасовы». «Я нахожу некоторую разность»,— возражает Никита Муравьев: «Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали; здесь слуги дрались по прихотям господ своих. Мы не можем забыть, что полутигры Греции наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения».

Спор коснулся и характера ученого изложения, вопроса научной аргументации. Карамзин легко подменял этот сложный вопрос художественностью изображения «исторических действий». С большой легкостью мысли он замечал: «Знание прав..., ученость, остроумие... глубокомыслие... в историке не заменяют таланта изображать действия». «Бесспорно,— возражал ему Н. Муравьев,— но это не доказывает, чтоб искусство изображения было главное в истории. Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний учености, прилежания и глубокомыслия. Что важнее! Мне же кажется, что главное в истории есть дельность оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение есть унижать оную».

Рукопись Никиты Муравьева «Мысли об истории государства Российского Н. М. Карамзина» получила широкое хождение, ее переписывали и передавали из рук в руки. Но негодование «молодых якобинцев» не исчерпывалось этим. Письма Михаила Орлова к П. А. Вяземскому по поводу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, датированные — одно 4 мая, другое 4 июля 1818 г., также получили широкую огласку и сыграли свою роль в формировании передового общественного мнения и новой концепции русского исторического процесса.

«Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу»,— откровенно пишет М. Орлов, ополчаясь прежде всего против понимания Карамзиным предмета своего повествования и отношения его к подбору источников. Если источники недостаточно достоверны, то как же можно именно на них строить выводы о норманнах, якобы создавших русскую государственность, выводить из этих поколебленных в своей правильности данных ответственнейшие выводы, унижающие русское патриотическое чувство своим явным несоответствием с действительностью? «Я надеялся найти в оной («Истории» Карамзина.— *М. Н.*) ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили Римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорданеса, уничтоженных Пинкертоном, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исланских и на пристрастных рассказах греческих писателей». Михаил Орлов был глубоко прав, требуя правильного освещения тех этапов истории, которые протекли в дорюриковское время. Лишь они действительно могли объяснить зрелость последующих этапов: «...Как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовала над междоусобиями князей...?». Орлов с основанием отвергал «сие историческое чудо» и требовал рационального объяснения. Он судил, по собственному признанию, «не так, как писатель, но как гражданин». Беспристрастно оценивая эти суждения, мы видим, что в научном смысле они были неизмеримо выше беспомощных и реакционных вымыслов Карамзина о варягах, якобы создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России. Революционный патриот и гражданин Орлов стоял на пути к истине, придворный историограф Карамзин уводил от нее читателя. Замечательна и мысль Орлова о роли славянства в сокрушении «варварами» обветшавшей Римской империи. В этом участии молодых и свежих славянских сил в разру-

шении старого Орлов усматривал «начало» и «основание» истории новейших времен. «Мне казалось,— писал он,— что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования».

Защита «норманской теории» имела место и раньше, но разве тяжелые и непонятные периоды Щербатова, Байера или Миллера могли сравниться с приятным слогом легкого карамзинского пера? Он призывал к чтению гораздо более широкий круг читателей, даже ростовских купцов и шереметевских крестьян, которых необходимо было уверить в законности российского самодержавия. Таким образом, Михаил Орлов, как и Никита Муравьев, борясь против ложной норманской концепции Карамзина, боролся против самодержавия. Он дерзкой рукой колебал идеологический «устой», которым рюриковичи охотно подперли трон Романовых в тревожные послевоенные годы. Начинался кризис феодально-крепостной системы, нарастала волна народного недовольства, усиливалось политическое брожение. Нужно было укреплять трон, заботиться о сознательных сторонниках. Славяне спаслись самодержавием, сами призвали князей, добровольно отказались от древнего «народного правления». «Возлюбим же спасительное самодержавие»,— призывал Карамзин. С самодержавия-де и началось истинное государственное существование России. Нет, возражал декабрист, истинное начало русской истории — именно в народном правлении, которое древнее и рюриковичей и Рюрика, именно оно в своем историческом развитии обосновало последующую славу России, и без него ничего нельзя понять в этой последующей славе.

Вяземский упрекал Орлова в том, что он якобы сердится на Карамзина за то, что тот не написал «басни», лестной для «родословного чванства» народа русского. Орлов с достоинством возражал, что он мог бы, сообразуясь с особенностями времени, похвалить Тита Ливия за внимание к легендам о божественном происхождении Ромула, но, говоря об истории России, он, разумеется, говорил отнюдь не о «баснях»: «Я, сообразуясь со временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России». Орлов законно требовал ясного рационального объяснения непреложного факта — «древнего величия» России, которое не мог объяснить Карамзин с его ложной апологетической схемой о добровольном призвании Русью на царство Рюрика, родоначальника романовской династии.

Через ложную схему Карамзина отчетливо просвечивал сухой космополитизм, без колебаний заменивший историю русского народа историей иноземной династии. Негодование передового убежденного патриота слышится в вопросах, брошенных Орловым Карамзину в первом же письме: «Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества».

Декабристы горячо любили свою родину. Михаил Орлов от лица членов тайного общества выразил совершенно правильную точку зрения, что «издание истории Российского государства есть дело отечественное...» Вот поэтому, движимые «священной любовью к отечеству», декабристы и пошли в бой против реакционной концепции Карамзина.

Но борьба членов Союза Благоденствия за передовую отечественную историографию не исчерпывается замечательным сражением за истину против Карамзина. Эта линия продолжалась. В 1819 г. М. Орлов открыто выступил против фальсификации русского военного прошлого и реакционной политической концепции Д. П. Бутурлина — автора вышедшей

в том же году в издании Главного штаба «Военной истории походов Россиян в XVIII столетии». Книга Бутурлина была написана русским автором по-французски (якобы для того, чтобы сделать чтение «удобным» большему числу читателей!) и переведена на русский язык генерал-майором квартирмейстерской части А. Хатовым. Уже это возмутившее истинных патриотов обстоятельство говорило об отсутствии у автора чувства национального достоинства («Ты писал по-французски и дал на сие самую дурную причину,— писал Орлов.— Лучше было бы ничего не говорить. По крайней мере неизвестно бы было, к какой литературе принадлежит твое сочинение»). Но дело было не только в иностранном языке. Ретроград Бутурлин, позже возглавивший в царствование Николая I печально знаменитый секретный Комитет по делам цензуры, свирепствовавший в России после революции 1848 г., уже в годы Союза Благоденствия проявил себя косным приверженцем охранительного лагеря и прокламировал свои симпатии к крепостному праву и самодержавию. Эта важнейшая сторона дела и вызвала более всего отповедь М. Орлова, отповедь тем более смелую и нелицеприятную, что и тот и другой были однополчанами, боевыми товарищами, кавалергардами. Все это не остановило М. Орлова. Оба его письма к Бутурлину — от 2 ноября 1819 г. и от 20 декабря 1820 г.— получили широкую огласку, ходили по рукам и читались как злободневная политическая литература. В первом же письме Орлов сразу заявил Бутурлину, что будет спорить с его политической концепцией. Крепостное право — первый враг декабриста, и отсутствие его горячего разоблачения на страницах книги Бутурлина вызывало возмущенный протест: «Ты говоришь в одном месте, что приобретение Казани и Сибири сделало необходимым принять меры против личной вольности крестьян. Хотя ты восстаешь против сего беззаконного действия самовластия, но сие самое не внушило себе ни одного движения красноречивого, и ты холодно рассуждаешь о предмете, который сделался первою причиною всех наших внутренних неустройств». Далее показана и ложность самого суждения Бутурлина о крепостном праве по существу и невежественность его в вопросах политической экономии; вообще не надо распространяться о внутренней политике, «которой ты не понимаешь». «Друг мой! Нет никого на свете, который бы более меня привязан был чувством к славе отечества. Но не время теперь самим себя превозносить. Ты видишь все с высокой точки умозрения, с поля сражения. Войди в хижину бедного Россиянина, истощенного от рабства и несчастья, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвосхищение будущего нашего величия». Эта замечательная формулировка запомнилась многим читателям (например Н. Тургеневу) и передавалась из уст в уста. Мы видим М. Орлова как врага крепостного права. Раздосадованный Бутурлин попытался оправдаться, и письмо Орлова нанесло ему еще более сильные удары. «И что же мы будем предлагать завоеванным народам? Наш жестокий удел рабства?» — спрашивал декабрист, смело разоблачая самодержавный строй. Самодержавие закрепостило народ вместо того, чтобы «обуздать мудрыми законами... самовластие помещиков». «Итак, ты видишь, что... ненавистный закон, порабощающий крестьян, был противен и человеколюбию и здравому рассудку. Ах! Сколько бы бедствий было отвращено от отечества нашего, ежели б самовластие наших государей, основав внешнюю независимость, не основало вместе внутреннего порабощения России!». Возмущаясь восхвалением самовластной монархии у Бутурлина, М. Орлов, разбирая для формы пример принявшей самовластие Дании, пользовался случаем отчетливо и смело изложить свою исходную политическую концепцию: «Правила моей жизни... заключаются в истинной и непреклонной ненависти к тиранству» [72].

Отсюда ясно, что проповедь освободительного мировоззрения была планомерно и сознательно проводимой линией в пропаганде членов Союза Благоденствия. Свою концепцию о незаконности крепостного права, порожденного самовластием абсолютизма, декабристы смело противопоставляли апологетам крепостничества, а разоблачительную критику самодержавия — его ретроградному восхвалению. Для доказательства своей исторической концепции М. Орлов мобилизовал фактический материал первоисточников отлично знакомой ему общей и военной истории. Добавим, что замечательные письма к Бутурлину превосходно рисуют благородный и смелый облик их автора-гражданина и доносят до нас ту характерную для членов Союза Благоденствия живую ораторскую интонацию, которая была так свойственна их разоблачительным выступлениям.

Облик М. Орлова полно раскрывает и его знаменитый приказ по 16-й пехотной дивизии от 18 октября 1820 г., хронологически приходящийся как раз между первым и вторым письмами к Бутурлину. Командир дивизии, уничтоживший в ней телесные наказания, благодарил солдат за уменьшение числа побегов и напоминал господам полковым командирам, что «солдаты такие же люди, как и мы». Приказ читался перед фронтом в каждой роте,— все это было неслыханным новшеством во времена аракчеевщины. В следующей главе мы подробнее остановимся на приказах М. Орлова и их роли в разработке декабристами новой революционной тактики [73].

Союз Благоденствия имел отношение к распространению обширной нелегальной рукописной литературы. Вольнолюбивые стихи А. С. Пушкина, написанные, несомненно, в идейной атмосфере тайного общества и распространяемые им («К Чаадаеву», «Ноэль», «Деревня», многочисленные эпиграммы), должны быть тут упомянуты. То же можно сказать о легально напечатанной, но антиправительственной по существу сатире Рылеева «К временщику» (1820), написанной и распространяемой еще до того, как Рылеев вступил в ряды тайного общества. Члены последнего немало сделали для истолкования и распространения этого блестящего разоблачения Аракчеева и аракчеевщины. Вспомним также о стихотворении «Гений Отечества», написанном в честь восставшего Семеновского полка и, вероятно, принадлежащем Федору Глинке. Надо было много смелости, чтобы в тех условиях так высоко оценить подвиг семеновских солдат:

Еще ли бунтом называют
Безумцы подвиг наш святой,
Природы чувства забывают,
Что все спасают жребий свой.
Не склонит истинный герой
На плаху шею молчаливо,
Чтоб варвар лютый горделиво
Последний вынул жизни дух —
Пройдет о нас в потомстве слух [74].

К нелегальной литературе Союза Благоденствия надо отнести и замечательный «Любопытный разговор» Никиты Муравьева, написанный им в 1820 г. непосредственно для распространения в народе. Это — документ, несомненно, республиканского характера. В «Любопытном разговоре» утверждалось, что «малое число людей поработило большое» потому, что «одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных

самим богом». Вывод — «надобно добывать свободы». Для этого надлежало «утвердить постоянные правила или Законы» (речь шла о конституции). Самодержавие определялось как строй, при котором самовластный царь «сам от себя, то есть без причины по прихоти своей властвует», а происхождение самодержавия приписывалось обману народа царями и подражанием царей «ханам татарским и султану турецкому». Народ в своих собраниях («вечах») должен править всем — таков был вывод этого замечательного агитационного документа Союза Благоденствия. Мы же остановимся на нем в следующей главе как на памятнике идейной эволюции движения декабристов [75].

Конечно, общий круг нелегальной и полулегальной литературы, исходившей непосредственно от Союза Благоденствия или создававшейся в его атмосфере, значительно шире приведенных примеров. Немало безвестных поэтов, находившихся под воздействием Союза Благоденствия, писало стихи, не увидевшие печати, но распространявшиеся среди друзей и даже в более широком кругу читателей [76].

Именно для издания потаенной литературы Коренная управа Союза Благоденствия приобрела за границей литографский станок. Покупка была осуществлена через члена Коренной управы декабриста Лунина и на средства Союза Благоденствия, собранные путем членских взносов. Нужную сумму для этого — 600 руб. (немалые по тем временам деньги) — Лунин получил из кассы общества через Никиту Муравьева (показание Трубецкого). «Литографский станок был куплен мною с той целью, чтобы литографировать разные уставы и сочинения тайного общества и не иметь труда или опасности оные переписывать»,— смело отвечал Лунин на вопрос следствия. Хотя станок и не получил особо широкого применения, но, несомненно, не раз использовался для целей тайного общества,— позже мы встретимся с примерами литографированных документов в жизни тайной организации. Станок хранили на квартире Трубецкого (в ванной) до самого восстания и следствия [77].

Декабристы думали и над другими путями нелегальной публикации. Возникала мысль о печатании за границей и о заведении тайной типографии где-либо в глухом имении. Грибовский доносит: «В одной из отдаленных деревень кого-либо из членов намеревались завести типографию и как литеры, отлив не старинный шрифт, так и все нужное выписать из-за границы. Глинка и Тургенев полагали успешнейшим чрез находящихся за границею членов литографировать в Париже особенно карикатуры и, ввозя через них же, распускать в народе на Толкучем рынке, рассылать в армию и по губерниям». Намерение Союза Благоденствия вести агитацию не только в «образованном обществе», но и в широких слоях населения засвидетельствовано этим доносом [78].

6

Было еще одно живое и активное литературное общество, которое, несомненно, являлось органом Союза Благоденствия. В отличие от «Зеленой лампы» оно не было основано тайным обществом, но было завоевано им и подчинено его задачам. Речь идет о Вольном обществе любителей российской словесности [79].

Основано оно было в январе 1816 г., почти одновременно с Союзом Спасения, при активном участии друга декабристов А. Д. Боровкова, которому позже выпадет печальная участь стать делопроизводителем Следственной комиссии по делу декабристов. Правда, в этой роли Боровков не раз оказывал арестованным посильную и подчас существенную

помощь. Но близкое знакомство Боровкова с декабристским кругом имело и тот печальный результат, что значительная часть архива Вольного общества в тяжелые последекабрьские дни, несомненно, ревизована Боровковым, уничтожившим наиболее интересные для исследователя документы, характеризующие деятельность общества. Тем не менее по оставшимся следам В. Базанов восстановил основные линии работы общества в интересующем нас плане его декабристских связей [80].

5 декабря 1816 г. в члены Вольного общества был принят Федор Глинка. Как установлено выше, дату принятия Глинки в первую декабристскую организацию — Союз Спасения — надо отнести к лету 1816 г., следовательно, в Общество любителей российской словесности вступил член тайного политического общества, уже поставившего себе отчетливую цель борьбы против крепостного права и самодержавия, сторонник представительного правления в России и враг старого строя. Уже в 1817 г. общество, хотя и не отличавшееся в те годы активностью, решило издавать журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» и вынашивало широкие планы издания «Полной Российской Энциклопедии» и биографического словаря о великих российских мужах. Все эти замыслы и общие тенденции делали общество драгоценной для Союза Благоденствия организацией, особенно потому, что оно было вполне легальным: в январе 1818 г. (именно в то время, когда декабристы заканчивали работу над первой частью «Зеленой книги») Вольное общество любителей российской словесности получило утверждение своего устава. Судя по дате, можно предположить, что Александр I утвердил этот устав в Москве, где тогда еще находились царский двор и гвардия.

Первый круг политических действий Вольного общества, повидимому, связан с прославлением императрицы Елизаветы, сторонником возведения которой на престол был декабрист Федор Глинка. Союз Благоденствия держался в ту пору ориентации на конституционную монархию. Именно Ф. Глинка и начал «кампанию» в пользу Елизаветы, втянув в орбиту действий общества и молодого А. С. Пушкина. Пушкинское произведение «В ответ на вызов написать стихотворение в честь императрицы Елизаветы Алексеевны» и было откликом на агитацию Ф. Глинки. Рассматривая этот вопрос, надо со всей отчетливостью подчеркнуть, что существо дела вовсе не в прославлении добродетельной и кроткой императрицы и отнюдь не в дворцовой интриге «предпочтения» на самодержавном троне жены — мужу. Речь идет о конституционной монархии, о ликвидации абсолютистского режима, о введении представительного правления, обеспеченного конституцией. Естественно, слабая женская тень на троне при российском парламенте и депутатах была выгоднее для молодых русских конституционалистов, нежели какая-либо «энергическая» фигура солдафона из дома Романовых. Агитация за Елизавету являлась поэтому, так сказать, левым направлением в рамках идеологии конституционной монархии, которая была свойственна декабристам на раннем этапе Союза Благоденствия. Конспиративность этой политической подосновы проявилась и в пушкинской строке: «Елизавету тайно пел» (почему бы жену императора надо воспевать тайно?), и в несколько неожиданной концовке стиха, говорящей о том, что, восхваляя Елизавету, неподкупный голос Пушкина становится эхом русского народа («И неподкупный голос мой был эхо русского народа»). Концовка эта становится понятной лишь в плане характеризованной выше политической идеологии.

Стихи членов Вольного общества в пользу Елизаветы (вся агитация Федора Глинки, стихи А. Никитина, прославленные стихи Пушкина) в этом отношении точно выполняли задачу, поставленную «Зеленой книгой»: они «нечувствительным образом» приготовляли общественное мнение к

принятию наиболее решительного и выгодного для новаторов вида конституционной монархии.

Одновременно надо подчеркнуть, что никакого самостоятельного «Общества Елизаветы», о котором заговорили было литературоведы, в раннем декабризме вообще не было. Было общее программное решение Союза Благоденствия бороться за конституционную монархию, и когда молодые вольнодумцы переходили в своих замыслах к его конкретизации, естественно, возникали разные кандидатуры: говорили и о Елизавете, и о малолетнем наследнике Александре Николаевиче (будущем Александре II), и, наконец, о брате царя — Константине. Решение в пользу Елизаветы было лишь одним из обдуманных вариантов плана государственного переворота и введения конституционной монархии. Стихи Пушкина в честь Елизаветы появились в журнале Вольного общества любителей российской словесности — «Соревнователе просвещения и благотворения». Стихи были «доставлены Ф. Глинкой», как значится в реестре поступивших в общество стихотворений [81].

Заметим, что средства, выручаемые от распространения журнала, должны были идти на добрые дела, а так как благотворительностью Вольного общества должен был руководить Союз Благоденствия, то средства эти должны были в какой-то мере пополнять ресурсы Союза и расходоваться сообразно его целям.

С 1818 г. Федор Глинка — активнейший и убежденный член Союза Благоденствия — становится фактическим руководителем Вольного общества (номинальный председатель его граф Салтыков был пассивен и не посещал собраний), а 16 июля 1819 г. Глинка избирается президентом общества, которое в это время в лице наиболее радикальных членов уже мечтает о превращении в «ученую республику». Размежевание на два лагеря, дифференциация общественных мнений, стягивающая к двум полюсам новаторов и староверов, сказывается и в Вольном обществе.

В сентябре 1819 г. в общество вступает друг декабристов и А. С. Пушкина лицеист А. А. Дельвиг, в ноябре 1819 г.— В. К. Кюхельбекер, в ноябре 1820 г.— Александр Бестужев, весной 1821 г.— Николай Бестужев и Рылеев, а в декабре 1821 г.— А. О. Корнилович. Хотя еще не все перечисленные декабристы являются членами тайной организации, но они уже на пути к ней в развитии своей идеологии, они уже во власти «духа времени» и роста «вольнолюбивых мыслей», о чем сами говорили на следствии [82].

Размежевание лагерей сказалось и в таком событии, как выступление общества в связи с высылкой правительством А. С. Пушкина. В. Базанов установил, что донос втершегося в общество В. Н. Каразина и был последним поводом к ссылке поэта на юг. Заседания Вольного общества явились ареной борьбы против Каразина еще до того, как члены общества поняли, какую гнусную роль сыграл он в пушкинском деле.

Обычно политическую песню Пушкина «Noël» («Ура, в Россию скачет кочующий деспот...») датируют 1818 годом, основанием для чего служит произнесенная в этом же году варшавская речь Александра I при открытии польского сейма, которая, очевидно, явилась поводом для создания песни. Запись в дневнике Каразина датирована 18 ноября 1819 г. «Какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский в благодарность написал презельную оду, где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом... К чему мы идем?»,— писал Каразин [83].

Правдоподобно предположение, что кроме этого доноса Каразина, фиксировавшего внимание правительства лишь на «Ноэле», были еще какие-то доносы на Пушкина. По крайней мере Александр I, встретив-

шись с директором лицея Энгельгардтом, говорил ему не о «Ноэле» и не о каких-либо эпиграммах, а гораздо более общо: «Пушкина надобно сослать в Сибирь,— передает эти слова декабрист Пущин в своих записках,— он наводнил всю Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает». Но во всяком случае большую роль Каразина в ссылке Пушкина надо считать доказанной В. Базановым [84].

Донос на Пушкина был послан министру внутренних дел графу В. П. Кочубею 2 апреля 1820 г., а 12 апреля его пригласили к министру для словесных объяснений. 19 апреля 1820 г. Н. М. Карамзин уже писал, что над Пушкиным собирается гроза. 6 мая 1820 г. Пушкин был выслан [85].

Вольное общество реагировало на все эти события своеобразной общественной демонстрацией в защиту опального поэта, которую нельзя не связать с деятельностью Союза Благоденствия. Еще в марте, ранее доноса, когда уже носились слухи о гонениях на Пушкина и распространялись позорящие его слухи о будто бы понесенном им унизительном наказании, Кюхельбекер прочитал на заседании Вольного общества стихи «Поэты», которые кончались непосредственным обращением к «певцу Людмилы и Руслана» («Что для тебя шипенье змей, что крики филина и врана?»). А после высылки Пушкина член Коренной управы Союза Благоденствия Ф. Глинка написал и смело опубликовал стихотворение в честь только что сосланного поэта:

Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений.

Стихотворение было опубликовано в «Сыне отечества» в сентябре 1820 г. Пушкина живо тронул смелый поступок Глинки, и он обессмертил его в ответном стихотворении. Он рассказал в нем, как отшатнулось от него стадо эгоистов и трусов, испугавшихся царской кары («Увидел я толпы безумной презренный, робкий эгоизм»). Голос «великодушного гражданина» — Ф. Глинки противопоставлялся отступившей от поэта толпе. Член тайного общества приравнен к бесстрашному, неподкупно-честному Аристиду.

Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменила мне любовь,
В моем изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Пушкинские определения — «великодушный гражданин» и «Аристид», обращенные к Федору Глинке, оценивают, таким образом,— объективно — акцию Союза Благоденствия.

Но весьма возможно, что роль Союза Благоденствия была тут гораздо шире. Федор Глинка, адъютант петербургского генерал-губернатора Милорадовича, как мы знаем, немало помогал Пушкину в тяжелые для него дни весны 1820 г. Известен рассказ Ф. Глинки о том, как Пушкин при-

шел к нему за советом, получив вызов к генерал-губернатору Милорадовичу. Милорадович получил, по словам Глинки, приказ об аресте Пушкина и об отобрании всех его бумаг, но вместо этого пригласил Пушкина к себе, чтобы от него самого «вытребовать» его бумаги. Правдоподобно, что Ф. Глинка оказал тут воздействие на Милорадовича. Следуя совету Ф. Глинки, Пушкин действовал прямо. Он заявил генерал-губернатору, что все его противоправительственные стихи сожжены, «но если вам угодно, все найдется здесь», при этом он указал пальцем на лоб: «Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо было написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что́ мое и что́ разошлось под моим именем». Пушкин написал целую тетрадь противоправительственных стихов, известную в пушкинской литературе под именем «тетради Милорадовича» и, к величайшему сожалению, до сих пор не найденную. Милорадович, не имея на то никаких полномочий, объявил Пушкину «прощение». Царю, узнавшему обо всем происшедшем, не оставалось, по словам Глинки, ничего другого, как отменить приказ об аресте и обыске и велеть сослать Пушкина на юг с сохранением чина, уплатой прогонов и зачислением на службу. Этот случай, как и ряд других, подтверждает уже давно высказанную в декабристской литературе мысль о роли Ф. Глинки как представителя декабристской «контрразведки» в правительственных кругах. В наличии последней сомневаться не приходится, и организована она была уже в годы Союза Благоденствия. Укажем, что Грибовский дает прямое свидетельство об общем решении Союза Благоденствия организовать такую революционную «контрразведку»: «В необходимую также обязанность постановлялось,— пишет он в своем доносе,— отыскивать и привлекать в свое общество всех людей с дарованиями, в особенности пользующихся доверенностью тех особ, кои занимают важные места. Таким образом надеялись знать все тайны правительства и во всяком случае быть в безопасности: ибо члены таковые тотчас бы предостерегали их» [86].

Чиновник особых поручений — любимый адъютант петербургского генерал-адъютанта графа Милорадовича, конечно, был наиболее подходящим человеком для указанной роли. Значение Федора Глинки в этом отношении уже давно выяснено в литературе. Грибовский недаром счел нужным заметить в доносе, что Милорадовичу нельзя поручать секретное наблюдение за тайным обществом, ибо он «окружен людьми, участвующими в обществе или приверженными им». Функции надзора за правительством выполнял не только Федор Глинка, не меньшую роль играл «блюститель» Союза Благоденствия князь Илья Долгоруков. «Осторожный Илья» (по словам пушкинской X песни «Евгения Онегина») служил не у кого другого, как у самого «змия» — Аракчеева — в адъютантах. О роли Долгорукова в декабристском наблюдении за властями И. Д. Якушкин прямо пишет в своих «Записках»: «Служа при Аракчееве и имея возможность знать многие тайные распоряжения правительства и извещать о них своих товарищей, он (Долгоруков.— *М. Н.*) тем самым был полезен Тайному обществу» [87].

Весной того же 1820 г. Вольное общество с позором изгнало Каразина из своей «ученой республики». Не исключена возможность, что Ф. Глинка и позже, при разборе «семеновской истории», не упустил случая наказать доносчика — Каразина нарочитым указанием его имени как автора прокламаций, найденных в Преображенских казармах и связанных с восстанием Семеновского полка. Декабристы покарали доносчика правительственным арестом. Возможно, что Ф. Глинка вместе с тем и спас истинного автора прокламаций, направив внимание правительства в другую сторону и зная, что Каразину в конце концов нетрудно будет оправдаться [88].

Характеризуя Вольное общество любителей российской словесности как организацию, находившуюся под воздействием Союза Благоденствия, отметим еще такой факт, как поручение В. Кюхельбекеру присылать в общество корреспонденции, связанные с его заграничным путешествием. В 1819—1820 гг. Кюхельбекер был в апогее своих революционных настроений. Он отправлялся в заграничное путешествие в ту пору, когда Западная Европа была охвачена революционным брожением. Его стихи в честь свободы народов, восстающих против тиранов, и парижские лекции о русской литературе ярко свидетельствовали об этих настроениях. За революционный характер лекций он был выслан из Парижа. Сохранение в этот момент связи с Вольным обществом в качестве корреспондента последнего говорит за себя. Сейчас мы располагаем текстом парижской лекции Кюхельбекера, найденным П. Бейсовым в фондах Симбирской архивной комиссии. Это поистине выдающееся произведение раннего декабризма, одно из тех, которые навсегда останутся образцами идейного наследства первых русских революционеров. Она относится к небольшому числу свободно изложенных внецензурных документов декабристского движения, и этим характером памятника мы всецело обязаны гражданскому мужеству декабриста. Кюхельбекер не побоялся прочесть смелую и открытую лекцию в парижском «Атенее», хотя не мог он не предвидеть неизбежных гонений царского правительства. Репрессии не замедлили обрушиться на мужественного лектора. Обер-камергер А. Л. Нарышкин, в качестве секретаря которого Кюхельбекер поехал за границу, «прогнал» его от себя, а русский посланник запретил читать лекции и выслал его из Парижа. По приезде Кюхельбекера в Россию последовала ссылка поэта на Кавказ и даже будто бы с тайным приказом «извести Кюхельбекера». А. П. Ермолов — «проконсул Кавказа» — оказался его спасителем.

В. Кюхельбекер уехал за границу в сентябре 1820 г., а парижскую лекцию прочел в марте 1821 г., следовательно, хронологически она связана с самым последним периодом жизни Союза Благоденствия, отражая его идеологию в тот напряженный момент, когда организация, созревая, шла вперед и уже разрушала свои старые формы под напором новых идей, переходила в следующую стадию своего развития.

Посвященная русскому языку и литературе, лекция В. Кюхельбекера являлась вместе с тем изложением декабристской концепции русского исторического процесса. В этом отношении она продолжала плодотворную борьбу с реакционной схемой Н. М. Карамзина, столь блестяще начатую Никитой Муравьевым и М. Орловым [89].

Судя по следственным материалам, В. Кюхельбекер формально еще не был в те годы членом Союза Благоденствия (он вступил в общество декабристов значительно позже). Однако новые данные требуют если не полного пересмотра вопроса о дате его вступления в общество, то во всяком случае существенных оговорок. Принадлежа еще к составу Священной артели — колыбели декабризма,— Кюхельбекер был активнейшим участником одного из вольных обществ Союза Благоденствия, распространявшего ланкастерскую систему, и членом Вольного общества любителей российской словесности. Он был теснейшим образом связан с И. И. Пущиным, Н. Тургеневым и Ф. Глинкой, родственником которого являлся. Недавно разысканный донос на Кюхельбекера, датированный 8 сентября 1821 г. и составленный, очевидно, лицом, весьма сведущим в декабристских делах, сообщает следующее: «Это — одна из тех пламенных голов, которым дано дурное направление известным Обществом (т. е. Союзом Благоденствия. — *М. Н.*). Воспитанный в Царскосельском лицее, с дарованиями, с желанием усовершенствоваться, рано попался он вместе с А. Пушкиным и бароном Дельвигом в руки Н. Тургенева и Глинки,

находясь с последним в дальнем родстве. Ими введен в общество и принят в масоны... Будучи слишком не опытен, вспыльчив и горяч, слепо и с жаром исполнял их волю». Свидетельство о принятии Кюхельбекера в общество заслуживает внимания [90].

В парижской лекции слышится живой отголосок страстных, не стесненных цензурой декабристских споров и суждений о тяжелом положении России. Доносчик кратко, но довольно точно передал основной смысл его лекции словами: «Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны». Лекция была проникнута высоким национальным сознанием и верой в силы угнетенного царизмом русского народа. Она раскрывала перед иностранцами, по смелой формулировке лектора, «как мог сложиться современный характер русской нации под управлением совершенно деспотическим». Высоко почитая «новгородскую республику» и ведя политическую историю русского народа от древнего вечевого устройства, лектор подчеркивал, что современный русский московский язык происходит от языка «новгородских республиканцев». Падение вечевого государства и торжество тирании самодержавия было, согласно концепции декабриста, «бедствием», но судьба допустила последнее «только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный». Установление крепостного права приписывалось законодательству Петра I, до этого русский крестьянин еще представлялся декабристу свободным. Иго крепостничества характеризовалось как величайшее несчастье любимой родины: «Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастие моей родины, несчастие, которого никогда не заставит забыть никакая победа, никакие завоевания». Тиранство аристократии, столь же наглой, как и жестокой, воспринималось как главная сила, препятствующая освобождению многомиллионного народа: «Будем надеяться, что русское правительство не всегда будет смотреть на вещи глазами низких и презренных людей, которые из гнусного своекорыстия уверяют его, что русский человек еще не вполне созрел для освобождения его от ига, в которое он вержен совсем недавно». Лектор не остановился перед резкой критикой политики Священного Союза и активной роли в ней Александра I, осудив «политические сделки, совершенно чуждые русскому народу» [91].

П. Бейсов справедливо замечает, что парижская лекция В. Кюхельбекера была первым до Герцена открытым выступлением русского освободительного движения за границей.

Таким образом, уже нарисованная выше картина говорит об активной деятельности членов Союза Благоденствия и лиц, находившихся в сфере его воздействия. Однако вопрос еще далеко не исчерпывается приведенным материалом. Есть еще и другие формы работы Союза, требующие характеристики. Упомянутое выше общество по распространению ланкастерского обучения — одна из этих форм.

7

«Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», иначе говоря, вольное общество, распространявшее ланкастерские школы, также, несомненно, связано в своей деятельности с Союзом Благоденствия и не завоевано, а прямо учреждено им. Организатором его являлся все тот же неутомимый член Коренной управы Союза Благоденствия Федор Глинка. Оно основано в августе 1818 г., вскоре после возникновения самого Союза Благоденствия (устав его утвержден властями в январе 1819 г.). Активный член Коренной управы Союза Благо-

денствия знаменитый медальер граф Федор Толстой был избран председателем, а В. К. Кюхельбекер — секретарем общества «по иностранной части». Члены Союза Благоденствия С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Никита Муравьев и Алексей Семенов (все члены Коренного союза) также приняли участие в новом общественном объединении. Бурцов был начальником центральной школы Гвардейского корпуса; Алексей Семенов стоял во главе ланкастерской школы Егерского полка; их деятельность по обществу была предельно облегчена их официальным положением. Член Союза Благоденствия Н. И. Кутузов также состоял в правлении этого «вольного общества»; членом последнего был и декабрист Перетц [92].

Ланкастерский метод взаимного обучения возник как метод массового распространения просвещения, его идеей была быстрая передача первоначальных знаний сразу большому числу учеников. Политическая направленность ланкастерских школ всецело зависела от характера применения метода. В руках западноевропейских буржуазных практиков, искавших способов создания грамотного, но покорного среднего персонала предприятий, он мог, разумеется, служить узким целям победившего и преуспевающего буржуазного строя. Но примененный в обстановке тяжелого крепостнического угнетения и почти беспросветной народной темноты, приложенный к жизни революционерами, стремившимися поднять сознательность народа — он должен быть высоко оценен как один из способов, объективно развязывающих народную борьбу. Члены Союза Благоденствия, поставившие себе целью распространение просвещения в народе и заведение народных школ, не могли не обратить внимания на ланкастерский метод. Самое образование ланкастерского общества вскоре после возникновения Союза Благоденствия, инициатива Ф. Глинки, председательство Ф. Толстого и большое количество наиболее активных учредителей Союза Благоденствия в его составе говорят о том, что перед нами новая общественная организация, возникшая по инициативе Союза Благоденствия [93].

Устав общества был утвержден 14 января 1819 г., уже после того, как две школы, практически применившие ланкастерский метод, доказали его успешность: Петербургский военно-сиротский дом на Екатерининском канале и Училище для взрослых при штабе Гвардейского корпуса, находившееся на Миллионной улице в казармах лейб-гвардии Павловского полка. Школы, предположенные к дальнейшему учреждению, предназначались «для безденежного обучения детей самых бедных родителей чтению, письму и арифметике», причем учащиеся в школах, основанных обществом, «снабжаемы будут, также без всякой платы, всеми потребными для того пособиями».

«Приглашение» к участию в обществе, опубликованное в 1819 г., представляет интерес для историка декабристов. Подписанное председателем Федором Толстым, двумя «помощниками председателя» — Федором Глинкой и Николаем Гречем, казначеем Николаем Кусовым и секретарем Василием Григоровичем, оно кратко излагало достоинства нового метода, приглашая всех почтенных ревнителей просвещения и благотворения вступать в общество или содействовать ему пожертвованиями на основании § 4 и 5 его устава. Этих достоинств, или «выгод», было, по мнению учредителей общества, пять: во-первых, для обучения детей указанным выше предметам «потребна одна треть времени» против обычной нормы; во-вторых, издержки обучения «гораздо умереннее», нежели в других училищах; в-третьих, «дети весьма легко выучиваются правописанию и получают в письме руку четкую и красивую»; в-четвертых, привыкают к дисциплине и благонравию; в-пятых, «метода сия так проста и легка, что

всякой человек здравого смысла и с доброй волею без большого труда и в короткое время может по оной сделаться хорошим учителем вышесказанных предметов». Последняя выгода заслуживает особого внимания: в школах предполагалось создавать и новых — по ланкастерской методе обученных — педагогов для дальнейшего распространения образования. В соответствии с этим интересен и конец обращения, где заранее изъявлялась «особенная благодарность» тем лицам, которые примут на себя труд собирать подписку членов «в губерниях» (общество предполагало широко распространиться по России). К моменту публикации данного «приглашения» в ланкастерском обществе уже состояло около 200 членов, поэтому общественный отклик надо признать живым и быстрым. В составе общества было известное число членов и членов-корреспондентов непривилегированных сословий. К числу последних относятся книгопродавцы В. А. Плавильщиков и И. В. Сленин, в книжных магазинах которых можно было записываться в члены общества [94].

Нет сомнений, что в ланкастерский метод декабристы влили свое революционное содержание.

Как справедливо замечает В. Базанов, деятельность Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения не была бесплодной. Из отчета за 1820 г. видно, что в Петербурге было три училища: одно (учреждено в апреле 1819 г.) в воспитательном доме на 100 мальчиков и девочек, второе при гатчинском воспитательном доме для 180 мальчиков и 180 девочек (учреждено в сентябре 1820 г.), третье, основанное в марте 1820 г.,— на 70 человек для сиротских детей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков. Необходимо напомнить, что во всех упомянутых полках были управы Союза Благоденствия. Всего в Петербурге в школах Вольного общества обучалось с 1819 по 1823 г. 815 солдатских детей. То «заведение для бедных у Плавильщикова», которое рекомендовал «выхвалять» Ф. Глинка в своей записке, и было как раз связано с применением ланкастерского метода. Организация располагала довольно значительными средствами. В. Пассек, вступивший в Союз Благоденствия (принят И. Д. Якушкиным), еще до вступления «завел у себя в имении прекрасное училище по порядку взаимного обучения и набрал в него взрослых ребят, предоставлял за них тем домам, к которым они принадлежали, разные выгоды». Как свидетельствует И. Д. Якушкин, мальчики учились читать по изъятой при Александре I книжке «О правах и обязанностях гражданина», изданной еще в екатерининское время. Курс ученья кончался тем, что ученики переписывали каждый для себя в тетрадку и выучивали наизусть «учреждения, написанные Пассеком для своих крестьян» [95].

Михаил Орлов не задумался превратить реакционное «Библейское общество» в трибуну пропагандистского выступления в духе Союза Благоденствия. Его блестящая речь, произнесенная в 1819 г. в собрании распространителей библии, привлекла всеобщее внимание. Опубликованная вскоре за произнесением, она осталась для нас одним из памятников декабристской активности в ранний период развития общества. Орлов ратовал в речи за распространение просвещения, громил обскурантов и призывал к распространению ланкастерской системы.

Старый феодально-крепостной строй по своему социальному существу был враждебен массовому обучению народа. Старуха Хлестова в «Горе от ума» была готова и впрямь сойти с ума «от ланкартачных взаимных обучений». Эта реплика является непосредственным ответом на утверждение Фамусова: «Ученье — вот чума, ученость — вот причина, что нынче, пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений». Чуму «учености» было боязно распространять,— уничтожить невежество озна-

чало поколебать один из основных устоев старого крепостного мира. На юге между тем его решительно колебали М. Орлов и Кишиневская управа Союза Благоденствия: там развивалась усиленная агитационная работа среди солдат и юнкеров посредством ланкастерских школ. Душой этой агитации был друг Орлова майор В. Ф. Раевский, принятый в Союз Благоденствия в марте 1820 г. [96]

В прописи, составленной для солдат, В. Ф. Раевский вставлял слова, связанные с революцией, рассказывал о перевороте в Испании. Во всеподданнейшем докладе по делу Раевского говорилось: «Для обучения солдат и юнкеров вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова «свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо», и при слушании юнкерами уроков говорил: «Квирога, будучи полковником, сделал в Мадриде революцию и когда въезжал в город, то самые значительные дамы и весь народ вышли к нему навстречу и бросали цветы к ногам его»» [97].

В «высшем классе» ланкастерской школы Раевский предлагал ученикам заучивать наизусть свободолюбивые стихотворения, в том числе стихи Н. Гнедича, толкуемые в антикрепостническом и антиправительственном духе:

Рушитель моея отчизны и свободы,
О ты, что, посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных земле пример явил,
Всего священного навек меня лишил,
Доколе, в варварстве не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней,
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? Какой закон? Одной рукой природы
Создан и ты и я и всей земли народы [98].

На следствии было показано, что Раевский говорил: «Между солдатами и офицерами не должно быть различия, а равенство должно быть, потому что природа создала нас одинаковыми... кто вам дал право наказывать солдат? Они такие же люди, как и мы». В вытребованных Следственной комиссией «географических» тетрадках ланкастерской школы значилось: «Конституционное правление есть то, где народ под властью короля или без короля управляется теми постановлениями и законами, кои он сам себе назначил, и представители от народа охраняют святость своих законов. Это правление есть самое лучшее, новейшее» [99].

Записка Раевского «О солдате», на которой нам необходимо остановиться и в следующей главе,— замечательный документ революционной мысли декабристов. «Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно?». Солдат «клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученья и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная!! Пожертвование, кажется, невозможное!». Побеги солдат из царской армии Раевский находил «извинительными», поведение жестоких начальников — «беззаконным насилием», а самих начальников — «тиранами» солдат [100].

Деятельность Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения вызывала подозрения еще до «семеновской истории», а после нее подверглась прямым гонениям правительства. Особый правительственный комитет, в который входили Магницкий и Рунич, стал притеснять школы взаимного обучения и преследовать их за революцион-

ный дух. Осенью 1820 г. Александр I потребовал слежки за солдатами, получавшими обучение в школах ланкастерской системы. В атмосфере сгустившейся реакции удары правительства один за другим сыпались на Вольное общество. Были повсеместно отобраны и конфискованы таблицы для обучения чтению, общество было лишено права издавать свои пособия. Однако деятельность его продолжалась даже и в те годы, когда Союз Благоденствия был распущен, а декабристские общества стали стремиться к своей цели на основе новой тактики.

Все возраставшая дифференциация двух лагерей, все более отчетливая поляризация новаторов и «староверов» сказывалась и в масонстве. Предположение В. Базанова о том, что ложа «Избранного Михаила» являлась ареной деятельности Союза Благоденствия, заслуживает внимания. Ложа была основана в Петербурге 18 сентября 1815 г. По спискам 1817—1821 гг., мастером стула (председателем) в этой ложе был граф Федор Толстой, член Коренного союза Союза Благоденствия, один из его учредителей; помощником мастера стула был тот же деятельнейший Федор Глинка, неотъемлемая фигура ранней поры декабризма, постоянно встречающаяся исследователю на всех путях и перепутьях Союза Спасения, а особенно Союза Благоденствия,— последний немыслим без Федора Глинки. В работах ложи принимали участие, как уже указывалось ранее, М. Н. Новиков, А. А. Дельвиг, Вильгельм и Михаил Кюхельбекеры, позже вступивший в общество Николай Бестужев. Конечно, уже одно то обстоятельство, что ложа существовала в годы Союза Благоденствия и в нее входили его активные члены, само по себе ставит перед исследователем вопрос о связи двух организаций: ведь Союз Благоденствия обязывал каждого своего члена внедряться во все существующие общественные организации и действовать в них в духе Союза. Это тем более должно привлечь внимание к ложе «Избранного Михаила», что такие члены его, как Федор Глинка и Федор Толстой — братья по ложе,— были активнейшими деятелями Союза Благоденствия. Применялся в ложе только русский язык, это соответствовало линии декабристов. Самое название ложи говорит о направлении умов ее членов в сторону рассуждений о конституционной монархии: приукрашенный и вольно комментированный факт избрания Михаила на царство «всею землей» представлял собой широкое поле для политических сопоставлений и обсуждения современности. Вопрос о народном избраннике был благодарной темой для ранних русских конституционалистов. В. Базанов справедливо указывает на высокую оценку первого избранного царя и в «думе» К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин», и в исторических работах Николая Бестужева[101].

Речи членов ложи «Избранного Михаила», посвященные темам «О необходимости любви к отечеству» (автор — член ложи А. А. Никитин) или «Мысли об истинном достоинстве человека», вращаются в кругу обычных агитационных тем раннего декабризма, которые предшествовали приглашению вступить в члены тайного общества: печальное положение отечества, развращенность нравов, непомерная роскошь вельмож, необходимость нравственного самоусовершенствования и активной борьбы с бедствиями человечества. Назвать ложу «Избранного Михаила» прямо «филиалом» Союза Благоденствия или «завоеванным» вольным обществом, как предлагает В. Базанов, на наш взгляд, нельзя. Но сказать, что ложа «Избранного Михаила» явилась ареной деятельности Союза Благоденствия, несомненно, можно. Деятельность эта была прежде всего агитацией, пропагандой. Первым и основным делом Союза Благоденствия, его исторической функцией, была пропаганда новой идеологии, а результатом пропаганды было численное приращение новаторов в результате роста поляризации новаторов и староверов.

Конечно, по ходу нашего изложения еще несколько рано подводить итоги работе Союза Благоденствия,— ведь подлежащие рассмотрению в ближайших главах Петербургское совещание 1820 г. и Московский съезд 1821 г. также относятся к этой работе. Однако, остановившись на полпути и окидывая общим взглядом рассмотренную пропагандистскую работу тайной организации, мы обязаны должным образом оценить ее попытки сформировать передовое общественное мнение. Это необходимо сделать в силу сравнительно прочно установившегося в декабристской литературе обычая всячески умалять Союз Благоденствия и третировать его как какую-то не то полумертвую, не то вообще пустую и едва ли не фиктивную организацию. Замечательные работы С. Н. Чернова представляют в этом отношении исключение, как и вновь вышедшая работа В. Базанова «Вольное общество любителей российской словесности».

Нет никаких оснований преувеличивать значение Союза Благоденствия. Он ознаменовал собой ранний этап еще ищущей себя, своей программы и своих организационных форм дворянской революционности. Он не сумел выполнить и сотой доли своего широкого замысла. Однако, стоя на строгой почве фактов, отдадим ему должное. Союз Благоденствия просуществовал всего три года и в его рядах числилось лишь около 200 членов. Никакого опыта у русского революционного движения тогда еще не было, оно еще только возникало. Предшествующие десятилетия развития русской революционной мысли еще не выработали организационных форм революционного движения. Между тем всего за три года своего существования Союз Благоденствия провел немалую работу. Он составил и утвердил свое обширное «Законоположение» — «Зеленую книгу», уяснил себе основы своей программы и совершенно новой для него тактики, провел свое учредительное собрание, на котором как основные принципы программы, так и тактика получили единодушное одобрение. Он избрал комиссию для доработки программы и точной конкретизации своей «сокровенной цели», и комиссия усердно работала и написала проект второй части «Зеленой книги».

Вместе с тем молодой русский революционный Союз оформился организационно: он создал свою руководящую Коренную управу и ряд главных и деловых управ в Петербурге, учредил управы в Москве, Тульчине, Кишиневе, вероятно, и в других городах — всего около полутора десятков управ, охвативших более 200 членов. Каждого из этих членов завербовали персонально и взяли с него расписку о согласии вступить в общество. Члены развили значительную по тем временам пропаганду за сокрушение старого, за «свободную жизнь» (слова Чацкого), выступили разоблачителями крепостного права и абсолютизма.

Эта деятельность текла по отчетливо выраженному общественному руслу и притянула к Союзу все-таки не так уж мало «вольных» организаций. Не говоря о побочной управе — «Зеленой лампе», Союз Благоденствия завоевал Вольное общество любителей российской словесности, отчасти с его «Журналом просвещения и благотворения», завоевал Вольное общество по распространению ланкастерских училищ, ложу «Избранного Михаила» и ложу «Овидий» сделал орудием распространения своих идей. Он вложил свой вклад в раскол «Арзамаса», отчасти вторгся даже в «Библейское общество», взволновав там стоячее болото и добившись некоторой растерянности. Основанное им Вольное журнальное общество так и не издало политического журнала «Россиянин XIX века», но почему же работу по его подготовке, созданию плана, проспекта, наконец, написание реальных, обсуждавшихся статей и ряд проведенных заседа-

ний, в которых участвовали А. С. Пушкин и А. П. Куницын,— почему все эти явления передовой культурной жизни того времени нужно приравнять к нулю? Нет, они имели свое значение и вполне реальное.

В этой атмосфере сложился молодой Пушкин, и здесь же было задумано «Горе от ума». Более 200 пар рук распространяли запретные и полузапретные стихи Пушкина, Рылеева, Дениса Давыдова, В. Кюхельбекера, Ф. Глинки, а также менее известных и совсем безвестных вольнолюбивых поэтов. От этих рук приходила в движение еще более широкая сочувствующая среда патриотов — сторонников нового. И сами члены Союза Благоденствия оставили нам выдающиеся по значению произведения, изданные и неизданные, явившиеся вкладом в русскую культуру. Нет сомнений, что мы не располагаем всей полнотой фактов по линии работы Союза Благоденствия,— она была более обширна, чем мы сейчас себе представляем.

В эти годы Пушкин, несомненно, отразил идеи декабристов и вдохновил декабристов своим творчеством в послании к Чаадаеву, в эпиграммах на Аракчеева и Фотия, в «Ноэле», «Деревне» и «Кинжале», а также в «Ответе на вызов», посвященном вопросу о Елизавете, в послании к «Зеленой лампе», в ответе Федору Глинке, в стихах о П. С. Пущине. Вспомним о «Сне» Улыбышева, о разборе «Истории государства Российского» Карамзина, о письме к Бутурлину М. Орлова, об «Опыте теории налогов» Николая Тургенева, о «Любопытном разговоре» Никиты Муравьева, о парижских лекциях Кюхельбекера. И это далеко не полный перечень выступлений членов Союза за эти три года.

Но мало этого. Союз Благоденствия активно вмешался в ряд черных дел аракчеевщины и сказал о них свое слово. Он помог Пушкину в его тяжелом столкновении с правительством в 1820 г. и внес долю своего влияния в смягчение кары: он предупредил поэта о грозящей беде, устроил свидание с генерал-губернатором Милорадовичем, подготовил к даче объяснений,— не было ни предположенного обыска, ни ареста. Союз Благоденствия просто блестяще для своего времени организовал тайное наблюдение за царской администрацией, оказав важные услуги еще молодому и неокрепшему русскому революционному движению. Союз Благоденствия выступил со смелой по тем временам демонстрацией, связанной со ссылкой поэта, рискнув опубликовать сочувствующие ему стихи. Союз Благоденствия проявил сочувствие к покаранным участникам семеновского восстания, распространив стихотворение «Гений Отечества», и, возможно, посодействовал тому замечательному факту, что автор прокламаций, которые разбрасывались во время восстания, так и остался неоткрытым (он неизвестен до сих пор). Союз Благоденствия выкупил крепостного поэта Сибирякова, разоблачил несправедливость длинного ряда темных дел царского суда, обрушившегося на людей «простого звания». Союз, несомненно, причастен и к демонстрации протеста в Измайловском полку.

Вспомним, что ланкастерские школы Союза Благоденствия обучили грамоте чуть ли не тысячу простых, непривилегированных людей в Петербурге и более полутора тысяч на Украине да еще несколько сот в 16-й дивизии и что учителя, обученные тут, сами преподавали в других местах и учили сотни других людей. Вспомним о помощи голодающим в Смоленской губернии, которая так напугала правительство: тысячи людей накормил Союз Благоденствия в 1820 г.

«Они считали себя сильными, и это убеждение вызывало в них большую активность», — это наблюдение Михаила Орлова, всячески старающегося умалить значение Союза Благоденствия, необходимо принять во внимание. Оно весьма характерно по крайней мере для первых двух лет существования Союза, времени, которое декабристы считали его «расцве-

том». Якушкин с большой проницательностью и точностью говорит о Союзе Благоденствия, имея в виду 1818—1819 гг.: «В это время главные члены Союза Благоденствия вполне ценили предоставленный им способ действия посредством слова истины, они верили в его силу и орудовали им успешно. Влияние их в Петербурге было очевидно». Якушкин — строгий, точный и объективный мемуарист, недаром его «Записки» приобрели заслуженную славу как один из важных источников истории декабристов. Прислушаемся к его мнению. Он находит, что в силу агитационной деятельности Союза Благоденствия «во всех кругах петербургского общества стало проявляться общественное мнение» [102]. Действительно, представим себе более 200 Чацких, которые, по словам того же Якушкина, «гремели» против крепостного права, самодержавного строя, Аракчеева, военных поселений, палок, цензуры, крепостнического суда,— «гремели», конечно, не в 200 «гостиных», а в гораздо большем числе разных мест, где скоплялись слушатели, где загорались споры, где вербовались сторонники нового, где образовывалась сочувствующая аудитория, во много раз превосходившая число ораторов, и где, конечно, плотной враждебной стеной вставали защитники старого — не 200, а тысячи Фамусовых, Скалозубов, Загорецких. Представим себе все это и ответим на вопрос, имело ли это историческое значение в истории России? Да, имело.

К свидетельствам И. Д. Якушкина и М. Ф. Орлова о реальном значении работы Союза Благоденствия присоединяется и М. С. Лунин, утверждающий, что тайное общество, «действуя умственною силою на совокупность народную..., успело направить мысли, чувства и даже страсти к цели коренного преобразования правительства». Это писалось уже в Сибири и относилось ко всему десятилетнему периоду существования общества,— Союз Благоденствия был составной частью этой деятельности. Если все это — свидетельства представителей одной стороны, добавим к этому и показания противоположной. Не кто иной, как сам Александр I, выступает с этим показанием: «Ты ничего не понимаешь,—говорил он П. М. Волконскому.— Эти люди могут кого хотят возвысить и уронить в общем мнении...».

Неужели всего этого мало? Совсем не так мало, особенно если принять во внимание, что организация существовала всего три года. Да к тому же мы знаем далеко не все о деятельности этой организации и перечисленное — лишь часть ее работы. Союз Благоденствия вложил свой вклад и в историю русского революционного движения и в историю русской культуры.

Наконец, он провел два совещания («съезда») Коренной управы Союза Благоденствия: Петербургское совещание 1820 г. у Глинки по вопросу о республике и Московский съезд 1821 г., которые повернули движение декабристов на новую дорогу. К этим важнейшим узловым моментам ранней истории декабристского движения мы сейчас и переходим.

Глава VII

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1820 г. И БОРЬБА ЗА РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ПРОГРАММУ

1

Итак, Союз Благоденствия был деятельной организацией и немало сделал за три года своей работы. Но все, что он сделал, в сущности не приблизило его к цели. Его основной задачей была отмена в России крепостного права, ликвидация самодержавно-крепостного строя, введение «законно-свободного» представительного правления. Но сколько бы Чацких ни гремело против крепостного права и аракчеевщины в петербургских, московских, тульчинских, кишиневских и, может быть, тамбовских гостиных, какие бы литературные и ланкастерские общества ни заседали, какие бы журналы ни задумывались и какие бы пламенные стихи о вреде существующего порядка вещей ни писались,— крепостное право не могло пасть от одного «общественного мнения». Члены Союза Благоденствия это и раньше понимали, почему и задумали написать вторую часть «Зеленой книги» с изложением «сокровенной цели» и способов ее достижения. Беря крупнейшую проблематику декабристских совещаний, как Петербургского в 1820 г., так и Московского в 1821 г., мы полностью находимся в орбите работы декабристов именно над «сокровенной целью» и способами ее достижения.

Петербургское совещание 1820 г. на квартире у Федора Глинки говорило о желательной форме правления в представительном государстве, о республике или конституционной монархии. Последующее совещание у Шипова разбирало вопрос о судьбе царствующего дома в результате введения республики, вопрос, вылившийся в предложение о цареубийстве. На Московском съезде 1821 г. и накануне съезда уже зазвучали речи об открытом военном выступлении, о применении вооруженной силы и в результате этого — о необходимости коренным, принципиальным образом перестроиться и выработать новую тактику для лучшего достижения «сокровенной цели». Все перечисленные вопросы и входили в состав этой последней, являлись ее существом.

Та трактовка «сокровенной цели», которая излагалась в проекте второй части «Зеленой книги», еще в начале существования Союза вызвала разногласия и не получила утверждения. Тем меньше могла она рассчитывать на поддержку в последующем его развитии. Прежде всего это дальнейшее развитие показало невыполнимость того утопического замысла первой части «Зеленой книги», на осуществление которого должно было опираться выполнение второй. Союз немало сделал для развития общественного движения в России и для русской культуры,

но не осуществил и сотой доли задуманного. Конечно, и речи быть не могло, что управы создадутся в каждом городе. Рушилось и другое, более важное предположение: всесословность управ. Не получалось участия купцов, мещан, казенных крестьян и духовенства, единодушных с революционным дворянством, не нарождалось силы «третьего сословия». Революционеры-дворяне мало соприкасались с разночинским кругом и внутренне опасались его, а разночинский круг, объективно отражавший интересы крестьянства, хотя уже и начал постепенно копить силы для своей будущей активной роли, но в первой четверти века еще не выступил открыто на арену революционной борьбы. Что же касается не «разночинцев», а класса русской буржуазии, то он не был революционен и, как уже отмечалось выше, оказывался поддержкой как раз того самодержавно-крепостного строя, который предполагалось разрушить.

Поэтому вся сложная система способов создать общественное мнение, изложенная в первой части «Зеленой книги», не вела к разрешению главной задачи: она не обеспечивала достижения основных программных целей и вообще не могла полностью реализоваться. Система сложных способов овладеть общественным мнением логически подчинялась «сокровенной цели». Как только «все будет готово», управы превращались в орудия организации государственного переворота и создания нового порядка на местах, отсюда следовало то, к а к они должны быть устроены д о переворота. Над всем логически господствовала и все определяла «сокровенная цель», все еще не доработанная до конца, поэтому так напряженно работала мысль в этой области.

Откладывать решений было нельзя, так как этих решений требовала действительность. Ранее представлялось возможным ждать четверть столетия — 25 лет, пока в результате терпеливых усилий создастся «общественное мнение» и можно будет приступить к действию. Теперь же жизнь России да и всей Европы столь стремительно пошла вперед, что ждать так долго уже не представлялось возможным. За три года существования Союза Благоденствия симптомы кризиса феодальной системы грозно нарастали. Это было предельно насыщенное событиями трехлетие, которое выковывало политическую идеологию с невиданной ранее быстротой. Частая и быстрая смена форм декабристского общества и интенсивное развитие его программы зависели не от каких-либо личных качеств объединившихся деятелей, а от быстроты развития самой исторической жизни.

2

Прежде всего надо остановиться на движении порабощенной народной массы — основной силы в процессе формирования двух лагерей эпохи, без которой невозможно понять историю движения декабристов.

Как уже указывалось, народное движение в первой четверти XIX в. складывалось из крестьянских волнений, из сливавшихся с ними волнений крепостных рабочих и движения в армии. Это брожение в толще народа объективно не могло не отразиться в сознании первых русских революционеров. Самостоятельное народное восстание пугало революционеров-дворян, они хотели избежать его, но в числе причин, которые способствовали укреплению противоправительственных настроений декабристов, несомненно, были и крестьянские волнения. Как уже упоминалось, Сергей Трубецкой показывал на следствии, что свободный образ мыслей укоренился в нем убеждением в неминуемости революционного взрыва в России, а неминуемость последнего стала ясна для С. Трубецкого из частых возмущений крестьян против помещиков и из продолжительности «таковых возмущений» [1]. В сознание декабристов все отчетливее входила

мысль о росте движения масс, об усилении их борьбы: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными»,—писал декабрист Пестель в показаниях на следствии [2].

По подсчетам И. Игнатович, на пятилетие 1816—1820 гг. падает кульминация крестьянских волнений всей первой четверти XIX в.: в то время как в течение пятилетия 1811—1815 гг. было 36 волнений, в 1816—1820 гг. произошло 87 волнений, иначе говоря, 33%, или треть, всех выступлений помещичьих крестьян за первую четверть XIX столетия приходится на пятилетие 1816—1820 гг. [3]

Можно указать на несколько причин, вызвавших интенсификацию крестьянского движения в интересующие нас годы. Рост эксплуатации крестьян — основная причина. Благоприятная рыночная конъюнктура стимулировала усиленный нажим барина на крепостного мужика с целью повышения количества товарного хлеба; помещик стремился резко интенсифицировать барщину. Уже возникавший аграрный кризис 20-х годов нанес новый удар еле начавшему подниматься после войны 1812 г. крестьянскому хозяйству: затруднения в сбыте хлеба обострили нужду помещика в деньгах, и барин усиленно нажимал на крестьян, чтобы получить недостающие ему денежные суммы. Резко возросла интенсификация оброка. Хлеб, лежавший без сбыта в барских закромах, тяжело давил на рынок. Барин особенно усиливал свою войну с мужиком всюду, где речь шла о деньгах: на почве платежей очередного оброка, на почве сбора старых недоимок, на территории ближайшего рынка, куда мужик со своим тощим мешком продажного зерна поспел ранее барина, наконец, и на почве устройства промышленного предприятия. Эта же погоня барина за крестьянскими деньгами стимулировала отдачу крестьян помещиком в наем на фабрики и продажу в рекруты. Примерно к этому времени относится потрясший декабриста И. Д. Якушкина случай, свидетелем которого он оказался: «Проезжая однажды зимою по Рославльскому уезду, я заехал на постоялый двор. Изба была набита народом, совершенно оборванным, иные даже не имели ни рукавиц, ни шапки! Их было более 100 человек, и они шли на винокуренный завод, отстоящий верст 150 от места их жительства. Помещик, которому они принадлежали, Фонтон де Варайон, отдал их на всю зиму в работу на завод и получил за это вперед условленную плату... Такого рода сделки были очень обыкновенны» [4].

В связи с резкой нехваткой денег участились продажи имений, а при перемене владельцев обычно обострялись формы крестьянской эксплуатации. В годы кризиса учащаются и случаи «отыскивания воли», попыток крестьян выкупиться из выморочных имений, освободиться от крепостной неволи, доказав «недворянское» происхождение барина (что лишало его права на владение крестьянами) или собственное «казацкое» происхождение, и т. д. Крестьяне старались использовать любой предлог — легальный или нелегальный, чтобы освободиться от крепостной зависимости.

В это время заметно изменялся и самый характер крестьянских волнений. Учащались случаи «самоуправств», выражавшихся в захвате помещичьего имущества, и даже перехода в руки крестьян вотчинного управления. Чаще проявлялось открытое неповиновение вотчинным властям и местной администрации; увеличилось количество сопротивлений военным командам, чаще встречаются случаи вооруженной борьбы и затяжных, из года в год повторяющихся волнений. В интересующее нас трехлетие (1818—1820) растут затяжные волнения: если в 1817 г. число единичных

волнений равно затяжным, то в 1820 г. количество затяжных более чем втрое превышает число первичных. На пятилетие 1816—1820 гг. приходится 66 вводов воинских команд, или 44% всех вооруженных усмирений, имевших место в первой четверти XIX в. Все это отчетливо говорит об активизации крестьянского движения в годы существования Союза Благоденствия [5].

Ряд конкретных примеров крестьянского протеста в изучаемое трехлетие заслуживает упоминания. Можно насчитать немало прямых обращений крестьянских «ходоков» к императору и членам царской семьи. Участились подачи прошений «на высочайшее имя»,— крестьяне упорно посылали ходоков в столицу с поручением передать царю прошение непременно в собственные руки. Особенно характерен для времени царствования Александра I выход крестьянских делегаций с прошениями в руках на дорогу, по которой проезжал экипаж «кочующего деспота»— царя. Использовалась дорога из Петербурга в Москву и другие конечные пункты царских путешествий. В 1818 г. в Крыму все население Байдар в количестве нескольких тысяч человек встретило царя громкими жалобами на их притеснителя Мордвинова. Во время одного крымского переезда Александра I на протяжении пути в 32 версты было подано 700 прошений. Бывали случаи, что вышедшие с прошениями крестьяне чуть ли не целой деревней ложились на дороге и этим способом останавливали императорские экипажи. Некоторые волнения, происходившие в имениях родственников декабристов или близких к ним лиц, падают именно на интересующее нас трехлетие. Так, имели место волнения в саратовском имении матери декабриста Волконского (1818), в имении родителей декабриста Тучкова (1818), в имении матери друга декабристов А. С. Грибоедова (1817—1819). В последнем случае причиной волнений было резкое повышение помещицей оброка — по 100 руб. с тягла, что давало троекратное увеличение по сравнению с платежом прежнему владельцу; сверх того владелица требовала большой «столовый запас» — оброк натурой, собираемый с явной целью продажи на рынке. Бросается в глаза преобладание (по ценности) в требуемом натуральном оброке не продуктов сельского хозяйства, а произведений крестьянских промыслов. Крестьяне отказались платить повышенный оброк, начали писать жалобы царице и царю, посылать в столицу ходоков. Несмотря на репрессии по отношению к ходокам, волнения продолжались. В 1818 г. началось открытое сопротивление крестьян — «бунт». Когда была прислана воинская команда, крестьяне помешали исправнику отводить квартиры войскам и собрались в количестве 400 человек, имея не только колья и топоры, но до 50 ружей. Крестьянские выборные сначала пытались склонить на свою сторону командира отряда «подарками и обольстительным письмом»; когда же выборщиков арестовали и повезли проселочной дорогой, восставшие подстерегли конвой и отбили арестованных. Из более позднего рапорта командира мы узнаем, что крестьяне вооружены уже 300 ружьями и даже «одною пушкою, но какого рода — неизвестно». Волнение было ликвидировано лишь в апреле 1819 г. («силою военного оружия разогнато», как говорится в донесении министра Вязьмитинова в Комитет министров) воинской командой в 650 человек при большом количестве офицеров. При столкновении с войсками несколько крестьян было ранено (в том числе одна крестьянка в мужском платье). «Зачинщики» были преданы суду, приговорены к плетям и ссылке в Сибирь. Но все же после подавления волнений помещица Грибоедова поспешила продать свое имение, не надеясь сладить с крестьянами. О волнениях крестьян в имении Грибоедовой знали декабристы, в частности о них упоминает в своих «Записках» Якушкин [6].

Рост крестьянских волнений в эти годы сильно беспокоил дворянство. Слух о них распространился по России, и в дворянских имениях с тревогой спрашивали, не является ли все это началом более значительных событий. Сперанский в письме 1818 г. к А. А. Столыпину писал из Пензы, узнав о саратовских волнениях: «Должно ли утешаться, что не нашу сотню рубят?». Херсонский военный губернатор Ланжерон в 1820 г. опасался, чтобы «неповиновение» крестьян в имении Кочубея «не подвигнуло и других помещичьих крестьян на подобные поступки» [7].

Наиболее значительным крестьянским выступлением были волнения на Дону в 1818—1820 гг. Еще в конце XVIII в. царское правительство особыми указами закрепило земли по Дону и его притокам за казацкой старшиной и приравняло казацкие чины к общеармейским. Поскольку общим указом 1796 г. все крестьяне, записанные по 5-й ревизии на землях того или иного помещика, признавались его крепостными, казацкие командные чины фактически оказались в положении «новых дворян» — получили землю и крепостных. В начале XIX в. войсковой атаман начал созывать съезды новоявленного донского дворянства и распространять на него права дворянского самоуправления. Перед угрозой новой кабалы крестьяне пришли в движение. На Дону скопились значительные массы крестьян-новоселов, большей частью украинцев, искавших тут спасения от крепостной неволи. Рост крепостнического угнетения особенно остро чувствовался крестьянами при сравнительной новизне крепостных отношений на Дону. Донские помещики в это время интенсифицировали свое хозяйство и усилили торговлю сельскохозяйственными продуктами. Все эти обстоятельства явились стимулом развития донского крестьянского движения против крепостного права. Александр I, ориентировавшийся в своей внутренней политике на поддержку старых кадров дворянства, не был склонен поощрять новых донских дворян, в силу чего в 1819 г. был учрежден особый Донской комитет для упорядочения землевладения на Дону. Царский рескрипт о комитете, упоминавший о злоупотреблениях крепостным правом, получил в толковании крестьян значение чуть ли не «освободительной» грамоты и оказался дополнительным поводом для усиления волнений.

Волнения начались по реке Салу, левому притоку Дона, охватили весь Миусский округ, часть Донецкого и некоторые уезды Екатеринославской губернии. В движении приняло участие более 45 тыс. крестьян. Всего было усмирено военной силой 256 селений. Во многих деревнях крестьяне бросали работы на помещика, выбирали сами своих начальников из крестьянства, оказывали вооруженное сопротивление усмирительным отрядам. На реке Миусе в слободе Мартыновке крестьяне взобрались на колокольню и откуда метали вилы в царские войска. Расправа под руководством генерал-адъютанта Чернышева была чрезвычайно жестокой: к суду было привлечено около 400 человек; 263 человека подверглись наказанию кнутом, плетьми, многие были сосланы на каторгу и на поселение в Сибирь [8].

Волнения крепостных рабочих вливались в общую картину сопротивления народа крепостническому угнетению: в 1819 г. волновались приписные крестьяне луганских заводов, жалуясь на тяжесть работы и сбор недоимок.

Волнения захватывали казенные фабрики. В 1818 г. московский военный генерал-губернатор граф Тормасов по распоряжению правительства возглавил особый комитет по расследованию положения на волнующихся казенных предприятиях. В результате обследования издан был царский именной указ военному министру «О улучшении способов содержания фабричных Павловской и Екатеринославской суконных и лосиной фабрик и кожевенного при последней завода» (заводы работали на армию) [9].

Крестьянские и рабочие выступления тесно смыкались с волнениями в армии и восстаниями военных поселений. Наиболее значительным волнением в армии в интересующий нас период было восстание военных поселений в 1819 г.

Военные поселения были наиболее отчетливым выражением аракчеевского режима в армии. Аракчеевщина крепла день ото дня и с полной отчетливостью заявляла о себе в годы Союза Благоденствия,— 1818—1821 годы были временем ее первого «расцвета». Союз Благоденствия вел неустанную агитацию против этого страшного учреждения аракчеевщины. Недаром член Союза Благоденствия Федор Глинка, намечая в своей памятке, что́ надлежит ему как члену Союза хулить и что́ хвалить, особо отметил военные поселения и Аракчеева как предмет хулы. Позже в обоих конституционных проектах декабристов — и в конституции Никиты Муравьева и в «Русской Правде» Пестеля — будут внесены особые пункты о ликвидации военных поселений. Одна мысль о военных поселениях, как говорилось в «Русской Правде», наполняла «каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростию мучило несчастные селения, для сего заведения отданные! Сколько денежных сумм, на сей предмет расточенных... И все сие для удовлетворения неистовому упрямству одного человека!». Заключая свое рассуждение о военных поселениях, Пестель приходил к выводу, что «военные поселения суть самая жесточайшая несправедливость, которую только разъяренное зловластие выдумать могло» [10].

Крупнейшее восстание военных поселений, вспыхнувшее летом 1819 г., началось в Чугуеве — центре слободских украинских поселений. Восставшие отказались от работ, убили начальников, выбрали руководителей из своей среды. Расправу с восставшими производил лично Аракчеев: 52 человека были прогнаны сквозь строй через тысячу человек 12 раз, т. е. получили 12 тыс. шпицрутенов, при этом 25 человек умерли во время наказания. «Я не скрываю от вас, что несколько преступников, самых злых, после наказания умерли, и я от всего этого начинаю очень уставать»,— с мрачным цинизмом писал Аракчеев Александру I. Жестокая расправа с чугуевцами вызвала широкое возмущение в передовых общественных кругах. Волновались не одни декабристы. А. В. Поджио свидетельствовал: «В 1819 г. и в 1820 г. много говорили, и н е о д н и м ы, о жестоком усмирении чугуевцев» [11]. Замечательным выражением декабристских настроений явилась новая эпиграмма Пушкина на Аракчеева:

> В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон,
> Кинжала Зандова везде достоин он [12].

Недавно найденное письмо Катенина к Анненкову устанавливает, что Пушкин хотел включить в «Евгения Онегина» описание военных поселений, через которые должен был проезжать Онегин во время своего путешествия, но не сделал этого по цензурным соображениям. «Об осьмой главе «Евгения Онегина» слышал я от покойного [Пушкина] в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярмонки и Одесской пристани Евгений видел военные поселения, заведенные графом Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую» [13].

Таким образом, в России изучаемого времени, несомненно, вызревали элементы революционной ситуации. В Западной Европе процесс выражался отчетливее,— революционная ситуация 1818—1819 гг. перешла в революцию в самом начале 1820 г. Западноевропейские революционные

события являются крупным слагаемым той общей обстановки, в которой происходило дальнейшее созревание и развитие движения декабристов.

Европейская революционная ситуация перешла в революцию в 1820 г. 1 января 1820 г. началась революция в Испании под предводительством офицера генерального штаба полковника Рафаэля дель Риэго. 2 января к нему присоединился полковник Антонио Квирога. Но начало их действий еще не было ознаменовано успехом, исход событий еще не был ясен. «В Гишпании восстало несколько полков. Опять ли все погибнет? И надолго ли?»,— с тревогой записал Николай Тургенев в дневнике 13 февраля 1820 г.[14]

Перед лицом нарастающей революционной опасности правительство, естественно, начинало ощущать под собой колебания почвы. Масса новых явлений требовала его активной реакции — ответа, парирования, приглушения, прямой кары. Тревога нарастала, а с нею нарастали и характерные «колебания» власти, которая уже осознала, что не может жить постарому, хотя жить по-старому ей очень хотелось. Сторонники либеральной буржуазной концепции нарочито отбирали «прогрессивные» мероприятия правительства и рисовали розовой краской «гуманное» и просвещенное царствование Александра I. Вульгарно-социологическая «школа», бессильная в вопросе оценки движения эпохи, отбирала, наоборот, лишь свидетельства ярой реакции и рисовала черной краской обратную, но столь же стабильную и лишенную исторического движения нереальную картину. Существо политики Александра I вырисовывается отчетливо лишь тогда, когда «колебания» правительства станут в тесную зависимость от почвы, зыблющейся под его ногами. Революционный дворянский лагерь уловил эту связь и понял колебания как проявление ослабления противника. Так, декабрист Беляев не случайно отмечает «частые колебания» самого правительства между мерами прогрессивными и реакционными. Действительно, с одной стороны, правительство вело аракчеевскую линию, с другой — обещало российскому народу даровать конституцию. О какой конституции могла идти речь в стране аракчеевского произвола? Однако 15 марта 1818 г. Александр I, открывая польский сейм, произнес речь, в которой обещал, по примеру Польши, дать конституционные учреждения и России. «Спасительное влияние» конституционных учреждений царь желал «при помощи божией распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные». Ряд законодательных актов правительства пытался охранить самодержавно-крепостной строй от нараставшего крестьянского движения. Весьма «гуманно» звучали указы Сенату «Об ограждении людей, отыскивающих свободу от власти помещиков до окончания тяжбы» от 18 февраля 1818 г. и указ «О строжайшем наблюдении губернским начальствам о неупотреблении крестьян к господским работам в воскресные и праздничные дни» от 30 сентября того же года. Но в эти же годы и даже в те же месяцы принимались законодательные меры именно по охране того же крепостного гнета, против которого восставали крестьяне. Следовали указы, охранявшие дворянскую привилегию владеть крепостными, принимались меры к охране благородного сословия от недворянских элементов — разночинцев, польской шляхетской мелкоты, новоявленного донского дворянства. Новосильцеву поручался конституционный проект, Аракчееву — проект отмены крепостного права. Но одновременно с невероятной жестокостью насаждались военные поселения, восстание которых вспыхнуло в следующем же году после варшавской речи. 25 декабря 1817 г. был издан высочайший указ, отменяющий вырывание преступникам ноздрей, а 5 марта 1818 г. — всего через два с лишним месяца — последовал высочайший указ «Об оставлении постановления о штемпельных на лице знаках на лицах

преступников на прежнем основании». Если не надо вырывать ноздрей, то почему же надо оставлять на лице человека штемпельные знаки? Однако штемпельные знаки отменить не решились. Варшавская речь приходилась ровно посредине между отменой вырывания ноздрей и сохранением штемпельных на лице знаков [15].

Член Союза Благоденствия Николай Тургенев находил, что в варшавской речи «много прекрасного и такого, чего мы не ожидали, и что должно нравиться людям здравомыслящим», но выражал весьма слабую надежду на исполнение царского обещания: «Самый слабый луч даже неверной надежды питает нас!»,— восклицал он в октябре того же года. В числе бумаг, отобранных у майора Вл. Раевского, был найден набросок следующего содержания: «Ниже сего я примерами изложу, сколь вредно рабство для народа русского, рожденного быть свободным. Александр в своей речи к полякам обещал дать конституцию народу русскому, он медлит, и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры. О, если бы его взоры могли обнять все мною сказанное, он бы не медлил ни минуты. Досадно и смешно слышать весьма частые повторения, что народу русскому дать свободу и права, ограничивающие безопасность каждого,— рано, как будто бы делать добро и творить суд правый может быть рано» [16].

Царским обещаниям скоро и совсем перестали верить. А. С. Пушкин, член побочной управы Союза Благоденствия —«Зеленой лампы», в иронической политической песне «Ноэль», сочиненной под рождество в конце 1818 г., называл «сказками» конституционные обещания Александра I. Действующими лицами в шутливой рождественской песенке были дева Мария, младенец Иисус и Александр I. Царь входил и «вещал»: «И людям все права людей по царской милости своей отдам из доброй воли».

От радости в постели
Запрыгало дитя:
— Неужто в самом деле,
Неужто не шутя?
А мать ему: «бай, бай, закрой свои ты глазки,
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь отец
Рассказывает сказки!»

Эти стихи распевали по всей России, не было ни одного сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть.

Между тем цензура свирепствовала. Из произведений печати изгонялся малейший противоправительственный намек. В 1819 г. было запрещено печатать письмо Ломоносова «О размножении и сохранении русского народа» как содержащее мысли, противные православной церкви. В области просвещения уже бушевал Магницкий. Будущие реплики «Горя от ума» уже носились в воздухе: знаменитое восклицание Фамусова — «Собрать бы книги все, да сжечь» — явственно звучит в разоблачающей Магницкого записи дневника Николая Тургенева, который в феврале 1819 г. возмущается действиями «мракобеснующегося Магницкого»: «Наши проповедники-губернаторы, начальники отделений, директоры, не зная наук, но зная средства, ведущие к выгодам, восстают против просвещения. Они кричат, подобно Омару: сожжем все книги! Если они сходны с библией, то они не нужны, если же ей противны, то вредны» [17].

Назначенный в 1819 г. членом главного правления училищ Магницкий был послан в Казань для ревизии университета. Обнаружив там «вредное направление», он даже предложил публично разрушить Казанский университет. Назначенный затем попечителем Казанского учебного округа,

он учинил в университете настоящий разгром. Все науки, до математических включительно, должны были преподаваться на основе священного писания. Лучшие профессора, заподозренные в вольномыслии, были уволены. В Казанском университете воцарился дух аракчеевской казармы [18].

«Зловещие старухи» и старики еще недописанного «Горя от ума» пытались представить собой общественное мнение России, но общество явно раскололось на два лагеря. Дворянские революционеры еще отчетливее стали лицом к лицу со станом реакции.

Представитель передового общественного мнения вырастал перед старым миром, обличая его несправедливость. Созданный А. С. Грибоедовым именно в это время гениальный образ Чацкого — обличителя старого строя — запечатлел эту борьбу.

Агитация касалась и действий высших представителей власти в государственных учреждениях империи, вызывавших возмущение и презрение. Не являлся исключением и Государственный совет — нововведение царствования Александра I, учрежденный лишь в 1810 г. «В совете я не предвижу никакого успеха доброму,— писал Николай Тургенев в дневнике 1820 г.— ...Чего ожидать от этих автоматов, составленных из грязи, из пудры, из галунов и одушевленных подлостью, глупостью, эгоизмом? Карамзин им вторит!— Россия, Россия! Долго ли ты будешь жертвою гнусных рабов, бестолковых изменников?»

В одном из анонимных доносов этого времени содержится яркая характеристика оживленной деятельности передовой молодежи в Петербурге в 1819 г. Это оживление было новым для наблюдателя: «С удивлением заметил я, что в Петербурге все занимаются политикою, говорят чрезвычайно смело, рассуждают о конституции, об образе правления, свободном для России, об особах царской фамилии и т. п. Этого прежде вовсе не бывало, когда я оставил Россию в 1809 г. Откуда взялось это, что молодые люди, которые прежде и не помышляли о политике, вдруг сделались демагогами? Я видел ясно, что посещение Франции русскою армиею и прокламации союзных противу Франции держав, исполненные обещаниями возвратить народам свободу, дать конституцию, произвели сей переворот в умах» [19]. Речь тут идет о всей общественной атмосфере времени. Союз Благоденствия созревал и рос дальше в напряженной исторической обстановке. Стоять на месте и удовлетворяться достигнутым было невозможно. Жизнь обгоняла новаторов и ставила перед ними сотни вопросов, требовавших немедленного ответа. Надо было поспевать за жизнью,— и неудовлетворенность старой программой и принятой тактикой сознавалась все острее.

3

Неразработанные стороны «сокровенной цели» становились явственным тормозом движения. Двадцатилетний с лишним срок, отведенный было Союзом Благоденствия для подготовки переворота, стал казаться необоснованно длинным, а способы достижения цели — малоэффективными. Политическая цель — конституционная монархия — стала представляться отсталой и не удовлетворяющей созревшему мировоззрению. Численный рост Союза делал организацию рыхлой, принимались подчас ненадежные люди. Резкая неудовлетворенность сделанным все отчетливее сказывалась в спорах, в обсуждении создавшегося положения. Нарастала жажда действовать. Члены общества досадовали, что «все остается в идеях,— ничто не переходит в действительность». Николай Тургенев с досадой писал в дневнике: «Мы теряемся в мечтаниях, в фразах. Действуй, действуй по возможности!— и тогда только получишь право говорить... Словам верить нельзя и не должно. Должно верить делам» [20].

Выше уже отмечались споры при обсуждении «сокровенной цели». Спорили о преимуществах республики перед конституционной монархией, горячо обсуждали «способы действия», которые обеспечили бы организацию государственного переворота, причем скорейшую организацию.

Якушкин приехал в Петербург в декабре 1819 г., и резкая неудовлетворенность членов ходом дел в обществе бросилась ему в глаза. Он признает, что Союз Благоденствия, особенно в Петербурге, достиг значительных результатов, и отмечает сильный численный рост членов. Он полагает, что «общественное мнение» в столице было создано. Но все это казалось уже незначительным. В самом обществе намечалось глубокое внутреннее движение: одни из прежних членов охладели к цели организации, «зато другие жаловались, что тайное общество ничего не делает; по их понятиям создать в Петербурге общественное мнение и руководить им была вещь ничтожная; им хотелось бы от общества теперь уже более решительных приготовительных мер для будущих действий»,— таковы были наблюдения Якушкина. Они очень важны. Передовая часть общества радикализировалась, продвигалась дальше по направлению к демократическим позициям, другая колебалась и отставала. Трубецкой, привыкший все вины валить на Пестеля, и тут (разумеется, неосновательно) приписывал все его личному поведению, но и он приходил к выводу, что в эти годы «общее действие охладело и лишилось единства». Пестель со своей стороны со свойственной ему конкретностью и точностью в описании сложных общественных явлений свидетельствует, что и в это время существовали вопросы, объединявшие всех: все единогласно желали введения в России «нового порядка вещей» и полагали необходимым численный рост общества и его значительное территориальное расширение. «Но по всем прочим предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемену в России, и до порядка вещей и образа правления, коими бы заменить существовавшее правительство» [21]. Последнюю формулировку надо признать исчерпывающей, она сделана с глубоким пониманием создавшегося в обществе положения и соответствует многочисленным показаниям других декабристов.

Круг идейных вопросов, обсуждавшихся в Тульчинской управе еще до Петербургского совещания, охватывал прежде всего именно вопросы «сокровенной цели» общества, т. е., объективно говоря, был сосредоточен на темах второй части «Зеленой книги». Ф. Вольф показывал, что очень скоро вслед за «Зеленой книгой» в Тульчинской управе обсуждали вопрос об освобождении крестьян, а вместе с ним и вопрос о форме правления.

В показаниях Ф. Вольфа — противника конституционной монархии — «конституция» и есть вопрос о республике. Продолжая описывать нарастающее идейное оживление в Тульчинской управе, Вольф показывает: «С продолжением времени, когда говорили об обществе, начали более и более касаться до узаконений, говорили о необходимости улучшения законов в России, говорили о конституции. Здесь невинная цель Союза Благоденствия начинала исчезать, из него делалось политическое общество, имевшее мне известную цель — введение конституции». Когда в 1819 г. Пестель уехал в Петербург, оживленные споры продолжались и без Пестеля; в них участвовали Вольф, Юшневский, Бурцов, Ивашев, Аврамов, Комаров. Таким образом, жизнь Тульчинской управы не замирала и тогда, когда руководитель был в отсутствии [22].

Не приходится сомневаться, что освобождение крестьян и наделение их землей также было в центре внимания. Об этом свидетельствует Ф. Вольф, передающий, что общей темой бесед с Пестелем был вопрос об освобождении крестьян; об этом же говорит возникновение земельного надела в раннем конституционном проекте Пестеля (1820), характеризованном Никитой Муравьевым в его показаниях на допросе. Вопрос о форме правления также порождал оживленную борьбу мнений. Республиканское решение неизбежно ставило вопрос о революционной борьбе, а не о мирном подготовлении «нравов» к отдаленному перевороту. Разногласие между Бурцовым и Пестелем было заметно членам управы. Юшневский показывает, что Пестель всегда видел в Бурцове «сильного противника в политических своих мнениях», и сам Бурцов не раз упоминает о расхождениях между ним и Пестелем, относя это и к какой-то лично неприязни: по его показанию, Пестель «всякий раз выходил из себя», даже тогда, когда «маловажная деловая бумага, им написанная, попадалась в мои руки». Конечно, Бурцов был заинтересован в преувеличении этой стороны дела на следствии, но разногласия, несомненно, существовали. Н. Басаргин в своих показаниях также говорит о «бесконечных прениях полковника Бурцова и Пестеля о республиканском правлении» [23].

Пестель и его единомышленники в Тульчинской управе считали изменение политической формы правления решающим моментом. Стоит добиться новой государственной формы революционным путем — и все остальные желательные изменения, в том числе улучшение нравов, произойдут как бы сами собой. Такое представление встречало несогласие Бурцова. Ему казалось, что улучшение нравов должно предшествовать установлению республики, а не следовать за ним. В глубине спора лежал, повидимому, вопрос об оценке активной силы народа и опасение повторения в России «ужасов» французской революции. Бурцов опасался республики, данной необразованному народу, а Пестель и его друзья полагали, что «законо-свободное» представительное правление, уничтожающее сословия и уравнивающее граждан в правах, явится лучшей гарантией для последующего просвещения народа. В этом споре легко узнать одну из основных тем столкновения либерального и революционного течений. Однако этот серьезный принципиальный спор не влек за собой раскола: Бурцов показывает на следствии, что, несмотря на этот спор, он в Тульчинской управе все же действовал совместно с Пестелем. «В мае месяце 1819 года,— свидетельствует Бурцов,— приехав в Тульчин, я нашел там Пестеля, который, прибыв за полгода, принял в общество Комарова, и мы все вместе стали распространять число членов. Я действовал в том же духе, как и прежде, а Пестель сначала подделывался к моему мнению, но впоследствии начал понемногу восставать против оного, к чему склонял и своих приятелей как насмешками, так и убеждениями. Он утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже нравы исправляются. Я же непоколебимо оставался в прежних правилах и почитал за великое щастие, если бы в течение своей жизни хотя на одну каплю успел улучшить нравственность в своем малом кругу действия. Таковое несогласие в коренном мнении убедило меня, что обществу с разнородными частями существовать нельзя» [24].

В этом показании имеются несомненные преувеличения. Споры с Пестелем были для Бурцова на следствии драгоценным аргументом, позволявшим ему отрицать свою причастность к революционному способу действия. Но в дальнейшем Бурцов, сразу после Московского съезда 1821 г., не только не отдалится от общества, а будет известное, хотя и краткое.

время стараться организовывать новое общество с революционным образом действия «посредством войск», т. е. придерживаться тактики вооруженного выступления. Отсюда ясно, что его стремление обрисовать свою позицию в Тульчинской управе как самую мирную и либеральную, ориентированную лишь на длительное «исправление нравов», не соответствует истинному положению вещей и является лишь приемом подследственного лица, призванным обелить в глазах следователей его прежнюю деятельность. Очевидно, речь шла в спорах еще о чем-то, вопрос ставился шире и истинные причины разногласий остались скрытыми. Элемент либеральных колебаний был у Бурцова выражен гораздо более сильно, нежели у его противников.

Именно тут, в обстановке Тульчинской управы Союза Благоденствия, и совершилось превращение Пестеля из сторонника конституционной монархии в убежденного республиканца. Превращение это, на наш взгляд, не было его замкнутой личной эволюцией. Рядом с ним в Тульчинской управе было немало людей, страстно интересовавшихся теми же основными проблемами «сокровенной цели» тайного общества: А. Юшневский, А. Барятинский, Н. и А. Крюковы, Ф. Вольф. Вся управа работала над «сокровенной целью» Союза Благоденствия, т. е. над вопросами будущего социального и политического устройства революционной России. Пестель же был главой управы, общительным человеком, прекрасным оратором, опытным участником споров, сильным диалектиком, обладавшим способностью неотразимой аргументации. Обсуждение вопросов — как освободить крестьян, какое избрать правление — конституционно-монархическое или республиканское, как избежать междоусобной борьбы — было общим делом. Выше уже приводилось свидетельство Н. В. Басаргина о «бесконечных прениях» полковника Бурцова и Пестеля о республиканском правлении. О свободе крестьян Пестель заговорил с Вольфом вскоре после того, как последний прочел «Зеленую книгу», а то обстоятельство, что в Тульчинской управе говорили об опасностях народного восстания и о «междоусобной войне», которой хотели избежать (но и тут высказывались разные мнения!), засвидетельствовано показанием Пестеля о том же Вольфе: «Ни один член так не проповедывал кровопролитие, как Вольф, не показывая даже опасения насчет междоусобной войны». Стало быть, споры переходили даже обычную запредельную черту дворянской революционности,— в эти годы для дворянина-революционера требование избежать «междоусобной войны» было типичным. Ф. Вольф же высказал гораздо более последовательную демократическую точку зрения [25].

Таким образом, эволюция Пестеля — его переход с позиций сторонника конституционной монархии на точку зрения республиканца, который он так ярко и отчетливо обрисовал на следствии, совершился отнюдь не в четырех стенах заваленного книгами кабинета, а в живом и довольно многочисленном человеческом коллективе, который сам шел по тому же пути. Можно высоко оценить осторожность Пестеля, не называющего в этом показании (за единственным исключением упоминания об уже покойном М. Н. Новикове) имен товарищей, с которыми происходили эти живые совместные обсуждения. Но нельзя в силу этого рисовать идейное развитие Пестеля как эволюцию одиночки и «забывать» при этом о наличии Тульчинской управы. Переход Пестеля к республиканскому политическому мировоззрению совершился в годы Союза Благоденствия во время пребывания Пестеля в Тульчине, перемежаемого, разумеется, поездками в Петербург, соединяемого общением с Орловым и его Кишиневской управой. Здесь, на юге, постепенно созревали положения доклада Пестеля в пользу республики на Петербургском совещании Коренного союза в 1820 г. Если внимательно вчитаться в показания Пестеля об его эволюции,

в них, бесспорно, чувствуется наличие человеческого коллектива, идущего по тому же пути. Так, Пестель говорит о своих размышлениях над опытом французской революции: «Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие-то произвело во мне впоследствии мысль о Временном правлении и о его необходимости и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия». Ясно, что «всегдашние толки» говорят о живом обмене мнений, предполагают ответные — согласные или несогласные — «толки». Выше как раз указывалось крайнее мнение Вольфа на эту тему, но можно с уверенностью предположить, что большинство тульчинских дворян-революционеров было в этом вопросе заодно с Пестелем.

Пестель говорит о чтении «политических сочинений», книг и газет, которые способствовали его переходу к республиканскому образу мыслей; мы знаем из многочисленных свидетельств, что большая библиотека Пестеля (его квартира вообще походила на библиотеку) была открыта не только для тульчинских членов. Газеты также переходили из рук в руки. Давая знаменитое показание о развитии своего мировоззрения, Пестель заключает: «Из сего изволит комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях, а также разделением со мною сего образа мыслей многими сочленами общества». Мы видим тут прямое свидетельство об окружавшем Пестеля сочувствующем коллективе.

Выше в общих чертах восстановлена объективная историческая обстановка 1818—1820 гг., в которой совершалось быстрое развитие политического мировоззрения дворянских революционеров, их движение по пути к демократизму. В идейные условия, служившие дальнейшему формированию мировоззрения, входит, разумеется, и чтение политической литературы. «Сочинение Детюдетраси на французском языке очень сильно подействовало на меня,— показывал Пестель.— Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследственен, неминуемо кончится деспотизмом». Можно догадываться, что речь идет о комментарии на «Дух законов» Монтескье. Вспоминались и работы членов общества: «Новиков говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ними соглашаться». Глубокие размышления над историческим прошлым человечества приводили Пестеля к тому же выводу. Пестель вспоминал «блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом». Тот же пример являла ему и история Рима: «Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров». Пестель не в одиночестве размышлял над историей Греции и Рима. Записная книжка его товарища Крюкова 2-го, где в выписках также идет речь о Риме, говорит, что в Тульчинской управе не один Пестель думал над этим вопросом. Пестель размышляет над политическим строем Новгорода: «История великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей». И тут он не один: над темой великого Новгорода думали едва ли не все участники движения декабристов — от Священной артели, повесившей у себя в комнатах «вечевой колокол», до Никиты Муравьева, автора «Любопытного разговора»[26].

Приведенные выше факты идейной эволюции Пестеля освещают его путь к республиканизму и относятся ко времени до Петербургского совещания 1820 г., примерно к 1818—1819 гг. Доклад Пестеля о предпочтительности республиканского правления, сделанный в начале 1820 г., яв-

ляется в этом случае непререкаемым хронологическим рубежом его идейного развития. «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении»,— показывал Пестель. «Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то представляя себе живую картину всего щастия, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и сказать можно восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей...» [27].

Замечательными памятниками этой идейной работы являются две рукописи Пестеля, органически входящие в комплекс работ, легших в основание «Русской Правды»,— конституционного проекта Южного общества. Это «Краткое умозрительное обозрение государственного правления» и рукопись на французском языке, сохранившаяся (без начала) в составе документального комплекса «Русской Правды». Последнюю некоторые из исследователей (Б. Е. Сыроечковский, С. М. Файерштейн) относят также к самому началу 1820 г., причем ко времени до Петербургского совещания у Ф. Глинки (иначе говоря, примерно к январю 1820 г.). Она известна в позднейшей литературе о декабристах под условным названием «социально-политического трактата». Ниже будет показано, что указанная датировка не выдерживает критики. Вероятнее отнесение рукописи к сентябрю-октябрю 1820 г., что мотивируется в последующем изложении [28].

Памятником аналогичной эволюции для петербургской группы является проникнутый республиканской идеологией «Любопытный разговор» Никиты Муравьева, на котором мы остановимся ниже. Драгоценно и свидетельство И. Д. Якушкина на следствии: «В это время (т. е. в исходе 1819 — начале 1820 г., когда Якушкин приехал в Петербург.— *М. Н.*) все члены в Петербурге, с которыми я был в сношении, почти единственно занимались разного рода предположениями относительно освобождения крепостных людей в России, что совершенно согласовалось с тогдашними моими занятиями». К величайшему сожалению, мы не знаем конкретного содержания этих споров, но не приходится сомневаться, что перед Петербургским совещанием 1820 г. крестьянский и, вероятно, земельный вопросы были в центре внимания общества. Следовательно, споры о республиканском и конституционно-монархическом правлении соединялись с оживленным обсуждением кардинальных конституционных вопросов, крестьянского в первую очередь.

К исходу 1819 г. во главе идейной жизни Союза Благоденствия в Петербурге стояли Никита Муравьев и Николай Тургенев. Первый из них в тот момент убежденно защищал республиканские позиции, да и второй, повидимому, склонялся к ним, что показало Петербургское совещание Коренной управы.

Идейное продвижение вперед ведущего ядра отсеивало колеблющихся. Основатель общества Александр Муравьев в 1819 г. оказался в числе самых отсталых и отпадающих от движения членов. Он выходит в этом году из общества; делает он это по всей форме: возвращает первую часть «Зеленой книги» и рукописное «полномочие», дававшее ему право принимать новых членов, причем последний документ снабжает надписью о выходе своем из общества. Замечательно, что он не вернул снятую им копию проекта второй части «Зеленой книги», поскольку эта часть не получила утверждения: он рассматривал снятую им копию как свое личное достояние. Но выход Александра Муравьева из общества был обусловлен и личными мотивами. Декабристы приписывали его влиянию экзальтиро-

ванно-религиозной жены (А. Муравьев только что женился в это время). И. Д. Якушкин пишет в «Записках», что жена Муравьева, будучи невестой, пела с женихом «Марсельезу», а потом оказалась во власти религиозно-мистических настроений. Однако убеждение в необходимости ликвидировать крепостное право и освободить крестьян с землей осталось у А. Муравьева до конца жизни. Можно предположить, что не этот вопрос, а скорее «ужасы французской революции», все отчетливее рисовавшиеся воображению в условиях возраставшего напряжения политической жизни России и Западной Европы, сыграли тут решающую роль. Достойно внимания, что выход основателя первого тайного общества из организации не поколебал ее — она продолжала существовать и развиваться. Этот инцидент является поэтому дополнительным свидетельством жизнеспособности всей организации в целом [29].

Из всего сказанного выше ясно, что решение Коренного союза созвать в 1820 г. в Петербурге совещание по основным программным вопросам — для уяснения «сокровенной цели» и выработки правильной линии руководства обществом — было вполне своевременным. Работа над «сокровенной целью» сильно продвинулась в сознании ведущего большинства, и общее решение уже вызревало,— нужно было обо всем окончательно договориться.

Петербургское совещание 1820 г. и было сосредоточено на разработке «сокровенной цели», т. е. фактически совпадало по основной теме со второй частью «Зеленой книги», только разрешало ее, как увидим далее, не в духе старого проекта С. Трубецкого, а совсем иначе. Это надо подчеркнуть для уяснения глубокой органической связи Петербургского совещания и его решений с внутренней, идейной жизнью Союза Благоденствия в предшествующие годы. Обычно связь эта в литературе как-то опускается, а доклад Пестеля и все Петербургское совещание совершенно неожиданно выплывают в истории якобы вполне «легального» Союза Благоденствия. Как правило, не устанавливается никакой связи между незаконченной работой над второй частью «Зеленой книги» и докладом Пестеля на Петербургском совещании. Между тем оба явления соединены органически, и Петербургское совещание — подготовленное всем предыдущим развитием звено истории Союза Благоденствия и всего движения декабристов в целом. Совещание 1820 г. было результатом работы всех управ тайного общества, как южных, так и северных, над его «сокровенной целью».

По уставу Союза Благоденствия, в соответствии с первой частью «Зеленой книги», Коренной союз имел «законодательные права» внутри организации, т. е. имел право простым большинством голосов принимать программные изменения коренного характера. Таким образом, в созыве специального совещания Коренного союза или Коренной управы (что для 1820 г. в сущности еще было одним и тем же, так как перераспределения членов-основателей по управам и реорганизации Коренного союза, предусмотренного уставом в случае большого расширения Союза, еще не произошло) не было ничего неожиданного, случайного или нарушающего устав. Созыв такого совещания, как уже говорилось, диктовался всем ходом дел в Союзе Благоденствия [30].

Пестель уехал в Петербург, как показывает точный в датах Бурцов, в конце 1819 г. Действительно, по официальным данным Пестель приехал в Петербург 21 ноября 1819 г. Самому Бурцову, к его неудовольствию, пришлось остаться. Пестель ехал в северную столицу под служебным предлогом, сопровождая в качестве адъютанта главнокомандующего армией Витгенштейна. Вернулся Пестель из Петербурга, по собственному показанию, «в конце мая или начале юня» 1820 г. Длительность его отсутствия объясняется заездом его в имение к родителям (Пестель обычно

соединял поездки в Петербург с отпуском и посещением родительского дома) [31].

По показанию одних членов, совещание Коренной управы Союза Благоденствия произошло в январе 1820 г., а по показанию других — в начале 1820 г. Эти даты обычно и фигурируют в декабристской литературе и едва ли противоречат друг другу. Произошло оно в обширной холостой квартире Федора Глинки, очень удобно расположенной для конспиративного совещания: Глинка жил в верхнем этаже дома Крапоткина, находившегося на Театральной площади недалеко от Поцелуева моста, в центре города, где скрещивались пути, в самом оживленном месте; главным же обстоятельством, способствовавшим конспирации, было то, что в нижнем этаже того же дома находилась адресная контора Петербурга («адресов контора»), куда постоянно входили и откуда выходили люди. Собрание Коренной управы в этом доме поэтому не могло обратить на себя ничьего внимания. Семьи у Глинки не было, поэтому и домашние не могли помешать совещанию. В деле Глинки сохранился план Театральной площади с прилегающими улицами, мостом и точным обозначением как оперного театра, так и того дома, где находилась его квартира [32].

Сохранилось особое дело «О совещании Коренной Думы в 1820-м году и о членах Коренного Совета Союза Благоденствия». По данным этого дела устанавливается, что на совещании присутствовали (сохраняем порядок перечисления фамилий, имеющийся в деле): граф Федор Толстой, Илья Долгоруков, Николай Тургенев, Федор Глинка, Иван Шипов, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев, А. Бригген, Павел Колошин, П. Пестель, М. Лунин и С. Семенов. Однако на основании показаний на следствии и мемуарной литературы можно добавить имя Матвея Муравьева-Апостола, названного Пестелем, а также Якушкина, который сам дал об этом показание при допросе («В 1820-м году при вступлении моем опять в общество был я в Петербурге на двух совещаниях, из которых одно было у Глинки, а другое у Никиты Муравьева»). Совещание 1820 г. было глубоко законспирировано, и поэтому показания о нем давались на следствии с крайней неохотой. Лунин еще в марте 1826 г. отрицал на допросах самый факт совещания, утверждая, что не знает о нем решительно ничего (он признался лишь в половине апреля). Никита Муравьев всеми силами пытался скрыть или хотя бы затушевать это совещание и окончательно признался в существовании его решений лишь на очной ставке с Пестелем в апреле 1826 г., и то он не назвал всех членов, присутствовавших на совещании. В частности, он показал, что Павла Колошина на совещании будто бы не было, между тем сам Колошин признался, что на совещании присутствовал. Необходимо заметить, что Якушкин даже в своих мемуарах скрывает наличие этого совещания, и лишь отдаленные намеки могут связать его «Записки» с его прямым показанием на следствии (он пишет в «Записках», что приехал в начале 1820 г. в Петербург и что в это время члены собирались «по нескольку раз в неделю», что, конечно, чересчур часто для совещаний обычного типа). Сергей Муравьев-Апостол, колеблясь, показывает, что на совещаниях 1820 г. у Глинки был Сергей Трубецкой, но это явная ошибка: Трубецкой был в это время за границей [33].

Таким образом, на совещании Коренной управы у Глинки присутствовало не менее 14 человек. Всех ли участников мы знаем? Ответить на этот вопрос трудно,— возможно, что и не всех: ссылки на «и других» присутствующих, имена которых не удержались в памяти дававших показания декабристов, встречаются в показаниях. Полный пропуск вопроса об этом совещании в доносе Грибовского — члена именно Коренной управы — понятен лишь в том случае, если предположить несомненным и участие в нем самого Грибовского.

Доклад Пестеля был поставлен, разумеется, с ведома и согласия Коренной управы. Организовано было заседание по всей форме — с председателем, прениями и последующим голосованием.

Обратим внимание на показание Пестеля, что он успел сговориться с Никитой Муравьевым еще до заседаний и что «прежде означенного совещания у Глинки они условились быть там одного мнения». Отсюда следует, что Пестель знакомил Никиту Муравьева с основными положениями своего доклада (Муравьев признался в этом только на очной ставке с Пестелем). Сговориться с Муравьевым Пестелю было легко: он был тогда его единомышленником и сторонником республиканского правления. Пестель показывает, что Никита Муравьев был в 1820 г. «один из тех членов, которые наиболее в пользу сего последнего говорили».

Председательствовал на совещании, по наиболее частым показаниям, Федор Толстой, блюстителем был Илья Долгоруков. Ряд показаний называет председателем собрания именно Илью Долгорукова. Так или иначе активность последнего на собрании вне сомнений — он задавал важные вопросы, получал ответы, ставил вопросы на голосование (это была функция блюстителя). По открытии заседания блюститель Союза Благоденствия формально предложил собравшейся Думе (т. е. Коренной управе Союза) просить Пестеля «изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения»,— так показывает Пестель. Совершенно ясно, что доклад Пестеля не делался экспромтом. Зная аккуратность и усидчивость Пестеля, а главное, учитывая важность темы, можно с большой долей уверенности предположить, что доклад у него был написан. Следовательно, формальное и торжественное выступление блюстителя Союза — Долгорукова — после того, как председатель Федор Толстой открыл заседание, носило характер официальный: Союз Благоденствия этим выступлением блюстителя, очевидно, подчеркивал, что Пестель не «от себя» выступает, а выполняет важное поручение Союза, действует от имени Союза [34].

Ввиду важности вопроса приведем одно из наиболее полных показаний Пестеля о ходе этого знаменитого совещания.

«Князь Долгоруков, по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец после долгих разговоров было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: Монарха или Президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: «Le président, sans phrases!», то-есть: Президент, без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну» [35].

Это показание восстанавливает ясную картину заседания. На основании этого свидетельства, а также привлекая другие довольно многочисленные показания о Петербургском совещании 1820 г. на квартире у Федора Глинки, мы можем довольно точно восстановить его основной ход. Выводы доклада Пестеля были сделаны в пользу республиканской формы правления. Прения, по свидетельству Пестеля, были «долгими». В них высказывались как сторонники конституционно-монархического, так и республиканского, или, как говорит участник заседаний Сергей Муравьев-Апостол, «народного», правления. В прениях первым выступил Глинка со своим

предложением о конституционной монархии с императрицей Елизаветой Алексеевной на престоле, однако Глинка голосовал, как и все, за республику. Предложение о конституционной монархии в прениях отстаивал, как показывает Сергей Муравьев-Апостол, также председатель Союза Федор Толстой. Правда, в другом своем показании Муравьев вновь говорит только о выступлении одного Глинки в пользу конституционной монархии, все же прочие выступления он считает республиканскими; он не смог характеризовать лишь выступление Семенова, которого будто бы не помнил. Но Степан Семенов, секретарь Союза Благоденствия,— единственный разночинец на этом совещании — давно зарекомендовал себя как убежденный и страстный сторонник республики (кстати сказать, он был прекрасным оратором); он выступал, открыто защищая ее, еще на диспуте Малова в 1813 г. в Московском университете, о чем подробно и красноречиво рассказано в воспоминаниях Д. Свербеева. Можно предположить, что во время прений выступил с обоснованной и обстоятельной защитой республики и Никита Муравьев, поскольку он заранее сговаривался об этом с Пестелем. Вероятно, Пестель отвечал в отдельности каждому выступавшему в прениях. Это чувствуется в свидетельстве Сергея Муравьева: «Пестель объяснял выгоды и невыгоды как монархического, так и народного правления, ответствуя на возражения, делаемые ему членами». После этого и следовало указанное поименное голосование, пришедшее к единогласному решению. И Глинка и Федор Толстой (если он выступал в прениях против республики) голосовали *за* республику. Единогласное решение было тем явственнее выражено, что голосование было не только открытым и поименным, но сопровождалось и обязательной мотивировкой личного голосования, т. е. в данном случае мотивировкой положительного решения в пользу республики. От мотивировки демонстративно отказался лишь Николай Тургенев, и его лапидарная формула «Президент, без дальних толков» звучала, несомненно, как мысль: все-де ясно, и говорить нечего — республика предпочтительнее, зачем тратить слова? Вопрос, очевидно, казался ему уясненным длинными прениями, в которых, весьма возможно, он и сам принимал участие [36].

Таким образом, Союз Благоденствия является той организацией в истории русского революционного движения, которая впервые приняла решение бороться за республиканскую форму правления в России (1820).

Важно подчеркнуть, что решение Петербургского совещания было передано управам, как это и полагалось по уставу Союза Благоденствия. Крупнейшее программное изменение стало достоянием прочих ответвлений организации. «Сие заключение Коренной Думы было сообщено всем частным Думам, в том числе и тульчинской»,— показывает Пестель [37].

Вникая в значение Петербургского совещания и оценивая его связь с предшествующей работой Союза над «сокровенной целью», никак нельзя согласиться с мнением некоторых историков об «упадке Союза Благоденствия в 1820 г.» или о последующем «глубоком распаде» Союза Благоденствия и т. п. Эти формулы вольно или невольно вводят читателя в заблуждение. Историк движения декабристов, беря вопрос в целом, может говорить лишь о большом идейном подъеме 1820 г. в организации декабристов, подъеме, ярко проявившемся в уяснении «сокровенной цели», которая в течение длительного времени была предметом страстных споров в Союзе Благоденствия. Тайное общество декабристов приняло решение бороться за республику,— это было большим шагом вперед по сравнению с конституционно-монархической программой Союза Спасения.

Разумеется, одно влекло за собой другое: радикализация конечной цели потребовала изменений в тактике, и «Зеленая книга» стала выглядеть явно устаревшей и не соответствующей конечной цели борьбы. Если

это подразумевают историки декабристов, говоря об «упадке» Союза Благоденствия, то это понимание ближе к истине. Но устарение прежних способов действий говорило лишь об идейном движении и жизнеспособности организации, не замедлявшей своего внутреннего роста и все время искавшей новых форм борьбы, которые приблизили бы общество к конечной цели. «Зеленая книга» обветшала, и листы ее выпадали из знаменитого переплета, а движение декабристов набиралось сил и поднималось на новую ступень.

4

Итак, в жизни тайного общества произошло событие огромной важности: в программе организации появилась новая формулировка конечной цели борьбы — борьбы за русскую республику.

Новая формула, естественно, влекла за собой и вопросы о социальном содержании понятия «республика» и о новых способах действия. Какие группы населения и на каких основаниях примут участие в республиканском представительстве? Как разрешится вопрос о крепостном праве и о крестьянском землевладении? Каковы будут особенности конституционного устройства? Конечно, правдоподобно предположение, что Пестель коснулся в какой-то мере всех или части этих вопросов в своем докладе, мотивируя предпочтительность республиканского правления перед конституционно-монархическим. Их нельзя было оставить в стороне даже при самой общей постановке вопроса. Но, не располагая текстом доклада Пестеля, мы не можем ответить на эти вопросы в конкретной форме. Мы можем строить предположения об этом на основе близких к этому времени конституционных набросков Пестеля. Однако в этом нет нужды, так как наброски эти разбираются в своем месте. Сейчас надо остановиться на том круге вопросов, который возник немедленно вслед за общим решением о республике в сознании декабристов и стал предметом их ближайших совещаний и горячих споров. Как достичь установления русской республики? Какими способами должны действовать дворянские революционеры, чтобы обеспечить ее завоевание? Ясно, что в свете этих вопросов все рекомендации первой части «Зеленой книги» уже никуда не годились,— они явно устарели. Вопрос о способах действия встал, так сказать, на другой же день после совещания у Глинки.

И действительно, на другой же день или вскоре (участники говорят, что это случилось сейчас же вслед за собранием у Глинки) имело место новое совещание декабристов, логически связанное с первым. В Преображенских казармах на холостой квартире подполковника Ивана Шипова, обставленной со спартанской простотой, встретились вновь участники предшествующего совещания, хотя и не все: не было Николая Тургенева, Федора Глинки, Павла Колошина, С. Семенова. Сергей Муравьев показывает: «Вслед за сим заседанием было другое и, если не ошибаюсь, на квартире у Шипова, в казармах Преображенского полка, где были все те же члены, кроме Глинки, гр. Толстого и, кажется, Н. Тургенева, где в первой раз было говорено о цареубийстве и которое кончилось большим спором между Н. Муравьевым и Долгоруким, и где по сему случаю ничто не было решено». Однако вслед за этим Муравьев припомнил и о переносе этого заседания на другой день для принятия решения, и даже о голосовании по вопросу о цареубийстве [38].

Конечно, прав был Пестель, указавший во время допросов на то, что вопрос о цареубийстве впервые возник не здесь, а на Московском совещании 1817 г., где обсуждался и был отвергнут известный «Московский заговор», относившийся, как мы помним, ко времени Союза Спасения. Дело было, конечно, не в том, впервые ли возник этот вопрос (он возник

не впервые), а в том, что принятие республиканской цели логично и естественно рождало этот вопрос при первом же рассуждении о «способе действия». Вопрос о цареубийстве возникал вновь, но совсем на новой основе. Сохранение дома Романовых являлось серьезной угрозой для существования республики [39].

Сергей Муравьев-Апостол запомнил присутствие на этом совещании Лунина, хотя и не решился утверждать это. Сергея Трубецкого на этом собрании не было: он находился за границей, и иногда встречающиеся упоминания о нем явно ошибочны [40].

Если первое совещание было строго конспиративным, то на втором обсуждались вопросы, требовавшие еще более глубокой тайны. Может быть, именно поэтому установить состав участников этого совещания еще более трудно.

Совещание у Шипова открылось докладом Никиты Муравьева «о средствах ввести в Россию народное правление»,— так показывает Сергей Муравьев-Апостол. Республиканская цель требовала «уничтожения престола», т. е. полной ликвидации абсолютной монархии в России. В силу этого «средства ввести в Россию народное правление» заключали в себе, как мы видим из показаний, вопрос о цареубийстве, о возможности «междоусобной войны» и о средствах ввести ее в нужное русло, чтобы укрепить в России республику. Никита Муравьев высказался за цареубийство и был поддержан Пестелем; блюститель Союза — «осторожный Илья» (Долгоруков) выступил против. Возникли бурные прения, достигшие, как единогласно показывают все участники, большой остроты [41].

На этом совещании Пестель и выступил в первый раз с идеей диктатуры Временного революционного правления, которая была, очевидно, поддержана Никитой Муравьевым. Страстность прений на эту тему дошла до того, что совещание пришлось прекратить и вскорости возобновить его, но уже в меньшем составе участвующих: Илья Долгоруков, повидимому, напуганный поставленными вопросами и всем поворотом прений, на новое совещание не пришел вовсе. Сергей Муравьев смутно помнит, что имело место даже голосование по вопросу о цареубийстве: «Теперь припоминаю, что вышесказанная, предлагаемая Н. Муравьевым мера была еще раз представлена членам и принята ими по голосам; но не упомню, на совещании ли в квартире Шипова или на другом какомлибо; помню только, Долгорукова тут не было, а из присутствовавших помню только себя, Н[икиту] Муравьева и Пестеля» [42].

Отсутствие блюстителя и малое количество собравшихся, конечно, лишали собрание того торжественного, «законного» характера, который свойственен был совещанию у Глинки. Поэтому Пестель формально прав, когда, желая использовать эти особенности для смягчения острейшего вопроса о цареубийстве, показал на следствии: «У полковника Шипова происходило не собрание Коренной Думы, но только съехались некоторые члены для разговора об обществе не в виде Думы, но как частные члены Союза. Нас было очень мало, и даже председатель Думы не находился при том». Это же утверждение Пестеля подробно зафиксировано в журналах Следственного комитета [43].

Никита Муравьев на этот раз с большой ясностью ставит в своем ответе на вопрос о совещании у Шипова всю проблему спора: за цареубийство на совещании у Шипова стояли только Никита Муравьев и Пестель, прочие спорили против этой меры, доказывая, что цареубийство «неминуемым последствием иметь будет анархию и гибель России. Пестель уверял, что общество может отвратить анархию, назначив наперед из среды своей временное Правление, облеченное верховною властью, дабы обеспечить порядок и ввести новый образ правления. Мысль сия

нашла во мне одном только защитника и была опровержена прочими. В особенности же восстал против неосновательности сего предложения князь Долгорукой, с которым и возникло у меня о том прение»[44].

Этот момент в истории общества и самый генезис мысли о диктатуре Временного верховного правления надо особо отметить,— вопрос о нем не сойдет с повестки дня вплоть до открытого выступления.

Поясняя свое понимание вопроса о временном революционном правлении, как он был изложен именно на совещании у Шипова, Пестель показал: «Опасенья на щет безначалия и беспорядков, при Революции произойти могущих, изъявлял я всегда сам, и, говоря о необходимости Временного Правления, приводил в подкрепление сей необходимости все опасения на щет безначалия и беспорядков: мнением полагая, что надежнейшее и единственное средство к отвращению оных состояло бы в учреждении Временного правления»[45].

Таким образом, как только уяснилась «сокровенная цель» общества и формула вводимого революцией республиканского правления восторжествовала, естественно, обострилась и внутренняя борьба в обществе. Обострение сказалось прежде всего в понимании «способов революционного действия». Долгоруков — блюститель Союза Благоденствия, сам голосовавший за республику, показал, что в начале 1820 г., т. е., очевидно, именно после совещания у Шипова, «сложил» с себя должность блюстителя тайного общества. Недаром Пушкин назвал его «осторожным Ильей»[46].

Но дело было далеко не только в «способах действия». Дело было в самом устройстве республики — в ее основном законе, в конституции. Принятие самого республиканского решения, как бы ни было оно само по себе важно, еще не определяло всего конкретного существа будущей политической системы. Петербургское совещание на квартире у Глинки только начало эту работу, «а подробности будут со временем определены»,— так решили члены тайного общества. Вот во имя этого и надо было спешить с составлением республиканского конституционного проекта: он определял основное и мог сконцентрировать вокруг себя силы убежденных сторонников. Потребность в его создании ощущалась как самая неотложная.

5

После совещания 1820 г. у Глинки и Шипова Пестель с огромным рвением продолжал свою работу над конституционным проектом. Позже (в 1824 г.) проект получит название «Русской Правды», но в начале своего возникновения он еще не носил этого имени. Политические рукописи Пестеля, о которых упоминалось выше, подготовили его для этой работы, явились ее предварительным этапом, первой пробой формулировок.

Рукопись, созданная им в 1820 г.,— первый набросок конституционного проекта — к величайшему сожалению, не дошла до нас, она была уничтожена еще до следствия. Но упоминания о ней, свидетельствующие о самом факте ее существования, и подробный пересказ ее содержания сохранились в следственном материале. Наиболее подробное свидетельство о ней принадлежит Никите Муравьеву — другу и единомышленнику Пестеля в изучаемые годы. Сам Никита Муравьев совершенно точно датирует получение рукописи: «В августе 1820-го года проездом в Одессу заехал я в Тульчин... Тут я взял копию с конституции Пестеля, которая состояла только из одного очертания оной и писана была на французском языке». Отвечая на следующий вопрос, Никита Муравьев еще раз возвращается к полученной от Пестеля рукописи и вновь подтверждает как

приведенную выше датировку, так и самый факт написания Пестелем конституции: «Я уже показал выше, что Пестель написал также конституцию... Мне известна только весьма сокращенная, писанная им на французском языке еще в 20 году... Та, которая мне известна, состояла в следующем»,— и далее Никита Муравьев сравнительно подробно излагает содержание этого конституционного проекта. Пестель и Лунин не дали каких-либо конкретных показаний об этой французской рукописи 1820 г., но оба показания Никиты Муравьева столь конкретны и обстоятельны и так согласовываются с датами встречи, указанными в других показаниях, что, казалось бы, можно считать вопрос о датировке рукописи Пестеля вполне ясным. Однако этому выводу препятствует одно необъяснимое на первый взгляд противоречие [47].

Обстоятельное изложение конституционного проекта Пестеля, имеющееся в деле Никиты Муравьева, не оставляет сомнений, что излагается конституционно-монархический, а не республиканский вариант (в изложении фигурирует «Император»). Как же согласовать это с тем бесспорным фактом, что Пестель уже в начале 1820 г. в своем докладе на Петербургском совещании заявил себя безоговорочным сторонником республиканского строя? Это противоречие заставляет некоторых исследователей колебаться в датировке изложенного Н. Муравьевым проекта Пестеля и даже относить его к каким-то давним наброскам, которые в августе 1820 г. уже устарели для самого Пестеля, были его пройденным этапом. Но зачем же в таком случае читать этот устарелый текст единомышленнику Никите Муравьеву, да еще давать ему возможность «взять копию» («Тут я взял копию с конституции Пестеля...») с этого отвергнутого самим автором проекта, уже не отражающего его новых взглядов? Тут явно нарушается логическая связь явлений, и принять это объяснение невозможно. Чтобы выйти из этого противоречивого положения, некоторые исследователи предполагают, что Никита Муравьев был на допросе умышленно неточен. Еще скрывая в тот момент (5 января 1826 г.) перед следствием республиканский характер принятых на квартире Ф. Глинки решений по докладу Пестеля, он нарочито изложил республиканский проект Пестеля, с которым ознакомился, проезжая через Тульчин в 1820 г., в монархическом духе. Поступи он иначе, ему немедленно пришлось бы отвечать на вопрос о своем отношении к республике в это время, а за этим потянулись бы вопросы о его позиции на Петербургском совещании 1820 г., от чего Никита Муравьев явно хотел уклониться. Это объяснение, в отличие от первого, заслуживает известного внимания. Оно подтверждается и тем, что, впервые сознавшись на очной ставке с Пестелем 10 апреля 1826 г. в республиканском характере решений, принятых Петербургским совещанием 1820 г., Никита Муравьев уже по-новому характеризует и ту французскую рукопись Пестеля, которую последний ему читал в Тульчине и копию с которой он получил (или снял) во время тульчинского свидания 1820 г.: «Я сообщил моим сочленам в Думе, что у Пестеля принята всеми Республика, что я видел осенью 1820-го года в Тульчине». Это показание разительно противоречит муравьевскому изложению конституции Пестеля, сделанному на допросе в январе и начинающемуся словами: «Исполнительная власть принадлежала Императору...». Одно из двух — или никакого императора во французской рукописи Пестеля не было и Никита Муравьев нарочно вставил его на допросе, чтобы увести внимание следователей от Петербургского совещания 1820 г., или император в рукописи был, но ничего не означал по существу, неся лишь маскирующую, конспиративную функцию: республиканский проект был опасен для хранения, а конституционно-монархический после варшавской речи Александра I такой опасности не представлял. Ответить на этот вопрос

было бы невозможно, если бы не было важного свидетельства И. Д. Якушкина, посетившего Тульчин всего годом позже (в 1821 г.) и также слушавшего чтение конституционных набросков Пестеля. Якушкин с полной ясностью свидетельствует, что характер этих набросков был республиканский, но что в условном порядке вводилось слово «царь», что давало Пестелю возможность, соблюдая конспирацию, читать свои отрывки даже не членам общества, мнение которых его интересовало. Якушкин пишет в своих «Записках»: «В это время Пестель замышлял республику в России, писал свою Русскую Правду. Он мне читал из нее отрывки и, сколько помнится, об устройстве волостей и селений... Некоторые отрывки из Русской Правды он читал Киселеву, который ему однажды заметил, что царю своему он предоставляет уже слишком много власти. Под словом царь Пестель разумел исполнительную власть» [48]. Таким образом уясняется смутившее нас противоречие. Никакого императора Никита Муравьев не привносил в свое показание. Изложенный Муравьевым на следствии конституционный проект Пестеля 1820 г. упоминания об императоре содержал, но в действительности был республиканским, что отлично знал и понимал Никита Муравьев и в чем он признался в своем позднейшем апрельском показании. Условный же «Император» в рукописи фигурировал для отвода глаз, и его конспиративные функции были известны как Пестелю, так и его собеседникам. Сам Пестель говорит: «Большая часть моих записок таким образом составлена была, что можно их было даже правительству показать» [49].

Вероятно, Пестель стал вплотную работать над конституционным проектом летом 1820 г., когда возвратился с бурных петербургских совещаний. Он был на этих заседаниях в центре всеобщего внимания, и его предложения встретили единодушное одобрение. В провинциальной глуши, в доме родителей, где он провел свои отпускные месяцы, он мог многое обдумать, а может быть, и написать. Мысль его была взволнована только что происшедшими событиями и напряженно работала в кругу только что поставленных и обсужденных на собрании вопросов. Победа, одержанная республиканским принципом в обществе, окрыляла Пестеля. Так или иначе, но первый набросок его проекта уже был готов к августу 1820 г. Пестель неоднократно виделся в дни петербургских совещаний 1820 г. с Никитой Муравьевым и сговаривался с ним о линии общих действий, но не вручил ему тогда своей рукописи. Очевидно, ее у него в тот момент еще не было. Но когда в том же году, в конце лета, Никита Муравьев и Лунин посетили его по дороге в Крым, наброски конституции у него уже были. Следовательно, проект Пестеля, изложенный Никитой Муравьевым на допросе, должен был возникнуть между петербургским свиданием с Никитой Муравьевым в начале 1820 г. и тульчинской встречей в августе того же года.

В изложении содержания этих конституционных набросков, сделанном Никитой Муравьевым, интересен прежде всего проект освобождения крестьян. Последним предоставлялась в пользование половина земель помещиков, однако за платеж «оброка»: «Все помещичьи крестьяне освобождались и получали в общественное владение половину земель владельцев, но с тем, чтобы платить владельцам тот же оброк, как и прежде» [50]. Эта формулировка не вполне ясна. Указанная доля земельного надела — половина помещичьих земель — сохранится и в последующем развитии южного проекта конституции. Но как понимать выражение «оброк»? Перед нами, очевидно, форма оплаты крестьянами передаваемой им помещичьей земли. Если так, «оброк» не мог носить постоянный характер, он должен был прекратиться в тот момент, когда его сумма становилась равной стоимости полученной земли. Так понимать вопрос уполномачивает

нас и употребление термина «оброк» в конституции «Государственный Завет»[51]. Платеж «оброка», повидимому, кончался тогда, когда была уплачена определенная законом цена земли. Нельзя же предположить, чтобы Пестель с его взглядом на частную собственность, источником которой, по его мнению, являются «труды и работы», мог обязать крестьян вечным оброком за выделяемую им половину земли. В чем же тогда состояло бы их освобождение? Конечно, дворянская ограниченность автора ясно сказывается в этом пункте,— она всегда наиболее отчетливо проявляется у декабристов в вопросе о земле. Если свидетельство Никиты Муравьева принимать буквально, то в этом случае освобождение крестьян в раннем проекте Пестеля полностью напоминало бы худшие образцы «остзейского» освобождения — прибалтийских «реформ», которые постоянно вызывали возмущение Пестеля. Кстати сказать, не все крестьяне были на оброке, существовала значительная доля барщинных крестьян. Положим, формула Пестеля уничтожает барщину, но как же применить к освобождаемым крестьянам-барщинникам формулу, что они должны платить помещикам «тот же» оброк, как и прежде, если они вообще не платили никакого оброка? Все эти противоречия устраняются, если мы поймем платеж оброка как временное явление, прекращающееся по уплате стоимости земли. Ясно одно, что предложение Пестеля гораздо щедрее наделяет крестьян землей, чем будущий проект самого Н. Муравьева и нежели одновременный проект Якушкина, который хотел в том же 1820 г. дать крестьянам примерно по десятине на двор (правда, бесплатно).

Вчитываясь в довольно подробное изложение других вопросов в свидетельстве Никиты Муравьева, мы нигде не замечаем ни малейшего намека на существование сословий. Очевидно, вместе с падением крепостного права в этом раннем проекте Пестеля все сословия ликвидировались и граждане России, в том числе и все бывшие крепостные, становились равными перед законом. Активное избирательное право было на этом этапе творческой истории «Русской Правды» обусловлено каким-то (надо думать, небольшим) имущественным цензом: «Все совершеннолетние жители мужского пола без изъятия долженствовали участвовать в избрании местных чиновников, выбирая избирателей оных. Чтобы быть избирателем представителей, должно было иметь известное состояние». Однако чувство преобладания крестьян в массе избирателей проявилось и в том, что Никита Муравьев говорит преимущественно о выборах в деревне и мало о выборах в городах. Выборы в этом проекте Пестеля были третьестепенными. «Жители каждой деревни» избирали не депутатов, а только избирателей. Список избранных в каждой деревне избирателей, получивших «наибольшее число голосов» (но абсолютное или квалифицированное — неизвестно, ибо не указано, как оно подсчитывалось), поступал в уездный город, «где из всех сих списков составлялся уже список уездных избирателей», вероятно, путем механического объединения списков. В губернском городе имела место вторая ступень выборов, но реализуемых уже не путем взвешивания качеств избирателей, а механическим способом, через простой подсчет голосов: «В губернском городе из сих списков составляли Губернской Список Ста особ, получивших наибольшее число голосов». Таким образом, в губернском городе механически отсеивались путем подсчета ранее полученных голосов «лучшие» граждане, пользующиеся наибольшим доверием наибольшего количества избирателей. Отсюда следует, что общее число российских избирателей перед окончательными выборами определяется числом русских губернских городов, умноженным на сто. Эти избиратели и выбирали депутатов в русское верховное представительное собрание, которое в данном изложении уже носит название «Веча» или «Народного Веча». На этом последнем этапе

выборов уже не фигурирует какое-либо новое определение имущественного ценза: выборы депутатов в «Народное Вече» в последней своей степени производились «не обращая внимания ни на какое денежное условие». Таким образом, нового имущественного ценза при избрании депутата в «Вече» также не было. Депутаты, избранные в «Народное Вече», получали денежное вознаграждение. Это давало возможность и малоимущим активно участвовать в политической жизни страны [52].

Однако сто избирателей, собранные в губернском городе, все еще не расходились. Они должны были еще избрать «депутатов в областные Веча, коих занятия не были определены в сем уставе». Можно догадываться, что области должны были быть крупнее губерний, иначе не понадобился бы этот термин при наличии термина «губерния». Здесь будущая революционная Россия начинает слегка походить на федерацию областей, но, поскольку занятия «областных Веч» не были в данном проекте определены Пестелем, об этой стороне дела нельзя высказаться более определенно.

По подсчетам этого раннего проекта Пестеля, всех депутатов в «Народном Вече» должно быть тысяча. Избирались они сроком на два года. Состав «Народного Веча» ежегодно обновлялся: половина «Народного Веча» по жребию теряла свои полномочия и заменялась новыми депутатами. Отсюда следует, что выборы в верховный законодательный орган происходили ежегодно.

«Народное Вече» имело законодательную власть, а «Император» (президент) — исполнительную; однако вместе с тем «Император» будто бы «участвовал в законодательной власти». Как именно он в ней участвовал,— не пояснено. Может быть, это и расшифровывается лишь в том смысле, что президент имел депутатские полномочия и входил в «Народное Вече»? Изложение Никиты Муравьева не поясняет этого вопроса.

«Народное Вече» избирало еще один орган власти — Сенат. Орган этот имел только «умерительную» и «надзирательную» власть, очевидно, являясь прообразом будущего контрольного органа за исполнением конституции — Верховного собора «Русской Правды». В изложении Никиты Муравьева Сенат и его функции характеризованы особенно подробно. Кандидаты в Сенат выбирались «Народным Вечем», но затем «избирались» в каком-то (очевидно, меньшем) числе «Императором». Избрание в Сенат было пожизненным, и сенаторы «не могли принять никакой должности, не теряя сего звания». Им разрешалось только быть генерал-губернаторами в областях или генерал-прокурорами в министерствах. Из этого мы узнаем, кто стоял как власть «блюстительная» во главе «областей» и в министерствах. «В обоих случаях они подписывали только протоколы судебных мест или министерских коллегий, когда находили, что оные не нарушают форм, и пользовались только надзирательною властью, сообщая Сенату, почему они остановили такое-то дело». Предполагалось, что в Сенат путем такой выборной системы могут попасть и самые бедные депутаты. Независимость же положения сенаторов, которые должны были быть свободными от какого-то ни было давления правительства, обеспечивалась весьма оригинальным образом. Жалованье от правительства они, разумеется, не могли получать, так как это сделало бы их зависимыми и стеснило бы функции надзора и контроля. Поэтому предполагалось, что «Сенат должен был пользоваться большим Поместьем, которого доходы долженствовали быть распределены так между сенаторами, чтобы недостаточные получали более, нежели богатые». Иначе говоря, этот оригинальный способ сразу достигал двух целей: он должен был не только уравнять доходы как бедных, так и богатых сенаторов, свести их к единообразию, но также (что было особенно важно) исключить материальную зави-

симость сенаторов от правительства. Откуда же взять это весьма обширное и имеющее такую высокую государственную функцию «Поместье»? Можно предположить, что имения семьи Романовых могли бы явиться землями этого «Поместья».

По этому же проекту деление всей массы войск на армии не должно было вообще осуществляться в мирное время. Должны были существовать лишь корпуса, «а главнокомандующие оными поступали уже без выбора в Сенат» [53].

Этот ранний проект Пестеля отмечен особой дворянской ограниченностью в решении земельного вопроса и в избирательной системе. Но все же имущественный ценз был невелик и возможность крестьянину стать депутатом при условии высокого числа голосов, собранных при голосовании, является прогрессивной чертой проекта. Характерна идея уравнения бедных сенаторов — блюстителей конституции — с богатыми. Самый же способ уравнения через прикрепление к Сенату «Поместья» отдает в какой-то мере феодальной стариной, несколько перекликаясь с ранними проектами Мамонова и Михаила Орлова.

Таков был набросок конституции Пестеля в варианте 1820 г.— один из этапов творческой истории «Русской Правды». В нем очень много дворянски-ограниченного и даже вообще неясного, но в целом он, несомненно, прогрессивен: он уничтожает крепостничество и самодержавие и создает новые формы жизни, которые дали бы известную возможность развитию капиталистических отношений.

Вот этот проект и получили от Пестеля Никита Муравьев и Лунин, когда в августе 1820 г. приехали к нему в Тульчин по пути из Киева в Одессу. Очевидно, они провели не один день в Тульчинской управе, поскольку участвовали в ее собраниях и перезнакомились почти со всеми тульчинскими членами тайного общества.

Никита Муравьев даже свидетельствует, что именно в этот проезд через Тульчин он был выбран в число председателей «Нового общества», т. е. Южного общества, которое, по мнению Никиты Муравьева, уже будто бы образовал тогда Пестель. Чрезвычайно существенно уяснить себе, правильно ли это показание. Н. М. Дружинин в своей монографии о Никите Муравьеве полностью доверяет в этом вопросе последнему. Но если прав Никита Муравьев, то Пестель уже в августе 1820 г. стал рассматривать свою организацию как самостоятельное общество, со своей особой программой. Стало быть, он отделился от всего движения? Но душой всей деятельности Пестеля всегда были совместные действия с Петербургом, в чем же дело? [54]

Доверимся в этом вопросе не только словам, но и всей линии поведения Пестеля. Он только что одержал в 1820 г. значительную победу на Петербургском совещании Коренной управы и чувствовал, что его линия признана тайным обществом, для чего же было ему действовать сепаратно, разрывать с тайным обществом и основывать какое-то новое общество сейчас же после одержанной победы? Одно явно не вяжется с другим. Если бы его республиканский доклад был отвергнут, тогда понятно. Но этого не случилось, и логической связи между двумя событиями не получается. Если Пестель основал свое особое общество, отвергнув связи с прежним, то почему же он будет так возмущен переданными ему постановлениями Московского съезда 1821 г. о закрытии тайного общества? Почему он не признает этого постановления и решит «общество продолжать»? Очевидно, он не основывал в 1820 г. никакого нового тайного общества и в силу этого не имел никаких оснований выбирать Никиту Муравьева в члены несуществующей директории «сего нового общества», ко-

торого в действительности еще не было. Свидетельство самого Пестеля о выборах Никиты Муравьева в директорию вновь образованного Южного общества, т. е. общества, возникшего не в 1820, а в 1821 г., не допускает никаких сомнений, и верить в этом вопросе приходится поэтому только ему. Выборы Никиты Муравьева, на которых мы остановимся ниже в своем месте, действительно произошли, но они относятся вовсе не к августу 1820 г., а к весне 1821 г., когда Московский съезд уже состоялся и объявил прежнее тайное общество со всеми управами распущенным [55].

Возвращаясь к тульчинскому свиданию Пестеля и Никиты Муравьева в 1820 г., надо добавить, что и Никита Муравьев не приехал в Тульчин с пустыми руками. Он обменялся с Пестелем рукописью своего «Любопытного разговора».

Составленный Никитой Муравьевым революционный «катехизис», или «Любопытный разговор», прочитанный им Пестелю во время свидания в Тульчине в 1820 г., был написан в «республиканский период» Муравьева, после голосования на Петербургском совещании, когда он с Пестелем держался общей линии. Уже это одно могло бы дать основания для предположения о республиканском характере документа. И действительно, изучение «Любопытного разговора» подтверждает это предположение. Весь он построен на противопоставлении абсолютизма народовластию, причем справедливость последнего и решительная неприемлемость первого аргументированы как историческими, так и философско-религиозными доводами. Рассчитанный на малоподготовленного читателя, написанный в форме простых вопросов и ответов, «Любопытный разговор» исходил из положения об исконном требовании свободы, присущем человеческой природе, и из признания столь же исконного права сопротивляться насилию («...насилие, противу коего ты имеешь право сопротивляться»). Права эти нарушены в жизни: «Малое число людей поработило большое». Типичная для декабриста идеализация вечевого строя древней Руси являлась опорой для тезиса о незаконности самовластия: «Надлежит утвердить постоянные правила и законы, как бывало в старину на Руси». Исконная форма древнего русского правления — «Народные вечи» или общие собрания народа, совещающегося об общих всем делах, являлась вдохновляющим примером. «Вечи «предлагали требования», постановляли законы, назначали, сколько где брать ратников, устанавливали сами с общего согласия налоги, судили наместников. В «Любопытном разговоре» обрисована широкая компетенция народного собрания и его верховной власти. Этой картине исконного русского народоправства противопоставлено самодержавие, утвердившееся под воздействием восточного деспотизма татар. Это — ничем не ограниченный произвол царя, который «не признает власти рассудка, законов божиих и человеческих; сам от себя, то есть без причины по прихоти своей властвует». Историческое объяснение возникновения самодержавия на Руси было у Муравьева чрезвычайно простым: «Кто установил государей самовластных?» — спрашивает воображаемый собеседник. «Никто»,— просто отвечал Н. Муравьев и далее доказывал цитатой, что «отцы наши» искали в свое время князя не своевольного, а такого, который «рядил бы по праву, а не самовластью, своевольству и прихотям». Самодержавие возникло в силу того, что цари «мало по малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому». Между тем отказаться от свободы — «природного» права, дарованного человеку самим богом, было бы «подлой мыслью». «Любопытный разговор» пронизан презрением к «князьям дома Рюрика» с их честолюбием и распрями, «пагубными для отечества» [56].

«Любопытный разговор» — сочинение едва ли законченное. Оно оборвано на частном вопросе: почему такое зло, как прекращение «вечей», не

кончилось с падением владычества татар? Далее было бы естественно перейти к современному Никите Муравьеву самодержавию и его политике и завершить все какими-то практическими предложениями, которых вообще почти что нельзя сыскать в «Любопытном разговоре». Вся тактика последнего сводится к утверждению, что надобно «добывать свободы», и на законный вопрос собеседника «каким образом?» Никита Муравьев рекомендует лишь утвердить постоянные правила и законы, т. е. фактически уклоняется от ответа, поскольку не поясняет, как же именно можно их утвердить. Сопоставляя конституционный набросок Пестеля с «Любопытным разговором», надо признать первый радикальнее и обстоятельнее. Но развенчание абсолютизма у Никиты Муравьева поистине замечательно, и смелость документа, не прибегающего к конспиративным иносказаниям, должна быть подчеркнута. Никита Муравьев сначала предполагал, что его «катехизис» уничтожен, но, внезапно получив на допросе сведения, что документ — в руках следствия (он сохранился у С. Муравьева-Апостола), вынужден был в конце концов признать его подлинность («Показанный мне «Любопытный разговор» писан мною»). Можно представить себе его тревогу. Сделанная им попытка облегчить положение ссылкой на то, что «катехизис» не «опровергает существования царей», а доказывает лишь необходимость ограничения их власти, не выдерживает ни малейшей критики: текст документа свидетельствует против подобного толкования, да и Никита Муравьев выдвигал его лишь тогда, когда надеялся, что ему не предъявят подлинника. Он не повторил своего объяснения, когда увидел на следствии свою «преступную» рукопись [57].

Таким образом, Пестель имел основание смотреть на Никиту Муравьева как на единомышленника-республиканца. Весьма правдоподобно, что Никита Муравьев уже обдумывал в то время первые основы своего конституционного проекта.

Общение северных республиканцев с южными было, повидимому, очень оживленным. По свидетельству Пестеля, Никита Муравьев «познакомился тогда почти со всеми тульчинскими членами». Поэтому выборы Никиты в южную директорию в будущем, 1821 г. были для южан выборами знакомого человека [58].

Значительным памятником идейной работы Южного общества в 1820 г. является уже упомянутая выше рукопись Пестеля на французском языке, дошедшая до нас без начала и заглавия и обычно называемая в литературе о декабристах «Социально-политическим трактатом». Рукопись (автограф) имеет авторскую нумерацию листов, и первый до нас дошедший пронумерованный лист — 14-й; следовательно, первые 13 листов (вернее — полулистов, так как рукопись нумерована по согнутым полулистам) не дошли до нас. «Трактат» содержит обильную авторскую правку и краткий набросок плана изложения на первой из дошедших до нас страниц, поэтому в авторском характере текста не приходится сомневаться: это не выписки из книг и не перевод.

По типу изложения «Трактат» сильно отличается от умеренного и сдержанного тона «Записки о государственном правлении» и сосредоточен на другой тематике: это — резко критический анализ происхождения сословного строя, разоблачение аристократии, как феодальной, так и основанной на богатстве, и краткий очерк того типа государственного правления, в котором уничтожено не только владычество феодальной знати, но и весь сословный строй. Политическая система, здесь обрисованная, является особым типом конституционной монархии утопического склада (монарх — представитель интересов народа). Антифеодальный характер желательной государственной системы обрисован резко и ярко: феодальный строй — результат насилия победителей над побежденными и ведет свое начало

от завоеваний варваров. Крупные вассалы «считали самым священным и самым неотъемлемым своим правом возможность угнетать слабых и восставать против монарха». Эпоха «расцвета знати» ничуть не идеализируется — о ней говорится с презрительной иронией: «Это было то доброе старое время, когда можно было безнаказанно душить и грабить, когда башни и старые замки были настоящими притонами титулованных разбойников». В общей картине, обрисованной Пестелем, очень мало русского материала, анализ происхождения сословного строя сделан преимущественно на фактах истории Западной Европы, но отчетливо взятый социологический план изложения дает возможность широких обобщений. Изложение проникнуто столь свойственной Пестелю идеей «духа времени» («течение веков, которого ничто не может остановить и которое рано или поздно сметет на своем пути все памятники, воздвигаемые заблуждениями и страстями...»; дух времени — это «сфинкс, пожирающий тех, кто его не понимает...»).

Пестель рисует утопический союз некоего идеального монарха, представляющего интересы масс, с народом: «Монарх должен стать во главе движения своего времени, должен идти впереди него, руководить его направлением, а не противиться ему и не стараться его останавливать, как того хотела бы знать, потому что иначе он променял бы прекрасную роль вождя своей армии на роль человека, плетущегося сзади и притом силой вынужденного следовать против своей воли за тем самым духом времени...». Здесь Пестель с большой отчетливостью выражает уверенность в непреложном, объективном ходе исторических событий, не зависящем от воли монархов. Им придется или отставать от века, обрекая себя на ничтожество, или смело идти впереди движения. Надо положить конец владычеству духовенства и знати. «...Необходимо уничтожить все дворянские отличия и произвести совершенное слияние трех сословий: дворянства, третьего сословия и крестьян». Это слияние производится через уничтожение «всех привилегий и всех каст» («l'abolition de tous les privilèges et de toutes les castes») с тем, чтобы народ состоял из людей, различных по своему имущественному положению и образованию, но равных перед лицом закона и носящих звание подданных в отношении государя и звание граждан во взаимоотношениях между собой».

Любимейшая мысль Пестеля о борьбе аристократий всякого рода с народными массами изложена тут едва ли не в наиболее раннем из дошедших до нас вариантов: «Вообще представляется очевидным, что в современной борьбе между титулованной аристократией и народными массами, в то время как каждая из этих групп стремится осуществить свои притязания, денежная аристократия эгоистично поднимает голову и, опираясь на груды золота, вызывая нищету среди неимущих классов, подготовляет миру новые затруднения и новые катастрофические бедствия». В разбираемом «Трактате» предварено и одно из краеугольных положений будущей «Русской Правды» о «волости» (cantons communes) как политическом семействе гражданина и о двух списках населения — «гражданском» и «фискальном», из которых первый является перечнем граждан «коммуны», а второй, не дающий политических прав и имеющий лишь значение для сбора налогов,— списком граждан, обладающих в данном «кантоне» («волости») каким-либо имуществом. Явное утопическое стремление избежать процесса пролетаризации, столь характерное для позднейшей «Русской Правды», пронизывает документ: «Бедный живет лишь от своего труда. Богатый — от своего имущества, от своих капиталов. Бедный не может приостановить свою деятельность по добыванию средств, так как, не имея иного капитала, кроме своего труда, он, с прекращением последнего, умирает с голода. Богатый же в состоянии это сделать: он может

жить некоторое время на свой капитал и тем принудить бедняка принять любые условия, которые ему вздумается поставить бедному с тем, чтобы последний отдал ему свой труд». Вывод: «Из сего явствует, что чем меньше будет лиц, живущих лишь своим трудом, т. е. чем меньше будет поденщиков, тем меньше будет несчастных». Утопические черты «Русской Правды», в которой предложены пути избежать «ужасов капитализма», сказываются уже и тут.

Что же такое перед нами? Основная трудность объяснения документа — это наличие, хотя и в утопической форме, конституционно-монархического политического строя и в то же время непреложный момент датировки рукописи: она написана на бумаге с филигранями 1820 г., т. е. не могла возникнуть ранее этого времени. Но в 1820 г. Пестель уже был республиканцем и в самом начале года читал свой доклад о предпочтительности республиканского правления перед монархическим на Петербургском совещании. Поэтому некоторые исследователи (Б. Е. Сыроечковский, С. Файерштейн) выдвигают гипотезу, что «Трактат» относится к самому началу 1820 г., положим, к январю, и отражает самую последнюю стадию эволюции конституционно-монархической концепции Пестеля. Написав этот трактат, Пестель каким-то необъяснимо быстрым скачком перешел в том же месяце к республиканской концепции, блестящий доклад о которой и сделал на Петербургском совещании (в этом случае Петербургское совещание предпочитают датировать февралем). Трудно согласиться с этой гипотезой. Пестель быстро, но все же ведь не в одну ночь стал республиканцем. В знаменитом ответе на вопрос о происхождении своего вольнодумства он обрисовал свой переход на республиканские позиции все же как процесс постепенный.

Вдумываясь в функцию рукописи, в ее целевое назначение, мы сразу заметим, что она писана не «для себя» — автор все время чувствует перед собою какую-то аудиторию. Так, он предупреждает читателя, что разбор следующего («второго») подразделения народа на классы «отнимет у нас значительно меньше времени»; в изложении многократны обороты живой устной речи и даже спора («Мне скажут по этому поводу...», «Я отвечу на это...» и т. п.). Особенно ясно это чувствуется в приписке Пестеля к первому абзацу дошедшего до нас текста, где мы читаем в столбике первые два пункта: «1) d i r e ce qui vaut mieux» (с к а з а т ь, что лучше), «2) p a r l e r des pauvres et des riches» (г о в о р и т ь о бедных и богатых); последний же пункт начинается так: «Il ne me reste enfin qu'a «p a r l e r» *, dire...» («Мне остается лишь «г о в о р и т ь», с к а з а т ь...»). От этих оборотов остается впечатление подготовки к какому-то устному выступлению,— во всяком случае такие слова не попадут на перо, если человек пишет в строгом смысле слова «для себя», для уяснения себе самому какого-то важного вопроса. Для какой же «аудитории» писал Пестель? Не для конспиративного ли собрания членов Тульчинской управы? Два соображения должны дать на это отрицательный ответ. Во-первых, Пестель уехал из Тульчина в Петербург 21 ноября 1819 г., а оттуда привез в Тульчин в 1820 г. решения Петербургского совещания о борьбе за республику. Поэтому никак нельзя себе представить, чтобы он, вернувшись с такими новостями из Петербурга в Тульчин, занимал членов тайного общества уже изжитой концепцией конституционной монархии. Во-вторых, конец «Трактата» нарочито подчеркивает мирный, нереволюционный путь полного обновления политической жизни страны через правительственное соизволение: «Я указал источник зла; дело крупных государственных людей покончить с ним... Пусть правительство, которое захотело

* Выделено в подлиннике.— *М. Н.*

бы вступить на этот благородный путь, не обращает внимания на крикливые обвинения...». Ясно, что в 1820 г. революционер и республиканец Пестель думал совсем иначе и надежд на царизм уже не возлагал. Он, очевидно, обращался к таким слушателям или читателям, которые не были членами тайного общества. Он вел агитацию в более широкой, чем тайное общество, сочувствующей среде, где он никак не мог без предельного риска открыто выступить с республиканской проповедью, но где он думал выявить наиболее сочувствующих и привлечь в тайное общество своим резким разоблачением аристократии, сословного строя и проповедью всеобщего равенства. Поэтому нет никакой ни «необходимости», ни возможности датировать рукопись январем 1820 г. Она возникла в 1820 г., очевидно, после петербургских совещаний, и имела определенную функцию, рабочее назначение, повидимому, агитационного порядка. Это объяснение можно отвести лишь одним соображением — предположением об условном характере употребления термина «монархия», на чем мы уже останавливались выше. Но в таком случае вообще отпадает необходимость датировать рукопись Пестеля временем до петербургских совещаний. Если она употребляла «монархическую» терминологию условно, она могла адресоваться к членам той же Тульчинской управы и после петербургских совещаний, нося характер конспиративного документа. Но против этого предположения говорит «легальный» характер итогов «Трактата», его конкретных предложений. Для конспиративной среды такой характер был бы в тот момент неубедителен и вообще не нужен. Другим доводом за более позднюю, чем начало 1820 г., датировку является формулировка против имущественного ценза при выборах, содержащаяся в «Трактате». Возражая против каких бы то ни было политических преимуществ для богатых, Пестель в «Трактате» относит к общегражданским правам «право избирать и быть избираемым, право занимать любые должности». Следовательно, «Трактат» отражает уже позднейшую ступень эволюции по сравнению с тем конституционным проектом Пестеля, с которым ознакомился в 1820 г. Никита Муравьев. В том проекте имелся, хотя и небольшой, имущественный ценз для избирателей. Невозможно себе представить, чтобы Пестель, отказавшись от ценза в январе 1820 г. (если датировать «Трактат» этим временем), в исходе лета 1820 г., когда виделся с Никитой Муравьевым, вдруг стал бы защитником ценза. Это соображение также заставляет отнести «Трактат» Пестеля к более поздней дате, нежели августовская встреча. В силу указанных доводов наиболее приемлемой представляется датировка «Трактата» временем несколько более поздним, нежели упомянутое свидание.

Между тем в обстановке непрерывного численного роста южной организации «легальные» по форме агитационные документы могли быть чрезвычайно необходимы.

Пестель свидетельствует об оживлении жизни Тульчинской управы после своего возвращения из Петербурга в Тульчин. Были приняты новые члены, в их числе ряд весьма активных. Свидетельство о принятии новых членов принадлежит Пестелю: «Во время моего возвращения из Петербурга не принадлежали еще к обществу Басаргин, Барятинский и оба Крюкова... Все сии лица поступили в общество в течение лета 1820 г. до сентября месяца». Показание Никиты Муравьева говорит, что в числе членов тайного общества, с которыми он знакомился во время своей поездки в Тульчин в 1820 г., был и Барятинский. Так как Никита Муравьев был в Тульчине в августе 1820 г., то можно заключить, что Барятинский был принят в члены Тульчинской управы Союза Благоденствия, вероятно, в июне-июле 1820 г. Самый год вступления подтверждается, например,

показанием Бурцова, упоминающего Барятинского в числе членов, состоявших в обществе с 1820 г.; о том же говорит и И. Д. Якушкин [59].

Даже на следствии, всячески выгораживая себя и давая, где только можно, туманные показания, Барятинский не скрывает того, что предложение вступить в общество было принято им с радостью. «Любя искренно мое отечество, я с радостью взошел в то общество, которое мне казалось стремящимся к его благу». «Молодость, идея о конституции и о свободе крестьян прельстили меня, и я себя почел обязанным взойти в общество, которое мне казалося стремящимся ко благу моего отечества»,— показывает он в другом месте. Заметим, что новые члены вступали в общество, давая расписку по форме Союза Благоденствия. О расписке при вступлении говорит в своих показаниях, например, Н. Басаргин [60].

На примере вступления в общество и последующей деятельности в Тульчинской управе декабриста Барятинского можно проследить за жизнью организации — принятием членов, заседаниями, встречей с Никитой Муравьевым, последующим совещанием о посылке делегата на Московский съезд 1821 г. Требование строгой дисциплины, неуклонно выдвигавшееся Пестелем, встретило в Барятинском восторженное согласие. «Чувствуя себя весьма несведущим по политическим наукам, но желая с совершенным самоотвержением и без всяких личных видов и выгод соучаствовать к достижению преступной и прельщающей меня цели, я слепо и беспрекословно повиновался тем людям, к которым я имел полное доверие»,— свидетельствует Барятинский. И действительно, он проявил себя энергичным членом Союза Благоденствия в первые же месяцы своего пребывания в нем. Летом 1820 г. (по показанию Пестеля, до сентября месяца 1820 г.) Барятинский принял в общество поручика квартирмейстерской части Н. Крюкова (Крюкова 2-го). Это был чрезвычайно удачный выбор. Барятинскому удалось завербовать в члены общества не только будущего деятельнейшего сторонника Пестеля и смелого проводника его планов в самые напряженные недели междуцарствия, но и крупную теоретическую силу. Бумаги Крюкова 2-го показывают, как упорно — вероятно, в тесном контакте с Пестелем — он работал над экономическими, политическими и философскими темами, связанными с теоретическим обоснованием будущей революции и ее желательным руководством. Важная деталь: Барятинский согласовал с управой (очевидно, с Пестелем и Юшневским) вопрос о приеме Крюкова 2-го и получил «позволение тогдашней управы» принять нового члена. Вторым, значительно менее удачным проявлением деятельности Барятинского было принятие в члены общества молодого графа Л. Витгенштейна, сына главнокомандующего. Он был привлечен им в том же 1820 г. Видимо, Барятинский обладал даром агитации и убеждения [61].

Таким образом, никак нельзя согласиться с мнением одного из украинских историков декабристов, что жизнь в Тульчине якобы текла «кволо и одноманiтно»,— так много животрепещущих тем обсуждалось тогда в среде южных декабристов. Члены тайного общества, оставившие свои воспоминания о Тульчине, держатся иного мнения. Напомним также, что летом 1820 г. все только что произошедшее в Европе было еще самой свежей, животрепещущей темой политических разговоров. Барятинский пишет в ответах на вопросы следствия, что в то время, когда он еще и не подозревал наличия Союза Благоденствия, «вседневное обращение» с членами организации было источником его либеральных идей. Революционная цель была известна и рядовым членам Тульчинской управы. «Мне кажется, что намерение достичь сей цели через революцию, ежели других не было средств, было общее как первому, так и второму обществу,— показывает Барятинский, разумея под первым обществом Союз Благоденствия,

а под вторым — Южное общество,— с той разницею, что в первом некоторые только члены знали, а что во втором... всем сие должно быть известно» [62].

Подводя итоги этой главе, спросим себя, участвовали ли в борьбе за республиканскую программу и революционную тактику как южные, так и северные управы Союза Благоденствия или речь должна идти только о Пестеле и его управе? Ответ ясен: участвовали как северные, так и южные управы. В центре борьбы ясно чувствуются не одна, а две фигуры — Пестель и его единомышленник и друг Никита Муравьев. За ними вырисовывается и третья немаловажная фигура Николая Тургенева, к голосу которого со вниманием прислушиваются ведущие члены и мнения которого ими запоминаются. Но есть и выпавшие на этом этапе движения фигуры: кроме Александра Муравьева, об отходе которого от общества уже упоминалось, как-то отстает от движения в это время ранее активный князь Сергей Трубецкой. Свое энергическое участие в жизни общества, в создании «Зеленой книги» и первого распределения ее трудов он завершил утопическим проектом второй части «Зеленой книги» — проектом, окончательно похороненным во время петербургских совещаний 1820 г. на квартире Глинки. «Способы действия» стали теперь рассматриваться в обществе по-новому, заговорили даже о цареубийстве, о Временном революционном правлении и о его диктатуре. И докладчиком на заседании у Шипова был уже не он, князь Трубецкой, а Никита Муравьев. Роль Трубецкого на этом этапе отодвинулась на второй план. Появившись вновь в движении декабристов в сентябре 1821 г., он застанет события уже совершившимися, а общество — в глубокой перестройке принципиального характера после его видимого «разрушения».

Глава VIII

МОСКОВСКИЙ СЪЕЗД 1821 г. И ЛИКВИДАЦИЯ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ

1

Решение Коренной управы Союза Благоденствия о предпочтительности республиканского строя перед конституционно-монархическим, принятое на Петербургском совещании в январе 1820 г., было лишь началом серьезной перестройки программы и тактики декабристов и отнюдь не исчерпывало ее само по себе. Оно было, скорее, лишь важным симптомом идейного созревания общества, процесса движения его к демократическим решениям, нежели точным определением содержания новой программы,— эту последнюю еще надо было выработать, над нею предстоял огромный труд.

Было ясно, что прежняя программа устарела и уже никого не удовлетворяет, но новой практически еще не было. Поскольку мы не располагаем текстом доклада П. И. Пестеля на Петербургском совещании 1820 г., мы не можем судить, какие именно конкретные предложения по программе были им сделаны. Может быть, в его докладе и было попутно что-либо затронуто на эту тему: при сравнении конституционно-монархического и республиканского строя и суждении о преимуществах последнего перед первым нельзя было не захватить в орбиту внимания большого конкретного материала. Однако основная тема доклада была так значительна, что поглотила все внимание членов, и никак нельзя недооценивать ее важность. В. И. Ленин справедливо напоминал о республиканских идеях декабристов, высоко ценя эту традицию в русском революционном движении. Республика развязывала классовую борьбу, шире открывала дорогу новому способу производства, решительнее расправлялась с пережитками прошлого. В реальной обстановке обострявшейся классовой борьбы в России, при наличии давно сформулированных в революционной идеологии и поднятых борьбой масс требований ликвидации крепостного права, уничтожения сословного строя и утверждения народного представительства в управлении страной, в условиях шедшего на подъем революционного движения 1820—1821 гг. в Западной Европе, принятие решения о республиканской программе было огромным шагом вперед в области революционной идеологии. Оно говорило о вызревании ее демократических элементов. За этим решением сейчас же логически вставал и требовал ответа широкий круг других задач. Из них вопросы о земле, о характере отмены крепостного права, особенностях избирательной системы были в числе существеннейших. При этом решение назревших вопросов в создавшихся условиях должно было быть более смелым и радикальным, чем раньше.

В обстановке, когда чуть ли не каждый месяц приносил известие о новом революционном взрыве, нужно было действовать быстро. «Дух преобразования» в 1820 г. как никогда еще «заставлял умы клокотать»[1].

2

Всего год протек между Петербургским совещанием Коренной управы в 1820 г. и Московским съездом 1821 г. Однако этот год был наполнен крупнейшими событиями, оказавшими на движение декабристов столь серьезное воздействие, что без них стала бы совершенно непонятна та эволюция, которую проделало тайное общество за этот короткий, но полный революционных потрясений, грозовой 1820 год.

Общая картина оживления революционного движения была бы неполна без характеристики развивавшихся в это время западноевропейских революционных событий. В 1820—1821 гг. Европа пылала в огне восстаний. «Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями»,— показывал Пестель на следствии. «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»[2]. Декабристы внимательно прислушивались к этому гулу возраставшей революционной борьбы, учитывали ее опыт. Это было закономерно и положительно характеризовало жизнеспособность самого движения. Если бы декабристы замкнулись в себе, пассивно относились бы к революционному опыту других народов, не жили общей жизнью с передовыми движениями других стран, это говорило бы против их революционного существа и свидетельствовало об их беспочвенности, хилости и нежизненности. Между тем они сами принадлежали всемирно-историческому этапу развития буржуазной революции и борьбы против обветшавшего феодального строя, этапу между революциями 1789 и 1848 гг. Корни русского и южноевропейских движений этого времени переплетались в общей подпочве нисходящей стадии европейского феодализма, разлагавшегося старого, феодально-крепостного базиса.

1 января 1820 г. было началом испанской революции,— на этот день приходится первое выступление Рафаэля дель Риэго. Никто не сомневался в революционном характере испанских событий, особенно после «резни в Кадиксе» 10 марта того же года. Петербург узнал об этом событии 23 марта (Пестель тогда был еще в Петербурге). Волновали и вести из Франции: 13 февраля рабочий-седельщик Пьер Лувель ударом кинжала убил герцога Беррийского, последнего представителя ненавистного каждому революционеру рода Бурбонов. Легко себе представить, какое обилие размышлений и обсуждений вызвали эти события в среде декабристов. Правительственный лагерь в свою очередь пришел в движение, настороженно следя за малейшим проявлением общественного недовольства внутри России. Тем временем события испанской революции вступили в полосу бурного развития. Восставшая армия, руководимая революционными вождями и окруженная сочувствием народа, достигла невиданных успехов. Военное восстание вспыхнуло в самом Мадриде, революционные войска вступили в столицу Испании. В марте 1820 г. испанский король Фердинанд VII, испуганный революционным натиском, подписал манифест о созыве кортесов (испанского парламента). Абсолютистская Испания стала конституционной страной, восстановив конституцию 1812 г. Утром 7 марта 1820 г. манифест короля был опубликован в газетах, народ ликовал,

Мадрид стал ареной мощных народных манифестаций. 9 марта Фердинанд присягнул конституции и созвал временное правительство — Ханту; в этот же день было объявлено уничтожение инквизиции.

Победу испанской революции декабристы встретили с восторгом. «Вчера получено здесь известие, что король испанский объявил конституцию кортесов,— записал Николай Тургенев в своем дневнике (от 24 марта 1820 г.) — Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания показывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству... Инсургенты вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна, объявили, что может быть предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству; но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гиспанского народа». Декабрист Беляев вспоминал в своих «Записках»: «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие». Близкий к декабристам П. Я. Чаадаев писал брату: «Революция, завершенная в восемь месяцев, при этом ни одной капли пролитой крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилия, одним словом, ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное,— что вы об этом скажете? Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революции». При этом он многозначительно прибавлял: «Но во всем этом есть ближе нас касающееся» [3]. В первоисточниках имеется большое количество свидетельств об огромном впечатлении, которое произвела на декабристов испанская революция с ее столь успешным началом (Н. Тургенева, Беляева, Дивова, Завалишина, Арбузова, Каховского, Арт. Муравьева и др.).

Правительству Александра I и российской крепостнической знати испанские события казались грозным предзнаменованием приближающегося революционного взрыва. В России было неспокойно: со всех сторон шли слухи о недовольстве и скрытом брожении крепостных. Донское восстание все еще не удавалось усмирить, и первые месяцы 1820 г., начиная с того же беспокойного января, были временем наивысшего подъема донского сопротивления. Восстание перебросилось в Миусский округ, за ним поднялись Ростовский, Бахмутский и Славяносербский уезды Екатеринославской губернии. Свирепая расправа Чернышева, усмирившего восставших «главнейше пушками», падает на весну 1820 г. [4]

Не успели еще смирить донское волнение, как в марте того же года вспыхнуло значительное движение на казенном Березовском золотопромывательном заводе, которое не удавалось усмирить вплоть до сентября. В волнениях приняло участие более 3 тыс. рабочих. При их усмирении воинский караул, как гласит официальное донесение, «усилиями многочисленной толпы отовсюду сбежавшихся с каменьями и кольями был отбит», а натиск «прочих мастеровых» сделал было «недействительными» меры к установлению «порядка». Волнения с трудом были подавлены. В том же марте возобновились волнения казанских суконщиков фабрики Осокина, продлившиеся до октября 1820 г. [5] Но не успело правительство обрушиться с репрессиями на восставших крепостных людей, как новые вести из-за границы потрясли его сознание. Опять революция! Восстал Неаполь. Известие об этом пришло в июле 1820 г.

Революционные события в Неаполитанском королевстве были подготовлены тайным обществом карбонаров. Под предводительством генерала Гульельмо Пепе — члена карбонарской организации — восставшие потребовали провозглашения конституции 1812 г. по образцу испанской. Король Фердинанд I дал на это вынужденное и притворное согласие, одновремен-

но обратившись за помощью к реакционному Священному Союзу. Грибовский злобно писал в доносе, что члены Союза Благоденствия «не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе».

Но только Чернышев утопил в крови Донское восстание, только успели Александр I и Аракчеев разослать губернаторам секретный циркуляр от 10 июля 1820 г. с требованием немедленного усмирения любых волнений и прекращения неповиновения мерами «военного понуждения», как новое известие: революция в Португалии! 24 августа 1820 г. в Опорто вспыхнуло военное восстание против жестокой тирании английского генерала Бересфорда, управлявшего Португалией в качестве регента, а 15 сентября того же года произошло восстание в Лиссабоне. И тут была провозглашена конституция 1812 г. «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние» [6],— показывал на следствии Пестель.

В октябре 1820 г. собрался контрреволюционный конгресс, созванный Священным Союзом в Троппау. 19 ноября он вынес решение о «праве интервенции» в страны, охваченные революционным движением; Австрия и Пруссия подписали протокол об обязательстве силой восстанавливать «порядок» в тех государствах, где произойдет революция. Александр I находился за границей для организации подавления революционного движения.

Чтобы представить себе общую картину положения внутри России хотя бы в приблизительной полноте, надо принять во внимание, что 1820 год был особо богат крестьянскими волнениями. Обострил положение, в частности, и сильный голод 1820—1821 гг., особенно тяжело обрушившийся на затронутые войной районы, в том числе на Белоруссию и Смоленскую губернию. Целые деревни питались мякиной, лебедой, древесной корой, голодные эпидемии косили жителей. Союз Благоденствия был в курсе всей этой сложной жизни России. Как указывалось, он вмешался в события по собственной инициативе и на свои средства накормил в Смоленской губернии сотни голодающих, чем порядком встревожил правительство.

Вести о крестьянских волнениях приходили в министерство внутренних дел в 1820 г. не менее чем из 13 губерний: Калужской и Орловской, Тверской и Гродненской, Олонецкой и Московской, Воронежской, Минской, Тульской, Могилевской, Рязанской, Херсонской; прибавим к этому перечню и Землю Войска Донского, особенно волновавшую правительство. Исследователь крестьянского движения Н. Варадинов отмечает и рост числа жалоб, идущих из крепостной деревни в этом же году. Жалуются на обременение работами, на «притеснения разного рода, жестокое обращение помещиков, неправильное «удержание в крепостном состоянии» (жалобы шли из разных губерний). Именно в 1820 г. херсонский военный губернатор Ланжерон опасался, чтобы неповиновение кочубеевских крестьян не «подвигнуло» и других помещичьих подданных на подобные же поступки. Как пишет Н. Варадинов, «не обошлось без нарушения подчиненности» и со стороны фабричных и заводских людей в Казанской, Тамбовской и Пермской губерниях. В 1820 г. наблюдались серьезные «беспорядки» на уральских заводах княгини Белосельской-Белозерской. Характерно, что вспышка волнений на каком-либо заводе быстро перебрасывалась на соседние заводы. Рабочие бросали работу, скопом двигались в губернский или уездный город для объяснений с начальством, снимая по дороге рабочих других заводов, присоединяя их протест к своему. Растет внутренняя организованность движения, выделяются руководители из рабочей среды. Фабрикантам приходится прибегать к силе для усмирения или подчас идти на уступки требованиям рабочих. Декабрист И. Д. Якушкин рассказывает, как в эти годы во время прогулки по набе-

режной Александр I увидел нескольких крестьян, стоящих на коленях; у одного из них была бумага на голове. Императору пришлось принять жалобу от вотчинных крепостных рабочих Тульской губернии, работавших на фабрике у одного помещика, который задерживал положенную крестьянам заработную плату. Было дано приказание полностью расплатиться с рабочими, что получило широкую огласку и «ужасно смутило помещиков» [7].

Описанная обстановка дает необходимый контекст для понимания того события, которое своеобразно, но крепко сплетено с историей движения декабристов: волнений лейб-гвардии Семеновского полка, вспыхнувших в столице. Выступление солдат-гвардейцев занимает значительное место в общей картине народной борьбы против крепостничества, развернувшейся в 1820 г. Это событие как бы говорило о готовности армии к революционному выступлению. Возмущение полка началось вечером 16 октября 1820 г. в Петербурге. Вышел из повиновения старейший гвардейский полк, основанный еще Петром I, покрывший себя славой многих военных походов, начиная с Северной войны и кончая 1812 г. и заграничными кампаниями 1813—1814 гг.; за эти последние подвиги полк получил георгиевские знамена. Семеновский полк был любимейшим полком Александра I. Именно он держал караулы в Михайловском замке в ночь убийства императора Павла и имел, очевидно, довольно точное представление о дворцовом перевороте 11 марта 1801 г. Отечественная война 1812 г. и последующие походы разбудили гражданское сознание солдат, содействовали их духовному росту, тяжесть крепостного строя показалась им еще горше по возвращении с войны. Передовые офицеры ввели в полку вежливое и гуманное обращение с солдатами, палка была вовсе выведена из употребления. Многие декабристы — С. Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, И. Якушкин и Ф. П. Шаховской, И. И. Пущин, М. П. Бестужев-Рюмин и др. служили в Семеновском полку и содействовали установлению новых порядков. Как указывалось выше, «артель» семеновских офицеров и Союз Благоденствия сыграли в этом свою роль. В полку служили братья Чаадаевы и Иван Щербатов, знавшие о существовании Союза Благоденствия (П. Чаадаев—член Союза). Перехваченное письмо Щербатова говорило, что и офицерам не надо было бы «отставать» от семеновских солдат. Якушкин также был полностью осведомлен о происшествии. Знали о событиях Николай Тургенев, Фонвизины, Михаил Орлов, а Федор Глинка, по своей должности адъютанта при петербургском генерал-губернаторе, прямо кипел в событиях, заслужив прозвище «бессонного человека» в страшной тревоге тех дней. Заметим для будущего, что активнейший участник восстания 14 декабря Александр Бестужев также имел самые живые впечатления от событий: «Я был у семеновцев там же на другой день их отправки на несколько часов, но теперь они в Свеаборге»,— пишет он в письме от 27 октября 1820 г. [8]

Оказавшись у власти, Аракчеев стал прежде всего пересматривать командный состав, удаляя неугодных ему лиц. Аракчеевские ставленники начали занимать места командиров на ответственнейших постах, и креатура Аракчеева — полковник Шварц был назначен в 1820 г. командиром лейб-гвардии Семеновского полка. Шварц круто изменил гуманные порядки, установившиеся в полку после войны 1812 г. и заграничных походов: вновь стала свирепствовать палочная расправа, личное достоинство солдат унижалось варварскими наказаниями и бессмысленными служебными требованиями. В силу особо строгих придирок Шварца к обмундированию солдатам пришлось тратить личные деньги на поправку мундиров, султанов и галунов, на что из солдатской кассы уходили тысячи рублей. По документам видно, что с 1 мая по 3 октября 1820 г. Шварц

наказал 44 человека, которые вместе получили 14 250 ударов. Во время учения он собственноручно бил солдат, вырывал им усы. Он не только применял жестокие наказания, но еще стремился унизить и оскорбить «провинившихся»,— например, приказывал двум шеренгам солдат становиться одна к другой лицом и плевать друг в друга. При Шварце сильно ухудшилось и материальное положение солдат: полк раньше имел свои собственные средства, получаемые от солдатских ремесленных работ и огородов,— Шварц положил конец этим «затеям».

Наконец полк не выдержал крепостнических притеснений полкового командира. Вечером 16 октября 1820 г. головная «государева рота» Семеновского полка самовольно собралась на перекличку и принесла жалобу на полковника. Никакие уговоры не помогли. Командование гвардии оказалось лицом к лицу с невиданным в армии явлением — коллективным, организованным протестом солдат против ненавистного полкового командира. Роту обманным путем увели без оружия в манеж, там арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. Тогда возмутился весь полк: солдаты все, как один человек, встали за «головную роту», отказываясь выдать зачинщиков. Весь полк был отправлен в крепость. Петербург увидел необычайное зрелище: семеновцы, столь знакомые населению по царским парадам, шли мрачной толпой, без оружия, по улицам Петербурга, по направлению к царской тюрьме. «Куда вы?» — спрашивали встречные.— «В крепость».— «Зачем?» — «Под арест».— «За что?» — «За Шварца». Народ толпился около манежа еще во время вывода роты, теперь же он собирался на улицах во время продвижения семеновцев в крепость. Среди народа мелькали и боевые товарищи-гвардейцы — солдаты Московского полка. Прощаясь с семеновцами, они обнимали и целовали их. Передавали, что лейб-гренадеры, державшие караул в Петропавловской крепости, когда туда привели семеновцев, кричали: сегодня-де «очередь Шварца, а надо бы, чтобы завтра дошел черед и до их полкового командира» (Стюрлера, который будет убит во время восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади) [9].

И за 10, и за 50 лет до Семеновского восстания в царской армии тиранили солдат, применяли палочную расправу и во время ученья выбивали зубы. Дело было прежде всего не в жестокостях Шварца самих по себе, а в новом духе полка. Не Шварцы изменились,— они были и раньше, изменились солдаты. Они выросли в суворовских походах, в огне Бородина, в битве под стенами Парижа; они, по наблюдению самих декабристов, уже в военные годы не были «бессмысленными орудиями»; каждый чувствовал себя призванным «участвовать в великом деле». Они росли вместе с ростом самого трудового народа, который вырывался из феодализма и оказывал все более стойкое и осознанное сопротивление тем устоям, которые казались вековыми защитниками старого мира. Каразин писал в 1820 г. в своем доносе правительству: «Дух развратной вольности более и более заражает все состояния». Он приходил к выводу, что «войска наши начинают сближаться с народом» и что «недалеко уже то время, когда они, подобно французским в 1789 году, лишь правительство захочет употребить против него [народа.— *М. Н.*], перейдут на его сторону» [10].

В возмущении Семеновского полка ярко проявился народный протест против крепостнического гнета в армии, против аракчеевского режима. Замечательным документом этого протеста являются анонимные прокламации, связанные с восстанием, которые во время возмущения семеновцев разбрасывались в соседних казармах. Прокламации содержали призыв к поддержке восставших и свидетельствовали о пробуждении народного сознания в эпоху декабристов. Одна из прокламаций обращалась

с призывом о поддержке к другому гвардейскому полку — Преображенскому, и ее текст поражает ясным сознанием классовой сути крепостнического строя. Все зло происходит, как утверждается в прокламации, от дворян, подавивших «людей всякого сословия». Но подавившие всех дворяне сами по себе бессильны, их сила основана на темноте и «глупости» повинующегося им войска. Во главе угнетателей-дворян стоит тиран — царь, который есть «не кто иной, как сильный разбойник». Стоит солдатам взяться за ум,— и поработители будут свергнуты. Замечательно то сознание единства угнетенной армии с порабощенным крестьянством, которым пронизана прокламация: «Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли сих крестьян выключить из числа каторжных?». Прокламация развертывала и план конкретных действий: царя и дворян, «сих явных врагов, вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг к другу. Вместо сих злодеев определить законоуправителя, который должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть». Все эти лозунги не походили на лозунги дворянской революционности, это были лозунги крестьянско-разночинского порядка. В другой прокламации был развернут отчетливый план практических действий: «1) единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть; 2) между собой выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата — солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих». До сих пор неизвестно, кто был автором этих замечательных идейных документов народной борьбы 1820 г. Ф. Глинка нарочито подсказал правительству имя В. Каразина,— в предшествующей главе уже говорилось об общей обстановке, в которой возникло это быстро отпавшее обвинение [11].

В деле декабриста Ф. Глинки, в тот момент состоявшего адъютантом петербургского генерал-губернатора Милорадовича, нарисована яркая картина тревоги, охватившей правительственные круги в связи с семеновскими волнениями. Она свидетельствует и о детальной осведомленности в событиях, характерной для членов Союза Благоденствия. «Семеновская история началась с вечера и была в ходу на другой день все утро и далее...,— пишет Глинка — ...В этот наканунный вечер я был наипоспешно спрошен к Милорадовичу... Тут я пробыл у него до поздней ночи и назавтра ранним рано уже был опять у своего же места (т. е. у графа.— *М. Н.*); а там на Семеновском плаце, а там опять у графа и целый день и целую неделю и целых две недели: так что ложился в 4-м часу ночи, а в 7-м утра уже был за делом... Мы тогда жили точно на биваках: все меры для охранности города были взяты. Через каждые ½ часа (сквозь всю ночь) являлись квартальные; чрез каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные. Раза два в ночь приезжал Горголи *; отправляли курьеров; беспрестанно рассылали жандармов и тревога была страшная». Шли обыски и аресты. Был арестован ряд семеновских офицеров, в том числе Кашкаров и близкий Якушкину Иван Щербатов. У Сергея Муравьева-Апостола в связи с семеновскими волнениями был обыск, при котором были забраны его бумаги [12].

Все передовое общество было на стороне семеновцев. «Крепкие мужеством и своею правдою и страданием», они вызывали восхищение невиданной стойкостью. Восемь месяцев во время следствия солдаты хранили молчание и отказывались выдавать зачинщиков. С большим трудом, по-

---

* С.-Петербургский полицмейстер.

средством провокаторов, удалось, наконец, вырвать некоторые имена. По приказу Александра I восемь человек были прогнаны сквозь строй («сквозь батальон по 6 раз с отсылкой в рудники»), все ли выжили после этого страшного наказания — неизвестно; штрафной Семеновский полк был расформирован, и солдаты разбросаны по другим — армейским полкам. Многие из семеновцев оказались на Украине, в армейских частях, состоявших под командой декабристов, и стали лучшими агитаторами за восстание. Есть сведения, что сосланный на каторгу в уральские рудники солдат-семеновец принимал участие в восстании рабочих на заводах Расторгуева.

Семеновское возмущение было стихийным отражением подъема массового движения в стране, протестом против крепостного строя. Александру I и Меттерниху казалось в связи с семеновскими волнениями, что Россия накануне революции.

Члены Союза Благоденствия не принимали непосредственного участия в организации восстания Семеновского полка. Еще не готовые к действию и не ожидавшие самостоятельного солдатского выступления, дворяне-революционеры, предвидя жестокую расправу, стремились удержать солдат. Но все же никак нельзя сказать, что деятельность декабристов не вложила — объективно — своей доли в семеновские волнения. Их работа в полку до восстания, ломка старых крепостнических полковых порядков, воспитание в солдате чувства гражданского и собственного достоинства сыграли несомненную роль в подготовке выступления Семеновского полка. Возмущение семеновцев укрепило убеждение декабристов, что армия «готова» к восстанию [13]

Выступление гвардейского Семеновского полка действительно произвело огромное воздействие на армию. Само правительство, растерявшись перед неожиданным явлением, не остереглось и широко распространило о нем сведения через царский приказ о расформировании полка, который читался по всей гвардии. Этот приказ сохранился, в частности, и среди архивных дел Московского полка — то́го, который первым выйдет на Сенатскую площадь в день 14 декабря 1825 г. Кроме официальных сведений, в самой солдатской среде шли широкой волной толки о Семеновском восстании. В обсуждении событий зрела идеология солдатского протеста. Солдатская масса заметила отступление на первых порах растерявшегося начальства. Рядовой лейб-гвадии Егерского полка Гущеваров говорил: «Коли за семеновцев не вступится великий князь, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию... Ведь здесь не Гишпания: там бунтуют мужики и простолюдины, их можно унять, а здесь взбунтуется вся гвардия,— не Гишпании чета, все подымет...». Таким образом, мысль о восстании вызревала непосредственно в солдатской среде и не где-нибудь в глуши, на окраине, а в столице, в центре Петербурга, в казармах императорской гвардии, и связывалась даже с международным положением и испанскими событиями. Приведенные данные свидетельствуют о внимании солдат к поднимавшейся на Западе революционной волне. Солдатская масса, как видим, оценивала свои возможности выше «Гишпании»: восстание российского войска, по мнению русских гвардейцев, «не Гишпании чета, все подымет». Сознание тесной связи с народом и в то же время своей, гвардейской, организованной силы ясно слышится в этих словах [14].

С. Н. Чернов посвятил специальные исследования настроениям в гвардии после выступления Семеновского полка; в последнее время этот же вопрос явился темой диссертации В. А. Федорова. Эти работы доказали на основании большого материала наличие в эти годы интенсивного брожения в гвардии, что полностью снимает вопрос об «одиночестве» и «случайности» волнений в старейшем гвардейском полку. Выступление семе-

новцев было лишь одним из выражений охватившего армию брожения, и живой отклик на волнения в солдатской среде столицы ярко свидетельствует об этом. Прокламация, адресованная соседнему — Преображенскому — полку, о которой шла речь выше, несомненно, вызывала обсуждение и ответные толки. Преображенцы горько сожалели о своих «братиях по оружию». Сам Бенкендорф признавал в письме к П. Волконскому, что «большая часть полков уже давно разделяла неблагоприятное мнение семеновцев о полковнике Шварце». Петербургский генерал-губернатор Милорадович располагал данными о «невыгодном» расположении умов солдат лейб-гренадерского полка (одного из тех, что вышли 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь). Сверх этих общих слухов, было донесено, что два солдата лейб-гренадера толковали (22 октября), что «ежели государь не простит семеновцев, тогда все гвардейские полки положат ружья и будут просить, чтобы их сослали туда, где Семеновский полк». Глухо волновался и Измайловский полк; солдаты передавали там слух, будто преображенцы уже присоединяются к семеновцам и выходят из повиновения. Поскольку Преображенский полк был первым и самым старшим полком гвардии, разговоры о его выступлении как бы давали сигнал всем прочим присоединиться к движению,— по привычной традиции: нельзя другим отставать от первого российского полка, за которым строится вся гвардия. Толки, сочувственные делу семеновцев, охватили Егерский и Московский полки, были подслушаны у карабинеров, перекинулись в другие казармы. Солдаты-гвардейцы заявляли, что будут «смотреть на действия Преображенского полка и все единодушно к оному преклонятся». Есть данные и о сочувствии Гвардейского морского экипажа. Преображенцы в эти же дни говорили кирасирам, что «колеблется» еще Павловский полк (пехота), на что кирасиры ответили, что и они «не уступят». Учитывая настроения гвардейских сапер, их полковник (Геруа) приказал ротным командирам прекратить телесные наказания солдат и наказывать лишь за «значительные» вины и то «не более 10 лозанов». Послабления преследовали цель разрядить атмосферу. Как отмечает С. Н. Чернов, эти меры дали известный результат; так на вопрос, адресованный к одному из конногвардейцев, почему они и преображенцы не защищали семеновцев, солдат отвечал: «Ныне легко чрез семеновских стало служить; нам теперича хорошо и надо молчать», однако выразительно добавил: «А если поприжимать будут, то и мы позаговорим». Солдаты Финляндского полка толковали, что «они без семеновских служить не хотят». Один из измайловцев говорил в декабре (перед рождеством), что если царь не вернет Семеновский полк, то «пусть и нас всех туда пошлет». Анализируя создавшееся положение, нельзя не прийти к выводу, что гвардейские полки столицы были охвачены чувством солидарности с семеновцами и готовы были поддержать их. Солдаты уже начали смутно осознавать себя как силу, противопоставленную устоям старого притесняющего их строя, начали осознавать свое значение. Конечно, приведенные выше слухи (и не только они, а более широкие и подробные сведения) шли в декабристскую среду и через адъютанта графа Милорадовича Ф. Глинку, и еще десятками путей: не было офицера-гвардейца, который не собирал бы и не передавал подобные известия, сопровождая их своими комментариями. Что же касается декабристов — офицеров Семеновского полка, то они имели непосредственное соприкосновение с самой выступившей солдатской массой [15].

Встревоженное начальство охотно оспаривало известия, собранные агентурой Милорадовича, и объявляло все «фальшью». Но множественность собранных данных говорила за себя. Замечательны слова писаря Измайловского полка: «Всякий солдат имеет сострадание о семеновских»,

и глубокое замечание о связи солдатских настроений с памятью 1812 г.: «Где справедливость и моления 1812 года? все забыто, послуги наши...». Аналогичные мотивы переданы в несколько более позднем доносе на бомбардира лейб-гвардии артиллерийской бригады Васильева: «Когда мы взошли в Париж (в 1814 г.— *М. Н.*)..., тогда государь все нам обещал, а после всех нас обманул». Тут уже заметен проблеск нового отношения к царю. Конечно, большинство солдатских толков еще сильно отмечено крестьянским наивным монархизмом, надеждами на царя, уверенностью, что царь-де «простит» семеновцев,— отсюда напряженное ожидание приезда царя из-за границы, что якобы принесет семеновцам облегчение их участи. Как правило, в «толках» заметно противопоставление царя высшему гвардейскому начальству. Слухи о якобы доброжелательном вмешательстве членов царствующего дома (например, императрицы Марии Федоровны) идут по той же линии. Однако среди этих наивно-монархических настроений то там то тут вспыхивают искры каких-то новых мыслей — то в жалобе, что «государь император, лукавец глухой» всех обманул, ничем не наградив солдат за спасение отечества в двенадцатом году, то в своеобразном рассуждении каптенармуса из Семеновского полка, что царю Александру в декабре 1820 г. по присяге «курс вышел», поэтому «у нас нет теперича царя» («потому он присягу принимал только на 20 лет, и срок вышел, и он шеф теперича семеновских, пусть с нами вместе и идет [в тюрьму,— *М. Н.*]») [16].

Приведенные выше факты говорят лучше других о том, что восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади не было, да и не могло быть, для солдатской гвардейской массы случайным, бессознательным актом, результатом «обмана» офицеров или привязанности к цесаревичу Константину. Нет, в этой массе уже не первый год шло глухое брожение, дошедшее, наконец, до открытого выступления семеновцев, а выступление это в свою очередь стимулировало дальнейшую работу солдатского сознания и дальнейшее вызревание протеста.

В грандиозной перспективе последующих полутора веков, отмеченных невиданным ростом борьбы народных масс в истории нашей родины, народное движение первой четверти XIX в. представляется еще слабым и неокрепшим. В непосредственном движении народного протеста принимает участие еще сравнительно незначительная доля угнетенных. «Крепостная Россия забита и неподвижна»,— говорит В. И. Ленин, сравнивая эту эпоху с гигантским движением пробудившихся масс в конце XIX и начале XX в. Только о 1905 годе Ленин смог написать: «Буря — это движение самих масс», и характеризовать революцию 1905 г. как «первый натиск» этой бури. Все, что было в России до этого, конечно, еще не было «революционной бурей». Но тем не менее нельзя игнорировать это движение, принижать его значение и не видеть его объективной связи с зародившимся в то время русским революционным движением. Борьба закабаленных трудовых масс в годы кризиса феодально-крепостной системы была в какой-то мере отдаленным приближением к будущей буре, ее глубинной исторической подготовкой.

3

Нельзя переоценить воздействие характеризованных событий на дальнейшее развитие идеологии декабристов,— она идет вперед. В ней в некоторой мере ослабевают элементы классовой замкнутости и сравнительно узкой конспирации и вызревает в своеобразной форме вопрос о привлечении массы к движению — в виде опоры на организованную солдатскую массу. Укрепляется убеждение, что армия «готова двигаться». Это вовсе

не стремление опереться на слепо повинующиеся и безразличные к задачам движения полки. Конечно, дворянская ограниченность отчетливо сказывалась в этом вопросе: дворянское революционное понимание исключало народную инициативу, и руководство движением закреплялось исключительно за революционным дворянством. Примыкающие к движению войска должны были находиться под командой революционеров-дворян. Но это — шаг вперед в революционной тактике декабристов. Эта новая тактика — что очень важно — отнюдь не отрицала значения «общественного мнения». Она лишь присоединяла к нему силу военного натиска и получала возросшее могущество революционного удара на старый строй.

Таким образом, дальнейшая демократизация программы и возникновение республиканских решений соединились с вопросом о новом, более решительном «способе действия». Нужно было действовать решающим революционным ударом, который сразу лишил бы силы прежнюю власть, обезвредил ее, отбросил с политической арены дом Романовых, сломил бы старую аристократию и очистил пути для торжества республиканского строя. Перед новаторами стояли грозные силы старого мира, не желавшего сходить со сцены без боя. Новый «способ действия» поэтому должен был обладать реальной и быстро действующей силой для создания решающего перевеса сил и скорой организации «Первоначального действия Революции», как говорил и писал Пестель.

В первоначальных планах Союза Благоденствия (до переломного 1820 г.) прямого замысла военного восстания у декабристов в сущности не было. Сила общественного мнения — решающий рычаг переворота — должна была выразиться в огромной численности новаторов из свободных сословий, охваченных организационными формами «управ» тайного общества, централизованных и руководимых из центра единой диктаторской волей революционного «Главы». Конечно, армия, военные люди и тогда не выпадали из круга активных сил государственного переворота. Даже первая часть «Зеленой книги» не только в некоторой мере держала армию в поле зрения, но, разумеется, и втягивала военных людей в систему мероприятий Союза Благоденствия: в Союз не только принимались военные в качестве членов, существовали и особые формы работы, специфически рассчитанные на военных. Искоренение «жестокости с подвластными» прямым образом относилось и к армии, а отрасль «образования» завела, как мы помним, ланкастерские училища преимущественно в солдатской среде. Параграф 59 «Зеленой книги» особо рекомендовал отрасли «правосудия» «вникать» в дела военных судов и склонять их в сторону справедливости, а также «истреблять» продажу крепостных людей в рекруты. Отрасль «человеколюбия», как мы помним, особо обращала внимание на инвалидов войны, конечно, главным образом войны Отечественной; эта отрасль должна была «пещись» о помещении инвалидов к «приличным местам», в первую очередь к «казенным», «сооружать» для них «спокойные убежища», находить им работу. Таким образом, военная среда никак не исключалась и ранее из сферы действия Союза Благоденствия, однако и не занимала в ней никакого особого места. Но начало нового периода деятельности Союза Благоденствия — на рубеже 1819—1820 гг.— было явно отмечено новым решением вопроса: армия начинает становиться в центре предстоящего «Первоначального Действия Революции» как решающая сила революционного удара.

И ранее представление декабристов о всеобщем ропоте и недовольстве не исключало из общего брожения армию: беседы о «зле существующего порядка вещей» обязательно затрагивали палочную систему в армии,

военные поселения, каторгу 25-летней солдатской службы. Теперь же уверенность, что армия настолько недовольна, что «готова двигаться», становилось решающей предпосылкой в осуществлении переворота.

Первый толчок к описанной перемене воззрений, несомненно, дало не волнение Семеновского полка — это был второй по времени стимул, а восстание военных поселений 1819 г. Непосредственная их близость ко второй армии, где вызревали наиболее радикальные организации декабристов, облегчала распространение самой подробной информации о причинах и ходе восстания. Недаром и свидетельство о том, как были возмущены декабристы «жестоким усмирением чугуевцов», сохранено нам южным декабристом Поджио. Очевидно, слухи о напряженном положении в поселениях и недовольстве солдат были широко распространены еще до восстания. Поэтому известное отношение к вопросу может иметь и решение Пестеля стать начальником штаба южных военных поселений, главное командование над которыми принадлежало графу Витту (15 мая 1819 г. Пестель сообщил в письме к родителям об этом своем желании, которое ему так и не удалось осуществить). Восстание военных поселений, вспыхнувшее 27 июня того же года, произвело глубокое впечатление на южных декабристов, что отражено и в «Русской Правде».

Как ни трудно шло продвижение Пестеля в чинах и должностях (Александр I с недоверием относился к Пестелю), оно все же постепенно приближало его к реальному обладанию нужной ему возможностью — по первому слову командира двинуть в бой военные силы. 6 декабря 1819 г. Пестель был произведен в подполковники и переведен в Мариупольский гусарский полк, в марте 1820 г.— в Смоленский драгунский и, наконец, в ноябре 1821 г. он получил долгожданный полковничий чин. Тогда же он был назначен командиром Вятского пехотного полка [17].

Волнения Семеновского полка произвели на декабристов еще большее впечатление, чем восстания военных поселений.

Конечно, работа мысли, желание вникнуть в смысл наблюдаемого вели к обобщениям, широкую возможность которых давала декабристам и европейская революционная действительность тех лет. Опыт военных революций 1820—1821 гг. предлагал немало материала для раздумья о «способах действия». Испанская революция торжествовала победу, неаполитанская, правда, была задавлена, но пьемонтские события в следующем же 1821 г. возродили надежду на то, что и в Италии еще не все кончено, не иссякли революционные силы. Все вместе, сливаясь с русскими наблюдениями, как бы говорило о реальности новой опоры революции: нужно действовать «посредством войск».

Донос Грибовского, относящийся к 1821 г., очевидно, фиксирует наиболее раннюю стадию замысла военного удара, замысла, повидимому, возникшего еще накануне Московского съезда. Эта стадия в его передаче такова: «Из войск положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых командиров, решительных и на все готовых, дабы побуждением их и примером гвардии слепо увлечь всю армию. Центром всех действий сначала был Петербург, после избрана Москва, для привлечения живущего там дворянства». Не эти ли или сходные мысли мог развивать в своем докладе о «способах действия» Никита Муравьев на заседании у Шипова в 1820 г.?

Во второй половине 1820 г. на организованных Пестелем регулярных («устроенных») заседаниях Тульчинской управы Союза Благоденствия, или, как говорил Пестель, «Тульчинской Думы», вопросы о республиканской программе и новых, революционных способах действия широко обсуждались. Решение действовать «посредством войск» уже было тут

усвоено. Матвей Муравьев показывает, что намерение общества не имело будто бы ничего противозаконного «до 1819 году. С тех же пор было оное ввести представительное правление, чего достигнуть полагали возмущением вооруженной силы». Не менее (если не более) активной была в этом вопросе Кишиневская управа Союза Благоденствия. Записка Владимира Раевского «О солдате» явственно говорит о том, в какую сторону направлялась мысль декабристов: восставший солдат должен был стать движущей силой задуманного декабристами государственного переворота [18].

Пушкинские стихотворения к Давыдову и генералу П. С. Пущину имеют, таким образом, свою среду, свой обширный политический контекст. Они сами, взятые в этом разрезе, являются свидетельствами о позиции В. Л. Давыдова и П. С. Пущина в вопросах действия «посредством войск». Генерал П. С. Пущин рисовался Пушкину «грядущим Квирогой», который «предвидит свой удел», а В. Л. Давыдов — восторженным сторонником неаполитанской революции.

Кишеневской управе, как, впрочем, вероятно, и Тульчинской, переворот никак не представлялся «мирным», торжественным шествием войск по улицам и площадям столицы среди каскада цветов и ликующей толпы собравшихся зрителей. «В дыму, в крови, сквозь тучи стрел теперь твоя дорога»,— обращались пушкинские строки к «будущему Квироге»,— о цветах не упоминалось.

Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся,—

писал Пушкин в своем послании к В. Л. Давыдову весной 1821 г.

В это же время начинает уясняться и важнейший вопрос о месте и характере решающего революционного удара «посредством войск». Как свидетельствует Пестель, тут спорили между собой два варианта: нанесение удара в центре, в столице, лишь с помощью периферийного восстания — или же решающее революционное выступление войск на периферии с последующей помощью столицы. Тульчинская дума отстаивала первый вариант: выступать надо в столице, в этом «средоточии» всех властей, где можно одним ударом парализовать основные двигательные нервы старого правительства и тем легче утвердить новые порядки. Вопрос об этих двух вариантах будет в дальнейшем обсуждаться еще подробнее и вплотную в тайном обществе. Возникает же он именно в этот переломный момент как составная часть большой проблемы о новом способе действия. «Без Петербурга ничего нельзя сделать»,— полагал В. Л. Давыдов, рассуждая об ударе «посредством войск» [19].

Новая программа и новый «способ действия» настоятельно требовали изменения устава тайного общества. Старый устав (кстати, не законченный и лишь частично отраженный в «Зеленой книге»), конечно, нельзя было ни дорабатывать, ни видоизменять. Многое надо было просто создавать заново, так как основные положения об организационной структуре общества требовали теперь принципиально нового подхода. Решительно все, что мы знаем о Союзе Благоденствия в 1820 и 1821 гг., говорит о глубокой творческой работе организации, предпринявшей серьезную перестройку. Самая перестройка являлась свидетельством ее жизнеспособности. Поэтому никак нельзя согласиться с безоговорочным утверждением, что в это время Союз Благоденствия находился в «тяжелой фазе распада». Старое, конечно, распадалось, но ведь одновременно те же люди создавали новое, поэтому приведенная выше мрачная характеристика представляется неправомерной [20].

Мысль о военной революции в России укреплялась в сознании наиболее решительных и жаждущих действия членов Союза Благоденствия. К тому же европейская революционная ситуация 1819—1820 гг. перешла в революцию,— тем осуществимее казались планы военного переворота и в России. Этой точки зрения придерживались не только Пестель и Михаил Орлов с их управами, но мысль о возможности военного выступления находила себе почву и в северных управах Союза Благоденствия.

Весь комплекс этих новых идей явился исходным моментом внутренней борьбы в тайном обществе. Это был пробный камень испытания дворянской революционности, и у многих она надломилась уже при этой пробе действием. Оставаться в рядах конспиративного союза, готовившего республику революционной «силою оружия», или нет? Этот вопрос и дифференцировал членов на передовых и отсталых. Именно к этому времени относятся многочисленные «охлаждения» к обществу и «разочарования» в его деятельности у многих менее решительных и колеблющихся элементов: радикализируя одних, острота положения внутри страны и приближение переворота выбивали из движения других. Исторический момент усиливал борьбу течений в обществе, содействовал их перегруппировке.

Действительно, член Союза Благоденствия, который зачислялся по какой-либо его «отрасли» и приступал к активным действиям, в сфере ли «человеколюбия», «образования» или какой иной, прежде должен был выявить себя более всего обилием страстных и смелых речей о «язвах отечества» и множеством организационных действий вполне открытого характера — образованием литературных, педагогических и прочих обществ. Члены Союза Благоденствия, как уже указывалось выше, давно и успешно «гремели» в гостиных, клубах, театрах, кабинетах, в Летнем саду, на островах, на бульварах, одним словом, в любых местах дворянских сборищ, «гремели» против палок и Аракчеева, крепостного права, неправедных судов и цензуры. Но палки продолжали применяться, Аракчеев имел полную власть, цензура все более свирепствовала, суды судили столь же неправедно, и крепостное право не колебалось. Несколько рыхлая и пестрая по составу масса членов Союза Благоденствия перестала соответствовать требованиям тайной организации, когда она перешла на точку зрения военного революционного удара, республиканской программы и строгой конспирации. Требования к члену новой организации теперь должны были в корне отличаться от прежних. Ранее требовался проповедник, агитатор, смелый разоблачитель язв отечества, пламенный оратор. Ныне стал необходим осторожный конспиратор, военный человек, решительный и смелый в революционном действии, популярный в войсках командир, снискавший любовь и доверие подчиненных, человек, в полном молчании и тайне готовящий военный переворот. Ранее члены вдохновляли друг друга на проповедь, на гласное обсуждение всех «зол» и «язв отечества». Теперь эта открытая и явная агитация уже была признана не только излишней, но прямо вредной и руководители организации стали отучать молодых офицеров «кричать» в гостиных.

Ранее необходимо было набрать как можно больше красноречивых «формирователей» общественного мнения. Ныне надо было выбирать конспираторов и избегать крикунов. Оратор превращался в «крикуна». Вот как неузнаваемо изменились прежние требования! Предпочитать надо было преимущественно военных: член тайной организации теперь ценился не только по качествам своего глубокого внутреннего убеждения в правоте дела, но и по количеству штыков под его командой. Сколько войск сможет он привести под знамена революции? Это было важно. Теперь уже было не до записок правительству. Все эти «Нечто о кре-

постном состоянии крестьян» или «Взгляд на крепостное рабство» превращались во «взгляд и нечто». Грибоедов, надо думать, не случайно из двух ходовых сокращенных названий «всеподданнейших» записок царю слепил свое бессмертное выражение, ставшее образом напыщенного шума и внутренней пустоты.

Перемена программы и резкий поворот тактики влекли за собой совершенно новое «самосознание»: теперь уже член тайной организации по-новому должен был понять и себя самого. Требование строгой конспиративности, чувство гораздо большей близости желанного переворота, совершенно новая степень чувства ответственности за свое поведение, наконец, действие, а не слово, как критерий — все это было ново.

Как свидетельствует Пестель, управы были осведомлены об итогах Петербургского совещания 1820 г. Коренная управа Союза Благоденствия была полномочна принимать столь кардинальные решения, как перемена программы на республиканскую с общей радикализацией всего комплекса основных вопросов, касавшихся «сокровенной цели». Но итоги совещания в Петербурге не вызвали единодушного положительного отклика. Они встревожили многих членов, зародили в них сомнения в правильности избираемой линии, поставили вопрос о том, чтобы придать обществу твердое, отчетливое, но более умеренное направление. Идея съезда для разрешения назревших вопросов должна была в создавшейся обстановке встретить сочувствие как у тех, кто лидерствовал на Петербургском совещании 1820 г., так и у тех, кто был встревожен радикализмом наметившейся линии и хотел обеспечить победу за более умеренными решениями.

4

Многочисленные свидетельства о том, как зародилась и была осуществлена идея Московского съезда, говорят, что более умеренная группа на этот раз взяла на себя почин и проявила максимальную активность. Инициаторами съезда являются братья Михаил и Иван Фонвизины, П. Х. Граббе и И. Д. Якушкин. Особо значительна в этом деле роль Михаила Фонвизина.

Подчас в литературе Михаил Фонвизин выступает лишь как «отставной генерал-майор» и такой полуштатской фигурой проходит через все изложение истории декабристов. Между тем в изучаемое время он — боевой генерал, состоит на действительной военной службе. Он — участник Аустерлицкого сражения 1805 г., Финляндской войны, Бородинской битвы. Всю Отечественную войну М. Фонвизин был адъютантом Ермолова. Будучи командиром 37-го егерского полка, он после войны некоторое время оставался со своим полком во Франции в оккупационном корпусе графа М. С. Воронцова. Произведенный в генерал-майоры в феврале 1820 г., он вскоре был переведен в 22-ю пехотную дивизию и состоял затем при Южной армии. Политическая репутация вольнодумца и масона прочно укрепилась за ним в правительственных кругах, и Александр I сильно задерживал его служебное продвижение. Действительно, М. Фонвизин являлся ревностным членом тайного общества, участником еще первой его организации — Союза Спасения. Брат его Иван менее активен в движении декабристов, но личное его обаяние и горячая преданность делу общества отмечались членами Союза («все ли также горит на добро?» — спрашивал об Иване Фонвизине П. Я. Чаадаев в позднейшей переписке с И. Д. Якушкиным). Он служил по квартирмейстерской части, т. е. должен был хорошо знать все гнездо Муравьевых. В 1820 г. он уже вышел в отставку с чином полковника и поехал в Петербург для созыва Московского съезда уже как штатский человек[21].

Михаил Фонвизин не был участником петербургских совещаний 1820 г., не высказывался за республику и чувствовал себя в отношении решений совещания несколько свободнее голосовавших. Находясь по своему служебному положению во второй армии, он сближается с Бурцовым, общается с Пестелем. Член Тульчинской управы подполковник квартирмейстерской части Н. Комаров показывал о разногласиях М. Фонвизина и П. Пестеля: признавая обоих «ревностными членами», он заметил, что они «во многом не сходились» и часто «оканчивали споры личностями».

Выступая с инициативой созыва съезда, ни М. Фонвизин, ни И. Д. Якушкин и не думали о ликвидации общества. Съезд, по словам последнего, созывался, чтобы «обозреть положение и способы общества и определить причины, до сих пор препятствующие распространению и успехам общества». Развивая в своем письменном показании эту мысль, Якушкин свидетельствовал, что, во-первых, «неопределенность цели, изложенной в уставе союза благоденствия, охлаждая многих членов, замедляла ход общества», а во-вторых, «положения относительно принятия, не довольно ограждая общество от вступления ненадежных членов, подвергало ход оного беспрестанным опасностям». Эти причины Якушкин считал главными и полагал, что они даже «угрожали обществу совершенным уничтожением». М. Фонвизин показывает, что, созывая Московский съезд, «общество действительно желало отдалить некоторых членов». Глухое упоминание, что непременным условием при создании нового общества было положение, что «ни в коем случае цель не освящает средства», дает основания предположить отрицание какой-то тактики решительных действий, возможно — цареубийства [22].

В «Записках» И. Д. Якушкина обрисована своеобразная обстановка, в которой он и Михаил Фонвизин приняли на себя инициативу созыва съезда. Только что кончилась ничем попытка Якушкина освободить своих крестьян. Ужасы крепостного права со всех сторон теснили его,— об этом выразительно рассказано в «Записках». Страшный голод косил крестьян, бедствия народа были неисчислимы, произвол и жестокость властей сказывались на каждом шагу. Земский заседатель хватал первого попавшегося парня, чтобы сдать в рекруты, крестьян выматывали произвольной поставкой подвод, лишали возможности заниматься собственным хозяйством, «народ был в отчаянном положении и почти не работал». Как-то ночью, когда Фонвизин спал, Якушкин написал было адрес царю о созыве всеобщей «Земской думы», о котором уже упоминалось выше; практически этот адрес означал подачу просьбы царю о созыве ограничивающих его народных представителей и учреждении конституции,— просьбу почти что об учредительном собрании. Столь же, как и Якушкин, потрясенный картиной голода, нищеты и бесправия народа. Фонвизин подписал адрес. Но П. Х. Граббе, к которому в Дорогобуж отправились оба друга, оказался разумнее их и объяснил, что все это «за один раз» уничтожало тайное общество и «вело нас прямо в крепость». Рассуждая о «горестном положении России и средствах, которые бы могли спасти ее», все три собеседника выразили свое разочарование деятельностью Союза Благоденствия и пришли к мысли о необходимости созвать в Москве съезд общества. Отсюда ясно, что никаких «ликвидаторских» настроений при созыве съезда у инициаторов не было, съезд был рожден назревшей потребностью в новой форме действия, необходимостью закрепить умеренную, но конкретную программу организации, отсечь как ненадежных, так и слишком далеко ушедших вперед участников движения.

После восстания Семеновского полка открытая «проповедь» членов Союза Благоденствия становилась очень опасной,— нужна была глубокая

конспирация. Полное крушение надежд на добрую волю императора и необходимость действовать «силою оружия» требовали новой тактики.

Необходимость съезда была очевидной. Надо было собраться и обсудить все эти кардинальные вопросы, перестроить все тайное общество. Было решено на 1 января 1821 г. созвать в Москве съезд. Дата съезда точно указана в «Записках» Якушкина, имеющего в этом вопросе первое слово, ибо именно ему организация поручила объехать южные управы, оповещая о решении созвать съезд. Михаил Фонвизин, который предоставил для съезда свою московскую квартиру, также подтверждает, что съезд состоялся у него в доме «в генваре 1821 года». Наконец, доносчик Грибовский, член Коренной управы, также сообщает, что съезд состоялся «в конце прошедшего и в начале настоящего года», т. е. в конце 1820 и начале 1821 г. (поскольку некоторые члены приехали загодя,— отсюда данные о «конце 1820 года»). Дополнительно уточняет реальную дату начала съезда беглая запись в дневнике Николая Тургенева, председателя съезда: 31 декабря 1820 г. он мельком упоминает, что завтра в 9 часов утра отправляется в Москву. Запись ничем не выдала строгой конспиративности события, но это была поездка на Московский съезд. Так как поездка на лошадях из Петербурга в Москву брала, как правило, более двух суток, то надо думать, что съезд, назначенный на 1 января, несколько запоздал и начался не ранее 3—4 января. То обстоятельство, что Николай Тургенев поехал отнюдь не ликвидировать тайное общество, проявилось, в частности, и в реакции бывшего в курсе дел князя П. А. Вяземского на известие об его поездке: «Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы и далее, как Радищеву» [23].

Съезд был, по всей форме, созван Коренной управой Союза Благоденствия. Это — новое доказательство, что даже осенью 1820 г., когда назначили съезд, Союз Благоденствия существовал именно как организация. Оба Фонвизины, Михаил и Иван, брались оповестить о съезде петербургских членов, а Якушкин, в тот момент особенно близкий к Фонвизиным и Граббе, был отправлен с известием о съезде на юг — в Кишиневскую и Тульчинскую управы. Михаил Фонвизин дал Якушкину письма к некоторым тульчинским членам, в том числе к Бурцову, а также письмо в Кишинев к Михайле Орлову [24].

Таким образом, уже один только созыв Московского съезда мог бы засвидетельствовать активность Московской управы и то обстоятельство, что жизнь в ней вовсе не замерла после выхода из общества Александра Муравьева. К этому надо добавить, что она была в тот момент связана с Тульчинской управой, и в ее инициативе можно предполагать долю энергии Тульчина, только не Пестеля, а Бурцова. Назначение съезда в Москве было сделано без участия Пестеля,— очевидно, оно связывалось с какой-то скрытой инициативой умеренных элементов Тульчинской управы, действовавших через Михаила Фонвизина. Не случайно, конечно, и то, что посланец о созыве съезда Якушкин «тотчас» по приезде в Тульчин является к Бурцову, а не к Пестелю и останавливается именно у Бурцова. В этой связи неизбежен вопрос, не думали ли умеренные элементы тайного общества создать в лице Московского съезда некий противовес Петербургскому совещанию 1820 г., где главенствовало крайнее течение, представленное в тот момент Пестелем и Никитой Муравьевым [25].

Отправив Якушкина на юг, Фонвизины двинулись в Петербург для оповещания петербургских управ. Никита Муравьев (не присутствовавший на Московском съезде) показывал: «Оба Фонвизины приехали в Петербург с предложением сделать съезд уполномоченных от всех отраслей союза в Москве».

Подробных сведений о том, как Фонвизины созывали петербургских членов, мы не имеем. Любопытно, что обоим братьям удалось скрыть на следствии свою активную роль в созыве съезда,— мы знаем о ней лишь из «Записок» Якушкина (лишнее доказательство, что следствие добралось не до всех деталей). Но зато поездка Якушкина рассказана им с драгоценными подробностями [26].

Тульчин был первым местом, куда явился Якушкин. Бурцов принял его с распростертыми объятиями и поселил у себя. В тот же день Якушкин побывал у Пестеля и Юшневского. «Чтобы пребыванием моим в Тульчине не дать подозрения властям, я ни у кого не бывал, кроме Пестеля, с которым я был знаком прежде, и у Юшневского, к которому я привез письмо от Фонвизина»,— пишет Якушкин. Но так как во время его пребывания в Тульчине почти все члены Тульчинской управы перебывали у Бурцова, то Якушкин скоро познакомился «с тульчинской молодежью». Он сделал и замечательное наблюдение: «В Тульчине члены Тайного Общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно сообщались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу. Впрочем было достаточно уже одного Пестеля, чтобы беспрестанно одушевлять всех тульчинских членов, между которыми в это время было что-то похожее на две партии: умеренные под влиянием Бурцова и, как говорили, крайние под руководством Пестеля» [27].

В это же пребывание в Тульчине Якушкин пришел к важному выводу: «Никакого нет сомнения, что Киселев знал о существовании Тайного общества и смотрел на это сквозь пальцы» [28]. Заметим, что Якушкин, приехав в Тульчин, застал Пестеля в разгаре работы над конституционным проектом. Только что отдав Никите Муравьеву и Лунину первый набросок своей конституции, Пестель не остановил работы над ней. Якушкин свидетельствует, что Пестель «писал свою Русскую правду. Он мне читал из нее отрывок, и, сколько помнится, об устройстве волостей и селений». К величайшему сожалению, Якушкин не сообщил дальнейших подробностей, но, если мы вспомним, что в проекте, который Пестель отдал Никите Муравьеву и Лунину примерно тремя месяцами ранее, оставался недоработанным как раз вопрос об устройстве областей, правдоподобно, что Пестель продолжил работу над этим вариантом и познакомил Якушкина именно с этой только что написанной частью.

Объявление о съезде Якушкин сделал на заседании Тульчинской управы Союза Благоденствия, собранном у Пестеля. В числе присутствующих на собрании были Барятинский и оба Крюковы.

Важно подчеркнуть, что, созывая в Москве съезд Союза Благоденствия, члены разрешили вопрос о представительстве на съезде в точном соответствии с духом Законоположений Союза: согласно последним, члены-учредители сохраняли в Союзе руководящее значение и имели решающий голос в вопросах «законов» Союза. Поэтому на съезд приглашались все члены-учредители. Пестель числился в списке членов-учредителей и уже в силу этого имел право поехать на съезд. Однако, как мы помним, уставные правила Законоположений учитывали и возможность роста Союза, в силу чего требовали введения новых членов на определенных основаниях даже в Коренную управу. Очевидно, в соответствии с этим на заседании Тульчинской управы учитывали тонкое различие — кто едет как член-учредитель и кто как депутат. В этом смысле очень интересно показание Пестеля: «Когда зимою с 1820 на 1821 год назначался съезд в Москву для совещания о Преобразовании Союза, тогда были к сему съезду приглашены все Коренные Члены;

а Думы должны были назначить Депутатов. От Тульчинской Думы послан был Комаров как депутат, а Бурцов поехал как Коренной член» [29].

Бурцов убедил Якушкина, что Пестель не должен ехать делегатом на Московский съезд: «Он своими резкими мнениями и своим упорством испортит там все дело». Сам Бурцов успел запастись командировкой в Москву, точно так же, как и ставленник его Н. Комаров. Наличие командировки сильно облегчало поездку, так как гарантировало конспирацию. «Пестелю очень хотелось приехать на съезд в Москву, но многие уверяли его, что так как два депутата их уже будут на этом съезде, то его присутствие там не необходимо и что, просившись в отпуск в Москву, где, как все знают, у него нет ни родных и никакого особенного дела, он может навлечь подозрение тульчинского начальства, а может быть, и подозрение московской полиции». Таким образом, Пестеля отстранили от участия в съезде [30].

По собственному показанию, Бурцов выехал в Москву вполне легально, «по приказанию начальника Главного штаба»: он был командирован «к генерал-майору Нейдгарту для узнания правил Жолнеров и боевых порядков». Официальная командировка была необходима,— за армией зорко следили после «семеновской истории» [31].

Член тайного общества полковник Аврамов (Абрамов) дал Якушкину из Тульчина подорожную «по казенной надобности», и тот направился с нею в Кишинев приглашать на съезд Михаила Орлова. Он встретился с ним, не доезжая Кишинева. Орлов ехал в дормезе со своим адъютантом Охотниковым, старым знакомым Якушкина, по характеристике последнего, «славным малым и совершенно преданным тайному обществу». Оба они направлялись в имение Давыдовых — Каменку (Киевской губ.). Южные декабристы обычно встречались там в ноябре, в день именин матери Давыдова Екатерины (24 ноября): семейный праздник служил надежным прикрытием конспиративных собраний.

Орлов колебался, ехать ли ему на съезд, и Якушкин, чтобы уговорить его дорогой, принял его приглашение направиться с ним в Каменку, где в то время были в сборе многие южные члены Союза Благоденствия. Из этого обстоятельства уясняется и время поездки Якушкина: очевидно, с Орловым он встретился, примерно в двадцатых числах ноября, стало быть, в Тульчине побывал приблизительно в начале того же месяца.

Якушкину удалось уговорить Орлова ехать на съезд. В короткий промежуток времени, который оставался между пребыванием в Каменке (тут Якушкин с Орловым пробыли с неделю, уехав, вероятно, уже в первых числах декабря) и отъездом в Москву, Орлов успел написать письменные предложения о реорганизации тайного общества, которые он и предложил Московскому съезду.

5

В Каменке произошла известная встреча И. Д. Якушкина с А. С. Пушкиным.

Свидетельство Якушкина об этой встрече с большой живостью и яркими подробностями передает атмосферу той особой близости, которая складывалась у Пушкина с декабристами при их постоянном общении друг с другом. Здесь нельзя не передать слова Якушкину.

«Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревност-

ный член Тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более чем радушно. Он представил меня своей матери и своему брату генералу Раевскому как давнишнего короткого своего приятеля. С генералом был сын его, полковник Александр Раевский. Через полчаса я был тут как дома. Орлов, Охотников и я — мы пробыли у Давыдова целую неделю. Пушкин, приехавший из Кишинева, где в это время он был в изгнании, и полковник Раевский прогостили тут столько же. Мы всякий день обедали внизу у старушки-матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать» [32].

Очевидно, в этой гостиной Якушкин и прочел Пушкину наизусть его «Ноэль», что удивило поэта (он не предполагал, что его нелегальные стихи были так широко известны) [33].

Далее в «Записках» Якушкина следует знаменитое описание инсценированного «заседания» тайного общества, столь выразительное и столь непосредственно относящееся к основному руслу нашего повествования, что вновь необходимо передать Якушкину слово:

«Все вечера мы проводили на половине у Василья Львовича, и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны. Раевский не принадлежал сам к Тайному Обществу, но подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все происходящее вокруг него. Он не верил, чтоб я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному Обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полуважным видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не спросив у него на то дозволения, и т. д. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России? Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного Общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного Общества, которое могло бы быть хоть насколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное Общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал: «Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы наверно к нему не присоединились бы»? — «Напротив, наверное бы присоединился», отвечал он.— «В таком случае давайте руку»,— сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, все это только одна шутка». Другие также смеялись, кроме А[лександра] Л[ьвовича], рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное Общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен» [34].

Ранее уже приходилось останавливаться на вопросе, был ли Пушкин членом тайного общества. Нередко задают вопрос, особенно после

приведенной выше сцены, почему же Пушкина не приняли в тайное общество в той же Каменке. Прежде всего нужно напомнить, что именно на этапе Союза Благоденствия Пушкин как раз и был организационно связан с декабристами: он был членом побочной управы Союза Благоденствия — «Зеленой лампы», не подозревая, что входит в «подготовительную группу» организации. Он был привлечен Н. Тургеневым и к Журнальному обществу, связанному с Союзом Благоденствия. Он был уверен в существовании тайной организации и хотел быть ее членом. Почему эта связь не оформлялась в более тесную и постоянную?

Сами декабристы указали на несколько причин. Прежде всего, преклоняясь перед талантом Пушкина, декабристы не хотели подвергать его опасности, вовлекая в тайное общество,— это закономерно можно вывести по аналогии из отношения декабристов к Грибоедову (свидетельство А. Бестужева). Этим самым они сохраняли его и для своего движения,— ведь он, по меткому слову И. И. Пущина, «по-своему проповедывал в нашем смысле», его стихи были агитационными произведениями, служившими делу декабристов. Позже Пушкин сам осознáет эту свою роль в движении, сказав в «Арионе»: «пловцам я пел». Уже «Вольность» отражала идеологию Союза Спасения, а на «сходках» Союза Благоденствия «читал свои ноэли Пушкин», как говорится в X песне «Евгения Онегина». Сохранить Пушкина как поэта означало сохранить его как действенную силу движения [35].

Но к этим общим причинам, говоря именно о Каменке в ноябре 1820 г., надо сделать несколько добавлений. Накануне съезда, сразу после «семеновской истории», в обстановке резко усилившейся правительственной слежки, вовлекать опального Пушкина в организацию значило сразу ставить под удар и его и организацию, особенно в силу чрезвычайной живости нрава Пушкина и легкого его сближения с ненадежными людьми. Это останавливало конспираторов. Одна сторона дела обычно упускается пушкинистами: Пушкин был «ссылошным», поднадзорным, за ним было организовано наблюдение, и его включение в состав общества немедленно привело бы за собой в тайную организацию правительственного агента. И это произошло бы именно в тот момент, когда общество хотело особенно глубоко законспирироваться. Пушкин, по свидетельству лиц, наблюдавших его в ссылке, и так «проповедывал» против правительства чуть ли не во всех «кофейнях». Добавим к этому, что общество меняло тактику, в глубокой конспирации задумывало переворот, основанный на вооруженной силе, и характер переворота и переломный момент в жизни общества, искавшего новых форм, конечно, не располагали к принятию новых штатских членов; речь могла идти лишь о надежных военных и то после съезда. Отсутствуют данные, чтобы кто-нибудь из декабристов был принят в общество именно в эти дни,— прием, можно сказать, был прекращен обстоятельствами. Всю совокупность этих обстоятельств, а не какое-либо одно из них надо принять во внимание, говоря о причинах, почему декабристы на этом этапе не включили Пушкина в число членов своего общества.

6

Съезд Союза Благоденствия состоялся в начале января 1821 г. на московской квартире Фонвизиных и продолжался около трех недель или даже более. Съехались Николай Тургенев, Ф. Глинка, Михаил Орлов, оба Фонвизины, Якушкин, Граббе, Комаров, Бурцов, Охотников [36].

Н. Тургенев и полковник Глинка представляли собой Петербург, М. Фонвизин и Якушкин — Москву, Бурцов и Комаров — Тульчин, Орлов и Охотников — Кишинев. Граббе в тот момент, очевидно, никого

не представлял, но об особых причинах его участия в съезде мы скажем ниже. Интересная деталь передана в доносе Грибовского: общество выдало для поездки на съезд из своих средств 1000 руб. Федору Глинке «на путевые издержки» [37].

Если вчитаться в свидетельство Никиты Муравьева, что Фонвизины, созывая съезд, имели в виду собрать его именно как съезд «уполномоченных от всех отраслей союза», то вероятнее всего над понятием «отрасли» тут надо подразумевать не «отрасли» Союза Благоденствия («человеколюбие», «правосудие», «образование»), а территориальные центры Союза, его «думы». Это подтверждается и свидетельством мемуаров М. Фонвизина: в Москве собрались «депутаты из Петербурга, Тульчина и Киевской губернии — трех пунктов, где были самые многочисленные управы Союза. С. Трубецкой позже был извещен, что на Московском съезде соединились «члены разных Дум» [38]. Так и получается, если проанализировать состав съезда: туда было послано по два человека от каждой территориальной отрасли («думы») — Петербурга, Москвы, Кишинева, Тульчина. Это было не собрание случайно встретившихся членов, а съезд коренных членов и «депутатов», или «уполномоченных» — в материале первоисточников встречаются оба последние названия. Чтобы подчеркнуть серьезное отношение к процессуальной стороне, заметим, например, что уже принятый в тайное общество и пользовавшийся там уважением декабрист С. Г. Волконский как раз был в Москве в дни съезда (он называет съезд «Московским конгрессом»), но не был туда допущен, так как не был избран делегатом, являясь еще «молодым» членом (не учредителем). Иван Фонвизин, повидимому, присутствовал на съезде лишь как брат Михаила, хозяина квартиры; он сам говорит на следствии, что никаких полномочий не имел и рассматривал это совещание как собрание знакомых. Заметим, что на съезде не было ни Сергея, ни Матвея Муравьевых-Апостолов, сильно задетых «семеновской историей» и не имевших права отлучаться в отпуск; не было на съезде Никиты Муравьева, отсутствовал и Трубецкой, уехавший за границу еще в июне 1819 г. (он вернется лишь в сентябре 1821 г.)» [39].

Особый характер имеет вопрос о подполковнике Комарове, которого Тульчинская управа послала делегатом на Московский съезд. Основываясь на этом, вся декабристская литература постоянно упоминает о нем как об участнике Московского съезда, особенно в силу его последующей роли оповестителя Тульчинской управы о закрытии Союза. Тут мы встречаемся с не вполне ясным, но очень существенным обстоятельством: собравшиеся в Москве декабристы не допустили Комарова к участию в съезде, потому что подозревали в нем правительственного осведомителя. В деле декабриста Волконского сохранен и «пристойный» повод, которым хотели прикрыться участники съезда, чтобы не выдать своих истинных мотивов: Комарова не допустили к участию в съезде под тем предлогом, что он не принадлежит к «коренным» членам-основателям. Конечно, предлог этот противоречил уставу (Комарова избрали депутатом на съезд от Тульчинской управы), но, видимо, его успели как-то «убедить», по крайней мере сведений об его протесте в источниках не сохранилось. Истинные причины его отвода глухо указаны в «Записках» Якушкина: «Было решено Комарова не принимать на наши совещания; ему уже тогда не очень доверяли». Вместе с тем следственные материалы доносят до нас и отзвуки какой-то бурной сцены с прямым объяснением в лицо подозреваемому,— следы этого сохранило не только дело Комарова, но даже и «Донесение» Следственной комиссии: «Я на лице твоем вижу, что ты изменяешь Обществу!» — бросил Якушкин Комарову [40].

Ввиду категорических заявлений Якушкина и Волконского о недопущении Комарова на съезд, очевидно, приходится усомниться в точности подозрительно «подробных» показаний Комарова о съезде, находящихся в его деле. Комаров участвовал, как ниже будет показано, в созванном съездом собрании московских членов и мог кое-что выведать у Бурцова. Но на заседаниях самого съезда, вырабатывавших конспиративный устав, его не было [41].

Вопрос о Комарове приобрел, вероятно, особую остроту в силу привезенного Ф. Глинкой из Петербурга тревожного сообщения о том, что правительство, усилив слежку за настроениями в армии после «семеновской истории», повидимому, напало на след общества. Как адъютант петербургского генерал-губернатора, Ф. Глинка знал многое, и его оповещение, вероятно, базировалось на серьезных данных (донос Ронова). Московский съезд открывался, таким образом, в самой тревожной обстановке.

Повестка дня съезда определялась его основной целью: «обозреть положение и способы общества и определить причины, до сих пор препятствующие распространению и успехам общества» (Якушкин). Ставился вопрос и об определении основной цели тайного общества в уставе, о «способах действия» и вопрос о «положении относительно принятия» новых членов. «Цель сего сборища», передает декабрист Давыдов, была та, «чтобы дать более точности и скорости действиям оного (т. е. тайного общества.— *М. Н.*)». Как видим, и в самой повестке дня Московского съезда вопрос о ликвидации общества не стоял. Не было даже дилеммы — закрывать или не закрывать общество. Дух, смысл съезда был в улучшении работы тайного общества и в определении ее направления [42].

Николай Тургенев открыл съезд. Первым выступил Михаил Орлов. Как помним, он привез свое выступление в письменном виде, иначе говоря, выступал продуманно, а не импровизировал. Его предложения дошли до нас в наиболее полной передаче, с одной стороны, в «Записках» Якушкина, а с другой — в доносе Грибовского. Первое из предложений М. Орлова сводилось к требованию немедленного открытого военного выступления, причем инициативу его Орлов думал сохранить за своей 16-й дивизией. Отсюда следует, что это предложение принадлежало к указанному выше типу «периферийного» выступления, отвергаемого Пестелем. Грибовский доносит, что на съезде Орлов, «ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению». Якушкин глухо передает это предложение как «самые крутые меры», которые «даже могут казаться преступными»,— он не решился прямо формулировать их даже в своих «Записках», правда, написанных еще в крепостное время. Далее Орлов развернул свой новый проект тайной революционной организации. Как доносит Грибовский, новая организация, которую надлежало создать на месте устаревшего Союза Благоденствия, должна была называться «Невидимыми братьями», «которые составляли бы центр и управляли бы всем». «Прочих,— иронически излагает Грибовский,—разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая, кому». Эти две иронические фразы доносчика — единственное, чем мы располагаем в документальном материале для суждения о структуре тайной организации, которую предлагал на съезде 1821 г. Михаил Орлов. Деление всех членов тайной организации на «невидимых» и «прочих» не представляет ничего принципиально нового в движении декабристов: личный состав руководящего ядра тайной организации вообще был законспирирован, или во всяком случае считалось необходимым, чтобы он был известен далеко не всем членам. Даже

почти что накануне 14 декабря Рылеев в разговорах с Каховским отказывался назвать ему состав руководящего центра общества. Упоминания о греческом народе едва ли случайны в обстановке развивавшихся южноевропейских революций. Греческое восстание готовилось на южной окраине России, его руководитель, генерал русской службы Александр Ипсиланти — частый посетитель кишиневского дома Орлова. Последний, несомненно, был в некоторой мере в курсе его настроений, и предстоящее греческое восстание не могло быть для него неожиданностью. В этих условиях было бы странно, если бы, говоря о предполагающемся русском революционном выступлении и кое-что зная о подготовке греческого, Орлов не захотел бы как-то соединить их действия. Вся Южная Европа пылала в революционном огне. В то время как шел Московский съезд русского революционного общества, революция торжествовала победу в Испании, в августе 1820 г. поднимала Португалию, была разбита в Неаполе, но восставала из пепла рядом — в Пьемонте, наконец, загоралась в Греции. Орлов жил этим, и пушкинские стихи, посвященные Василию Давыдову, воспринимаются много конкретнее в свете московской речи Орлова: надевая перед камином «демократический халат», Давыдов и Орлов наполняли чаши «беспенной мерзлою струей» и «за здоровье тех и той до дна, до капли выпивали». «Те» — итальянские карбонарии, «та» — революция, и если «тем» было плохо в Неаполе и вставал грозный вопрос — не хотят ли народы тишины, то следовали все же с крепкой уверенностью сказанные слова: «Но нет, мы счастьем насладимся, кровавой чаши причастимся...» [43].

Далее донос Грибовского и свидетельство «Записок» Якушкина начинают говорить о предложениях Орлова, которые Якушкину кажутся совершенно невероятными. Первое предложение этого рода состояло в организации тайной типографии или литографии («в лесах», добавляет Грибовский), «в которой можно было бы печатать разные статьи против правительства и рассылать по всей России». Это предположение могло показаться Якушкину диким лишь потому, что он оторвался от движения декабристов более чем на два года: вышел из организации после «Московского заговора 1817 года» и вернулся туда лишь в начале 1820 г. Если бы он был активным членом Союза Благоденствия именно в эти три года, он, вероятно, знал бы, что замысел такой тайной типографии «в одной из отдаленных деревень» какого-либо члена Союза принадлежал Николаю Тургеневу и Федору Глинке и разрабатывался ими (как и вопрос о литографировании агитационных материалов в Париже) еще в 1818—1819 гг. Последнее из предложений Орлова — использовать ту же тайную типографию или литографию с целью печатания «фальшивых ассигнаций для доставления Обществу потребных сумм» — показалось совсем невероятным. Когда Орлов кончил чтение, изумленный Якушкин сказал ему, что он, вероятно, шутит, предлагая «такие неистовые меры» [44].

План Орлова не встретил сочувствия на съезде. Удостоверившись в том, что он не приобрел сторонников, Орлов заявил, по словам Якушкина, о выходе из общества. «Спор со мною ни к чему не привел»,— глухо говорит об этом сам Орлов в своих показаниях на следствии [45].

Вопрос о поведении Орлова на Московском съезде имеет довольно большую литературу. Наиболее ценным и глубоким исследованием о съезде в целом является работа С. Н. Чернова «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года», уделяющая этому вопросу немалое внимание. С. Н. Чернов справедливо подчеркивает серьезность предложений М. Орлова.

Был ли Орлов искренен, делая свои предложения, или он хотел предложить нарочито неприемлемые меры и под предлогом несогласия с его

предложениями «отстать от общества»,— последнее будто было для него необходимо в связи с его предполагавшейся женитьбой на дочери генерала Н. Н. Раевского — Екатерине. Якушкин, не обинуясь, пишет в своих «Записках»: «Ему того-то и нужно было. Помолвленный на Раевской — в угодность ее родным он решился прекратить все сношения с членами Тайного общества». Последующая полемика родственников Орлова с «Записками» Якушкина и близость всего эпизода к пушкинской тематике (Екатерина Орлова — сестра Марии Раевской и прототип Марины Мнишек в «Борисе Годунове») вызвали к жизни обширную литературу [46].

Между тем очень просто, на наш взгляд, ответить на вопрос, искренно ли делал Орлов свои революционные предложения на Московском съезде или же хотел под их предлогом прекратить свою революционную деятельность в связи с женитьбой. Как известно, Орлов женился в 1821 г., а наиболее смелые и революционные по духу его приказы по дивизии относятся к 1822 г. К этому же и последующему времени относятся и разгар революционной работы майора Владимира Раевского, правительственные подозрения, деятельность ложи «Овидий», тесно связанной с Кишиневской управой, запрещение этой ложи, «за которую» закрыты все ложи в России, восстание в Камчатском пехотном полку, следствие Сабанеева, арест Владимира Раевского, разгром Кишиневской управы, лишение Орлова командования дивизией и его вынужденная отставка из армии. Все эти события приходятся на более поздние даты, нежели женитьба Орлова. Следовательно, женитьба не повлекла за собой ни прекращения революционной деятельности Орлова, ни закрытия ланкастерских школ Вл. Раевского, ни всего прочего. Воспоминания Вигеля, свидетельства Липранди и в последнее время найденный дневник Долгорукова — все эти источники говорят о доме Орлова после женитьбы как о революционном центре, очаге свободолюбивой пропаганды. Отсюда следует одно: Якушкин ошибается — Орлов был искренен. Ход приводимых тут рассуждений не совпадает с развитием аргументации в статье С. Н. Чернова, но вывод совпадает. С. Н. Чернов также полагал реальными предложения Орлова и считал, что ему можно доверять: Орлов с искренним убеждением делал свои предложения на съезде, и часть их показалась Якушкину непонятной опять-таки потому, что в эти годы Якушкин несколько оторвался от жизни тайного общества [47].

Повидимому, сейчас же вслед за уходом Орлова выступил П. Х. Граббе с чрезвычайно важным и тревожным сообщением, не терпевшем отлагательства. Бригадный генерал Васильчиков, младший брат командовавшего всем гвардейским корпусом генерал-адъютанта Васильчикова, неожиданно стал расспрашивать у подчиненного ему Граббе, не знает ли он чего-либо об очень большом и имеющем значительных членов офицерском обществе. В дальнейшем разговоре выяснилось, что генерал Васильчиков как-то говорил с полковником Краснокутским (членом Тульчинской управы Союза Благоденствия) и жалел, что между офицерами нет «дружеских обществ». Краснокутский неосмотрительно ответил, что общество есть — и большое, и со значительными членами (не хотел ли Краснокутский принять Васильчикова в члены Союза Благоденствия?). Ответ Краснокутского возбудил подозрение генерала, и он решил расспросить обо всем Граббе. Было ясно, что генерал не замедлит поделиться подозрениями со своим старшим братом, командиром гвардейского корпуса. Таким образом, «нить» к тайному обществу явно оказывалась в руках правительства [48].

Выход из создавшегося положения намечался лишь один: объявить тайное общество распущенным, избавиться под этим предлогом от ненадежных членов и под прикрытием этого постановления в глубокой тайне

организовать новое общество. Бурцов приписывает себе предложение о роспуске общества. Возможно, что это было и так. Но нет никаких сомнений, что Бурцов знал о фиктивности этого решения, о его роли как прикрытия для воссоздания тайного общества на новых началах. Очень важно свидетельство Якушкина о том, кто именно знал о фиктивности постановления Московского съезда разрушить общество и о намерении за этой завесой воссоздать новое,— в числе осведомленных именно об этом Якушкин называет и Бурцова. Якушкин с полной ясностью свидетельствует об этом постановлении в своих «Записках»: «Решено было объявить повсеместно, во всех управах, что так как в теперешних обстоятельствах малейшею неосторожностью можно было возбудить подозрение правительства, то Союз Благоденствия прекращает свои действия навсегда. Этой мерой ненадежных членов удаляли из общества». О том же говорит на следствии Михаил Фонвизин: «....Общество действительно желало отдалить некоторых членов. Тогда написано было распущение общества Зеленой книги... Вместо оного должно было по времени составиться новое общество» [49].

Но открытое оповещение о ликвидации Союза не терпело отлагательств, так как за Союзом могли уже следить и гроза могла разразиться с минуты на минуту. Поэтому Московский съезд прервал свои заседания и созвал общее собрание всех членов Союза Благоденствия, присутствовавших тогда в Москве. Якушкин упоминает в своих «Записках», что на этом совещании присутствовали Сергей Волконский, Комаров, Петр Колошин и «многие другие». «Тургенев, как наш президент, объявил всем присутствующим, что Союз Благоденствия более не существует, и изложил перед ними причины его уничтожения» [50].

Любопытно присутствие на этом совещании Комарова, очевидно, получившего приглашение. Присутствие предполагаемого осведомителя правительства, конечно, было выгодно для общества на этом совещании, так как могло гарантировать информацию правительства о том, что революционная организация сама себя ликвидировала. Это известие парировало бы информацию Васильчикова о тайном обществе и приостановило бы действия розыска. Как увидим далее, собственно, так и получилось.

На следующих совещаниях съезда собрались те же члены, кроме Михаила Орлова (т. е. Николай Тургенев, Федор Глинка, Михаил и Иван Фонвизины, П. Х. Граббе, Якушкин, Бурцов, Охотников). Речь шла как на этом, так и на последующих заседаниях о программе и уставе нового тайного общества,— того, которое было намечено организовать после отсева ненадежных членов, за ширмой постановления о ликвидации Союза Благоденствия.

С полной ясностью пишет обо всем этом Якушкин в своих «Записках»: «Прежде всего было признано нужным изменить не только устав Союза Благоденствия, но и самое устройство и самый состав общества. В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определиться с большей точностью, нежели они были определены в уставе Союза Благоденствия, и потому можно было надеяться, что члены, в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое и, действуя единодушно, придадут новые силы Тайному обществу. Затем приступили к сочинению нового устава» [51].

Опуская детали прений по новому уставу, изложим результаты на основе сохранившихся источников. Наиболее подробен тут Якушкин. Он сообщает, что принятый устав делился на две части. Первая часть, несколько близкая к «Зеленой книге», предназначалась для вновь вступающих, не содержала формулировки политической цели тайного общества и была составлена Бурцовым. Вторая часть предназначалась для членов «выс-

шего разряда» и была написана Николаем Тургеневым. В ней содержалось определение конечной, «сокровенной» цели. Определение это на следствии передано Якушкиным так: «Главная цель общества состоит в том, чтобы приготовить государство к принятию представительного правления». «В «Записках» Якушкин выражается менее скромно: «Цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России». Но в то время как первая формула оставляет открытым вопрос о форме правления — конституционно-монархической или республиканской, вторая говорит уже прямо о конституционной монархии. Вместе с тем имелся и существенный элемент нового: «Чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай». Иначе говоря, «способы действия» разрешались уже коренным образом по-новому, было решено действовать путем решающего революционного удара «посредством войск». Однако это не была тактика немедленного военного выступления, предлагавшегося Орловым, а действие через постепенную подготовку войск, срок же самого революционного военного выступления определен не был [52].

Сопоставляя эту конечную цель с решением Петербургского совещания 1820 г. на квартире у Федора Глинки, мы видим ее несомненную эволюцию вправо. Если даже брать более общую формулу Якушкина, данную на следствии (борьба за «представительное правление»), допускающую два толкования — конституционно-монархическое и республиканское, то и тут невозможно сравнять ее с результатом поименного голосования у Глинки. Очевидно, Николай Тургенев, игравший на съезде, несомненно, ведущую роль, не был стойким республиканцем и спешно отступал от своего тезиса «президента, без дальних толков». Однако, взятая в целом, программа все же говорила о несомненном продвижении вперед, к несколько более последовательному пониманию роли революционного насилия, ломающего отжившее: решено было действовать посредством войск, т. е. применить силу оружия.

«Сокровенная цель» должна была быть известна лишь членам первой степени, в которую, по показанию Якушкина, «никто не мог быть принят без согласия на то главного правления общества». Местопребыванием главного правления был Петербург. Члены первой степени, т. е. входившие в высшее управляющее и законодательствующее ядро тайного общества (по Фонвизину, «незнаемые» члены,— термин отчасти совпадает с предложением М. Орлова), должны были руководить членами второй степени, для которых М. Фонвизин предлагал название «исполнителей». Главная цель общества оставалась неизвестной последним, они лишь постепенно приготовлялись к ее принятию. Во вторую степень члены общества принимались лишь при условии согласия на это «всех членов каких-нибудь двух отделений» общества. М. Фонвизин предлагал еще учредить третий разряд «нововводимых», но, повидимому, это предложение не было принято, так как Якушкин ни в «Записках», ни в неоднократных свидетельствах на следствии об этом не упоминает [53].

Все действия нового общества должны были быть окружены строжайшей тайной. Письменные сношения совсем прекращались, разрешалось лишь использовать членов второй степени для разъездов и устных сообщений. Введение строгой конспирации также нельзя не рассматривать как некоторое продвижение вперед по сравнению со старым уставом Союза Благоденствия.

Новое тайное общество получило новое название, однако никто из причастных к составлению нового названия не проговорился о нем на следствии. Оно остается нам неизвестным. Якушкин при допросах ссылался, что никак не мог припомнить этого названия («с изменением устава об-

щество получило другое название, которого я не припомню»). Можно заключить отсюда, что название отражало конечную цель и назвать его на следствии было не безопасно. Навстречу этому предположению идет и свидетельство П. Х. Граббе, что он решил отстать от общества именно тогда, когда увидел, что ему «ищут новое название». Очевидно, дело было не только в поисках названия, но и в самом названии [54].

Новые программа и устав были надлежащим образом оформлены и подписаны («устав был подписан всеми присутствующими членами...»,— пишет Якушкин).

Были приняты и организационные решения. На первых порах было решено завести четыре отделения, или думы, общества: в Петербурге, Москве, Тульчине и Смоленске, куда ехал Якушкин. Поэтому новую программу и устав размножили, сняв три рукописные копии. Подлинник взял Николай Тургенев для Петербурга, где должно было находиться Главное правление нового общества, одну копию снял Бурцов для Тульчина, с копии Бурцова Якушкин собственноручно переписал текст для предполагаемого Смоленского отделения, наконец, Иван Фонвизин взял копию для Москвы, поскольку именно ему было поручено основать московскую Думу общества. Повидимому, Михаил Фонвизин — человек, находившийся на действительной военной службе и зависящий от нее в своих передвижениях, не мог взять этой организации на себя, и ее поручили его брату, уже бывшему в отставке.

Но этого мало,— участники съезда сговорились и о характере дальнейшего подбора членов. Московский съезд решил отсечь от движения как его колеблющуюся, нестойкую часть, так и наиболее радикальные его элементы. Не только «ненадежным» членам, но и Пестелю с его «приверженцами» объявлялось, что общество распущено. Приходится признать, что дальнейшее поведение Бурцова на юге не зависело от его произвольного решения, а было указано съездом. Во всяком случае Якушкин свидетельствует, что Бурцов поставил в известность членов съезда о своем решении не привлекать более Пестеля в тайное общество и не встретил возражений. Бурцов, по характерному выражению Якушкина, брался «привести в порядок» Тульчинскую управу. По приезде в Тульчин он сначала должен был объявить всем об уничтожении Союза Благоденствия, а «вслед за тем известить всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава» и выразить надежду, что они «все к нему присоединятся под его руководством». В силу всего изложенного выше никак нельзя поверить показанию Бурцова на допросе, что он поехал на съезд 1821 г., якобы желая от тайного общества «отстать или содействовать даже к его разрушению». Напротив, он пытался организовать новое тайное общество [55].

На этом, собственно, и закрылся Московский съезд 1821 г. На последнем его заседании появился приехавший в Москву Михаил Муравьев, который также подписался под новым уставом,— очевидно, уже как лицо, принимающее его к действию, а не как член съезда.

Но произошло еще одно событие. В квартире Фонвизиных вновь неожиданно появился Михаил Орлов. Он приехал в полном дорожном снаряжении, в «дорожной повозке» (наверно, в том же своем «дормезе»), собранный к окончательному отъезду из Москвы, приехал будто бы проститься с Фонвизиным и Якушкиным перед отъездом на юг. Но, очевидно, не только проститься. Сопоставляя свидетельство Якушкина об этом посещении с оправдательной запиской Николая Тургенева, мы приходим к важному выводу: Орлов приехал сообщить, что о Московском съезде — именно о съезде, а не вообще о тайном обществе — уже известно правительству. Конечно, это было очень существенной информацией. При

прощании, показав на Якушкина, Орлов сказал, поминая о своем выходе из общества: «Этот человек никогда мне не простит», на что Якушкин, пародируя письмо Брута к Цезарю, ответил ему: «Если мы успеем, Михайло Федорович, мы порадуемся вместе с вами; если же не успеем, то без вас порадуемся одни». Так переданы эти слова в «Записках» Якушкина. В конце цитаты несколько нарушен логический ход мысли,— чему же радоваться, «если не успеем»? Но при всех чтениях этого текста ясно одно: Михаил Орлов этими словами (а наверно, говорились не только эти слова) оповещался о том, что общество не разрушено, а действует, причем рассчитывает на успех своих действий, а также надеется на то, что Михаил Орлов, может быть, к этим общим действиям вернется. После этих слов Михаил Орлов бросился обнимать Якушкина [56].

Двери тайного общества оставались, таким образом, открытыми для Михаила Орлова.

Якушкин показывает на следствии, что о решении основать новое общество за ширмой фиктивного закрытия старого были оповещены, кроме присутствовавших на съезде, еще Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Юшневский и Михайло Муравьев. Добавим к этому списку и М. Орлова с той оговоркой, что новый устав, повидимому, остался ему неизвестен.

Николай Тургенев привез устав в Петербург и сообщил о нем только Никите Муравьеву. Устав был спрятан Тургеневым в бутылку и засыпан табаком, как документ строго конспиративный [57].

Проезжая через Могилев, Бурцов известил Павла Колошина о разрушении Союза Благоденствия,— очевидно, он не считал его «надежным» членом [58].

Повидимому, члены съезда все же чувствовали себя удовлетворенными,— была даже сочинена какая-то насмешливая песенка об отсеявшихся и ненадежных членах, вышедших из общества после съезда 1821 г., (о ней упоминает в своих «Записках» декабрист Розен) [59]. Союз Благоденствия представлялся после решений Московского съезда не только пройденным, но и подлежащим осмеянию этапом. Позже декабристы с восторгом примут «Горе от ума», где в резко карикатурной манере высмеяно некое тайное общество, членом которого является Репетилов: «у нас есть общество и тайные собранья по четвергам. Секретнейший союз...». В этом обществе занимались, кажется, всем на свете: писали глубокомысленные записки «Взгляд и нечто» и вшестером «лепили» водевильчики, «схватывались» и о палатах депутатов, и о суде присяжных, и о Байроне; вперемежку с политическими темами Воркулов Евдоким поет итальянские романсы... «Шумим, братец, шумим». Вопрос Чацкого: «Шумите вы — и только?» — звучит как уничтожающая критика слева. Этап был пройденным, и сами декабристы, резко повернув путь, предавали отброшенные методы уничтожающему осмеянию. В новых условиях было не до объективных оценок; напротив, решительное отрицание старой формы помогало укреплению новой. Действовать надо было уже по-новому.

Конечно, постановления Московского съезда 1821 г. носят на себе отчетливо выраженную печать дворянской ограниченности. Она сказывается прежде всего в решении отсечь от движения наиболее радикальные элементы и в признании дееспособной лишь «средней» линии. Она выражена и в колеблющейся формуле конечной цели — борьбы за «представительный» строй без упоминания, о каком именно строе шла речь (явный шаг назад от Петербургского совещания 1820 г.). В дальнейшем политическая форма, принятая этой линией, окажется конституционной монархией. Сказывается эта ограниченность и в резком делении будущих членов на разряды, причем низший разряд не должен знать о конечной цели.

Но со всем тем постановления Московского съезда 1821 г. имеют и некоторые положительные черты, говорящие об общем продвижении вперед понимания задач организации. Эти положительные черты состояли в признании необходимости решающего революционного удара, в замысле подготовить войска и действовать вооруженной силой, в отсеивании «правых», колеблющихся элементов и в самом факте наличия утвержденного и скрепленного подписями программного документа с формулировкой конечной цели движения. Это уже была не пресловутая «вторая часть» «Зеленой книги», никем не утвержденная и так и застывшая в форме неодобренного проекта,— нет, это была уже утвержденная «вторая часть» устава, написанная и подписанная, и в ней фигурировало решение о борьбе за представительный строй. Требование строгой конспирации также говорило о дальнейшем организационном созревании общества. Особо надо отметить, что все эти революционно-дворянские решения были приняты не только в общей обстановке день ото дня свирепевшей реакции, бушевавшей после семеновских волнений и вестей о революционных победах Запада,— они были приняты, несмотря на тревожные и точные вести, что агенты царского надзора уже донесли правительству о существовании общества, даже о Московском съезде. Не роспуск организации, а лишь усиление конспирации было противопоставлено этим величайшим трудностям. Ни тревога вокруг доноса Ронова, ни сообщения Ф. Глинки, П. Х. Граббе и М. Орлова не помешали съезду собраться и разработать новую программу и устав организации. А, казалось, чего бы легче — взять и вообще реально ликвидироваться? Но этого не произошло. «Общество продолжалось».

Однако, несмотря на то, что решения Московского съезда все же говорили о некотором продвижении вперед программы и тактики декабристов, эти решения не несли в себе всех потенций движения, не вобрали в себя всю его, имевшуюся в тот момент налицо, идейную и организационную силу, и это было тяжелой отрицательной стороной решений. Это явственно сказывается в тех событиях, которые развернулись после съезда на юге и привели к организации Южного общества декабристов.

7

Подполковник Комаров вернулся в Тульчин раньше Бурцова (повидимому, в конце февраля 1821 г.) и первый сообщил Тульчинской управе о постановлении съезда. О каком постановлении? О том, что тайное общество ликвидировано. Но разве постановление съезда состояло в этом? Оно состояло в решении организовать новое общество под прикрытием этого фиктивного постановления, и новое общество уже имело утвержденную программу и устав. Но обо всем этом ни Пестелю, ни другим членам Тульчинской управы сообщено не было.

Как и следовало ожидать, Пестель и его товарищи решили этого сообщенного им постановления не признавать и считать Московский съезд превысившим свои полномочия: он мог, по мнению Тульчинской думы, лишь менять что-либо во внутренних «установлениях» Союза, но отнюдь не уничтожать его самого,— на это его никто не уполномачивал. Тульчинская квартира Пестеля стала центром, куда сходились недовольные постановлением, где возникли горячие споры о дальнейших действиях. Пестель в то время жил не один: как только Бурцов и Комаров уехали в Москву, Пестель перевез к себе на квартиру больного Ивашева и «ухаживал за ним как за братом». Во время возвращения обоих делегатов Ивашев чувствовал себя, видимо, значительно лучше и принимал горячее участие в этих подготовительных переговорах. В это же время посещали

Пестеля оба Крюковы, Вольф и дружный с Ивашевым Барятинский, принимавший активное участие в обсуждении создавшегося положения и горячо поддерживавший мысль о «продолжении» общества. По показанию Ивашева, лицом, объявившим первое — довольно беглое — сообщение Комарова остальным членам, был сам Пестель. «Все решились еще до возвращения Бурцова в обществе остаться» [60].

Именно А. П. Юшневскому еще до приезда из Москвы Бурцова пришла самостоятельная мысль воспользоваться постановлением съезда как способом очистить общество от колеблющихся элементов. Он советовался на этот счет с Пестелем, осталось и показание последнего об этом замысле: «...Говорил мне Юшневский прежде собрания Думы, что он намерен в оной представить обо всех опасностях и трудностях предприятия, дабы испытать членов и удалить всех слабосердых, говоря, что лучше их теперь от Союза при сем удобном случае удалить, нежели потом с ними возиться» [61].

Конечно, не было недостатка и в личных упреках Бурцову, которого никто из пославших его членов не уполномачивал закрывать общество. Позже Бурцов показывал, что его поведение на съезде вызвало настоящую ненависть Пестеля, который будто бы ославил его агентом тайной полиции [62]. Разумеется, члены, решившиеся еще до приезда Бурцова «продолжать общество», не были расположены к откровенности с этим последним. Некоторые члены южной организации предлагали скрыть от Бурцова настоящие их намерения к продолжению общества и сделать вид, что предложение Бурцова о ликвидации общества принимается. Этим у Бурцова была бы отнята дальнейшая возможность следить за обществом. Рекомендовались особая осторожность в дальнейших отношениях с Бурцовым, деланная холодность к обществу и его делам. Конспирация эта, как увидим ниже, была выдержана лишь частично.

Бурцов приехал в марте «с подробнейшими известиями». Сообщение Комарова было только предварительным,— съезд официально поручил именно Бурцову известить южных членов о принятых постановлениях. В руках Бурцова был письменный документ о закрытии Союза Благоденствия: Юшневский показывает, что Союз был объявлен уничтоженным «по разосланному объявлению Коренного Союза» [63].

Немедленно после приезда Бурцов созвал заседание всех тульчинских членов. Заседание состоялось в марте, вечером, в небольшом тульчинском домике, где жил Пестель. Тульчинская квартира Пестеля, скорее похожая на библиотеку, полная книг на политические и экономические темы и, как говорит Н. И. Лорер, «всевозможных конституций», явилась в этот вечер местом рождения Южного общества декабристов.

Известно, что на этом заседании Тульчинской управы в числе присутствующих были: Юшневский, Барятинский, Вольф, Аврамов, Ивашев, Басаргин, братья Крюковы. Председательствовал Пестель. Приехавший Бурцов подробно сообщил о принятом постановлении. «На такое объявление,— показывает Бурцов,— Пестель возразил, что московское собрание не вправе было уничтожить Союза, но токмо изменять учреждения оного и что он намерен завести новое общество. Некоторые из прочих членов изъявили мне свое негодование» (из них Бурцову запомнился персонально лишь Аврамов). Бурцов передает: «Аврамов, кажется, сказал, что не он общество, но оно его искало, потому удивляется, что оно же его оставляет». Таким образом, конспиративный образ действий по отношению к Бурцову выдержан не был. Исключением явилось лишь поведение Вольфа. Когда, объявив о ликвидации общества и выслушав возмущенный ответ Пестеля и возгласы негодования остальных, Бурцов покинул заседание, предложив всем последовать его примеру, вслед за ним вышел Вольф

и, без сомнения, иронически, из целей конспирации «поблагодарил» Бурцова «за сию решимость». Благодарность эту Бурцов, очевидно, принял за чистую монету (Ф. Вольф остался при этом ревностнейшим членом тайного общества). В дальнейшем не только Вольф, но и другие члены, например Крюков, Аврамов, вели себя с Бурцовым осторожно и делали вид, что к обществу охладели. Барятинский же, видимо, по пылкости своего нрава, не соблюдал этих предосторожностей, поэтому Бурцов сообщает в своих показаниях следствию, что «к концу 1821 года из всех преданных ему (Пестелю.— *М. Н.*) остался один Барятинский» [64].

После ухода Бурцова Пестель произнес речь, и надо думать, что это была одна из самых горячих и ярких речей, когда-либо им сказанных. Басаргин показывает, что Пестель «увлек всех силою своих рассуждений». Лишь только удалился Бурцов, «возвысив голос, Пестель обратился к нам и с искусством, ему свойственным, убеждал не расходиться, но, напротив, соединиться крепчайшими узами, подстрекая самолюбие каждого обязанностью к общему благу, любовью к отечеству». «В заключение своего выступления Пестель спросил присутствующих, считают ли они общество продолжающимся, на что последовали общие возгласы согласия. Барятинский показывает: «Полковник Пестель спросил, ужели собравшиеся в Москве члены имели право разрушить общество и согласны ли мы его продолжить? На что все единогласно изъявили свое намерение его продолжить». Все встали, разгоряченные, в приподнятом настроении, стали пожимать друг другу руки. «Все, не обинуясь, возгласили, что без дальних размышлений желают сохранить прежний состав. Тут и я, влекомый общим стремлением, дал руку»,— показывает Юшневский [65].

Далее Пестель вновь взял слово по вопросу об определении программной цели и основных уставных моментов нового общества. Он подчеркнул, что целью общества остается борьба за республиканское правление, согласно постановлению Петербургского совещания 1820 г. Пестель указывал на преемственность вновь возникающего общества с предшествующим: «Тульчинская управа решилась продолжать Союз Благоденствия»,— рассказывает об этом своем выступлении Пестель. «Прежнее значение было — революционный способ действия, а прежняя цель была Республиканское Правление, принятое обществом в 1820 году. При решении Думы о продолжении Союза были подтверждены как Республиканское Правление, так и Революционный способ действия. С и м н е н о в а я ц е л ь в в о д и л а с ь, н о с т а р а я, п р е ж д е у ж е п р и н я т а я п р о д о л ж а л а с ь... Когда рассуждали о цели, тогда первый вопрос был: изменяет ли общество прежнюю республиканскую цель или нет? Все единодушно и без противуречия подтвердили продолжение оной, причем я сам в пользу оной говорил...».

Кроме принятия цели общества, был еще одобрен и решительный революционный способ действия «посредством войск» с упразднением престола и в случае крайности с изведением тех лиц, «которые представят в себе непреодолимые препоны». Н. Крюков ярко формулирует свое впечатление о закреплении этих важнейших моментов программы постановлением собрания. Он свидетельствует, что было принято решение «о разрушении существующего порядка вещей во что бы то ни стало» [66].

Пестель вторично показывает в другом месте: «1) Республиканское правление было обществом за цель принято в 1820-м году и при возобновлении или продолжении Союза было оное яко цель общества подтверждено. Следовательно, после этого не имел я даже надобности вновь их согласия требовать, 2) Революционный способ действия во что бы то ни стало, составлял предположение, обществом принятое, как в прежнем пункте объяснено» [67].

В этой второй речи на учредительном заседании Южного общества Пестель поставил вопрос о цареубийстве. В памяти Барятинского сохранились его предложение и некоторые последующие детали: «Пестель, объясняя подробно, что общество рушилось от несогласия в цели и средствах, положил необходимость определить оные и вследствие сего сказал, что для введения нового порядка вещей нужна необходимо смерть блаженной памяти государя Александра Павловича и что он на сие дает свое согласие, и предложил нам, чтобы мы оное дали. Тут полковник Аврамов встал и сказал, что он желает конституцию, а не другого рода правление, и начал спорить с Пестелем и, кажется, с Юшневским. Но когда ему стали они доказывать, что цель [и] есть конституция, но что ее невозможно получить и сохранить при царствующем тогда государе... то он Аврамов сказал: «ето без сомнения, я сам ето знаю». После сего все мы преступно решили вопрос согласием на смерть» [68].

После второго выступления Пестеля слово взял Юшневский. Главным содержанием его речи был вопрос о проведении в жизнь заранее условленного с Пестелем «очищения» общества от колеблющихся. Юшневский обратил внимание членов на трудности, перед ними стоящие, говорил о необходимости выхода колеблющихся из общества. Предыдущее выступление Аврамова давало этому естественный повод. Барятинский подробнее других рассказывает об этом выступлении Юшневского: «В конце заседания Юшневский, сомневаясь в Аврамове, читал краткую речь, им сделанную, которой, метя на его, он вообще говорил, что не стыдно оставить Общество, когда не чувствуешь себя способным к оному». Пестель показывает об этом же выступлении Юшневского: «Юшневский проговорил свою речь, которая не только никого не удалила от Союза, но напротив того, самолюбие каждого подстрекнула, и полковник Аврамов первый сказал, что ежели все члены оставят Союз, то он будет его считать сохраненным в себе одном. После его все члены объявили намерение оставаться в Союзе» [69].

На этом же собрании было подтверждено основное решение о способе революционного действия путем военного удара. Барятинский включает в описание первого собрания слова: «Я забыл сказать, что решено было все сие учинить посредством войск». Учредительное совещание по организации Южного общества мы можем поставить в тесную преемственную связь с ранее бывшим совещанием у Шипова. Тут также вновь возник и вновь был решен положительно (подтвержден) вопрос о диктатуре Временного революционного правительства как единственный способ сохранить порядок во время переворота и избежать междоусобной войны [70].

На втором заседании Южное общество получило оформленную организационную структуру: Пестель был избран председателем, Юшневский — блюстителем общества. Тот и другой вместе составили Директорию Южного общества, третьим членом которой был утвержден Никита Муравьев. Смысл избрания последнего был вполне ясен, поскольку Пестель и его товарищи не мыслили себе революционного выступления без участия революционной организации в столице. И теперь сохранялся принятый ранее план действий: начало выступления должно было быть в Петербурге, поддержка его — на юге.

Вопрос о строгой внутренней дисциплине и подчинении руководству также был поставлен на втором заседании. Это была новая, отличительная черта только что возникшего Южного общества по сравнению с Союзом Благоденствия. Ивашев подчеркивает, что разница Союза Благоденствия с Южным обществом декабристов — в диктаторской власти избранных в последнем начальников. На втором из учредительных собраний

Южного общества был установлен характер взаимоотношений между членами Директории: каждый из них в случае неотложной необходимости действовать мог принимать единоличные решения именем Директории, предполагая согласие отсутствующих в данный момент членов. Позже Пестель говорил об этом Трубецкому: «Южная директория состоит из двух членов, которые не клятву дали, но взаимно друг друга разрешили (поелику в разных местах находятся) действовать в случаях, не терпящих отлагательства, именем Директории без предварительного между собою сношения, в полной уверенности, что другой член подтвердит его действие...». Вопрос о порядке действий членов Директории должен был возникнуть в непосредственной связи с ее выборами. Дирекция выбиралась не только как орган диктатуры в узком смысле слова — для распорядка внутренней жизни общества: она была прежде всего центром будущего революционного штаба, органом, руководящим революционными действиями, развитие которых могло быть внезапным. На этот случай и было необходимо принять решающие организационные меры [71].

На учредительных собраниях Южного общества был также обсужден и вопрос о способе принятия новых членов. Вновь вступающий должен был дать обещание («честное слово») хранить тайны общества и повиноваться его постановлениям. Никаких особых клятв не полагалось. Барятинский показывает об этом так: «Утвердительно представляю, что не было положено, чтобы одних членов иначе принимать, как других. Было сказано в начальном совещании, чтобы брать честное слово с принимающихся хранить тайны общества и ему повиноваться, и после мы на сей щот и не обращали внимания и потому, вероятно, всякой принимал, как хотел» [72]. Последнее замечание сомнительно, так как, рассматривая в разных случаях характер приема членов Южного общества, мы встречаем в основном соблюдение главных правил: предупреждение о хранении тайны в случае несогласия вступить в общество и «честное слово» или «клятву» при вступлении. Принимались члены, как правило, с разрешения членов Директории. Весьма обдуманный характер приема виден, в частности, на примере обсуждения попытки графа Витта стать членом общества.

После избрания Директории Южное общество было разделено на две управы с председателями во главе каждой. Председателем одной был выбран Ивашев, второй — Аврамов. Названия управ в делах не сохранились. В одной управе находились члены Аврамов, Вольф, Басаргин, в другой — Барятинский, Ивашев, Крюковы; точного распределения по управам других лиц мы не знаем. Пестель выставил обязательное требование, чтобы управы эти не имели между собой сношений, а связывались единственно с Директорией. Видимо, это было принято, но, конечно, не прошло в жизнь, так как было чересчур искусственным: члены вновь образованного общества имели слишком тесное соприкосновение в повседневной жизни [73].

На том же собрании встал вопрос и о ближайших действиях. Решено было действовать чрезвычайно осторожно, что было особенно необходимо в связи с усилением тайного наблюдения в армии после волнений Семеновского полка, когда правительственные агенты и наблюдатели были разосланы повсюду.

Ближайшим делом каждого становился на первых порах прием новых членов,— свою малочисленность новое общество сознавало как слабость. Но ни о каком периоде затишья или о перерыве, который якобы установился в начале жизни общества, не приходится говорить. Южное общество возникло и сразу начало действовать [74].

В ближайшее время после основания Южного общества Пестель уви-

делся с С. Г. Волконским и получил от него заверения, что он и В. Л. Давыдов останутся в обществе [75].

Между тем пока на юге развивались описанные выше события, западная революционная волна докатилась до самых границ России. В феврале 1821 г. вспыхнуло греческое восстание. Эпоха несла свое дыхание в обстановку учредительных собраний Южного общества, властно врываясь в тульчинский дом Пестеля с новыми вдохновляющими вестями. Едва ли не накануне возвращения Комарова (во всяком случае в близкие к этому дни) разнеслась весть, что 22 февраля 1821 г. хорошо знакомый декабристам князь Александр Ипсиланти, один из руководителей тайного общества «Фелике Гетерия» и завсегдатай дома Михаила Орлова в Кишиневе, тайно перешел по льду русскую границу — реки Прут вместе с братом и двумя слугами, был восторженно встречен на том берегу отрядом в две сотни всадников и поднял восстание в Греции. Уже на следующий день в Яссах он опубликовал воззвание о начавшемся восстании, адресованное ко всем грекам, томящимся под игом Оттоманской империи. А 27 февраля 1821 г. там же, в Яссах, торжественно освятили на молебне в церкви Трех Святителей знамена и меч Александра Ипсиланти.

Сейчас же вслед за переходом границы офицером русской службы Александром Ипсиланти к пограничному району действий начавшегося греческого восстания командование расположенной на границе второй армии поспешило послать для сбора сведений верного человека из своего штаба. Выбор пал на П. И. Пестеля. Когда вслед за этим дополнительного сбора данных об усиливающихся волнениях в Греции потребовали из Петербурга, штаб второй армии, возглавляемый П. Д. Киселевым, поручил новые поездки тому же П. И. Пестелю. Последний пишет в своей биографической анкете, что в это время «употреблен был в главной квартире 2 Армии по делам о возмущении греков и по сим же делам был трикратно посылан в Бессарабию, представив тогда начальству две большие записки о делах греков и турок, которые и были отосланы к министру иностранных дел» [76].

Первая поездка Пестеля в Бессарабию датируется в недавних исследованиях временем между 26 февраля и 8 марта, вторая — между 28 марта и 14 апреля 1821 г. Однако картина бурной обстановки возникновения южной организации еще не исчерпана сказанным. 26 февраля (10 марта н. ст.) началась революция в Пьемонте: восставший гарнизон Александрийской цитадели завладел крепостью, объявил свергнутым абсолютизм, провозгласил конституцию 1812 г.— ту же, которая была знаменем испанской революции 1820 г. События произошли как раз накануне того дня, когда в Яссах освещали знамена и меч греческого восстания [77].

Таким образом, учредительные собрания русского Южного общества собирались в самой бурной обстановке подъема двух новых европейских революций, одна из которых стояла буквально у порога. Вокруг все гудело слухами, что русская армия поможет единоверным грекам, восставшим против их вековых притеснителей. Что перевесит? Желание царского правительства помочь восставшим единоверцам или верность идеям реакционного Священного Союза? Ведь турецкий султан — «законный» властитель христианского населения Балканского полуострова и восставать против него столь же «недопустимо», как французам против Бурбонского дома? Приходили известия, что русская армия будет двинута за границу, даже начинались к этому приготовления, и нетрудно понять, с какой тревогой относились русские революционеры — военные — к мысли, что будут брошены на подавление восстания в Италии, и как, наоборот, радовались слухам, совсем обратным по сокровенному смыслу, о военных действиях против турок и помощи восставшим грекам. Когда Пестель в своих

докладных записках с жаром доказывал необходимость двинуться на помощь восставшей Греции, он работал в условиях острой альтернативы: или вмешательства России в греческое, или в пьемонтское восстание. Одно исключало другое. Одного требовал, другого не допускал тот же Священный Союз. В первом случае неизбежна была бы страшная для декабристов перспектива вынужденного участия в борьбе против революционного восстания, во втором эта перспектива начисто исключалась (не помогать же русскому царю своими войсками турецкому султану!) и заменялась военной помощью восставшим грекам, т. е. объективной акцией в пользу революционного восстания. Акция эта к тому же неизбежно заставила бы треснуть Священный Союз, о чем декабристы могли думать лишь с бурным восторгом. Учитывая позицию, занятую по отношению к греческому восстанию Пестелем, никак нельзя забывать этой альтернативы, самой яркой черты создавшейся реальной обстановки. Настаивая в своих докладных записках на вмешательстве в греческие дела, Пестель отвлекал царизм от интервенции в Пьемонт. Описанная альтернатива и была первой силой, которая водила пером Пестеля, составлявшего свои записки о греческом восстании и настаивавшего на необходимости вооруженного вмешательства России в пользу греков. Конъюнктура изменилась лишь не ранее 10 апреля (н. ст.) 1821 г., когда вступившие в Пьемонт австрийские войска подавили революцию.

Исходя из всей совокупности изложенных выше данных, можно прийти к предположению, что Комаров, повидимому, приехал в Тульчин и объявил о роспуске общества до первой поездки Пестеля по делам греческого восстания, т. е., согласно предложенной выше датировке поездки Пестеля, до 26 февраля 1821 г. Но Бурцов, связанный служебной командировкой, задержался, а до его приезда, поскольку он вез официальное постановление Московского съезда о закрытии общества, учредительного собрания южной организации еще и не могло быть. Поэтому приходится признать необоснованной предложенную в литературе датировку основания Южного общества началом февраля 1821 г.,— Бурцов в это время еще не вернулся на юг. Первоначальное свидание южан с вернувшимся на юг Комаровым могло состояться до 26 февраля, а встреча с Бурцовым и последующие учредительные собрания, основавшие Южное общество, повидимому, произошли между 8 и 28 марта 1821 г.

8

Решение основать Думу тайного общества в Петербурге было, как мы помним, принято на Московском съезде 1821 г. Николай Тургенев получил для этого на руки новые устав и программу, с которыми познакомил Никиту Муравьева. Он рассматривал эти документы как строго конспиративные и, как указывалось, хранил их в бутыли засыпанными табаком.

Петербургская дума еще на съезде 1821 г. рассматривалась как руководящая организация общества. Одновременно или почти одновременно с возвратом Николая Тургенева в Петербург и его первыми переговорами с Никитой Муравьевым о создании нового тайного общества происходили описанные выше учредительные заседания только что основанного Южного общества, на которых Никиту Муравьева выбрали одним из директоров этого общества. Но выбрали его не для непосредственного управления Южным обществом, от которого он территориально отстоял на тысячи верст, а для связи с предполагаемым Северным обществом, которое, по убеждению Тульчинской думы, обязательно должно было возникнуть и без которого она не мыслила ни своей деятельности, ни

открытого военного выступления. Эта особенность является одним из важных доказательств внутреннего единства декабристского движения, превалирующего над разногласиями. Конечно, Пестель оповестил Никиту Муравьева о выборе его в Директорию и, надо думать, незамедлительно, так как Пестель и южные члены горели желанием приступить к делу. При всей своей скрытности Никита Муравьев вынужден был показать на следствии, что он знал, что выбран в Директорию Южного Общества [78]. Отсюда следует, что Северное общество в зародыше своем возникало одновременно с Южным и мыслилось югом не как самостоятельное, а как органическая часть будущей единой системы.

В силу этого было бы неточным считать 1822 год годом основания Северного общества,— это лишь год усиления и активизации его работы. Возникновение Северного общества произошло почти одновременно с возникновением Южного, и их общий генезис — только совсем по-разному — связан с решениями Московского съезда 1821 г. [79]

Старый член Союза Спасения Павел Лопухин в своем письме к Левашову (включенном в его коротенькое «дело») пишет: «В 1821 году Никита Муравьев сообщил мне о том, что общество распалось... и что он намеревался организовать другое...». По словам Лопухина, Муравьев тогда же сказал ему, что пока в новом обществе членов мало: «он и Лунин, и они рассчитывали еще на третьего — Пестеля». Таким образом, Никита Муравьев почему-то не назвал Лопухину Николая Тургенева, от которого только что получил новый устав. В тот момент, следовательно, эмбрион северной организации насчитывал только четверых: Никиту Муравьева, Лунина, Лопухина, Пестеля. Лопухин далее дает важное свидетельство, что имело место несколько «совещаний о устроении общества»,— это уже несомненная деятельность новой организации. Но еще существеннее другое: оказывается, Лопухин по поручению Никиты Муравьева отвез Пестелю на юг важнейшие документы о возникновении нового общества: «Накануне отъезда моего,— повествует Лопухин,— Муравьев дал мне проект учреждения общества и присягу литографированные» и письмо к Пестелю, в котором был вложен такой же проект. Лопухин вместе с отцом ехал в Киев. «Проезжая ночью через местечко, где Пестель стоял с полком, я на минутку ходил к нему, разбудил его и отдал ему письмо» [80].

Из этого очень важного свидетельства можно сделать несколько выводов. Очевидна, во-первых, активность Никиты Муравьева по организации Северного общества и именно с учетом предложений Пестеля: Никита Муравьев называет Пестеля в числе членов вновь образуемого Северного общества, посылает ему литографированные «проект» учреждения общества и присягу. Очевидно, это не программа и устав, утвержденные на Московском съезде 1821 г.: те не «проект», они утверждены и подписаны и посланы на юг с Бурцовым, но с наказом не давать их Пестелю. Очевидно, это нечто другое. Более того, Никита Муравьев пояснял Пестелю, посылая второй вариант конституции, написанной в форме конституционно-монархической, что форма эта принята лишь для вида, для того, чтобы «сблизиться с понятиями вновь вступающих в общество членов». Отсюда следует, что вновь вступающим членам сообщался проект конституции, иначе говоря, они осведомлялись об основной политической «сокровенной цели» общества, об его основной программе. Между тем по проекту, принятому на съезде 1821 г., как мы помним, вновь вступающие члены не ставились в известность об основной цели,—они должны были быть лишь «исполнителями», знать, как пишет Якушкин в своих «Записках», примерно лишь те «филантропические цели», что и в первой части «Зеленой книги». Таким образом, необходимо прийти к выводу, что литогра-

фированный устав, переданный ночью в Тульчине Пестелю Лопухиным, отличался (причем весьма существенно) от устава, принятого и подписанного на Московском съезде [81].

Добавим для полноты картины, что остановиться в Тульчине по дороге из Петербурга в Киев можно, лишь сделав порядочный крюк. Тульчин сильно западнее этого пути, и для заезда в него необходимо свернуть с дороги. Очевидно, Лопухин и сделал этот поворот специально для ночного свидания с Пестелем по самым конспиративным делам общества.

Из всего сказанного ясно, что Никита Муравьев заключил союз с Пестелем, согласился действовать заодно с ним через голову умеренных элементов и проект программы и устава, литографированные им, вероятно, совместно с Луниным, на недавно купленном литографском станке (вот он и пошел в ход!), были «левее» постановлений Московского съезда.

Останавливает на себе внимание и то, что, сообщая Лопухину имена членов нового общества (Никита Муравьев, Лунин, Пестель), Никита Муравьев почему-то не упоминает о Николае Тургеневе, который, как помним, был выбран Московским съездом в качестве главного организатора Петербургской думы, т. е. «Главного правления» предполагаемого общества.

Таким образом, действия Никиты Муравьева на этом этапе весьма решительны и самостоятельны. Он из Петербурга подает руку в Тульчин, встречая там руку Пестеля республиканским рукопожатием...

Но картина основания Северного общества пока неполна,— в действительности она была еще более сложной. Бывший секретарь Союза Благоденствия Степан Семенов, пользовавшийся симпатиями Николая Тургенева, дает достоверное свидетельство о характере действий самого Тургенева. На севере сейчас же после решений Московского съезда произошло некоторое раздвоение движения, что явно говорило о внутренней борьбе противоречий. Хотя Николай Тургенев и сообщил Никите Муравьеву о решениях Московского съезда, но далее почему-то стал действовать без него. Семенов помнит то учредительное заседание Северного общества, которое было созвано на квартире Тургенева сейчас же по возвращении его с Московского съезда. Он показывает, что, вернувшись из Москвы, Тургенев «объявил наличным [членам] об уничтожении общества. В то же время Тургенев располагался, выбрав некоторых членов уничтоженного Союза, вновь учредить тайное общество. Для чего из прежних членов приглашены были Оболенский, Нарышкин и я да вновь принятый полковник Митьков, Яков Толстой и Миклашевский. Все сие происходило перед выступлением гвардии в поход» [82].

Гвардия ушла в поход в Литву в апреле-мае 1821 г. Александр I надеялся этим походом «проветрить» головы вольнодумцев после семеновских волнений, удалить беспокойную гвардию из столицы и тем содействовать успокоению умов. Исходя из приведенного выше свидетельства Семенова, можно заключить, что Николай Тургенев действовал безотлагательно: в январе-феврале он был еще в Москве и затем в своем имении [83], а до апреля-мая уже успел переговорить с Никитой Муравьевым, очевидно, встретить с его стороны обоснованную и, может быть, даже несколько возмущенную критику постановлений Московского съезда, понять, что они не совсем одинаково мыслят по ряду существенных вопросов, и созвать описанное Семеновым совещание, на котором не упомянуто о присутствии Никиты... Заметим, что состав совещания сильно опирается на Измайловское общество Союза Благоденствия (Оболенский, Миклашевский и др.) и на старых членов Союза, пользующихся личным доверием Тургенева.

Таким образом, Северное общество декабристов образовалось сразу после Московского съезда 1821 г., очевидно, в марте-апреле этого же года, и на первых порах возникло в виде двух сосуществующих северных «эмбрионов». Первым из них было общество, возглавленное Никитой Муравьевым, которое возникло, сформировалось, написало проект своих более радикальных программ и устава, нежели постановления Московского съезда, и подало руку союза Тульчинской думе с Пестелем во главе. Вторым было общество, возглавленное Николаем Тургеневым, сильно опиравшееся на Измайловское общество и действовавшее, очевидно, в соответствии с программой Московского съезда. Автором наиболее ответственной части этой программы, как раз и формулировавшей «сокровенную цель» конституционного устройства (ограниченной монархии), был не кто иной, как сам Николай Тургенев. Забегая вперед, заметим, что оба соперничающих «эмбриона» весны 1821 г. вскоре уладят разногласия и сольются в одно Северное общество и что Никита Муравьев, ища единства, пододвинется к Николаю Тургеневу. Единство всей северной организации на более умеренной платформе продержится вплоть до 1823 г., когда всю силу борьбы и революционной работы возьмет на себя более демократическое — «рылеевское» — течение.

Мы довели, таким образом, изучение движения декабристов до весны 1821 г. Московский съезд, употребляя своеобразное выражение Михаила Фонвизина, постановил «распущение общества Зеленой Книги». Но это «распущение» было одновременно исходным моментом создания новых организаций. Вместо одной предполагаемой организации по описанным выше причинам создалось две: Южная и Северная. В них боролись внутренние противоречия, но все же противоречия отнюдь не раздирали надвое основного ствола движения. Дворянские революционеры — борцы против крепостного права и самодержавия — продолжали свою работу, причем не стояли на месте, а двигались вперед в своем развитии. Концентрация сил, прием новых членов, а главное — углубленная работа над программой, работа, практически вылившаяся в создание конституционных проектов, стояла на очереди.

Глава IX

ЮЖНОЕ И СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВА С ВЕСНЫ 1821 г. ДО НАЧАЛА 1823 г.

(ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ)

1

Период с весны 1821 по начало 1823 г. отчетливо выделяется в движении декабристов. Это — этап становления как Южного, так и Северного обществ: в эти годы оба общества оформились организационно, провели первоначальную работу над программой, уяснили свои противоречия и осознали необходимость совместных действий.

Исходная дата периода — 1821 год — вполне ясна как начальный момент нового этапа: это — год Московского съезда и начала серьезной перестройки принципиального характера. Перестройка эта осуществлялась в Северном обществе с 1821 г. по начало 1823 г. под идейным руководством Никиты Муравьева и Николая Тургенева, противопоставивших свою умеренную программу более демократическим решениям юга. В 1821—1822 гг. создан первый дошедший до нас вариант конституции Никиты Муравьева, отразивший эту работу. 1822 год для Северного общества является последним годом «муравьевского периода», кануном вступления в общество Рылеева и создания той рылеевской группы, которая и вынесет на своих плечах организацию восстания 14 декабря 1825 г. И в Южном обществе в указанный период протекает организационная работа по укреплению намеченных на учредительных собраниях управ и интенсивный труд над программой. Для юга 1822 год — это год первого Киевского съезда руководителей южной организации, съезда, положившего начало той структуре, которая и осталась характерной для Южного общества в последующий период и более принципиально не менялась; Киевский съезд 1822 г.— что еще более важно — обсудил общие основания будущего конституционного проекта Южного общества и дал членам целый год для обдумывания и обсуждения изложенной программы, которую положено было рассмотреть и принять в целом на съезде руководителей Южного общества в начале 1823 г.

К 1822 г. относится разгром правительством Кишиневской управы — это серьезное событие для движения декабристов, взятого в целом, а не только для его южной организации. Тайное общество с честью выдержало это тяжелое испытание и извлекло из него нужные уроки. Вырабатываются новые формы конспирации — ее улучшение властно диктуется разгулом реакции, ростом слежки и репрессий, усилением наблюдения: 1822 год является годом запрета каких бы то ни было обществ и масонских лож правительством Александра I. Существенным рубежом является конец 1822 — начало 1823 г. в международных отношениях и в истории европей-

ского революционного движения: на это время падают постановления реакционного Веронского конгресса об интервенции в революционной Испании, а в начале 1823 г. и самая интервенция. События эти воздействуют, как будет показано ниже, и на историю тайной организации. С 1823 г. оба общества — и Северное и Южное, осознав как свои разногласия, так и необходимость общих действий, вступают в период планомерных переговоров о «соединении» обществ. Реальная работа над этой — важнейшей в декабристском движении — проблемой является характерной и ведущей уже для последующего периода движения.

Дальнейшее изложение более подробно раскроет мотивы, в силу которых исход 1822 — начало 1823 г. являются существенным рубежом во внутреннем развитии движения декабристов. Время с весны 1821 по начало 1823 г. можно назвать периодом становления как для Северного, так и для Южного общества. Придерживаясь основной линии исследования — анализа движения в целом, мы и выделяем этот период в самостоятельную главу.

2

После бурных учредительных совещаний ранней весной 1821 г. жизнь южной организации, несомненно, не замерла, а двинулась вперед. Когда сейчас же после учреждения Южного общества Пестель вновь отправился в Кишинев и в близкие к нему места с правительственным поручением собрать новые данные о восстании и для переговоров с Михаилом Суцо, он, надо думать, использовал эту поездку для связи с Кишиневской управой Михаила Орлова. Далее будет показано, что Кишиневская управа бывшего Союза Благоденствия не отказалась от участия в дальнейшей жизни тайного общества.

Во время своих поездок в Кишинев Пестель несколько раз виделся с А. С. Пушкиным. Нам известно, что они беседовали целое утро 9 апреля 1821 г., вместе были у князя Михаила Суцо, примерно между 25—27 мая, а в день рождения Пушкина, 26 мая, Пестель вместе с генералом П. С. Пущиным («грядущим Квирогой») был у Пушкина после обеда. После первого же свидания Пушкин сделал свою знаменитую запись в кишиневском дневнике: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» Поскольку в этой же записи сказано, что «вчера» Пушкин узнал от Дм. Ипсиланти (брата Александра), что «греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский», можно не сомневаться, что у собеседников шла речь и о греческом восстании, а заодно, вероятно, и о пьемонтских событиях. Поэтому «политические» темы знаменитого разговора расшифровываются как революционные.

Обстоятельные донесения Пестеля о греческом восстании, сохранившиеся в архивах, говорят о том, как детально познакомился он со всей обстановкой и какую широкую информацию о восстании успел собрать. Мы располагаем подробными докладными записками Пестеля о греческих делах (главнокомандующий Витгенштейн пересылал их Нессельроде). Собирая сведения, Пестель побывал в ряде мест, в том числе в Скулянах, но не исключена возможность, что он продвинулся и дальше. В переписке его родителей сохранены сведения, что Пестель будто бы побывал переодетым в Яссах, явившихся в тот момент одним из центров восстания. По установившейся практике военный разведыватель, посылаемый с секретным поручением того типа, которое получил Пестель, имел

обязательство и право собирать нужные сведения любыми способами. Ссылка на то, что Пестель не упоминает в своих донесениях именно об этой форме сбора им сведений, не снимает вопроса об ее возможности. При всех условиях ясно, что после поездки Пестеля Южное общество стало располагать подробным материалом по ходу греческого восстания и уделило ему немалое внимание в своей идейной жизни 1821 г. [1]

В комплексе «Русской Правды» место 300-го листа занимает интересный набросок, сделанный рукой Пестеля, под несколько неожиданным названием «Царство Греческое». Он представляет собой перечень провинций европейской части Оттоманской империи, причем после выделенных общих названий (Валахия, Булгария, Романия, Сербия, Босния, Албания, Ливадия, Морея, Фессалия, Македония) следует словесное описание пограничной линии провинции; в первой части списка, сделанной более тщательно и под номерами, указывается и главный город провинции. Константинополь и его «округ» в списке не фигурируют. Кроме географических обозначений, список не содержит ничего, но необычное заглавие и сохранение списка в составе «Русской Правды» заставляют задуматься над его происхождением и целью. Против того, что данный список является личным политическим творчеством Пестеля, отражающим его собственное представление о желательной форме будущего устройства послереволюционной Греции, говорят два обстоятельства: республиканец Пестель стал ли бы проектировать монархию, ц а р с т в о греческое после революции? Если даже отвести это предположение соображениями о применении монархической терминологии в конспиративных целях, остается возражение о самостоятельном выделении областей Греции, свидетельствующее как будто в пользу федеративного принципа организации, последовательным противником которого Пестель был всю жизнь. Едва ли Пестель нарушил бы этот принцип для Греции. Сохранение наброска в комплексе «Русской Правды» свидетельствует о каком-то его революционном значении,— не стал бы Пестель, строго отбирая важный революционный материал, который хотел в тревожные дни арестов хранить самым конспиративным образом в комплексе «Русской Правды», включать туда бумажку, не имеющую значения для его революционных соображений [2].

Правдоподобно предположение, что данный набросок представляет собой одно из предложений гетеристов, со многими из которых Пестель виделся во время своих поездок в Бессарабию и которое он записал при встрече. Если так, то данный набросок может быть одним из вариантов тех предположений, которые принадлежали самим руководителям греческого восстания,— очевидно, наиболее умеренного их течения. Россия оказывала в желательном для них варианте вооруженную помощь восставшим против турок балканским народам и образовывала под своим покровительством независимо существующее «Царство Греческое», являвшееся федерацией отдельных самостоятельных областей. Константинополь в этом варианте, повидимому, выделялся в особую единицу (может быть, являлся свободным городом?) и не входил в «Царство Греческое», поэтому его и нет в перечне наброска. Руководители греческого восстания могли предложить через Пестеля этот план русскому правительству за его предполагаемую помощь. Отсюда необходимость зафиксировать их предложение на бумаге, что и было сделано Пестелем в данном наброске. Что касается соображения, что для такого наброска нужна была географическая карта, то не говоря уже о том, что Пестель легко мог запастись картой при отъезде в командировку, сколько угодно карт, в том числе и военных, могло быть в его распоряжении в Кишиневе — лично у Орлова или в штабе дивизии, в порядке официального хранения. Как предложение, исходящее от революционной организации или отдельных ее предста-

вителей, Пестель и сохранил этот набросок в составе «Русской Правды» для учета при детализации своих дальнейших внешнеполитических планов в случае успеха предполагаемого русского восстания. Тот факт, что гетеристы во время поездок Пестеля делились с ним своими будущими планами, даже гораздо более радикальными, чем приведенный выше, засвидетельствован в докладных записках самого Пестеля по греческим делам. Во второй его записке мы читаем: «Желание греков, на случай совершенного успеха, состоит в образовании федеральной республики на подобие Американских Соединенных областей. Сие подобие не в верховном правлении состоит, но в том, что каждая особенная область будет иметь частное свое особенное правление с своими законами и только в общих государственных делах совокупно с прочими действовать. Сия мысль греков основана на чрезвычайно большом различии между нравами, обычаями, понятиями и всем обрзом мыслей различных народов, Грецию населяющих». Как видим, у гетеристов имелся и свой республиканский вариант [3].

Возвращаясь к деятельности Тульчинской управы после учреждения Южного общества, заметим, что дело не ограничилось связью ее с Кишиневской управой.

Если учесть свидетельство Матвея Муравьева-Апостола о том, что Пестель в 1821 г. приезжал в Полтаву вместе с молодым Витгенштейном и искал там членов тайного общества (очевидно, по линии бывшей масонской организации Новикова), то линия Пестеля на концентрацию сил Южного общества станет еще явственнее. Ведь М. Н. Новиков, по свидетельству того же Матвея Муравьева, организовал ложу в Полтаве со специальной целью: «для приготовления в ней людей, способных ко вступлению в общество». Он возобновил связи с Кишиневом, пробовал опору и в Полтаве. Таким образом, замысел создать возможно более широкую сеть управ «правого и левого флангов», очевидно, уже тогда носился перед ним.

Между тем в феврале 1821 г. с севера на юг из расформированного Семеновского полка уже отправлялись исключенные из гвардии бывшие семеновские офицеры. В их числе находился и один из членов-учредителей тайного общества — Сергей Муравьев-Апостол. Несколько позже выехал из столицы на юг будущий активнейший член южной организации М. П. Бестужев-Рюмин. С их прибытием в состав южных членов тайного общества вольется значительная идейная и организационная сила — его актив существенно пополнится.

Идейную жизнь Южного общества в 1821—1823 гг., конечно, невозможно восстановить полностью. Однако тем драгоценнее ее следы, то тут то там разбросанные в документальном материале. В первое время жизнь вновь образованной организации не была богата внешними событиями, хотя внутренняя жизнь общества кипела. Шла глубокая и усиленная работа над программой и теоретической разработкой вопросов тактики, над осмыслением опыта южноевропейского революционного движения. «Мы часто собирались вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу свои задушевные помыслы, желания, сообщали все, что могло интересовать общее дело, и, натурально, нередко очень свободно, скажу более, неумеренно, говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца. Разумеется, в этих собраниях первенствовал Пестель. Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия»,— пишет Н. В. Басаргин в своих «Записках». Это свидетельство относится и ко вновь образованному Южному обществу. Одним из первых поручений Пестеля «тульчинским политикам» был перевод некоторых мест из книги Баррюэля о «Вейсгауптовом тайном обществе». Если вспомнить, что речь идет об обществе иллюмина-

тов — республиканцев, сторонников тираноубийства и строжайшей внутренней дисциплины, скрытой под масонскими формами, то это поручение надо связать с разработкой вопросов конспирации и вообще организационных форм тайного общества. Выписки из книги Баррюэля поручено было сделать Крюкову, Барятинскому и Ивашеву, по собственному показанию последнего,— более всего ему [4].

Важнейшие программные положения были ясны для членов новой организации уже в силу прежней работы в Союзе Благоденствия: они были зафиксированы в постановлениях съезда Коренной управы в 1820 г., когда победила линия Пестеля. Освобождение крестьян с землей, установление республики и как путь к ней — цареубийство были той платформой, на основе которой сложилось Южное общество. Тот, кто этой платформы не разделял, отпал сам собой, не примкнув ко вновь образованной организации во время бурных мартовских заседаний 1821 г. Построение тактических планов и конкретизация принятых программных пунктов требовали дальнейшей разработки. Как освободить крестьян, как разрешить аграрный вопрос, как построить центральную и местные власти и как провести самый переворот — все это были насущные, животрепещущие вопросы, подвергавшиеся живому обсуждению. Последний вопрос (о тактике проведения революционного переворота) имел особую конкретность для декабристов — военных людей, привыкших к детализации оперативных планов. Одним словом, политическая мысль в то время кипела в Тульчине, и кипение это было заметно даже сторонним наблюдателям.

Служивший во второй армии по квартирмейстерской части Бобрищев-Пушкин, живший со своим братом в 30 верстах от Тульчина в местечке Немирове, не раз слышал рассказы о тульчинских спорах от своего хорошего знакомого офицера Н. Крюкова. Бобрищев-Пушкин и члены дружеского кружка, в который входил подпоручик Заикин, за зиму 1821 г. еще теснее сблизились между собой, много занимаясь военными науками. Сначала они несколько скептически отнеслись к рассказам Крюкова и даже пустили в оборот насмешливое прозвище — «тульчинские политики». Но постепенно рассказы о «тульчинских политиках» стали их все более интересовать и подход последних к вопросам, связанным с «худым порядком вещей» в России, показался им убедительным. Содействовали этой перемене настроения и слухи, что Пестель и Юшневский — «умнейшие и образованнейшие люди в свете». «И, наконец, в 1822 г., прибыв раз в местечко Тульчин с Крюковым 2,— рассказывает Павел Бобрищев-Пушкин,— остановился я у его брата Крюкова 1 на квартире, где князь Барятинский после подобного разговора сказал мне: «Что ж,— худое можно исправить» и предложил мне вступить в политическое общество. На что я сказал ему, что я «не вступлю, не знав цели оного». На сие сказал он мне что «цель открывается после, когда вступишь, а во удостоверение того, что она хороша, я скажу тебе, что твой брат там, Пестель и Юшневский». Этот аргумент оказался решающим. Бобрищев-Пушкин 2 «нимало не колеблясь дал ему клятву быть их членом». В лице Бобрищева-Пушкина в общество вступил деятельный член, который многое сделает для тайного общества в тревожные дни кануна восстания. Этот случай, рисующий характер приема в новое общество, иллюстрирует то, как тульчинский кружок пополнялся новыми членами и численно возрастал [5].

Тульчин оставался центром жизни Южного общества, несмотря на частые разъезды членов и служебные перемещения. С 1821 г. Пестель живет в Линцах, где стоял его полк, но, часто приезжая в Тульчин, не прерывает связи с тульчинским коллективом. Будучи главной квартирой второй армии, Тульчин легко сохранял роль центра. В условиях военной службы с постоянными приездами в штаб, к тому же при наличии членов-

кавалеристов, легкой возможности передвижения и небольших пространств, было довольно легко вновь и вновь появляться в Тульчине.

После основания Южного общества Пестель, вероятно, особенно усиленно работал над своим конституционным проектом. Широкий круг вопросов, связанных с ним, дебатировался в тульчинской организации. Споры заставляли углубляться в политическую литературу. Монтескье, Детю де Траси, Мабли, Гельвеций, Руссо, Вольтер, Беккариа привлекались для комментария русской действительности. «Политические книги у всех в руках, политические науки везде преподаются, политические известия везде распространяются. Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства — хвалить одно, хулить другое»,— показывал Пестель [6].

Если рисовать культурную жизнь Тульчинской управы в ее полноте, надо отметить, что политические разговоры сменялись подчас чтением стихов и музицированием. Среди «тульчинских политиков» были поэты: А. П. Барятинский, В. Ивашев, а братья Бобрищевы-Пушкины уже имели к этому времени литературное имя — басни одного и оды другого уже печатались в сборнике «Каллиопа». В. Ивашев, сверх всего, был композитором-импровизатором и прекрасным пианистом, учеником Фильда. Сохранилось французское стихотворение А. Барятинского «Epître à Ivacheff», содержавшее тонкое описание его превосходной игры. Пестель тоже играл на рояле и сочинял музыкальные произведения; до нас дошел отрывок одного из них под заглавием «Rêverie musicale» («Музыкальные мечты»), написанный незадолго до ареста. Заметим, что имеется и печатный литературный памятник поэтических увлечений, о которых идет речь,— сборник стихов Барятинского «Часы досуга в Тульчине» («Quelques heures de loisir à Toulchin»), позже изданный в Москве [7].

Между тем над тайным обществом сгущались такие тучи, каких еще никогда не видела тайная организация декабристов. Тревожные сигналы о правительственной слежке, полученные накануне и во время Московского съезда 1821 г., были лишь предвестниками опасности: в мае 1821 г. она сконцентрировалась, сгустилась, определилась и легла на стол императора плотной тетрадью исписанных листов — доносом на тайное общество.

3

Уже давно около тайной организации шарила правительственная рука. Тень Бенкендорфа — будущего шефа жандармов — ясно очерчена извне на морозных стеклах московской квартиры Фонвизиных, где собирался Московский съезд. Какие-то юркие фигуры шныряли на пути декабристов, появляясь то там то тут, и, наконец, измена проникла в их собственные ряды, в сердце организации. Член Коренного совета Михаил Грибовский написал обстоятельный донос царю, поданный через Бенкендорфа, многие нити оказались в руках правительства. Разбираясь в добытом клубке, правительство натолкнулось, однако, на мужество членов первой русской революционной организации, на их разум, опыт, волю к борьбе. Прежде всего сами декабристы спасли себя в этот трудный момент жизни тайного общества [8].

«Семеновская история» явилась поворотным пунктом в организации тайного надзора. Очевидно, предшествующие доносы, частично оповестившие правительство о существовании тайной организации еще «после богоявления» 1818 г., а затем донос Ронова в 1820 г., отчасти отведенный конспиративным искусством Федора Глинки, а может быть, и еще какие-то неизвестные нам сведения дали правительству нити к разоблачению М. К. Грибовского как члена Коренной управы Союза Благоденствия. Не приходится удивляться, почему общество декабристов включило в свой

состав этого видного члена. Грибовский принадлежал к старшему поколению участников тайного общества, получил докторскую степень в Харьковском университете, и его книга «О состоянии крестьян господских в России» (Харьков, 1816), развивавшая мысль о необходимости освобождения крепостных, читалась членами общества. Декабристы даже подчас указывали ее в следственных анкетах как источник своего вольнодумства. Будучи библиотекарем Гвардейского генерального штаба, Грибовский находился в самом центре движения, постоянно встречаясь с членами тайного общества, в частности с его основателями, столь тесно связанными с гвардейским штабом. Можно предположить, что его предательство купили ценой личной свободы и обещания продвижения карьеры. Так или иначе, после «семеновской истории» мы видим его как тайного полицейского агента и организатора тайной военной полиции в армии.

Донос Грибовского подробно оповещал правительство о Союзе Благоденствия и называл десятки декабристских имен,— именно их обилие несколько затушевывало роль отдельных лиц. Из общего перечня под семью номерами доносчик выделил важнейших, но общее их количество было все же более семи, так как имелся ряд «коллективных» номеров, объединявших несколько лиц. Так, № 4 содержал «всех Муравьевых, недовольных неудачею по службе и жадных возвыситься», причем предшествующий текст записки не оставлял сомнений в их индивидуальных именах,— несколько выше в доносе были упомянуты следующие Муравьевы: «три главного штаба: полковник Александр, вышедший в отставку после того, когда в Москве посажен был под арест, брат его безногой, Никита, вышедший также в отставку, когда не был произведен в следующий чин, и четвертый, бывший в прежнем Семеновскому полку». Под первым Муравьевым имелся в виду Александр Николаевич, основатель тайного общества, под «безногим» — его брат Михаил, тяжело раненный в ногу во время Бородинского сражения, активный составитель устава Союза Благоденствия (в будущем — Муравьев-«Вешатель»). Никита Муравьев понятен без комментариев, что же касается «четвертого» Муравьева, то надо заметить, что в Семеновском полку служили оба Муравьевых-Апостолов — Сергей и Матвей, но, поскольку в годы Союза Благоденствия Матвей состоял адъютантом князя Репнина, надо думать, что донос Грибовского имел в виду именно Сергея Муравьева, родственника Никиты, в силу чего все «Муравьевы» и были соединены Грибовским под одной фамилией. Конечно, то обстоятельство, что Сергей Муравьев не назван в доносе прямым образом, несколько затушевывало вопрос об его роли. Номер 5 перечислял важнейших заговорщиков, на которых должно было быть обращено особое внимание правительства. Он также был «коллективным». Под ним значилось: «Фон-Визины и Граббе, судя по рассказам имеющих с ними короткие связи и по действиям их в обществе, готовы на все». Пестель не был выдвинут в качестве важнейшего заговорщика. Он лишь бегло упомянут с указанием только должности и без развернутой характеристики: «бывший адъютант графа Витгенштейна»; указанная должность была для Пестеля в мае 1821 г., когда был подан донос, уже старым назначением, Пестель уже давно был на юге и в марте 1821 г. числился по переводу подполковником Смоленского драгунского полка. Все это, очевидно, было неизвестно Грибовскому,— он смутно помнил, что Пестель — «бывший адъютант»; очевидно, дальнейшее движение Пестеля совсем ускользнуло от его внимания, он держал в поле зрения лишь основных петербургских членов.

Таким образом, в мае 1821 г. правительство узнало от доносчика, что важнейших членов распустившего себя тайного общества двенадцать и имена их таковы (сохраняю порядок фамилий, данный в доносе): Нико-

лай Тургенев, Федор Глинка, Бригген, братья Александр и Михаил Муравьевы, Никита Муравьев и, вероятно, Сергей Муравьев-Апостол, братья Михаил и Иван Фонвизины, Граббе, Михаил Орлов и Бурцов [9].

Можно с основанием предположить, что донос Грибовского был внимательно изучен,— вероятно с ним связан ряд принятых правительством последующих мероприятий. Карать ли все тайное общество в целом, обрушиваться ли на него потоком репрессий, делать ли через это гласным его существование? Стоит ли? Ведь из доноса следовало, что общество более не существует, оно само себя распустило («Таким образом кончилось существование Союза Благоденствия»). Правда, донос ясно давал понять, что важнейшие члены «весьма вероятно» пожелают составить «скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее», но это звучало лишь как предположение. Донос шел навстречу возможному следствию и убедительно предупреждал о трудностях: «При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем Обществе: бумаги оного истреблены и каждый для спасения своего станет запираться». При таком положении дел, а главное учитывая международную ситуацию, открытое преследование тайного общества приходилось признать нецелесообразным.

Взвешивая все обстоятельства и желая избежать огласки, Александр I решил не обрушиваться репрессиями на общество в целом: повидимому, он руководствовался теми мотивами, что общество, во-первых, уже само себя ликвидировало, во-вторых, с него было довольно и того международного шума, который, как эхо, разнес ужасную для Александра «семеновскую историю». Она испортила ему немало крови и нанесла несомненный удар тому образу обожаемого подданными миротворца и царя совершенно спокойной России, который был им противопоставлен мятущемуся революционному Западу. Эта позиция была крайне выгодна для Александра I на международных конгрессах. Но «семеновская история» поколебала в глазах Меттерниха и ему подобных престиж спокойного монолита — чуждой революции России, обожающей своего монарха. «Не мне их карать»,— будто бы заметил Александр I, узнав о тайном обществе. Принято считать, что он вспоминал при этом «либеральные грехи» своей молодости. Но в явном желании царя не придавать огласке факты, раскрытые доносом, думается, было больше соображений международного характера, нежели совестливых реминисценций о «негласном комитете». Либеральная легенда о декабристах поэтому напрасно поспешила «обыграть» царские слова (если они действительно были произнесены) и сделать их аргументом своей ложной концепции.

Однако если было сочтено целесообразным не заниматься ликвидацией того общества, которое уже само себя ликвидировало, и не предавать огласке факт его существования, то живыми людьми, поименованными в доносе, сочли нужным заняться вплотную. Они были взяты под бдительный надзор, но к каждому из них подошли индивидуально. Прежде всего на некоторых виднейших членов обрушились увольнения из армии — на одних раньше, на других позже. Бригген был «уволен от службы» в октябре 1821 г., т. е. уже через четыре месяца после подачи доноса. Генерал-майор Михаил Фонвизин, тщетно испробовав все способы найти должность, увольняется в отставку в декабре 1822 г. (его брат полковник Иван Фонвизин вышел в отставку еще раньше — в 1820 г.). Под особым подозрением оказался полковник П. Х. Граббе: он упоминался как «готовый на все» не только в доносе Грибовского, но и в равном доносу по своему значению письме бригадного генерала Васильчикова к брату, командующему гвардейским корпусом,— об этом письме упоминалось выше (о нем и сообщил Граббе на Московском съезде Союза Благоденствия). О внезапной отставке Граббе в 1822 г. Якушкин рассказывает следующее: «Со-

вершенно неожиданно получил он бумагу от начальника штаба его императорского величества с надписью: отставному полковнику Граббе. Князь Волконский (начальник штаба.— *М. Н.*) писал к нему что поведение его с бригадным командиром заслуживает примерного наказания, но что государь император, во уважение прошедшей отличной его службы, приказал не подвергать его военному суду и повелел ему с получением сего сдать полк старшему по себе и отправиться на жительство в Ярославль, не заезжая ни в одну столицу». Таким образом, отставка Граббе носила явно карательный характер и даже сопровождалась высылкой и запретом посещать столицы. Александр Муравьев, как вышедший в отставку еще до семеновских волнений и явно отставший от общества, меньше других интересовал правительство. Михаил Муравьев был «уволен от службы за раной» еще 13 ноября 1820 г. Николай Тургенев был, несомненно, взят под надзор, но как штатский человек привлекал несколько менее внимания,— ведь, по доносу Грибовского, общество предполагало действовать «посредством войск», и прежде всего надо было разметать причастных к нему военных.

Остается четыре члена из важнейших участников тайной организации, выделенных Грибовским: Михаил Орлов, Федор Глинка, Никита Муравьев и Бурцов. Последний был характеризован в доносе как наименее опасный: «при добрых правилах и рассудке более, кажется, вовлечен и под добрым надзором мог бы еще исправиться». Не осуществлял ли этот «добрый надзор» за Бурцовым в 1821 г. полковник Комаров? И не в силу ли этого надзора, ставшего явным на Московском съезде, Бурцов не смог организовать на юге тайное общество именно того типа, который был предписан Московским съездом? В ближайший же год Бурцов действительно «отстал» от общества, резко порвав с Пестелем. Иначе поступили с Никитой Муравьевым. 1 октября 1821 г. он был по высочайшему повелению вновь принят на службу и попрежнему в гвардейский генеральный штаб. Никиту сопровождала влиятельнейшая протекция Аракчеева. Это событие в свете доноса Грибовского никак не должно рассматриваться как ординарное бытовое происшествие,— мало ли отставных военных возвращалось при желании в армию, на это им давал право закон о вольности дворянства, подтвержденный Жалованной грамотой 1785 г. Но к высокой протекции Аракчеева и Карамзина, видимо, не случайно пришлось прибегнуть при возвращении Н. Муравьева на военную службу. Очевидно, этому чинили какие-то препятствия. Лишь самые высокие связи в правительственных сферах, широкая известность, близость семьи ко двору и понятные симпатии царской семьи к сыну прежнего воспитателя ее отпрысков колебнули чашу весов в пользу Никиты. Карамзин в особом письме к Екатерине Федоровне Муравьевой сообщил о благоприятной реакции царя при известии о возвращении на службу молодого Муравьева. В доносе Грибовского имелся почти прямо выраженный подтекст: способный молодой человек, представитель дворянской столичной аристократии, видный и всем известный, прекрасно образованный, пристал к тайному обществу в силу обиды по службе — он-де вышел в отставку, «когда не был произведен в следующий чин». Поэтому Никиту Муравьева не только приняли на службу вновь, но даже обласкали. За него ручались Аракчеев и Карамзин, можно было поэтому попытаться парировать служебными успехами пыл молодых и случайных увлечений. В таком виде можно предположительно восстановить ход рассуждений царя и тех лиц которые были им привлечены к выработке мер, связанных с доносом Грибовского.

Но иное дело — служебная линия Федора Глинки. Его характеристике Грибовский отвел самое большое место в списке наиболее опасных чле-

нов ликвидировавшей себя организации: «Слабый человек сей, которому некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову, который помешался на том, чтобы быть членом всех видимых и невидимых Обществ, втирается во все знатные домы, рыскает ко всем видным людям, заводит связи, где только можно; для придания себе важности рассказывает каждому за тайну, что узнал по должности или по слабости начальника; посещает все открываемые курсы; посылает во все журналы статьи, из коих многие не весьма внимательно рассмотрены цензурою, и как в разговорах, так и на письме, кстати и некстати прилепляет политику, которой вовсе не постигает, но блеском выражений и заимствованными мыслями слепит неопытных». Далее в том же доносе правительство предупреждалось, что надзор за подозреваемыми нельзя доверить Милорадовичу, который «окружен людьми, участвующими в Обществе». Федор Глинка тут явно подразумевался как адъютант графа.

В своих показаниях в Следственном комитете Глинка немало рассказал о тяжелых последствиях этого доноса в своей биографии. Его обдуманные, хитрые и дальновидные показания, облеченные внешностью полного чистосердечия, хотя и очень трудны для исследования, тем не менее дают богатый материал для ответа на поставленный вопрос. «Клевета с давнего времени преследует меня на пути жизни,— показывает он.— Еще в 1821 году сделан был на меня донос...». В результате доноса начались злоключения Глинки, и Милорадович «по подспудным действиям ябеды и взяточности на меня рассердился... у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги... все..., оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел [я] в загоне, как раздавленная муха...». Глинку — новоявленного Чацкого — в светских домах объявили в это время сумасшедшим, и сестра Милорадовича со слезами на глазах признавалась, что посылала своего «человека» «проведывать, до какой степени я сошел с ума...». Когда далее Глинка вспоминает «некоего господина, скропавшего на меня замысловатый донос», то в этом упоминании легко узнать Грибовского [10].

Конечно, Глинка в этом положении уже не мог быть активен как член тайного общества,— эти годы и датируют его отход от него. Он оставил общество и масонскую ложу, по собственному свидетельству, даже ранее августа 1822 г., когда последовал высочайший приказ о закрытии лож. Таким образом, правительственными преследованиями и репрессиями был выбит из движения декабристов весьма активный член. Но Глинка все же, несомненно, остается на периферии движения, пользуется полной откровенностью старых друзей по тайному обществу, знает о существовании новой организации, но хранит это в тайне. Он осведомлен даже о плане выступления 14 декабря и посещает квартиру Рылеева накануне решающих событий. Заметим, что Глинке непосредственно известно об организованном за ним надзоре, в показаниях на следствии он прямо говорит об «обстоятельных донесениях», которые доставлялись Александру I о поведении его, Глинки.

Следовательно, донос Грибовского имел самые существенные последствия — исключение со службы, репрессии, усиленную слежку. Он, несомненно, содействовал тому, что ряд ранее активных членов ослабел в своей работе или даже прекратил ее, отодвинулся от движения, в лучшем случае отошел на его периферию. Но удачное решение о фиктивном закрытии общества прикрыло движение, и оно продолжало развиваться.

К результатам доноса Грибовского можно, повидимому, отнести и слухи (большей частью весьма сбивчивые и туманные) об открытом заговоре, широко комментировавшиеся в дворянских кругах. В 1821 г.

в дневнике Варнгагена фон Энзе мы читаем: «В конце сентября в Петербурге открыт будто бы заговор высшей аристократии против императора, на престол хотели возвести царствующую императрицу, первое открытие и заявление о заговоре сделал будто бы Сперанский». Таким образом, какие-то смутные, отдаленные слухи о собрании Коренной управы 1820 г. на квартире Глинки смешивались с туманной информацией о доносе Грибовского и причудливо сплетались с именем Сперанского [11].

Существование тайного общества висело на волоске. Общество уцелело в силу мер, им самим принятых: широкого оповещения о мнимой ликвидации и глубокой законспирированности как факта своего возрождения, так и всего периода становления. Правительство было парализовано в своих разведывательных и репрессивных действиях «точным» слухом о самоликвидации общества и выдержкой конспираторов. Важно и другое: ушедших и отошедших заменяли новые силы,— в этом сказывалась жизнеспособность организации и тесная связь с породившей ее почвой.

В осведомлении членов Союза Благоденствия о том, что правительство знает о тайном обществе, несомненное участие принял генерал А. П. Ермолов. Он вызвал к себе Михаила Фонвизина, которого хорошо знал по прежней совместной работе (Фонвизин в Отечественную войну был адъютантом Ермолова), чтобы предупредить его об этом. «Пойди сюда, величайший карбонари!»,— воскликнул он при встрече. И, сообщив далее, что царь знает об обществе, Ермолов прибавил: «Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся». Слова эти переданы в «Записках» И. Д. Якушкина. Последний датирует эту встречу 1822 годом, но это явная ошибка. Ермолов, по словам Якушкина, видел Фонвизина во время своего приезда с Кавказа, как раз в то время, когда его хотели сделать главнокомандующим армией, направляемой в Пьемонт. Разговор с Фонвизиным происходил поэтому, вероятно, в сентябре 1821 г., когда Ермолов проезжал через Москву, возвращаясь на Кавказ. Вызваный перед этим Александром I в Лайбах, он имел с ним неоднократные беседы, говорил и о русском тайном обществе в связи с доносом, только что полученным императором. Ермолов прибыл в Лайбах в апреле 1821 г., и можно предположить, что донос Грибовского был получен в бытность Ермолова при царской квартире [12].

Донос менее других декабристских организаций задевал тульчинскую группу, руководящее ядро только что образовавшегося Южного общества. Это, несомненно, было благоприятным условием для его развития.

Михаил Орлов, оказавшийся под самым бдительным надзором, был лишен командования дивизией формально много позже (приказом от 18 апреля 1823 г.), но фактически судьба его окончательно решилась гораздо ранее — арестом майора Раевского и следствием по его делу (февраль 1822 г.); слежка же за его дивизией, в результате которой и был арестован Владимир Раевский, началась после «семеновской истории», а усилилась после доноса Грибовского.

Александр I настороженно и недоброжелательно относился к Пестелю и после доноса тормозил его производство в полковники. Между тем получение Пестелем полка было необходимейшим условием военного выступления, и Пестель добивался всеми силами, но тщетно, назначения полковым командиром. Он пытался даже получить должность в военных поселениях, о чем уже упоминалось выше. Именно к лету 1821 г. относится намерение Пестеля вступить в брак с Изабеллой Витт, засидевшейся невестой, дочерью начальника южных военных поселений графа И. О. Витта. Женитьба могла помочь Пестелю войти в семью влиятельнейшего начальника, завоевать его доверие и основать влияние на него на прочной

семейной связи [13]. Однако проект брака разрушился и едва ли не более всего получением долгожданного командования полком. Блестяще выполненное поручение по секретному сбору сведений о греческом восстании и умение уладить в этой связи острый дипломатический вопрос с господарем Суцо перевесили: Александр I утвердил назначение Пестеля полковым командиром, решив, видимо, отнестись к талантливому полковнику так же, как к Никите Муравьеву. Таким образом, с точки зрения планов военной революции 1 ноября 1821 г. в жизни Южного общества произошло значительное событие: Пестель был произведен в полковники и через две недели, 15 ноября 1821 г., был назначен командиром Вятского пехотного полка. Под начальством крупнейшего члена тайного общества оказались реальные военные силы. В то же время получили продвижение по службе и другие члены тайного общества. В той же связи с планами военного восстания отметим еще производство Ивашева в ротмистры 29 октября 1821 г. и назначение его адъютантом к главнокомандующему второй армией П. Х. Витгенштейну. Члены, не успевшие получить под свою команду военные части, усиленно о них хлопотали. Так, друг Пестеля Барятинский, состоявший при штабе, настойчиво просил, чтобы ему поручили создание учебного кавалерийского эскадрона. Планы военного выступления требовали командования реальными воинскими частями.

Назрело огромное количество вопросов, требовавших обсуждения и решения. Их должен был обсудить съезд руководителей Южного общества, который намечено было созвать в самом начале 1822 г.

4

Для обсуждения будущей конституции и всех возникающих принципиальных теоретических вопросов, а также для разрешения текущих дел во вновь образованном Южном обществе было положено периодически созывать съезды его руководящих членов.

Местом съездов Южного общества был избран Киев. Удобным предлогом для поездки туда в январе было посещение контрактовой ярмарки, которая в то время устраивалась в Киеве около праздника крещения 6 января (в дальнейшем дата ярмарки переместилась). Контрактовые ярмарки были перенесены в Киев из Дубно еще в 1797 г. и с тех пор стали ежегодными. Во время ярмарок в Киев съезжалось много народу, царило большое оживление; наряду с торговыми сделками было много увеселений, балов, званых обедов, вечеров. В сутолке деловой и праздничной жизни легче всего было сорганизовать съезд, не возбудив подозрений.

Первый съезд руководителей Южного общества состоялся в Киеве «на контрактах» в январе 1822 г. Присутствовали Пестель, Юшневский, Давыдов, Волконский и Сергей Муравьев-Апостол. Пестель и Юшневский представляли на нем не Тульчинскую управу, а Директорию основанной ими тайной организации. Важно отметить, что на съезд был приглашен Никита Муравьев, избранный, как мы помним, третьим директором Южного общества. Свидетельство о факте приглашения подтверждается письмом Никиты Муравьева к матери от 28 ноября 1821 г. из Минска, где тогда находилась на маневрах его гвардейская часть. Никита Муравьев писал: «Я получил письмо от Сережи (Сергея Муравьева-Апостола.— *М. Н.*), он возвратился в Васильков, где весьма скучает, и зовет меня в Киев на контракты». Служебные обстоятельства не позволили Никите Муравьеву приехать, но факт приглашения очень выразителен,— без Севера Юг не предполагал действовать [14].

Ряд вопросов, рассматривавшихся на съезде 1822 г., был общ с повесткой первых учредительных заседаний Южного общества. Было подтверждено решение «общество продолжать», не считаясь с постановлением Московского съезда 1821 г. о его закрытии; было подтверждено избрание директорами общества Пестеля и Юшневского, причем первым директором был избран Пестель. Была принята прежняя конечная цель борьбы — установление в России республики, в соответствии с постановлением Петербургского совещания 1820 г. Еще раз утвержден способ действия — совершение революции, нанесение основного удара «посредством войск» [15]. Но самым главным вопросом съезда явился вопрос о конституционном проекте Южного общества. Документы сохранили отчетливое свидетельство о том, что на съезде 1822 г. рассуждали о необходимости иметь до начала революции готовую конституцию.

Самым же важным моментом съезда явилось сообщение Пестеля об основных началах его конституционного проекта. В своем докладе Пестель осветил важнейшие стороны проекта, в том числе говорил и об аграрном вопросе. К сожалению, нет возможности с точностью установить, какой именно вид имел аграрный проект Пестеля в его докладе 1822 г. В документах сохранились прямые и более или менее детальные свидетельства лишь об одном важном вопросе конституции Пестеля — о диктатуре временного верховного правления, берущего в руки власть после революционного переворота. Довольно подробны показания о съезде 1822 г. С. И. Муравьева-Апостола. В его свидетельстве особенно важно указание, что положено было посвятить целый год обдумыванию доложенных основ проекта и, встретясь вновь на втором съезде во время контрактов в будущем 1823 г., принять определенные решения [16].

«Повторяю я, что в начале 1822-го года сошелся я в Киеве с членами Пестелем, Юшневским, Давыдовым, кн. Волконским, объявившими мне, что они не хотят признать уничтожения Союза Благоденствия и решились действовать как отдельное общество, что в последствии сего объявления я присоединился к ним, что мы избрали директорами нового нашего общества Пестеля и Юшневского, что первой на совещаниях, в том году бывших, излагал нам сочиненную им Русскую Правду и вместе необходимость введения оной в России, посредством переворота и временного правления, вверенного директорам общества, и что совещания того года кончились решением: предоставить каждому члену целый год на обдумание мнения как о Русской Правде, так и об образе введения ее...»,— показывает Сергей Муравьев-Апостол, с этого времени активнейший член Южного общества [17].

Пестель впервые увиделся на съезде с Сергеем Муравьевым-Апостолом после перевода последнего в армию в связи с восстанием Семеновского полка. Раньше они часто встречались в Петербурге в первых тайных организациях декабристов — в Обществе истинных и верных сынов отечества и в Союзе Благоденствия. С. И. Муравьев-Апостол присутствовал и на Петербургском совещании 1820 г. и участвовал в голосовании за республику. Он был вполне в курсе предшествовавшей жизни общества, и Пестель, привлекая его в южную организацию, должен был очень немногое объяснить ему — лишь ввести в курс событий, происшедших на юге в 1821 г. О том же, что общество распущено на съезде 1821 г., Сергей Муравьев-Апостол узнал еще в Петербурге, как раз перед отъездом своим на юг.

Съезд на контрактах 1822 г. еще не оформил образование управ правого и левого флангов, но лишь поставил вопрос о них. К этому образованию управ Пестель подошел очень серьезно и обязательным условием совместной работы поставил обдуманное принятие основ предложенного

конституционного проекта. Значительный годовой срок, данный на его обдумывание, был принят не случайно,— члены тайной организации подходили к программным вопросам серьезно и основательно.

Имеется еще одно свидетельство о съезде 1822 г., которое доносит до нас вопрос о внутренней структуре Южного общества, о предположении создать три разряда членов, вновь отделив руководящее ядро старых членов-учредителей, создать средний слой вновь принятых членов и разряд сочувствующих. Матвей Муравьев-Апостол показывает: «В 1822 [году] Пестель, В. Давыдов, князь С. Волконский, Юшневский, С. Муравьев, соединясь в Киеве, преобразовали Южное общество. Они назначили в оном Директориат, составленный из двух лиц — Пестеля и Юшневского. Вокруг Директориата был совет Бояр, это были прежние члены общества Зеленой книги, за ними следовали братии — это были члены вновь принимаемые. Оно (общество.— *М. Н.*) должно было шествовать силою для введения представительного правления» [18]. В дальнейшем действительно такая структура Южного общества оказывается формально принятой и явится объектом острой полемики с Никитой Муравьевым.

Вернувшись со съезда 1822 г., Пестель и Юшневский сообщили об его решениях членам Тульчинской управы. Но не успели они обо всем переговорить, как страшная весть поразила их как громом и на некоторое время поставила под угрозу не только все планы общества, но и самое его существование. Это была весть об аресте члена Союза Благоденствия Владимира Раевского и о начавшемся следствии в 16-й дивизии по делу Михаила Орлова.

5

Хотя Михаил Орлов и уехал из Москвы, заявив о своем выходе из организации, но он все же не порвал связи с декабристами: предупредил их о доносе, о том, что самый факт съезда известен правительству. Он был самым прямым образом оповещен декабристами, что закрытие организации фиктивно и что под прикрытием этого постановления возникает новая форма тайного общества. В силу всего этого приобретает особую важность вопрос, существовала ли кишиневская организация после Московского съезда или она распалась в связи с выходом из Союза Благоденствия Михаила Орлова.

Она, несомненно, существовала. Это доказывается многочисленными фактами, связанными с делом «первого декабриста» майора Владимира Раевского. Важнейшие программного значения документы — записки Вл. Раевского — датируются временем после Московского съезда. Записка Вл. Раевского «О солдате» относится к январю 1822 г., записка «О рабстве крестьян» писалась в период с июля 1821 г. по февраль 1822 г. Знаменитый революционный приказ Михаила Орлова по 16-й дивизии, отдающий под суд майора Вержейского, капитана Гимбута и прапорщика Понаревского за жестокое обращение с солдатами, приказ неслыханный в царской армии того времени, датируется 6 января 1822 г. Содержание этого приказа и послужило материалом для следствия по делу Орлова. Активная и планомерная агитационная деятельность Вл. Раевского и Охотникова в ланкастерских школах относится к периоду с весны 1821 г. до времени ареста Раевского (6 февраля 1822 г.). Кишиневская масонская ложа, названная именем сосланного римским императором поэта Овидия, стоит в несомненной связи с деятельностью кишиневской организации и возникает также после Московского съезда: 7 июля 1821 г. кишиневские масоны обращаются к великой ложе «Астрее» с просьбой «даровать их ложе конституцию», а в ноябре 1821 г. по особому царскому

приказу закрываются все масонские ложи Бессарабии. Ложа «Овидий» просуществовала, таким образом, менее четырех месяцев и все же своим политическим характером сразу обратила на себя внимание правительства. Ссыльный А. С. Пушкин, состоявший членом этой ложи, имел какие-то основания писать, что из-за кишиневской ложи и были закрыты все масонские ложи в России. Весь комплекс фактов, который послужил поводом к аресту майора Раевского и к началу дела Михаила Орлова, относится, таким образом, к более позднему времени, нежели Московский съезд. Отсюда мы можем сделать вывод, что кишиневская организация тайного общества существовала и после съезда, из чего логически следует и другой вывод: Михаил Орлов, очевидно, сохранил организацию. Последние исследования о Вл. Раевском приходят к этому же выводу [19].

Имеются основания говорить о следующих членах кишиневской организации в 1821—1822 гг. (до февральского разгрома): Михаил Орлов, майор Владимир Раевский, капитан А. Охотников, генерал П. С. Пущин, подполковник 33-го егерского полка И. П. Липранди, поручик Н. С. Таушев (гевальтигер 16-й пехотной дивизии), командир 32-го егерского полка А. Г. Непенин. Но этот список еще не носит исчерпывающего характера. Следствие по делу Раевского напало на следы, по выражению следователей, «сообщников одной с ним злодейской шайки», и на основе материалов следствия можно с большой долей вероятности добавить к приведенному выше списку еще имена капитана Бучевского, штабс-капитана Мозевского, мичмана Демутье, майора Юмина и майора Гаевского. Капитан Бучевский разорвал «на мелкие части» записку Черемисинова, по которой рота обязывалась давать свидетельства против Раевского во время начавшегося следствия. Подпоручик Таушев уничтожил уличающие Раевского ланкастерские таблицы с революционными именами. Штабс-капитан Мозевский и мичман Демутье «рассеивали между офицерами и частными людьми возмутительные сочинения майора Раевского». Майор Гаевский совершил выдающийся по смелости поступок единомышленника: в почетный караул во время торжественного открытия манежа для занятий учебного батальона 16-й дивизии он назначил именно тех унтер-офицеров, которые принесли жалобу на жестокости майора Вержейского, удовлетворенную знаменитым приказом Орлова. Все перечисленные выше действия были слишком серьезны, чтобы — в обстановке следствия — счесть их случайными совпадениями или выражением чисто личного сочувствия. К тесному кругу единомышленников надо, несомненно, причислить А. С. Пушкина, сыгравшего в дальнейшем немалую роль в жизни организации. Состав масонской ложи «Овидий», за исключением уже упомянутых имен, требует дополнительного изучения. Даже не считая членов этой ложи, в списке кишиневской организации оказывается не менее 12 известных нам имен, а за ними виднеются преданная шеренга юнкеров из ланкастерской школы и солдатская масса, не выдавшая Раевского, несмотря ни на какие угрозы и истязания:

Напрасно голос громовой
Мне верной черни боевой
В защиту отозвался,
Сей голос верный пред судом
Сочтен был тайным мятежом
И в подозрении остался

писал Раевский [20].

Михаил Орлов показал на следствии, что члены Кишиневской управы Союза Благоденствия были извещены о «разрушении» Союза. В силу

этого встает вопрос: поскольку кишиневская организация все же действовала после Московского съезда 1821 г. и после отказа ее главы Михаила Орлова участвовать в работе съезда, то на основе каких же «правил» она действовала? Как понимала она конечную цель своих действий и основные способы достижения этой цели?

Во время обыска у Раевского адъютант Сабанеева Радич обратил внимание на то, что на верхней полке стояла «Зеленая книга», или «статут общества Союза Благоденствия», а в ней находились четыре расписки принятых Охотниковым членов [21].

На основании этого свидетельства наиболее простым представляется умозаключение, что кишиневская организация и после 1821 г. действовала на основании старого статута Союза Благоденствия — «Зеленой книги». Она прямым образом упомянута Вл. Раевским как документ программного значения, ее он спас от обыска и поспешно сжег (вот, кстати, еще доказательство, что она была нелегальным документом!). Признавая известную правдоподобность этого умозаключения, все же надо придти к выводу, что кишиневская организация уже находилась в процессе выработки новой программы, двигалась далее, вперед от «Зеленой книги».

В следственных материалах по делу майора Вл. Раевского сохранились два первостепенной важности программных документа, которые, вероятно, отражали основные установки организации: это уже упомянутые записки «О рабстве крестьян» и «О солдате». Заметим, что беловая записка «О существе законов», характеризованная следователями как выписки «из Монтескье», составлена по тому же типу и требовала бы специального исследования. Единая структура заголовков всех трех записок говорит о том, что они были компонентами одного замысла. Сопоставляя текст записок с приказами Орлова и его выступлениями на съезде, учитывая переписку Раевского с Охотниковым и все особенности революционной агитации в среде юнкеров и солдат, мы приходим к выводу, что эти документы отражали взгляды организации. Раевский действовал по заданиям Орлова и выполнял их потому, что убеждения его, Орлова и Охотникова совпадали. Очевидно, упомянутые записки предназначались для распространения как агитационная литература. Михаил Орлов не случайно говорил на Московском съезде о необходимости завести тайные типографии и распространять агитационные произведения.

Возражая на крепостническую записку Растопчина, восхвалявшую крепостное право, Владимир Раевский страстно и смело разоблачал основное зло России: «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа оного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков? Не из источника ли грубого, неистового невежества злодейского, скотских страстей и бесчеловечья?». Эти великолепные слова удивительно близки, с одной стороны, к Радищеву и Грибоедову, с другой — к Белинскому (известные слова героя юношеской драмы Белинского «Дмитрий Калинин»). Очевидно, страстная ненависть к крепостничеству сама собой выливалась у лучших людей России в близкую словесную форму.

«Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он вспоен слезами и кровавым потом своих подданных, что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных; что элемент его есть корысть и бесчувствие. Предки наши, свободные предки с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков. Они в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что русские сделались рабами, и мы, чье

имя и власть от неприступного Северного полюса до берегов Дуная, от моря Балтийского до Каспийского дает бесчисленным племенам и народам законы и права, мы, внутри самого нашего величия не видим своего унижения в рабстве народном». Так страстно разоблачал Раевский крепостное право [22].

Гражданское бесправие крестьян возмущало чувство Раевского. «Крестьянин, не имеющий никакого голоса и не смеющий доносить, жаловаться и быть свидетелем на своего помещика, может ли созреть для свободы?..». Глубокая мысль революционера чувствуется в утверждении: «Не человек созревает до свободы, но свобода делает его человеком и развертывает его способности». Именно в этом произведении и дается призыв к скорому, решительному революционному выступлению: «Дворянство русское, погрязшее в роскоши, разврате, бездействии и самовластии, не требует перемен, с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами. Граждане! Тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар!». Это — речь революционного трибуна.

Разумеется, подобные документы нельзя расценивать иначе, как программные. И программные установки, столь ярко характеризованные в приведенных выше отрывках, долженствующих войти в золотой фонд документов передовой русской культуры первой четверти века, времени декабристов и Пушкина, связаны с призывом к решительному революционному выступлению. Солдаты, военная сила были основой предполагаемого выступления,— и в этом отношении записка «О солдате» является ярким документом программно-тактического характера. Практика ланкастерского обучения и агитации в среде солдат дополняет записку. Солдат «клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученья и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная! Пожертвование кажется невозможное!». «Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно?.. Малейший ропот вменяется в преступление...» [23].

Капитан Надежный показал, что «во время происшествий итальянских неоднократно видел он, Надежный, как Раевский при чтении журналов в квартире аудитора Круглова восхищался и изъявлял желание, чтобы такие новости завести и в России».

В беседах с солдатами Владимир Раевский выражал сочувствие Семеновскому полку, сожалея, что не был тогда в столице. Недавние волнения в военных поселениях и неспокойное их состояние обосновывали его предложение двинуться «за Днестр» и уверенность, что все может запылать от одной «искры». Во всех произведениях Вл. Раевского, люто ненавидевшего тиранов, чувствуется глубокая уверенность, что время приспело, что вскоре пробьет двенадцатый час — медлить нельзя. Если к этому добавить пограничное положение дивизии Михаила Орлова и вспыхнувшее почти во время Московского съезда греческое восстание, можно почувствовать отчетливую связь между его речами на Московском съезде и всем направлением деятельности кишиневской организации после съезда. Решительно и быстро начать восстание во имя ликвидации крепостного строя, ставя в центре военный удар,— эти черты программных установок кишиневской организации ясны до чрезвычайности.

Призывами к гибели тирана полно и смелое поэтическое творчество Вл. Раевского. Выводы позднейших исследователей о республиканизме Раевского находят себе подтверждение в многочисленных примерах его произведений. Раевский страстно призывает «грозный день» революции и крушение царского трона.

Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железной злобы трон!
Да яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит!..
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит!..

Сопоставляя основные тенденции этих программных документов с общим направлением развития тульчинской организации, мы видим немало сходства. Оно состоит в идеологии военного восстания, опоре на сознательно действующее войско, резком антикрепостническом и антисамодержавном характере.

Дневник П. Долгорукова, служившего в Кишиневе при Инзове, свидетельствует о частых посещениях Пушкиным М. Орлова и П. С. Пущина («Пушкин в бытность Орлова и Пущина почти вовсе не ходил [обедать] к Инзову»). Тут ярко охарактеризованы атмосфера вольнодумства и темы политических разговоров в Кишиневской управе,— мысли и настроения Пушкина не могут не носить в это время отпечатка общих политических настроений той среды, которая была ему столь созвучна. Одна из записей дневника П. Долгорукова гласит: «За столом у Наместника [Инзова] Пушкин, составляя, так сказать, душу нашего собрания..., начал рассуждать о Наполеонове походе, о тогдашних политических переворотах в Европе и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «прежде народы восставали один против другого, теперь король Неаполитанский воюет с народом, Прусский воюет с народом, Гишпанский тоже: нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов перервал его, повернув разговор на другие предметы». Этот расчет на успех западноевропейского движения связывался с резкой критикой крепостнической России. «Наместник ездил сегодня на охоту с ружьем и собакою. В отсутствие его накрыт был стол для домашних, за которым и я обедал с Пушкиным. Сей последний, видя себя на просторе, начал с любимого своего текста о правительстве в России. Охота взяла переводчика Смирнова спорить с ним, и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец, полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частью, один класс земледельцев почтенной. На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» [24]. Нельзя не связать эту позицию и с настроениями Кишиневской управы.

Михаил Орлов положительно свидетельствует, что кишиневская организация была оповещена о ликвидации Союза Благоденствия. Сам он вышел из организации и предложил на Московском съезде глубоко отличную от «Зеленой книги» программу. Черты этой новой программы («Граждане! Тут не слабые меры нужны, а решительность и внезапный удар!») отчетливо видны в документальном наследии его организации. Уже в силу одного этого законно усомниться в том, чтобы именно «Зеленая книга» (экземпляр ее, конечно, мог сохраниться у Охотникова и Раевского) была «статутом» кишиневской организации после съезда 1821 г. Очевидно, она уже была поставлена под сомнение как программный документ организации. Но имеются и дополнительные соображения.

Среди свидетельств в деле Вл. Раевского о «Зеленой книге», чуть было не попавшей в руки властей при обыске, имеется одна деталь, заставляющая насторожиться. Упоминается, что экземпляр «Зеленой книги», находившийся в Кишиневской управе, будто был подписан Николаем Тургеневым. Но Николай Тургенев никогда не скреплял и не мог скреплять своей подписью текста «Зеленой книги», поскольку в составлении статута Союза Благоденствия приняли участие и скрепили его своей подписью лишь старые члены — основатели Союза Благоденствия. В комиссию по составлению устава Николай Тургенев в 1818 г. и не входил, он включился в организацию уже после ее оформления.

Между тем действительно существует один уставный документ, реально подписанный Николаем Тургеневым и разосланный по филиалам прежнего Союза Благоденствия. Это — статут н о в о й организации, составленный на съезде 1821 г. членами съезда (о нем говорилось выше). В силу этого законен вопрос: не идет ли в приведенном выше свидетельстве речь не о «Зеленой книге», а о «статуте», подписанном Николаем Тургеневым на Московском съезде 1821 г.? Он, несомненно, должен был оказаться, помимо М. Орлова, в руках участника съезда Охотникова и его наличие в бумагах Охотникова совершенно несомненно. Но в записках Вл. Раевского говорится еще о том, что в шкафу, содержавшем более 200 книг, стояла на верхней полке «Зеленая книга», в которой, кроме вложенных в нее расписок четырех вновь вступивших членов, находилась еще «маленькая брошюра» под заглавием «Воззвание к сынам Севера». Во время обыска Радич (адъютант Сабанеева) спросил у Липранди, брать ли книги. Липранди отвечал, что не книги, а бумаги нужны. «Как скоро они ушли,— пишет Вл. Раевский,— я обе эти книги сжег, и тогда был совершенно покоен» [25].

Чрезвычайно интересен вопрос, что представляет собой «брошюра» «Воззвание к сынам Севера». Не была ли она ответом южан Петербургу на его предложение (и, вероятно, сильным спором с северным проектом)? Кого же еще можно предполагать носящими наименование «сынов Севера», как не петербургскую группу членов тайного общества, находившуюся в процессе создания новой организации? Получение кишиневской группой нового статута северных членов несомненно. Расхождение между кишиневской группой и этим проектом также не вызывает сомнений, поскольку руководитель Кишиневской управы открыто выступал против изложенных на съезде принципов, легших в основу проекта нового северного устава. Отсюда большая вероятность спора с новым уставом и необходимость ответа на него со стороны кишиневских членов тайного общества. В этой обстановке и могло появиться «Воззвание к сынам Севера» — документ, отражавший спор кишиневцев с петербургской группой, с «сынами Севера» [26].

Оба эти документа — и подписанный Николаем Тургеневым проект нового устава, и, как мы предполагаем, ответ южан (кишиневской группы) на данный проект под заглавием «Воззвание к сынам Севера» — были актуальными, нужными для деятельности документами сегодняшнего дня тайного общества, а не вчерашней «Зеленой книгой». Их уничтожение было, действительно, делом не только большой, но и гораздо большей важности, нежели сожжение старой «Зеленой книги», кстати говоря, уже бывшей за год до ареста Раевского в руках императора Александра и цесаревича Константина и ничего нового для них не представлявшей.

Во время своего командования 16-й дивизией Михаил Орлов завоевал огромнейшую популярность среди солдат. Он не только в приказах по дивизии отдавал под суд жестоко обращавшихся с солдатами офицеров,— сами приказы Орлова звучали как зажигательные агитационные речи о

человеческих правах солдат, объективно были антикрепостнической агитацией среди «благородных солдат», как называл их Владимир Раевский. 6 января 1822 г. (много позже Семеновского восстания, не испугавшего Михаила Орлова) был подписан его приказ отдать под суд некоторых жестоких в обращении с солдатами офицеров дивизии. «В Охотском пехотном полку г. г. майор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания». В этом же приказе приносилась благодарность нижним чинам за прекращение побегов. В ланкастерских школах идея равенства человека человеку раскрывалась еще последовательнее. На следствии было показано, что Вл. Раевский говорил: «Между солдатами и офицерами не должно быть различия, а равенство должно быть, потому что природа создала нас одинаковыми... кто вам дал право наказывать солдат? Они такие же люди, как и мы» [27].

Более того, посещая полки и принимая жалобы на жестоких командиров, Орлов устраивал над ними нечто вроде импровизированных солдатских судов. Собрав роту в круг и выслушав жалобу рядового на жестокое обращение ротного командира, Орлов высылал его за ротный круг и в его отсутствие ставил вопрос, достоин ли ротный командовать ротой. Когда в одном из подобных случаев, слух о котором дошел до Следственной комиссии, рота все же «заступилась» за офицера и пожелала его оставить своим командиром, Орлов вновь вызвал в круг солдат провинившегося офицера и прочитал ему поучение, в котором указал на благородство заступившихся за него солдат. Такие необыкновенные поступки командующего дивизией служили сильнейшим агитационным средством. Объективно они, конечно, были агитацией против всего крепостного строя. Эта линия дивизионного командира, поддержанная его сторонниками, несомненно, стимулировала открытые солдатские выступления против угнетения, которые и не замедлили вспыхнуть в 16-й дивизии.

Восстание в Камчатском пехотном полку началось 5 декабря 1821 г. Отношение к нему М. Орлова и Вл. Раевского и явилось позже основным базисом обвинений против них во время следствия.

Наблюдатели внимательно следили за Михаилом Орловым после доноса Грибовского, и случай, который можно было использовать как повод для отстранения его от командования, скоро представился. Для царского правительства случай этот был чрезвычайно тревожным: солдатская масса начала заявлять о своих правах, проявлять инициативу и оказывать сопротивление начальству. В декабре 1821 г. в 1-й мушкетерской роте Камчатского полка, входившего в состав 16-й дивизии, произошли волнения. Полк был расквартирован около Кишинева, одна из рот полка была расквартирована в 10 верстах от города. Когда подошло время получать провиант, артельщик роты, получив ассигновку, отправился в город и, так как людей кормили на квартирах, продал провиант, как это и полагалось делать в таких случаях. Возвратясь в деревню, он не явился к капитану — командиру роты, так как в соответствии с приказами Орлова хотел всю вырученную сумму полностью сохранить для солдат. «Экономические деньги» за провиант полагалось частью раздавать на руки, частью причислять в артельные суммы; ротные же командиры нередко незаконно пользовались этими деньгами для себя, что вызывало ропот солдат. Капитан Брюхатов узнал, что артельщик вернулся, послал за ним и потребовал деньги, но тот объявил ему, что «рота не приказала отда-

вать ему, а распределила их по капральствам». Взбешенный капитан подверг каптенармуса наказанию палками, а через несколько дней придрался к медленной сушке сухарей и приказал того же каптенармуса наказать вторично. Во время экзекуции, производившейся перед строем, фельдфебель Артамон Дубровский и рядовые Казурский, Куценко и Рябчинский выбежали из рядов и заявили протест против наказания: «За что наказывается каптенармус в другой раз на одной неделе? Он не виноват, и в первый раз был наказан за то, что не отдал капитану ассигновки на провиант по нашему за то запрещению, которое сделано нами по полковому приказу». Но капитан Брюхатов приказал продолжать наказание. Тогда солдаты с криком, что «наказывать не дадут», вырвали у вестовых палки, переломали их и наказываемого артельщика увели с собой. Так как роте предстоял инспекторский смотр М. Орлова, перетрусивший капитан Брюхатов, несмотря на явный бунт в полку, пытался через своего денщика «примириться» с ротой, но на смотре происшествие получило огласку, было начато следствие о событиях в Камчатском полку. Орлов поручил следствие генералу П. С. Пущину — «грядущему Квироге». Решение, вынесенное Орловым в результате следствия, было в пользу солдат, и капитана Брюхатова приказано было отдать под суд [28].

Тщательно сопоставляя хронологию событий в орловской дивизии и следя, с одной стороны, за смелой офицерской пропагандой, а с другой — за настроениями солдат, исследователь не может преодолеть впечатления о готовившемся общем выступлении. Вопрос этот настолько важен и сложен, что, разумеется, требует специального и весьма детального исследования, которое нельзя развернуть в рамках настоящей монографии. Поэтому представим читателю лишь некоторые бесспорные факты, которые приводят к такому умозаключению. Прежде всего обратим внимание на то, что сам Вл. Раевский, разумеется, отдал нижним чинам соответствующие «порционные» деньги, и этот факт, чрезвычайно естественный сам по себе, еще ничего не характеризовал бы, кроме благородного отношения Раевского к солдатам. Но из дела о полковом командире 32-го егерского полка Непенина — несомненном члене организации — мы знаем, что Раевский повел агитацию и в других ротах, требуя, чтобы и там были отданы солдатам на руки «порционные деньги». Так, батальонный командир майор Барсуков подал в январе 1821 г. жалобу Непенину на майора Раевского за то, что он «подучил» солдат обратиться к нему с аналогичной просьбой. Барсуков получил требование «от нижних чинов по внушению Раевского» эти деньги им отдать и предупреждение, что если он этого не сделает, то в его роте «могут произойти неприятные последствия». Непенин приказал Барсукову выдать нижним чинам «порционные деньги» за два месяца вперед, хотя это прямым образом противоречило приказу корпусного командира Сабанеева. Очевидно, если бы майор Барсуков не отдал солдатам «порционных денег», его рота взбунтовалась бы, аналогично роте Брюхатова.

Из того же следственного материала по делу Вл. Раевского видно, что в то же самое время под Кишиневом имело место волнение еще одной роты, которой командовал ненавистный солдатам штабс-капитан Цых, которого Раевский открыто называл «тираном». Из показания видно, что Цых «обходился с нижними чинами несправедливо, отчего рота пришла в необходимость жаловаться и под Кишиневом сама собою собралась в незаконное смотров время для жалобы» (по своему типу «бунт» этот полностью аналогичен волнениям Семеновского полка). В этой связи приобретает значение показание юнкера Михайловского, что Раевский спрашивал у солдат: «примете ли, ребята, на штыки подполковника Неймана, если он вас будет наказывать?» и рота ответила: «Примем, ваше благородие» [29].

Из всего сказанного ясно, что положение с отдачей солдатам «порционных денег» было общим предлогом для волнений ряда рот, которые, конечно, легко слились бы в начало волнений общего порядка. Повторение мотива и общий его характер, разумеется, никак не могут пройти мимо внимания исследователя. Но это еще не все.

Ясно, что Орлов принял 16-ю дивизию в том составе, в каком она была: из следственного делопроизводства видно, что в дивизии было немало скалозубов и различного масштаба шварцев — тиранов солдат, Разумеется, их надо было удалить и заменить своими ставленниками, иначе было бы невозможно организовать выступление. Процесс этой смены командиров и вытеснения скалозубов и шварцев был одновременно процессом прочного завоевания солдатской массы. Во всех случаях, когда Орлов отдавал под суд жестоких командиров рот, они заменялись преданными ему лицами (так, член Союза Благоденствия Юмин заменил отданного под суд Вержейского). Беря этот процесс смены командиров (а без ротного командира невозможно собрать и двинуть роту) в плане высказанного Орловым на съезде предложения об открытом военном выступлении, мы не можем не обратить внимания на такой факт: в 16-й дивизии имелось негласное решение членов кишиневской организации произвести своеобразную «чистку» командного состава, причем сделать это не гласно, а путем изгнания недостойных из офицерского коллектива самим коллективом. Так, в 32-м егерском полку среди офицеров циркулировал особый «дружественный лист», на котором собирались подписи под решением, «чтобы жить им в согласии и чтобы недостойных служить с ними самим изгнать».

В связи с этим же подбором революционных кадров стоит характеристика, данная П. Д. Киселевым Охотникову: «Охотников — мечтатель политический, имел управление ланкастерской школой. Другим лицам провозглашал мнение Орлова и новое для подчиненных существование; говорили, что противники системы просвещения будут уничтожены». Подчеркнутые слова легко связываются с замыслом «дружественного листа» и решением изгнать из своей среды всех офицеров крепостнического духа [30].

Следовательно, к открытым действиям Орлова как начальника всей дивизии, отдававшего под суд преданных крепостническому режиму офицеров, которые могли бы оказать организованное сопротивление восстанию, прибавлялись еще действия возглавленной им негласной организации, изгонявшей подобных офицеров своими способами (полковой коллектив имел право заявить о своем нежелании иметь в составе полка недостойного товарища). Если это так, то изгнание солдатских истязателей из 16-й дивизии («орловщины») приобретает значение не только как справедливый акт гуманного начальника и даже не только как агитационный акт сильного действия, завоевывающий солдатскую массу, но и как прямой подбор «своих людей» на командных постах.

Наконец, надо принять во внимание весьма существенное свидетельство об Орлове декабриста Василия Львовича Давыдова. Последний приходился Орлову дядей и был с ним чрезвычайно близок. На следствии Давыдов давал довольно откровенные ответы. Постоянно ссылаясь на безвредность слов, не сопровожденных «делами», даже в случаях, касающихся цареубийства (поговорили, мол, и все, ведь не привели в исполнение разговоров,—что же тут такого?), он сознался в том, что желал представительного правления в России, но, доказывая, что в вопросах народного представительства все же держался умеренной позиции, ссылался на Орлова, «с которым мы часто прежде о таковых предметах говаривали». Поджио между тем утверждал, что уже после вести о восстании

14 декабря Давыдов выражал сожаление, что восставшая гвардия не была под командой Орлова. Возражая на это, Давыдов с некоторым простодушием ответил: «Говорил он (Поджио.— *М. Н.*) также, что желательно бы. чтобы генерал Орлов был в Петербурге для принятия начальства гвардии, сие не могло быть мне ни противно, ни приятно (!), потому что я уверен был, что генерал Орлов никогда в это не войдет и давно удалился от мыслей такого рода». Подчеркнутые слова убедительно свидетельствуют, что ранее «мысли такого рода» были Орлову присущи, иначе говоря, было время, когда он хотел стать во главе восставших войск [31].

Поэтому существенные данные ведут к тому, что в 16-й дивизии существовал замысел вооруженного выступления, которое ориентировалось на поддержку военных поселений, с одной стороны, и вступало в какие-то дружественные отношения с восставшей Грецией — с другой. Вопрос о том, поднимут ли солдаты на штыки подполковника Неймана или ему подобных, пойдут ли они «за Днестр» на соединение с поселениями, чтобы добыть себе волю, наконец, сожаления, что не было во-время оказано поддержки Семеновскому полку,— все это слагается в общую картину. Один шаг за Днестр, и «все как порох вспыхнет и восстанет», за Днестром «тотчас взбунтуются и пойдет как огонь». Передавались на следствии и такие слова Раевского: «Государь и сам присягал с народом хорошо обращаться; видите, как он нас мучит, он изменил своей присяге, следовательно, и мы могли бы изменить».

О подготовке выступления говорит и послание «К друзьям в Кишинев» Владимира Раевского, которое тот прислал из тюрьмы в скором времени после ареста:

Смотрите, там для вас, друзья.
Горит денница на востоке,
И отразилася заря
В шумящем кровию потоке.
Под сень священную знамен
На поле славы боевое
Зовет вас долг, добро святое.
Спешите, там вокальный (?) звон
Поколебал подземны своды,
Пробудит он народный сон
И гидру дремлющей свободы.

Конец стихотворения не оставляет сомнения, что и в тюрьме Раевский был убежден, что вся подготовленная к восстанию система действий еще «возымеет свой ход» и восстание действительно вспыхнет:

Пора, друзья, пора воззвать
Из мрака век полночной славы
Царя-народа, дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.

6

Между тем события в Камчатском полку стали известны высшему начальству и в Кишинев нагрянул корпусный командир Сабанеев. Начались строжайшие допросы. Примечательна та быстрота, с которой

начальство связало происшествия в Камчатском полку с революционной пропагандой через ланкастерские школы: очевидно, сведения о пропаганде уже давно были в распоряжении командования и за Орловым внимательно следили.

В январе 1822 г. Владимира Раевского вызвали на допрос к Сабанееву, и хотя «первый декабрист» еще мог надеяться, что его деятельность не свяжут непосредственным и прямым образом с восстанием Камчатского полка, было уже очевидно, что дело принимает плохой оборот. Новые доносы, оказавшиеся в руках Сабанеева, давали сложный узел сведений о пропаганде в ланкастерских школах, сговоре офицерства с нижними чинами и об агитационной деятельности А. С. Пушкина — все за одной скобкой:

«В ланкастерской школе, говорят, что, кроме грамоты, учат и толкуют о каком-то просвещении. Нижние чины говорят: дивизионный командир (М. Ф. Орлов.— *М. Н.*) — наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют Орловщиной... Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство... Липранди говорит часовым, у него стоящим: „Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молите бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так вестовые, наставление передайте один другому"» [32].

На допросе Вл. Раевский держался гордо и требовал доказательств. Ареста пока еще не последовало.

В эти тревожные дни неоценимую услугу декабристскому движению оказал ссыльный А. С. Пушкин. Выразительно и живо рассказывает об этом сам Вл. Раевский в своих записках,— нельзя не передать ему слово.

«1822 года, 5-го февраля, в 9 часов пополудни кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване.

«— Здравствуй, душа моя! — сказал Пушкин весьма торопливо и изменившимся голосом.

«— Здравствуй, что нового?

«— Новости есть, но дурные, вот почему я прибежал к тебе.

«— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток С[абанеева]. Но что такое?

«—Вот что,— продолжал Пушкин,— Сабанеев уехал от генерала [Инзова]; дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь согрешил, приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя надо непременно арестовать; наш Инзушка — ты знаешь, как он тебя любит,— отстаивал тебя горячо. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован.

«— Спасибо,— сказал я Пушкину,— я этого почти ожидал, но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям — отзывается турецкою расправой; впрочем, что будет, то будет. Пойдем к Липранди,— только ни слова о моем деле» [33].

Раевский был арестован 6 февраля 1822 г.; таким образом, Пушкин предупредил его накануне ареста, примерно за сутки. Естественно предположить, что сейчас же после предупреждения и, конечно, до посещения П. Липранди Вл. Раевский совместно с Пушкиным уничтожили ряд компрометирующих бумаг. Однако, судя по материалам следствия, были уничтожены лишь опасные бумаги только самого Раевского. Имевшиеся

у него в комнате бумаги другого члена общества и друга Раевского — Охотникова не были тронуты. То ли Раевский простодушно предполагал, что раз обыск коснется лишь его, то бумагами Охотникова никто не заинтересуется, то ли еще не сознавал всего объема грядущей беды или допустил эту ошибку в спешке, или, наконец, его удержало чувство ложной деликатности перед товарищем,— так или иначе, но бумаги Охотникова остались на своем месте. Павел Липранди, к которому Раевский отправился затем с Пушкиным, действительно мог, как правильно замечает В. Базанов, быть полезен Раевскому: он находился при штабе 6-го корпуса, приехал из Тирасполя в Кишинев вместе с корпусным командиром Сабанеевым, был в связи с производимым следствием и в курсе вопроса о восстании Камчатского полка. Именно этому же П. Липранди сутками позже и было приказано Сабанеевым опечатать и забрать бумаги Раевского, а самого его арестовать.

Между тем следствие над возмутившимися солдатами Камчатского полка было спешно закончено, и 20 февраля 1822 г.— через две недели после ареста Раевского — в Кишиневе была произведена расправа. Описание ее мы находим в дневнике П. Долгорукова, очевидца казни: «У Аккерманского въезда, против манежа, в котором Орлов давал нам завтрак в первый день нового года, сегодня происходила торговая казнь. Секли кнутом четырех солдат Камчатского полка. Они жаловались Орлову на своего капитана, мучившего всю роту нещадно, и сами, наконец, уставши терпеть его тиранство, вырвали прутья, коими он собирался наказывать их товарищей. Вот, как говорят, вся их вина... При собрании всего находящегося налицо здесь войска, тысяч около двух, прочитали преступникам при звуке труб и литавр сентенцию военную, вследствие коей дали первому 81, а прочим трем по 71 удару. Стечение народа было большое; многие дамы не стыдились смотреть из своих колясок. И меня привлекло любопытство, но едва я имел столько духу, чтоб несколько раз взглянуть издали на экзекуцию... При мне сняли с плахи первого солдата, едва дышащего, и хотели накрыть военною шинелью. Всякой понесший уже наказание преступник вселяет сожаление, но полковой командир Соловкин закричал: «Смерть военная, не надобно шинели, пусть в одной везут рубахе!» На другом конце солдат простой не мог быть равнодушным зрителем. Он упал, и его вынесли за фрунт».

В дневнике есть примечание, что первый из наказанных солдат и еще один его товарищ «через двое суток померли» [34].

При обыске у Раевского был захвачен и список членов тайного общества, в силу чего судьба всего движения декабристов опять повисла на волоске. Забранные бумаги поступили к генералу Сабанееву. Поскольку в связи с событиями в Кишинев прибыл начальник штаба второй армии генерал Киселев, Сабанеев найденный в бумагах список членов тайного общества передал последнему. С донесением об исполнении приговора над солдатами Камчатского полка Киселев отправил из Кишинева в Тульчин к главнокомандующему Витгенштейну полковника Бурцова. С этой поездкой и связан вопрос о таинственном исчезновении списка членов тайного общества, взятого при обыске у Раевского.

Об этом факте имеются самые разнообразные показания в делах тайного общества. Наиболее важно познакомиться с рассказом об этом на следствии самого Бурцова — единственного лица, чье показание является не пересказом чужой информации, а свидетельством непосредственного участника событий. Бурцов был обвинен на следствии в сожжении списка, что он решительно отрицал. Он показал, что перед поездкой своей из Кишинева в Тульчин с донесением об исполнении приговора он получил от Киселева два пакета с донесением: один, адресован-

ный главнокомандующему второй армией Витгенштейну, другой — дежурному генералу (очевидно, Байкову). «Я немедленно прибыл в Тульчин,— показывает Бурцов,— и, найдя дежурного Генерала за обедом, вручил ему бумагу, которую он распечатал и притом из нее выпала маленькая бумажка, на которой было написано несколько имен. Он просмотрел ее и, согласуя с содержанием бумаги, сказал: «вероятно, Павел Дмитриевич вложил сюда эту записку по неосторожности, ибо она к бумаге не принадлежит». Тогда я ее взял, пошел ко Графу [Витгенштейну], подал ему [другой] конверт, объяснил словесно, что было приказано и, получа отправление, в тот же час поспешил в Одессу, где, явившись к генералу Киселеву, доложил ему, что в бумаге Дежурного генерала нашелся какой-то список, который ему и представил. В этом я призываю Его Превосходительство во свидетели, ибо проступок такого рода достоин высшего наказания... В списке заключались имена: Орлова, Пестеля, Волконского, Юшневского, Комарова, Ивашева, Аврамова, Барятинского, Крюковых, Астафьева и мое. Не было никакой надобности скрывать списка, ибо в то время общества уже не существовало» [35].

Вдумываясь в перечень 12 имен, перечисленных Бурцовым, мы убеждаемся, что они, конечно, не являются общим списком членов Союза Благоденствия. Тут нет ни одного северного члена, нет самого майора Вл. Раевского, нет владельца списка — Охотникова. Едва ли Бурцов мог забыть имя Вл. Раевского, столь тесно вплетенное именно в эти события. В другом показании Бурцов говорит, что Киселевым был получен «лоскуток бумаги, на коем были написаны имена всех членов Тульчинского общества». Стало быть, речь идет не о Союзе Благоденствия в целом, а только о Тульчинской управе? Это же подтверждает свидетельство И. Д. Якушкина в позднейших «Записках». Перечень приведенных выше имен является, кстати, доказательством того, что когда-то в составе Тульчинской управы числился открывающий список Орлов. Приведенный Бурцовым на память через три с лишним года после событий перечень имен не является полным — тут отсутствуют многие члены Тульчинской управы Союза Благоденствия. Конечно, Бурцов за давностью времени мог забыть некоторые имена. Еще интереснее перечень имен в показаниях Вл. Раевского. Он свидетельствует, что список принадлежал ему и был ранее в «альбоме», из которого он позже вырвал лист с именами. На листе значились, как он помнит, «имена тех членов общества, о коих узнал я от подполковника Комарова и капитана Охотникова, а именно: Пестель, Юшневский, Фонвизин, Бурцов, Абрамов, Тургенев, генерал-майор Орлов, Комаров, Охотников, Филиппович, Муравьев, Граббе и еще не помню кто-то...». Здесь налицо уже не только Тульчинская управа, в списке представлена и северная организация; замечательно упоминание о Николае Тургеневе и Муравьеве (очевидно, Никите).

И. Д. Якушкин вносит важные дополнения в вопрос об исчезновении списка: «...Генерал Сабанеев отправил при донесении найденный у Раевского список всем тульчинским членам (в смысле: «всех тульчинских членов»), они ожидали очень дурных для себя последствий по этому делу. Киселев призвал к себе Бурцова, который был у него старшим адъютантом, подал ему бумагу и приказал тотчас же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцов очень был удивлен, нашедши между листами данной ему бумаги список тульчинских членов, писанный Раевским и присланный Сабанеевым отдельно; Бурцов сжег список и тем кончилось дело» [36]. Возможно, что Якушкин досказывает конец всей истории, рассказ о которой лишь начат Бурцовым в показании на следствии. Из всей картины видно, что П. Д. Киселев, несомненно, знавший о существовании тайного общества, понял значение полученного от Сабанеева списка и испытывал

сильнейшие колебания. Он не уничтожил его, однако, сам и не отдал сразу Бурцову для уничтожения (под предлогом, чтобы «по нему исполнить»); он послал его, правда, без объяснений, дежурному генералу. Не возврати ему дежурный генерал второй армии генерал-майор Байков этого документа, дело, очевидно, получило бы какой-то дальнейший ход. Попади этот список в руки правительства, он явился бы доказательством, что общество вовсе не ликвидировалось, а продолжает существовать. Все имена, перечисленные на память Бурцовым, за немногими исключениями, уже были известны правительству по доносу Грибовского. Если так, то в конечном счете спас Тульчинскую управу Бурцов, уничтожив список. Но более серьезная опасность подстерегала общество на другом пути — во время допросов Вл. Раевского. Он знал чрезвычайно многое, не только имена, которые он мог перечислить куда полнее, чем список. Спасла тайное общество непоколебимая, истинно революционная твердость на допросах Вл. Раевского, которого не сломили никакие испытания, и, несомненно, самоотверженная смелость А. С. Пушкина, преданного своим революционным друзьям и их «скорбному труду», предупредившего Раевского об аресте и, очевидно, участвовавшего в уничтожении его бумаг.

Раевский проявил удивительную стойкость: заключенный в тюрьму, подвергавшийся при производстве судебного дела «не только строгим, но и жестоким средствам», он все же не выдал никого.

Он писал товарищам из тюрьмы:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу свою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил.

Четыре года он провел в тюрьме под угрозой смертного приговора, героически сопротивляясь на допросах и всячески запутывая следователей. Он прошел через пять военно-судебных комиссий, и только после восстания 1825 г. следствие по делу декабристов начало выяснять его роль в тайном обществе. Лишь в 1827 г., через два года после восстания, дело его было закончено, он был лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь на поселение (в село Олонки, близ Иркутска).

«Хотя я шестой год в тюрьме, но я не был и не буду бездушным рабом»,— сказал Владимир Раевский на следствии [37].

Владимир Раевский и Иван Щербатов — два имени, которые с величайшим уважением упоминает историк революционного движения: оба многое знали, были арестованы до восстания и оба не показали ничего о тайном обществе, не согнулись перед тюрьмой, перед пыткой, перед палачами, не выдали участников молодого русского революционного движения.

Позже, на следствии 1825—1826 гг., после того, как оба восстания декабристов были разгромлены и тайное общество уничтожено, многие члены погибшей организации, даже самые сильные, были сломлены тюрьмой и давали подробные показания. Далекие от народа, они не ощущали поддержки за тюремными стенами,— за этими стенами была лишь окровавленная Сенатская площадь с сотней трупов, разбросанных по снегу. Но Вл. Раевский чувствовал за стенами Тираспольской крепости живую, действующую тайную организацию, им сохраненную для жизни и борьбы. Это давало ему силы быть гордым и стойким перед своими палачами.

Но нужно было спасать Михаила Орлова. Конечно, спасти для д е л а его уже было невозможно — следствие зашло чересчур далеко и выяснило

слишком много,— но декабристы пытались сделать для Орлова, что могли. С. Г. Волконский тайно заказал поддельную печать дежурного генерала второй армии Байкова (председателя полевого аудиториата), курьеры провозили бумаги через место расположения бригады Волконского, и запечатанные пакеты по делу Орлова могли при известных усилиях оказаться в его руках. Эта вина Волконского попала даже в алфавит декабристов («имел поддельную печать председателя полевого аудиториата для раскрытия пакета по следственному делу о родственнике его Михайле Орлове»). Из дела Волконского мы знаем, что печать действительно пускалась в ход и пакеты об Орлове раскрывались, читались, затем запечатывались вновь. После окончания дела Орлова поддельную печать хранили на всякий случай у младшего Поджио, и лишь при обыске у последнего его старший брат успел бросить ее в огонь [38].

Слухи об открытии заговора во второй армии получили широкое распространение. В октябре 1822 г. Пестель получил письмо от отца, в котором тот предупреждал его, что во второй армии «есть злоумышленники». Отец Пестеля и не подозревал, разумеется, что предупреждал о необходимости быть осторожным самого главного южного «злоумышленника» [39].

В такой тревожной и полной реальных опасностей обстановке протекал первый этап жизни обоих тайных обществ — этап их организационного и программного становления.

Арест Владимира Раевского, следствие по делу Орлова и отстранение последнего от командования дивизией были тяжелым ударом для молодого декабристского движения. Но оно выдержало и это испытание, продолжая работать в трудных условиях 1823—1825 гг., лицом к лицу с нарастающей реакцией. Общество потерпело большой урон: его сильная и очень активная кишиневская организация, имевшая как никакая другая крепкие связи с солдатской массой, была разгромлена: Вл. Раевский был брошен в тюрьму, Орлов отстранен от командования дивизией и фактически выслан в деревню, Охотников вскоре умер, Непенин отстранен от командования полком. Кишиневская ложа «Овидий» была закрыта.

Все же, несмотря на этот тяжелый удар, движение декабристов продолжало существовать и развиваться не только на юге, но и на севере.

7

Мы оставили возникающую и оформляющуюся северную организацию в момент выступления гвардии на маневры весной 1821 г. Пестель в это время беседует с Пушкиным в Кишиневе, тульчинская южная организация оформляется и определяет себя, включая в свой состав северного представителя — Никиту Муравьева, в Кишиневе идет работа среди солдат и юнкеров, Владимир Раевский гремит с кафедры о Демосфене и Крассе, о Румянцеве и Суворове, о будущих наших подвигах. Вернемся теперь к Северному обществу. Что же происходило там в описываемое время и в чем выражалась связь с южанами?

Северное общество провело, как мы помним, ряд организационных собраний, работало, повидимому, сразу в двух группах (тургеневской и муравьевской) над программой и уставом, отлитографировало проект своей программы в группе Муравьева — Лунина и успело через Лопухина переслать проект на юг к Пестелю. Нельзя не признать активной эту деятельность, особенно если принять во внимание, что она вместилась в короткий отрезок времени от конца февраля — начала марта 1821 г. до начала похода гвардии, который приходится на весну того же 1821 г.,— Никита Муравьев датирует этот поход апрелем-маем.

Декабрист Н. И. Лорер в своих «Записках» выразительно и откровенно пишет, что гвардию вывели из столицы на 15-месячные «маневры» не только для того, чтобы «проветрить гвардейский душок», но и «не дать повториться Семеновской истории». Но цель, поставленная правительством, не была достигнута; «умы» не только не «успокоились», но продолжали возбужденно работать [40].

Маневры гвардии передвигают центр общества в лице Никиты Муравьева в Минск и отделяют его территориально от Николая Тургенева. Общество вновь несколько передвигается в пространстве, но все же встречи членов общества имеют место и работа продолжается. На маневрах встречались Никита Муравьев, Лунин, Шипов, был принят Поджио, там же был И. Пущин. Никита Муравьев почти неразлучен с Вольховским (с которым стал, между прочим, изучать польский язык). Таким образом, связи Северного общества не разорвались, а поддерживаются. Тут же был и младший брат Никиты Муравьева — Александр, в дальнейшем член тайного общества. Заметим, что офицерство опять организовало на маневрах привычную «артель»,— о ней пишет Никита Муравьев в письмах своей матери [41].

«В 1821 году,— показывает М. Лунин,— когда гвардия выступила из Петербурга в Виленскую губернию, близ Полоцка с Шиповым я виделся и имел сношения; тут же сошелся я и с служившим в Преображенском полку Поджио, которому о цели общества, может быть, говорил, и мог он видеть у меня написанный на листках Устав Союза». Поджио сознается, что на предложение Лунина вступить в общество он скоро согласился, «будучи еще прежде к тому склонным». Лунин обещал Поджио, что внесет его в Петербурге в книгу членов общества, из чего ясно следует, что речь шла именно о Северном обществе. Более того, это же свидетельство Лунина доносит до нас с большой убедительностью и самую тематику разговоров со вновь принятым в общество преображенцем. Она свидетельствует о направлении «умов» во вновь образовавшемся обществе: «О покушении же на жизнь покойного государя ему Поджио мог не иначе говорить, как в разговоре о мнениях некоторых членов общества»,— продолжает показание Лунин. Сам Поджио свидетельствует, что средством тайного общества была «сила войска» [42].

Именно во время этого 15-месячного «карантина» Никита Муравьев погрузился в работу над своим конституционным проектом. Прием новых членов шел в это время замедленным темпом, что не всецело зависело от условий похода и отдаленного расквартирования частей, а также и от того обстоятельства, что политическая программа общества еще не была готова и надо было спешить именно с нею, чтобы затем заняться привлечением наибольшего количества членов в определившее свои цели общество. Это стимулировало среди других причин работу Н. Муравьева.

В силу всего этого показание Никиты Муравьева на следствии, что с началом выступления гвардии «в поход» в апреле или мае 1821 г. общество совсем прекратило работу, потому что в Петербурге не осталось «ни одного члена», ничего не доказывает: пусть даже не осталось, обществу не впервой было передвигаться с гвардией, это не могло иметь решающего значения. Но и по существу свидетельство это надо признать неточным; Николай Тургенев и несколько членов общества остались в Петербурге, остальная масса двинулась в поход, но там не была бездеятельной.

Отсюда следует, что в 1821 г. «муравьевский» зародыш Северного общества продолжал жить и развиваться и на маневрах, концентрируясь вокруг Никиты Муравьева и Лунина, причем развивался в революционном духе: обсуждались основы «устава», планы военного удара «силою войск» и вопросы цареубийства. О том, что работу над новым уставом

хотели сделать коллективной, говорит не только факт, что проект устава был отлитографирован северянами, как указывалось выше. Зачем было литографским способом размножать проект, как не для того, чтобы давать его для соображений и замечаний не одному, а многим членам общества? Работа над уставом засвидетельствована тем же Поджио,— он перерабатывал устав по поручению Никиты Муравьева [43].

В свете всех этих показаний начинают еще полновеснее звучать следующие два — одно Лунина, другое Пестеля. Лунин свидетельствует, что постановления об уничтожении тайного общества члены не признали как на юге, так и на севере: об «объявленном в 1821 году в Москве уничтожении прежнего Союза и что некоторые члены на Юге и на Севере не приняли сего уничтожения, но решились продолжать общество, я знал и одобял оное». В этом показании — реакция как Юга, так и Севера со стороны членов, желающих «продолжать» общество, выглядит совершенно одинаково. Свидетельство же Пестеля гласит: «...И после объявления в начале 1821 года в Москве об уничтожении Союза Благоденствия продолжало республиканское правление быть целью тех частей Союза Благоденствия, которые сказанное уничтожение не признали». Множественное число («тех частей») здесь, конечно, употреблено не случайно. Принимая во внимание, что в этот момент Пестель действует в тесном контакте с Луниным и Никитой Муравьевым, к его свидетельству в части, касающейся Северного общества, надо со вниманием прислушаться. Цареубийство в истории декабристского движения всегда было тесно связано с республиканскими идеями. На основании приведенного выше материала можно предположить, что Северное общество, представленное организационно Н. Муравьевым и его единомышленниками, во время маневров 1821 г. еще не совсем порвало с республиканским «духом» [44].

Никита Муравьев сохранил в памяти ценнейшее для истории движения декабристов правило: «У нас было условлено, что член Северного общества, переселившись на Юг, поступал в ведение Южного общества, а член, переселившийся на Север, поступал в ведение Северного общества». Не остается сомнений, что правило это было принято на раннем этапе деятельности общества, о чем говорит весь контекст данного свидетельства, подтверждающего взаимную связь Юга с Севером.

Приведенное выше приглашение Никиты Муравьева посетить киевские «контракты» в январе 1822 г. также свидетельствует об этом [45].

Оставшийся в Петербурге Николай Тургенев, повидимому, был менее активен, чем Никита Муравьев,— в этом не мог не сказаться уход гвардии. В опустевшей столице несколько ослабилась самая атмосфера «духа времени» и сильно поредела общественная среда, из которой тайное общество черпало свои силы. Но все же Тургенев не прекращал сношений с членами общества и не был бездеятелен, что полновесно засвидетельствовано И. Д. Якушкиным в его «Записках». Мемуарист пишет, что Николай Тургенев первое время по приезде своем в Петербург «мало принимал участия в делах нового Тайного общества», но и не прекращал сношений со многими из его членов. «Непонятно, как в своем сочинении о России мог он решиться отвергать существование Тайного общества и потом отрекаться от участия, которое он принимал в нем, как действительный член, на съезде в Москве и после на многих совещаниях в Петербурге» [46],— с возмущением добавляет И. Д. Якушкин. Поскольку черновик оправдательной записки Николая Тургенева находится теперь в руках исследователя, нельзя в этой связи не обратить внимания на зачеркнутую им фразу: он «с жаром и часто с неосторожностью говаривал о выгодах сих (конституционных.— *М. Н.*) правлений с членами общества и с лицами посторонними. И кто может быть свободен от такого обвинения в то время,

когда революция в Испании...»,— тут фраза прервана и зачеркнута. Совершенно очевидно, что содержание зачеркнутой фразы говорит об исторической обстановке между 1820—1822 гг., ибо по отношению к 1823 г. уже нельзя было бы сказать того же (испанская революция была разгромлена, и конституционное правление рухнуло). Следовательно, даже по собственному признанию, Николай Тургенев был политически активен и пропагандировал конституцию в 1821—1822 гг., причем, по собственному же признанию, развивал эту деятельность и среди членов общества и «с лицами посторонними», т. е. искал кандидатов в члены нового общества, стремился пополнить организацию.

Царский смотр 1821 г. в Бешенковичах был не просто центральным событием служебной жизни гвардии. Поскольку с ним связаны последующие события, имеющие политический оттенок, необходимо упомянуть о нем. Командующий гвардейским корпусом генерал Васильчиков вместе с генералом Сакеном решили устроить в Бешенковичах великолепный праздник для «примирения» царя с гвардией: после «семеновской истории» и прочих свидетельств напряженного положения (не будем исключать из их числа и доноса Грибовского) в этом была у правительства сильная необходимость. Декабрист Лорер оставил нам сравнительно подробное описание смотра, который, по официальным материалам, относится к сентябрю 1821 г. В Бешенковичи были стянуты к этому времени все гвардейские части, иными словами, тут были сосредоточены и все декабристы, двинувшиеся с гвардией в поход. Впервые в царском смотре принимал участие вновь сформированный Семеновский полк. «Огромная равнина стлалась на необозримое пространство...,— повествует Н. Лорер,— несметные полки покрыли стройными рядами поля Бешенкович. Государь стал объезжать фронт и подъехал к новосформированному Семеновскому полку... Погода была сырая, взводы как-то уныло прошли мимо государя, и я не помню никогда такого неоживленного смотра».

Тем больше старалось начальство получше организовать последующий «праздник». Каждый офицер должен был пожертвовать для этого «по полуимпериалу». В версте от великолепного дома графа Хребтовича, где остановился Александр I, дома, окруженного оранжереями и «всевозможными затеями богатого помещика», «из соломы и ельнику» соорудили «великолепный зал» на 1500 человек, курьеры поскакали в Ригу за вином и в Петербург за капельмейстером. «Стены» зала убрали оружием и цветами. Царь прибыл на праздник верхом и под руку с генералом Сакеном направился к сооружению. Генерал воскликнул: «Господа, за мною, кивера и шляпы долой!», и сам снял шляпу. Все «пошли к государю с повинною головою навстречу...». Царь со многими милостиво разговаривал «и о прошедшем — ни слова...». Грянула музыка под управлением самого Дерфельда, полетели пробки, и государь император при громе пушечных выстрелов изволил провозгласить тост за здоровье храброй российской гвардии. Так было инсценировано «примирение» с гвардией после «семеновской истории», и громовое «ура» потрясло окрестности.

Но глубоко внутри, под покровом формального «примирения» развивались дальше те же процессы, на основе которых росло русское революционное движение эпохи. Развитие «вольного духа» продолжалось в той же гвардии и даже в том же лагере у Бешенковичей.

Прошло немного времени (еще великолепное пиршество в соломенном зале было у всех в памяти), как по почтовому тракту, перерезавшему в какой-то деревушке расположение гвардейских лагерей, пронеслась фельдъегерская кибитка. Она остановилась у почтового двора, и находившийся тут (случайно ли?) Н. И. Лорер увидел выходящего из кибитки

обросшего бородой арестанта — подполковника Кашкарова, бывшего ротного командира головной государевой роты раскассированного Семеновского полка. Да, это был он — арестованный и отданный под суд офицер Семеновского полка, товарищ и однополчанин многих декабристов. Его должны были судить вместе с полковником Вадковским, майором Иваном Щербатовым и отставным полковником Ермолаевым. Кашкаров в начале восстания имел в руках записку о зачинщиках семеновских волнений, переданную ему фельдфебелем, но уничтожил ее, не передав следствию, чтобы спасти солдат, — такова была немаловажная его «вина».

Лорер бросился к приятелю с взволнованными вопросами. Кашкаров отвечал, что везут его в Витебск на следствие, председателем которого является генерал-адъютант Алексей Орлов, один из организаторов великолепного «примирения». Лорер устроил обед для арестованного друга и обедал с ним вовсе не с глазу на глаз: на квартиру Лорера поспешили сойтись и «остальные знакомые» Кашкарова. Вероятно, их немало собралось в лагерях, где была сосредоточена вся гвардия. После обеда фельдъегеря уговорили остаться «переночевать», а «вечером распарить русские косточки» в топившейся на дворе бане. Фельдъегерь Федоров на все согласился, что даже удивило декабристов, но из расспросов выяснилась причина его невероятной снисходительности: некогда сам фельдъегерь был узником Петропавловской крепости и знал, что такое тюрьма. Едва ли надо добавлять, что подобная встреча не могла быть «легальной» [47].

Так дружески приняли отданного под суд арестанта по «семеновскому делу» гвардейские офицеры, только что будто бы примирившиеся с царем после семеновских волнений.

Но этого мало. Еще одно событие говорило о том, что брожение не затихает, — это так называемая «норовская история» в лейб-гвардии Егерском полку. Разыгралась она во время того же «похода» гвардии, в Вильне, весной 1822 г. Великий князь Николай Павлович остался недоволен разводом двух рот и в оскорбительной форме сделал выговор ротному командиру — декабристу Норову, бывшему с 1818 г. членом Союза Благоденствия. По отъезде великого князя офицеры собрались к батальонному командиру Толмачеву и заявили требование, как свидетельствует сам Николай Павлович в письме к И. Ф. Паскевичу, «чтоб я отдал сатисфакцию Норову». Дело шло, таким образом, не более не менее как о вызове на дуэль. Поскольку и речи не могло быть о дуэли с членом царствующего дома и Николай «сатисфакции» не отдал, офицеры полка решили реагировать иначе — всем в демонстративном порядке уйти в отставку. Решение это приняло около 20 офицеров, положено было подавать через каждые два дня по два прошения об отставке. Бросили жребий, кому первому начинать, и шестеро успели привести намерение в исполнение. В «норовской истории» принимали участие члены тайного общества Оболенский, Алексей Челищев и некоторые другие. И. Ф. Паскевичу с большим трудом удалось потушить «норовскую историю» и тем заслужить вечную признательность Николая [48]. Как видим, «примирение» царя с гвардией носило довольно условный характер. Более того, «поход гвардии имел совершенно противные последствия, нежели каких от него ожидал император», — читаем мы в «Записках» И. Д. Якушкина: «Офицеры всех полков, более свободные от службы, чем в Петербурге, не подвергались такому строгому надзору, как в столице, часто сообщались между собою, и много новых членов поступило в Тайное общество. Никита Муравьев в Витебске написал свою конституцию для России...» [49].

Создание Никитой Муравьевым конституционного проекта было крупным событием в жизни только что образовавшегося Северного общества. Проект этот, как сказано, был написан именно во время похода гвардии и, как сам Муравьев свидетельствует, в Минске. Анализируя минский проект конституции, реакцию на него южан и северян, мы переходим, естественно, и к конституционной работе юга. Хотя работа над конституционным проектом декабристов является самостоятельной проблемой и должна быть для удобства выделена в особую главу, надо подчеркнуть, что она возникает и развивается в органической связи с историей тайного общества. Она теснейшим образом сплетена с нею и ею обусловлена, отражая в себе определенные этапы движения декабристов и вместе с тем в известной мере определяя их. Конституционные проекты никак нельзя изучать в отрыве от декабристского движения, выносить их за его рамки. Таким образом, и самая тема «становления» обеих организаций, завершаемая первыми вариантами программных разработок, неизбежно переходит в известной мере в проблематику следующей главы, хотя и не лишает ее самостоятельного характера.

Глава X

РАБОТА НАД КОНСТИТУЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ 1822—1823 гг.

(РАННИЕ РЕДАКЦИИ КОНСТИТУЦИИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА И «РУССКОЙ ПРАВДЫ» П. И. ПЕСТЕЛЯ)

1

Творческая история Конституции Никиты Муравьева восстанавливается на основании изучения трех дошедших до нас вариантов его проекта: 1) текста, переписанного С. Трубецким и взятого при обыске в бумагах последнего,— этот текст в литературе принято называть «первым вариантом» Конституции Никиты Муравьева; 2) текста, сохраненного в портфеле И. И. Пущина, вероятно, переписанного рукой К. Ф. Рылеева,— текст этот обычно называется «вторым вариантом»; 3) наконец, имеется еще один текст, написанный рукой самого Никиты Муравьева в Петропавловской крепости, в процессе следствия,— этот текст — единственный, написанный самим автором,— именуется в литературе «третьим вариантом». Принятая нумерация имеет то явное неудобство, что она отражает не реальный процесс возникновения вариантов данного конституционного проекта, а лишь архивное их наличие. Она дает номера лишь сохранившимся и дошедшим до нас редакциям, в сущности идентифицированным с рукописями. Варианты фиксированы, таким образом, по обязательному признаку архивного существования текста, неизбежно создавая у читателей иллюзию, что и в реальном творческом процессе существовали *только* они.

Между тем реально существовали не только они; были и другие, не дошедшие до нас, тексты Конституции Никиты Муравьева, существование их документально доказано и общеизвестно. Так, совершенно несомненно, что в 1825 г. возникла новая редакция, новый вариант конституционного проекта Никиты Муравьева; вариант этот родился в условиях взаимодействия с уже определившимся более демократическим течением и отражал сложную ситуацию, создавшуюся в северной организации в связи с победой республиканского крыла. Борьба эта в некоторых отношениях продвинула вперед, несколько радикализировала и политические позиции Никиты Муравьева. По вполне обоснованному мнению Н. М. Дружинина, редакция эта была закончена к осени 1825 г., и ни у кого из исследователей нет сомнений в ее существовании. Однако эта редакция, этот вариант не имеет в литературе о декабристах своего «номера» единственно в силу того, что рукопись была уничтожена перед обыском Муравьева и до нас не дошла. Допустим, что некоторые черты этого варианта отражены в тюремной записи конституционного проекта. Но сам Никита Муравьев предупредил на допросе, что не может воспроизвести в тюрьме свой проект «совершенно в том виде, в каком оный был написан». И он, конечно,

был прав. Тюремный проект существенно и принципиально отличается от последнего «вольного» (т. е. написанного на воле) варианта: во-первых, в нем по понятным причинам полностью исчезла вводная принципиальная часть, во-вторых, иначе — в более благожелательном к царизму духе — оказался трактован вопрос о царской власти, в-третьих, полностью исчезли военные преобразования. Это еще не исчерпывает его отличий от последней «вольной» редакции, но и сказанного достаточно, чтобы прийти к заключению, что тюремный вариант оказывается по меньшей мере «четвертым» по счету. Тюремная обстановка создала, таким образом, бесспорно новый вариант муравьевской Конституции, написанный подследственным лицом в Петропавловской крепости. Отсутствие в принятом чередовании вариантов, в их общей нумерации последнего, наиболее зрелого проекта стесняет исследователя: ведь его задача — восстановить реальную картину сочинения Конституции через сохранившиеся ее тексты и многочисленные о ней показания. Даже не говоря о более ранних редакциях, удобнее оперировать не менее как четырьмя «вариантами» Конституции Никиты Муравьева [1].

Но есть еще более важная сторона в самом методе исследования конституционных проектов декабристов. Огромное место в этом изучении занимает в имеющейся литературе кропотливое сопоставление декабристских текстов с иностранными конституциями. Конечно, для исследователя представляет несомненный интерес тот факт, что декабристы знакомились с конституционными памятниками Западной Европы и Америки, учитывали богатый конституционный опыт других стран, создавая самостоятельное и оригинальное решение русского основного закона, приспособленного, по их понятиям, к потребностям России. Они не отъединялись от всемирно-исторического развития и сознательно становились на его почву. Если бы эта сторона дела сохранила присущее ей значение одной из многочисленных сторон вопроса, можно было бы не останавливаться на этой проблеме. Но либерально-буржуазная и народническая историография с легкой руки А. Н. Пыпина и В. И. Семевского придала этому вопросу едва ли не всепоглощающее значение. Многие десятки страниц монографических работ о декабристах заполнились мелочными сопоставлениями и далеко идущими выводами, носившими будто бы исчерпывающий характер. Особенно много потрудился в этом отношении В. И. Семевский, несомненно, особо укрепивший в исследовательской литературе о декабристах эту ошибочную традицию. А. А. Корнилов и отчасти Н. А. Рожков продолжили эту же линию, отчасти отразившуюся и в трудах советских исследователей [2]. Каждая строка декабристской Конституции тщательно сопоставлялась с предполагаемым «прототипом» такого-то иностранного образца, и в результате микроскопических изысканий исследователь приходил, положим, к выводу, что норму представительства — один выборный на 10 тысяч жителей — Никита Муравьев взял именно из конституции штата Теннесси, четырехдневный срок продолжительности выборов заимствовал из основного закона Мериленда, замещение четвертой части ежегодно выбывающих депутатов похитил из конституции штата Кентукки, а требуемый для депутатов 30-летний возраст присвоил из североамериканской федеральной конституции и даже размер ежедневного вознаграждения депутатов в количестве двух русских рублей каким-то удивительным образом ухитрился выхватить из «нормы Род-Исланда» (очевидно, Род-Айленда). Простая мысль о трехгодичном сроке полномочий исполнительной власти — и та оказывается присвоенной сразу из трех американских конституций: штатов Индианы, Нью-Йорка и Мериленда. Один из авторов, посвятивший данному вопросу специальную работу, вообще пришел к выводу, что Конституция Никиты Муравьева восходит

идейными корнями к англо-саксонскому правотворчеству и притом не в британском, а в американском его варианте. Подобный вывод основан на ошибочной методологии и глубоко неправилен.

Разоблаченное марксистской наукой идеалистическое литературоведение научило исследователей указанному ошибочному методу и толкнуло их на путь огромных затрат труда для выводов, лишенных реального исторического содержания. Законно спросить, а как же, с этой точки зрения, авторы конституций штатов Огайо и Мериленда, Нью-Йорка и Теннесси тоже у кого-нибудь похищали свои пункты или сочиняли их сами? И если похищали, то кто же первый сочинил самые первые исходные данные европейских конституций? И если кто-то их сам сочинил, то почему ему оказалось доступно вдохновение самостоятельного творчества, а русские — весьма образованные и подготовленные к этому творчеству авторы — оказались лишенными этого преимущества?

Описанный метод не только бессилен восстановить основные черты творческой истории русских и любых конституционных проектов,— он явно и бесспорно искажает этот процесс, не дает даже приблизительного представления о его действительном ходе. Принимая этот метод, исследователь видит русского революционера как бы замкнутым в четырех стенах кабинета, среди груды иностранных книг, усердно копирующим и лишь иногда видоизменяющим ту или другую статью или параграф чужеземных конституций. Между тем в действительности творческий процесс развивался иначе. Ведь русские революционеры решали задачи, поставленные реальной действительностью, историческим развитием их страны. Идеи вырастают на почве действительности. В силу этого процесс конституционного творчества является в первую очередь продумыванием особенностей русской действительности в элементах нового, проявившегося в историческом процессе, и поисками соответственных основных юридических норм. Определяя имущественный ценз, длительность выборной процедуры или выбирая осенний сезон, а не какое-либо иное время для избирательных собраний и созыва депутатов, Никита Муравьев, конечно же, думал прежде всего о русской действительности. Определяя имущественный ценз, он, несомненно, размышлял об имеющемся наличии, объективно говоря, буржуазных, собственнических элементов в России его времени и о желательном для него, как автора проекта, направлении роста этих элементов в будущей России, освобожденной от крепостного права, но сохраняющей известные преимущества дворянства. Определяя осеннее время для выборов и созыва депутатов, он несомненно, принимал в соображение уже убранный осенью урожай и естественный перерыв в сельскохозяйственных работах. Считаться с этим он полагал нужным потому, что желал обеспечить хозяйственное процветание России и не хотел мешать выборами ходу сельскохозяйственного производства. Он, несомненно, многократно сопоставлял «идеальный» для него будущий новый строй, базирующийся на реальных элементах нового в истории его родины, с печальной и возмущавшей его душу картиной крепостнической России своего времени. Он противопоставлял собрание депутатов будущей «державы» мрачной канцелярии генерал-губернатора с бездушными бюрократами-чиновниками и подобострастно вытянувшимися в струнку или дрожащими просителями. Он противопоставлял будущее народное вече, русский парламент деспотическому антинародному самодержавию, замкнувшемуся в неприступном для народа Зимнем дворце и в глубоком мраке личного произвола вершившему государственные дела. Этот тип сопоставлений был основным и ведущим в его творческом процессе. И если он считал нужным положить два рубля в сутки на содержание русского депутата, так не потому, что в Род-Айленде клали на это столько-

то долларов, а потому, что он прикидывал, во что обойдется по русским ценам пристойное содержание избранника народа, приличествующее его общественному положению. Западные и американские конституции лишь помогали его самостоятельному размышлению над всеми этими вопросами.

Для оформления вырастающих на русской почве конституционных идей декабрист — автор конституции пользовался, разумеется, установившейся общей конституционной проблематикой и соответствующей терминологией. Его работа облегчалась приобретенным им широким образованием и прекрасной осведомленностью в правовом творчестве различных стран. Он говорил зрелым юридическим языком своего времени, а не лепетом наивного и неподготовленного политического мечтателя со скудным или только что выдуманным убогим политическим словарем. Давно и прекрасно осведомленный (он, вероятно, затруднился бы ответом на вопрос, когда именно он узнал это) с фактом протоколирования особых мнений и считая это целесообразным, нуждался ли он, излагая этот простой вопрос, в списывании конституции Мэна? Он стократно возвращался мыслью к вопросу о депутатской неприкосновенности — душе представительного строя,— противопоставленной полицейской практике ареста и тюрьмы для представителей неугодного царю «направления умов». Логика конституционного дела требовала депутатской неприкосновенности,— почему же ему в этом ясном случае потребовалась никакая иная конституция, как конституция штата Индианы? Нередко словесная и у́же — терминологическая форма, облекающая юридическое постановление, может быть самостоятельно найдена автором проекта и все-таки казаться формально совпадающей и якобы «заимствованной». Это формальное совпадение не означает решительно ничего, кроме того, что установившаяся проблематика и терминология конституционного творчества явились уже ко времени Никиты Муравьева и Пестеля достаточно устоявшимися и созрели на общем всемирно-историческом базисе, родились в процессе смены феодализма капитализмом. Даже в том случае, когда та или иная формула, подчас приближающаяся к образной речи или ораторской находке, совпадает буквально,— это означает прежде всего совпадение двух мыслительных процессов в своих конечных выводах. В гордой формуле «Русской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» важно не то, что сам автор написал на полях «Из И. К.» (т. е. «Из испанской конституции»), а важно объективное значение этого утверждения для России (а не для Испании!). Никита Муравьев, противник самодержавия, именно так думал о русском народе, при этом он был деятелем России. Никита Муравьев боролся в приведенной выше формуле с реальнейшим русским самодержавием,— лишь на этом и может базироваться историческая оценка приведенной формулы в его проекте. Только сопоставление этого утверждения с русской действительностью и выявляет движение исторического процесса, а следовательно, и определяет исследовательскую позицию историка, изучающего проект.

Таким образом, широко распространенное в литературе мнение, что задуманная Никитой Муравьевым Конституция должна была возникнуть из систематического сравнения и творческой переработки американского, западноевропейского и русского правового материала, представляется в силу изложенных выше соображений неправильным. Нет, Конституция Никиты Муравьева должна была возникнуть прежде всего из понимания русской жизни, выявления в ней передовых ведущих и с точки зрения декабриста опорных элементов нового и творческого, самостоятельного решения о желательном направлении дальнейшего развития ее социально-экономических процессов и политической жизни. Оформление основного

закона будущей революционной России происходило на основе самостоятельного и компетентного создания конституционных формулировок, сделанных на зрелом политическом языке и с применением уже выработанной долгим опытом конституционной проблематики и терминологии своего времени, с широким учетом опыта конституционного творчества. Н. М. Дружинин вполне прав, когда приходит к выводу, что конституционный проект Никиты Муравьева «не менее самостоятельное произведение, чем французские конституционные акты или проекты русских политических реформаторов»[3].

Главнейшее в исследовании — обоснование объективного исторического значения конституционного проекта. В этом отношении первоочередной задачей историка является не сопоставление вышедшей из-под пера автора Конституции с мировоззрением автора и тонкие соображения, в какой мере абстрагированное от каких бы то ни было фиксаций и доказательств данное мировоззрение, как таковое, сказалось и воплотилось в конституционном проекте (конституционный проект и является прямой документализацией мировоззрения) или «разошлось» с проектом, в таких-то деталях не совпало с ним или вообще не вполне воплотилось в нем. Дело вовсе не в этом. Первоочередной задачей исследования является совсем другое — определение объективного исторического значения проекта. А последнее возможно лишь в результате сопоставления проекта с русской действительностью, которую проект стремится преобразовать.

2

Никита Муравьев показал на следствии, что начал писать проект своей Конституции в 1821 г. в Минске, где находилась в то время главная квартира гвардейского корпуса и где по обязанностям службы должен был пребывать и вернувшийся на военную службу Никита Муравьев. Так как он был принят вновь на военную службу (после отставки, длившейся более полутора лет), по формулярным данным, 1 октября 1821 г. и, судя по семейной переписке, в декабре 1821 г. находился в том же Минске, мы могли бы добавить уточнение к показанию на следствии: он начал писать Конституцию в последние месяцы 1821 г. (сам декабрист говорит об «осени»). Однако выражение «начал писать», несомненно, требует комментария.

Необходимость создать конституционный проект будущей революционной России, естественно, должна была обостриться после уяснения «сокровенной цели» Союза Благоденствия в начале 1820 г., после совещаний у Глинки и Шипова. К этому выводу ведет логика вещей. Тайное общество единогласно голосовало за республику,— как же будет устроена республиканская Россия, какой основной закон определит ее политический строй, оформит новые социальные отношения, ликвидирует крепостничество, установит народное представительство? Естественно предположить, что на этот вопрос решили ответить политические единомышленники 1820 г.— Пестель и Никита Муравьев, оказавшиеся ведущими идеологами совещания. Пестель, как мы знаем, работал над конституционной тематикой еще в 1818—1819 гг., приобрел известный опыт и создал первичные наброски решений, из которых мог исходить. Как уже говорилось, он возобновил работу над конституцией и стал писать новый вариант проекта сейчас же после петербургских совещаний. В августе 1820 г. он уже смог не только вообще поделиться своими мыслями о конституционном устройстве с Никитой Муравьевым и Луниным, завернувшими к нему в Тульчин по пути в Одессу и Крым, но и прочесть им написанный пер-

воначальный текст. Как уже упоминалось, Пестель вручил Никите Муравьеву «краткое начертание» своего проекта и выслушал чтение его «Любопытного разговора» — документа несомненно республиканского, тоже говорящего о новом общественном устройстве.

Когда Следственная комиссия потребовала от Никиты Муравьева объяснений о «Любопытном разговоре», тот ответил: «Я начинал писать катехизис в вопросах и ответах, который к счастью мною никогда не был кончен... и брошен по той причине, что я занялся единственно окончанием моего Проекта Конституции». Это показание не вполне согласуется со свидетельством того же Никиты Муравьева, что он «начал писать проект конституции в Минске», куда приехал осенью 1821 г. Очевидно, он не мог прервать работы над «Любопытным разговором» ранее чтения ее незаконченного текста в Тульчине в августе 1820 г.,— это чтение и последующее обсуждение в товарищеской среде яркого и запоминающегося, но явно незаконченного агитационного документа уже само по себе было какой-то формой работы над текстом и обещало продолжение работы. Но если последняя была прервана для окончания Конституции, то, стало быть, Конституция была начата одновременно или ранее «Любопытного разговора». Это дает право на вопрос: не возникали ли какие-нибудь конституционные наброски республиканского характера у Никиты Муравьева еще до Минска? Не стимулировала ли встреча с Пестелем в Тульчине в 1820 г. этой работы? Пестелево «начертание конституции», переписанное Муравьевым и, конечно, многократно читанное им и Луниным, не могло не явиться стимулом для размышлений о конституционном проекте. Поэтому 1820 г. и те месяцы 1821 г., которые относятся к петербургскому пребыванию (до Минска), не могут быть исключены из творческой истории Конституции Никиты Муравьева.

Если эти соображения заслуживают внимания, то сам собой напрашивается вопрос: могли ли два единомышленника-республиканца, предварительно сговорившиеся действовать совместно на Петербургском совещании 1820 г., на котором тайное общество решало вопрос о форме правления, сейчас же вслед за этим сесть за совершенно сепаратные конституционные проекты? Не естественнее ли предположить обратное,— что они и тут в какой-то форме продолжали действовать совместно? Противоположная гипотеза совсем лишена правдоподобия.

Обращают на себя внимание явные совпадения в терминологии обоих конституционных проектов — Пестеля и Никиты Муравьева. Почему русская палата депутатов у того и другого носит одинаковое древнерусское название веча: у Никиты Муравьева — «Народное Вече» и у Пестеля точно так же «Народное Вече» («Народная Веча» в документе «Конституция Государственный Завет»). «Державная Дума» фигурирует и у Пестеля и у Никиты Муравьева, обозначая, правда, разные политические понятия (у Пестеля Державная Дума — верховный орган власти исполнительной, состоящий из пяти лиц, окончательно выбираемых Народным Вечем, у Никиты Муравьева — вторая палата Законодательного Собрания Державы), но тем разительнее полное совпадение своеобразной и носящей авторский характер терминологии. Почему у обоих авторов фигурирует Нижний Новгород как место будущей столицы революционной России? При бесспорном общении авторов эти совпадения не могут быть объяснены простой случайностью. Они — доказательство какого-то общего периода работы, согласия по ряду вопросов. Отсюда не следует, конечно, что взгляды Пестеля и Никиты Муравьева полностью совпадали. Так, сопоставляя «Любопытный разговор» с более поздними вариантами его конституции, мы не видим там никаких решений вопроса о земле, которые приближались бы к Пестелю. Этот вопрос, повидимому, еще не был

тогда разработан Никитой Муравьевым. Возможно, что именно дальнейшая работа над ним привела к решению: «земли помещиков остаются за ними», а решение это и породило разные конституционные концепции, явилось одной из серьезнейших причин разногласий Н. Муравьева и Пестеля.

Еще один вывод: конституционный проект Никиты Муравьева в его минском варианте (1822 г.) наиболее подробно разрабатывает устройство местного управления — организацию власти в державах и областях. Главы о Народном Вече (гл. X), о палате представителей (гл. XI), о Верховной Думе и об императоре совсем слабо разработаны и являются лишь отрывочными, наскоро сделанными первичными набросками конспективного характера, не содержащими даже цельных фраз. Последние две главы не имеют номеров и совершенно не отделаны. Первоначальный же проект Пестеля, переданный Муравьеву в Тульчине в 1820 г., разрешен в обратной структуре: он идет от вопросов центральной власти к вопросам местного управления (последнее у Пестеля, по свидетельству самого Никиты Муравьева, в проекте 1820 г. вообще не было затронуто). Не потому ли возникли эти диаметрально противоположные структуры изложения (в отношении вопроса о местной власти), что авторы согласовали между собой распределение тематики и еще заранее очертили взаимные доли работы по общему плану? Не может ли объяснить эти структурные особенности предположение, что авторы намеревались работать совместно и сомкнуть часть, разработанную одним, с частью другого? В дальнейшем, когда происходит разрыв, Никита Муравьев заметно меняет структуру конституционного проекта, передвигая главы, посвященные Вечу, палатам и императору, вперед, а положения о державах отодвигая назад [4].

Еще одно соображение: в 1822 г. Пестель вернул Никите Муравьеву полученную им Конституцию «как неудовлетворительную» [5]. Но почему, собственно, чужой конституционный проект должен был быть «удовлетворительным» для Пестеля? Самая форма реакции Пестеля приковывает внимание,— она необычна. Это не просто состязание двух спорщиков, это реакция людей, условившихся в какой-то форме работать вместе и создавать нечто общее. Если бы проект оказался «удовлетворительным», он, очевидно, не был бы возвращен, а был бы практически использован. Напрашивается предположение, что политические единомышленники 1820 г.— Пестель и Никита Муравьев — договорились работать в едином плане и духе, чтобы создать потом нечто общее, но затем разошлись в решениях. Иначе и не могло быть в 1820 г. Ведь еще в следующем — 1821 — году Лопухин передавал не кому иному, как Пестелю, и в том же Тульчине, литографированный теми же Никитой Муравьевым и Луниным новый устав тайного общества.

Таким образом, имеются основания для предположения, что в творческой истории Конституции Никиты Муравьева существовал «республиканский» период 1820—1821 гг. Этот период не отразился в дошедших до нас архивных рукописях Конституции, но отсюда не следует, что его не было. Декабристские документы, возникшие до восстания, сохранились в очень малом числе, а существовали в очень большом. Жизнь революционной рукописи чаще всего кончалась горящим камином. Эти камины запылали уже в октябре 1820 г., после восстания Семеновского полка, вторично — в феврале 1822 г., после ареста Владимира Раевского, третий раз — в августе того же 1822 г., после запрещения правительством тайных обществ, и, наконец, в четвертый, но не в последний раз, огонь сотен каминов буквально забушевал в декабре 1825 г. (я не говорю в данном случае о более ранних примерах массового уничтожения декабристских документов еще при ликвидации Союза Спасения).

Очевидно, минский период творчества Никиты Муравьева был также связан с созданием разных вариантов. Н. М. Дружинин сделал тонкое и правильное наблюдение, что первый дошедший до нас текст — рукопись, сохранившаяся в бумагах С. Трубецкого (назовем ее условно далее «минским вариантом»),— носит следы наличия более ранних редакций: она дает несовпадающие определения имущественного ценза членов Верховной Думы и содержит противоречивые формулировки, устанавливающие порядок рассылки пригласительных грамот избранным депутатам. Следовательно, перед рукописью, дошедшей до нас в копии Трубецкого, существовали другие рукописи Конституции, до нас не дошедшие [6].

Когда же Никита Муравьев начал свой отход от Пестеля? Это происходило постепенно. Муравьев датирует его сам, говоря, что «в продолжение 1821 и 1822 [гг.] удостоверился в выгодах монархического представительного правления и в том, что введение оного обещает обществу наиболее надежд к успеху». Указанный период относится большей частью к тому же «минскому» времени — к пребыванию гвардии на маневрах: гвардейский корпус вывели из столицы на длительный 15-месячный карантин, и значительная часть 1822 г. также была занята маневрами. «Любезнейшая Маминька — наконец все занятия наши кончились. Мы имели два парада, четыре репетиции маневров и наконец Маневры. Вчера ввечеру был в здешней Ратуше. Мы выступаем сегодня или завтра наверное. Государь возвращается сегодня в Петербург. Кавалергарды уже выступили в поход»,— пишет Муравьев матери из Вильны 25 мая 1822 г.

Н. М. Дружинин правильно подчеркнул, что значительные изменения в материальном положении Никиты Муравьева не могли не оказать некоторого давления на его политическое сознание. Правда, никак не надо преувеличивать этого давления и тем более приписывать ему решающее значение. Против этого говорит даже простая хронология основных этапов его политической идеологии.

Вопрос об имущественном положении семьи Муравьевых после смерти деда декабриста — сенатора Колокольцова, завещавшего матери Никиты свое миллионное состояние, подробно разобран в монографии Н. М. Дружинина. Мы узнаем, что к прежним богатствам Муравьевых присоединилось 3½ тыс. душ крестьян и 57 тыс. десятин земли. Имения Муравьевых были разбросаны в 14 уездах 11 губерний. В Воронежской губернии Муравьевым принадлежало 11 тыс. десятин чернозема и около 1800 крестьян (м. п.), украинцев по национальности. В нижегородском поместье было более 33 тыс. десятин земли и 1200 душ (м. п.); это были богатые промысловые угодья, расположенные вблизи «всероссийского торжища» — Нижегородской ярмарки. Семья Муравьевых вела преимущественно оброчное хозяйство, но прибегала и к ростовщическим операциям. Со смерти деда Никита Муравьев, «единственная подпора» матери, начинает все более втягиваться в сложное дело управления большими имениями, ощущать на себе непосредственное воздействие хозяйственной практики богатого душевладельца.

С этим наблюдением необходимо согласиться, однако, с некоторыми ограничениями. Дед Муравьева умер в конце 1818 г., а письмо матери к царю, ходатайствующее о продолжительном отпуске сына для хозяйственных дел и разъездов по имениям, относится к весне 1819 г. Военная служба не давала Никите Муравьеву возможности практически заниматься хозяйством. Очевидно, он смог вплотную заняться им лишь с момента своей отставки, т. е. с 13 января 1820 г. Но именно эти годы являются кульминационными в его политическом радикализме. Его отставка едва ли не совпадает с Петербургским совещанием у Глинки; миллионное наследство не помешало ему именно в эти годы заключить политический союз с Пе-

стелем, голосовать за республику и делать доклад у Шипова с предложением о цареубийстве. Осенью 1820 г. он встречается с Пестелем как единомышленник, и разъезды по имениям, очевидно, не препятствовали ему написать «Любопытный разговор». Даже в 1821 г. тысячи крепостных душ и лично собираемый с них оброк (тяжелая страница в его биографии) не воспрепятствовали Никите Муравьеву принять активное участие в создании Северного общества и послать Пестелю через Лопухина литографированный статут новой тайной организации. Никита Муравьев, очевидно, не сбит в эти годы с позиций дворянского революционера.

Возврат на военную службу и пребывание Никиты Муравьева на длительных маневрах гвардии, несомненно, прекращают его активную деятельность по управлению обширными имениями матери с октября 1821 г. до второй половины следующего. Поэтому воздействие полученного богатства не совпадает в своих датах с переломными моментами его политической биографии. Муравьевы и ранее были знатны и богаты, изменения, происшедшие в их положении, повидимому, не внесли принципиально новых моментов классового порядка в общественное сознание декабриста.

Сильнейшим фактором, обусловившим изменение в политической позиции Муравьева, является усиление правительственной реакции.

В период реакции общественное движение протекает в особых условиях и всегда резко поляризуется. Колеблющиеся отходят, менее стойкие подаются вправо. Репрессии после Семеновского восстания, дикий «профессорский процесс», свирепствование цензуры, гонение на всех свободомыслящих, далее — Веронский конгресс, запрещение правительством тайных обществ содействовали движению Никиты Муравьева вправо. Однако, как видно из содержания первой дошедшей до нас рукописи его конституционного проекта, рост реакции, повторяем, не выбил его из движения дворян-революционеров,— его конституционный проект является памятником его дворянской революционности.

Но тот сдвиг вправо в политических взглядах Никиты Муравьева, который произошел в 1821—1822 гг., нашел яркое отражение в его минском варианте Конституции. Прежние далеко идущие замыслы сменились более умеренными, республиканские воззрения — конституционно-монархическими.

3

Анализируя минский вариант Конституции Никиты Муравьева, необходимо, как всегда при изучении конституционных проектов данной эпохи, прежде всего разобрать основной вопрос об отношении проекта к устаревшему феодальному базису. Иначе говоря, надо выяснить отношение проекта к основе производственных отношений феодального общества. Это — главный момент, определяющий наиболее интересный для нас вопрос: объективное историческое значение разбираемой конституции. Его раскрытие характеризует и проникающие в конституцию классовые тенденции. Поскольку существом кризиса феодальной формации был, как уже разбиралось в первой главе настоящей работы, конфликт между новым характером производительных сил и устарелыми производственными отношениями феодализма, надо выявить отношение автора конституционного проекта к собственности феодала на землю и на крепостных крестьян, которая была основой производственных отношений феодального общества, отношений, тормозивших развитие новых по характеру производительных сил. Никита Муравьев в своем минском варианте объявлял освобождение крестьян от крепостной зависимости, но одновременно утверждал, что «земли помещиков остаются за ними». Согласно его проекту, помещичьи крестьяне освобождались без земли. Никита Муравьев предполагал

даже в том же § 25 своего проекта: «Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им (помещикам.— *М. Н.*) сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место — за времянное прервание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли». Это решение, заранее фиксировавшее содержание помещичьего по своему классовому характеру закона, молчаливо предполагало, что крестьяне обязаны послушно сидеть в своих деревнях и батрачить у помещика по договорам,— разумеется, кабальным, потому что собственник земли оказывался бы монополистом, мог бы назначать любые высокие цены за аренду крестьянского участка, да еще ограждал бы себя «вознаграждением» (откуда крестьянину взять его?) за уход из его деревни. В этом положении видны резкие черты помещичьей ограниченности прусского типа капиталистического развития [7].

Однако довольно значительная часть крестьян все же получала землю и по минскому варианту муравьевской Конституции. § 27 Конституции гласил: «Крестьяне економические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называются вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение». Правда, общественное владение Никита Муравьев отнюдь не считал идеальной формой крестьянского хозяйства,— его идеалом была индивидуальная крестьянская собственность на землю. Отсюда требование § 28: «Последующие законы могут определить впоследствии, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждаго из поселян и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними».

Землю, по минскому варианту, получали также крестьяне военных поселений: «Поселенные баталионы и эскадроны с родственниками их вступают в звание общих владельцев». Но «церковные земли остаются навсегда за ними»,— стилистически неудачно формулировал Никита Муравьев свой тезис, ярко свидетельствовавший об ограниченности феодального характера, ворвавшейся и в этот параграф (§ 24). Таким образом, все же распространенное в литературе, особенно популярной, обобщение, что первый вариант Конституции Никиты Муравьева вообще не давал крестьянам земли, неточно. Землю получали экономические, удельные крестьяне и военные поселяне (как правило, переведенные на положение военных поселян из казенных крестьян). Любопытно, что и в этом ограниченном минском варианте предполагалась конфискация земель, принадлежавших царствовавшему дому Романовых,— он лишался, следовательно, своих земельных владений, которые переходили в распоряжение крестьян. Царь, переходивший на положение чиновника с большим окладом, содержал себя и свой двор на государственное жалование и лишался земли. Это был в некотором смысле единственный частично «обезземеленный» помещик муравьевской Конституции, что чрезвычайно любопытно. Конечно, те земли, которые числились не собственностью дома Романовых на положении удельных земель, а личной благоприобретенной собственностью царя и членов его семьи, оставались «за ними». Уничтожая удельное, Никита Муравьев, очевидно, сохранял так называемое «кабинетское землевладение» — земли, находившиеся в личном владении императора.

Однако все сказанное выше еще совсем не исчерпывает отношения минского варианта к основе производственных отношений феодального общества. Ликвидация крепостного права — главная позитивная сторона муравьевского проекта — вот что наносило удар этой основе. Земля в феодальной системе, даже принадлежащая феодалу, еще ничто для него без прикрепленной крестьянской рабочей силы — основы в функционировании и воспроизводстве феодального барского хозяйства.

Никита Муравьев проектировал отмену крепостного права, делал крестьянина лично свободным: «Крепостное состояние и рабство отменяются»,— так начинался § 16 минского варианта.

Утверждая священность и неприкосновенность права собственности, Конституция Никиты Муравьева подчеркивала, что право это распространяется лишь на «одни вещи», а не на людей, человек не может быть собственностью другого человека. Крепостное право отменялось,— взамен торжественно декларировалось священное и неприкосновенное право буржуазной собственности.

Таким образом, Конституция Никиты Муравьева уже в минском своем варианте наносила удар по основе феодализма — феодальной собственности помещика на землю и неполной собственности на крепостного крестьянина, уничтожая последнюю и этим глубоко подрывая первую. Обе формы были органически связаны между собой и принадлежали к основе строя. Конечно, этим Конституция Муравьева отвечала глубокой жизненной потребности русского исторического развития, пыталась разрешить вызревшую в русском историческом процессе задачу, хотя разрешала ее в крайне ограниченной классовой форме. В первой главе настоящего исследования освещалась эта задача, и нет нужды повторять ранее формулированные выводы. Именно с о п о с т а в л е н и е их с предложенным Никитой Муравьевым решением показывает объективное значение его Конституции. Она все же являлась шагом вперед и утверждала буржуазную земельную собственность на землю, правда, отягощенную целой сетью опутывавших ее феодально-крепостнических пережитков. Но все же это была буржуазная форма собственности.

Прогрессивность предложений Н. Муравьева еще отчетливее видна при сопоставлении их с теми решениями, которые предлагались царизмом его эпохи. Чуть приоткрыв узенькую щелку для пробного насаждения форм буржуазной собственности на землю в Законе о вольных хлебопашцах 1803 г., царизм не решался тронуть основного массива, и крепостное право продолжало торжествовать. Ничтожное число «свободных» хлебопашцев должно было выкупить у помещика землю по ценам выше рыночных. Конституция Муравьева не только не препятствовала покупке крестьянами земли,— причем по рыночным ценам,— но давала всей крестьянской массе личную свободу безвозмездно. Еще разительнее прогрессивность муравьевского варианта по сравнению с проектом М. М. Сперанского: последний совершенно не трогал базиса. Феодальная собственность на землю и неполная собственность помещика на крепостного крестьянина сохранялись у него во всей неприкосновенности. Сперанский в этом отношении так отстал от Муравьева, что ему его и не видно,— даже если принять, что они шли по одному направлению.

Удар, нанесенный по базису, логически влек за собой серьезные изменения в социальной структуре: несмотря на всю классовую ограниченность проекта и узкий характер предлагаемых мер, должны были развязаться в стране процессы классообразования, свойственные капитализму. А это означало, что рушился сословный строй. И, действительно, в минском варианте сословия также отменялись: «Все русские равны перед лицем закона». Религия торжественно призывалась на помощь для доказательства глубокого вреда старого феодально-сословного строя: «Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно изображение гордости и высокомерия и противно христианской Вере, по которой все люди б р а т ь я, все рождены б л а г о ибо рождены по воле божией, все рождены для б л а г а и все п р о с т о л ю д и: ибо все перед ним слабы».

Все названия сословных групп (дворяне, мещане, однодворцы и пр.) отменялись и заменялись названием «гражданина» или «русского». Тер-

мин «русский», по Конституции Никиты Муравьева, не относится непосредственно к национальности — он означает гражданина Российского государства.

Понятие родины и ее защиты вознесено в Конституции Муравьева на большую высоту: «Каждый Русской обязан носить общественные повинности — повиноваться законам и властям Отечества — быть всегда готовым к защите родины и должен явиться к знаменам, когда востребует того Закон».

Конституция Никиты Муравьева утверждала ряд основных свобод: она провозглашала свободу передвижения и занятий населения, свободу вероисповеданий. Вот текст о свободе печати (§ 17): «Всякой имеет право излагать невозбранно свои мысли и чувства и сообщать их посредством печати своим соотечественникам. Вредные книги, подобно другим преступлениям, преследуются судом и подлежат присяжным». Сословный суд отменялся и вводился один общий суд присяжных заседателей для всех граждан.

Но только на основе разобранного вопроса, как он ни важен, все же нельзя вынести окончательное суждение о прогрессивном смысле проекта и еще невозможно оценить его объективное историческое значение. Нанеся удар известной силы по основе производственных отношений феодального общества, Никита Муравьев с гораздо большей смелостью отнесся к государственной надстройке. Правда, сделав шаг назад от своей позиции на петербургских совещаниях 1820 г., когда он голосовал за республику, он вновь вернулся к идее конституционной монархии. Но, оставаясь в душе республиканцем (он и не скрывал этого), Никита Муравьев в своем минском проекте развернул буржуазную по основному смыслу, хотя и отягощенную феодальными пережитками политическую систему. Абсолютизм уничтожался, самодержавие рушилось. Вводился представительный строй. Избранные населением депутаты, а не царь, получали законодательную власть. «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»,— гордо гласила минская Конституция. Во вступлении к ней обстоятельно доказывались вред самодержавия и необходимость представительного правления доводами как разума, так и религии. В нем не только сохранена взволнованная ораторская интонация декабриста, но запечатлена и патриотическая гордость утвердившейся нации.

«Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей — ни с началами здраваго рассудка. Нельзя допустить основанием Правительства — произвол одного человека — невозможно согласиться чтобы все права находились на одной стороне — а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя — ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, Государи забыли что они в таком случае вне законов,— вне человечества! — Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других; и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным: или они несправедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы Европейские достигают Законов и свободы. Более всех их народ Русской заслуживает и то и другое».

Конституция Никиты Муравьева характеризовалась высоким имущественным цензом: только земельный собственник или владелец капитала имел право избирать и быть избранным. При этом землевладелец ценился Никитой Муравьевым вдвое «дороже» капиталиста — характерный при-

знак классовой дворянской ограниченности, пережиток феодального происхождения. Все жители Российского государства делились на «граждан» и жителей, не имевших гражданских прав («неграждан», как иногда говорится в проекте). Гражданином являлся лишь тот, кто имел отдельную на свое имя собственность: недвижимую на 500 руб. серебром или движимую, состоявшую в вещах или капитале,— на 1000 руб. серебром. Будущая свободная Россия мыслилась Муравьевым как государство частных собственников с политическими преимуществами для владельцев недвижимости. Яркая классовая тенденция слегка затушевывалась наивной формулировкой о «своих трудах» как источнике богатства. § 7 гласил: «Всякой природный житель Государства Российск[ого], который не был Гражданином, но достиг своими трудами до того, что составил себе требуемое состояние, если он в других отношениях ответствует вышеозначенным условиям — поступает немедленно в Граждане».

Огромная масса крестьянства почти исключалась поэтому на первое время из политической жизни: если она владела лишь общинной землей, она выпадала из числа «граждан», поскольку критерием «гражданства» была лишь частная собственность. Политическое положение крестьян-общинников в избирательной системе определялось § 37, гласившим: «Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкаго, народных представителей и других чиновников — но все общество на сходке имеет право назначить одного Избирателя с каждых 500 жителей муж[ского] пола — и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с Гражданами, как уполномоченные целого общества, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старшинами». Но, по представлению Никиты Муравьева, такое положение должно было являться временным, причем сравнительно кратким, ибо «последующие законы», постулированные в конституционном проекте, предполагали ближайшую перестройку крестьянской собственности и перевод земель из общинного в частное владение, раздел их между крестьянами-общинниками (§ 28). Пожалуй, можно рассматривать описанное только что ограничение не просто как переходную меру, а даже как стимул к насаждению подворной собственности и «фермерства» — хуторских владений. Проект Муравьева был крайне враждебен крестьянской общине. Поэтому никак нельзя принимать лишение общинных владельцев права собственности за стабильную общую характеристику избирательной системы,— такое понимание расходилось бы с прямым смыслом текста.

Лица, избираемые на общественные должности, должны были обладать еще более высоким имущественным цензом; лишь при выборах низшего представителя местного управления — волостного старшины — отсутствовало требование имущественного ценза; к этим выборам допускались все жители без различия. § 35 устанавливал, что «право подавать свой голос при выборе некоторых местных властей (напр. волостного, старейшины) предоставляется каждому русскому негражданину». Но для других выборных должностей ценз сохранялся и был тем значительнее, чем выше была должность; он доходил в некоторых случаях до 60 тыс. руб. серебром. Так, глава уездной власти — тысяцкий — выбирался при следующих условиях: «Чтоб быть тысяцким, должно иметь по крайней мере 21 год от рождения — и иметь недвижимаго имения в собственном отдельном владении не менее 30 т. руб. серебром или движимого 60 т. руб. сер. Если избранный в сие звание не имеет сего имения, то он не может принимать оного — в противном случае он лишается места и взносит пеню в 2 т. руб. сер.».

Избирательные права получали лица, достигшие 21-летнего возраста. Женщины, по Конституции Никиты Муравьева, как и по Конституции Пестеля, были вообще лишены избирательного права. Кроме того, Никита Муравьев был намерен ввести образовательный ценз для граждан Российского государства. Через 20 лет после принятия конституции предполагалось обязательное требование грамотности избирателя, неграмотный лишался избирательных прав. Так как образование можно было получать только за плату, введение ценза грамотности было еще одним политическим преимуществом материально-состоятельных избирателей перед несостоятельными. Сверх этого Конституция Никиты Муравьева вводила еще ценз оседлости: кочевники не имели избирательного права.

Будущая Россия представлялась Никите Муравьеву федеративным государством. Империя делилась на отдельные федеративные единицы — 14 «держав» и две области. В каждой державе была своя столица. Предусматривались державы: Ботническая (со столицей в Петербурге), Балтийская (столица — Вел. Новгород), Заволжская (Ярославль), Западная (Вильна), Днепровская (Смоленск), Бужская (Киев), Черноморская (Одесса), Окинская (Москва), Украинская (Харьков), Низовская (Саратов), Камская (Казань), Кавказская (Тифлис), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск). Нижний Новгород, переименованный в Славянск, становился местом пребывания российского правительства, столицей России и вместе со своим округом составлял особую Славенскую область. Второй областью была Донская со столицей в Новочеркасске. Рассматривая предложенное Муравьевым деление, нельзя усмотреть в нем проведения какого-либо национального принципа,— единицы федерации у него выделены условно, скорее даже по территориально-хозяйственному, нежели национальному признаку. Лишь две державы — Кавказская и Украинская могли бы поставить вопрос о национальном моменте, если бы Киев не был в свою очередь отдан другой области, а «кавказская» территория как-то дифференцирована. Но этого нет, и федеративные единицы аналогичны скорее североамериканским соединенным штатам.

Верховным органом, обладавшим законодательной властью Российской федерации, по Конституции Никиты Муравьева, должно было стать Народное Вече. Оно состояло из двух палат: верхняя носила название Верховной Думы, нижняя называлась Палатой представителей народных. В Верховную Думу избирались три депутата от каждой державы, два — от Московской области, один — от Донской области, всего 42 человека. В Верховную Думу депутаты избирались сроком на шесть лет; избираемый туда депутат должен был быть не моложе 30 лет, иметь на 120 тыс. руб. недвижимого имения или на 240 тыс. движимости. Это было собрание крупнейших собственников — предпринимателей и земельных магнатов.

Кроме основной — законодательной — работы, в компетенцию Верховной Думы входил суд над министрами, верховными судьями и прочими сановниками империи в случае обвинения их народными представителями. Совместно с императором Дума участвовала в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя (генерал-прокурора). Каждые два года переизбиралась треть членов Верховной Думы.

Палата народных представителей должна была состоять из членов, выбранных на два года жителями держав. От каждых 50 тыс. жителей мужского пола выбирался один представитель. По вычислениям Никиты Муравьева, Палата народных представителей первого созыва должна была состоять из 456 депутатов.

Законодательная, исполнительная и судебная власти в Конституции Никиты Муравьева были разделены. По проекту Муравьева, император представляет собой только исполнительную власть. Он есть только и единственно «верховный чиновник российского правительства», законодательной власти он не имеет (он обладает лишь правом суспенсивного вето). Ясно, до какой степени резко изменял этот пункт прежнее положение, в каком противоречии находилось оно с феодальными утверждениями о «божественности» неограниченной царской власти и о полнейшей безнаказанности всех деспотических действий «от бога помазанного царя». Можно представить себе выражение лица читавшего эти строки Николая I!

Император получал большое обеспечение: «имение земли и 10 м[иллионов] сер[ебром] дохода» бегло отмечено в конце проекта (отдел об «императоре» в минском варианте остался, как указывалось, в беглом наброске и разработан не был). Непонятно, откуда бралась земля,— выше говорилось, что удельные земли, являвшиеся владением царской семьи, отдавались крестьянам. Имелись в виду, возможно, кабинетские земли. Может быть, тут сказывался и след какого-то старого варианта, случайно оставшийся при последующей переработке.

Император командовал войсками, но не имел права ни начинать войны, ни заключать мира. Он не мог покидать территории империи, иначе лишался императорского сана. Декабристы хорошо знали, каково было реакционное значение постоянных поездок императора за границу, где вершились дела Священного Союза, и решили пресечь для будущего «чиновника» возможность заграничных командировок: нельзя было допустить личных поисков опоры в реакционных силах Европы.

Как уже указывалось выше, наиболее подробно был разработан Муравьевым вопрос о власти на местах, т. е. о структуре управления в державах и областях. Специальное рассмотрение этого вопроса во всех деталях потребовало бы очень большого места и не может входить в задачу настоящей работы. Остановимся на нем кратко.

В державах также существовала двухпалатная система. Законодательная власть в каждой державе принадлежала законодательному собранию, состоявшему из двух палат: палаты выборных и Державной Думы. Державы делились на уезды, начальником уезда был тысяцкий, должность эта, как и все прочие должности в управлении государством, была выборной.

Вдумываясь в особенности местного управления, предложенного Никитой Муравьевым в соответствии с федеративной структурой государства, мы видим широчайшие полномочия власти на местах. Скованности царского «наместника» — губернатора самодержавной России Никита Муравьев противопоставил полнейшую, подчеркнутую раскрепощенность местного управления с передачей ему длинного ряда прерогатив центральной власти. Державные законодательные собрания издавали свои законы. Правитель державы в соответствии с характером царских полномочий получал то же право суспенсивного вето. Державный блюститель наблюдал за выполнением местной державной конституции, обе палаты спорили одна с другой, как в самостоятельном представительном государстве, вотировали свой бюджет, собирали налоги, судили своим судом провинившихся чиновников и имели своих министров. Из компетенции державного управления исключалось немногое, «уступленное» в пользу центральной власти союзного правительства: державы не имели права дипломатических сношений с иностранными государствами и между собой (так и сказано: «даже с другой Державою Росс[ийского] Союза»), не имели права заключать мир и объявлять войну, чеканить монету, содержать свое войско и флот, а также «раздавать титла дворянства и учреждать знаки отличия». Насчет войны, правда, делалась оговорка: начинать войну с

неприятелем по ту сторону границы государства державе все же разрешалось «в случае неприятельского нашествия, когда опасность так близка, что никакое медление не может быть допущено». Если учесть, что централизованных министерств Российской федерации было всего-навсего четыре (финансов, сухопутных сил, морских сил и внешних сношений), то широкое раздолье местных прерогатив государственного управления станет еще значительнее. Муравьевская «ютопия» крушила, таким образом, централизацию государственного управления с невиданным размахом. Недаром южные декабристы с Пестелем во главе пришли в ужас от этих предложений.

По Конституции Никиты Муравьева, должны были быть ликвидированы и многие феодально-абсолютистские учреждения. «Военные поселения немедленно уничтожаются»,— гласил § 30: военные поселяне должны были немедленно перейти на положение казенных крестьян, земля военных поселений передавалась в общинную крестьянскую собственность. Удельные земли, т. е. земли, на доход с которых содержались члены царствующего дома, как уже указывалось, конфисковывались и передавались во владение крестьян. Все гильдии и цехи — пережитки феодального общества — объявлялись ликвидированными. Отменялась «табель о рангах», делившая военных и гражданских служащих на 14 классов, причем здесь говорило и национальное чувство: «Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, отменяются сходственно с древними постановлениями народа русского».

При всех чертах классовой дворянской ограниченности минский проект Никиты Муравьева является значительным памятником политического творчества революционера-дворянина. Надо представить себе объективное значение предлагаемых преобразований в бесправной стране крепостного рабства и самодержавного деспотизма, в царстве «старого порядка». Хотя выше многократно отмечались черты резкой дворянской классовой ограниченности в Конституции Никиты Муравьева, характеризовать ее в целом как ранний памятник проекта «прусского пути» развития российского капитализма — *и только* — совершенно невозможно. Крайне ограниченной системе социальных мероприятий и стеснению непосредственных производителей и в отношении владения землей и в области политических прав Никита Муравьев противопоставил такой разгром самодержавия в установившихся формах его управления, такую ломку его старого управленческого аппарата, которая спорила с узостью социальных предложений Муравьева и открывала немалые возможности для последующей политической эволюции.

Конституция Никиты Муравьева пробила бы немалую брешь в твердынях феодально-абсолютистского строя и серьезно расшатала бы его основы. Она развязала бы в стране такую классовую борьбу, которая опрокинула бы муравьевскую «ютопию». Ликвидировать до конца остатки феодализма гораздо легче в конституционной, нежели в абсолютной монархии. Это историческое значение указанного типа представительного строя отмечено Энгельсом, который писал, что «...борьба [феодализма с буржуазией.— *М. Н.*] не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 гг.)... [7а]. В. И. Ленин, анализируя приведенное выше утверждение Энгельса, писал: «Нельзя не вспомнить... замечательно глубокого указания Энгельса... на значение *перехода* от монархии абсолютной к монархии конституционной. В то время как либералы вообще и русские к.-д. в особенности видят в таком переходе проявление пресловутого «мирного» прогресса и гарантию такового, Энгельс

указал на историческую роль конституционной монархии, как формы государства, облегчающей *решительную* борьбу феодалов и буржуазии»[8].

Таким образом, проект Конституции Никиты Муравьева, несмотря на яркие черты классовой дворянской ограниченности, должен быть признан прогрессивным для своего времени.

Но он сразу же вызвал бурю споров в тайном обществе.

4

Осенью 1822 г. гвардия вернулась из западных губерний в Петербург. В ее составе возвратились и члены тайного общества. В каком-нибудь портфеле, заботливо уложенном в богатой коляске поручика Гвардейского генерального штаба Никиты Муравьева, въехала в Петербург при звуках гвардейского марша и рукопись его Конституции для будущей революционной России.

Приказ о запрещении каких бы то ни было тайных обществ и масонских лож встретил гвардию на пороге столицы (он датирован августом 1822 г.). От всех военных и гражданских служащих отбирали в индивидуальном порядке подписку о непринадлежности к тайным обществам. Дали такую подписку, разумеется, и все декабристы — члены тайного общества.

Северное общество возобновило свои действия сейчас же по возвращении гвардии в столицу. Учитывая всю совокупность создавшихся обстоятельств, надо признать, что обстановка была очень опасной. «Наконец, осенью 1822-го года составилось опять общество»,— кратко показывает Никита Муравьев. Несомненно, имело место какое-то собрание или собрания, где и «составилась» Северная дума. В нее, по показанию Н. Муравьева, вошли Трубецкой, Оболенский и сам Никита Муравьев. К этому списку надо добавить и Николая Тургенева. Никита Муравьев, уже «удостоверившийся» в выгодах представительного монархического правления, видимо, более легко, нежели раньше, нашел с ним общий язык.

Никиту Муравьева выбрали «правителем» возобновившегося общества.

Указанное собрание или собрания неизбежно получили оттенок учредительных,— ведь в таком составе Дума еще не собиралась после гвардейских лагерей. Тут, разумеется, и выяснилась необходимость обсудить во всем объеме программные вопросы. Надо было еще раз уяснить себе основную цель движения и основные тактические способы ее достижения. В этой связи собрание обсудило вновь решения Петербургского совещания 1820 г. и единодушно, как говорит Никита Муравьев, признало, что это решение уже не может связывать действий вновь образованного общества (на юге, как мы помним, заняли диаметрально противоположную позицию). Доводы (очевидно, с горячностью), развиваемые Никитой Муравьевым, состояли в том, что новая Дума «не могла быть связана решением уничтожившегося правления и голоса выбывших членов — к[нязя] Долгорукова, г. Толстого и Глинки не имели уже никакого значения»[9].

Какие же цели принять за руководящие? На каких способах остановиться? По всем данным видно, что Никита Муравьев обстоятельно сообщил о своей Конституции и возникла необходимость обсудить написанный проект. Он, правда, еще не был окончен — не были написаны его весьма существенные главы: о Народном Вече, о палате представителей, о Верховной Думе и об императоре. Но эти главы были все же продуманы в основных принципах и лишь не облечены точной словесной формулировкой. Поэтому, думается, и было предложено, чтобы правитель общества Никита Муравьев — он же автор Конституции — спешно дописал, хотя бы лапидарным языком быстрого конспекта, эти важные главы так, чтобы все же было понятно, о чем идет речь. После этого конституционный проект пойдет по рукам, перепишется, будет продуман и обсужден.

В такой обстановке, полагаем, и возникли конспективно набросанные новые главы Конституции Никиты Муравьева, темы которых указаны выше. Это краткое изложение резко контрастирует по форме с основным отделанным, вполне выправленным, любовно отточенным в стилистическом отношении остальным текстом. Эти лапидарные наброски могли быть присоединены в таком виде лишь при условии спешной нужды в них. Если бы речь шла о спокойной размеренной работе автора, которого никто не торопит, подобную работу конспективного характера сочинитель Конституции оставил бы где-либо рядом, в черновике и, постепенно отделывая его, включил бы в беловик лишь тогда, когда сложную мысль облекло бы юридически точное слово и была бы достигнута нужная, со всеми оттенками, формулировка. Но этого не было. К отдельным жилым комнатам политического введения, обязанностей граждан, устройства держав спешно пристроились леса и чуть наметились контуры стен еще недостроенных зал для императора и обеих палат Народного Веча. Нельзя было иначе — время не терпело, хотелось поскорее оформить организацию и привести ее в действие. Поэтому Никита Муравьев спешно набросал конспект недописанных глав и вручил рукопись проекта членам новой Думы (или, вернее, кому-то одному из них) для последующей передачи другому.

В этот момент жизни Северного общества и возник в описанной обстановке сохранившийся и дошедший до нас так называемый «первый» вариант — рукописная копия С. Трубецкого. Она вызвана к жизни практической необходимостью. С. Трубецкой списал конституцию в тетрадку и сохранил ее для себя. Продумывая ее и, очевидно, готовясь к ее последующему обсуждению, Трубецкой и набросал на полях своей копии замечания, на которых мы остановимся ниже.

Но Никита Муравьев не мог не вспомнить о Пестеле на этих же совещаниях. Пестеля нельзя было выпускать из виду, а большие силы, им возглавляемые, были кровно нужны для общества. Кроме того (и это самое важное), Никита еще питал надежду перетянуть его на свою сторону, убедить логичностью и политической неотразимостью своего продуманного построения. Нельзя было допустить, что с бывшим единомышленником совсем не найдется общего языка. Монархическая форма Конституции как раз не являлась (и не явилась, как увидим ниже) в этом смысле препятствием, потому что в 1820 г. и сам Пестель в целях конспирации передал Муравьеву и Лунину в Тульчине свой набросок в той же конспиративной «монархической» форме. Поэтому, когда Никита Муравьев писал Пестелю сопроводительное письмо к своему проекту, ему посылаемому, он с легким сердцем написал известную фразу о том, что остался в прежнем республиканском духе, а форма представительной монархии введена им лишь в целях конспирации для удобства приема новых членов,— «Comme un rideau, derrière lequel nous formerons nos colonnes» («как завесу, за которой мы построим свои колонны»). Действительно, внутренне Никита Муравьев оставался республиканцем.

Приехавший в это время в Петербург С. Г. Волконский взялся выполнить конспиративное поручение и отвез Пестелю конституционный проект Никиты Муравьева, вероятно копию, сделанную самим автором. Волконский уехал на юг в конце 1822 г., а не позже, как обычно думают. Выяснить отношение южной организации к данной программе нужно было незамедлительно,— этого требовала логика вещей. Сверх этого имеется точное свидетельство Пестеля, что «предлинный» ответ на полученную Конституцию он послал Никите Муравьеву обратно уже в феврале 1823 г. и что присланная им Конституция была прочтена всеми членами Южного общества, мнение которых и суммировалось в «предлинном» критическом послании Пестеля. Таким образом, откладывая «обратным ходом» от

каких-то условно взятых чисел февраля время, потребное на дорогу привезшего ответное письмо южного члена (кстати, заезжавшего в Москву), время для чтения проекта чуть ли не десятком южных членов, время для написания «предлинного» критического письма, возможно, также и время для предварительного прочтения этого письма южными членами, наконец, время для передвижения самого Волконского с текстом Конституции из Петербурга на юг,— мы никак не можем уложиться в небольшой, скажем месячный, срок. Для всего этого требовалось больше времени. Одно передвижение из Тульчина в Петербург (через Москву) даже по зимнему пути брало более недели. Поэтому представляется вполне достоверным свидетельство самого Никиты Муравьева, что он доставил Пестелю свою Конституцию в 1822 (а не в 1823!) году. Мы остановились столь подробно на мотивировке этой даты, потому что в литературе принята иная дата, на наш взгляд не находящая обоснования в источниках [10].

Проект Муравьева вызвал в Южном обществе самую бурную критику и не встретил сочувствия.

Пестель несколько раз возвращается к критике этого проекта и по пунктам излагает возражения, выдвинутые против него южной организацией. Свидетельства об этом чрезвычайно ценны. Приведем их полностью: «Конституция Никиты Муравьева большей части членов весьма не нравилась, потому что два главные оной основания совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образ правления, как в соединенных областях Америки. Это походило на древнюю удельную систему и потому пагубным казалось. Второе основание состояло в том, что права на должности в правлении и на участие в делах общих и государственных основаны были на богатстве, так что для исполнения должностей даже [в] уездных правительствах нужно было богатство, а для вышних должностей все более и более. Сия ужасная аристократия богатств заставляла многих и в том числе и меня противу его конституции сильно спорить» [11].

Вторично возвращаясь на следствии к этим спорам, Пестель повторил те же критические доводы, причем опять-таки не только свои, но и товарищей, вновь отметив, что деление на державы походило у Никиты Муравьева на «древную удельную систему». В тоне решительного возражения Пестель писал, что правительства отдельных держав «такую большую власть имели, что даже законы могли делать для своей державы. Верховной власти посему почти ничего не оставалось». Критикуя вновь и вновь «ужасную аристократию» богатств, Пестель заключал: «Конституция Никиты Муравьева многим членам общества весьма не нравилась по причине федеративной его системы и ужасной аристократии богатств, которая оной созидалась в обширнейшем виде». Последнее замечание весьма существенно: ведь вся система управления страной «аристократами богатств» действительно помножались у Муравьева на солидный множитель — число держав [12].

Таким образом, южная организация подвергла Конституцию Никиты Муравьева острой и принципиальной критике. Критика эта была к тому же верна и по существу. Проект представлялся совершенно неприемлемым из-за политической власти богатых и в силу сокрушения искусственным федеративным принципом великой мощи государственной централизации. Заметим, что довод юга тут был историческим — говорили о пагубности воскрешения древней удельной системы, а вовсе не о том, хорошо или плохо живется в штатах Америки. Декабристы судили о конституции Муравьева и осуждали ее, исходя из особенностей русской жизни и своего понимания линии желательного развития. Критика их была весьма дельной.

Можно с уверенностью сказать, что в руках Пестеля был тот же вариант, что и в руках Трубецкого. Пестель точно указывает, что бывший в его распоряжении вариант Конституции Никиты Муравьева имел «13 или 14 больших округов, которые назывались Державами» (в копии Трубецкого действительно 14 держав, не считая отдельно помещенных добавочных округов). В проекте, имевшемся у Пестеля, было только четыре общесоюзных министерства (точное перечисление Пестеля совпадает с копией Трубецкого), а «ужасная аристократия богатств», указываемая Пестелем, в точности соответствовала высокому имущественному цензу в варианте Трубецкого.

Критика муравьевского проекта была тем принципиальнее и острее, что проект пришлось критиковать как раз в разгар теоретического обсуждения основ будущей «Русской Правды» — конституционного проекта Южного общества. Мы помним, что на первом съезде 1822 г. был дан годичный срок для обдумывания ее принципов,— он как раз истек в 1823 г. Южане, следовательно, не просто подвергли критике муравьевский проект, но противопоставили ему свой, с позитивным решением критикуемых проблем.

Вероятно, в это время или несколько ранее минский вариант муравьевской Конституции обсуждался и на севере. Хотя Муравьев и был правителем нового общества, но проект «правителя» что-то не встретил сочувственных откликов и в северной среде. Николай Тургенев в своей оправдательной записке многократно клянется, что в глаза не видал никаких конституций, но эпистолярные материалы все же сохранили отзыв, что Тургенев и Митьков считали проект Муравьева «праздной ютопией» [13].

Вдумчивая критика проекта была развернута и Трубецким, владельцем дошедшей до нас копии. Конечно, его замечания не столь остры и удары не столь сосредоточены, как в критике Пестеля, но в некоторых случаях можно уловить даже элементы сходных с южными сомнений. Трубецкой тоже сомневался в правильности высокого имущественного ценза и в связи с параграфом о выборах тысяцкого, где требовался ценз в 30 тыс. руб. серебром недвижимости или в 60 тыс. руб. по стоимости движимого имущества, остроумно заметил: «Почти все общественные владения будут без тысяцких». Около весьма существенного параграфа, гласившего, что избирательное право при выборах тысяцкого отнимается у тех, кто пользуется землей в общественном владении и, следовательно, не является гражданином (речь шла реально о крестьянах), Трубецкой сделал острое и глубокое замечание: «Неравенство прав, а следовательно различие состояний». Иначе говоря, он уличал Муравьева в том, что отмена сословного строя была далеко не до конца им проведена: общинные владельцы оказывались в положении политически притесненного сословия. Особенно интересно замечание к § 51, требующему деления движимой и недвижимой собственности и сбора для этого показаний обывателей волости, «поелику различные имения доставляют жителям различные права»: «Потому то сие разделение нехорошо,— замечает Трубецкой.— Можно имение сделать условием должностей, но неприлично давать имущество мерою прав». Трудно сказать, исчерпал ли Трубецкой свои соображения о муравьевской Конституции этими беглыми записями, но критическая острота их очевидна. Некоторые возражения Трубецкого вызвал и земельный закон. Правда, он не возражал против тезиса «земли помещиков остаются за ними», но высказался вообще за «срочные свободные условия» пользования крестьянами землею, т. е. за свободный арендный договор, заключаемый между помещиком и крестьянином. При наличии такого договора отвергается предложение Муравьева издать «особый закон», определяющий вознаграждение, которое обязаны поселяне сделать своим помещи-

кам за временный перерыв в получении их доходов, если они «вздумают оставить свое селение». Трубецкой возражал против такого закона и выражал несколько наивное пожелание: «А на первой случай должно освобождение так устроить, чтобы подобных разорительных как для помещиков, так и крестьян переходов не было». Кроме того, Трубецкой полагал, что «желающих переменить место пребывания или род промысла стеснять сим не должно». Все эти замечания носили принципиальный характер и тяготели к большему демократизму, шли дальше муравьевской Конституции [14].

Но, конечно, из всех неудач Никиты Муравьева самой тяжелой для него был спор с Южным обществом и возврат ему Пестелем Конституции как «неудовлетворительной». Вероятно, кроме всего прочего, этот возврат крайне оскорбил его. Идейный союз с Пестелем теперь уже как-то надорвался. Никита Муравьев несколько обособляется от южан, перестает писать в Южную думу, а полученный позже проект конституции Пестеля сжигает. Свой же конституционный проект он посылает через Давыдова уже, разумеется, не к Пестелю, а к Сергею Муравьеву, намечая его своим новым союзником на юге. Однако Оболенский как член Северной думы продолжает сноситься в Пестелем [15].

Таким образом, правитель Северного общества Никита Муравьев в конце 1822 — начале 1823 г. оказывается в очень трудном положении. Его программа отвергнута на юге и серьезно раскритикована на севере. Не образовывалось, следовательно, магнитного стержня программы, к которой притягивалось бы политическое сознание и сочувствие единомышленников. Вероятно, именно в силу этого Никита Муравьев и Тургенев не приняли никого из новых членов. Этого никак нельзя объяснить их пассивностью вообще. Особенно этот упрек не может относиться к «беспокойному Никите», по крылатому слову Пушкина. Приостановка прироста членов, несомненно, имеет отношение к спорности выдвинутой минской программы. Она не вызвала симпатий декабристов, и соратники не стягивались под ее знамена. Оболенский впал в «недеятельность» и стал заниматься философией — причиной была его «твердая уверенность, что способы наши не соответствуют цели». Отходит от общества и Лунин «из-за недеятельности, вялости общества». Отпали, не втянулись Горсткин, Семенов, Шипов, Норов, Челищев, Капнист, Миклашевский. В составе общества сохраняются Никита Муравьев, Николай Тургенев, Оболенский, Пущин, Нарышкин, отчасти Вольховский и Поджио, позже переезжающий на юг. Отпадает и Павел Колошин, а также Лаппа. Сами участники на рубеже 1822—1823 гг. отмечают «совершенное расстройство» Северного общества. Конечно, эта форма страдает преувеличением, жизнь общества не замерла совсем, но требовала существенной реорганизации и нового поворота работы над программой [16].

И все же период «становления» завершился. Оба общества уже существовали. На юге была обдумана предложенная Пестелем программа, обдумывалась программа и на севере — это несомненно. И там и тут программы, подлежавшие обдумыванию, были готовы, созданы в своих основах и работа над ними хотя протекала по-разному на юге и на севере, но все же шла по линии разработки принципов и даже деталей, а не по линии вопроса «быть или не быть» обществу. Организации декабристов сохранились, выжили и на новом этапе, в труднейших условиях усилившейся реакции.

5

Между тем приблизился январь 1823 г.— значительная дата в жизни Южного общества декабристов. В Киеве «на контрактах» должен был собраться новый — второй по счету — съезд его руководителей, на кото-

ром решено было подвести итоги рассмотрению предложенных на первом съезде основ конституционного проекта. Истекал годичный срок, данный членам организации для обдумывания основ конституции будущей революционной России, доложенных Пестелем в 1822 г. Члены общества вольны были отвергнуть или принять предложенный им проект. Годичный срок для обдумывания предоставлял широкие возможности творчества, длительность срока говорила о серьезности подхода к вопросу.

Съезд собрался в киевской квартире Волконского (в доме матери декабриста В. Давыдова). Позже, после восстания декабристов, цесаревич Константин писал Николаю I, что уже давно обращал внимание императора Александра I на Киев и Одессу, которые «не хороши» и являются «очагами» «всех этих происков». Вероятно, какие-то смутные сведения агентуры о киевских собраниях декабристов доходили до Константина [17].

«На контракты» 1823 г. съехались Пестель, Юшневский, Волконский, Давыдов, Сергей Муравьев-Апостол. Было и одно новое лицо — молодой друг последнего Бестужев-Рюмин, только что принятый им в общество. Его присутствие как молодого члена не нравилось, как увидим ниже, кое-кому из старых, но именно он должен был вместе с Сергеем Муравьевым-Апостолом возглавить Васильковскую управу, которую считалось необходимым организовать, и по настоянию Муравьева он был допущен на съезд. Добавим, что тут же, «на контрактах» 1823 г., по свидетельству Пестеля, Бестужев-Рюмин вообще был принят в члены Южного общества — редкая форма приема нового члена на общем собрании руководителей. Отсюда следует, в частности, что съезду предшествовали какие-то переговоры по существу его повестки и некоторым организационным вопросам [18].

Очевидно, Пестель не имел непосредственной необходимости готовить новый специальный доклад о своей конституции ко второму съезду. Такой доклад уже был им сделан на первом съезде. Слово было теперь не за ним, а за другими участниками собрания, взявшими год для обдумывания его предложений. Он председательствовал на съезде (свидетельство Бестужева-Рюмина) и участвовал в обсуждении, разъяснял оставшиеся неясными или спорные вопросы, убеждал колеблющихся, а главное — подвел итоги годичным размышлениям участников, в чем и был основной смысл съезда. Конечно, Пестель в порядке напоминания вновь изложил свои главные положения: «Как в 1822, так и в 1823 году было рассуждаемо о республиканском Правлении, и я при том объяснял свои мысли и свой План конституции»,— показывает Пестель.

Основы конституционного проекта, предложенные Пестелем, после тщательного рассмотрения были приняты съездом. Получили в основном одобрение и «способы действий» для достижения поставленных целей. Программа и тактика общества, таким образом, были приведены в ясность, «сокровенная цель» определилась. По ряду вопросов имели место жаркие прения, другие сразу оказались ясны и даже не потребовали обсуждения. Некоторые спорные вопросы были выделены для последующего рассмотрения, но они не колебали основных принятых принципов. Сергей Муравьев-Апостол показывает: «Пестель снова объяснял Русскую Правду, которая была признана всеми членами с некоторыми возражениями». В другом месте он свидетельствует еще более отчетливо и без оговорок, что на киевских контрактах 1823 г. «единодушно приняты были всеми членами Русская Правда и образ введения оной в Россию». Значит, несмотря на упомянутые им возражения, очевидно, снятые голосованием, «Русская Правда» была принята съездом» [19].

Показания о содержании и ходе работы съезда дали все шестеро его участников. Поскольку следствие концентрировало особое внимание на цареубийстве, вопрос о нем получил непомерно большое место в допросах,

что не соответствовало богатству и разносторонности рассмотренных в действительности вопросов. Молодой Бестужев-Рюмин, впервые присутствовавший на собрании тайной организации, хорошо передает тон Пестеля и последовательность хода заседания. Оно началось, как он вспоминает, с самого главного вопроса — принимаются ли предложенные к обдумыванию основные положения конституции. «Пестель торжественно открыл заседание» (слово «торжественно» Бестужев-Рюмин даже подчеркнул) и стал далее последовательно формулировать основные положения конституции, спрашивая мнение о них присутствующих. Это подтверждает и сам Пестель: «Предлагал я как председатель предметы на суждение, ибо членами, тут присутствовавшими, был избран в председатели на время суждений об обществе, о цели его и о способах действия» [20].

Основы конституции голосовались, так сказать, «по пунктам». Из этих «пунктов» Бестужев-Рюмин вспомнил об основной политической форме государственного строя, сразу получившей единодушное положительное решение, исключавшее надобность дальнейшего обсуждения («Пестель спросил: «Согласны ли мы на введение республиканского правления в России?» Мы сказали «да»»). Далее был поставлен вызвавший серьезные прения вопрос, «согласны ли мы с мнением общества о необходимости истребления всей императорской фамилии». Потом был разобран вопрос «относительно народных выборов», также вызвавший оживленное обсуждение, причем в центре внимания оказались прямой или многостепенный характер выборов («будут ли выборы прямые или косвенные») и отсутствие или наличие избирательного ценза. «Окончательным» вопросом, поставленным Пестелем, был, как вспоминал Бестужев-Рюмин, «останется ли господствующая религия» («Единодушно положили, что останется религия господствующая»). Сопоставление этого свидетельства с другими приводит к выводу, что Бестужев-Рюмин припомнил не все темы, обсуждавшиеся на съезде [21].

Показания Давыдова также проливают некоторый свет на состав поднятых на съезде вопросов. Он хорошо помнит о «собрании у к[нязя] Волконского, на котором были Пестель, Юшневский, Муравьев, который тогда ввел и Бестужева, чем все прочие были недовольны и я». Эта деталь не оставляет сомнений в том, что речь идет о съезде «на контрактах» 1823 г., где впервые присутствовал Бестужев. Давыдов передает далее доклад Пестеля: «Пестель говорил о разных предметах своих проектов, как то об образе избрания в депутаты Палат, о распределении земель волостям, об образовании сих волостей (communes), о Директории. Против всех статей я покушался говорить, но имел слабость против своих мыслей уступить мнению Пестеля, как и в важнейших к несчастию моему разговорах». Показание Давыдова не оставляет сомнений в том, что вопросы о Директории и об избрании в депутаты «Палат» (т. е. в Народное Вече) также обсуждались на съезде, особенно же важно свидетельство, что обсуждалась и тема о «распределении земель»— аграрный проект Пестеля [22].

Особенно интересны для нас были бы прения о земельном вопросе и крепостном праве, но источники не доносят до нас этих важных подробностей. Можно, конечно, с большой долей вероятия предположить, что вопрос об отмене крепостных отношений являлся вполне ясным и, повидимому, был быстро решен, не вызвав прений, так же как и вопрос о республике. Едва ли столь же гладко прошел вопрос о «разделении земель».

Тем не менее, как показывает последующее свидание Давыдова с Никитой Муравьевым, вопрос этот, несомненно, ставился на съезде и был решен положительно: Южное общество высказалось за необходимость наделения крестьян землей.

Какие именно возражения были сформулированы в прениях и почему их сняло дальнейшее обсуждение — судить об этом со всей точностью, к сожалению, мы не можем за отсутствием материала. Так же затруднительно точно указать имена лиц, выступавших с этими возражениями, кроме С. Муравьева-Апостола и В. Л. Давыдова.

Важными вопросами, обсуждавшимися на съезде, были способы введения республиканского правления, установление диктатуры временного революционного правительства, вводящего в жизнь новую конституцию, и связанный с этим вопрос о цареубийстве. Последнее обсуждалось не впервые. Этот вопрос возник в Южном обществе и был решен утвердительно еще на первоначальных заседаниях в марте 1821 г., когда подтверждались решения Петербургского совещания 1820 г. Однако для Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, не присутствовавших на первоначальных заседаниях по образованию Южного общества, этот вопрос, естественно, запомнился как поставленный впервые, хотя это впечатление не соответствовало действительности. Этим объясняется показание Муравьева, на некоторое время сбившее с толку следствие: «На тех же совещаниях 1823-го года, при тех же именованных членах, был предложен в первой раз Пестелем вопрос об образе поступления со всею императорскою фамилией при установлении Временного правления для введения в Россию Русской Правды» [23].

По вопросу о цареубийстве загорелись жаркие прения. Пестель был его последовательным сторонником, считая необходимым «изведение» не только царствующего императора, но и всей его семьи, чтобы уничтожить легкую возможность появления новых претендентов на престол. Однако на съезде 1823 г. по вопросу о цареубийстве возникли и разногласия; их кратко передает показание Сергея Муравьева: «Мнения членов были: Пестеля, Юшневского, В. Давыдова, князя Волконского: истребить всех. Бестужева: одного государя. Мое: никого». Позже С. Муравьев переменил мнение и стал на точку зрения необходимости цареубийства и в этом духе разрабатывал дальнейшие планы действий. «В последствии времени,— показывает он,— и я присоединился к мнению о лишении жизни государя, не по убеждению однако же в необходимости политической сей меры, а потому, что оно было господствующее мнение в обществе. На истребление же всей царской фамилии я не только никогда не соглашался, но все члены, с коими о сем предмете я говорил откровенно, засвидетельствовать могут, что я всегда разумел мнение сие как сумасброднейшее». Оговорку о том, что присоединение к проекту цареубийства было им совершено не по внутреннему убеждению, а потому, что этого придерживалось все общество, надо отбросить,— она явно написана для следствия. С. Муравьев-Апостол утверждает, что «следствием возникшего прения по сему предмету было оставление сего вопроса до другого времени»,— это чрезвычайно правдоподобно и похоже на Пестеля, планомерно добивавшегося того, «дабы общее мнение революции предшествовало». Пестель не мог считать вопрос исчерпанным наличием простого большинства голосов и добивался полного единогласия. Заметим, что по этому вопросу прения действительно продолжались и после «контрактов» 1823 г., причем даже в письменной форме: Бестужев-Рюмин подавал письменный мотивированный протест против истребления всего царствующего дома [24].

На съезде обсуждались и способы цареубийства, в связи с чем выдвигался практический проект: предположено было составить так называемую cohorte perdue — «обреченный отряд» цареубийц, «вне общества находящихся». Поскольку вопрос о цареубийстве еще не был разрешен окончательно, то и разговор о cohorte perdue имел характер предположи-

тельный, хотя Пестель и признает, что говорил об этом «на контрактах» 1823 г. Начальником отряда предположительно намечался Лунин, член Северного общества, уже однажды предлагавший нечто подобное в Союзе Спасения. Как видим, набор людей, состоящих «вне общества», предполагался лишь для самого отряда, начальником же его был намечен член тайного общества. Кандидатура Лунина основывалась, по словам Пестеля, на том факте, что сам Лунин внес предложение о цареубийстве «в 1816 или 1817 году» [25].

Пестель подробно развивает план этого предприятия и объясняет причину, почему заговорщики-убийцы должны находиться «вне общества». «Я говорил также и то, что ежели бы таковая партия была составлена из отважных людей вне общества, то сие бы еще полезнее было, и точно разделял притом действие революции на заговор и переворот или собственно революцию, о чем и прочие члены рассуждали, находя нужным учреждение сего заговора, отдельность коего от общества признавалась весьма полезною» [26].

Вызвал прения и способ воплотить в жизнь решающий военный удар революции. В то время как Пестель стремился тщательным образом подготовить выступление и начать действовать в Петербурге, являвшемся «средоточием всех властей», С. Муравьев-Апостол отстаивал мысль действовать как можно скорее и именно там, где находились заговорщики в момент, оказавшийся удобным для выступления. Он считал, что надо создавать обстоятельства («не ждать удобных обстоятельств, а стараться возродить оные»,— передает его мысль Сергей Волконский) для выступления, а не ожидать, чтобы они созрели сами: «Я предлагал начатие действия явным возмущением, отказавшись от повиновения,— показывает Сергей Муравьев-Апостол,— и стоял на своем мнении». Все остальные представители Южного общества считали, что этот план повредит самому основному в тактике военного удара — устранению «междоусобий», противопоставляли мне все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предлагаемого мною образа действия» [27].

Вопрос был столь важен, что его также решили обсудить еще раз, что встретило полное согласие Пестеля. С. Муравьев-Апостол показывает: «Совещание о сем предмете тем кончилось, что Бестужев и я объявили, что их четверо одного мнения, а нас двое только противного, то большинство голосов хотя и на их стороне, но мы предлагаем оставить сие предложение впредь до другого времени, ибо вопрос таковой важности не может быть решенным шестью человеками,— что было принято» [28].

На съезде 1823 г. Бестужев-Рюмин поставил вопрос о необходимости революционного единения с Польшей, что было принято съездом. Ему поручено было войти с поляками «в сношение и обещать им независимость». Пестель не преминул дать ему наставление, чтобы «он отнюль не терял из виду выгодность нашего положения в отношении к полякам и им давал чувствовать, что мы без них очень можем обойтиться, но они без нас никак» [29].

Принятое съездом предложение Сергея Муравьева-Апостола готовиться к выступлению и не откладывать его до благоприятных условий, а создавать эти условия, требовало сношений с севером и по-новому ставило всегдашний вопрос о необходимости единения с северянами. Выступать надо было вместе. Но для этого надо было вступить с ними в связь и договориться о программе. Уяснить себе «сокровенную цель» оказывалось недостаточным: надо было добиться единства этой цели с северной организацией.

Общий итог съезда 1823 г. говорил о значительном продвижении вперед Южного общества. Несмотря на ряд разногласий, основные поло-

жения южной конституции все же были приняты. Этим определилась как программа, так и тактика Южного общества, это было главное. Теперь можно было, приняв основы программы, говорить и об ее воплощении в жизнь, т. е. о практических революционных планах. Для этого нужно было провести в жизнь ряд организационных мер и в первую очередь оформить «правый» и «левый» фланги общества.

И действительно, последним крупным вопросом съезда 1823 г. была организация Васильковской и Каменской управ. Во главе первой были поставлены Сергей Муравьев-Апостол и его друг Бестужев-Рюмин, во главе Каменской управы — Волконский и Давыдов. Тульчинская управа оставалась центральной. Все три управы «находились под ведением Тульчинской директории» [30].

Создание управ «правого» и «левого» флангов также говорит за себя. «Правым» и «левым» эти фланги были по отношению к движению на Москву и Петербург. Матвей Муравьев в своих показаниях даже соединяет деление на правый и левый фланги с делением общества «на дивизии». Южное общество сразу хотело создать свою боевую дислокацию кануна решающего сражения. Подчас даже члены именуются в показаниях на следствии как бы на фоне этой боевой дислокации; так, Сергей Муравьев-Апостол, деля Южное общество на центр, правый и левый фланги, указывает, что, например, Барятинский, по его мнению, принадлежал «либо к центру, либо к правому флангу» [31].

Заметим, что во всей деятельности, связанной с выработкой программы Южного общества, Барятинский принимал живое участие и был последовательным сторонником Пестеля. Это подчеркивает и сам Пестель, перечисляя лиц, полностью разделяющих его мнения на первом этапе жизни Южного общества: «Аврамов, Юшневский, Ивашов, Крюков 1 и 2, Басаргин, к[нязь] Барятинский и Вольф разделяли все со мною — и цель и способы достижения ее и единогласно все без изъятия и без всяких оговорок и противоречий определили и подтвердили то и другое». О полной солидарности с Пестелем членов Тульчинской управы говорит и декабрист Бобрищев-Пушкин 1-й, показывающий даже, что некоторые из членов «слишком были уверены в своих политических мнениях» [32].

Позднейшие свидетельства о втором Киевском съезде 1823 г., идущие со стороны лиц, на съезде не участвовавших, но получивших о нем информацию, также подчеркивают роль вопроса о республике: Ивашев свидетельствует, что Пестель после съезда информировал его как о принятии республики, так и о цареубийстве. Ивашев, как выяснилось на очной ставке, знал о прежнем решении Петербургского совещания 1820 г., голосовавшего за республику, и вместе с тем и о решениях Киевского съезда 1823 г., где разбирался и был окончательно принят проект республиканской конституции [33].

Из всего сказанного ясно, что были разработаны и приняты основы республиканской конституции, содержавшие решение вопроса о крепостном праве и земле.

Теперь уже Пестель мог говорить с северной организацией другим языком! Его предложения были приняты Южным обществом. Получив (очевидно, незадолго до Киевского съезда) рукопись Конституции Никиты Муравьева (минский проект, разобранный выше), Пестель мог противопоставить ему теперь не просто свое частное мнение, но общее мнение своей организации. Выше мы, как помнит читатель, несколько забежали вперед, рассказав о «предлинном письме» Пестеля с разбором Конституции Никиты Муравьева, посланном с Давыдовым в Петербург в феврале 1823 г.,— этого требовал ход изложения. Теперь мы вновь должны вернуться к поездке Давыдова и «предлинному письму», но уже в другом

аспекте. Пестель послал ответ Никите Муравьеву с возражениями на его Конституцию после второго съезда 1823 г., т. е. после принятия основ «Русской Правды» Южным обществом. Он сказал в этом ответе, как мы помним, что Конституция Муравьева «весьма не нравилась» не только ему, но и «многим членам» тайного общества,— ясно, что он говорил о южанах. Почему «весьма не нравилась»? По причине «ужасной аристократии богатств» и государственной децентрализации, проведенной под оболочкой федеративной системы, децентрализации, делавшей, по мнению Пестеля (полемически заостренному), будущую Россию похожей на Русь древней удельной системы. Следовательно, ответ Пестеля Никите Муравьеву родился из сложного идейного узла событий второго Киевского съезда. Южане, читавшие муравьевскую Конституцию, очевидно, сопоставляли ее с проектом Пестеля, вероятно, на том же съезде. Сравнение было не в пользу Никиты Муравьева: новое завоевание Пестеля — отказ от имущественного ценза — получило всеобщее признание и было воспринято как глубоко справедливое. Тезис Пестеля об единой и неделимой революционной России, сильнейшем централизованном государстве, также был воспринят положительно и противопоставлен конституции Муравьева. В февральском письме Пестеля, посланном с Давыдовым Никите Муравьеву, последнему отвечало, таким образом, Южное общество, говорившее голосом своего руководителя. Это очень важно отметить. Мы еще раз убеждаемся, что конституционные проекты нельзя изучать, изъяв их из живой ткани истории декабристского движения [34].

Но из тщательного сопоставления показаний выясняется еще и другое важное обстоятельство. Давыдов передал Никите Муравьеву не только «предлинное письмо» от Пестеля. Кроме «предлинного письма» с убийственной критикой муравьевской Конституции, Давыдов вез еще и «тетрадки» с изложением основ «Русской Правды», сделанным по-французски Сергеем Муравьевым-Апостолом. Из дела Барятинского мы знаем, что и он переводил пестелев проект, но перевел лишь его начало. Если перед нами уже два переводчика — Сергей Муравьев-Апостол и Барятинский, то нельзя ли предположить, что этот французский перевод делали спешно для Петербурга в несколько рук, чтобы сразу послать его туда с Давыдовым, уехавшим в феврале, т. е. очень скоро после съезда? Сделан он был, по словам декабристов, для графа Полиньяка, через которого рассчитывали завязать связь с французским движением. Французская оболочка, конечно, вместе с тем немного содействовала конспиративности: было бы возможно при случае выдать перевод за выписки из французских политических сочинений. Таким образом, мы насчитываем уже два важнейших конспиративных документа, которые были вручены Давыдову: «предлинное письмо» Пестеля, содержавшее острую критику муравьевской Конституции, и «тетрадку» Сергея Муравьева-Апостола, заключавшую изложение нового, только что принятого всей южной организацией конституционного проекта — «Русской Правды» — в варианте, еще неизвестном Никите Муравьеву, принятом съездом 1823 г. Еще третий документ, очевидно, надо прибавить к упомянутым,— это была возвращаемая Пестелем Никите Муравьеву его минская Конституция, возвращаемая «как неудовлетворительная». С этими документами Давыдов в феврале 1823 г. и отправился в Петербург [35].

Используем же, если можно так сказать, длительное время его передвижения из Киева в Петербург, чтобы полнее ознакомиться не только с общим смыслом спрятанного им и не дошедшего до нас документа, который излагает содержание «Русской Правды», но и с теми дошедшими до нас текстами самого Пестеля, которые являются проектом его

конституции на этапе 1823 г. и которыми, к счастью, мы располагаем. Каково же было содержание южного проекта, принятого и одобренного Южным обществом?

6

Раньше чем ответить на поставленный вопрос, охарактеризуем кратко состав того памятника, который принято в декабристской литературе называть «Русской Правдой».

Она включена в обширное (314 листов) дело № 10, хранящееся в основном фонде (№ 48) следствия и суда над декабристами в Центральном государственном историческом архиве (Москва). Первые 58 страниц дела занимают переписанный набело писарским почерком устав Союза Благоденствия — «Зеленая книга» и «тюремный вариант» Конституции Никиты Муравьева, изложенный им по требованию Следственного комитета. Остальную — основную — часть объемистого дела занимают рукописи Пестеля, почти все являющиеся его автографами (имеются два незначительных исключения). Тут находятся и ранние работы Пестеля, относящиеся еще ко времени Союза Благоденствия: «Записка о Государственном правлении» (1818—1819), «Государственный приказ правосудия» (1818—1819), французский социально-политический трактат (1820) и другие рукописи, а также многочисленные материалы, мелкие статьи и наброски Пестеля, в той или иной степени связанные с его конституционным творчеством. Центральное же место в составе дела занимает текст «Русской Правды», дошедший до нас в составе двух редакций — более ранней и более поздней. Они существенно отличаются одна от другой — первая отнюдь не является «черновиком» второй. Ранняя редакция менее демократична по содержанию, более отягощена дворянскими пережитками, сказывающимися на характере освобождения крестьян, на способе уничтожения сословного строя и на многих других кардинальных по значению вопросах. Вторая редакция ушла от первой далеко вперед и является более зрелой. Уже одно это говорит о том, что редакции должны быть разделены известным сроком, в который и произошло созревание политических взглядов автора, и никак не могли бы быть созданы одновременно. Как же они датируются?

Более ранняя редакция написана на бумаге, содержащей филиграни со знаком 1822 г., иначе говоря, возникла не ранее этой даты. Вторая, более поздняя редакция была, согласно свидетельству самого Пестеля, в основном завершена в 1824 г., и далее в нее вносились лишь частичные исправления; в своей биографической анкете Пестель писал, что в 1825 г. работа над рукописью у него уже «не шла» и он «ничего не написал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял»[36]. Следовательно, первая редакция возникла не ранее 1822 г., а вторая была в основном завершена в 1824 г. Так определяются крайние даты интересующих нас редакций. Но где же проходит хронологическая грань между ними?

Известно, что сначала конституционный проект Пестеля еще не носил названия «Русской Правды» («Название же Русской Правды дал я моему плану конституции в 1824 году»,— показывает Пестель). По собственному свидетельству Пестеля, он начал писать текст, уже носивший название «Русской Правды», в Петербурге в 1824 г. и продолжал работу над ним в том же году и после петербургской поездки. Ясно, что это и есть более поздняя редакция «Русской Правды». Период, в который могла бы быть написана более ранняя редакция, сужается, таким образом, до двухгодичного срока: 1822—1823 гг. Уже отсюда ясно, что ранняя редакция «Русской Правды» могла возникнуть только в эти годы:

раньше 1822 г. она не могла существовать, так как написана на бумаге с водяным знаком 1822 г., а позже 1823 г. не могла быть написана потому, что весь 1824 год занят был у Пестеля, по его собственному свидетельству, работой уже над более поздней — второй — редакцией, которой он, собственно, и дал название «Русской Правды». Не выдерживает критики предположение, что Пестель в один 1824 год (вернее, за девять с небольшим месяцев, так как он появился в Петербурге лишь в марте 1824 г.) создал сразу обе принципиально различные редакции, занимающие в общей сложности около 400 страниц убористого, многократно правленного текста.

Принимая, таким образом, датировку первой редакции «Русской Правды» 1822—1823 годами, а второй — 1824 годом, можно заметить что этот вывод хорошо сходится и с внутренней историей тайной организации: на 1822 и 1823 гг. падают первый и второй съезды Южного общества в Киеве, когда Пестель много работал над своим проектом и делал доклады о своем конституционном плане («Как в 1822, так и в 1823 году было рассуждаемо о республиканском правлении, и я при том объяснял свои мысли и свой План Конституции»). Как свидетельствует Юшневский, эта работа Пестеля над планом в те годы фиксировалась автором письменно, а не только ограничивалась устным изложением. Так, Юшневский показывает, что «несколько лет тому назад давал он мне читать мысли его об образе правления... Впоследствии же сказывал мне Пестель, что собрание сих мыслей составит конституцию». Речь тут может идти лишь о ранней редакции «Русской Правды». Ясно, что устное изложение сложного конституционного плана требовало предварительной письменной подготовки, что вполне соответствовало и манере Пестеля и необходимости иметь наброски для последующих докладов. Рукопись, в то время еще не носившая названия «Русской Правды», еще не была закончена («...одобрение последовало по одним только изустным объяснениям Пестеля, ибо в то время (по контексту — в 1822 или в 1823 г.— *М. Н.)* проект сей не был еще изготовлен и едва ли кто-либо из членов общества читал оный, а судили только по словам Пестеля и, помнится, сказывал он мне сам, к о г д а д а в а л ч и т а т ь м н е, что оный не был еще кончен»). Это свидетельство Юшневского содержит в себе явное противоречие: с одной стороны, он утверждает, что никаких рукописей не было, с другой — что Пестель давал ему читать свой еще не законченный проект,— стало быть, рукопись существовала. Во время дачи этого противоречивого ответа Юшневский находился в крайне трудном положении. Ранее, уверенный в том, что «Русская Правда» сожжена, он убежденным тоном давал следствию показание, что проект Пестеля был конституционно-монархическим. Но «Русская Правда» была отыскана и оказалась в руках следствия. Юшневскому адресовали уличающий вопрос об ее республиканском характере. Трудности положения подследственного лица породили неясности и противоречия в ответе, тем не менее не оставляющем сомнений в основном факте: Юшневский читал рукописи Пестеля, относящиеся как к ранней, так и к поздней редакции, что подтверждает существование рукописного оформления проекта Пестеля и на раннем и на позднем его этапах [37].

С ранней редакцией «Русской Правды» был знаком и М. П. Бестужев-Рюмин. Когда Повало-Швейковский привез ему из Петербурга в 1824 г. текст «Русской Правды», Бестужев, рассматривая рукопись, спросил: «Пестель вам более сего ничего не давал? Здесь не все помещено». Повало-Швейковский ответил, что «о недостающих статьях» ничего не знает и передает то, что есть. Следовательно, Бестужев имел какое-то детализированное представление о рукописи и мог даже после сравнительно беглого ее рассмотрения заметить, что в ней недостает

каких-то статей. Стало быть, Бестужев был знаком с какой-то рукописью. существовавшей ранее петербургской редакции 1824 г., а такой может быть лишь первая — более ранняя «южная» редакция 1822—1823 гг. [38].

Очень важно заметить, что, различая одну редакцию от другой, нельзя полагаться только на употребление названия «Русская Правда» в свидетельствах декабристов и все, что называют они сами этим именем, датировать в силу этого 1824 годом. Прием этот в изолированном виде привел бы к значительным ошибкам. Наименование «Русская Правда» стало столь привычным для декабристов, что они называют так проект Пестеля и на раннем этапе его развития. Так, С. Муравьев-Апостол показывает о Киевском съезде 1822 г.: «Пестель объяснял главные черты сочиняемой им «Русской Правды»». Говоря о съезде 1823 г., он вновь показывает: «Пестель снова объяснял Русскую Правду». Следствие запросило Матвея Муравьева-Апостола, с которого времени Южное общество вознамерилось ввести республиканское правление посредством революции. Тот ответил: «Как скоро П. Пестель написал и. выдал Русскую Правду, т. е. в начале своего существования». Между тем «начало существования» Южного общества относится к 1821 г., что было хорошо известно Матвею Муравьеву. Сам Пестель постоянно употребляет название «Русская Правда» для более раннего времени, чем 1824 г. Так, он показывает, что Давыдов повез в 1823 г. в Петербург «Краткое начертание Русской Правды» на французском языке, хотя на том же самом листе несколько выше находится его основное свидетельство, что рукопись под названием «Русская Правда», собственно, была им начата лишь в 1824 г. В силу этого надо очень осторожно и с оговорками оперировать фактом применения заглавия «Русской Правды» для датировки ее текстов [39].

К сожалению, ранняя редакция «Русской Правды» в целом не дошла до нас, но все же мы располагаем ее чрезвычайно ценными рукописными фрагментами. Некоторое приближенное представление о целом может дать нам сохранившееся в рукописи Пестеля и имеющее более позднее происхождение «оглавление проекта Русской Правды». Из него видно, что после краткого введения, посвященного «основным понятиям», проект делился на 10 глав: глава 1 — «Земельное пространство государства», глава 2 — «Племена, Россию населяющие», глава 3 — «Сословия, в России состоящие», глава 4 — «Политическое состояние народа», глава 5 — «Гражданское состояние народа», глава 6 — «Образование Верховной Власти», глава 7 — «Образование Государственного управления», глава 8 — «Мероприятия для Безопасности», глава 9 — «Мероприятия для Благосостояния» и, наконец, глава 10 — «Состав государственного уложения». Из этих намеченных автором глав не все были написаны. До нас дошли из состава ранней редакции лишь главы: 3 (без начала), 4 и 5, а также план вступления и первых пяти глав (иногда переходящий в конспект). Первые главы (с 1-й по начало 3-й) не дошли до нас, повидимому, потому, что были позже переработаны Пестелем и заменены новым текстом позднейшего проекта 1824 г.

Ранняя редакция «Русской Правды» отражает ту социально-политическую концепцию, которая стала в 1823 г. после обсуждения на Киевском съезде платформой всей южной организации. В чем же она состояла?

7

Прежде всего, как и при анализе Конституции Никиты Муравьева, нас интересует отношение платформы южных декабристов к основе производственных отношений феодального общества — к собственности феодала на землю и к неполной собственности на крепостного крестьянина. В глубоком отличии от решения, предложенного Н. Муравьевым, Южное

общество полагало необходимым уничтожение крепостного права с наделением крестьян землей. Тезис «земли помещиков остаются за ними» не был тезисом Южного общества.

Освобождение крестьян без земли, предоставление крестьянам только личной свободы Пестель и его южные единомышленники считали совершенно неприемлемым. Аграрный проект, подробно разработанный в ранней редакции «Русской Правды», представляет значительный интерес. Южные декабристы чрезвычайно много размышляли о земельном вопросе (это можно доказать, например, анализом заметок в записной книжке друга и соратника Пестеля Н. Крюкова, о котором мы скажем подробнее в своем месте) [40].

Ранняя редакция «Русской Правды» уделяет большое внимание теоретической стороне аграрного вопроса. Все многочисленные соображения о дележе земель Пестель и его единомышленники сгруппировали в двух положениях, или «мнениях».

«Первое мнение объясняется таким образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит сама все то, что к пище человека служить может. Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми за исключением прочих...». Итак, земля есть общественная собственность и только общественная собственность. Она должна принадлежать всем людям сообща [41].

Но есть и противоположное мнение.

«Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрил и оную способною сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые только тот сделать согласится, который в полной своей собственности землю иметь будет, и что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено» [42].

Из столкновения этих двух противоречий Пестель вышел своеобразным путем: он соединил их. Действительно, в аграрном проекте Пестеля объединены эти принципы: признается правильным, что «земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц» и поэтому не может быть частной собственностью. Но признается и другое,— что «труды и работы суть источники собственности» и тот, кто землю удобрил и обработал, имеет право владеть землей на основе частной собственности. Признав за правильные оба противоречивые положения, Пестель положил в основу своего аграрного проекта требование разделения земель пополам и признания каждого из указанных принципов в одной из половин разделенной земли.

Таким образом, вся обрабатываемая земля в каждой волости (так предполагалось называть наиболее мелкое административное подразделение будущего государства и вместе с тем «политическое семейство» каждого гражданина), по проекту Пестеля, делится на две части: первая часть является общественной собственностью, ее нельзя ни продавать, ни покупать, она делится на общественные участки для безвозмездного распределения между всеми желающими заниматься земледелием. Эта

половина земли предназначена для производства «необходимого продукта». Вторая половина земли сосредоточивает в себе частную собственность, ее можно продавать, покупать, дарить, завещать. Она предназначена для производства «изобилия».

Каждый гражданин республики Пестеля обязательно должен быть приписан к волости, где родился, и имеет право в любое время, если желает, получить причитающийся ему земельный надел. Это положение должно было, по мнению Пестеля, гарантировать граждан будущей республики от нищенства, голода, пауперизма. «Каждой Россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не отдаваясь в их зависимость, но от трудов, коих приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравне с прочими согражданами. Где бы он ни странствовал, где бы щастия ни искал, но всегда в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может». Волостная земля — общественная земля. Крестьянин или вообще любой гражданин в государстве, получивший земельный надел, не может, как и все прочие граждане, ни дарить его, ни продавать, ни завещать, ни закладывать [43].

Вторая половина волостных земель, предназначенная для производства «изобилия», частью может принадлежать и государству. Казенные владения в этой половине земли также могут быть продаваемы («Казна является в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому продавать казенные земли право имеет»). Каждый россиянин, желающий расширить свое земельное хозяйство, может прикупить землю из этой второй части земельного фонда.

В специальном отделе, посвященном «вольным земледельцам», Пестель дополнительно поясняет свой аграрный проект по отношению к указанному разряду крестьян, и пояснение это точно и конкретно передает его общий взгляд на аграрный вопрос. Для нас в этом отделе особо важны пункты 2-й и 3-й.

«2) Разделить земли каждой волости по угодьям на две половины, из коих одной именоваться общественною землею, а другой частною землею. Общественная земля имеет на тех же основаниях волостному обществу принадлежать, на коих сие пояснено в статье о казенных крестьянах.

3) Частная земля каждой волости имеет быть роздана участками всем различным семействам той волости в вечную и полную частную их собственность. Ежели кто из вольных земледельцев перед сим уже купил какую-нибудь для себя землю, то остается полным обладателем оной» [44].

Мы видим, что Пестель предлагает в своем проекте способы, которые, по его мнению, дадут крестьянину возможность избегнуть свойственного капиталистическому развитию процесса пролетаризации. Это стремление защитить непосредственного производителя от бедности и нищеты, обязательных спутников существа капиталистического развития,— отделения непосредственного производителя от средств производства — вносит в «Русскую Правду» утопические черты.

И к проекту Пестеля, так же как к проекту Никиты Муравьева, исследователи подчас применяли компаративистский метод в утрированной форме, презумпцией которого являлось положение, что Пестель у кого-то из более ранних, чем он, социальных реформаторов похитил свое предложение разделить землю на две половины и одну оставить в частной, а другую — в общественной собственности, и вся задача анализа его аграрного проекта едва ли не исчерпывается установлением источника заимствова-

ния. Огромное внимание уделил этому В. И. Семевский, перемежавший этими соображениями пересказ «Русской Правды». В последнее время особенно много энергии посвятил той же проблеме зарубежный историк Любин (Lübin) в специальной работе, посвященной «источникам» «Русской Правды». В этих изысканиях молчаливо предполагается, что тот «первый» реформатор, у кого похитили идею последующие идеологи, почему-то мог самостоятельно придумать свои положения, а последующие похитители и «заимствователи», будь они хоть семи пядей во лбу, никак не могли бы сами придти к аналогичным выводам [45].

Между тем Пестель сам с полной ясностью и присущей ему точностью формулировок указал, откуда он «заимствовал» мысль об этом делении. «Сие постановление,— писал он в том же «Проекте Русской Правды» (1822),— может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земель на две части». Очевидно, Пестель имеет тут в виду деление земель на барскую и крестьянскую запашки. Конечно, мы никак не согласимся с ним, что к этому делению «весьма склонны» народные «понятия»: народные «понятия» издавна были склонны к передаче народу всей земли — «ведь баре-то пахать не умеют». Но указание Пестеля чрезвычайно важно для пояснения генезиса его проекта. Крестьянская запашка должна оставаться у крестьян, но должна принципиально изменить свое существо: она передается крестьянину в силу права человека на землю и вместе с тем увеличивается в размере по сравнению с прежним наделом. Конечно, из всего смысла аграрного проекта Пестеля явствует, что он произвел бы дележ земель совершенно заново, но вместе с тем он также надеялся, что проект не вызовет волнений, потому что вообще-то к делению земли на две доли крестьяне «приобыкли» [46].

Но отсюда не следует, что Пестель фиксировал старое деление в новом законе и этим ограничивался. Новое было весьма значительным: помещичья земля в половине своей площади переходила в фактическое и безраздельное пользование крестьянства. Конечно, по точному смыслу анализируемого конституционного текста, земля переходила в общественную собственность не просто крестьянства, а вообще всех граждан данной волости, желающих заняться обработкой земли, однако — объективно — это положение пестелевой конституции означало, разумеется, прежде всего наделение землею крестьянства.

Несмотря на всю свою половинчатость, аграрный проект Пестеля был для того времени чрезвычайно радикальным. Накануне реформы крестьянская запашка, как известно, занимала лишь треть обрабатываемых земель,— под барской запашкой было две трети земли. Пестель же отдавал крестьянам половину всей обрабатываемой в государстве земли, т. е. значительно увеличивал крестьянское землевладение по сравнению с тем количеством земли, которым крестьяне владели при крепостном праве. Крестьянская реформа 1861 г. еще отрезала от крестьянского землепользования $^1/_5$ крестьянских земель (знаменитые «отрезки») и выселила крестьян «на песочки». Ничего подобного в проекте Пестеля не было.

Необходимо отметить еще одну прогрессивную сторону его проекта: с конца XVIII в. в России усиливается отчетливый процесс помещичьего наступления на крестьянскую запашку. Как указывалось выше, этот процесс был глубоко связан с разложением крепостного хозяйства. По данным В. И. Семевского, крестьянская запашка в барщинных имениях в конце XVIII в. в среднем равнялась 7 десятинам на одну ревизскую душу. В первой же половине XIX в., в связи с процессом наступления помещиков на крестьянскую землю и увеличения за ее счет барской за-

пашки, крестьянский надел уменьшился в среднем до 2,8 десятины на ревизскую душу, а в некоторых имениях даже доходил до 1,1 десятины. Эти цифровые данные нельзя считать вполне точными, но они отражают основную тенденцию процесса. Так как об аграрном проекте Пестеля необходимо судить на основе той реальной исторической ситуации, которая складывалась в его эпоху, нужно отметить, что его аграрный проект объективно шел против этого помещичьего наступления на крестьянскую землю, полагал резкий предел этому наступлению, пресекал его, выделял в общественную крестьянскую долю больше земли, чем в его время находилось в реальном пользовании крестьян. Самое же главное — менялась природа собственности на землю: ранее земля была помещичьей, и крестьянский надел выделялся соизволением барина и обусловливался барской выгодой и основным законом феодализма. Помещик не мог бы эксплуатировать феодально-зависимого крестьянина, не наделив его предварительно землей — своей феодальной собственностью. Теперь же общественная земля уже являлась собственностью народа. Частновладельческая же половина земли, предназначенная для производства «изобилия», являлась собственностью буржуазного, а не феодального характера. Кроме того, проект Пестеля своим явно поощрительным отношением к капиталистической мобилизации земельной собственности, разрешением широкой продажи частной земли и выдачей банковских ссуд мелкому хозяйству, а также полным сохранением частновладельческой крестьянской собственности, приобретенной в крепостное время, предоставлял возможности дополнительного расширения крестьянского землевладения.

Аграрный проект Пестеля выдвигал, таким образом, требование дать крестьянам значительно больше земли, чем дала через три десятка лет правительственная реформа 1861 г. Отсюда следует, что аграрный проект Пестеля гораздо шире, чем крестьянская реформа, открывал дверь именно буржуазному развитию страны. Говоря о земельных наделах крестьян, закрепленных за ними реформой 1861 г., В. И. Ленин писал: «*Чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее* ***получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма*** *в России,* тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству...» [47].

Но откуда же взять оборотный капитал тому гражданину будущей республики Пестеля, который пожелает сесть на землю, получить от волости безвозмездно свой земельный надел, полагающийся ему по основному закону страны, и начать сельскохозяйственное производство? Да и любому крестьянину, принимающемуся за самостоятельное хозяйство и нуждающемуся в подновлении инвентаря, покупке семян и новых орудий, наконец, в покупке дополнительной частновладельческой земли,— откуда взять оборотный капитал? Ранняя редакция «Русской Правды» весьма ясно отвечает на этот вопрос. Пестель предполагал, что, по его проекту, будущая российская республика будет жить оживленной и кипучей хозяйственной жизнью, и считал необходимым в каждой волости завести «маленькие банки и ломбарды, а равным образом и страховые учреждения». Волостные банки и ломбарды давали бы ссуду как на первоначальное обзаведение, так и на расширение частного хозяйственного предпринимательства. Что очень важно подчеркнуть,— в проекте Пестеля ссуда для первоначального обзаведения в хозяйстве давалась бы без роста и без залога. Особо интересны для нас следующие положения: «Каждая волость иметь будет свой Банк, коего сочлены и соучастники будут все граждане той волости. Сии банки могут составляться, во-первых, ежегодными вкладами определенными количествами от каждого гражданина той воло-

сти для составления банка. За сии вклады не будет гражданам ростов (процентов.— *М. Н.*) выдаваться. Во-вторых, ежегодными вкладами для образования страхового заведения. Количества сих вкладов должны быть определяемы по соображению застраховаемых (так в подлиннике.— *М. Н.*) предметов. А в-третьих, единовременными вкладами сверх ежегодных. За сии последние вклады будут росты выдаваться и они всегда могут назад быть получены». Далее Пестель поясняет, что волостные банки могут быть не только организационными центрами оборота капиталов, но и товарными складами: в банк могут делаться «вклады» «различными произведениями», которые потом по постановлению волостного правления или наместного собрания (оно, стало быть, также будет вплотную заниматься этими делами!) «будут продаваемы, а деньги за них в Банк взносимы». Что же касается ссуд, то волостной банк обязуется «снабжать заимообразно нужными деньгами граждан, заводящих хозяйство на участках общественной земли, без роста и залога. Сия сумма может быть выплачиваема в течение нескольких лет хоть деньгами, хоть разными произведениями». Другое правило вообще требовало, чтобы волостной банк выдавал деньги «заимообразно членам волости на срочное время определенными количествами без роста и без залога. Выдавая же деньги заимообразно свыше определенной суммы, следует рост и залог получать». Этот финансовый проект разработан у Пестеля чрезвычайно подробно и, очевидно, столь же детально обсужден членами Южного общества. Добавим, что Пестель допускал широкое развитие разнообразных хозяйственных товариществ и считал нужным поощрять их, лишь бы они не добивались монополий и не имели вида «правительственного места», требуя, например, каких-либо «повинностей с граждан в товариществе не участвующих» [48].

Таким образом, аграрный проект Пестеля был несомненным проектом развития капиталистических отношений. Соединение общественного владения с возможностью расширения частновладельческой собственности, поощренной утопической беспроцентной ссудой, даваемой равно всем земледельцам, было основой проекта. Пестель и его товарищи с восторгом (ясно чувствуемым в подтексте формулировок) утверждали, что прекратится всякая нищета, исчезнет и самый процесс пауперизации и даже канет в Лету и страх перед нею,— страх, неизбежный в том случае, если «успехи стараниям изменят»: «Вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли и не будет у нея ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли... Ежели который гражданин заниматься станет изделиями какими-нибудь или пойдет в услужение или на какую-нибудь работу наймется, то делать сие будет только потому, что в том более удовольствия или выгоды найти надеется, нежели в обработке земли. Право же свое на общественную землю будет он при всем том сохранять неизменно и каждый россиянин тем самым истинным членом Российского государства всегда пребывать. Какую Осанку должно таковое положение вещей Российскому народу приобщить и какое почтение вселить к нему во всех других державах и государствах» [49].

Из изложенного ясно, что первые русские революционеры в лице Пестеля и его единомышленников, хотя и заметили, к чести своей, противоречия нарождающегося капиталистического строя и резко отрицательно отнеслись к «аристократии богатств», все же не могли понять не только существа капиталистических противоречий, но даже представить себе общего их объема. Самое направление развивающегося капиталистического процесса, наблюдаемого ими в ранней форме, на ранних стадиях развития, осталось ими не замеченным: процесс отделения производителей от средств производства и создание класса пролетариата не было ими понято. Против течения этого процесса были возведены утопические пре-

грады в виде общественного наделения землей, а промышленное развитие страны, капиталистический характер которого требовал бы наемных рабочих, оставалось почти неразработанной областью и процессом, оставшимся вне понимания первых русских революционеров. Кто работал бы на мануфактурах и фабриках будущей капиталистической России? Желающие земельные собственники, а также... колодники, заключенные, отбывающие наказание,— отвечал проект южных декабристов... Это яснее многого другого говорило о классовой ограниченности мировоззрения первых русских революционеров.

Декабрист И. Д. Якушкин может быть привлечен как комментатор этой особенности. С присущей ему искренностью и точностью он писал позже в своих «Записках»: «Ужасное положение пролетариев в Европе тогда еще не развилось в таком огромном размере, как теперь, и потому возникшие вопросы по этому предмету уже впоследствии — тогда не тревожили даже самых образованных и благонамеренных людей» [50].

Но основой производственных отношений феодального общества является не только собственность феодала на землю, а также органически связанная с нею неполная собственность на крестьянина — работника феодального производства. Феодальная зависимость крестьянина от помещика и выражалась в изучаемое время в крепостном праве, борцами против которого были декабристы. Надо подчеркнуть ту страстную защиту крестьянского освобождения, которая свойственна проекту южных декабристов. Пестель выступает решительным и принципиальным противником крепостного права: «...Право обладать другими людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, законам естественным, святой вере християнской и заповедной воле всевышнего Творца, гласящего в священном писании, что все люди пред ним равны и что одни деяния их и добродетели разницу полагают».

Процесс освобождения крестьян, согласно ранней редакции «Русской Правды», должен быть постепенным и растянуться на довольно длительный срок. Однако дворянская ограниченность Южного общества и его идеолога отчетливо сказывается и в самом характере освобождения крестьян от крепостной зависимости, отраженном в раннем варианте «Русской Правды». На этом этапе развития своей платформы Южное общество и Пестель полагали, что «освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян доходов, ими от поместий своих получаемых». Вместе с тем устанавливалось твердое правило: «Освобождение... должно крестьянам доставить лутчее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать». Как же соединить эти противоречивые положения? Пестель и южные декабристы полагали, что предлагаемый ими проект сможет осуществить как то, так и другое. Разберемся в этом вопросе.

В ранней редакции «Русской Правды», отразившей ту конституционную концепцию, которая была принята как программа Южного общества на съезде его руководителей в 1823 г. в Киеве «на контрактах», фигурируют смущавшие многих исследователей «Русской Правды» какие-то «грамотные дворянские собрания». Функция этих собраний важна до чрезвычайности — на них возлагается, согласно раннему проекту «Русской Правды», подготовка освобождения крестьян от крепостного права.

Но ведь Пестель — враг сословного строя, враг дворянства и его привилегий, откуда же у него сословие дворянства, да еще дворянские «собрания» со столь значительной общественной функцией? В литературе о декабристах этот вопрос до последнего времени не был изучен. В. И. Семев-

ский преимущественно лишь пересказывал «Русскую Правду», не входя в ее анализ по существу, и оставил этот вопрос без объяснения. М. Н. Покровский в свое время заметил эти «грамотные дворянские собрания» и пришел в ужас: откуда может возникнуть сословие дворянства в проекте Пестеля? Очевидно, их наличие — какое-то недоразумение, связанное с тем, что «Русская Правда» — путаный черновик. Таким образом, Покровский объявил термину, что он «не может быть» [51], и ничего более по существу вопроса не сказал.

Для других авторов наличие «грамотных дворянских собраний» явилось основанием утверждать, что Пестель сохраняет дворянство как отдельное, привилегированное сословие; далее следовали резкие квалификации дворянской ограниченности Пестеля.

Между тем ранний вариант «Русской Правды» с предельной ясностью определяет свое отношение к сословному строю: он разрушает его. В плане Пестеля зарегистрировано 12 сословий крепостной России: духовенство, дворянство, купечество, мещанство, военные поселяне, солдатские дети, казенные крестьяне, монастырские крестьяне, вольные земледельцы, дворянские крестьяне, дворовые люди и заводские крестьяне. Все эти сословия по проекту Пестеля «сливаются в единое сословие — гражданское». Освобожденные крестьяне также переводятся «в общее состояние Российского гражданства» [52].

Пестель, таким образом, разрушает всю старую сословную систему и сливает всех представителей прежних сословий, перечисленных выше, в общее «сословие» российских граждан с равными политическими правами. Отсюда следует, кстати говоря, что он употребляет термин «сословие» в двух смыслах: в первом случае он говорит о старых сословиях феодального строя, во втором (понятие «единого сословия гражданского») он разумеет широкое обобщение единого правового положения всех российских граждан. Разумеется, во втором случае он употребляет термин крайне неточно, потому, что там, где правовое положение для всех граждан уже одинаково, термин «сословие» лишается своего прямого содержания. Пестель, очевидно, употребляет понятие «единого сословия гражданского» лишь как условное бытовое понятие. Надо признать, что он все же сумел через это условное, так сказать, образное словоупотребление донести до читателя свою основную мысль, которая вполне понятна, несмотря на явно неточную терминологию.

В будущей революционной России каждый гражданин, будь то бывший крепостной, купец, дворянин или еще кто, независимо от бывшей сословной принадлежности, приписывается к той волости, где живет, входит в ее «политическое семейство» и наравне со всеми участвует в выборах. Он может также наравне со всеми требовать себе участок из «общественной половины» земли, если пожелает заняться земледелием, или несколько участков, если имеются незанятые в числе большем, нежели число желающих их получить. Он может наравне с другими занимать любую государственную должность: «Каждый гражданин имеет право на занятие всех мест и должностей по государственной службе. Одни дарования, способности, познания и услуги служат поводом и причиной к прохождению службы». Все граждане, независимо от старой сословной принадлежности, платят одинаковые налоги. Однако при всех этих ясных и бесспорных положениях Пестель в ранней редакции «Русской Правды» делал одно весьма своеобразное и требующее пристального внимания исключение.

Третья глава, посвященная «сословиям, в России состоящим», дошла до нас в ранней редакции не в полном составе. Первые подразделения главы должны были касаться сначала общего «исчисления сословий», далее — по отдельности духовенства, дворянства, купечества, мещанства,

военных поселян и солдатских детей. Последний указанный параграф о солдатских детях был по счету седьмым и дошел до нас лишь в последней своей части. Текст, расположенный до него, был Пестелем уничтожен по использовании его в поздней редакции. Далее за указанным текстом в ранней редакции следуют уже полностью сохранившийся § 8 о казенных крестьянах и последующие параграфы, посвященные отдельным сословиям, в соответствии с общим порядком сословий, перечень которых приведен выше. Таким образом, самая важная для нас в данном случае часть текста — параграф о дворянах — отсутствует. Поскольку параграф этот вообще не дошел до нас, то о важнейшем вопросе — особенностях и способах ликвидации дворянского сословия — мы можем судить лишь на основании косвенных данных.

Такими косвенными данными мы располагаем в тексте, непосредственно следующем за изложением вопроса о заводских крестьянах. Мы читаем тут: «Из всего содержания главы сей явствует... 2) Что Дворянство обязывается под руководством Верховного Правления пересмотреть свой состав и проекты об оном представить». Далее мы узнаем и критерий этой своеобразной дворянской «чистки»: «Люди, оказавшие Отечеству большие Услуги, должны быть отличены от тех, которые только об себе думали и только о частном своем благе помышляли. Таковые лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами».

Теперь становится понятным, на какой основе происходит это любопытное мероприятие — «пересмотр» дворянского сословия. Оказывается, из состава прежнего дворянства должны быть исключены все те, которые «только об себе думали» и помышляли лишь о своем «частном благе». Железная метла этого критерия немедленно выметала из дворянского сословия огромную массу Собакевичей, Коробочек, Ноздревых и Маниловых, которые пеклись исключительно о собственном благополучии и решительно никаких услуг — ни больших, ни малых — родине не оказали. Справедливость требует сказать, что, самым внимательным образом вдумываясь в то содержание, которое именно Пестель, а не позднейший читатель вкладывал в этот столь ясно формулированный критерий, мы должны признать, что основная, подавляющая масса дворян должна была оказаться исключенной из дворянства. Ведь критерий «больших Услуг Отечеству»— не просто услуг, а «больших Услуг» (с большой буквы!) — очень много значил в устах декабриста. Очевидно, в дворянском звании остались бы, скажем, Кутузов и Багратион, если бы они были к этому времени живы, герой 1812 г. генерал Н. Н. Раевский, остался бы бывший попович М. М. Сперанский, остались бы А. С. Пушкин, поэт П. А. Вяземский и баснописец И. А. Крылов, остались бы генерал А. П. Ермолов и Н. С. Мордвинов. Но можно ли сомневаться в том, что ни Аракчеева, ни князя Голицына, ни Рунича, ни достойных потомков Салтычихи не было бы в составе новых пестелевых «дворян»? Ясно, что их тут и духу не было бы. Остались бы лишь оказавшие «большие Услуги» отечеству. Для этих новых своеобразных «дворян» Пестель применяет в другом месте рассматриваемого текста «Русской Правды» название «Отличных граждан». Этот термин чрезвычайно многое поясняет в разбираемом замысле. Пестель и его южные единомышленники считали необходимым существование знатных людей, но, так сказать, истинно знатных, не по заслугам предков, а лично заслуживших знатность своими делами на пользу родине.

Представляя себе этот любопытный проект в действии, чувствуешь, что он влечет за собой весьма значительное пополнение разряда новых, отобранных по новому признаку «дворян», или «Отличных граждан», именно в процессе совершения революции. Ясно, что, помогая революции,

дворянин-революционер более чем на каком-либо ином основании мог попасть в разряд «Отличных граждан». Разряд этот, или, употребляя выражение Пестеля, «сословие», тем должен был отличаться от прочих, что освобождался от некоторых «тягостнейших» повинностей. Но решительно нигде в «Русской Правде» не упоминается о сохранении за ним особых привилегий по отношению к средствам производства, т. е. в первую очередь к дворянскому землевладению. Иначе говоря, эти новые «дворяне» не сохраняли типичных дворянских привилегий — они не имели феодального права на землю и не обладали крепостными крестьянами, поскольку и то и другое право «Русской Правдой» уничтожалось. Но за «большие Услуги» отечеству их освобождали от некоторых тяжелых общегражданских повинностей. В тех фрагментах ранней «Русской Правды», которые до нас дошли, нет прямого перечня именно тех повинностей, от которых освобождались «Отличные граждане». Но в одной из глав есть упоминание о том, какие, например, повинности вообще считались Пестелем «чрезвычайно тяготными»: к их числу Пестель причисляет постой войск, «продовольствие оных обывателями», «снабжение рекрут обмундировкой», «содержание почт», «принудительные поставки от обывателей и тому подобное». Пестель считает, что повинности эти вообще хорошо бы уничтожить, но все же «одна только крайность может таковые повинности допускать и разрешать». Повидимому, вхождение в состав нового «дворянства» и освобождало членов этого сословия именно от повинностей перечисленного рода.

Из всего рассматриваемого контекста ясно следует, что Пестель не считал эти особые права нового дворянства аналогичными сословным привилегиям: «Гибельный обычай даровать некоторым людям привилегии за исключением Массы Народной будет совершенно уничтожен»,— категорически заявляет он в том же тексте. Следовательно, «Отличных граждан» Пестель понимал совсем не как типичное сословие, хотя он и называет иногда своих «Отличных граждан» именно этим термином, явно придавая ему условное значение.

Существо сословной привилегии требует ее наследственного характера. Но решительно нигде в «Проекте Русской Правды» нет и намека на то, что образуется сословие «потомственного» дворянства. Точное и ясное требование лично оказанных услуг,— причем «больших Услуг» — отечеству, вступает в резкое столкновение с тем положением Жалованной грамоты дворянству, что дворянское достоинство возникает в результате рождения «от благородного». Нет, по проекту Пестеля не рождение, а только и единственно личные заслуги дают право войти в состав «Отличных граждан». Именно это полностью согласуется с духом проекта и с основными философскими установками Пестеля. Эти установки росли от давнего и крепкого ствола русской передовой общественной мысли. Требование критерия личных достоинств, а не породы было ее давним завоеванием, и Пестель со своими единомышленниками продолжал эту давно продуманную Радищевым и Новиковым, Княжниным и молодым Крыловым линию.

Таким образом, мы приходим к выводу, что выделение «сословия» «Отличных граждан» дворянского происхождения никак не является сохранением феодального сословия с потомственными, наследственными привилегиями.

Очевидно, исследователь сделает грубую ошибку, положившись только на термин «сословие», привычно употребленный Пестелем для своих «Отличных граждан». Слово это в данном случае применено Пестелем в качестве равносильного понятию — особого «разряда» граждан, особой группы и только. Пестель выразил новое понятие привычным для него бытовым словом, и дело историка сначала проверить степень точности

словоупотребления Пестеля, а потом уже давать идеологическую оценку его предложению. Какое же это «сословие» (т. е. типичное для феодального общественного строя явление, типичное правовое выражение феодального базиса), если в его основе не лежит феодальной земельной собственности, т. е. определяющего отношения к средствам производства? Какое же это дворянское сословие, если принадлежащее к нему лицо не имеет права владеть крепостными? Какое же это сословие, если сын такого «отличного гражданина» не может остаться в составе сословия, принадлежность к которому определяется лишь его личными заслугами? Это не сословие, это — явление иного порядка.

Но тем не менее нельзя не видеть в сохранении и такого «сословия» проявления дворянской ограниченности революционного мировоззрения Пестеля и его единомышленников. Это надо особо подчеркнуть потому, что «школа Покровского» идеализировала Пестеля, снимала с него налет дворянской ограниченности и искусственно подтягивала его к позднейшим революционерам. Дворянскую ограниченность тут приходится усматривать потому, что в состав «сословия» отличных граждан Пестель не включает лиц иного сословного происхождения, кроме дворянского. Разве не могли лица разных сословий оказать «большие Услуги» отечеству, особенно во время революции? Однако Пестель нигде не говорит о них, а всюду подчеркивает, что сословие отличных граждан замещается исключительно дворянами. Следовательно, введение группы «отличных граждан» есть уступка дворянству, переходная мера, долженствующая прежде всего смягчить изменение его положения при утверждении нового строя, а также стимулировать его революционную деятельность в момент переворота.

Теперь мы вплотную подошли к «грамотным дворянским собраниям».

Впервые «грамотные дворянские собрания» упомянуты в раннем тексте «Русской Правды» следующим образом: указав на необходимость «елико возможно» улучшить положение крестьян и основать его «на твердых началах и правилах», Пестель пишет: «Для составления таковового Постановления имеет Верховное Правление возложить на вышеупомянутые Грамотные Дворянские собрания обязанность предоставить ему проекты об оном и потом из всех проектов выбор сделать, целое составить и оное в ход и Действие привести». Отсюда, во-первых, ясно, что ранее (очевидно, в не дошедшей до нас главе о дворянстве) уже пояснялось, что такое «грамотные дворянские собрания», и теперь о них можно кратко сказать «вышеупомянутые». Но текстом этого пояснения исследователь не располагает, и мы можем поэтому идти лишь одним путем: внимательно вчитываясь в текст уцелевших фрагментов и находя в них прямые упоминания о «грамотных дворянских собраниях», сопоставлять все эти термины между собой и прийти к логически обоснованным предположениям о существе этих собраний. Займемся этими соображениями.

Прежде всего — что может означать термин «грамотные»? Это — первый вопрос, на который необходимо ответить. Может быть, «грамотный» тут означает «знающий грамоте», как тогда говорили, т. е. умеющий читать и писать? Иначе говоря, может быть, Пестель предполагал предоставить составление проектов освобождения крестьян собраниям только таких дворян, которые умели читать и писать? Предельная наивность этого предположения самоочевидна, и им не стоит больше заниматься. «Грамотный» тут означает нечто другое. Нет сомнений, что в данном случае прилагательное «грамотный» происходит от понятия «грамота» — официальный документ, констатирующий присвоение каких-то прав (ср. Жалованная грамота дворянству, грамота городам

и т. п.). В рассуждении о Судебнике будущей России Пестель в одном из набросков, раскрывая содержание пункта «Нравственное благосостояние», пишет: «а) Духовные предметы, b) Предметы просвещения, с) Грамотные Дела». Отсюда с ясностью следует еще раз, что вопросы просвещения не смешивались с «Грамотными делами» и стояли особо. В предшествующем же наброске содержания судебника по главам Пестель посвящает главу 20-ю «Преступлениям по предметам Грамотным (сюда же принадлежит и порядок Делопроизводства)», а сбоку на полях помечает и общую рубрику, к которой данная глава относится: «Нравственное благосостояние». Из этого следует, что «предметы Грамотные», т. е. касавшиеся каких-то важных документов, грамот, считались самостоятельным вопросом, выделялись в особую рубрику и включали в себя и «порядок делопроизводства», что еще раз свидетельствует о том, что слово «грамота» значит документ, повидимому, удостоверяющий какие-то права.

Сопоставляя эти соображения с тем существенным обстоятельством, что дворянство сейчас же после революции должно «пересмотреть свой состав» и отделить истинных сынов отечества от лиц, не оказавших отечеству услуг (причем «больших Услуг»!), можно предположить, что в результате этого разбора старого дворянского сословия лица, отобранные за услуги отечеству, получали грамоты на дворянство и этим закреплялись в новом «сословии». Поэтому «грамотное дворянское собрание» рисуется нам как довольно малочисленное собрание отобранных после этого пересмотра дворян такой-то области или уезда, имеющих соответствующий документ, «грамоту» о благоприятных результатах пересмотра. Если бы этого документа не требовалось, то подготовка проекта об освобождении крестьян доверялась бы вообще прежнему дворянству и Пестель, очевидно, написал бы просто, что подготовка эта поручается «дворянскому собранию», скажем, областей или уездов. Но он не написал так, а счел нужным придать к этим собраниям какое-то существенное определительное имя, которое воспрепятствовало бы смешивать их с дворянскими собраниями вообще.

Если так, то пересмотр дворянского сословия явился бы сильнейшим стимулом для идейной поляризации дворянства. В разбушевавшееся море старого привилегированного помещичьего класса Пестель как бы вдвигал мощный мол, разрезавший взметнувшуюся было дворянскую бурю и дававший крепкий причал подплывающему кораблю нового строя.

Таким образом, то ли в самой мелкой единице — волости, то ли в уезде или, что особенно вероятно, в крупнейшем территориальном подразделении — в области послереволюционной России должно было заседать грамотное дворянское собрание, состоявшее из «Отличных граждан Отечества». Старые грамоты на дворянство, некогда пожалованные русским царем, превратились в труху. Они могут, конечно, висеть в рамке на стене дворянской гостиной, но это — личное дело Собакевича. В грамотное дворянское собрание его не пустили — там заседают Пушкин и Рылеев, Пестель и старик Раевский, Каховский и Грибоедов, Оболенский и генерал Ермолов. Это они работают над предложенным правительством вопросом, как освободить крестьян.

Грамотное дворянское собрание не должно было решать судьбу местного крестьянства, а обязано было лишь вырабатывать проект этого решения. Проект представлялся Временному революционному правительству, облеченному диктаторской властью, и правительство, рассмотрев все поданные проекты, вырабатывало бы окончательный закон об освобождении крестьян.

Теперь облегчается анализ и другого тезиса Пестеля, не менее смущавшего исследователей. В разбираемом черновом варианте Пестель

полагал, как уже упоминалось, что «освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян доходов, ими от поместий своих получаемых». Этот тезис должен разбираться в контексте со всей системой мероприятий революционного правительства, предложенных Пестелем. Во второй половине земли, которая в общественное распределение не поступает, а может продаваться, покупаться, находиться в частной собственности сохраняются,— как правило, уполовиненные,— дворянские имения, располагающие в течение переходного периода обязательным трудом крестьян. В том случае, если крестьяне этих имений и до переворота ходили на барщину, селения этих имений называются «пахотными селениями» (упомянуты в «Конституции Государственный Завет»). По истечении переходного периода крестьяне полностью освобождаются от обязательств помещику и становятся свободными. Политические же свои права (право избирать и быть избранными во все представительные правительственные органы нового устройства в послереволюционной России) крестьяне получают тотчас же после революционного переворота. Следовательно, по точному смыслу подлинника такой, условно скажем, «временно-обязанный» крестьянин до истечения срока переходного периода мог быть выбран в «Народное Вече» или «Верховную Думу».

В тех же имениях, которые до переворота были на оброке («оброчные селения», по «Конституции Государственный Завет»), условно говоря, «временно-обязанное состояние» должно было реализоваться не через барщину, а через оброк, уплачиваемый помещику в течение определенного времени, после чего обязательства крестьян прекращались.

Поэтому тезис Пестеля «освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян доходов, ими от поместий своих получаемых», и есть не что иное, как одна из формул переходного состояния, или, как в условной форме говорилось выше, временно-обязанного состояния крестьян. По истечении установленного срока владельцы уполовиненных имений из бывшего дворянского сословия были, разумеется, вольны свои имения продать или заняться на новых основах сельскохозяйственным производством, нанимая вольнонаемных рабочих за плату на общих основаниях. Поэтому они могли и в данном случае не лишаться каких-то доходов, «ими от поместий своих получаемых», но это было уже их личным делом. Никаких привилегий сословного характера они уже не получали и подчинялись общему закону.

Так как характеризованный выше порядок определялся основным законом революционной России, то легко понять, что сфера деятельности «грамотных дворянских собраний» была довольно узкой и строго определенной. Они, очевидно, призваны были обсуждать не общую проблему освобождения,— она уже была в своих основах разрешена наказом Временному революционному правительству и народу («Русской Правдой»). «Грамотные дворянские собрания» должны были определить лишь местные особенности, вытекающие из этих основных положений, применить их к конкретным условиям своего округа. Процесс освобождения крестьян, по первоначальным предположениям Пестеля, должен быть постепенным и растянуться на довольно длительный — 10- или 15-летний срок. Весьма возможно, что грамотные дворянские собрания должны были, например, высказаться о точных границах срока в тех или иных условиях или, скажем, установить, какие селения в данной волости считать «пахотными» и какие «оброчными».

Освобождение дворовых также должно было явиться предметом внимания грамотных дворянских собраний. Правительство должно было извлечь из поданных ими «на сей щет» проектов «средства к постепенному освобождению от рабства дворовых людей». По отношению к дворовым

Пестель проектировал основной закон следующим образом: «Здесь могут с удобностью два средства быть употреблены. Первое состоит в назначении числа годов, коих господину своему прослужив, дворовый человек делается вольным. Второе состоит в назначении суммы денег, коих своему господину заплатив, дворовый человек также делается вольным». В обоих случаях, по мысли Пестеля, и сумму и срок должна была назначить правительственная власть, а не помещик. Но как бы поняв классовую ограниченность этих предложений, Пестель спешит добавить: «За сими распоряжениями будут все-таки еще дворовые люди крепостными оставаться и для сих последних в особенности нужны вышеупомянутые проекты грамотных дворянских собраний».

Таким образом, и в этом черновом варианте Пестель отстаивает полное (после переходного состояния) освобождение крестьян и освобождение с землей — так спроектирован его основной закон. В нем устанавливалось твердое правило: «Освобождение сие должно крестьянам доставить лутчее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать». Спокойный ход преобразований при введении нового аграрного закона был обязательным условием, выставленным Пестелем.

На примере основного закона по отношению к казенным крестьянам особенно отчетливо видно, как понимал Пестель суть вопроса на этом — раннем — этапе развития «Русской Правды». Проект предлагал, чтобы в течение 10 или 15 лет казенные крестьяне продолжали платить казне «тот же оброк», который «и ныне платят», и лишь после этого времени положение существенно менялось: «После сего срока не будут крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелают для обрабатывания на откуп взять, будут они деньги платить по назначению, какое тогда имеет быть сделано и для которого потребуются от крестьян предварительные их предположения». Для дворянского революционера замечательно в этом тексте решение привлечь самих крестьян к обсуждению столь важного вопроса. Вместе с тем этот текст, на мой взгляд, ретроспективным образом уясняет и ранее неясный способ освобождения крестьян в пересказанном Никитой Муравьевым первом проекте «Русской Правды»: крестьяне должны, по его словам, платить помещикам «тот же оброк», что и прежде. Очевидно, надо к этому добавить точное указание о каком-то сроке, на который распространялось это правило и после которого, выплатив стоимость земли, крестьяне становились вольными. В этом видны, разумеется, дворянская ограниченность и резкая противоречивость проекта. За что же платить, если земля, по признанию самого автора проекта,— общественное достояние? Почему дворовый должен выкупаться, если человек не может быть товаром? Ему-то за что платить? Мы увидим далее, что в творческом развитии проекта наступит такой период, когда дворянские революционеры осознают, хотя и в смутной форме, все эти противоречия. Но это придет позже.

Свой проект разрушения крепостного права и создания мелкособственнической крестьянской России южные декабристы соединили с ликвидацией самодержавия. Проект Пестеля предлагал более разработанную, чем ранее, систему нового политического строя. Исследование этой стороны вопроса встречается, однако, с еще бо́льшими трудностями, чем вопросы, рассмотренные ранее. Трудности эти связаны с сохранностью первоисточника.

8

Какова же была судьба самодержавия в «Русской Правде» 1822—1823 гг.? Оно разрушалось. На его развалинах устанавливалось, согласно проекту Пестеля, представительное республиканское правление. Точного

определения политической формы правления в дошедших до нас текстах «Русской Правды» не было. Но было описание той избирательной системы, которая являлась основой нового строя. Надо признать, что Пестель уже в редакции 1822—1823 гг. наносил этому устаревшему деспотическому строю удары, куда более сокрушительные, чем удары Никиты Муравьева.

Дошедшие до нас тексты ранней редакции «Русской Правды» не позволяют подробно остановиться на устройстве органов верховной власти,— эти главы отсутствуют в дошедших до нас фрагментах. Во всем сложном документальном комплексе, носящем архивное название «Русской Правды», вообще отсутствуют запроектированные главы, сосредоточенные на вопросе об устройстве органов верховной власти. Если бы не краткое изложение конституции, позже продиктованное Пестелем М. Бестужеву-Рюмину для Общества соединенных славян, изложение, носящее название «Конституция Государственный Завет»,— мы были бы крайне затруднены реконструкцией государственной системы Пестеля. Как уже упоминалось, в ранней редакции нет первых двух глав и первой части третьей главы, возмещенных главами более поздней редакции. Отсутствие первых глав крайне сужает возможности комментария,— в редакции нет сосредоточенной разработки системы представительного строя. В дошедшем до нас оглавлении «Проекта Русской Правды», о котором упоминалось выше, имелись, например, такие пункты, как «О необходимости в Русской Правде и временном верховном правлении», «Россия есть государство единое и нераздельное» и ряд других, в которых, очевидно, предполагались формулировки, раскрывающие вопрос об органах верховной власти. Некоторое восполнение пробела нам дают свидетельства о втором съезде 1823 г.— его повестка дня, его течение, его события. Но сначала попробуем извлечь те сведения о политическом строе, которые все же содержатся в дошедших до нас фрагментах ранней редакции «Русской Правды», а затем дополним их данными, содержащимися в «Конституции Государственный Завет» и в свидетельствах о съезде.

В противоположность Никите Муравьему Пестель был врагом федеративного устройства и сторонником единой и нераздельной республики с сильной централизованной властью.

Республика Пестеля делилась на губернии и области, которые в свою очередь делились на уезды, а уезды — на волости. Ежегодно в каждой волости должно было собираться общее волостное собрание всех жителей, так называемое земское народное собрание, которое выбирало своих депутатов в различные «наместные собрания», т. е. органы власти, а именно: 1) в свое наместное волостное собрание, 2) в свое наместное уездное собрание, 3) в свое наместное окружное или губернское собрание. В эти три органа власти выборы были прямыми.

Старая вечевая «демократия» представлялась Пестелю исходным историческим обоснованием его новой демократической системы. В древние времена на Руси все граждане сходились на вече и тем самым участвовали непосредственно в решении политических дел. Вече всего государства собрать невозможно, но все совершеннолетние жители волости могли собраться на «народное собрание».

Возрастом гражданского совершеннолетия для принесения присяги отечеству Пестель считал в своем проекте 15 лет. Присягу отечеству приносили в торжественной обстановке и юноши и девушки, достигшие этого возраста. Достаточно вспомнить, что в царской России женщины вообще не приводились к государственной присяге, чтобы почувствовать шаг вперед, делаемый Пестелем. Правда, он, как и Никита Муравьев, не

предоставлял женщинам избирательных прав, что ярко свидетельствовало о его дворянской ограниченности. Однако приведение женщин к присяге было все же небольшим продвижением его по направлению к большей демократизации его проекта. По конституции Никиты Муравьева женщины вообще к присяге не приводились. Уже согласно ранней редакции «Русской Правды», раз в год, в день, определенный волостным правлением, вся молодежь, достигшая 15 лет, приглашалась вместе с их родителями и родственниками в приходскую церковь, где служился торжественный молебен. Священник говорит при этом «приличную проповедь» и «выставляет недорослям всю важность состояния, в которое они ныне вступают, и всю святость той присяги отечеству, которую они потом произносят». После этого «волостной предводитель» дает «обеденный стол» и весь день «посвящается празднеству и увеселениям, так, чтобы и для всей Волости сей случай был днем радости и веселия». Девушки получали право после присяги отечеству (т. е. с 15-летнего возраста) вступать в брак. Однако юноши, приняв присягу в 15-летнем возрасте, начинали пользоваться правами гражданства «не прежде как по достижении ими 20-го года от рождения» (право вступать в брак юноши получали лишь по вступлении в права гражданства) [53].

Таким образом, все мужчины 20-летнего возраста получали право голоса и участвовали в политической жизни страны, в общем собрании всех граждан своей волости — земском народном собрании. Оно ежегодно собиралось в установленное время и имело единственную функцию — выбирало делегатов «наместных народных собраний», местного органа власти. Каждая волость имела свое наместное волостное собрание, каждый уезд — наместное уездное собрание, а каждый округ или губерния — свое наместное окружное или губернское собрание. При этом «члены каждого Наместного Волостного собрания должны были назначаться от Земского собрания своей волости. Члены каждого Наместного уездного собрания назначались от всех земских собраний, учрежденных в волостях того уезда. Точно так же члены каждого наместного или Окружного губернского собрания назначаются от всех земских собраний, учрежденных в волостях того округа или губернии». Разумеется, в данном случае выражение Пестеля «должны назначаться» таким-то собранием означает: должны избираться собранием. «Пропорцию» членов в каждом собрании должен был определить особый закон. Имущественного избирательного ценза в редакции 1822—1823 гг. уже не было. Пестель с торжеством приходил к выводу: «Таким образом будет весь народ размещен по Земским собраниям для всеобщего участия в составлении наместных собраний. А Наместные собрания будут сим способом весь народ и всех оного граждан в полной мере без изъятия представлять. Никто не будет зловластно от участия в государственных делах исключен...» [54].

Пестель сделал большой шаг вперед по сравнению с первым конституционным проектом, переданным в 1820 г. Никите Муравьеву и Лунину, где все же фигурировал имущественный ценз, хотя, повидимому, и очень небольшой. В разбираемой редакции «Русской Правды» Пестель уже враг имущественного ценза. Он подчеркивает, что великое дело представительного правления искажено в зарубежных странах: порабощающая сила аристократии богатств «вмешалася в сие дело и превратное представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям за исключением большинства граждан. Таким образом заменяет в тех государствах аристокрация богатств аристократию феодалисма, и народы не только ничего не выиграли, но даже напротив того в некотором отношении еще в худшее приведены политическое поло-

жение, ибо в насильственную поставлены зависимость от богатых». Это великолепное рассуждение отчетливо воспроизводит ход мысли Пестеля и глубоко понятый им в политическом разрезе антагонизм богатства и бедности. В одном из своих терминологических списков он переводит слово «аристократия» придуманным русским словом «вельможнодержавие». Он был вместе со своими единомышленниками врагом «вельможнодержавия» богатых, а не только феодалов, это было замечательной особенностью Пестеля. Однако ни он, ни его политические друзья не смогли рассмотреть нечто еще более важное — эксплуатацию богатым буржуа бедняка-пролетария, лишенного средств производства. Пестель искусственно закрыл этот нарождавшийся антагонизм своим доступным для всех земельным наделом,— закрыл честно, уверенно, потому что действительно не заметил его в 20-х годах XIX в. Правда, узаконенный конституцией Пестеля общественный надел не мог бы, разумеется, явиться серьезным препятствием для растущего процесса пролетаризации в воображаемой Пестелем России: человек ведь не был «прикреплен» к наделу, его получение было возможным, но не было обязательным. Поэтому капиталистический процесс, перешагнув через «Русскую Правду», конечно, пошел бы практически откреплять людей от земли через измельчание наделов и возрастающую мизерность государственных ссуд от волостного банка. Заметим, что разобранный выше более ранний по хронологии французский социально-политический трактат Пестеля уже стоял на позициях защиты среднего и малого по достатку трудового гражданина будущей республики от владычества и притеснения богатых, от «аристократии богатств». Отказ Пестеля от «аристократии богатств» не означал еще ограничения богатства вообще или преград для фактической власти богатого над бедным в экономической жизни. Пестель, наоборот, полагал: «Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо; но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества за исключением бедных» [55].

Представляя себе конституционное устройство Пестеля в действии, надо признать, что оно открывало широкий доступ крестьянству к участию в органах управления страной — в глубоком противоречии с минской редакцией Конституции Никиты Муравьева, которая закрывала своим имущественным цензом доступ к этому участию для мелкого собственника: чем значительнее была выборная должность, тем бо́льшим имущественным цензом она сопровождалась. В противовес этому «Русская Правда» уже на этапе 1822—1823 гг. открывала широкий доступ мелкому собственнику к крупным общественным должностям. Главой наместного волостного собрания был выборный «волостной предводитель», главой уездного и губернского наместных собраний — выборные «посадники». Ни для первого, ни для вторых никакого имущественного ценза не требовалось.

Компетенция наместных собраний была довольно широкой: они выслушивали отчеты исполнительных органов власти в волости, уезде, губернии — волостных, уездных и земских правлений, принимали и рассматривали жалобы на местное начальство, выбирали новых чиновников местного управления и утверждали прежних и вообще занимались всеми делами местного значения, «до волости или уезда касающимися». Окружные наместные собрания выбирали, кроме того, представителей в высший законодательный орган власти — Народное Вече. Таким образом, выборы в верховный орган власти в ранней редакции «Русской Правды» намечались двухстепенные. Это положение точно совпадает со свидетельством Сергея Муравьева-Апостола о том, что по «Русской Правде» законодательная власть была вверена «представителям народным, избираемым всеми гражданами двойным избирательством» [56].

Народное Вече являлось органом верховной законодательной власти в государстве; оно было однопалатным — принципа двухпалатной системы Пестель не признавал. Исполнительная власть в государстве вручалась Державной Думе.

Народное Вече предполагалось составить из народных представителей, выбранных на пять лет. Каждый год должна была переизбираться пятая часть Народного Веча. Председатель выбирается ежегодно вновь из членов, пребывающих в составе Народного Веча последний год. Только Народное Вече имело право издавать законы, объявлять войну и заключать мир. Никто не имел права роспуска Народного Веча, так как оно представляло «волю» и «душу» народа в государстве, как определил его Пестель [57].

Державная Дума состояла из пяти членов, избранных Народным Вечем на пять лет. Ежегодно один из членов Державной Думы выбывал из ее состава ввиду истечения своего срока и заменялся другим по выбору. Председателем Державной Думы являлся тот ее член, который заседает в ней последний (пятый) год.

Кроме законодательной и исполнительной власти, Пестель выделял власть блюстительную, которая должна была контролировать точное исполнение конституции в стране и надзирать за тем, чтобы законодательная и исполнительная власти не выходили из пределов, поставленных им основным законом — конституцией. Центральным органом блюстительной власти был намечен, по конституции Пестеля, Верховный собор, который должен был состоять из 120 членов, называвшихся «боярами» и избиравшихся пожизненно. Верховный собор назначал также главнокомандующего армией во время войны.

В ранней редакции «Русской Правды» объявлялась «свобода книгопечатания», «свобода вероисповеданий и духовных действий», объявлялись «правила, утверждающие свободной ход промышленности». «Каждый гражданин,— раскрывал Пестель первую «свободу»,— имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны». Каждому гражданину предоставлялось право иметь типографию, за содержание опубликованых сочинений «каждый писатель» отвечал лишь перед судом.

Было оговорено запрещение всяких обществ, в том числе и тайных политических организаций, что не раз служило предметом удивления писавших о Пестеле исследователей,— как же так, сам Пестель принадлежал к тайному обществу, а намерен был после революции запретить в России таковые! Между тем решения Пестеля и его южных единомышленников были вполне логичными: декабристы хотели произвести в царской и крепостнической России революцию и ввести новую прогрессивную политическую форму — республику, в которой уничтожалось крепостное право и царила бы революционная диктатура. Отсюда никак не может следовать их согласие на то, чтобы введенный ими строй в свою очередь был бы поколеблен или уничтожен насильственным путем. Свободы образования каких бы то ни было частных обществ вообще не было в «Русской Правде»: открытые общества запрещались потому, что бесполезны, тайные — потому, что вредны. Конечно, запрещение политических обществ не согласуется с идеей буржуазно-правового государства. Но не следует забывать, что Пестель и не был сторонником «классической» формы последнего,— он был сторонником длительной *диктатуры* революционного правительства, которое вводило конституционную форму, предложенную Пестелем, именно своею диктаторской властью и не через учредительное собрание, необходимость которого Пестель отвергал. Таким образом,

запрещение политических обществ Пестелем никак нельзя отнести к «пережиткам прошлого»,— эта особенность «Русской Правды» гораздо сложнее [58].

Из оглавления «Проекта Русской Правды» мы узнаем, что предполагалось деление России на десять областей: 1. Чудская. 2. Холмская. 3. Северянская. 4. Сибирская. 5. Уральская. 6. Славянская. 7. Вершинная. 8. Черноморская. 9. Украинская. 10. Кавказская. Точных границ областей в оглавлении проекта не определено, и вообще никаких подробностей о них, кроме указанных наименований, мы не знаем. Это же оглавление «Проекта Русской Правды» доносит до нас и то понимание деления России на народы, которое было характерно для Пестеля и его южных единомышленников в 1822—1823 гг. Особый раздел был тут посвящен вопросу «О различных оттенках коренного народа русского» (очевидно, Пестель имел тут в виду великороссов, «малороссов» и белоруссов). Далее следовал особый пункт «О различных племенах, к России присоединенных». Затем особо выделялись пункты: «племя финское», «племя латышское», «племя молдавское». Далее шли вопросы: «Колонисты, в России поселенные», «Народы кочующие», «Народ Еврейской», «Племя татарское», «Народы Кавказские», «Казаки», «Восточные сибирские народы» и, наконец, «Иностранцы подданные и неподданные». Самые же тексты этих параграфов до нас не дошли. Надо заметить, что представление Пестеля о народах, населяющих Россию, было довольно бедным. Весь отдел о народах кончался чрезвычайно важным положением декабристов, характерным для Южного общества: «Заключение, поясняющее, что все племена, Россию населяющие, должны в один общий состав слиты быть». Это положение, которое и далее останется характерным для «Русской Правды» и в позднейшей ее эволюции, формулировано как раскрытый тезис, а не просто как наименование отдельного пункта, и потому имеет особую ценность [59].

Конечно, изложенный нами «Проект Русской Правды» не может быть всецело отнесен к первой редакции и скорее является документом промежуточного характера между ранней и поздней редакциями «Русской Правды»; привлечь его здесь можно лишь в ретроспективном порядке. Содержание ранней редакции могло бы быть искусственно обогащено за счет ее позднейшего текста 1824 г., но мы остановимся на нем в своем месте. Пестель и его единомышленники быстро шли вперед, отбрасывая в своей конституции не удовлетворявшие их нормы и завоевывая более прогрессивные. Мы были уже, так сказать, «свидетелями», как быстро исчез имущественный ценз из проекта Пестеля. Поэтому ограничимся пока приведенными выше положениями южного конституционного проекта, которые относятся именно к 1822 г. Второй съезд руководителей Южного общества в Киеве «на контрактах» в 1823 г. внес в него некоторые дополнения. Наша цель — по возможности восстановить именно то содержание конституционного проекта и вообще платформы южных декабристов, какое было принято съездом 1823 г. Теперь уже Южное общество получило принятую всеми подробную и во всех основных моментах продуманную и проголосованную платформу. Это не значило, конечно, что весь проект до конца одинаковым образом отработан: конституция Южного общества осталась до конца не дописанной, но ее основы, подробно изложенные и аргументированные, были приняты обществом.

Дошедшие до нас фрагменты ранней редакции «Русской Правды» не упоминают о республике и обрываются именно на вопросе о форме верховной власти и о высших политических органах: последней главой раннего варианта, отчасти дошедшей до нас, является 5-я глава — «Гражданское состояние народа», а за нею, судя по оглавлению «Проекта

Русской Правды», следовала 6-я глава «Образование Верховной Власти» и 7-я глава «Образование государственного управления», до нас не дошедшие. Все сведения о втором Киевском съезде 1823 г. с бесспорностью свидетельствуют, что эти темы все же были у декабристов каким-то образом разработаны, доложены и в основных своих идеях приняты. Существовали ли они в какой-то оформленной рукописи Пестеля, в черновике ли или в сжатых, набросанных на условном конспиративном языке конспективных заметках, развитию и уточнению которых помогала при устном докладе превосходная память талантливого докладчика, были ли они затем брошены каким-то январским вечером в горящий камин киевской квартиры Волконских или нет,— в данном случае это не имеет значения: эти вопросы существовали в своем содержании, они обсуждались и были приняты. Этот факт и является чрезвычайно важным в творческой истории «Русской Правды». Она не была до конца оформлена, до конца дописана, но ее основы были разработаны и обсуждены как целое, иначе вообще не существовало бы тайное общество, ибо ему нельзя было существовать без программы, без понимания своей конечной цели.

Все изложенное выше уясняет и существенный момент организации верховной власти. Если изучать комплекс «Русской Правды» вне связи с живой историей движения декабристов, как мертвое, фиксированное чередование «архивных единиц», то, естественно, перед нами встанут известные трудности при определении политической формы будущего Российского государства в представлении членов тайного общества именно в этот момент его жизни — после 1823 г.: в архивной рукописи эти главы отсутствуют. Однако изучение документального комплекса «Русская Правда» в живом потоке событий декабристской истории дает нам возможность точного ответа на этот вопрос. Вариант «Русской Правды» был доложен на втором Киевском съезде в январе 1823 г., и одно из центральных мест в прениях занял вопрос о российской республике, который повлек за собой другой, логически связанный с ним и необычайно острый вопрос — о судьбе царствующего дома и о цареубийстве. Так ставить вопрос могли только республиканцы. Отсюда ясно, что вопрос о республике как форме правления в будущей России был для всех участников второго съезда вне сомнений. Практическое обсуждение вопроса о cohorte perdue («обреченном отряде»), целью которого было цареубийство, дополнительно подтверждает это. Во введении к «Русской Правде» обращают на себя внимание пункт 10 — «О необходимости государство преобразовать и новые законы издать» и пункт 11 — «О необходимости в Русской Правде и во временном верховном правлении». Мы видим, что идея Временного революционного правительства, родившаяся в 1820 г. и высказанная на совещании у Шипова, воплотилась в предполагавшейся структуре проекта. Вне сомнений и обсуждение вопроса о тактике военного переворота, о революционной армии как решающей силе революции.

Подводя некоторый внутренний итог пройденному периоду движения декабристов, можно сказать прежде всего, что время с момента основания Южного и Северного обществ (1821) до окончания ранних конституционных вариантов и их последующего обсуждения (1822—1823) включительно было этапом интенсивного внутреннего развития. Завершился период становления, силы в основном консолидировались, общества учредились, оформились, приняли известную организационную структуру, еще раз проверили конечные цели борьбы, продумали первый вариант программных установок, органически соединенных в работе декабристов с конституционными проектами, поставили вопрос о тесном

взаимодействии и единении между собой. Отчетливое сознание, что нельзя выступать по отдельности и только внутреннее единство усилий может дать желаемые результаты, характерно для всего периода, в особенности же для его конца.

Но объединиться было невозможно без работы над обобщением программных установок и выработки единого тактического плана. Сознание этого — замечательная черта движения. Отсюда необходимость поставить предварительный вопрос: в чем же разница между южной и северной конституционными концепциями? Предварительный характер вопроса обусловлен тем, что мы находимся еще в первом периоде развития сложившихся обществ и не располагаем полным материалом для суждения обо всем процессе в целом.

В литературе давно высказано мнение, что различие между проектами П. Пестеля и Н. Муравьева сводится к разнице двух тенденций в капиталистическом развитии и является борьбой между «прусским» и «американским» путями этого развития. Проект Никиты Муравьева с его ничтожным земельным наделом создал бы дешевого батрака для помещичьего имения и подневольного арендатора помещичьей земли за произвольно назначенную барином цену. Помещичье имение наливалось бы капиталистическими соками за счет окружающих его разоренных и закабаленных деревень, причем кабала практически принимала бы старые феодальные формы, среди которых полукрепостнические отработки занимали бы немалое место. Проект же Пестеля с этой точки зрения является «чисткой» помещичьих земель от феодализма, утверждением господства свободного «фермера», гораздо богаче снабженного землей и в силу этого шире и свободнее развивающего капиталистический тип хозяйства на земле, очищенной революционной метлой от крепостнических остатков.

К изложенному пониманию необходимы существенные поправки. Во-первых, аграрный проект Пестеля не совсем выражает «американский» тип развития: он сохраняет в значительной доле помещичье землевладение феодального происхождения, хотя и переведенное на рельсы буржуазной собственности во второй — частновладельческой — половине земли. Поэтому полной «чистки» земель от феодальных отношений, согласно его проекту, не происходит, вопрос в прямом смысле этого слова получает половинчатое решение. Во-вторых, при этом не принимается во внимание отрицательное отношение Никиты Муравьева к общинному землевладению, разрушение им общины — одного из пережитков старины, тщательно сохраняемого на потребу прусского пути развития в его реальном русском варианте. В-третьих, при этом не учитывается соединение с аграрным проектом Никиты Муравьева революционного решения относительно абсолютизма. Как бы ни был ограничен земельный проект Н. Муравьева, как бы ни благоприятствовал помещикам имущественный ценз, его система не защищена абсолютизмом и дает возможности для значительно более широкого, чем раньше, развития классовой борьбы. Как показало дальнейшее историческое развитие, эта черта несвойственна «прусскому» типу аграрного развития, не только легко срастающемуся с абсолютизмом, но и кровно нуждающемуся в нем.

При учете всех этих соображений все же нельзя, конечно, отрицать некоторого эмбриона борьбы двух типов буржуазного развития, наличествующего в противоречиях конституционных проектов Н. Муравьева и П. Пестеля, сравниваемых в указанном разрезе. Эти противоречия выражены в разном отношении к феодальной земельной собственности и в разной степени силы удара по основе производственных отношений феодального общества. Но было бы неправильно исчерпать этим сопоставле-

нием существо дела. На первом плане должно стоять другое — самый факт удара по основам феодального строя, а следовательно, первостепенными по значению оказываются те стороны проектов, которые в совокупности своей ведут к подрыву феодальной формации и содействуют установлению хотя бы относительного соответствия между новым характером развития производительных сил и типом производственных отношений. Этим самым оба проекта, хотя и отмеченные классовой ограниченностью, свойственной дворянской революционности, все же подрывали основы феодального строя и открывали двери капиталистическому развитию. Этот аспект — самый главный, потому что (и это крайне важно) речь идет еще о феодальной, крепостной, а не о капиталистической стране, о стране, где при изучении реальных экономических процессов еще рано говорить о борьбе «прусского» и «американского» типов развития, где на очереди стоит другая задача — ликвидация еще господствующего феодального строя. Разница положений в декабристское время и после реформы 1861 г. носит принципиальный характер. Стоит только признать «ведущей» в декабризме борьбу прусского и американского типов развития, как деятели движения разводятся в разные лагери, противостоящие друг другу, движение, как таковое, раздирается пополам — до самого ствола,— понятие дворянской революционности исчезает, и концепция М. Н. Покровского, торжествуя, вторгается в получившуюся брешь. Таким образом, главным, ведущим элементом движения остается его антифеодальный характер и объективно наиболее важным в нем — удары, наносимые его идеологией и борьбой по самим основам феодальной системы, вступающей в пору своего кризиса. Это и объединяло декабристов при всех их разногласиях.

При этом никак нельзя забывать существенную разницу между конституционными решениями Пестеля и Никиты Муравьева: в первом случае перед нами — проголосованная и принятая южной организацией политическая платформа, а во втором — только личное решение, предложенное на обсуждение Северному обществу, но встретившее критику и еще не принятое. Огромное различие! К сожалению, оно нередко забывается в литературе о декабристах.

Вместе с тем никак не надо затушевывать или искусственно ослаблять противоречий, которые на этой ступени создались между конституционными концепциями Южного общества и Никиты Муравьева. Нельзя затушевывать существенную сторону дела, состоящую в том, что вчерашний единомышленник Пестеля колебнулся вправо, отойдя от республиканского принципа и, повидимому, еще от каких-то общих решений, о которых была договоренность с Пестелем уже во время петербургских совещаний 1820 г. Перед лицом реакции у Никиты Муравьева резко усилились либеральные колебания, свойственные дворянской революционности.

Однако тенденции к объединению действий пересилили, и, как мы далее убедимся, эта замечательная особенность дворянской революционности сказалась с особой силой на трудном этапе 1823—1824 гг., когда движение декабристов, преодолевая значительные препятствия, на глазах зреет и набирает силу для предстоящего открытого выступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I*

[1] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. V и IX.

[2] Библиографический указатель Н. М. Ченцова «Восстание декабристов» зарегистрировал литературу о декабристах, вышедшую по начало 1928 г. (составитель пишет в предисловии: «Основной корпус указателя был сдан в печать еще осенью 1925 г., а редакция по юбилейной литературе закончена весной 1928 г.», см. «От составителя», стр. XIV); всего в указателе зарегистрировано 4450 библиографических единиц, однако действительное число значительно выше в связи с большим количеством дополнительных номеров с алфавитным литерным обозначением.

[3] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М.— Л., 1926 (Центрархив) (в дальнейшем сокращается: «Междуцарствие...»). Здесь опубликованы записки Николая I о вступлении на престол, отрывки из его дневников, его заметки на полях рукописи М. А. Корфа, воспоминания брата царя Михаила о событиях 14 декабря, соответствующие тексты из дневников жены Николая I Александры Федоровны, матери Марии Федоровны и воспоминания принца Евгения Виртембергского; вторую часть публикации составляют письма лиц царствовавшего дома, относящиеся к событиям.

[4] «Междуцарствие...», стр. 206.

[5] Николай I через начальника Генерального штаба И. И. Дибича дал директивы Следственной комиссии изъять из составлявшегося доклада (т. е. «Донесения») наиболее опасные места. И. И. Дибич предписал Следственной комиссии: «Предлагается, исключив из доклада, представить государю императору в особенном приложении: 1) о убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) освобождение крестьян; 4) о намеревании возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах» (ЦГИА, ф. 48, оп. 1, д. 1, лл. 2, 17). (Подчеркнуто мною.— *М. Н.*).

[6] «Декабристы и тайные общества в России», М., 1906, стр. 109 (Манифест Николая I от 13 июля 1826 г.).

[7] В течение 1837—1841 гг. профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов издал пятитомную «Русскую историю». В качестве дополнения к ней в 1847 г. он составил «Историческое обозрение царствования императора Николая I», рукопись которой была выправлена самим Николаем. В 1855 г. «Русская история» вышла пятым изданием, содержа в себе и указанное дополнение (Н. Устрялов. Русская история. Издание 5-е, исправленное и дополненное историческим обозрением царствования государя императора Николая I. Ч. 2. Новая история. СПб., 1855. Текст, посвященный

---

* Для экономии места примечания во всей работе сосредоточены в группы, относимые к концу комментируемого абзаца, где и фиксируется их общий порядковый номер. В целях сокращения объема работы в примечаниях приведены, как правило, лишь основные документальные данные или ссылки на литературу.

В примечаниях приняты следующие сокращенные названия архивов:

ЦГИА — Центральный Государственный Исторический Архив (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный Государственный Исторический Архив (филиал в Ленинграде).

ЦГВИА — Центральный Государственный Военно-исторический Архив (Москва).

ЦГВИАЛ — Центральный Государственный Военно-исторический Архив (филиал в Ленинграде).

РОЛБ — Рукописное отделение Государственной Библиотеки имени В. И. Ленина.

ГИМ, ОПИ — Государственный Исторический Музей, Отдел письменных источников.

Прочие архивы названы без применения сокращений.

декабристам,— на стр. 410—414). Тут полностью, подчас дословно воспроизведена правительственная концепция манифестов и «Донесения». Устряловские исторические учебники царили в русской школе, как средней, так и высшей, до 1860-х годов.

[8] C.-L. Lésur. Annuaire historique universel pour 1825 (Paris, 1826); C.-L. Lésur. Annuaire historique universel pour 1826 (Paris, 1827); J. Esneaux et Chennechot. Histoire philosophique et politique de Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. T. V, Paris, 1830, p. 504—508; M. Ancelot. Six mois en Russie. 1827; A. B. Granville. St.-Petersburg — a journal of travels to and from that capital... (2 ed., London, 1829). Анонимный английский автор, выступивший в майском номере «Monthly Review» 1826 г., едва ли мог использовать официальный текст «Донесения», датированного, как известно, 30 мая того же года. Однако, трактуя события как один из эпизодов столкновения русского дворянства с абсолютизмом, автор не считал их взаимный спор исчерпанным и видел в положении России возможности дальнейшего вызревания революции.

[9] А. С. Пушкин. Полное собр. соч., М., ГИХЛ. 1936, т. IV, стр. 502—506.

[10] «Полярная звезда», 1859, кн. V, стр. 53—73.

[11] М. С. Лунин. Сочинения и письма. Ред. и примеч. С. Я. Штрайха.— «Труды Пушкинского дома при Российской Академии Наук», Пб., 1923, стр. 53, 66, 95.

[12] Aubernon. Considérations historiques et politiques sur la Russie. Paris, 1827; M. Niellon Gilbert. La Russie ou coup d'oeil sur la situation actuelle de cet empire, Paris, 1828. Эти работы впервые разобраны и характеризованы с историографической точки зрения Л. В. Крестовой статье «Движение декабристов в освещении иностранной публицистики», «Исторические записки», т. 13 (1942), стр. 225—227.

[13] «Русская старина», 1900, кн. III, стр. 549, 274.

[14] Там же, стр. 571.

[15] М. А. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. Изд. 3-е (первое для публики), СПб., 1857, стр. 123.

[16] А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. Лемке, т. XXII, стр. 94.

[17] М. А. Корф. Указ. соч., стр. 175; ср. стр. 133.

[18] Там же, стр. 87.

[19] «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., 1937, стр. 448. Газета Н. А. Добролюбова «Слухи» см. Полное собр. соч. Н. А. Добролюбова в шести томах под общей ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. IV, М., 1937, стр. 443—444; ср. упоминание об ответе Николаю I М. Бестужева, помещенном в предшествующем номере «Слухов» (там же, стр. 443).

[20] «Очерк о Рылееве и Бестужеве». Впервые опубликован М. Лемке в сб. «Музей революции», Пб., 1923, № 1, стр. 1—10 (А. И. Герцен. Кондратий Рылеев и Николай Бестужев).

[21] F. Lacroix. Les mystères de la Russie, Tableau politique et moral de l'empire russe. Paris, 1845; во время Крымской войны вышло второе издание работы Lacroix. Историографическая характеристика этой работы дана в статьях Е. В. Тарле и А. Н. Шебунина. См. Е. В. Тарле. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение.— «Былое», 1906 X, 138—141; ср. «Запад и Россия. Статьи и документы по истории XVIII—XIX вв.», Пг., 1918, стр. 32—34; А. Н. Шебунин. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики.— Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 299—303.

[22] J. H. Schnitzler. Histoire intime de la Russie sour les Empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. T. I—II, Paris, 1847; Marquis de Custine. La Russie en 1839. В анонимной трехтомной английской работе «Revelation of Russia», вышедшей в Англии в 1844 г., автор придерживается взгляда на декабристов как на представителей сословно-дворянского движения, в котором хотя и были замешаны искренние либеральные элементы, но преобладали привилегированные честолюбцы и даже «феодальные олигархи» (к последним автор относит и С. Трубецкого). Впрочем, дворянство представляется автору наиболее прогрессивным классом,— резкий протест против развития промышленности в земледельческой России придает работе черты антирусского политического памфлета. Статья И. С. Звавича «Восстание 14 декабря и английское общественное мнение» не преследует, на мой взгляд, разрешения историографической задачи и имеет целью лишь изучение реакции на русские события, с одной стороны, лондонского city, с другой — fashionable society («Печать и революция», 1925, кн. 8, стр. 34).

[23] См. Ю. В. Ковалев. Статья о декабристах в чартистском журнале.— «Вопросы истории», 1954, № 12, стр. 119—125. Автор предполагает, что анонимная статья, появившаяся в № 27 чартистского журнала «The Friend of the People» за 1851 г., принадлежит перу друга Герцена — крупного чартистского поэта В. Линтона, являвшегося также выдающимся художником-гравером (его резцу принадлежит гравюра, изображающая силуэты пяти казненных декабристов на обложке «Полярной звезды» А. И. Герцена). Статья перепечатана из журнала «The English Republic», 1851, № 5. Смутившее Ю. В. Ковалева (стр. 122—123) утверждение о наличии в движении «оли-

гархических» элементов, повидимому, некритически заимствовано автором чартистской статьи из анонимной работы «Revelation of Russia» (1844).

[24] А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Издание 2-е, пересмотренное и дополненное. СПб., 1885, стр. 439, 432, 440, 444 и др. Ср. также А. Н. Пыпин. Времена реакции.— В его книге «Очерки литературы и общественности при Александре I», Пг., 1917, стр. 164 и др.

[25] Слова В. О. Ключевского о декабристах сообщены мне его сыном Б. В. Ключевским. Они имели, по свидетельству последнего, широкое хождение в академической среде того времени. В статье «Евгений Онегин и его предки» (в ее основу положена речь, произнесенная 1 февраля 1887 г. в «Обществе любителей российской словесности») развивается в сущности это же положение (см. В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. Пг., 1919, стр. 73, 86, 87; статья впервые напечатана в «Русской мысли», 1887, т. II). В лекционном курсе, читавшемся в эти же годы, В. О. Ключевский еще резче выразил свое непонимание движения декабристов (см. В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. М., 1937, стр. 316—323). Официальная наука развивала идеи «Донесения» и Корфа вплоть до революции 1917 г. В этом отношении показателен лекционный курс проф. С. Ф. Платонова, в 10-м издании которого, вышедшем в свет в 1917 г., можно было прочесть о 14 декабря: «В сущности происшедший уличный беспорядок не был серьезным бунтом». Там же утверждалось, что события 1825 г. были попыткой дворцового переворота («Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова». Издал Ив. Блинов. Изд. 10-е, пересмотренное и исправленное. Пг, 1917, стр. 677—681). Любопытно, что в учебник для средней школы, составленный тем же С. Ф. Платоновым, при общем соответствии изложения духу «Донесения» и Корфа проникло все же несколько смягченных формулировок (например: «...Император Николай из дела декабристов убедился, что желание перемен и реформ, которое руководило декабристами, имело глубокие основания»). См. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический в двух частях. СПб, 1910, стр. 405—413.

[26] Отметим, что В. И. Ленин и его товарищи, арестованные в декабре 1895 г., называли себя «декабристами». Это слово воспринималось Лениным как овеянное революционной традицией,— иначе, конечно, ни он, ни его товарищи не приняли бы этого наименования. Об этом прозвище вспоминает Н. К. Крупская («Воспоминания о Ленине», 1932, стр. 32), фигурирует оно и у самого Ленина в «Что делать?» (см. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 350). Эти упоминания декабристов у Ленина являются еще более ранними, нежели эпиграф к «Искре»; они содержат несомненную констатацию революционности декабристов.

[27] А. Одоевский. Стихотворения. М., 1936 («Б-ка поэта»), стр. 44. Послание Пушкина декабристам было тайно привезено и передано сосланным на каторгу декабристам А. Г. Муравьевой, женой декабриста Никиты Муравьева, последовавшей за мужем в Сибирь. Одоевский писал свой ответ в 1827 г. в Читинском остроге. Ответ Одоевского был впервые напечатан за границей Герценом в 1858 г. за подписью «Искандер» (Александр), а в 1861 г.— уже с фамилией автора.

[28] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», 1950, стр. 25;

В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 326—327, вклейка. «Заявление редакции «Искры» напечатано отдельным листком в 1900 г.

[29] Там же, т. 5, стр. 28.

[30] Там же, т. 6, стр. 89, 103.

[31] Там же, стр. 103.

[32] «Ленинский сборник», т. V, стр. 64—71.

[33] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 54—63.

[34] Ср., например, в тексте статьи: «Неверно различение земского либерализма и буржуазной демократии» (В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 58).

[35] См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 59.

[36] «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 466—468.

[37] «Кавказский рабочий листок» («Елисаветпольский вестник»), 1905, № I (17) от 20 ноября.

[38] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 133—134.

[39] Там же, т. 18, стр. 9.

[40] Ср. Герцен: «Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение» (Полное собр. соч. и писем под ред. М. Лемке, т. XXII, стр. 105). Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[41] Там же, стр. 12.

[42] Там же, стр. 14—15.

[43] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 294—295.

[44] Там же, т. 20, стр. 223—224.

[45] Там же, т. 21, стр. 85.

[46] Там же, т. 23, стр. 234—235.

[47] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 237—238.

[48] Заметим, что В. И. Ленину как председателю Совнаркома и позже пришлось иметь дело с вопросом о декабристах. В субботу 22 января 1921 г. Ленин, вернувшись вечером в Москву из Горок, подписал ряд бумаг, в числе которых значится протокол Малого Совнаркома (от 21 января 1921 г.). Второй пункт протокола содержал вопрос «О пенсии дочери декабриста Трубецкого». Вот текст протокола, сохранившийся в архиве:

«О назначении усиленной пенсии дочери декабриста С. Трубецкого (докладчик Винокуров).

Разрешить Народному Комиссариату социального обеспечения назначить единственной дочери декабриста С. Трубецкого Зинаиде Сергеевне Свербеевой 84 лет усиленную пенсию на основании декрета от 16/VII—20 г. с обязательной натурализацией этой пенсии. Опубликовать. (Принято единогласно при согласии докладчика)». (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, д. 320, л. 77). Ср. «Два месяца работы В. И. Ленина (из хроники жизни и деятельности). Январь-февраль 1921 г.» (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)), Партиздат, 1934, стр. 33.

[49] «Голос минувшего», 1913, № 7 (рецензия В. И. Семевского на т. IV работы М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен»).

[50] М. В. Нечкина. Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского.— Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», М.—Л., 1939, стр. 313—316, 328—329; «История России в XIX веке», изд. бр. Гранат, т. I, стр. 112; Б. И. Сыромятников. Последний дворцовый переворот. К столетию восстания декабристов.— Журнал «Право и жизнь», 1926, № 4, стр. 3—15.

[51] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933; он же. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— «Ученые записки Моск. гор. педагог. ин-та», т. II. Кафедра истории СССР, вып. 1, 1941, стр. 33—96; он же. Масонские знаки П. И. Пестеля.— «Музей революции СССР», сб. 2, М., 1929; он же. Семейство Чернышевых и декабристское движение. Сб. «Ярополец», М., 1930.

[52] С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. IV, вып. 3 (1925). Отд. отт.— Саратов, 1925; он же. Из истории борьбы за армию в начале 1820-х гг.— «Известия об-ва археол., ист. и этногр. при Казанском ун-те», т. XXXIV, вып. 3—4, 1939, стр. 271—330; он же. Поиски «Русской Правды» П. И. Пестеля (Материалы к истории следствия по делу декабристов в 1825—1826 гг.).— «Известия АН СССР», 1935, № 7, стр. 661—703; он же. Следствие о московских событиях в декабре 1825 г.— «Труды Об-ва изучения Московской губ.», 1929, № 5, стр. 51—73; он же. Одна из загадок Петропавловской крепости (о смерти А. М. Булатова).— «Каторга и ссылка», 1928, стр. 173—194.

[53] А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. М.—Л., 1926; он же. Мотивы реальной политики в движении декабристов.— Сб. «Бунт декабристов», стр. 29—55; Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. (опубликовано вместе с работой Преснякова «14 декабря 1825 г.»); Е. В. Сказин. Восстание 14 декабря 1825 г. М.—Л., 1925.

[54] Ю. Г. Оксман. 1. Поимка поручика И. И. Сухинова. 2. Мытарства декабриста Ринкевича.— «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1925, стр. 53—74, 81—88; он же. Одеське «Гніздо Змієви» 1825 року.— «Прапор марксизму», 1928, № 1 (2); «Декабристы». Отрывки из источников. Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926; Ю. Г. Оксман. Записка Катенина о Пушкине.— «Литературное наследство», 1934, № 16/18.

[55] «Междуцарствие...» (см. примеч. 3 к данной главе); И. И. Горбачевский. Записки декабриста. С прилож. и со вступ. статьей Б. Е. Сыроечковского. М., 1916; он же. Записки и письма декабриста. Под ред. Б. Е. Сыроечковского, М., 1925; Б. Е. Сыроечковский. Из отголосков восстания декабристов.— «Красный архив», 1929, т. V (35), стр. 204—218; Б. Е. Сыроечковский. К характеристике религиозного вольнодумства декабристов (Эпизод из жизни на поселении И. И. Горбачевского и А. Е. Мозалевского).— «Каторга и ссылка», 1929, т. 12(61), стр. 82—91; «Два письма С. И. Муравьева-Апостола». Сообщил Б. Сыроечковский.— «Красный архив», 1928, т. 30, стр. 217—226.

[56] П. Е. Щеголев. Декабристы. М.—Л., 1926. Сборник выдержал ряд изданий. Содержание: I. Владимир Раевский (Первый декабрист). II. Возвращение декабриста. В. Ф. Раевский в 1858 г. III. А. С. Грибоедов и декабристы (по архивным материалам). IV. Гр. М. Н. Муравьев — заговорщик (1816—1826). V. Петр Григорьевич Каховский. VI. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов). VII. Император Николай I — тюремщик декабристов. VIII. Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами. IX. Благоразумные советы из крепости (Декабрист А. О. Корнилович). X. Декабрист князь Ф. П. Шаховской; он же. Пушкин. Очерки. СПб., 1912. Статья «Зеленая лампа», стр. 1—34.

[57] Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы».— Сб. «Декабристы и их время», т. I, М., 1927; он же. Роман декабриста Каховского, казненного 13 июля 1826 г. Л., 1926, стр. 125.

[58] И. Н. Розанов. Поэты двадцатых годов XIX в. М., 1925, стр. 151; он же. Декабристы при свете новейших изысканий.— «Народный учитель», 1925, XII, стр. 19—23; он же. Поэты-декабристы. Кюхельбекер — Ленский.— «Красная новь», 1926, VI, стр. 212—219; он же. Песни русских поэтов (XVIII и 1-я половина XIX в.). Ред. статьи и коммент. И. Н. Розанова. М.—Л., 1936.

[59] Н. К. Пиксанов. А. С. Грибоедов и А. Бестужев.— «Известия II отдел. Академии наук», 1906, т. XI, кн. IV, стр. 49—78; «Стихотворения Вильгельма Кюхельбекера». Сообщ. Н. К. Пиксанов.— «Литературный вестник», т. III, 1902, II, стр. 170—174; «Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова. Неизданные письма». С коммент. Н. К. Пиксанова.— «Историк-марксист», 1926, 1 (май), стр. 175—200; Н. Пиксанов. Дворянская реакция на декабризм 1825—1827. Сб. «Звенья», II, М.— Л., 1932, стр. 131—199.

[60] Д. Благой. Был или не был Пушкин поэтом декабристов.— «Русский язык в советской школе», 1930, № 3, стр. 158—161.

[61] М. П. Алексеев. Тургенев и Марлинский.— «Творческий путь Тургенева». Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского, Пг. 1923, стр. 167—201; он же. Немецкая поэма о декабристах.— «Бунт декабристов». Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., 1926, стр. 372—382; он же. Этюды о Марлинском.— Труды Иркутского гос. ун-та, 1928, т. XV, стр. 113—174.

[62] М. Азадовский. К вопросу о сочинениях декабриста Лунина.— «Каторга и ссылка», 1930, № 1 (62); он же. Эпиграммы декабриста В. Л. Давыдова.— «Известия Об-ва археол., ист. и этногр. при Казанском ун-те», т. XXXIV, 1929; «Декабристы Историко-литературные опыты». Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1930; «Воспоминания Бестужевых». Под ред. М. Азадовского. М., 1931.

[63] С. Штрайх. Книги и статьи С. Я. Штрайха. Библиографический список. М., 1929; И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. и биогр. очерк С. Я. Штрайха. М., 1925; Ф. Ф. Вигель. Записки. Ред. С. Я. Штрайха, т. 2. М., 1928; С. Я. Штрайх. Кающийся декабрист (К биографии основателя Союза Спасения А. Н. Муравьева. По неизданным материалам).— «Красная нива», 1925, № 10 стр. 143—169; С. Штрайх. Знакомец Пушкина И. П. Липранди.— «Красная новь», 1935, № 3; С. Штрайх. Провокация среди декабристов. Самозванец Медокс в Петровском заводе. По неизданным материалам составил С. Я. Штрайх. [М.], 1925.

[64] Н. Чулков. Москва и декабристы.— Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932; Н. П. Чулков. Декабристы в Москве.— «Московский краевед», 1928, № 6 стр. 6—12.

[65] Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927; «Декабристы в Забайкалье». Чита, 1925; «Декабристы в Минусинском округе». Минусинск, 1925; «Декабристы на каторге и в ссылке». М.. 1925.

[66] Н. М. Ченцов. Восстание декабристов. Библиография. Ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1929; М. К. Азадовский. К методологии декабристской библиографии (По поводу библиографии Н. М. Ченцова).— «Каторга и ссылка», 1931, № 6(79), стр. 184—187.

[67] Первое приведенное тут определение — «лучшие люди из дворян» — находится в работе В. И. Ленина «Роль сословий и классов в освободительном движении» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9). Выражение Ленина «дворянская революционность декабристов» встречается в работе «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (1906).

[68] «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха, М., 1951.

[69] М. Нечкина. Декабристы. М., 1946 (переиздание — 1949) и др.

[70] С. Б. Окунь. История СССР. 1796—1825. Курс лекций. Л., 1948, стр. 368—490

[71] Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов.— «Известия АН СССР. серия истории и философии», М., 1951, т. VIII; Г. Г. Кричевский. Конституционный проект Никиты Муравьева и американские конституции.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», М., 1945, № 6; Л. Г. Гусаков. О взглядах декабриста П. И. Пестеля на аграрно-крестьянский вопрос.— «Ученые записки Ленингр. гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена», т. XXIX, Л., 1940, стр. 179—209; В. М. Тарасова. Социально-экономические взгляды Пестеля.— «Ученые записки [Марийского гос. педагог. ин-та им. Н. К. Крупской]», Йошкар-Ола, 1948, т. VI, вып. 2. История, стр. 3—111; П. Ф. Никандров. Социально-политические воззрения П. И. Пестеля.— «Ученые записки Ленингр. ун-та», 1955, № 168, серия филос. наук, вып. 5, стр. 193—222; И. П. Дементьев. Аграрный вопрос у декабристов. Диссертация (неопубликовано); В. Соколов. Декабристы и крестьянский вопрос.— «Исторический журнал», 1940, № 3, стр. 65—75; И. В. Алешина. Аграрный вопрос в движении декабристов. Автореферат, Л., 1953; К. Д. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951; М. А. Брискман. Агитационные песни декабристов.— Сб. «Декабристы и их время», стр. 7—22; С. М. Файерштейн. Южное общество декабристов. Автореферат.

М., 1950; Н. С. Захаров. Каменская управа Южного общества декабристов. Автореферат. Казань, 1854; М. М. Лисенко. Повстання Чернігівського полку. — «Вісник АН Укр. РСР», 1951, № 1, стр. 7—18; И. В. Порох. Восстание Черниговского полка.— «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 120—185.

[72] В. М. Базилевич. Областное деление Сибири в проектах декабристов.— «Сибирь и декабристы». Статьи, материалы. неизданные письма, библиография. Под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск, 1925, стр. 41; «Декабристы Крюковы, Вольф, Фаленберг и Борисовы в 1845 г.». Сообщ. В. М. Базилевич.— «Былое», 1925, № 5(33), стр. 142—144; он же. Декабристы. Очерки, тт. I—III. Киев, 1926, 48 стр.; он же. Декабристи на Київщині після амністії.— Рух декабристів на Україні», Харків, 1926, стр. 73—76; он же. Из архива декабриста Юшневского (три письма А. П. Юшневского к брату С. П. Юшневскому. 1817 и 1820 гг.); «Бунт декабристов». Юбилейный сборник. 1825—1925. Л., 1926; он же. Восстание декабристов и Киев.— «Из эпохи борьбы с царизмом», V (1926), стр. 55—66; он же. Восстание Черниговского полка в 1825—26 гг.— «Из эпохи борьбы с царизмом», V (1926), стр. 38—54; он же. Декабристи на Київщині. 1825—1925. Київ, 1926, 64 стр.

[73] Д. Косарик. Пушкин на Украине.— «Советская литература», 1937, № 1, стр. 171—184; он же. Пушкин на Україні. За ред. М. О. Цявловского. Харків, 1937.

[74] Н. М. Дружинин. 14 декабря 1825 г. в Петербурге.— «Борьба классов», 1935, № 7—8, стр. 37—49; Г. Р. Кузьмин. Разработка вопросов стратегии и тактики восстания 14 декабря 1825 г.— «Ученые записки Киевск. обл. педагог. ин-та», М., 1939, вып. 1, стр. 55—83; М. В. Нечкина. Восстание 14 декабря 1825 г. М., 1951.

[75] М. Гернет. Процесс декабристов и уголовная политика Николая I.— «Проблемы соц. права», М., 1938, сб. 4, стр. 128—170; А. И. Бортников. Декабристы и польское национально-освободительное движение.— «Труды историко-филол. фак-та Ворон. гос. ун-та», Харьков, 1954, т. 29, стр. 47—77; И. Беккер. Декабристы и польский вопрос.— «Вопросы истории», 1948, № 3; П. Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции.— «Вопросы истории», 1952, № 12.

[76] М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1814—1817.— Сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». Под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.— Л., 1951; Ю. М. Лотман. Краткое наставление русским рыцарям М. А. Дмитриева-Мамонова.— «Вестник Ленингр. ун-та», № 7, Л., 1949.

[77] М. В. Нечкина. Союз Спасения.— «Исторические записки», т. 23, стр. 137—184.

[78] В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов (1816—1825). Автореферат. М., 1953; З. Григорян. Отечественная война 1812 г. и декабристы. Доклад. Ереван, 1940.

[79] В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

[80] О. И. Попова. Публикация писем и материалов о Марии Волконской. Ср. И. С. Тургенев. Письмо к декабристу С. Г. Волконскому. Сообщ. и коммент. О. М. Поповой — «Звенья», т. II, М.—Л., 1932, стр. 465—468; О. Попова. История жизни М. Н. Волконской.— «Звенья», т. III—IV, М.— Л., 1934, стр. 21—128; Е. П. Федосеева. Письмо Е. И. Трубецкой о поездке ее к мужу на каторгу.— Сб. «Декабристы и их время», Л., 1951.

[81] А. В. Предтеченский. Современник декабристов — Т. Г. Бок. Таллин, 1953.

[82] В. Н. Соколов. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946; Л. А. Сокольский. Декабристы в период сибирской ссылки и после «амнистии» (1840—1860 гг.). Автореферат. М., 1954; Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— «Ученые записки Моск. гор. педагог. ин-та», т. II. Кафедра истории СССР, вып. 1, 1941, стр. 33—96; П. Г. Рындзюнский. Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении.— «Труды Гос. истор. музея», вып. 15, 1941, стр. 5—26; Е. Владимиров. Декабристы в Заполярье (Лисовский, Аврамов, Шаховской, Бобрищев-Пушкин, Кривцов).— «Советская Арктика», 1939, № 1, стр. 76—77; Ф. Шориков и Г. Федоров. Документы о пребывании декабристов в Туринске. По материалам Ирбитского архива.— «Уральский рабочий» 21/VII 1940; А. Малютина. Декабристы в енисейской ссылке.— «Енисей», Красноярск, 1954, кн. 13, стр. 224—235; А. Г. Базанов и Н. Г. Казанский. Педагогическая деятельность декабристов в Сибири.— Сб. «Советский Север», 1938, № 1, стр. 23—36; Н. П. Федотов. О медицинской деятельности декабристов в Сибири.— «Советское здравоохранение», М., 1946, № 12, стр. 33—40; Ю. Молис. Врач-декабрист Ф. Б. Вольф. Харьков, 1930; Лидия Чуковская. Декабристы исследователи Сибири. М., 1951; М. Барановская. Первый краевед и этнограф Бурятии декабрист Н. А. Бестужев.— «Советское краеведение», 1936, № 3, стр. 42—46; М. Ю. Барановская. Художник декабрист Н. А. Бестужев (1791—1855). С прилож. иконографии. Труды Гос. истор. музея, вып. 15, 1951, стр. 27—50; Р. Тугутов. Н. А. Бестужев в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1948, стр. 47 (на бурят-монг. языке); А. Прибыткова-Фролова. Архитектор-декабрист. Ар-

хитектурная деятельность декабриста Батенькова в Томске.— «Архитектура СССР», 1934, № 9, стр. 65—67; А. Фадеев. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе.— «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 100—107; А. В. Фадеев. Декабристы на Дону и на Кавказе. Исторический очерк. Ростов на Дону, 1950; Л. И. Барамия. Декабристы в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); А. Адамян. Новые документы о декабристе М. И. Пущине и об организации армянского добровольческого отряда во время русско-персидской войны 1827—1828 гг.— «Известия АН Арм. ССР», Ереван, 1952, № 4, стр. 103—110 (на арм. яз.); М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954.

[83] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I, II, III, М., 1951; Г. Габов. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1954, 296 стр.; Н. Ф. Седых. Общественно-политические и философские взгляды декабристов Северного общества. Автореферат. М., 1953; В. И. Русин. Общественно-политические и философские взгляды декабристов Южного общества. Автореферат. М., 1953.

[84] С. Волк. Исторические взгляды декабристов.— «Вопросы истории», 1950, № 12; Б. Г. Кокошко. История России в освещении декабристов. Автореферат. Иркутск, 1954; Г. И. Яворский. Исторические взгляды А. С. Пушкина. Автореферат. Киев, 1950.

[85] К. А. Пажитнов. Экономические воззрения декабристов. М., 1945; И. Г. Блюмин. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.— Л., 1940, 288 стр.; М. А. Астапович. Экономические воззрения декабриста Н. И. Тургенева; Л. Г. Гусаков. О взглядах декабриста П. И. Пестеля на аграрно-крестьянский вопрос.— «Ученые записки Ленингр. гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена», т. XXIX, Л., 1940, стр. 179—209; Ф. Морозов. О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» (Письмо в редакцию).— «Вопросы экономики», 1954, № 10, стр. 122—127.

[86] Н. Ф. Закревский. Государственно-правовые взгляды П. И. Пестеля. Автореферат. Киев, 1954; Б. С. Ошерович. Уголовно-правовые воззрения Пестеля.— «Ученые труды (Всес. ин-та юрид. наук Мин-ва юстиции СССР)», вып. 8, М., 1946, стр. 177—193; М. Гернет. Процесс декабристов и уголовная политика Николая I.— «Проблемы соц. права», М., 1938, сб. 4, стр. 128—170.

[87] Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953.

[88] Г. Е. Павлова. Декабрист Н. А. Бестужев (Мировоззрение и общественно-политическая деятельность). Автореферат. Л., 1952; Г. Е. Павлова. Декабрист Николай Бестужев — историк русского флота. М., 1953.

[89] М. А. Цявловский. Дневник кн. Е. А. Шаховской. 1826—1827 гг. Сообщ. М. А. Цявловский.— «Голос минувшего», 1920—1921 гг., стр. 98—118; он же. Эпигоны декабристов (Дело о распространении «зловредных» сочинений среди студентов Харьковского университета в 1827 г.). — «Голос минувшего», 1917, VII—VIII, стр. 76—104; он же. Л. Н. Толстой, «Декабристы». Неизданные отрывки из романа. Вступ. статья М. А. Цявловского. М., 1925, стр. 3—19; он же. Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому.— «Тайные общества в России в начале XIX столетия». Сборник материалов, статей и воспоминаний. М., 1926, стр. 199; он же. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. «Пушкин», «Временник Пушкинской комиссии» № 6, 1941, стр. 41—50; он же. Эпиграмма Пушкина на Аракчеева.— «Литературный критик», 1946, стр. 7—67; он же. Новое о Пушкине в Кишиневе (по дневникам П. И. Долгорукова).— «Новый мир», 1937, № 1, стр. 287—290; он же. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951.

[90] Ю. Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер.— «Литературное наследство», 1934, № 16/18; он же. Кюхля. Повесть о декабристе. Л., 1925, 296 стр.; он же. Кюхельбекер (1797—1846). Творческая биография поэта.— «Литературный современник», 1938, № 10, стр. 167—222; он же. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. I. Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821. II. Декабрист и Бальзак.— «Литературное наследство», 1939, № 33—34; В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна. Роман в двух частях. М., 1937.

[91] Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха.— «Звезда», 1949, № 1, стр. 164—186; № 2, стр. 147—167; № 3. стр. 151—173; он же. Пушкин в литературных объединениях декабристов.— «Красная новь», 1936, № 1, стр. 196—207; он же. Новое о политической эволюции Пушкина.— «Литературная газета», 1936, 5/VII; он же. Пушкин и литературная борьба декабристов.— «Литературный современник», 1935. № 10, стр. 215—239; Б. Мейлах. Пушкин в литературных объединениях декабристов.— «Красная новь», 1936, № 1.

[92] Ф. Н. Кудрявцев. Декабристы в сибирской ссылке и Пушкин.— В кн. «А. С. Пушкин и Сибирь», М.— Иркутск, 1937, стр. 27—43.

[93] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947 (2-е изд. в 1951 г.); О. Н. Иванова. Грибоедов и Ермолов под тайным надзором Николая I.— «Лите-

ратурное наследство», 1946, т. 47—48, стр. 241—242. А. С. Грибоедову посвящен специальный том «Литературного наследства» (т. 47—48, 1946).

[94] «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика». Составил Вл. Орлов.— «Литературный критик», 1951; «Поэзия декабристов».— «Большая серия Б-ки поэта», Л., 1950. Вступ. статья, подготовка текста, примеч. Б. Мейлаха.

[95] «Литературное наследство», т. 59, 1954. Декабристы-литераторы. I.

[96] «История русской литературы». Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. Ред. коллегия: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах. М.— Л., 1953, стр. 21—331.

[97] Л. И. Сперанская. Борьба писателей-декабристов за создание национального литературного языка.— «Русский язык в школе», 1947, № 2; Л. И. Шоцкая. Общественно-политическая лексика гражданской поэзии декабристов 20—30-х годов XIX в. Автореферат. Л., 1953.

[98] Л. В. Домановский. Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве. Автореферат. Л., 1954.

[99] К. Ф. Рылеев. Соч. под ред. Цейтлина; К. Ф. Рылеев. Полное собр. соч. под ред. Ю. Г. Оксмана; Б. В. Нейман. К. Ф. Рылеев. Жизнь и творчество. М., 1946, стр. 86; К. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947.

[100] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. Л.— М., 1949; П. Бейсов. Поэт-декабрист В. Ф. Раевский.— «Литературный Ульяновск», 1947, I, Ср. также П. Бейсов. Тайное общество братьев Раевских в Курске (1830—1831 гг.).— «Лит. альманах», Курск, 1940, кн. 2, стр. 270—276; он же. Неопубликованный Раевский.— «Волжская новь», Куйбышев, 1940, кн. 10, стр. 271—287; он же. Поэт-декабрист В. Ф. Раевский.— «Литературный Ульяновск», 1947, I, стр. 125—131; М. А. Цявловский. Стихотворение Пушкина, обращенное к В. Ф. Раевскому.— «Пушкин», «Временник Пушкинской комиссии», № 6, 1941, стр. 41—50; С. Коваль. Декабрист В. Ф. Раевский. Иркутск. 1951.

[101] Я. А. Назаренко. А. А. Марлинский-Бестужев.— В книге «История русской литературы XIX в.», М.— Л., 1931, стр. 19—20; Гр. Прохоров. Неопубликованные письма А. А. Бестужева-Марлинского.— «Звезда», 1931, № 3, стр. 228—231; Т. В. Толстая. Бестужев-Марлинский. М., 1932. Роман. 359 стр. 2-е изд. 1933 г.; Бестужев (Марлинский). Неопубликованные письма А. А. Бестужева к братьям Полевым Н. А. и К. А. (1831—1834). С пред. В. Н. Орлова.— «Литературный современник», 1934, № 11, стр. 134; А. А. Бестужев (Марлинский). Избранные повести. Ред. и примеч. Г. В. Прохорова. Вступ. статьи Н. Л. Степанова. Л., 1937, 407 стр.; Б. Жеребцов. Писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский и Сибирь.— «Сибирские огни», Новосибирск, 1937, № 3, стр. 144—145; Н. Степанов. Романтические повести А. Марлинского (к 100-летию со дня смерти писателя-декабриста).— «Литературная учеба», 1937, № 9, стр. 25—59; В. Васильев. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939, 132 стр.; Г. Прохоров. Бестужев-Марлинский на Кавказе (о книге В. Васильева).— «Литературное обозрение», 1940, № 13, стр. 44—47; Р. Фатуев. Рядовой Бестужев (Писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский в Дербенте). Главы из романа. Альманах. Пятигорск, 1941, № 1, стр. 115—137; А. А. Богданова. А. А. Бестужев как переводчик, рецензент и критик.— «Ученые записки Новосиб. гос. педагог. ин-та», вып. 7, 1945; А. А. Богданова. Творчество Бестужева-Марлинского в Сибири.— «Ученые записки Новосиб. гос. педагог. ин-та», вып. 3, 1946, стр. 41—68; К. Чернов. Бестужев-Марлинский. Писатели-декабристы на Кавказе.— «Ставропольский альманах», 1947, № 2, стр. 177—208; А. В. Попов. Русские писатели на Кавказе. А. А. Бестужев-Марлинский.— Сб. трудов Ставроп. гос. педагог. ин-та, вып. 1, 1947, стр. 92—121; Бестужев-Марлинский. Собрание стихотворений. Подгот. Г. Р. Прохоров. М., 1948, кн. XIX, 216 стр.; Светлана Овсянникова. А. А. Бестужев-Марлинский и его роль в движении декабристов.— «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 404—450; Б. Мейлах. Неизданное стихотворение декабриста А. А. Бестужева. «Подражание I сатире Буало».— «Литературный архив», М.— Л., 1938, т. I.

[102] Ф. Глинка. Избранное. Подгот. текста к печати и послесл. В. Г. Базанова. Петрозаводск. 1949, 489 стр.; В. Г. Базанов. Запрещенная поэма Ф. Н. Глинки. («Иов», 1834).— «На рубеже», Петрозаводск, 1940, № 5—6, стр. 78—82; он же. Поэт-декабрист Ф. Н. Глинка в ссылке в Петрозаводске.— В книге «Карелия», Петрозаводск, 1938, стр. 205—224; Л. Я. Письма декабриста Ф. Глинки (из Олонецкой ссылки).— «Красная Карелия», 21/III 1940 г.; Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера 1812. Смоленск, 1947, 87 стр.

[103] Р. М. Тонкова. Декабрист А. О. Корнилович и Н. А. Полевой.— В книге «Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. В. Орлова», Л., 1934, стр. 361—364; Б. Мейлах. Литературная деятельность декабристов Корниловича (по неопубликованным материалам).— «Литературный архив», М.— Л., 1938, т. 1, стр. 414—422.

[104] Б. Бухштаб. Неизданные стихи Н. А. Чижова.— «Омский альманах», кн. 6, Омск, 1947, стр. 164—170.

[105] Вано Шадури. О литературной деятельности декабристов в Грузии.— «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. X, № 4, 1951.

[106] Anatole Mazour. The first russian Revolution 1825. The decembrist movement, its origins, development and significance. California, 1937; A. Mazour. Dimitry Zavalishin: Dreamer of a Russian-American Empire. California, 1936. Затронут также вопрос о Пестеле в работе A. E. Adams. The character of Pestel's thoughts.— «American Slavic and East European review», Philadelphia, 1953, Apr., v. 12, N 2, p. 153—160.

[107] «Путеводитель по Центр. гос. военно-историческому архиву», М., 1941; Т. Снытко. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения.— «Вопросы истории», 1950, № 12.

[108] См. «Краткий указатель архивных фондов Отдела рукописей» под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. Сост. Е. Н. Коншиной и Н. К. Швабе. М., 1948.

[109] Полного изданного описания декабристских материалов, хранящихся в архивах УССР, не существует. Некоторые данные см. в публикации «Повстання декабристів на Україні. З матеріалів Київського Центрального історичного Архіву». За редакцією В. Базилевича, Л. Добровольського та В. Міяковського. Харків, 1926. Некоторые сибирские материалы описаны в «Архиве декабристов», опубликованном в сб. «Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография». Под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарева, Б. Г. Кубалова. Иркутск, 1925, стр. 183—207.

[110] «Русская правда» П. И. Пестеля со всем комплексом относящихся к ней бумаг хранится в настоящее время в Центр. историческом архиве в составе следственного фонда декабристов (ЦГИА, ф. 48, д. 10). Варианты Конституции Никиты Муравьева хранятся в разных архивохранилищах: первый и последний («тюремный») вариант находятся в том же следственном фонде; так называемый первый ее вариант, найденный при обыске у С. Трубецкого, находится в составе дела последнего (ЦГИА, ф. 48, д. 333, издано в I томе «Восстания декабристов», см. док. 44 дела С. Трубецкого); последний «тюремный» вариант, находится в составе того же д. 10 следственного фонда, что и «Русская Правда». Второй, так называемый «пущинский» вариант, в свое время переданный И. И. Пущиным накануне ареста на хранение П. А. Вяземскому, у которого пролежал 32 года, в настоящее время попрежнему находится в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Наиболее точно он издан, как и прочие варианты, Н. М. Дружининым в качестве приложения к его книге «Декабрист Никита Муравьев», М., 1933, стр. 303—366.

[111] Попытки очертить круг утраченных источников декабристов делались неоднократно (см. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909, стр. 175—176, 399—408, 556—559 и др.; К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Под ред. Ю. Г. Оксмана, стр. 556—568; М. Нечкина. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях.— «Каторга и ссылка», 1930, № 4; М. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 40—61. Наиболее подробно сделал это М. К. Азадовский в своей последней работе «Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор».— «Литературное наследство», т. 59, стр. 601—778.

[112] Записки С. П. Трубецкого с примечаниями Н. М. Дружинина. Н. М. Дружинин. С. П. Трубецкой как мемуарист.— Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 9—43.

К главе II

[1] Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г.— «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 56—76.

[2] См. К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1949, стр. 7—8. Здесь находится знаменитый текст «Введения», содержащий формулировку основных стадий развития общественно-экономической формации и проблемы соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

[3] Ф. Энгельс. Антидюринг. М., 1950, стр. 140.

[4] К. Маркс. К критике политической экономии (Предисловие). М., 1949, стр. 8.

[5] М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации (к постановке вопроса). М., 1954. Институт истории АН СССР. На правах рукописи. Ряд историков относит переломный период между восходящей и нисходящей стадиями феодализма к середине XVIII в., другие — к его исходу.

[6] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1949, стр. 720.

[7] См. там же, стр. 377.

[8] См. там же; см. Ф. Энгельс. Антидюринг. М., 1950, стр. 252, 276.

[9] См. «Политическая экономия». Учебник. М., 1954, стр. 79. О стадиях в развитии промышленности многократно говорится в произведениях классиков марксизма (ср. К. Маркс. Капитал, т. I, IV отдел; Ф. Энгельс. Антидюринг. М., 1950, стр. 252, 268 и др.).

[10] «Из истории Казанской суконной мануфактуры».— «История пролетариата СССР», 1933, № 4(16), стр. 176.

[11] Мануфактуры Барышниковых впервые изучены на основе архивных материалов Г. Т. Рябковым в его неопубликованной диссертации «Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой трети XIX в.», 1952, (АОН).

[12] Б. Д. Греков. Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в.— «Известия АН СССР», 1932.

[13] Общепринятые данные о промышленном развитии России в первой четверти XIX в. берутся из официальной отчетной статистики (из «Статистических ведомостей о состоянии российских мануфактур»). Ср. А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII в. до 1858 г., ч. II. 1859, стр. 262; Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи. СПб., 1808, ч. V, стр. 9—73; М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I. СПб., 1907, стр. 85—86; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1939, стр. 285—286. Официальная статистика критически пересмотрена М. Злотниковым, предложившим результаты новых подсчетов. М. Злотников. К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности (Критика «Русской фабрики» М. И. Туган-Барановского).— «Каторга и ссылка», 1935, кн. I, стр. 37—65; он же. От мануфактуры к фабрике.— «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 31—48. Ср. он же. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России.— «История пролетариата СССР», 1930, т. I, стр. 143—162.

[14] К. Арсеньев. Начертания статистики Российского государства, ч. I, стр. 149.

[15] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный период (1500—1860). М., 1954, стр. 398—404.

[16] «История пролетариата СССР», 1933, № 4 (16), стр. 216—223; В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России (К проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений).— «Вопросы истории», 1952, № 12.

[17] К. А. Пажитнов. К вопросу о промышленном перевороте в России.— «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 73; «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», 1890, стр. 286; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1939, стр. 277; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный период (1500—1860). М., 1954 (первые шаги механического производства до 1830-х годов, стр. 398—404); А. В. Предтеченский. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России.— «Известия АН СССР, VII серия», ООН, 1931, № 8, стр. 893—920; А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. II, стр. 207.— Журнал мануфактур и торговли, № 2, 1825, стр. 8—9; М. К. Рожкова. Трехгорная мануфактура в 40-х и 50-х годах XIX в.— «История пролетариата СССР», 1931, № 7, стр. 217—218; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и в первой половине XIX в. М.— Л., 1950; Б. Н. Васильев. Формирование промышленного пролетариата Ивановской области.— «Вопросы истории», 1952, № 6, стр. 99—117; А. П. Юдин. Вольнонаемные рабочие на капиталистических мануфактурах и фабриках накануне падения крепостного права. Диссертация. М., 1953 (АОН); Ю. Ф. Глебов и В. М. Соколов. История фабрики большой Ивановской мануфактуры. М., 1952, стр. 15; К. В. Сивков. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX в.— «Исторические записки», т. 9, стр. 141—142; ПСЗ (I), именной указ от 4 декабря, 1821 г. за № 28827.

[18] Цит. у С. Г. Струмилина в «Истории черной металлургии в СССР», т. I, стр. 400—401 (здесь использованы «Высочайшие утвержденные доклады» и другие сведения о новом образовании горного начальства и Управления горных заводов, ч. I).

[19] А. Семенов. Опыт изучения исторических сведений о российской торговле и промышленности, т. III. Ср. М. Злотников. От мануфактуры к фабрике.— «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 44.

[20] М. Злотников. Указ. соч., стр. 44.

[21] Эта сторона дела подробно выяснена в диссертации А. П. Юдина «Вольнонаемные рабочие на капиталистических мануфактурах и фабриках накануне падения крепостного права», 1953 (АОН).

[22] Мануфактура — явление определенного этапа развития капиталистического способа производства; этап этот назван по ее имени «мануфактурным периодом». Способ производства имеет, как известно, две стороны: производительные силы и производственные отношения. Определять мануфактуру как крепостную в случае применения на ней феодально-зависимого труда можно лишь с оговоркой, что речь идет только о производственных отношениях, а не о производительных силах, в ней развивающихся. Применяя название «крепостной» или «феодальной мануфактуры», невозможно проследить за развитием конфликта между производительными силами и производственными отношениями внутри мануфактуры, между тем он вполне поддается изучению и требует точного терминологического определения.

[23] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 377.

[24] Б. Д. Греков. Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в. Материал к вопросу о разложении крепостной системы хозяйства.— «Известия АН СССР», 1932, стр. 632—634.

[25] Г. Т. Рябков. Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой трети XIX в. (по материалам Гос. архива Смоленской обл.). Диссертация, рукопись, стр. 123 (I глава), 1952 (АОН). Очень интересно приводимое в монографии Н. И. Павленко свидетельство Остермана (1739) о разной производительности приписного и вольнонаемного работника по рубке и доставке на завод леса: приписной крестьянин «с такою леностью работает, что он в 3 дня не делает, что в один день делать возможно, а ему все 3 дня работа зачитается» (Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 218).

[26] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 476.

[27] «Земледельческий журнал», 1821, № 2, стр. 193.

[28] Турчинович. История сельского хозяйства в России. СПб., 1854, стр. 58.

[29] «Земледельческий журнал», 1821, № 1.

[30] См. Ф. Энгельс. Антидюринг. М., 1950, стр. 267.

[31] См. там же, стр. 339.

[32] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима».

[33] Н. П. Огановский. Наделение землею помещичьих крестьян. М., 1913, стр. 31 и 33.

[34] Г. Н. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в.— «Исторические записки», т. 4, стр. 103, 106; Е. И. Индова. Крестьянство центрально-промышленных вотчин Воронцовых в первой половине XIX в.— «Исторические записки», т. 38, стр. 206, 207; К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в.— «Исторические записки», т. 11; В. Н. Кашин. Крепостные крестьяне-земледельцы накануне реформы. Л., 1934.

[35] Е. И. Индова. Указ. соч.; Г. Т. Рябков. Указ. соч.

[36] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 97.

[37] ПСЗ (1-е изд.), т. 26, № 20075.

[38] Г. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 78, 82, 84, 85, 87, 95, 104—105; Е. И. Дракохруст. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в.— «Исторические записки», т. 4, стр. 118, 123, 127—129, 135—136, 137—138; Е. И. Индова. Указ. соч., стр. 181, 184, 204; П. Г. Рындзюнский. Расслоение крестьян и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.— «Исторические записки», т. 4, стр. 143—146; К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). Под ред. проф. И. И. Полосина. М., 1947.

[39] Письма графа Ф. В. Растопчина к князю П. Д. Цицианову (1803—1804 гг.).— «Девятнадцатый век», исторический сборник, изд. П. Бартенева, т. II, М., 1872, стр. 16—63; Д. Шелехов. Народное руководство в сельском хозяйстве. СПб., 1838, ч. I; С. Маслов. Историческое обозрение императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1850; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, стр. 267—270.

[40] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1949, стр. 719.

[41] «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». М., 1938, стр. 120.

[42] И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

[43] ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1—3; ЦГВИА, ф. 35; Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, ч. II, кн. 1 и 2; С. Середонин. Исторический обзор деятельности комитета министерства, т. I. СПб., 1902; С. Авалиани. Волнения крестьян в царствование Александра I.— «Богословский вестник», 1912, № 3 и 4; Н. Шильдер. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1905; В. И. Семевский. Волнения крестьян в 1812 г. и в связи с Отечественной войной.— «Отечественная война и русское общество», т. V, 1912. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии, вып. 12; Н. Брюллова-Шаскольская. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931; И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937; Н. Дубровин. После Отечественной войны.— «Русская старина», 1904, III; А. А. Савич. Очерки крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М. 1931; І. О. Гуржій. Селянські рухи на Україні в першій половині XIX ст.— «Збірник Ак. наук УРСР», 1952, I(182). М. Мельцер. Из истории крестьянского движения в Белоруссии в первой четверти XIX в.— «Ученые записки Белорусск. гос. ун-та», Минск, 1950, вып. 10, стр. 69, М. Зевакин. Кузьма Алексеев. Саранск, 1936 (волнения 1808—1810 гг.); С. Архангельский. Крестьянские волнения в Семеновском уезде в 1825 г.— «Каторга и

ссылка», 1929, № 6(55), стр. 75—85; И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 48—70; В. А. Федоров. Движение народных масс в России в первой четверти XIX в.— «Преподавание истории в школе», 1954, № 3, стр. 40—51.

[44] Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, ч. II, кн. 2, стр. 398.

[45] И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937.

[46] С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов.— Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 56—128; В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов (1816—1825). М., 1953. Диссертация (Моск. гос. ун-т); В. А. Федоров. Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818).— «Вопросы истории», 1952, № 11.

[47] «История Латвийской ССР». Под ред. действ. членов АН Латвийской ССР К. Я. Страздиня, Я. Я. Зутиса и Я. П. Крастыня и канд. истор. наук А. А. Дризула. Т. I (с древнейших времен до 1860 г.). Отв. редактор Я. Я. Зутис. Рига, 1952.

[48] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888 (гл. XXV и XXVII); Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800—1833 гг.— «Исторические записки», т. 7, стр. 149—181.

[49] Ч. Г. Володарская. Ликвидация посессионной мануфактуры в России.— «Ученые записки Ленингр. гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена», т. 61, Л., 1947, стр. 71—98; Э. С. Виленская. О характере русской посессионной мануфактуры.— «Вопросы истории», 1954, № 2.

[50] П. Г. Рындзюнский. Гильдейская реформа Канкрина 1824 г.— «Исторические записки», т. 40, стр. 110—139.

[51] В. И. Ленин. Под чужим флагом. Соч., т. 21, стр. 126.

К главе III

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1949, стр. 8.

[2] А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. Лемке, т. IX, стр. 270.

[3] В. Семенников. Радищев. П., 1923.— Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.— Л., 1936; К. В. Сивков. Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII в.— «Вопросы истории», 1946, № 5—6, стр. 90—95; К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в конце XVIII в.— «Исторические записки», т. 19; Л. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. VI, № 5 (1949); Вл. Орлов. Радищев и русская литература. Л., 1952; Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М., 1953. Вопрос об освободительной литературе конца XVIII в. и о радищевском течении подробно освещен Д. Д. Благим в «Истории русской литературы XVIII в.», М., 1951. См. также П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.— Л., 1952 (гл. V и VI). Вл. Орлов чрезвычайно много сделал для изучения писателей-радищевцев, осветив почти не известную ранее страницу русской освободительной литературы и общественного движения в исходе XVIII и первом десятилетии XIX в. (Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800 гг., М., 1950).

[4] В этом вопросе я не могу согласиться с Вл. Орловым, который пишет в своем исследовании: «Столь же резкая грань лежит между Радищевым и вольнолюбивыми писателями из лагеря дворянской литературы, с которыми его доныне подчас объединяют без малейших к тому оснований. Эту грань надлежит учитывать, идет ли речь о Фонвизине — дворянском просветителе, развернувшем замечательную по широте и силе социальную критику, но не посягавшем, однако, на классовую гегемонию дворянства и принципы абсолютизма, или о Капнисте, авторе «Оды на рабство», или о Княжнине и Николаеве — авторах «тираноборческих» трагедий. При всей остроте и смелости своих критических выпадов против самовластия царей и произвола помещиков, эти писатели представляли в своем лице не более как оппозицию, действовавшую в границах господствующего класса, и тем самым не имеют ничего общего (подчеркнуто мною.— *М. Н.*) с революционером Радищевым, призывавшим к свержению абсолютизма и к уничтожению классового господства крепостников» (Указ. соч., стр. 11—12). Если принять эту точку зрения, сколько же тогда получается лагерей общественного движения? И какой лагерь какому противостоит? И откуда выросла дворянская революционность, под знаком которой проходит, согласно положению В. И. Ленина, весь первый период русского революционного движения. На все эти вопросы предложенная концепция не может дать ответа. Течения поляризуются в момент зарождения революционной борьбы. Их может быть сколько угодно, но основных лагерей в подобные периоды может складываться только два (соответственно — в национальной культуре есть две противостоящие культуры, а не три, четыре или больше). Предложенный Вл. Орловым критерий взят, на мой взгляд, из позднейших этапов русской революционной борьбы, где имеет все свое значение, но не может быть применен к моменту возникновения революционного движения, его зарож-

дения, вступления в период дворянской революционности. Если Д. Фонвизин как автор «Недоросля», Я. Княжнин как автор «Вадима» и В. Капнист как автор «Оды на рабство» и «Ябеды» работают — объективно — в пользу антифеодального лагеря и тем самым служат ему, то нельзя же сказать, что у них вообще «нет ничего общего» с А. Н. Радищевым — революционной вершиной антифеодального лагеря, несмотря на все различие их мировоззрений. Нет, они имеют нечто общее с Радищевым,— они наносят удары устоям строя, хотя и принадлежат одному классу. Они не достигают высоты радищевского революционного мировоззрения, более того, еще вообще не принадлежат к революционному движению. Но их течение уже объективно работает на тот лагерь, который противостоит как апологетической дворянской литературе, так и произведениям с частной критикой строя, но с защитой его устоев. Общественный лагерь и общественное течение — не тождественные понятия, и первое значительно шире второго; при этом оно ни в коем случае не может заменить второго, и понятие течения имеет все права на существование. Однако, кроме индивидуализации течений, историк обязан в моменты развития революционной борьбы судить также и об их группировке в основные противостоящие лагери. Отсутствие этого критерия затруднило бы борьбу с теорией «единого потока». Надо заметить, что в последнем издании работы Вл. Орлова спорная формулировка значительно смягчена.

[5] Решительно не могу согласиться с П. Н. Берковым, полагающим, что «дворянские революционеры декабристы представляли шаг назад по сравнению с Радищевым» (подчеркнуто мною.— *М. Н.*). П. Н. Берков пишет: «Только Чернышевский в середине XIX в. поставил вопрос о крестьянской революции так же, как и Радищев» (П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М., 1952, стр. 380). Здесь, на наш взгляд, нет правильного понимания ни Радищева, ни декабристов, ни Чернышевского. В понимании Радищева у П. Н. Беркова отсутствуют какие бы то ни было классовые ограничительные черты: он абстрактно рисуется как некий «подлинный революционер» вообще, «революционер в полном смысле слова» — что это значит? (ср. «Радищев как подлинный революционер стоит на таком высоком пьедестале...». «...Между Радищевым и Чернышевским не было в истории России ни отдельных лиц, ни групп лиц, которые стояли бы на революционных в полном смысле слова позициях» — там же, стр. 380). Нам известна единственная революционность, лишенная классовой ограниченности,— это пролетарская, коммунистическая революционность. Но как дворянская, так и разночинская революционность классово-ограниченны. Если А. Радищев и Н. Чернышевский ставили вопрос о крестьянской революции одинаково, значит, от конца XVIII в. к середине XIX не было никакого движения вперед и история топталась на месте (между тем это была как раз пора ее бурного развития, годы кризиса феодальной системы, взятой в целом). Если Радищев стоит «на таком высоком пьедестале», что «до Чернышевского никого нельзя поставить рядом с ним даже в качестве ученика, последователя, продолжателя традиций» (там же, стр. 381), стало быть, Радищев — не кто иной, как оторванный от эпохи одиночка, не имеющий с нею никакой связи, никак не соединяемый с поколением революционеров-декабристов, учитель, лишенный учеников, последователей, продолжателей традиций. Следовательно, и формула А. С. Пушкина «вослед Радищеву восславил я свободу» лишена какого бы то ни было реального смысла. Радищев, таким образом, превращен в полного одиночку,— старая версия! Напомним, кроме того, что стихийное крестьянское восстание само по себе не может достичь победы и заменить феодальный строй новым строем. И крестьянский революционер Чернышевский и дворянские революционеры-декабристы, несмотря на их глубокое, хотя и не антагонистическое различие, работали над идеей руководимого восстания. Ошибочная точка зрения П. Н. Беркова уже встретила критику в печати,— отмечу полемику с нею В. Базанова, соображения которого представляются мне вполне правильными (В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. М., 1953, стр. 35—36, 131 и др.).

[6] Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. М., 1949; К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в конце XVIII в.— «Исторические записки», т. 19, стр. 63—101; Л. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. VI, № 5, 1949; «Чтения в Об-ве истории и древностей при Моск. ун-те», 1873, кн. III (проповеди П. А. Словцова); В. Семенников. Литературно-общественный круг А. Н. Радищева.— В сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.— Л., 1936; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1951, стр. 533—625.

[7] М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество.— См. «Вольтер», сборник статей. АН СССР, 1948, стр. 57—93.

[8] «Алексей Петрович Ермолов» (анонимная статья).— «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне с пред. Искандера», вып. 2, 1861, стр. 239—247.

[9] Не могу согласиться с оценкой П. Челищева и с комментарием его сочинения «Путешествия по северу России», данными В. Базановым в «Очерках декабристской

литературы» (М., 1953, стр. 16 и сл.). Базанов рассматривает друга Радищева П. Челищева как чуждого революционной идеологии «просветителя-постепеновца» и автора ученого путешествия (стр. 21, 28). При этом характеристика «постепеновца» (?) никак не обоснована и взята явно из другой эпохи, а черта «ученого» путешествия ничего не определяет: «ученое» путешествие может быть написано с разных позиций. Оценка, данная В. Базановым, не принимает во внимание творческую историю «Путешествия» П. Челищева, трактуя весь текст как единый и написанный без учета цензуры, между тем наиболее радикальные места являются авторскими интерполяциями, вставленными в уже прошедший цензуру текст (в целом так и оставшийся при жизни автора неопубликованным). Эти интерполяции, обходящие цензуру,— страстный призыв к развитию производительных сил страны, заторможенных феодальным строем, и сильнейшее разоблачение тормозящей роли косного самодержавия. У Челищева и Радищева — разные темы: первый разоблачает феодальный гнет над государственным крестьянством, второй — над помещичьим.

10 «Русский вестник», 1861, т. XXXII, стр. 303.

11 О связях семьи В. В. Капниста с декабристским кругом см. Н. И. Лорер. Записки. М., 1931 (гл. 1). Ср. «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

12 Об этом свидетельствуют «Записки» Н. И. Лорера (М., 1931, стр. 46 и сл.).

13 В. Базилевич. Декабрист Юшневський. Спроба біографії. Київ, 1930, стр. 7 и сл.; он же. Декабрист Юшневський та Гнідич.

14 М. В. Нечкина. А. Г. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 191—223.

15 «Восстание декабристов», т. II, стр. 159, 167, 191—192 (дело В. К. Кюхельбекера). Далее цитируется — ВД.

16 ЦГИА, ф. 48, д. 360.

17 Ф. Ф. Вигель. Записки. П.— М., 1891, IV, стр. 206; М. И. Жихарев. Петр Яковлевич Чаадаев (Из воспоминаний современника).— «Вестник Европы», 1871, VII, стр. 182—184.

18 «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809)», М., 1905.

19 Декабрист Федор Глинка родился в 1786 г. Трагедия «Вельзен или освобожденная Голландия» была им закончена в 1803 г., а издана в Смоленске в 1810 г. Социальный анализ трагедии дан В. Базановым в его книге «Очерки декабристской литературы», М., 1953, стр. 40—41; автор с полным основанием вводит это интересное литературное произведение в литературу, пролагающую путь декабристской идеологии; в том же плане рассмотрены тут «Письма русского офицера» Ф. Глинки (там же, стр. 41—50).

20 В. Базанов. Указ. соч., стр. 41—50.

21 С[авелий] фон Ф[ерельтц]. Путешествие критики или письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем. М., 1818. Переиздано А. В. Кокоревым в 1851 г. Об авторе книги см. «Вестник Моск. ун-та», № 11 (1952) и «Огонек», 1952, № 50.

22 «История Московского университета», т. I, М., 1955 (в написанном мною тексте для главы о Московском университете и декабристах приведены более подробные данные о декабристах, связанных с Московским университетом).

23 М. И. Жихарев. Петр Яковлевич Чаадаев.— «Вестник Европы», 1871, VII, стр. 182.

24 Н. И. Тургенев. Дневники и письма за 1806—1811 гг., т. I, СПб., 1911, стр. 17. И. Якушкин дает разные даты для начала своего «безверия»: то «с 15-летнего возраста», т. е. с 1810 г., то с 1812 (ср. ВД, т. III, стр. 48).

25 Я. Грот. Об авторе «Митюхи Валдайского».— «Библиографические записки», 1861, № 15, стб. 454—455.

26 ВД, т. I, стр. 294.

27 Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. I, стр. 26—27.

28 М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 84.

29 Н. И. Тургенев. Дневники и письма за 1806—1811 гг., т. I, СПб., 1911, стр. 84.

30 Там же, стр. 31, 63, 84, 96, 109, 110; т. II, стр. 190 и др.

31 Там же, т. I, стр. 15, 51, 54.

32 Н. В. Сушков. Указ. соч., стр. 75, 91, 93; М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 50. Ср. Е. Тарасов. Журнал министерства народного просвещения, 1915, VIII, стр. 215; П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Указ. изд., ч. 1, стр. 15—17; Н. И. Тургенев. Дневник, т. I, стр. 64, 428; А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790, стр. 72, 85. Список книг из библиотеки Никиты Муравьева см. в приложении к книге Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», стр. 302; П. А. Зайончковский. К вопросу о библиотеке П. Пестеля.— «Историк-марксист», 1941, кн. 4.

33 Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. I, стр. 66—69.

34 Д. Н. Свербеев. Записки, т. I, стр. 105, 106. Позднейшие изыскания, основанные на университетских архивах, приводят к выводу, что не Бекетов, указанный в вос-

поминаниях Свербеева, а пользовавшийся позже печальной известностью доцент Малов был автором диссертации (установлено В. Гурьяновым). Это был тот самый Малов, который позже своими ретроградными взглядами и оскорбительным обращением со студентами вызвал известную студенческую демонстрацию протеста, описанную в «Былом и думах» ее участником А. И. Герценом.

[35] Н. П. Чулков. Москва и декабристы.— Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 295—296. Н. П. Чулков перечисляет следующие имена учившихся в муравьевском училище колонновожатых — будущих декабристов: 1) И. Б. Аврамов, 2) Н. В. Басаргин, 3) Н. С. Бобрищев-Пушкин, 4) П. С. Бобрищев-Пушкин, 5) Н. А. Загорецкий, 6) Н. Ф. Заикин, 7) В. П. Зубков, 8) Петр Ив. Колошин, 9) А. О. Корнилович, 10) Н. А. Крюков, 11) Н. П. Крюков, 12) В. Н. Лихарев, 13) А. З. Муравьев, 14) П. А. Муханов, 15) Л. А. Перовский, 16) П. П. Титов, 17) А. А. Тучков, 18) барон А. И. Черкасов, 19) граф З. Г. Чернышев, 20) А. В. Шереметев. К этому основному списку Н. П. Чулков добавляет еще слушавшего у Н. Муравьева курс фортификации и артиллерии С. Муравьева-Апостола, проходившего тут курс математики В. А. Мусина-Пушкина, уже имевшего офицерское звание и учившегося здесь же математике, военным наукам и геодезии Павла Колошина. Таким образом, получается солидная цифра — 23 участника движения декабристов, но она, несомненно, должна быть увеличена еще на одну единицу именем брата Льва Перовского Василия, очевидно, пропущенного Чулковым случайно (ср. «Алфавит», ВД, т. VIII, стр. 374). Василий Перовский был выпущен из муравьевского училища колонновожатых прапорщиком квартирмейстерской части в 1811 г.— годом ранее брата. Нужно подчеркнуть, что училище колонновожатых имело выпуски своих воспитанников еще до 1812 г. Это необходимо отметить потому, что в литературе приводятся не совсем точные данные о дате его основания: утверждается, что училище оформилось на основе прежнего «Математического общества» только в 1815 г. Но последняя дата является скорее датой восстановления училища после «московского разоренья» в период Отечественной войны (так, Василий Перовский был выпущен из муравьевской школы колонновожатых прапорщиком квартирмейстерской части еще в 1811 г.). Училище колонновожатых до 1823 г. руководилось непосредственно Н. Н. Муравьевым и содержалось на его счет (пользуясь, однако, правами официально признанного учебного заведения). В 1823 г. его перевели в Петербург и взяли на казенный счет. После восстания декабристов училище в 1826 г. закрыли как неблагонадежное в политическом отношении. Замечательным памятником, сохранившим данные о муравьевском училище, являются «Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве», принадлежащие перу декабриста Н. В. Басаргина. Этот источник рисует жизнь муравьевского училища в 1818—1819 гг. Училище Муравьева находилось в Москве, на Большой Дмитровке, во флигеле дома, принадлежавшего дяде декабриста — Николаю Михайловичу Муравьеву (в основном доме находился в ту пору Английский клуб). Отец декабриста, генерал-майор, основатель училища, проживал с сыновьями в одной из пристроек, расположенных во дворе. Все ученики муравьевского училища жили на частных квартирах и ходили в училище лишь на занятия (ходили пешком, а не ездили,— ездить ни на извозчиках, ни на собственных лошадях им не разрешалось). Спартанское, суворовского стиля воспитание дополнялось тем, что шинели разрешалось надевать лишь при 15° мороза, в более «теплую» погоду полагалось ходить в одних мундирах. Интересные данные об училище колонновожатых имеются и в библиографических материалах А. А. Тучкова. Ср. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, (гл. I и II); Н. В. Басаргин. Указ. соч., стр. 250, 256, 261 и др.

[36] Н. В. Басаргин. Указ. соч., стр. 272.

[37] Записки Н. Н. Муравьева-Карского опубликованы в «Русском архиве», 1885, IX—XII; 1886, I, II, IV, V, XI. Рукопись, имеющая многочисленные разночтения и неопубликованные тексты,— в Гос. историческом музее в Москве (ОПИ).

[38] «Русский архив», 1885, IX, стр. 25—26. Артамон Муравьев был известен как лекарь и среди ссыльных декабристов в Сибири. Можно с известной точностью судить о возрасте участников «Юношеского собратства». Его основателю Николаю Муравьеву было, как уже указывалось выше, всего 16 лет, Артамону Муравьеву также было 16 лет, Василию Перовскому — неполных 16, Льву Перовскому — почти 18, Матвею Муравьеву-Апостолу — 17. Точного возраста Синявина пока нельзя установить за отсутствием формуляра, но можно предположить, что он по возрасту был близок к упомянутым.

[39] Н. В. Басаргин. Указ. соч., стр. 268; ср. ВД, т. III, стр. 4—5.

[40] Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, рукопись «Записок» Александра Муравьева, ф. Шаховских, Шах. (II, 18, 13б), л. 8 об. Рукопись, к сожалению, сохранилась не в полном виде — уцелели только конец II части (1810—1811 гг.) и почти вся III часть, посвященная войне 1812 г.

[41] Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, ф. Шаховских, Шах. (II, 18), лл. 9—10. О принятии П. Я. Сулимой А. Муравьева в масонскую ложу говорит

Николай Муравьев в своих «Записках» («Русский архив», 1885, кн. IX); ВД, т. I, стр. 23—24.

[42] Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, ф. Шаховских, Шах. (II, 18, 13б), ч. II, л. 11; «Русский архив», 1885, № 9, стр. 11 и др.

[43] ЦГИА, ф. 48, д. 264 (Батенькова).

[44] ВД, т. IV, стр. 7.

[45] Ср. П. Дирин. История лейб-гвардии Семеновского полка, т. 1, стр. 397; П. Е. Щеголев. Владимир Раевский (первый декабрист).— В его сборнике «Декабристы», М.— Л., 1926, стр. 13.

[46] Владимир Раевский за 26 августа (Бородино) 1812 г. тоже имел золотую шпагу с надписью «за храбрость», как и Пестель. ЦГИА, ф. 48, п. 149 (Раевского), л. 7 об.; ВД, т. IV, стр. 233. Дело С. Муравьева-Апостола.

[47] ВД, т. III, стр. 5.

[48] ВД, т. X, стр. 191 (здесь Давыдов свидетельствует, что был в 1812 г. адъютантом Багратиона). Весть о тарутинской победе привез Александру I С. Г. Волконский (ср. «Декабристы на поселении». Из архива Якушкиных. 1926, стр. 135). ЦГИА, ф. 48, д. 83 (М. Орлова).

[49] ВД, т. I, стр. 23. Дело С. Трубецкого.

[50] И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 11, 16.

[51] А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 56.

[52] «Из писем и показаний декабристов». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 35—36.

[53] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 410—417; А. С. Грибоедов. Полное собр. соч. (академ. изд.), т. I, СПб., 1911, стр. 263.

[54] ВД, т. V, стр. 385; ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 6 об.; д. 425, л. 3; М. С. Лунин и Никита Муравьев. Разбор «Донесения» Следственной комиссии.— Сб. «Записки декабристов», вып. 2—3 (Лондон, 1863), стр. 101—119.

[55] В. Якушкин. М. И. Муравьев-Апостол.— «Русская старина», 1886, № 7, стр. 159.

[56] Эпизод с бегством Никиты Муравьева на фронт в 1812 г. известен главным образом по рассказу декабриста П. Н. Свистунова («Русский архив», 1871, стр. 336—337). Я использовала также текст «Записок» декабриста Александра Николаевича Муравьева, хранящийся в Рукописном отделении Библиотеки им. Ленина (ф. Шаховских), Шах. (II, 18, 13).

[57] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Ред. статья и примеч. С. Я. Штрайха. М., 1937, стр. 39.

[58] ВД, т. I, стр. 430; т. II, стр. 64.

[59] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 31.

[60] М. Степанов. Жозеф де Местр в России.— «Литературное наследство», 1937, т. 29—30, стр. 578.

[61] ВД, т. IV, стр. 90. Дело П. И. Пестеля.

[62] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 14—15.

[63] ВД, т. III, стр. 44. Дело И. Д. Якушкина. И. Д. Якушкин. Записки, стр. 12—13.

[64] С. Мильман. «Практические начала политической экономии» П. И. Пестеля.— «Красный архив», т. 6 (13), стр. 174—249 (последующие цитаты взяты оттуда же). Исследователи русской экономической мысли неоднократно разбирали «Практические начала» как авторскую работу Пестеля,— ср. К. А. Пажитнов. Экономические воззрения декабристов. М., 1945 и др. В своей работе «Восстание декабристов» (М., 1947) я писала: «Существующее в литературе мнение о том, что рукопись Пестеля написана для него самого и представляет этап в эволюции его мнений, не выдерживает никакой критики» (стр. 84). Тезис о том, что «Практические начала» не являются авторской рукописью Пестеля, а представляют, вероятно, конспект лекций проф. К. Ф. Германа, был развит в дипломной работе А. Б. Роскина (МГУ, истор. фак-т, 1945). Этой же точки зрения придерживаются С. Файерштейн («Южное общество декабристов», диссертация, 1950) и Б. Е. Сыроечковский («П. Пестель и К. Ф. Герман. К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля».— «Ученые записки Моск. гос. ун-та», 1954, вып. 167, кафедра истории СССР, стр. 151—178).— ВД, т. IV, стр. 86.

К сожалению, записей лекций К. Германа, сделанных декабристами, сохранилось очень мало. Для суждения об авторстве К. Германа полезно привлечь запись его лекции, сделанную декабристом Ф. Глинкой, как отмечает последний, «без всякой обработки в слоге» (запись опубликована под заглавием «Взгляд на историю политических наук» в «Сыне отечества», ч. 44, 1818 г., от 1 марта, стр. 97—110).

[65] Там же, стр. 13—14.

[66] Разница в чинах братьев Муравьевых-Апостолов (причем в пользу младшего брата) объясняется тем, что Сергей кончил Корпус инженеров путей сообщения, а Матвей вышел оттуда, не закончив курса.

[67] В новом издании «Записок» Якушкина (1951) произведено соответствующее исправление, а непонятное слово «однопажник» отнесено в примечание. Предположе-

ние, что слово «однопажник» есть указание на Пажеский корпус, отпадает само собой, так как ни Якушкин, ни Иван Толстой Пажеского корпуса не кончали; сверх того нигде в литературе вообще нет подобного слова, отсутствует оно и в словарях эпохи. Можно предположить, что при перебелении первоначальной черновой записи (результата диктовки Якушкина) буква «к» слова «однокашник» принята при круглом очертании ее верхней части за букву «п», а «ш» принято за «ж», нередкая ошибка при чтении скорописи начала XIX в.

[68] В 1822 г. на допросах по делу о восстании Семеновского полка Вадковский говорит: «командую с честью войсками более 18 лет...». Сб. «Декабристы», Л., 1926 (Б-ка им. В. И. Ленина), стр. 228.

[69] Исследование о Священной артели опубликовано отдельно. См. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, стр. 155—188.

[70] Федор Глинка. Избранное. Подготовка текстов к печати, примечания и послесловие В. Г. Базанова. Петрозаводск, 1949, стр. 156—157.

[71] И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 65.

[72] «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского опубликованы в «Русском архиве», 1885, IX—XII; 1886, I, II, IV, V, XI. «Записки» эти приближаются по типу к дневнику. Они, собственно, и переделаны из дневниковых записей, причем записи 1812—1816 гг. переделывались автором в текст мемуарного характера в 1816—1817 гг., когда все события были еще свежи в памяти. Рукопись «Записок» носит следы большой авторской работы, испещрена поправками и главным образом многочисленными зачеркиваниями не только отдельных слов и строк, но обширных абзацев и страниц. Как правило, зачеркивание осуществлено через мелковолнистую черту, налагаемую чрезвычайно частыми изгибами на рукописный текст, что делает его очень трудным для чтения. Поправки и зачеркивания вызваны преимущественно подготовкой рукописи к печати. Рукопись «Записок» Муравьева хранится в Отделе письменных источников Гос. исторического музея в Москве (ГИМ, ОПИ). Она дает возможность восстановить некоторые дополнительные штрихи для истории Священной артели, в частности, в ней встречается эпитет артели «Священная» в зачеркнутых и изъятых для печати текстах. Так, на одной из страниц, посвященных данной организации, первоначально стояло: «Я первой оставил священное братство наше, дабы удалиться в Грузию...». Старческой рукою Н. Н. Муравьева эпитет «священное» исправлен на «дружное». ГИМ, ОПИ. Н Н. Муравьев. Собственные записки, ч. 6 (1815—1816 гг.), л. 17 (стр. 1423 в авторской нумерации).

[73] Следующие далее восемь строк рукописи до конца цитаты густо зачеркнуты; см. воспроизведение фотокопии в «Литературном наследстве», 1934, т. 16/18, стр. 329.

[74] Повидимому, именно этот пропуск Ю. Н. Тынянов и обозначил знаком вопроса после имени «Жанно Пущин». Сличение приведенного им чтения зачеркнутого текста с фотокопией текста показывает, что одна фамилия осталась непрочтенной. Судя по фотокопии, воспроизведенной в «Литературном наследстве», фамилия эта кончалась на «й» («Литературное наследство», т. 16/18, стр. 329; ср. стр. 330).

[75] Так и остается неизвестным, кто же этот участник Священной артели, имя которого Ю. Н. Тынянову не удалось прочесть. В связи с тем, что, судя по фотокопии, фамилия его кончалась на «й», надо заметить, что это не «Искрицкий», поскольку по начертанию фамилия, пожалуй, короче, а главное — содержит какую-то букву с длинным концом, вероятно, «р», расположенную несколько ближе к концу фамилии, нежели у Искрицкого. Первоначально я предполагала на основе письма А. С. Шишкова, что стихи о Священной артели принадлежат сосланному поэту Мещевскому. В настоящее время А. Ю. Вейсом и Н. А. Роскиной найден текст этих стихов с подписью П. Колошина. Повидимому, последний и является автором стихов, но, предлагая их к печати, он заменил свою подпись в целях конспирации фамилией уже умершего поэта, которому не могли угрожать неприятности по цензуре (см. «Литературное наследство», т. 60, печатается).

[76] «Семеновское дело». Сб. «Декабристы», изд. «Прибой», Л., 1926, стр. 164. Отметим ошибку «Алфавита декабристов», указывающего, что в Муромском полку служило лишь двое Рачинских; там же, стр. 154, 164, 168, 186, 187; там же, стр. 183. Ср. ЦГИА, ф. 48, оп. 1, дело Бестужева-Рюмина № 396, лл. 151 об.— 152. ВД, т. VIII («Алфавит»), стр. 162, 385—386.

[77] А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 241.

[78] «Русский архив», 1885, № 9, стр. 48, Во время Бородинской битвы хлеб на поле еще не был убран, и зерно осыпалось. «Русский архив», 1885, XI, стр. 338.

[79] «Русский архив», 1885, IX, стр. 20, 21 (ноги были покрыты цынготными язвами); № 11, стр. 389—390.

[80] «Записки Н. Н. Муравьева».— «Русский архив», 1886, № 2, стр. 125, 128, 131—132.

[81] Там же, стр. 132. Михаил Муравьев лечился на Кавказе от раны, полученной в 1812 г. при Бородине.

[82] «Русский архив», 1886, II, стр. 142. О позднейшей замене в данном случае слова «священная» словом «дружная» уже говорилось выше (см. прим. 72).— ВД, т. III, стр 31.

[83] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 6 — 6 об.; там же, ср. дело Павла Колошина. Заметим, кстати, что в числе учителей Павла Колошина встречается еще один лицейский преподаватель — Н. Ф. Кошанский.

[84] ВД, т. I, стр. 322, ср. т. IV, стр. 91.

[85] А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин, 1870, стр. 265—267. Благодарю И. Н. Розанова, обратившего мое внимание на этот текст. В письме А. С. Шишкова к Александру I по поводу госнеровской истории содержатся разъяренные тирады против «буйного духа времени», признаки которого становятся «день ото дня явнее». Вспоминая при этом свою цензорскую деятельность, Шишков рассказывает императору, как удалось ему однажды в 1817 г. не допустить до печати одно явно крамольное стихотворение поэта Мещевского (вероятно, именем сосланного поэта Мещевского подписался П. Колошин — автор стихотворения. См. выше примеч. 75). Это замечательное стихотворение, повидимому, приведено Шишковым не полностью,— он предваряет приведенные выше строки словами: «В стихах сих между прочим говорится следующее...». Иначе говоря, в них содержалось и еще нечто, им опущенное. Комментарий Шишкова полон ярости: «Не явно ли стихи сии заключают в себе воззвание к возмущению? Ибо что может быть яснее сих слов: друзья, артельщики!». Слова «артельщики» нет в цитированном выше тексте стихов, но оно явно приведено на правах цитаты, с подчеркиванием, т. е., очевидно, было в тексте, опущенном Шишковым. «Какая цель? Для чего скрыта? — бушует далее Шишков.— О каком щастии отчизны старается какая-то неизвестная, тайная высоких чувств артель?..» Спрашивая себя, о какой артели может идти речь, обратим внимание, что идейных, политического значения «артелей» в те годы мы знаем только две: артель Семеновского полка, закрытую в 1815 г. по царскому приказу, и Священную артель, о которой сейчас идет речь и которая существовала, как мы увидим ниже, до 1817 г. Все содержание стихотворения говорит о том, что воспоминание об артели, с которой автор разлучен, еще чрезвычайно свежо в его памяти. Едва ли в таких живых словах непосредственных, недавних переживаний отразил бы автор память об артели, которая прекратила свое существование уже два года тому назад. Кроме того, речь идет, повидимому, отнюдь не о распавшемся содружестве, не восстановимом как целое, а о чем-то живом, действующем, с чем автор разлучен: офицеры-однополчане Семеновского полка не могли бы так вспоминать о своей артели. К упомянутым в стихотворении признакам более всего подходит Священная артель.

[86] «Литературное наследство», т. 16/18, стр. 631.

[87] Ф. 244, оп. 25, д. 120. На эту книгу обратил мое внимание М. А. Цявловский. Он же указал мне на упоминание в этой книге фамилии Пестеля.

[88] ВД, т. I, стр. 305; И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 15.

[89] «Красный архив», т. XIII, стр. 160.

[90] «Русская старина», 1887, № 7, стр. 228. Ср. М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908.

[91] Т. Соколовская. Русское масонство и его значение в истории общественного движения, стр. 46 и 51.

[92] Князь М. П. Баратаев был арестован по другому поводу — по показанию бывшего секретаря великой ложи «Астреи» Рейнеке, который утверждал, что видел у Баратаева документы карбонаров и был приглашаем в их организацию (донос не подтвердился, и М. П. Баратаев был освобожден из-под ареста). Данных о близости М. П. Баратаева с Н. Тургеневым не имеется. В архиве следствия о декабристах хранится большое собрание бумаг князя Баратаева, также не содержащее данных о связи с «Орденом русских рыцарей». М. К. Азадовский, возражая Ю. М. Лотману, справедливо указал на то, что рукопись «Краткие наставления Р. Р.», включенные в тетрадь «Сочинения и мысли Максима Невзорова» (Б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. III, 73), не могут быть отождествлены с «Краткими наставлениями», изданными М. Дмитриевым-Мамоновым в 25 экземплярах; рукопись не совпадает с теми фактическими данными об изданной брошюре, которые зафиксированы в письмах Дмитриева-Мамонова, в ней нет цитируемого выражения «кандалы Катона», нет «прибавлений», отсутствует посвящение в стихах, нет исправленных Мамоновым «степеней» и др. См. М. К. Азадовский. Указ. соч.— «Литературное наследство», т. 59, стр. 610—611. Однако Ю. Лотман, на мой взгляд, прав, вводя «Краткие наставления» в документальный круг «Ордена русских рыцарей», хотя основной его вывод — отождествление публикуемого им текста с «Краткими наставлениями», опубликованными Дмитриевым-Мамоновым в 25 экземплярах, явно неправилен. Можно выдвинуть другое предположение: не мог ли старый знакомый М. Дмитриева-Мамонова и брат его по масонским связям Максим Иванович Невзоров сам быть как-то связан с «Орденом русских рыцарей»? Невзоров, соединенный близкой дружбой с новиковским кружком, человек политически заподозренный, в свое время побывавший и в тюрьме и в лапах Шешковского, в интересующее нас время уже немолодой (в 1814 г. ему свыше 50 лет), принадлежал к московским мартинистам, привлекался в свое время к

их процессу, связан с Московским университетом; М. Дмитриев-Мамонов, в свою очередь близкий к московским мартинистам, хорошо знал Невзорова и сохранил с ним связи в интересующее нас время. Так, он печатал свои произведения в издававшемся Невзоровым в 1805—1815 гг. журнале «Друг юношества». Не мог ли Невзоров написать проект «Кратких наставлений Р[усскому] р[ыцарю],— проект, позже, очевидно, не принятый полностью при дальнейшей работе М. Дмитриева-Мамонова и М. Орлова над «Краткими наставлениями»? Мое предположение исходит из авторства Невзорова, утверждаемого в исходной рукописи, которое я не могу пока без достаточных доводов отнести к простой ошибке переписчика. Ю. М. Лотман в сущности обошел вопрос о возможном авторстве Невзорова и связях его с Мамоновым. Мне не представляются убедительными сделанные Ю. М. Лотманом сопоставления разбираемого текста «Кратких наставлений» с цитатами из «Друга юношества» (Ю. Лотман. Указ. соч., стр. 144). Утверждение о богобоязненности и благочестии древних греков и отрицание тираноборческого пафоса «Разбойников» Шиллера — еще недостаточные доводы в пользу отрицания авторства Невзорова, обладателя обширного литературного наследия.

[93] ЦГИА, ф. 48, д. 15 («Дело о отобранных бумагах у графа Дмитриева-Мамонова, касающихся до масонских лож. Тут же шифр для тайной переписки и проект республиканской конституции». На 81 листе). «Пункты преподаваемого во внутреннем (условный знак «Ордена») учении» — на лл. 51 об.— 54; «Краткий опыт» — на лл. 73—84; N. Tourgueneff. La Russie et les Russes, v. I, p. 162; «Записки кн. Трубецкого», М., 1906, стр. 34. Ср. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, стр. 407—410.

[94] М. Дмитриев-Мамонов дважды утверждал это в своем французском письме, где дана характеристика выходившей в тот момент из печати агитационной работы общества «Краткие наставления Р[усскому] Р[ыцарю]» (брошюра в 25 экз., изданная Всеволожским в типографии Медико-хирургической академии; брошюра эта до нас не дошла). Мамонов пишет: «Таким образом общество, существующее только в идее, возвещается уже путем печати». И далее: «...Разве эта книжка не исходит из среды О[рдена], общества, которое само существует только в идее» (В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909, стр. 400—401).

[95] ЦГИА, ф. 48, д. 15, л. 10.

[96] Там же, д. 83; «Красный архив», т. XIII, стр. 156 и отношение Голицына в д. 15 (ЦГИА, ф. 48).

К главе IV

[1] Например, В. И. Семевский в работе «Михаил Александрович Фон-Визин. Биографический очерк» в издании «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, СПб., 1905; Н. М. Дружинин в работе «Декабрист Никита Муравьев», «Историко-революционная б-ка», № 1—2 (М., 1933) и в работе «Масонские знаки П. И. Пестеля» («Музей революции СССР», второй сборник статей, М., 1929, стр. 12—47). Из авторов последних работ обобщающего характера, посвященных движению декабристов в целом, на вопросе о Союзе Спасения попутно остановился A. Mazour в книге «The first Russian Revolution, 1825», California, 1937.

[2] ВД, т. III, стр. 16, 54, 55; т. I, стр. 305; ср. И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 15—16.

[3] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 15—16.

[4] Младший брат на один чин обогнал старшего потому, что Матвей поступил на военную службу в 1811 г., не кончив Корпуса инженеров путей сообщения, где учился вместе с братом; Сергей же кончил корпус и поступил в гвардию в чине прапорщика в том же 1811 г. Матвей Муравьев-Апостол подтверждает, что вступил в тайное общество в феврале (ВД, т. IX, стр. 198). Заметим, что в конце февраля 1816 г. Сергей Муравьев-Апостол находился в Москве, имеется его письмо к Батюшкову от 22 февраля 1816 г. из Москвы.

[5] ВД, т. I, стр. 23.

[6] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 16.

[7] Там же.

[8] С. Трубецкой. Записки, СПб., 1906, стр. 12.

[9] ВД, т. I, стр. 9. Важно, что Александр Муравьев на следствии не оспорил даты С. Трубецкого, о которой был осведомлен (см. ВД, т. III, стр. 16).

[10] Там же, т. I, стр. 9, 30, 42, 298; т. IV, стр. 273.

[11] Там же, т. III, стр. 115, 121, 124.

[12] Там же, стр. 93; т. IV, стр. 113 (показание Пестеля); т. IX, стр. 271. Ср. П. Е. Щеголев. Декабрист кн. Ф. П. Шаховской.— «Былое», 1907, VIII, стр. 274—289, а также П. Е. Щеголев. Исторические этюды. СПб., 1913, стр. 365—393.

[13] В 1817—1818 гг. М. Н. Новиков уже значится отсутствующим в петербургской ложе «Избранного Михаила» (см. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1906, стр. 290, 297). Матвей Муравьев-Апостол утверждает, что М. Н. Новиков был принят в Москве. ВД, т. IX, стр. 189.

[14] В «Алфавите декабристов» (ВД, т. VIII, стр. 304) Ф. Глинка указан состоящим не в Апшеронском, а л.-гв. Измайловском полку (ср. дело Глинки — ЦГИА, ф. 48, д. 82, л. 67 об.). М. Муравьев-Апостол подтверждает, что Глинка был принят Новиковым (см. дело Матвея Муравьева-Апостола — ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 125 об.). ЦГИА, ф. 48, д. 82, лл. 14—15 об.

[15] ВД, т. IV, стр. 100.

[16] Там же. С. Трубецкой в «Записках» (стр. 12) также упоминает Ф. Глинку в числе старых членов Союза Спасения.

[17] ВД, т. III, стр. 126.

[18] Там же, т. IV, стр. 179.

[19] Там же, т. I, стр. 320—321.

[20] Н. К. Шильдер. Император Александр I. СПб., 1901, т. IV, стр. 48, 58, 67.

[21] ЦГИА, ф. 48, д. 231, л. 7; ср. л. 1 об. Иван Шипов был привлечен к дознанию и дал собственноручные показания,— упоминаю об этом, поскольку в литературе были выражены сомнения по этому поводу (см. Ю. Г. Оксман, предисловие к воспоминаниям П. А. Катенина о Пушкине.— «Литературное наследство», 1934, № 16/18, стр. 624); «Русский архив», 1878, т. II, стр. 153. Соображения В И. Семевского о дате вступления И. Шипова в общество совершенно правильны (см. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 369—370); С. Трубецкой. Записки, стр. 12; ВД, т. I, стр. 9, 30; ЦГИА, ф. 48, д. 397, лл. 62, 96; д. 230, л. 1 об. Упоминает Сергея Шипова как члена первого тайного общества и брат Никиты Муравьева А. М. Муравьев в своих «Записках»; его свидетельство также надо принять во внимание, так как его данные, несомненно, восходят к одному из старейших членов, инициаторов Союза Спасения — Никите Муравьеву; С. Шипов. Воспоминания, цит. изд., стр. 147 и 148.

[22] ВД, т. I, стр. 9; ЦГИА, ф. 48, д. 230, л. 1—1 об.

[23] ЦГИА, ф. 48, д. 224, л. 3; Рукописный отдел Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина, Шах. (II 18, 13б), л. 8 об.; ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 96; ВД, т. III, стр. 55.

[24] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 13, 15; И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 65; ВД, т. IV, стр. 105; т. I, стр. 9; «Декабристы и их время», т. I, стр. 44.

[25] ЦГИА, ф. 48, д. 230, лл. 1, 9; д. 82, лл. 17, 60; д. 95 л. 6 об.; д. 65, л. 2 об.

[26] Там же, д. 82, л. 16.

[27] ВД, т. I, стр. 9; т. III, стр. 8, 48; ЦГИА, ф. 48, д. 83, л. 12; «Общественные движения в России в первую половину XIX в.». СПб., 1905, стр. 5, 183 и др.; С. Шипов. Воспоминания, стр. 153.

[28] ВД, т. I, стр. 25; т. III, стр. 14, 20, 35; т. IV, стр. 45; т. IX, стр. 271. Первоначальный замысел Александра Муравьева — «чтобы общество, которое он составил, действовало через масонскую ложу» — подробно исследован в работе Н. М. Дружинина «Масонские знаки П. И. Пестеля» («Музей революции СССР», второй сборник статей, М., 1929, стр. 12—47). Тут разобран вопрос об инсталляции ложи «Трех добродетелей» и о «завоевании» ее декабристами.

[29] Н. М. Дружинин. Масонские знаки П. И. Пестеля, стр. 23.

[30] ВД, т. IX, стр. 271.

[31] Там же, т. IV, стр. 80, 101, 154 (ответ на второй вопрос).

[32] Там же, т. I, стр. 6 (подчеркнуто здесь, как и во всех последующих цитатах данного абзаца, мчою.— *М. Н.*); т. III, стр. 6 (ср. стр. 18), 42; ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 1; ВД, т. III, стр. 116, 117; т. IV, стр. 273 (ср. стр. 274 и 256); ЦГИА, ф. 48, д. 397, лл. 62, 64; ВД, т. I, стр. 305. Шипов подчеркивает, что в Союзе Спасения еще не было республиканской цели (ЦГИА, ф. 48, д. 231, л. 2). Подлинный текст записки Грибовского опубликован Ю. Г. Оксманом в сб. «Декабристы». Отрывки из источников. М.— Л., 1926, стр. 110. Никита Муравьев. Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г.— «Полярная звезда», 1859, кн. V, стр. 53—73.

[33] ВД, т. I, стр. 320; т. IV, стр. 159, 179, 187; т. III, стр. 126; т. IV, стр. 159, 179.

[34] Это приходится подчеркивать потому, что в литературе Союз Спасения не раз характеризовали как организацию, якобы имевшую цель устроить дворцовый переворот; такая характеристика не соответствует действительности.

[35] ВД, т. I, стр. 23—24.

[36] Там же, т. IV, стр. 113 (ср. стр. 154).

[37] С. Трубецкой. Записки, стр. 12.

[38] ВД, т. 1, стр. 24; т. IV, стр. 299, 305; ср. сводку Боровкова (ВД, т. IV, стр. 216) и «Донесение» Следственной комиссии.

[39] Там же, т. IV, стр. 100.

[40] Там же, т. I, стр. 25; т. III, стр. 49; т. IV, стр. 154 (ср. стр. 139).

[41] ЦГИА, ф. 48, д. 83, л. 17. «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском», СПб., 1814, стр. 23; А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. I, М.— Л., 1938, стр. 215; Бумаги, собранные Щукиным, т. V, стр. 3.

[42] ВД, т. I, стр. 24; т. III, стр. 49.

[43] Там же, т. III, стр. 49, 71—72; т. IV, стр. 154.

[44] Там же, т. IV, стр. 90, 154; Schiemann. Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I. S. 165.
[45] ВД, т. III, стр. 49.
[46] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19; ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 1 об.
[47] ВД, т. I, стр. 9, 24.
[48] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19.
[49] ВД, т. III, стр. 49; ЦГИА, ф. 48, д. 385, л. 17 об. (Оболенский делает оговорку: «разве если долго живет в России»).
[50] ВД, т. I, стр. 9, 24, 304 (ср. «Записки» С. Трубецкого, стр. 12); т. III, стр. 100, т. IV, стр. 274.
[51] Там же, т. IV, стр. 49 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*).
[52] ВД, т. I, стр. 231 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*).
[53] Там же, стр. 24, 305. И. Д. Якушкина, как одного из учредителей, сразу приняли в «боляре» (там же, стр. 305); ВД, т. III, стр. 24.
[54] Там же, т. III, стр. 12 и 16 (термин «дума» см. у Трубецкого — ВД, т. I, стр. 9; ср. стр. 24), стр. 17—18; т. I, стр. 305.
[55] Там же, т. III, стр. 18, 49.
[56] Там же, т. I, стр. 306.
[57] Там же, стр. 299; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 17.
[58] ВД, т. I, стр. 17, 305.
[59] Там же, стр. 24; ЦГИА, ф. 48, д. 83.
[60] Д. А. Кропотов. Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874, стр. 201—202.
[61] ВД, т. I, стр. 149; т. IV, стр. 168.
[62] Там же, т. I, стр. 24—25.
[63] Там же, стр. 40, 299. Показание Пестеля о Митавской «отрасли» до сих пор не привлекало внимания исследователей, повидимому, потому, что по случайным причинам оно оказалось совсем в другом деле, не соответствовавшем по заглавию данному вопросу: оно находится в деле № 6 «О существовании (мнимого) тайного общества в отдельном Кавказском корпусе» (ЦГИА, ф. 48, д. 6, л. 1—1 об.). ВД, т. IV, стр. 101.
[64] Ниже в тех случаях, где возможно, пункты устава излагаются приблизительно теми словами, какими декабристы передавали их содержание, вспоминая о них. Однако отсюда не следует, что попытка реставрировать содержание устава претендует на реставрацию и его стиля.
[65] С. Трубецкой. Записки, стр. 13; ВД, т. I, стр. 24.
[66] ВД, т. I, стр. 305.
[67] ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 1; ВД, т. I, стр. 305.
[68] ВД, т. IV, стр. 100.
[69] Там же, т. I, стр. 305—306; т. III, стр. 12 (ср. стр. 16). См. также «Записку» М. Орлова о тайном обществе — «Красный архив», т. XIII, стр. 160. ВД, т. IV, стр. 113 (ср. стр. 81, 91, 101).
[70] ВД, т. IV, стр. 100 (ср. т. I, стр. 305); т. III, стр. 55; т. II, стр. 232 и др. (ср. ЦГИА, ф. 48, д. 95, л. 3).
[71] И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 65; М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, стр. 132—133; ВД, т. II, стр. 206; т. VIII, стр. 292; ЦГИА, ф. 48, д. 240, л. 4.
[72] ВД, т. I, стр. 252. Признание Оболенского в том, что его принял И. Г. Бурцов, находится в мало известном исследователям деле № 244, носящем название: «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленникам общества» (ЦГИА, ф. 48, д. 244).
[73] 3 октября 1816 г. И. Д. Якушкин пишет И. Щербатову, что уже две недели тому назад прибыл в полк. ВД, т. III, стр. 40; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 16—17.
[74] ЦГИА, ф. 48, д. 65, лл. 2 об., 4 об., 5, 14 и др. В 1821 г. Павел Колошин еще находился на военной службе (см. ЦГИА, ф. 48, д. 65, л. 2). Мне представляется, что Никита Муравьев спутал Петра Колошина с его братом Павлом в своем показании следствию от 5 января 1826 г. (ВД, т. I, стр. 306), где говорится, что Александр Муравьев «велел приобрести обществу брата своего Михаила и Петра Колошина», поскольку Петр Колошин, по его собственному признанию, вступил в общество в 1816 г. (ср. ЦГИА, ф. 48, д. 224, л. 3). О своей тетке «графине Толстой» Павел Колошин говорит на следствии (ЦГИА, ф. 48, д. 65, лл. 5 об., 7 и др.).
[75] ВД, т. IV, стр. 100; т. I, стр. 306; ЦГИА, ф. 48, д. 189, л. 9, ВД, т. I, стр. 306; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 18. Судя по служебному формуляру Михаила Муравьева, 7 марта 1816 г. он был произведен в поручики Гвардейского генерального штаба, а 26 ноября 1817 г.— в штабс-капитаны (ЦГИА, ф. 48, д. 189, лл. 21—22).
[76] См. ЦГИА, ф. 48, д. 244; ВД, т. I, стр. 9, 29; ЦГИА, ф. 48, д. 244, лл. 43, 63, 64—64 об.
[77] Катенин не был арестован, и личное его дело вообще не было заведено при следствии (иногда личные дела возникали, хотя данное лицо и не привлекалось к

допросу: они составлялись из показаний других подследственных о данном лице, но в случае Катенина и этого не было). ВД, т. III, стр. 55. Об участии Катенина в походе гвардии в Москву 1817 г. точно свидетельствуют его записки о Пушкине («Литературное наследство», т. 16/18, стр. 635). ВД, т. VIII, стр. 91; В. Д. Чичерин, С. Долгов, А. Афанасьев. История лейб-гвардии Преображенского полка, т. IV, стр. 106. О принятии Катенина Шиповым см. комментарий Ю. Г. Оксмана к «Запискам» П. А. Катенина о Пушкине в «Литературном наследстве», т. 16/18, стр. 619—634, особенно стр. 624. «Бывают ли у нас Катенин, Гнедич, Крылов?»,— спрашивает Никита Муравьев в письме к матери из-за границы от 7 мая 1815 г. (там же, стр. 631).

[78] ЦГИА, ф. 48, д. 493, лл. 22 об., 24 об.

[79] Там же, д. 244, лл. 43 об. и 60. Обращает на себя внимание тот факт, что Николай Тургенев не являлся членом Союза Спасения (ср. показания Шипова, ЦГИА, ф. 48, д. 231, л. 2). Полагаю, что его враждебное отношение к Пестелю должно было сыграть роль в этом вопросе (показание Ф. Глинки, ЦГИА, ф. 48, д. 82, л. 15 об.). В годы Союза Спасения Н. Тургенев связан с «Орденом русских рыцарей».

[80] ЦГИА, ф. 48, д. 6, л. 1—1 об.; ВД, т. I, стр. 299; ЦГИА, ф. 48, д. 6, л. 1—1 об. В «Алфавите декабристов» фамилия Петрулина вообще отсутствует, о прочих же троих даются весьма смутные сведения.

[81] В порядке итога даю краткое перечисление членов основного состава Союза Спасения (Общества истинных и верных сынов отечества) примерно в той последовательности, в какой они вошли в общество: шестерка учредителей: А. Н. Муравьев, С. Трубецкой, Никита Муравьев, И. Д. Якушкин, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы; принятые члены: М. С. Луиин, М. Н. Новиков, Ф. П. Шаховской, Ф. Н. Глинка, П. И. Пестель, Иван и Сергей Шиповы, Илья Долгоруков, Петр Колошин, П. П. Лопухин, П. А. Катенин, В. И. Пестель, И. Г. Бурцов, Мих. Муравьев, Павел Колошин, И. И. Пущин, В. Д. Вольховский, Е. П. Оболенский, М. А. Фонвизин, Артамон Муравьев; митавский филиал Пестеля: Петрулин, А. А. Авенариус, И. М. Тимченко, Ф. М. Свободской.

[82] ВД, т. I, стр. 299, 306; т. III, стр. 58.

[83] Там же, стр. 306; т. III, стр. 49.

[84] Свидетельство Ф. Вигеля об обстоятельствах написания пушкинской оды «Вольность» справедливо принимается как достоверное. Одновременно в пушкинской литературе твердо принята обоснованная датировка оды «Вольность» послелицейским периодом 1817 г. Если так, то ода «Вольность» могла быть написана лишь между окончанием лицея (9 июня 1817 г.) и отъездом Пушкина в деревню (8—10 июля 1817 г.) или же после приезда из деревни (конец августа 1817 г.). Веря Вигелю, надо предпочесть те месяцы, когда в Петербурге можно писать у «открытого окна», т. е. летние дни или раннюю осень. М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (М., 1951, стр. 145) датирует оду «Вольность» декабрем 1817 г.

[85] Н. П. Чулков. Москва и декабристы.— Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 297; ВД, т. I, стр. 306 (свидетельство Никиты Муравьева); т. III, стр. 55, 56, 72, 94, 98.

Сопоставление свидетельства Якушкина в «Записках» с разнообразными показаниями на следствии устанавливает интересный факт: предположительное решение о цареубийстве и предстоящем выступлении было немедленно сообщено С. Трубецкому, «вследствие сего он был призван в Москву». Пестелю, не присутствовавшему по обстоятельствам службы на московских совещаниях 1817 г., было известно из рассказов других членов, что Трубецкой «в этот же день» испросил отпуск и поехал в Москву. ВД, т. I, стр. 306; т. IV, стр. 112, 154. О Трубецком как участнике московских совещаний упоминает в своих показаниях и Ф. Шаховской (ВД, т. III, стр. 94). О встречах Никиты Муравьева с П. А. Катениным в конце 1817 г. в Москве имеется упоминание в переписке Н. Муравьева с матерью (письмо от 12 ноября 1817 г., см. вступительную статью Ю. Г. Оксмана к воспоминаниям П. А. Катенина о Пушкине, «Литературное наследство», т. 16/18, стр. 622).

[86] Ср. Н. К. Шильдер. Указ. соч., т. III, стр. 352, 354, 356 и др. Имеется особая «Записка» Н. М. Карамзина, адресованная Александру I, «по поводу предложенного государем восстановления Польши в ее целом» («Архив б-ки Зимнего дворца», № 1290). В январе 1819 г. об этом плане императора сообщали и гамбургские газеты, что нашло отражение в дневнике декабриста Николая Тургенева (Н. Тургенев. Дневник, т. III, стр. 186); ВД, т. I, стр. 52; т. III, стр. 103—106; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22. Вопрос о «московском заговоре» 1817 г. многократно освещен в показаниях на следствии (см. ВД, т. III, стр. 42, 52—53, 56, 73, 102—107, 118, 122, 125—126; т. IV, стр. 82—83, 155 и др.). Важно свидетельство И. Д. Якушкиia (см. его «Записки», стр. 22—24). ВД, т. III, стр. 104 и др.

[87] ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 96 (ср. л. 67); ВД, т. I, стр. 49—50; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 235 (Лопухина), л. 6; ср. лл. 1—2 об. и «Записки» С. Трубецкого, стр. 18—19; ВД, т. III, стр. 19; т. IV, стр. 112 (ответ Пестеля на 25-й вопрос), 154, 256—257; Н. К. Шильдер. Указ. соч., т. III, стр. 352, 354, 356.

[88] ВД, т. III, стр. 90, 125, 126; т. IV, стр. 112.

[89] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22—24; ср. дело Якушкина; ср. ВД, т. III, стр. 27—30, 35, 73, 125—126; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 397 (Матвея Муравьева), л. 118. Фонвизин свидетельствует, что на цареубийство согласились: Александр Муравьев, сам Фонвизин, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Якушкин, Шаховской и, «кажется», Никита Муравьев.

[90] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 22—23.

[91] «Московские ведомости» за 1817 г. № 79 от 3 октября.

[92] ВД, т. I, стр. 306 (ср. т. IV, стр. 112, 154); И. Д. Якушкин. Записки, стр. 23, 83.

[93] И. Д. Якушкин, Записки, стр. 24. В силу изложенного выше никак нельзя согласиться с мнением Ю. Г. Оксмана о том, что Союз Спасения якобы делал ставку на «дворцовый переворот» («Литературное наследство», т. 16/18, стр. 622).

[94] ВД, т. IV, стр. 256; ср. 277 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*).

[95] Там же, т. I, стр. 25.

[96] Не причастен ли к этому доносу Н. Комаров, служивший в той же квартирмейстерской части, к которой принадлежал и Александр Муравьев? «Московский заговор» 1817 г. имел место именно на квартире Александра Муравьева в Хамовнических казармах, где стояла пришедшая из Петербурга гвардия. Собирая дополнительные сведения о Комарове, приходится обратить внимание на некоторые необыкновенные особенности его биографии: после восстания 14 декабря и лавины арестов Комарова вытребовали на допрос «не арестованным», это подчеркнуто в данных о нем на следствии. Затем — явно для вида — 13 февраля 1826 г. Комарова сажают в Петропавловскую крепость с царской запиской «присылаемого Комарова посадить по усмотрению и содержать хорошо», в то время как уже 11 февраля (т. е. за два дня до этого!) особая комиссия освободила Комарова от следствия «с аттестатом»! В силу этого необходимо спросить, какие же «услуги» царскому правительству мог оказать Комаров, очевидно, еще до Московского съезда 1821 г., поскольку сведения об этих «услугах» уже дошли до декабристов ранее съезда? Точным ответом на этот вопрос мы не располагаем, но ясно, что надо искать доносов на тайное общество ранее конца 1820 — начала 1821 г. На «помощь» тут и приходит упомянутое в тексте свидетельство Николая I («Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов...», стр. 41). Привлекает внимание и какая-то связь предателя А. Майбороды с Комаровым.— Майборода перечисляет в своем доносе лиц, которые, по его мнению, «не откажутся дать сведения» о тайном обществе, и в скобках замечает: «в особенности подполковник Комаров» (ВД, т. IV, стр. 9).

[97] ВД, т. III, стр. 49; т. IV, стр. 101. Ср. «Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине». Вступит. статья и примеч. Ю. Г. Оксмана.— «Литературное наследство», т. 16/18, стр. 619—656; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951, 50—54 и др.

[98] ВД, т. III, стр. 55; ср. т. I, стр. 307. И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19—20; ЦГИА, ф. 48, д. 248 (Василия Перовского).

[99] Н. Муравьев. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова. — «Сын отечества», 1816, ч. 34, № 16, стр. 9; Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 255—258.

[100] Ф. Глинка. Краткое начертание «Военного журнала». СПб., 1816, стр. 10; Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 259.

[101] Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная статья, ред. и примеч. М. С. Боровковой-Майковой. Пред. Д. Благого. Л., 1933, стр. 233—234; Н. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.— Л., 1936, стр. 233.

[102] Нельзя согласиться с М. К. Азадовским, что Блудов вел протокол того состоявшегося у него на квартире заседания «Арзамаса», которое было посвящено вопросу о журнале; М. К. Азадовский аргументирует строками стихотворного отчета В. А. Жуковского («Одна лишь Кассандра (т. е. Д. Н. Блудов.— *М. Н.*) тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом, ушки сжавши и рыльце подняв к милосердному небу, в креслах сидела»). Но весь контекст стихотворного отчета свидетельствует, что в этом случае Блудов держит в руках составленный им протокол предшествующего заседания, который обычно слушался в начале собрания; протокол же 20-го заседания, посвященного характеру и структуре журнала, вел именно В. А. Жуковский,— это и есть его стихотворный отчет, о котором, кстати, и упомянуто в его же тексте («Светлана» (т. е. В. А. Жуковский.— *М. Н.*) бегала взад и вперед с протоколом...»). В. А. Жуковский протоколировал 20-е заседание «Арзамаса», состоявшееся в саду Уварова, в павильоне Штейна. С рядом других соображений М. К. Азадовского можно согласиться, в частности с необходимостью учитывать показание Ф. Вигеля, а не отвергать его в целом.

[103] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 96, ср. 375; М. Боровкова-Майкова. Протоколы литературного общества «Арзамас» (печ. отт., Л., 1926); В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 128; «История русской литературы» (АН СССР), т. V, М.— Л.,

1941, стр. 337. Проникла эта дифференциация и в аристократический «английский клоб», членом которого были Николай Тургенев и ряд других членов Союза Благоденствия. «Вольные» речи звучали и тут, стычки староверов с новаторами происходили и здесь. Достойно внимания, что и Чацкий и Фамусов по «Горю от ума» — члены английского клуба; следовательно, столкновение их должно было иметь место не только в гостиной Фамусова. Заметим кстати, что вопрос о принятии в члены клуба некоего реального Чацкого (и отклонение его кандидатуры) именно в те времена стоял однажды на повестке дня клуба (М. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 232 и др.).

К главе V

[1] А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I, СПб., 1885; ср. А. Н. Пыпин. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1917, стр. 149; Г. А. Куклин. Материалы по истории революционного движения в России. Женева, 1905; «Законоположение Союза Благоденствия», IV прилож. к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», стр. 175—196 (в дальнейшем цитируется: «Законоположение Союза Благоденствия»).

[2] Ср. М. Н. Покровский. Декабристы (использую рукописное замечание Покровского на статью для «Малой советской энциклопедии»). Вообще М. Н. Покровский считал Союз Благоденствия «пестрой кучей болтающих интеллигентов» и приходил к выводу, что является большой ошибкой «смешивать Союз Благоденствия с заговором декабристов» (М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. М.— Л., 1927, стр. 34). Эта точка зрения разделялась не всеми историками, однако в литературе о декабристах стойко держалась оценка Союза Благоденствия, резко снижающая его значение. Подобная точка зрения изложена, например, в работе Н. М. Дружинина о масонских знаках П. И. Пестеля; он пишет: «Новый устав (т. е. «Зеленая книга».— *М. Н.*) ликвидировал революционное наследство «Союза истинных и верных сынов отечества» — он создавал мирное полулегальное общество, призванное содействовать правительству в сфере благотворительности, образования, правосудия и общественного хозяйства. Принцип активного революционного действия заменялся идеей широкой, но мирной пропаганды...» (Н. М. Дружинин. Масонские знаки П. И. Пестеля.— «Музей революции СССР», второй сборник статей, М., 1929, стр. 44). Та же характеристика дословно воспроизведена в работе Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», М., 1933, стр. 94. С этим определением характера Союза Благоденствия никак нельзя согласиться. Ср. С. Б. Окунь. История СССР. 1796—1825 гг. Курс лекций. Л., 1948, стр. 382—398.

[3] ВД, т. IV, стр. 91, ср. 103, 105 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*).

[4] Там же, т. I, стр. 304.

[5] Там же, стр. 307; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 421—424. В. И. Семевский первый заметил ошибку в показаниях декабристов, вместо немецкого издания «Freimüthige Blätter», указывавших «Freiwillige Blätter».

[6] ВД, т. IV, стр. 101—265; т. I, стр. 25—26, 41; т. III, стр. 72, 66, 122. Все-таки (неправильное!) отнесение Луниным своего проекта цареубийства к 1818 или 1819 г. показывает, какое у него было общее представление о характере деятельности общества того времени (ВД, т. III, стр. 126). ЦГИА, ф. 48, д. 400 (Давыдова), лл. 15, 34 об.

[7] ВД, т. I, стр. 229—230, 251; т. II, стр. 225; ЦГИА, ф. 48, д. 385 (Лаппы), лл. 4 и 14.

[8] Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы».— Декабристы и их время», т. I, М., 1927. Подлинный текст утопии «Сон» написан на французском языке (Пушкинский дом), перевод см. в публикации Б. Л. Модзалевского «К истории «Зеленой лампы»» (сборник «Декабристы и их время», т. I, стр. 53—56).

[9] «Записка Грибовского».— Сб. «Декабристы». Составил Ю. Г. Оксман, стр. 110 (ср. стр. 115), 111; ВД, т. III, стр. 50, 52—53.

[10] ЦГИА, ф. 48, д. 65, л. 18(24).

[11] Н. Муравьев. Разбор донесения следственной комиссии.— «Полярная звезда», 1859, № 5, стр. 56.

[12] ВД, т. I, стр. 299, 302, 308, 323; т. III, стр. 117—120, 123; т. IV, стр. 114, 177.

[13] ЦГИА, ф. 48, д. 87, л. 14 об.; ВД, т. IV, стр. 111; т. III, стр. 122.

[14] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 329—349.

[15] ЦГИА, ф. 48, д. 10.

[16] П. И. Пестель. Русская Правда. Изд. П. Е. Щеголева. СПб., 1906, стр. 59.

[17] Ю. Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер.— «Литературное наследство», т. 16/18, стр. 334.

[18] Это свидетельство П. Лопухина дает, между прочим, основания для утверждения о постоянном характере совещаний Союза Спасения. Свидетельство дается в под-

линном деле в записи Левашова, слова «в общем унизить и делать ничтожными» сначала зачеркнуты, затем (очевидно, по просьбе Лопухина) восстановлены Левашовым (ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 1). И. Д. Якушкин. Записки, стр. 17.

[19] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. СПб., 1886, стр. 325.

[20] ВД, т. IV, стр. 273; т. I, стр. 311—312; т. III, стр. 25.

[21] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 237.

[22] Подлинный текст «Зеленой книги» хранится в ЦГИА, ф. 48, д. 10. Он опубликован А. Н. Пыпиным (см. «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 503 и сл.). Ср. М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. М., 1906.

[23] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 509 (§ 2), 510 (§ 9), 511 (§ 13).

[24] Там же, стр. 507, 508, 521 (§ 10), 530.

[25] Там же, стр. 507, 528 (§ 60). Подчеркивания мои, кроме последнего, которое имеется в «Зеленой книге».— *М. Н.*

[26] ВД, т. III, стр. 50.

[27] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 506.

[28] Там же, стр. 522 (§ 14 и 16).

[29] Там же, стр. 521 (§ 12).

[30] Там же, стр. 522 (§ 15).

[31] Там же, стр. 507 (§ 8).

[32] Там же, стр. 508 (§ 9).

[33] Там же, стр. 525.

[34] Там же, стр. 527.

[35] Там же, стр. 528.

[36] Там же, стр. 528, § 56 и др.

[37] Там же, стр. 531 (§ 75).

[38] Там же, стр. 505, 520 (§ 70); «Записка Грибовского».— Сб. «Декабристы», стр. 110—111. А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 424; М. А. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России.—Сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I Составили: В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905, стр. 183; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 419—420; «14 декабря и император Николай I». Изд. ред. «Полярной звезды». Лондон, 1858, стр. 224. Заметим, что в д. 10 (12) «О тайных обществах и неблагонамеренных лицах 1826 г.» имеется объемистая тетрадь, где переписана «Зеленая книга» и воспроизведены на левой стороне листа «сравнительные места, выбранные из сочинений, касающихся до иллюминатского общества» (ЦГИА, ф. 48, оп. 2, д. 10 (12), лл. 1—49).

[39] «Записка Грибовского», стр. 111, 115.

[40] Там же, стр. 112. Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[41] «Декабристы и их время», т. I, М., 1927, стр. 55, 56.

[42] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 512—513 (§ 22 и 23).

[43] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 43; ВД, т. III, стр. 18; т. I, стр. 17; ЦГИА, ф. 48, д. 83 (Орлова), л. 14 об., ср. 15; Н. В. Басаргин. Записки. П., 1917, стр. XVII.

[44] ВД, т. III, стр. 25.

[45] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 511; ВД, т. III, стр. 123; т. I, стр. 231, 301.

[46] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 531; ЦГИА, ф. 48, д. 95, л. 13; ВД, т. IV, стр. 101, 274, 279; т. III, стр. 25, 72.

[47] Разница между председателем и блюстителем по Союзу Благоденствия — см. ЦГИА, ф. 48, д. 65 (Павла Колошина), л. 14 об.

[48] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 515 (§ 14).

[49] ЦГИА, ф. 48, д. 28, лл. 13—14.

[50] ВД, т. III, стр. 42—43, 49, 53, 55, 59; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 37 и сл.

[51] ЦГИА, ф. 48, д. 28. Списки разных лиц, допрошенных, содержащихся, уволенных и преданных суду на 108 листах, лл. 13—14. Список № 3, о котором идет речь, подписан флигель-адъютантом полковником Адлербергом I.

[52] Заметим, что Александр Муравьев утверждает, будто бы ни Артамон Муравьев, ни Катенин не были в Союзе Благоденствия (ВД, т. III, стр. 28).

[53] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 14.

[54] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 515 (§ 22).

[55] ВД, т. I, стр. 230, 440.

[56] ВД, т. III, стр. 21—22, 116—117, 121; Сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», стр. 187; Н. В. Басаргин. Записки, стр. 9, 16; ВД, т. III, стр. 24; т. IV, стр. 155; т. I, стр. 251—252, особенно ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 70 и др. Ср. свидетельство Грибовского о двух частях «Зеленой книги»; «Записка Грибовского», стр. 110. В Коренной совет Союза Благоденствия могли поступить лишь те, которые знали, что цель общества есть достижение представительного правления. ВД, т. I, стр. 106; т. III, стр. 18; ЦГИА, ф. 48, дело Матвея Муравьева-Апостола, № 397, л. 70.

[57] «Полярная звезда», 1859, № 5, стр. 55.

[58] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 503, 515 (§ 17), 516 (§ 29), 518 (§ 47); ВД, т. III, стр. 24; т. IV, стр. 138—139.

[59] ВД, т. III, стр. 24—27; «Записка Грибовского», стр. 110; т. I, стр. 251—253; ЦГИА, ф. 48, д. 397 (Матвея Муравьева-Апостола).

[60] ВД, т. I, стр. 85—86, 313—316; т. III, стр. 79, 80; т. IV, стр. 327.

[61] ВД, т. III, стр. 23—27; имеются сведения, что (очевидно, Тургеневы) на этот пост выдвигали Воронцова, находившегося тогда во Флоренции. «Записка Грибовского», стр. 112.

[62] ВД, т. I, стр. 311 (Никита Муравьев).

[63] Там же, т. IV, стр. 155 (Пестель).

[64] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 510, 511; ВД, т. III, стр. 49—50.

[65] Вот показание П. Лопухина: «En 1821 Nikita Mouravief m'a dit que la société que quelques personnes avaient songé à établir en 1817, s'etait dissoute avant de s'être bien formée, et qu'il avait l'intention d'en créer une autre dans le même but; c'est à dire d'assurer à la classe du peuple une existence plus indépendante ou pour mieux dire moins exposée aux abus de l'arbitraire, et finalement, avec le tems, de préparer la nation à un gouvernement moins autocrate» (ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 4).

[66] ВД, т. III, стр. 18 (Александр Муравьев); т. I, стр. 25; т. IV, стр. 274.

К главе VI

[1] ВД, т. IV, стр. 277, 327.

[2] Там же, стр. 139; т. III, стр. 26.

[3] Там же, т. III, стр. 94, 98—101; Н. П. Чулков. Москва и декабристы.— Сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 300.

[4] ВД, т. I, стр. 252—253. Данные о составе управы Бурцова и о зависимости от нее общества Измайловского полка см. ВД, т. I, стр. 252; т. III, стр. 123—124 и др., дело Оболенского — ВД, т. I, стр. 252—253; дело Павла Колошина — ЦГИА, ф. 48, д. 65, л. 17.

[5] ВД, т. I, стр. 252—253, 315—316, 250—251; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 28 (Семена Капниста), д. 76 (Миклашевского).

[6] ВД, т. I, стр. 10, 40, 50, 86; Н. П. Огарев. Моя исповедь (из фонда Русск. загр. архива в ЦГАОР). Опубликована мною в «Литературном наследстве», т. 61, стр. 659—700. П. И. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 г. Дневник П. И. Челищева. Издан под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб., 1886 (опубл. «Об-вом любителей древней письменности»).

[7] ВД, т. I, стр. 299, 307.

[8] Там же, т. IV, стр. 101, 139; ЦГИА, ф. 48, д. 28, лл. 13—14; «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 514—515.

[9] ЦГИА, ф. 48, д. 413 (Вольфа), л. 24—24 об.

[10] Там же, д. 399 (Волконского), л. 101 и сл.; ВД, т. IV, стр. 138—139.

[11] В. Базилевич. Декабрист О. П. Юшневський.« Сб. Декабристи на Україні, т. II, стр. 45; О. С. Попов. В гнізді декабристів.— «Україна», 1925, № 6, стр. 74—79; В. Нікітін. Тульчин в історії революційного руху.— «Одноразовий ювілейний часопис...» (посвящено 20-летию 1905 г. и 100-летию декабристского восстания). Тульчин, 20 грудня 1925 р.; Будинок декабриста Пестеля.— «Пролетарская правда», Київ, 1928, № 117 (2029); А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф Киселев и его время, т. IV. СПб., 1822, стр. 22.

[12] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 12 об.; д. 398 (Юшневского), л. 3; ВД, т. IV, стр. 108.

[13] «Записки Н. В. Басаргина». Ред. и вступ. статья П. Е. Щеголева. Пг., 1917, стр. 2.

[14] ВД, т. IV, стр. 108, 177. В работе М. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (М., 1906, стр. 60) два члена Тульчинской управы Союза Благоденствия — Николай Филиппович и фон Руге превратились в одно лицо — «Николая Филипповича Руге». На самом же деле было два члена общества — Николай Иванович Филиппович и Емельян Викторович фон Руге. М. С. Лунин и Н. М. Муравьев. Разбор «Донесения» Следственной комиссии.— Сб. «Записки декабристов», вып. 2—3 (Лондон, 1863), стр. 59; А. Е. Розен. Записки, стр. 426; ВД, т. I, стр. 40; т. III, стр. 124; ЦГИА, ф. 48, д. 230, л. 11 об.

[15] Кишиневский дневник. А. С. Пушкин. Соч., т. V, стр. 804 (Полное собр. соч., акад. изд.); Н. К. Кульман. К истории масонства в России. Кишиневская ложа.— ЖМНП, 1907, № 10; ср. у В. И. Семевского «Масонство в России», стр. 314 и 413. Ложа «Избранного Михаила» и кишиневская ложа «Овидий» входили в Союз «Великой ложи Астреи». «Минувшие годы», 1908, февраль, стр. 43.

[16] Письмо А. С. Пушкина к В. А. Жуковскому от второй половины января 1826 г. А. С. Пушкин. Соч., т. XIII (акад. изд.).

[17] О дате принятия М. Орлова в Союз Благоденствия см. показания Никиты Муравьева. ВД, т. I, стр. 307; т. III, стр 18.

[18] ЦГИА, ф. 48, д. 81 (Орлова), формуляр.

[19] Отчет имп. Публичной б-ки за 1896 г., СПб., 1900, стр. 192—195; И. Р. Мартос. Ланкастерское училище в Киеве.— «Киевская старина», 1897, июль-август, прилож., стр. 65—69.

[20] «Красный архив», т. XIII, стр. 161.

[21] Ф. Ф. Вигель, Записки.

[22] И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 63; С. Г. Волконский. Записки, стр. 404, 409 (упомянуты Клейн и Бухновский как члены Союза Благоденствия); Н. В. Басаргин. Записки, стр. IX; А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. Лемке, т. IX, стр. 280.

[23] Николай Тургенев. Россия и русские, т. V. М., 1915, стр. 82—83; «Записка Грибовского».— Сб. «Декабристы», стр. 113. Сведения о Барышникове переданы мне его родственниками.

[24] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 17.

[25] ЦГИА, ф. 48, д. 82.

[26] В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 112—114; «Остафьевский архив», т. I, стр. 303—304.

[27] Н. В. Басаргин. Записки, стр. 229—241.

[28] А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник. Т. I. СПб., 1904, стр. 121—128, 132.

[29] ВД, т. III, стр. 100—101.

[30] ЦГИА, ф. 48, д. 82 (Глинки). В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 18—19; С. Чернов. К истории Союза Благоденствия (из бумаг Ф. Н. Глинки).— «Каторга и ссылка», 1926, № 2 (23), стр. 120—132.

[31] ВД, т. IV, стр. 90; Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III. Пг., 1921.

[32] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 220, 222.

[33] «Законоположение Союза Благоденствия», стр. 519 (§ 57); ср. стр. 520 (§ 2).

[34] ЦГИА, ф. 48, д. 65 (Павла Колошина), л. 18.

[35] «А. А. Тучков и его дневник 1818 года».— «Вестник Европы», 1900 (VIII), стр. 685—696; Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 10—26, 32—37, 501—509.

[36] «Чтения имп. Об-ва истории и древностей российских»; 1859, кн. III; С. П. Трубецкой. Записки. СПб., 1906, стр. 17.

[37] «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4-го дня 1818 года, древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя,— от Россиянина». Длинное название воспроизводит заголовок и подпись записки Н. Г. Вяземского (не смешивать с поэтом П. А. Вяземским). Ответ «Россиянина» (Александра Муравьева) Н. Г. Вяземскому опубликован в «Чтениях имп. Об-ва истории и древностей российских», 1859, кн. III, стр. 45 (отдел «Смесь»). Слова «патриархальное правление» в первой из приведенных цитат в подлиннике подчеркнуты, что обычно несло в то время функцию современных кавычек (в нашей цитации применены последние).

[38] Там же, стр. 48. В публикации «Чтений» допущена ошибка: «расположении имуществом и особою крестьянина» вместо «распоряжении...».

[39] «Записки кн. С. П. Трубецкого». СПб., 1906, стр. 17—18; В. Г. Короленко. Легенда о царе и декабристе.—«Русское богатство», 1911 (II), стр. 113—140; С. Штрайх. Кающийся декабрист.—«Красная новь», 1925, № 10, стр. 143—169; «Записка А. Н. Муравьева», см. «Чтения Об-ва истории и древностей российских», 1859, кн. III, стр. 43—50.

[40] В. И. Семевский. Н. И. Тургенев о крестьянском вопросе в царствование Александра I.—«Вестник Европы», 1909, № 2.

[41] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 164; ср. 219, 222; «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии». Под ред. Н. Дубровина. Вып. 4, СПб., 1891, отд. III; «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России. Записка статского советника Ник. Тургенева. 1819 года», стр. 441—460; Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 209, 222, 224.

[42] «Русская старина», 1871, III, стр. 366; ср. «Полярная звезда», 1862, кн. 7, вып. 2, стр. 57; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII и начале XIX в., т. II. СПб., 1883, стр. 444—446. В. Базанов справедливо опроверг предположение Н. К. Кульмана, что Каразин будто бы не подписывал записки Н. Тургенева (В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 194).

[43] М. И. Жихарев. Петр Яковлевич Чаадаев (Из воспоминаний современника).— «Вестник Европы», 1871, VII, стр. 196.

[44] «Красный архив», т. XIII, стр. 25—26; «К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным». Сообщил Н. Лавров.—«Красный архив», т. XIII (1926), стр. 250—257 (подлинное дело — ЦГИАЛ, ф. Мин. внутр. дел, д. 203, 1819 г.).

[45] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 40, 6 (предисл.).

[46] Там же, стр. 43—44.

[47] Архив гр. Мордвиновых, т. VI, стр. 255—260. Завещание Лунина (в числе свидетелей был Никита Муравьев) сводилось к безземельному освобождению крестьян.

Н. А. Мурзанов. К биографии декабриста М. С. Лунина.— «Русская старина», 1914, кн. III, стр. 606—618; Сб. «Крестьянский строй», т. I, стр. 215—217.

48 ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова); И. Д. Якушкин. Записки, стр. 57—61.

49 Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы».— Сб. «Декабристы и их время», т. I, стр. 11—61. П. Е. Щеголев в своем исследовании, посвященном «Зеленой лампе», определял ее как «вольное общество» Союза Благоденствия. Мне представляется более точным определение, данное в доносе Грибовского, где «Зеленая лампа» названа одной из «побочных управ» Союза Благоденствия. Грибовский — член Коренной управы Союза, человек, весьма осведомленный в его делах. Необходимо отметить что П. Е. Щеголев совершенно правильно, с фактами в руках, опроверг мнение об «оргиастическом» характере «Зеленой лампы». Эту заслугу справедливо подчеркивает Б. Л. Модзалевский в своей публикации «К истории «Зеленой Лампы»» (стр. 11). См П. Е. Щеголев. Пушкин, т. II. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л.. 1931. С. М. Бонди. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе». «Пушкин» «Временник» пушкинской комиссии, I, М.— Л., 1936, стр. 33—52.

50 ВД, т. I, стр. 54; П. Е. Щеголев. Пушкин и его современники, вып. VII, 1908; Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы», стр. 60.

51 «Законоположение Союза Благоденствия» опубликовано в IV прилож. к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», СПб., 1885, стр. 515—516.

52 Анкета была направлена С. Трубецкому (ВД, т. I, стр. 53—54).

53 Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы», стр. 53 и сл. Об Улыбышеве см. статью в «Русском архиве» за 1886 г.

54 Б. Л. Модзалевский предполагает, что тут имеется в виду все же Александр I, так как едва ли можно утверждать, чтобы автор «Сна» вел речь о никому в тот момент не известном владельце дворца — будущем Николае I. Но молодой великий князь уже был в это время «известен» своей жестокостью в армии (в 1819 г. он был уже командиром гвардейской дивизии), и в «Сне» Улыбышева мог содержаться намек, отрицательно оценивающий деятельность великого князя.

55 Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы», стр. 57.

56 К сожалению, эта попытка вновь имела место в пушкинской литературе. См. Г. Чулков. Жизнь Пушкина.—«Новый мир», 1936, т. VI, стр. 251—252.

57 «Записки Грибовского», стр. 111—112.

58 ВД, т. I, стр. 53—54; т. IV, стр. 83, 106, 118, 139; т. III, стр. 196; ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), лл. 17, 18 об.; ВД, т. II, стр. 146.

59 Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 161.

60 Там же, стр. 187, 191.

61 И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 183.

62 «Записка Грибовского», стр. 113.

63 Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 381—382.

64 ЦГИА, ф. 48, д. 230, л. 3; Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 367.

65 И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 116—117. Ср. Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III (о программе журнала «Архив политических наук и российской словесности»), стр. 367 и сл.

66 «Когда составление общества будет решено, тогда члены представят, по порядку, Правительству о дозволении составить общество и об утверждении оного». Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 371; А. Шебунин. Пушкин и Общество Елизаветы,— «Пушкин». «Временник» пушкинской комиссии, т. I, стр. 53—90; В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 128.

67 Вопрос об отдельных изданиях Союза Благоденствия и вообще о его выступлениях в печати еще ждет своего исследователя. Книги, на которых изображена эмблема Союза Благоденствия — улей с пчелами, еще не подвергались специальному библиографированию.

68 «Опыт теории налогов». Соч. Николая Тургенева. С.-Петербург. В типографии Н. Греча. 1818. Цензурное разрешение от 6 апреля 1818 г. (второе издание 1819 г. в типографии В. Плавильщикова). Момент вступления Н. Тургенева в тайное общество не может считаться вполне точно установленным. Выше указывались основания для датировки его вступления в Союз Благоденствия 1818 годом — несколько ранее М. Орлова. В этом случае допустимо предположение, что записка о крестьянах написана им во время вступления в Союз. В. И. Семевский считает на основании дневника Н. Тургенева, что он вступил в апреле 1819 г. С этим никак нельзя согласиться, так как основанием для датировки является лишь беглое упоминание об одной из встреч с декабристами (запись 25 апреля 1819: «Вчера, как начал писать, пришли Трубецкой и Корсаков...») и запись, что Н. Тургенев недолго уживется с Гурьевым, «если так называемые революционные мнения вредят людям...» (там же). Но такую запись Н. Тургенев вполне мог сделать и при условии более раннего вступления в общество (ср. «Дневники и письма» Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг., т. III, стр. 192—193; ср. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, 1909, стр. 441). Существен-

ным показанием о дате вступления Н. Тургенева в Союз Благоденствия является свидетельство Никиты Муравьева (ВД, т. I, стр. 307).

[69] «Опыт теории налогов». Соч. Николая Тургенева. СПб., 1818, стр. 368.

[70] «Лука да Марья», народная повесть, сочиненная Федором Глинкою. СПб., 1818; Ф. Глинка. Подарок русскому солдату. СПб., 1818 (у В. Плавильщикова); Ф. Глинка. Бедность и труд (народная сказка).—«Сын отечества», ч. 43, 1818 (от 18 января 1818 г.); Ф. Глинка. Песнь русского воина при виде горящей Москвы.—«Сын отечества», ч 45 (от 26 апреля 1818 г.); Н. Н. Коваленская. Художник-декабрист Ф. П. Толстой.— Сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 516—560.

[71] «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина» сохранились в писарской копии, в тетради с авторскими поправками и вставками Н. М. Муравьева (ЦГИА, ф. 48, оп. I, д. 97, лл. 1—9 об.), письма М. Орлова к П. А. Вяземскому об «Истории» Н. М. Карамзина — в ЦГЛА, ф. 195 (фонд Вяземских), ед. хр. 2480, 5083. Тексты эти в настоящее время опубликованы (Записка Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». Публ., вступ. статья и коммент. И. Н. Медведевой («Литературное наследство», т. 59, стр. 569—598); «Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина». Публ. и коммент. Л. Я. Вильде. Вступ. статья М. В. Нечкиной (там же, стр. 557—568).

[72] Письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину опубликованы по подлинникам А. А. Сиверсом — см. сб. «Декабристы и их время», т. I, М., 1927, стр. 199—205. Подлинные тексты хранятся в Ленинграде (Пушкинский дом Академии Наук).

[73] Приказы М. Орлова от 18 октября 1820 г. и от 29 марта 1821 г.— ЦГВИА, ф. 9, оп. 11, д. 42, лит. Б, т. VI, лл. 378, 388—388 об.

[74] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы; В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 203—207; И. Ф. Рыбаков. Тайная полиция в «семеновские дни» в 1820 г.—«Былое», 1925, № 2 (30), стр. 82.

[75] «Любопытный разговор» неоднократно публиковался. Наиболее важна публикация в ВД, т. I, стр. 320—322, док. № 23. В следующей главе этот памятник разбирается как один из программных документов декабризма.

[76] М. В. Нечкина. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях.—«Каторга и ссылка», 1930, кн. IV (65).

[77] ВД, т. III, стр. 120—121, 123; т. I, стр. 42—43.

[78] «Записка Грибовского», стр. 119.

[79] В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, стр. 138, 139. (Общество сначала существовало под именем «Общества любителей российской словесности» и позже не случайно, отражая свою идейную эволюцию, прибавило к названию слово «Вольное»).

[80] В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 139.

[81] А. Шебунин. Пушкин и Общество Елизаветы.— «Пушкин». «Временник», I, М.—Л., 1936, стр. 57—58. Нельзя согласиться с предположением автора о существовании самостоятельного политического «Общества Елизаветы»,— речь может идти лишь о масонской ложе «Елизаветы к добродетели», что явно следует из дела Федора Глинки (ЦГИА, ф. 48, д. 82); В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 142—143, 146—148, 405.

[82] В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 148, 149, 158—161; А. Шебунин. Указ. соч., стр. 66.

[83] Общепринятая дата ноэля «Сказки» («Ура, в Россию скачет...»)— канун рождества 1818 г. Стихи написаны, так сказать, «к приезду» Александра I (22 декабря 1818 г.) с Аахенского конгресса и содержат ясный намек на получение русским императором звания фельдмаршала прусской и австрийской армий («и прусский и австрийский я сшил себе мундир»). См. А. С. Пушкин. Соч. под ред. М. А. Цявловского и С. М. Петрова. М., 1949, стр. 860. Однако в 1819 г. этот ноэль был новинкой для В. Каразина.

[84] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 75; В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 184—185.

[85] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, стр. 287.

[86] И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 187; «Записка Грибовского», стр. 112.

[87] «Записка Грибовского», стр. 112; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 37.

[88] В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 139, 170, 174—175, 178—180, 196, 197, 218—219.

[89] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы М., 1947, стр. 202—208; «Лекция Кюхельбекера о русской литературе и языке, прочитанная в Париже в 1821 г.». Публ. и предисл. П. С. Бейсова. Статья Б. В. Томашевского.— «Литературное наследство», т. 59, стр. 345—380.

[90] «Литературное наследство», т. 59, стр. 347. Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[91] Я несколько меняю тут предложенный в «Литературном наследстве» перевод французского текста лекции В. К. Кюхельбекера («Будем надеяться, что взоры русского правительства не всегда будут обворожены низкими и презренными людьми...»). При всей буквальной точности перевод затемняет резкую и энергичную оценку, даваемую русскому правительству В. Кюхельбекером (ср. «Литературное наследство», т. 59, стр. 373, 380).

[92] ЦГИА, ф. 48, д. 173 (Кутузова), л. 9.

[93] Не могу поэтому согласиться с обобщающим положением, что ланкастерская система «в определенной идеологической форме, **продиктованной эпохой социально-политической реакции**», отвечала «закономерной потребности капиталистического общества в широком массовом начальном образовании» (Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— «Ученые записки Моск. гор. педагогич. ин-та», т. II. Кафедра истории СССР, вып. 1, М., 1941, стр. 51. Подчеркнуто мною.— *М. Н.*). Конечно, ланкастерская школа — порождение капиталистической эпохи, нуждавшейся для формирования своих кадров в дешевом массовом начальном просвещении, однако реакционное или прогрессивное значение метода всецело определялось объективными обстоятельствами и конкретными целями, которым он служил. Капитализм же, как формация, был тогда на подъеме, находился в своей «восходящей» стадии, и ланкастерский метод, как таковой, был рожден именно развитием прогрессивного капитализма, а не умиранием феодальной формации.

[94] Эти объявления (еще не использованные при исследовании ланкастерских училищ в России) печатались в ряде журналов того времени во всеобщее сведение.

[95] ВД, т. III, стр. 50; «Русская старина», 1881, январь, стр. 181—183; В. Г. Базанов. Указ. соч., стр. 61—75; Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 33—96; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 60—61.

[96] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. М.—Л., 1949. Датировка вступления Вл. Раевского в Союз Благоденствия представляет известные трудности. Бесспорно, что он был принят в члены тайного общества в Тульчине в момент своего проезда через него, по пути следования в Кишинев к своей воинской части (32-му егерскому полку, куда он вновь возвращался после службы в Малороссийском кирасирском полку). Но когда имел место этот проезд Раевского через Тульчин? Казалось бы, надежную опору для ответа дает свидетельство Вл. Раевского о том, что, приехав в Кишинев, он уже застал там М. Орлова (показание на допросе — см. ЦГИА, ф. 48, д. 49, л. 15).— следовательно, он проезжал Тульчин и был принят там позже даты приезда в Кишинев самого М. Орлова, который выехал в Кишинев из Киева 10 июля 1820 г. Однако это свидетельство Раевского в известной мере парируется почти что обратным по смыслу показанием самого Орлова о том, что, «приехавши в Кишинев, я нашел там Охотникова и вскоре потом явился ко мне майор Раевский (тогда еще капитан), который дал мне знать, что он также член общества... Я нашел еще полковника Непеиина, также члена общества». Учитывая это показание, никак нельзя безоговорочно утверждать, что членом тайного общества Вл. Раевский стал «не раньше июля 1820 г.». Контекст не позволяет истолковать «вскоре потом явился» в смысле: позже приехал в Кишинев ранее там не бывший капитан Раевский. Чин ротмистра (равный капитану) Раевский получил в апреле 1819 г., и при возвращении по приказу от 9 февраля 1820 г. в 32-й егерский полк он был соответственно зачислен капитаном. Таким образом, получение капитанского чина само по себе не дает возможностей датировки. Скорее «вскоре потом» звучит как констатация разновременной явки к начальнику офицеров, уже находившихся на своих местах в дивизии к моменту прибытия их нового командира. Вл. Раевский был принят в тайное общество Комаровым, его товарищем «по воспитанию», как сам он показывает («Раевского я знал с малолетства, обучаясь с ним вместе в Москве»,— подтверждает Комаров). Это утверждение надо предпочесть колеблющемуся показанию Вл. Раевского, что его принял в Тульчине Комаров или Филиппович (который именно — он «за давностью времени» припомнить будто бы не может). Многократная датировка самим Вл. Раевским и хорошо знавшим его Комаровым вступления Раевского в общество 1819 годом должна быть отведена датой его перевода в 32-й егерский полк, что и повлекло его передвижение в Бессарабию и проезд через Тульчин: перевод этот относится к февралю 1820 г. Невозможно предположить, чтобы после полученного приказа от 9 февраля 1820 г. о своем возвращении в 32-й полк Раевский, уже состоявший ранее на военной службе, почему-то задержался выездом по новому назначению на целых полгода и оказался на месте только в июле,— никакими данными для объяснения столь странной «задержки» мы не располагаем (ср. «Литературное наследство», т. 60; ЦГИА, ф. 48, д. 213 (Комарова). Показания Комарова опубликованы М. В. Довнар-Запольским, Мемуары декабристов, Киев, 1906, стр. 36; Ю. Г. Оксман. Воззвание к сынам Севера. Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, стр. 453—460, В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы, стр. 4, 32. Батеньков тоже говорит о 1819 годе, как о времени, когда Вл. Раевский является членом тайной организации («1819 г. сверх чаяния получил я три или четыре письма от Раевского. Он казался мне как бы действующим лицом в деле освобождения России и приглашал меня на сие поприще»; ср. М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 160).

[97] Эти и последующие цитаты извлечены из дела «О майоре 32-го егерского полка Раевском». ЦГИАЛ, 2-е отделение Аудиториатского деп-та, д. 42.

[98] ЦГИАЛ, ф. Аудиториатского деп-та, д. 42, т. III.

[99] Там же, л. 87.

[100] Записка Раевского «О солдате» опубликована в т. XIII «Красного архива», 1925, стр. 309—314.

[101] А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1916, стр. 527; В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 89.

[102] «М. Ф. Орлов и 14 декабря».—«Красный архив», т. XIII, стр. 160; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 31, 32.

К главе VII

[1] ВД, т. I, стр. 9.

[2] Там же, т. IV, стр. 91.

[3] Подсчеты И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

[4] И. Д. Якушкин. Записки, М., 1926, стр. 41—42.

[5] И. И. Игнатович. Указ. соч., стр. 54—55.

[6] Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. IV. СПб., 1898, стр. 35, 106; И. И. Игнатович. Указ. соч.; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 28; Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристики. 1935, стр. 90 и сл. (статья «Грибоедов и крепостные рабы»).

[7] И. И. Игнатович. Указ. соч.

[8] И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937.

М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I. М., 1926, стр. 159; ЦГИАЛ, ф. Горного деп-та, оп. 93; К. А. Пажитнов. Рабочие волнения в царствование Александра I.— «Архив истории труда», кн. V, стр. 5—10; кн. IX, стр. 153; М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 1907, стр. 142. Именной указ от 30 июля 1818 г. за № 27438 (ПСЗ, т. 35 стр. 362).

[10] Ср. П. И. Пестель. «Русская правда». Изд. Щеголева, СПб., 1906, стр. 75—77.

[11] ЦГИА, ф. 48, д. 402 (Поджио). Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[12] М. А. Цявловский. Эпиграмма Пушкина на Аракчеева.— «Литературный критик», 1940, № 7—8.

[13] П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве Пушкина.— «Литературный критик», 1940, № 7—8, стр. 231.

[14] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 223.

[15] А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и перечувствованном. 1805—1850. СПб., 1882, стр. 155; М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 406; Мнение Государственного совета от 18 февраля 1818 г. за № 27278 «Об ограждении людей, отыскивающих свободу, от власти помещиков до окончания тяжбы».— ПСЗ, т. 35, стр. 117; Указ сенатский в следствие именного от 30 сентября 1818 г. за № 27549 «О строжайшем наблюдении губернским начальствам о неупотреблении крестьян к господским работам в воскресенье и праздничные дни».— ПСЗ, т. 35, стр. 582; Именной указ, данный Сенату от 25 декабря 1817 г. за № 27197.— ПСЗ, т. 34, стр. 949; Сенатский указ от 5 марта 1818 г. за № 27300.— ПСЗ, т. 35, стр. 133.

[16] ЦГВИАЛ, оп. 343, д. 42, т. III, л. 91.

[17] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 188.

[18] Е. Бобров. Об образовательном цензе декабристов.— «Сб. Учено-литературного об-ва при имп. Юрьевском ун-те», т. XIII, Юрьев, 1908, стр. 109.

[19] ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 58—58 об.

[20] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 181, 211.

[21] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 37; С. П. Трубецкой. Записки. СПб., 1906, стр. 22; ВД, т. IV, стр. 84.

[22] ЦГИА, ф. 48, д. 413, л. 24.

[23] Там же, д. 95, л. 15, ср. л. 12; Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1927, с. XLVIII.

[24] ЦГИА, ф. 48, д. 95, л. 12—12 об.

[25] Там же, д. 413, л. 6 об.; ср. ВД, т. IV, стр. 157.

[26] ВД, т. IV, стр. 90—91; ср. т. I, стр. 321—322 («Любопытный разговор»).

[27] ВД, т. IV, стр. 91.

[28] Французский трактат Пестеля в литературе о декабристах обычно относится к началу 1820 г.

[29] ВД, т. III, стр. 6, ср. 8, 19, 20, 23, 32; т. I, стр. 307; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 27.

[30] «Законоположение Союза Благоденствия». IV прилож. к книге А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», стр. 514—515, § 14 и др. Пестель ссылается на это постановление — ВД, т. IV, стр. 101.

[31] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 15 об. В работе Н. М. Дружинина о Никите Муравьеве эта поездка датируется началом 1820 г., что в силу наличия свидетельства И. Бурцова представляется мне не вполне точным,— правильнее, на мой взгляд, отнести ее к концу 1819 г., что полностью подтверждается официальными материалами. Ср. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 57; ВД, т. IV; стр. 177; ЦГИА, ф. 48, д. 477, ч. II, лл. 128—129.

[32] ЦГИА, ф. 48, д. 82 (Глинки), л. 59 об., л. 50 об., ср. л. 59. Глинка нарисовал этот план местности с указанием своей квартиры не в связи с совещанием 1820 г., а по другому поводу (объясняя свои последующие встречи с декабристом Перетцем).

[33] ЦГИА, ф. 48, д. 5 «О совещании Коренной Думы в 1820-м году и о членах Коренного Совета Союза Благоденствия». Заметим, что название дела явно неточно: никакой Думы по законоположению Союза Благоденствия не было, хотя некоторые декабристы, явно перенося на Союз Благоденствия терминологию уставов позднейших обществ, употребляли это слово. Относительно неточного употребления термина «Коренной совет» уже говорилось выше. ВД, т. IV, стр. 101—102, 291—292; т. III, стр. 56; ВД, т. IV, стр. 158; т. III, стр. 118, 119, 122; т. I, стр. 313, 317; ЦГИА, ф. 48, д. 65, л. 17; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 37, ср. примеч. 11-е; ВД, т. IV, стр. 291; т. I, стр. 26; особенно т. I, стр. 54—55 (показание С. Трубецкого).

И. Д. Якушкина уже нет в его смоленском имении 24 декабря 1819 г.,— об этом пишет губернский предводитель дворянства С. Лесли в своем отношении управляющему министерством внутренних дел графу В. П. Кочубею, отвечая на запрос последнего относительно дела об освобождении крестьян Якушкина. Очевидно, в это время Якушкин уже уехал в Петербург лично продолжать хлопоты по этому делу, поскольку его не удовлетворил ответ С. Джунковского от 5 декабря 1819 г. (ср. И. Д. Якушкин. Записки, стр. 34—36). В рапорте С. Лесли показано, что Якушкин уехал в Саратовскую губернию,— это говорит о том, что декабрист не пожелал сообщить ему о своей поездке в Петербург. Очевидно, Якушкин выехал в Петербург во второй половине декабря 1819 г.

[34] ВД, т. I, стр. 317; т. IV, стр. 101—102, 114.

[35] Там же, т. IV, стр. 101—102.

[36] Там же, стр. 101—102, 155, 156, 157, 163, 326—327, 360; т. I, стр. 310—311, 315, 317—318, 323; т. III, стр. 122; т. VIII, стр. 174; ЦГИА, ф. 48, д. 65 (Павла Колошина), лл. 24, 25; д. 67 (Степана Семенова); д. 372 (фон дер Бриггена), л. 30—30 об.; д. 393, лл. 2, 5; д. 26, протокол 93-го заседания, лл. 328—330 об.; ВД, т. IV, стр. 290—292, 360. Надо решительно отвергнуть нарочито неясные показания самого Семенова о заседании 1820 г. у Глинки (ЦГИА, ф. 48, д. 67), поскольку республиканские симпатии самого Ст. Семенова засвидетельствованы его выступлением на диспуте Малова (см. главу III настоящей работы).

[37] ВД, т. IV, стр. 154—155, 157—158 (этого показания не признал лишь Никита Муравьев на очной ставке с Пестелем. ВД, т. I, стр. 317).

[38] ВД, т. IV, стр. 290—292.

[39] Там же, стр. 360—361.

[40] Там же, стр. 292; т. I, стр. 55.

[41] ВД, т. IV, стр. 291—292; ср. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 113—114.

[42] ВД, т. IV, стр. 292.

[43] Там же, стр. 155, 438.

[44] Там же, т. I, стр. 311—313, 317—318.

[45] Там же, т. IV, стр. 155.

[46] ЦГИА, ф. 48, д. 230 (И. Долгорукова), л. 1; ЦГИА, ф. 48, д. 231 (И. Шипова); д. 397.

[47] ВД, т. I, стр. 299, 302—303. У Пестеля в показаниях есть упоминание об одной французской рукописи, но, судя по контексту, она относится не к 1820 г., а к более позднему времени. ВД, т. IV, стр. 86—87. М. С. Лунин заметил, что не помнит «по давности времени» обстоятельств тульчинского свидания 1820 г. (он ошибочно относит его к 1821 г.). ВД, т. III, стр. 123.

[48] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 46. Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[49] ВД, т. IV, стр. 86.

[50] Эта и последующие цитаты проекта взяты из показания Никиты Муравьева от 5 января 1826 г. ВД, т. I, стр. 302—303; ср. стр. 312, где также имеется свидетельство Никиты Муравьева об этом проекте Пестеля.

[51] Текст «Конституция Государственный Завет» опубликован в «Красном архиве», т. XIII, стр. 280—284.

[52] ВД, т. I, стр. 302.

[53] Там же.

[54] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 114—115.

[55] ВД, т. IV, стр. 115, 178.

[56] Там же, т. I, стр. 321—322.

[57] Там же; ср. признание Никиты Муравьева в авторстве — стр. 320.

[58] Там же, т. IV, стр. 178.

[59] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 5; ср. ВД, т. IV, стр. 177; ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 1. Свидетельство И. Д. Якушкина см. ВД, т. III, стр. 55.

[60] ЦГИА, ф. 48, д. 401, лл. 9, 16; д. 420. Дело Басаргина опубликовано в издании его «Записок», Пг., 1917, стр. XLVII.

[61] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 9.

[62] Там же, лл. 9 и 16 об.; д. 408 (Крюкова 2-го), л. 25.

К главе VIII

[1] ВД, т. IV, стр. 105.

[2] Там же.

[3] Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 225—226.

[4] И. И. Игнатович. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937.

[5] «Рабочее движение в России в XIX в», т. I (1800—1860). Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1951, стр. 353. В марте — октябре 1820 г. возобновилось волнение мастеровых суконной мануфактуры Осокина в Казани под лозунгом освобождения от незаконного закрепощения (см. там же, стр. 908).

[6] ВД, IV, стр. 105.

[7] Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, ч. II, кн. 2, стр. 36 и сл.; И. И. Игнатович. Крестьянское движение в первой четверти XIX в. (рукопись с разрешения автора использована для подготовки первого издания вузовского учебника «История СССР», ч. II, стр. 114); И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 48—70; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 27—28; І. О. Гуржій. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954, стр. 347—349.

[8] «Семеновское дело». Опубл. А. И. Яковлевым.— «Декабристы», сборник материалов. Л. (1926).— (Всесоюзная б-ка им. В. И. Ленина), стр. 107—109, 111, 122; ВД, т. IV, стр. 474; ЦГИА, ф. 48, д. 397 (Матвея Муравьева-Апостола); ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца. Мемуары Бенкендорфа (рукопись, лл. 386 об.— 387); Фонд б-ки Зимнего дворца, № 1407, стр. 265; С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов.— Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 131; Сб. «Памяти декабристов», т. I, Л., 1926, стр. 21 (заметим, что Матвей Муравьев-Апостол не был при полку во время семеновских волнений — он состоял адъютантом князя Репнина, однако был хорошо информирован о событиях от своих однополчан); И. Ф. Рыбаков. Тайная полиция в семеновские дни.— «Былое», 1925, № 2; ср. «Былое», 1907, т. II, стр. 94; проект устройства тайной полиции при гвардейском корпусе см. «Русская старина», 1881, № 1, стр. 217—219; Н. И. Лорер. Записки. М., 1931, стр. 58; «Полярная звезда», 1857, кн. 3 (тут отказ от применения в Семеновском полку телесных наказаний ставится в прямую связь с деятельностью тайного общества); приказ от 2 ноября 1820 г. за № 28455.— ПСЗ, т. 37, стр. 490; см. также приказ от 6 декабря за № 29667 «О причислении новосформированного Семеновского полка к старой гвардии».— ПСЗ, т. 38, стр. 1281. Некоторые новые данные о волнениях в Семеновском полку см. в диссертации В. А. Федорова «Солдатское движение в годы декабристов» (1816—1825). М., 1953.

[9] С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов.— Сб. «Бунт декабристов», стр. 56—128.

[10] В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 176.

[11] «Из бумаг Закревского». Опубл. В. И. Семевским в журнале «Былое», 1907, т. II, стр. 83—86. («По регулу» — по правилам). С. Н. Чернов с основанием предполагает, что автор прокламаций, разбрасывавшихся во время восстания Семеновского полка, принадлежал к солдатской или мелкой разночинской среде (ср. сб. «Бунт декабристов», стр. 68—71).

[12] ЦГИА, ф. 48, д. 82, л. 50. У Сергея Муравьева-Апостола был обыск после волнений Семеновского полка, но сам он арестован не был.

[13] ЦГВИА, ф. 50, д. 6. «Приказы по л.-гв. Московскому полку за 1820» (август — декабрь). Приказ Александра I о семеновском возмущении см. л. 62; заметим, что известная работа П. Дирина крайне слаба в исследовательском отношении, она компилятивно составлена по Богдановичу и другим работам. Не заметно привлечения архивов полка, учтены лишь мемуары, декабристская литература и т. д.

[14] С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 129, 130; В. И. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 г.— «Былое», 1907, т. II, стр. 94. В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов, диссертация, М., 1953.

[15] С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 56—128.

[16] В. И. Семевский. Волнения в Семеновском полку в 1820 г., стр. 112.

[17] ВД, т. IV, стр. 6—7 (формуляр Пестеля).

[18] Там же, т. IX, стр. 189. Ср. свидетельство Александра Муравьева о том, что Союз Благоденствия не опирался на войска. ВД, т. III, стр. 19; Вл. Раевский. О солдате.— «Красный архив», т. XIII, стр. 309—314.

[19] ВД, т. IV, стр. 178; ЦГИА, ф. 48, д. 400, л. 55 об.

[20] Едва ли целесообразно говорить о «тяжелой фазе распада» Союза Благоденствия: самый термин впервые употребил едва ли не Николай Тургенев, преследовавший при этом цели самореабилитации (ср. Н. Тургенев. Россия и русские, ч. I. М., 1907, гл. VI; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 118).

[21] «Записки М. А. Фонвизина».— Сб. «Общественные движения в России» под ред. В. Я. Богучарского. СПб., 1895; ср. «Голос минувшего», 1916, кн. 10; дело Ивана Фонвизина — ЦГИА, ф. 48, д. 119; дело Михаила Фонвизина издано в ВД, т. III, стр. 61—83; ВД, т. III, стр. 74, ср. т. VIII, стр. 410—411.

[22] ВД, III, стр. 50, 73. Цитирую слово «неопределенность» по первоначальной записи И. Д. Якушкина; видимо, считая это слово опасным, он зачеркнул его и надписал сверху вместо него «неограниченность», что сделало смысл фразы значительно менее ясным.

[23] Полагаю, что Розен (в «Записках») неправильно датирует Московский съезд февралем 1821 г. (А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 50). Однако можно все же предположить, что он называет месяц, когда съезд закончился. В этом случае надо признать, конечно, что съезд длился более трех недель. ВД, т. III, стр. 50; «Записка Грибовского».— «Декабристы». Составил Ю. Г. Оксман, стр. 114; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 44 и сл.; ВД, т. III, стр. 64, 73; Н. И. Тургенев. Дневники и письма, т. III, стр. 258; Остафьевский архив, т. II, стр. 136—137.

[24] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 44.

[25] ВД, т. III, стр. 307. Необходимо учесть показание Комарова о том, что мысль о съезде 1821 г. возникла в Тульчинской управе, чтобы изменить «правила» Союза Благоденствия на более решительные. ЦГИА, ф. 48, д. 213. М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. М., 1906, стр. 72. Ср. в «Записках» Н. В. Басаргина: отъезжающему на съезд Бурцову, по свидетельству автора «Записок», было поручено «понудить членов Московского отдела к большей деятельности» (Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 13).

[26] В деле Фонвизина нет данных, что он созывал Московский съезд,— что доказывает далеко не полную осведомленность следствия (ВД, т. III, стр. 61—83). Исключение представляет собой беглое свидетельство об этом Никиты Муравьева, но оно не обратило на себя внимания следствия и не отразилось на «силе вины» Фонвизиных. Ср. ВД, т. I, стр. 307.

[27] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 45; ВД, т. III, стр. 55.

[28] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 45.

[29] ВД, т. IV, стр. 108.

[30] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 46—47; ЦГИА, ф. 48, д. 95, л. 15 об.; ВД, т. III, стр. 51, 56.

[31] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), лл. 6 об., 8 об., 15 об.

[32] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 50.

[33] Там же, стр. 51—53.

[34] А. С. Пушкин. Полное собр. соч. (акад. изд.), т. XIII, письмо к Гнедичу от 4 декабря.

[35] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 66.

[36] ВД, т. I, стр. 307; т. III, стр. 50.

[37] «Записка Грибовского», стр. 114.

[38] ВД, т. I, стр. 14—15.

[39] ЦГИА, ф. 48, д. 399 (С. Г. Волконского). Показание о членах, присутствовавших на съезде в Москве 1821 г., в «Записках» Якушкина совпадает со следственными данными. И. Д. Якушкин. Записки, стр. 53; ЦГИА, ф. 48, д. 119 (И. Фонвизина); ВД, т. IV, стр. 274; т. I, стр. 55; т. III, стр. 65, 73.

[40] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 53; ЦГИА, ф. 48, д. 213 (Комарова); ср. «Донесение Следственной Комиссии» в изд. В. М. Саблина «Декабристы и тайные общества в России», М., 1906, стр. 20.

[41] ЦГИА, ф. 48, д. 213 (Комарова); И. Д. Якушкин. Записки, стр. 53.

[42] ВД, т. I, стр. 14—15, 299, 307, 308; т. III, стр. 50, 51, 56, 57, 65, 73; т. IV, стр. 108, 140, 155. 274; ЦГИА, ф. 48, д. 106 (Граббе), лл. 5 и 6; д. 400.

[43] ЦГИА, ф. 48, д. 106 (Граббе). Выражение «Записок» Якушкина, что Михаил Орлов прочел условия, «на которых он соглашался присоединиться к Тайному Обществу» (И. Д. Якушкин. Записки, стр. 53), нельзя признать точным. Орлов был членом Союза Благоденствия и даже сам признал себя таковым на следствии. Его отказ от участия в обществе, согласно Якушкину, последовал в результате обсуждения его предложений. Следовательно, он вовсе не предварил свой доклад отказом от общества. «Записка Грибовского», стр. 114; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 53—54.

[44] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 54.

[45] ЦГИА, ф. 49, д. 81 (М. Орлова), «Записка» Орлова для Николая I. М. Орлов не подвергался обычному типу допроса, а писал самостоятельные (без следственных анкет) записки царю. Дело Орлова почти целиком напечатано в т. XIII «Красного архива», 1926, стр. 162.

[46] Интересные соображения о Московском съезде высказаны С. Н. Черновым в его работе «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.» — «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. IV, вып. 3, 1925, стр. 340 и сл. Возражали С. Н. Чернову А. Е. Пресняков («Былое», 1926, т. I) и С. Б. Окунь («История СССР», Л., 1947, стр. 394—396).

[47] С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. IV, вып. 3, 1925. Рецензия А. Преснякова «Былое», 1926, № 1 (35); ЦГВИА, оп. 183, св. 280, д. 77.

[48] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов...», М.— Л., 1926, стр. 41; «Записка Грибовского», стр. 114.

[49] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 3; ВД, т. III, стр. 51, 73; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 54—55.

[50] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 55—56.

[51] Там же, стр. 54—55.

[52] ВД, т. III, стр. 50; ср. И. Д. Якушкин. Записки, стр. 54.

[53] ВД, т. III, стр. 56, ср. стр. 50, 57; «Записка Н. И. Тургенева».— «Красный архив», т. XIII, стр. 82—85; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 54—55.

[54] ВД, т. III, стр. 50; ЦГИА, ф. 48, д. 106 (Граббе), лл. 5—6.

[55] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 55; ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 1.

[56] «Записка Н. И. Тургенева».— «Красный архив», т. XIII, стр. 84; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 54.

[57] ВД, т. III, стр. 56; ЦГИА, ф. 48, д. 189, л. 13; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 55.

[58] ЦГИА, ф. 48, д. 65, л. 4.

[59] А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 426—427.

[60] ЦГИА, ф. 48, д. 419 (Ивашева), лл. 13, 18 об.

[61] ВД, т. IV, стр. 108.

[62] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), лл. 12—13 об.

[63] Там же, д. 419, л. 13; д. 398, л. 3 об.

[64] Ср. ЦГИА, ф. 48, д. 413 (Вольфа), л. 15; д. 401, л. 49 (показание Пестеля). См. также заметку «Будинок декабриста Пестеля».— «Пролетарская правда», Київ, 1928, № 117 (2029); ЦГИА, ф. 48, д. 408, л. 32 об.; ВД, т. IV, стр. 109, 175; ЦГИА, ф. 48, д. 413 (Вольфа), л. 25; д. 401, л. 48 об.; д. 419, л. 13. Об участии Барятинского в заседании сохранено свидетельство не только в деле самого Барятинского, но и в ряде других — ср. дело Пестеля, ВД, т. IV, стр. 141 и 156; см. также показание Вольфа в сводке Боровкова о Пестеле (там же, стр. 215); ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 13—13 об.

[65] ЦГИА, ф. 48, д. 398, лл. 3 об.— 4; ср. Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. XXXIV.

[66] ВД, т. IV, стр. 177. (Подчеркнуто мною.— *М. Н.*). См. также очную ставку Пестеля и Барятинского по вопросу о республике и цареубийстве; ср. ВД, т. IV, стр. 433; ВД, т. IV, стр 102, 108, 140, 155—156; т. III, стр. 50.

[67] ЦГИА, ф. 48, д. 408, л. 32; ВД, т. IV, стр. 157.

[68] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 35 об. Подчеркнуто в подлиннике.

[69] Необходимо заметить, что позже декабристы Южного общества упорно подозревали полковника Аврамова в предательстве («полковника Аврамова подозревали доносчиком») и всячески остерегались. См. ЦГИА, ф. 48, д. 422 (Бобрищева-Пушкина 1-го), л. 20; там же, д. 408 (Крюкова 2-го), л. 35.

[70] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 50; Н. В. Басаргин. Записки, стр. X. Очень часто исследователи ошибочно сливают оба заседания в одно, ср. В. М. Базилевич. Декабрист О. П. Юшневський.— Сб. «Декабристи на Україні», т. II, стр. 49; ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 36; ВД, т. IV, стр. 141, 156—157.

[71] Руководство обществом осталось, следовательно, тем же, что и в Тульчинской управе Союза Благоденствия, где Юшневский также был блюстителем. Ср. ЦГИА, ф. 48, д. 398, лл. 2 об.— 3; ЦГИА, ф. 48, д. 419, л. 13 об.; ВД, т. IV, стр. 161.

[72] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 41—41 об.

[73] Там же, д. 419, лл. 24 и 29 об.

[74] Мнение о временной приостановке деятельности Южного общества сейчас же после его основания пущено в оборот М. В. Довнар-Запольским в работе «Тайное общество декабристов» (М., 1906, стр. 88—95). Ссылки на источник у него для данного утверждения нет, но можно предположить, что он основывался на данных дела и «Записок» Басаргина. От Довнар-Запольского это утверждение заимствовал В. Базилевич в своей работе «Декабрист О. П. Юшневський» (сб. «Декабристи на Україні», т. II, стр. 49). Указание на эту вымышленную приостановку действий в деле Басаргина вполне понятно — оно снимало с него обвинение в участии в делах общества. Лейтмотивом его показаний являлось стремление доказать, что в 1821 г., когда он еще был в обществе, там, собственно, ничего не было, а в дальнейшем он участия не принимал. В «Записках» Басаргин доказывал это обстоятельство глухой ссылкой на начавшееся дело Вл. Раевского, заставившее Пестеля прибегнуть к приостановке деятельности общества. Но ссылка эта фактически неправильна, так как Южное общество основалось в марте 1821 г., а Раевский был арестован лишь 6 февраля 1822 г.

[75] ВД, т. IV, стр. 158.

[76] Там же, стр. 92.

[77] В. Селинов. Из истории национально-освободительной борьбы греков и ру-

мын в начале XIX в. (по архивным данным).— «Новый Восток», 1928, кн. 20—21, стр. 340—351; Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов.— Сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 196.

[78] ВД, т. I, стр. 299. Никита Муравьев тут неточно и не без умысла называет дату 1820, а не 1821 г., на что уже указывалось выше.

[79] Ср. К. Д. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951.

[80] ЦГИА, ф. 48, д. 235, л. 2 об., ср. лл. 4—4 об., 5.

[81] ВД, т. IV, стр. 114; ЦГИА, ф. 48, д. 235 (Лопухина), лл. 2 об., 4, 5.

[82] ЦГИА, ф. 48, д. 76, лл. 42, 67.

[83] Имеется письмо Н. Тургенева из Симбирска от 21 февраля 1821 г., где он описывает свои хлопоты по введению различных частных мер для улучшения положения своих крепостных. С. Г. Волконский. Записки, стр. 411; «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», СПб., 1905, стр. 28, 33, 35, 188—189; «Красный архив», т. XIII, стр. 82—83

К главе IX

[1] Запись «Царство Греческое» сделана рукой П. И. Пестеля (ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 300); ВД, т. IV, стр. 92 (ср. стр. 6); т. XI, стр. 244—248; ЦГВИА, отд. I, д. 722; ЦГИА, ф. 48, д. 473, лл. 465—480; Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист П. И. Пестель перед верховным уголовным судом, стр. 174. Сведения о поездках Пестеля в Бессарабию см. в переписке родителей П. И. Пестеля с сыном (А. О. Круглый. П. И. Пестель по письмам его родителей.— «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 165—188). В последнее время вопрос о документе «Царство Греческое» подвергнут подробному разбору в работе Б. Е. Сыроечковского «Балканская проблема в политических планах декабристов» («Очерки из истории движения декабристов». Сборник статей под ред. Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского. М., 1954, стр. 186—275).

[2] ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 300. Если принять представляющееся мне наиболее правдоподобным предположение, что запись «Царство Греческое» является документом, непосредственно отражающим один из планов гетеристов, предлагаемый царскому правительству и записанный Пестелем во время свидания с гетеристами, то запись Пестеля должна датироваться временем его поездок в Бессарабию. Замечу, что чернила, которыми написана записка, резко темного цвета и сильно отличаются от других текстов, собственноручно писанных Пестелем (с замечанием Б. Е. Сыроечковского, что чернила — «обычные для бумаг Пестеля, но несколько темнее, гуще, чем в других листах дела», я согласиться никак не могу. Ср. Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов, Сб. «Очерки по истории движения декабристов», стр. 191). Нельзя принять, на мой взгляд, и предположения Б. Е. Сыроечковского о тех неожиданных революционных последствиях, которые, «как мог думать Пестель», имела бы война царизма за свободу греков (в ее ходе почему-то «самодержавие бы пало» (?) и ведение освободительной войны перешло бы в руки революционного правительства). Ясно, что борьба за освобождение греков, буде она была бы предпринята самодержавным правительством России наперекор Священному Союзу, лишь укрепила бы позиции Александра I и на время только ослабила бы резкость антагонизма между самодержавием и революционными силами (там же, стр. 231).

[3] Н. П. Павлов-Сильванский. П. И. Пестель перед верховным уголовным судом, стр. 174.

Б. Е. Сыроечковским выдвинуто другое истолкование документа «Царство Греческое». Это будто бы набросок, сделанный Пестелем по просьбе начальника штаба П. Д. Киселева или как проект докладной записки, которую предполагалось подать военному министру, а через него и министру иностранных дел, чтобы «побудить их к решительным представлениям самому Александру», или как проект «дипломатического представления» Порте, «обосновывающего необходимость и целесообразность введения русских войск в «княжества». Набросок этот был сочинен Пестелем лишь для своего шефа и в его видах, без всякого отношения к революционным планам декабристов, в июле-августе 1821 г., когда П. Д. Киселев предполагал возможной войну с турками и горел желанием представить царскому правительству свои проекты о плане кампании и о будущем Греции. Вместе с этим Б. Е. Сыроечковский, соглашаясь со мной, допускает, что набросок мог отражать планы гетеристов. Этой чрезвычайно сложной гипотезе противоречит, на мой взгляд, сохранение Пестелем документа в комплексе «Русской Правды». Действительно, зачем было Пестелю хранить не имеющие революционного значения киселевские соображения четырехлетней давности, когда уже давным-давно стало ясно, что Александр I в пользу греков не выступит и практического значения составленная записка не имеет? Напротив, при предположении, что документ имеет иное происхождение и идет от гетеристов, становится понятным и его хранение в революционном комплексе «Русской Правды».

[4] Н. В. Басаргин. Записки, стр. 10; ЦГИА, ф. 48, д. 419 (Ивашева), л. 24 об.

[5] ЦГИА, ф. 48, д. 423 (Бобрищева-Пушкина 2-го), л. 21 об.

[6] В деле Бобрищева-Пушкина 1-го, психически заболевшего уже во время следствия, имеется «донос» на Вольтера. См. ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 5; ВД, т. IV, стр. 105.

[7] Стихи об игре В. Ивашева находятся в сборнике стихов А. П. Барятинского «Quelques heures de loisir à Toulchin», М., 1824. Ср. Н. И. Лорер. Записки декабриста. М., 1931.

[8] Ср. данные доноса Грибовского (цит. изд.).

[9] «Записка Грибовского», стр. 112—115. Можно добавить тут и тринадцатое имя — Краснокутского, также оставившего военную службу.

[10] ЦГИА, ф. 48, д. 82, лл. 20, 20 об., 52 и др. Повидимому, в 1823 г. служебное положение Ф. Глинки изменилось к лучшему, он сумел найти влиятельных заступников. Об этом свидетельствует он сам в показании на следствии: после доноса Грибовского «в бозе почивший император, мудрый и долготерпеливый, в течение двух лет сравнивал слова клеветника с теми обстоятельными донесениями, кои доставляли ему о моем поведении, и, наконец, в 1823 году чрез одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен». ЦГИА, ф. 48, д. 82, л. 20.

[11] А. Н. Пыпин. Времена реакции. Очерки литературы и общественности при Александре I, цит. изд., стр. 165.

[12] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 65; М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, стр. 202—203.

[13] Предполагаемая невеста посетила родителей Пестеля и не вызвала большого восхищения. «Я видел Изабеллу у нас единственный раз. Я увидел, что эта особа довольно красива, но должна была быть прежде еще более красивой. Ее поведение показалось мне робким, но очень осторожным и даже более осторожным, чем я желал бы в особе ее возраста»,— не без грубости заметил отец Пестеля о «невесте» в письме от 30 сентября 1821 г. «Невеста» показалась ему также старше желательного возраста. «Ее мать — совершенная дура, которая постоянно болтает и говорит то, что ей взбредет в голову, не размышляя много. Она мне совсем не понравилась; муж ее, граф Витт — низкий интриган»,— столь же любезно продолжает Иван Борисович в том же письме. См. А. Круглый. П. И. Пестель по письмам его родителей.— «Красный архив», т. 3 (16), 1924, стр. 180.

[14] Переписка Н. М. Муравьева с матерью (Е. Ф. Муравьевой). ЦГИА, ф. Муравьевых, д. 68/6, л. 25 об.

[15] ВД, т. IV, стр. 109, 158, 222, 273, 275, 349, 399.

[16] Там же, стр. 275.

[17] Дело С. Муравьева-Апостола, ВД, т. IV, стр. 349, ср. стр. 109, 158, 222, 273, 275, 300.

[18] ЦГИАЛ, ф. 48, д. 397, л. 42; ВД, т. IX, стр. 200.

[19] Письма Вл. Раевского к Охотникову за это время опубликованы в «Красном архиве», т. XIII, стр. 300—309. А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII в. и первой четверти XIX в. Пг., 1916, стр. 531—532; В. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 52, 82, 83; Письмо А. С. Пушкина к В. А. Жуковскому о закрытии Кишиневской ложи.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XIII (акад. изд.); П. Бейсов. Поэт-декабрист В. Ф. Раевский. Литературный Ульяновск, I, 1947.

[20] В. Базанов. Указ. соч., стр. 48, 49, 57, 64.

[21] П. Е. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский.— Сб. «Декабристы», М., 1926, стр. 30. Ср. П. А. Садиков. И. П. Липранди в Бессарабии в 1820-х годах.— «Временник» пушкинской комиссии, 1941, т. VI, стр. 280 и сл.

[22] Записка «О рабстве крестьян» опубликована В. Базановым. В. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 106—113; он же. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. Л.— М., 1949, стр. 109.

[23] Записка В. Ф. Раевского «О солдате». «Красный архив», т. XIII, 1926, стр. 311, 313.

[24] М. А. Цявловский. Дневник П. И. Долгорукова.— «Звенья», т. IX, 1951, стр. 99—100.

[25] В материалах, опубликованных о Вл. Раевском В. Базановым, процитировано свидетельство Раевского о том, как происходили арест и обыск. Имеется об этом и позднейшая запись мемуарного характера, принадлежащая самому Раевскому. Поскольку между тем и другим имеется некоторое противоречие, не объясненное публикатором, надо остановиться на этом вопросе. Вл. Раевский показывает:

«1) Когда приказано было г. корпусным начальником опечатать бумаги мои и сам я был арестован, то для взятия бумаг моих был послан адъютант его подполковник Радич (ныне полицмейстер в г. Кишиневе) и забрал оные в присутствии подполковника Липранди, ныне адъютанта его высокопревосходительства. 2) Когда я объявил, что в шкафе или бюро находятся бумаги капитана Охотникова, то г. Радич их не взял, а на другой день уже прислан он был опечатать и забрал бумаги капитана Охотникова».

Это — тюремное — свидетельство Вл. Раевского говорит о том, что сначала он

был арестован и были взяты его бумаги, а на следующий день взяты были бумаги Охотникова. Но в мемуарах он пишет, что Радич, по указанию П. Липранди, брал лишь «бумаги», книг не брал, и «как скоро они ушли» и Раевский заметил среди не взятых в первый день бумаг две «книги» — статут и «Воззвание к сынам Севера», он их сжег. Но когда же он мог сжечь их, если его арестовали в первый же день после первого обыска? Очевидно, могут быть два предположения: или он сжег эти документы другими — дружескими — руками, заметив их и сумев передать другу в самый момент своего ареста распоряжение сжечь их, или же надо допустить, что взятие бумаг произошло в одно время, а арест — в другое. Ясного ответа на эти вопросы нельзя дать по состоянию источников. Приведенное свидетельство Вл. Раевского, рисующее обстановку обыска, как мне представляется, получило неточную трактовку в позднейшей литературе. Из рассказа об обыске ясно, что Радич, помогавший П. Липранди при обыске, не открывал стоявшей на верхней полке «Зеленой книги» и, вероятно, даже вообще не брал ее в руки. Если бы он открыл ее и увидел вложенные четыре расписки, он, естественно, квалифицировал бы их не как книги, а как «бумаги», т. е. рукописи, и, очевидно, отнес бы к этому типу в общем рукописную по облику страниц «Зеленую книгу» (какой бы она ни была — действительно рукописной, литографированной или хотя бы написанной печатными буквами). В этом случае и книга и вложение в нее были бы забраны. Очевидно, большой шкаф, содержащий более 200 книг с засунутой среди них где-то на верхней полке «Зеленой книгой», имевшей переплет и общий облик книги, не разбирался при обыске и «Зеленая книга» при описанных условиях не раскрывалась, иначе она не ускользнула бы от внимания лиц, производящих обыск. К этому необходимо добавить, что прямой смысл записи говорит о том, что не только расписки, но и брошюра были вложены внутрь «Зеленой книги». Ср. у Вл. Раевского: «На верхней полке стояла «Зеленая книга», статут общества «Союз Благоденствия» и в ней 4 расписки принятых Охотниковым членов и маленькая брошюра «Воззвание к сынам Севера»». П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 72.

[26] Не могу согласиться с выдвинутой в последнее время гипотезой Ю. Г. Оксмана, что под «Воззванием к сынам Севера» надо понимать составленное весной 1821 г. Никитой Муравьевым литографированное «обращение к активу бывших членов Союза Благоденствия». Речь идет об одном «литографированном листке», который П. П. Лопухин передал Пестелю во время своей поездки на юг. Во-первых, нигде нет никаких данных, чтобы этот, по словам декабристов, литографированный листок имел вид «брошюры»,— если он где именуется, то называется просто «листом» или «листком», что свидетельствует об его внешнем виде. Во-вторых, что еще существеннее,— с чего бы Никита Муравьев в своем воззвании к активу бывших членов Союза Благоденствия стал вносить какие-то географические ограничения и обращаться лишь к «сынам Севера»? Он как раз не только не исключал из своих планов юга, а, наоборот, обращался к южанам и свой лист послал через Лопухина не к кому другому, как к Пестелю, который уж никак не может быть назван «сыном Севера». Вл. Раевский, Охотников, М. Орлов также не могут быть названы «сынами Севера». По самому смыслу обращения Никиты Муравьева его «лист» не мог носить этого названия. Напротив, обращение южан к петербургской группе, основывающей новое общество, как раз имело все основания так называться (ср. Ю. Г. Оксман. «Воззвание к сынам Севера», «Очерки из истории движения декабристов».— Сборник статей под ред. Н. М. Дружинина и Б. Е. Сыроечковского, М., 1954, стр. 451—474). Замечу также, что означенный «лист» Никиты Муравьева трудно безоговорочно отнести к «агитационно-пропагандистской литературе» 20-х годов: это ведь документ внутренней истории общества, носящий более всего программно-тактический характер.

Надо заметить, что техника литографирования тех лет, требовавшая предварительного рукописного изготовления исходного текста (недаром М. Лунин жаловался, что литографический станок не облегчил его работы — ВД, т. III, стр. 121), при всех условиях сохраняла за литографированным оттиском общий облик рукописи, с которой оттиск и снимался. Поэтому самый факт литографирования текста никак не мог придать ему сам по себе облика книги или брошюры. И «книгой» и «брошюрой» литографированный текст мог стать лишь на последующем этапе технической обработки — через переплетение или (особенно в случае небольшой тетради) такого сшивания и обреза, которые придавали ему вид «брошюры». Отсюда ясно, что данный текст воспоминаний Вл. Раевского никак нельзя привести в качестве свидетельства (да еще «четкого»!), что «Воззвание к сынам Севера» было «произведение, хотя нелегальное, но печатное...». Таких данных мемуарная запись Вл. Раевского не содержит (Сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 453).

[27] Приказы Орлова хранятся в делах Аудиториатского департамента (ЦГВИАЛ). Новую их публикацию см. в «Литературном наследстве», т. 60. ЦГВИАЛ, ф. Аудиториатского деп-та, д. 42, т. III, л. 87. В настоящее время Ленинградским отделением Исторического Архива подготовлен специальный том документальных материалов о Вл. Раевском.

[28] У В. Базанова рассказана лишь вторая половина событий в Камчатском полку, без истории их возникновения. В. Г. Базанов. Вольное об-во любителей российской словесности, стр. 70—71.

[29] ЦГИА, III отд. I эксп., 1826 г., д. 61 (Непенина), ч. 187; Ленингр. ЦГВИА, ф. Аудиториатского деп-та, д. 42, Вл. Раевского, т. III. Показание о штабс-капитане Цыхе дано Вл. Раевским. Ср. В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 21.

[30] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 39 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*). Ср. дело Непенина, цит. выше.

[31] ЦГИА, ф. 48, д. 400 (Давыдова), лл. 46 об., 57 об.

[32] «Русская старина», 1883, XI, стр. 657—658; В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 34.

[33] В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 44. В. Базанов указывает, что цитированные «ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам» находятся в «деле о Раевском» (Ин-т литературы АН СССР, Ленинград). Ср. Заметки Влад. Фед. Раевского, написанные им в Сибири в 1844 г. о заключении его в крепость, следствии и суде над ним и его братом в 1822—1827 гг. по подозрениям в участии их в политическом заговоре. Сообщ. Ив. Е. Якушкин.— «Русская старина», 1873, III, стр. 376—379; П. Е. Щеголев. Первый декабрист Вл. Раевский.— Сб. «Декабристы», стр. 30. Ср. В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, 1949, стр. 45.

[34] П. Долгоруков. 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья. Кишинев, 1822 г., рукопись, л. 12 (Пушкинский музей, ф. кн. П. Долгорукова). Опубликовано в «Звеньях», т. IX, 1951.

[35] ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова); л. 18—18 об., ср. лл. 20—24.

[36] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 45, 46.

[37] В. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 126.

[38] ЦГИА, ф. 48, д. 399 (Волконского); д. 400 (Давыдова), лл. 45, 48 об.: ВД, т. VIII, стр. 57.

[39] «Красный архив», т. 16, стр. 187. Ср. Письмо А. С. Пушкина к брату Л. С. Пушкину из Кишинева от 21 июля 1822 г.— А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. XIII. изд. АН СССР.

[40] Н. И. Лорер. Записки декабриста, стр. 62.

[41] Переписка Никиты Муравьева с матерью — письма от 27 октября, 3 и 6 ноября 1821 г. и от 3 января и 27 марта 1822 г. (ЦГИА, ф. Муравьевых, д. 68/6, лл. 79, 52).

[42] ВД, т. III, стр. 122; ЦГИА, ф. 48, д. 402, лл. 31 об.; 66 об.— 68 об., ср. ВД, т. III, стр. 122. Из всего этого ясно, что А. Поджио принят в общество на маневрах в 1821 г.; 1823 год, указанный в его деле, а оттуда попавший в «Алфавит» декабристов как год принятия А. Поджио в члены Южного общества, верен, но это именно дата принятия его в Южное общество. В Северное же он был принят в 1821 г. В приведенных тут словах Лунина речь идет, несомненно, об Александре Викторовиче Поджио, в то время офицере Преображенского полка. Его брат Иосиф с 1818 г. уже был в отставке.

[43] ЦГИА, ф. 48, д. 402 (А. Поджио), л. 55—55 об.

[44] ВД, т. III, стр. 122; т. IV, стр. 102.

[45] Там же, т. I, стр. 304. О приглашении Никиты Муравьева Сергеем Муравьевым-Апостолом «на контракты» 1822 г.— см. письмо Н. Муравьева к матери (Е. Ф. Муравьевой) от 25 ноября 1821 г. из Минска (ЦГИА, д. 68/6, л. 25 об.).

[46] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 56. Ср. «Записки» С. Г. Волконского, стр. 417—421.

[47] В записках декабриста Н. И. Лорера, мною комментированных, имя офицера помечено инициалами «А. Ш.». Ранее я предполагала, что речь идет о князе Щербатове, которого, действительно, привезли для следствия в Витебск. Но теперь я предполагаю более вероятным имя подполковника Кашкарова, поскольку в тексте Лорера говорится именно о командире головной «государевой» роты Семеновского полка. Конечно, существо события — устройство товарищеского обеда арестованному семеновцу — при этом не меняется. Сообщение Лорера точно соответствует истине, так как в деле о волнениях Семеновского полка сохранился ряд документов, подтверждающих факт привоза офицеров, арестованных по делу Семеновского полка, в лагерь царского смотра — Бешенковичи. Исходный приказ об аресте и отправлении подполковника Кашкарова 1-го (переведенного из Семеновского в Бородинский пехотный полк) с фельдъегерем Федоровым для следствия датирован в деле 8 июня 1821 г и подписан начальником Главного штаба П. Волконским. Генерал-адъютант Орлов сообщил Закревскому о прибытии арестованного Кашкарова в Бешенковичи 11 сентября 1821 г. Очевидно, за день — за два до этой даты и был устроен арестанту товарищеский обед у Лорера (Н. И. Лорер. Записки декабриста, стр. 63—65. Ср. «Семеновское дело».— «Декабристы», сборник материалов, изд-во «Прибой», Л., 1926, стр. 117, 145 и сл.).

[48] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 258—259; Н. Поливанов. В. С. Норов.— «Русский архив», 1900, № 2, стр. 273.

[49] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 64.

К главе X

[1] Наиболее подробным и ценным исследованием Конституции Никиты Муравьева является монография Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», М., 1933 (стр. 149—245). К ней приложены точно проверенные тексты редакций конституционного проекта Никиты Муравьева (там же, стр. 303—366).

[2] А. А. Корнилов. Курс истории России XIX в., ч. I. М., 1918, стр. 238—255; В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, гл. VI, стр. 453, 454, 460—464, 466 и др.; Н. А. Рожков. Декабристы.— «Русское прошлое». Исторические сборники под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Юлия Гессена, 1923, стр. 26—27; он же. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. X. 1928, стр. 142.

[3] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 179.

[4] Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах Трубецкого) — см. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, прилож. III; Конституция Н. Муравьева (хранившаяся в бумагах И. И. Пущина), там же, ср. стр. 309—320 и 328—339.

[5] ВД, т. I, стр. 302.

[6] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 205.

[7] Конституция Никиты Муравьева здесь и далее цитируется по наиболее точно изданным текстам, приложенным к работе Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», стр. 303—366. Цитаты передаются без сохранения орфографии подлинника.

[7] Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 369—370.

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 248.

[9] ВД, т. I, стр. 230, 299, 308, 323; ЦГИА, ф. 48, д. 371 (Нарышкина), лл. 31—31 об, 42 об.

[10] ВД, т. I, стр. 302. Мы остановились так подробно на дате посылки Никитой Муравьевым своей Конституции Пестелю, потому что имеющаяся в литературе дата — начало 1823 г., на наш взгляд, никак не может быть обоснована (ср. Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 133—134). Никита Муравьев отчетливо свидетельствует: «Мне известна только весьма сокращенная [конституция Пестеля], писанная им на французском языке еще в 20 году. Я доставил ему то, что было написано моей в 1822 году» (ВД, т. I, стр. 302). Заметим, что внесенная в издание «Восстание декабристов» эмендация «очевидно, мной» вместо «моей» не может быть принята. Никита Муравьев применил тут галлицизм (примерно: ce que j'avais de la mienne) и читать это место надо так: «Я доставил ему то, что было написано моей [конституции]». Что касается датировки его поездки Волконским, то ее ошибочность очевидна из контекста его же дела. Он показывает: «Первое мое совещание по делам общества в Петербурге было в конце 1822 года и начале 1823 года. Я и Василий Давыдов (по бесполезной поездке Барятинского, более отдаливщей между собою, нежели устроив связь между обществами или начальников оных) были прошены именем управы сперва ехать в Москву, чтоб там сделать розыски и открытия полагаемого общества и потом в Петербург...» (ЦГИА, ф. 48 д. д. 399, л. 44 об.). Отсюда ясно, что поездка, о которой говорит Волконский, была после неудачной, по его мнению, поездки Барятинского. Последняя бесспорно датируется маем-июнем 1823 г., следовательно, та поездка, о которой пишет Волконский (а он многократно ездил в Петербург), была, очевидно, после лета 1823 г. Сопоставление этих дат с делом Давыдова дополнительно уясняет ошибку памяти Волконского: он пишет о поездке 1823—1824 гг. и правильно излагает ее события, но датирует их, передвигая на год вперед. (Ср. дело Давыдова — ЦГИА, ф. 48. д. 400, лл. 70—72 об., 81 об.).

[11] ВД, т. IV, стр. 86.

[12] Там же, стр. 86, 113—114.

[13] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 137. Ср. Оправдательную Записку Николая Тургенева в «Красном архиве», т. XIII, стр. 109, 125—126.

[14] ВД, т. I, стр. 113, 115, 116, 119. В данном случае я цитирую по делу Трубецкого, а не по тексту, приложенному к монографии Дружинина, так как в издании Центрархива отчетливее видно, к каким именно частям текста конституции относятся примечания.

[15] ВД, т. I, стр. 299, 323.

[16] Вопрос о Северном обществе и, в частности, о его кризисе в 1822 — начале 1823 г. подробно разобран в монографии К. Д. Аксенова «Северное общество декабристов», Л., 1951; ВД, т. I, стр. 34—35, 230, 303; т. II, стр. 210 (Пущин).

[17] Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М., 1926, стр. 116, 171.

[18] ВД, т. IV, стр. 109.

[19] Там же, стр. 275, 349; ЦГИА, ф. 48, д. 399 (Волконского); ВД, т. IV, стр. 158, 275, 349; ср. ЦГИА, ф. 48, 398 (Юшневского), л. 53 и др. Напоминаем, что, по свидетельству Пестеля, название «Русской Правды» будет дано его преобразовательному плану лишь в следующем (1824) году, но, поскольку сами декабристы, как видно из приведенных выше формулировок Сергея Муравьева-Апостола, применяли указанное название, для более раннего времени, последуем их примеру.

[20] ВД, т. IV, стр. 178.

[21] Там же, т. IX, стр. 110—111.

[22] ЦГИА, ф. 48, д. 400 (Давыдова), л. 77 об.

[23] ВД, т. IV, стр. 349.

[24] Там же, стр. 278, 349.

[25] Там же, стр. 179, 180 (ср. стр. 135—136), 134—137, 143, 160, 176—177, 180, 182, 209, 211, 220, 226, 275, 439; ЦГИА, ф. 48, д. 401 (А. Поджио), л. 33.

[26] ВД, т. IV, стр. 179—180.

[27] Там же, стр. 278; т. X, стр. 154.

[28] Там же, т. IV, стр. 278.

[29] Там же, стр. 164.

[30] Там же, стр. 109.

[31] Там же, стр. 109, 257, 350; т. IX, стр. 201, 242; ЦГИА, ф. 48, д. 397, лл. 86—88 и др

[32] ВД, т. IV, стр. 178, 203; ЦГИА, ф. 48, д. 422 (Бобрищева-Пушкина 1-го), л. 29

[33] ЦГИА, ф. 48, д. 419 (Ивашева), лл. 33—35.

[34] ВД, т. IV, стр. 86, 113—114, 157—158, 162; т. I, стр. 302, 323.

[35] ЦГИА, ф. 48, д. 401 (Барятинского), л. 28 об.; д. 400 (Давыдова), л. 84 об. Повидимому, именно это изложение имелось в виду на следствии как изложение, специально сделанное для графа Полиньяка,— Давыдов доказал в своих показаниях неправильность этих предположений.

[36] ВД, т. IV, стр. 92.

[37] Там же, т. X, стр. 75.

[38] Там же, т. XI, стр. 168.

[39] Там же, т. IV, стр. 163, 275, ср. 349; т. IX, стр. 226. В недавнее время предложена новая датировка редакций «Русской Правды». Б. Е. Сыроечковский, не приводя, впрочем, никаких доказательств, полагает, что ранняя (первая или «начальная») редакция «Русской Правды» возникла лишь в 1824 г. («В Петербурге в 1824 г., как известно, Пестель начал писать «Русскую Правду». Он написал начерно введение и 5 глав. Первые главы этой начальной редакции «Русской Правды»... были Пестелем уничтожены в ноябре 1825 г., так как к тому времени они были уже заменены текстом, написанным набело.») (Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в планах декабристов. Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, стр. 248). Считая первую редакцию «Русской Правды» черновиком, а вторую — беловиком, Б. Е. Сыроечковский, следовательно, не обинуясь, полагает, что «Русская Правда», если условно считать ее состоящей только из первой и второй редакций («черновик» и «беловик», по терминологии Б. Е. Сыроечковского), сразу написана в период марта — ноября 1824 г., в течение менее девяти месяцев (поскольку в Петербург Пестель приехал в марте 1824 г.). Такой вывод неизбежен, поскольку Пестель со всей ясностью засвидетельствовал, что в 1825 г. он «Русскую Правду» уже не писал и лишь вносил в нее отдельные поправки («но работа уже не шла, и я ничего не писал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял» — ВД, т. IV, стр. 92). В этот менее чем девятимесячный срок пришлось бы уложить всю глубокую и содержательную эволюцию «Русской Правды», от менее демократического решения коренных проблем (крестьянского вопроса, политического строя и др.) к гораздо более демократическим. Впрочем, вся эта сложная эволюция должна была бы вместиться в какой-то еще менее протяженный, чем девять месяцев, период между моментом окончания «черновика», во время написания которого Пестель, очевидно, занимал менее демократические позиции, и началом перебеления «беловика», когда он вдруг внезапно перешел на позиции более демократические. Б. Е. Сыроечковский, в явном противоречии с только что приведенным ясным свидетельством П. И. Пестеля, предлагает версию о «переработке беловика», что должно вести к предположению о создании Пестелем какой-то третьей редакции именно в том 1825 г., о котором Пестель ясно сказал, что он на протяжении этого года «ничего не написал» и только ранее написанное кое-где переправлял. Б. Е. Сыроечковский пишет, что «переработка беловой редакции (?)» произведена Пестелем «в период между январем и июлем 1825 г.» (там же, стр. 252, вторично — на стр. 261), ничем не мотивируя ни января, ни июля. Выражение «переработка беловой редакции» едва ли удачно: если бы после создания беловой редакции Пестель еще раз переработал ее, то возникла бы третья редакция «Русской Правды» [1) черновая, или начальная, 2) беловая, 3) переработка беловой], о которой мы ничего не знаем. Но, оставляя в стороне эту спорную формулировку, мы все же не находим у Б. Е. Сыроечковского ни единого доказательства его датировок,— столь ответственные утверждения остаются полностью голословными.

На наш взгляд, в творческой истории «Русской Правды» возникновение рукописи не совпадает по времени с возникновением редакции,— это создает особые трудности изучения документа.

Заметим, что «беловик» и «черновик» — в данном случае явно неподходящие термины. Черновик в конечном счете, после произведенных в нем поправок должен в основном совпасть с «беловиком»; «беловик» ведь по своему содержанию — это конечный результат черновой работы, воспроизведенной в чистом виде, и только. Нечего и говорить, что такая связь решительно отсутствует между первой и второй редакциями «Русской Правды»: они отличаются между собой рядом принципиальных установок, самим характером решения многих вопросов, что, конечно, не оспаривает и Б. Е. Сыроечковский (там же, стр. 261). Сверх всего прочего, предложенная Б. Е. Сыроечковским датировка создает в общей цепи рукописного наследия Пестеля зияющий и неоправданный разрыв между 1820 и 1824 гг.,— если принять ее, окажется, что Пестель, столь тщательно и часто оформлявший свои социально-политические взгляды до 1820 г., почему-то прервал эту работу на самое горячее время, когда она требовалась от него наиболее настоятельно, и, оказывается, ничего не писал, ограничиваясь лишь устными рассуждениями, ни в момент основания Южного общества (март 1821 г.), ни во время работы над первым докладом о программе и основах конституции на съезде в январе 1822 г., ни даже во время окончательного принятия основ его конституционного проекта на съезде в январе 1823 г. Подобный разрыв явно неправдоподобен и ничем не обоснован.

[40] ЦГИА, ф. 48, д. 408, лл. 19—20 (так называемая «Записная книжка Пестеля»; фактически она принадлежала Крюкову 2-му).

[41] ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 249 об. Все последующие цитаты ранней редакции «Русской Правды» взяты из этого дела. При цитировании подлинного текста «Русской Правды» я даю в дальнейшем лишь основное чтение без указания на зачеркнутые места и весь аппарат, который будет опубликован в VII т. издания «Восстания декабристов». Некоторые особенности транскрипции Пестеля (например, манера писать с заглавной буквы имена существительные) в следующих далее цитатах не передаются, как в данном случае затрудняющие чтение. Я пользуюсь редактируемым мною текстом т. VII «Восстания декабристов» — «Русской Правдой», над подготовкой к печати которой много потрудились крупнейшие знатоки этого памятника, ныне покойные А. А. Покровский и С. Н. Чернов. Советская наука обязана этим исследователям как прочтением чрезвычайно сложного текста этого памятника, так и ценнейшими соображениями о его составе, последовательности и характере редакций.

[42] ЦГИА, ф. 48, д. 10, лл. 249 об.— 250.

[43] Там же, л. 251 об.

[44] Там же, лл. 141 об.— 142.

[45] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, гл. VII, стр. 515, 516, 522, 523, 533—538, 545—549.

[46] ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 250 об. Нельзя принять предположения некоторых исследователей о том, что Пестель имеет тут в виду иное разделение существующих земель на две части — на землю общинную и собственную, принадлежащую крестьянам (это предположение, будь оно принято, исключило бы из концепции Пестеля все помещичье крепостное крестьянство, которое было в юридическом отношении бесправно и земельной собственности иметь не могло, в сравнительно редких случаях приобретая ее на имя помещика). Деление земли на общинную и собственную крестьянскую ни в малой мере не приближалось к делению всей пахотной земли пополам: часть общинная, формально принадлежавшая барину, была гораздо большей, а доля «собственной» крестьянской земли при крепостном праве — совершенно ничтожной. Поэтому ничего близкого к двум половинам земли в этом делении нет. Деление же земли на барскую и крестьянскую запашки во времена Пестеля и в конце XVIII в. более или менее приблизилось к половине земли.

[47] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

[48] ЦГИА, ф. 48, д. 10, лл. 240, 259—259 об.

[49] Там же, л. 252 об.

[50] И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 41, ср. 38.

[51] В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 526; М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX и XX веков. М. 1924, стр. 19—24.

[52] ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 143.

[53] Там же, лл. 236, 247—247 об.

[54] Там же, л. 243.

[55] Там же, лл. 231, 241, 242.

[56] ВД, т. IV, стр. 276—277.

[57] П. И. Пестель. Конституция Государственный Завет.— «Красный архив», т. XIII, стр. 283.

[58] ЦГИА, ф. 48, д. 10, лл. 257 об., 258 об.

[59] Там же, л. 232—232 об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Написание ряда фамилий расходится с общепринятой транскрипцией в тех случаях, когда основанием для этого является собственноручная подпись данного лица, сохранившаяся в архиве. Так, в тексте монографии приняты начертания: Вольховский (вместо общепринятого Вальховский), Громнитский (вместо Громницкий), Бурцов (вместо нередко встречающегося в литературе Бурцев) и т. д., поскольку таковы личные подписи декабристов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректор *Е. И Чукина*

*

РИСО АН СССР №14—70В. Сдано в набор 3/VIII 1955 г.
Подп. к печ. 7/X 1955 г. Формат бум. 70×108 1/16.
Печ. л. 30,25=41,44. Уч.-изд. л. 43,5. Тираж 10 000.
Т-05975. Изд. № 617. Тип. зак. 1666.
Цена 23 р.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я тип. Издательства Академии наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10